А. Ф. КЕРЕНСКИЙ
МЕМУАРЫ

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

РОССИЯ
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

МЕМУАРЫ

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

РОССИЯ
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

МЕМУАРЫ

Москва
Издательство
"Республика"
1993

ББК 63. 3(2)
К36

A. F. KERENSKY

THE KERENSKY MEMOIRES
RUSSIA AND HISTORY TURNING POINT

Cassell. London. 1966.

Перевод с английского *Г. Шахова*
Научный консультант *Р. Кантор*

Выпускается в серии книг журнала "Вопросы истории".

Керенский А. Ф.
К36 Россия на историческом повороте: Мемуары: Пер. с англ. — М.: Республика, 1993. — 384 с.
ISBN 5—250—01571—9

В мемуарах бывшего премьер-министра Временного правительства А. Ф. Керенского рассказывается о событиях, происходивших в России с конца XIX века по 1919 год. Конечно, они субъективны, автор как бы стремится оправдать себя перед историей, но и его виденье событий, несомненно, представит значительный интерес для читателей.

К $\frac{0503020300 — 033}{079(02) — 93}$ 104—92 **ББК 63.3(2)**

ISBN 5—250—01571—9

Глава 1

ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Симбирск расположен в среднем течении Волги и был главным городом во всех отношениях наиболее отсталой губернии России в правление Александра III. По ее территории не проходила ни одна железная дорога. В период навигации по Волге курсировали пароходы, но в бесконечно долгий зимний сезон связь с внешним миром осуществлялась только на лошадях по замерзшим просторам Волги. Город был построен в 1648 году на одном из холмов высокого берега реки. На самом верху холма разместились кафедральный собор, губернаторский дворец, гимназия, женский монастырь и публичная библиотека. По его склону до самого берега шли великолепные яблоневые и вишневые сады. Весной деревья покрывались благоухающими белыми цветами, по ночам сады оглушались соловьиными трелями. Туда же, к берегу Волги, спускался уступами парк с тремя аллеями, а через реку открывалась величественная панорама бескрайних луговых просторов. Каждый год, когда начинал таять снег, река выходила из берегов и затопляла левобережные низины, разливаясь словно бескрайнее море. А в разгар лета над лугами неслись песни крестьян, косивших траву и складывавших ее в высокие стога, а также веселый шум пикников горожан. Вокруг всего города по крутым берегам Волги раскинулись дворянские поместья.

В политической жизни города как в миниатюре отражались настроения и эмоции, сотрясавшие страну. Ибо хотя Симбирск был главным образом городом консервативных земледельцев, враждебно настроенных к либеральным реформам Александра II, определенную роль в его жизни играла и немногочисленная элита, состоявшая из учителей, врачей, судей и адвокатов, которые горячо поддерживали эти реформы и ратовали за осуществление в повседневной жизни города новых, либеральных идей. На нижней ступени социальной иерархической лестницы стояла третья группа — радикалы, или "нигилисты", как называла молодых революционеров-смутьянов консервативная верхушка.

Симбирск напомнил о себе Санкт-Петербургу весьма неприятным образом, когда был раскрыт заговор с целью убийства Александра III. Осуществить заговор предполагалось 1 марта 1887 года, и одним из заговорщиков был сын директора симбирского департамента народных училищ и брат Владимира Ульянова (Ленина). Вот каким образом судьба нашего захолустного городка, до которого не дошла еще железная дорога и куда нерегулярно поступала почта, переплелась с судьбой могущественной империи*.

---

*По иронии судьбы три человека, жизнь которых тесно сплелась в критические годы истории России, — всеми ненавидимый последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, Владимир Ленин и я были уроженцами Симбирска.

И хотя Александр Ульянов был связан с моей жизнью лишь косвенно, в детском воображении он оставил неизгладимый след не как личность, а как некая зловещая угроза. При одном упоминании его имени в моем сознании сразу же возникала картина мчащаяся по ночному городу таинственной кареты с опущенными зелеными шторками, которая по мановению могущественной руки отца Сони увозит людей в неизвестность. Соня — маленькая девочка, которую иногда приводили к нам на танцевальные занятия, а отец ее занимал пост главы жандармского управления Симбирской губернии. Раскрытие в Санкт-Петербурге тайного заговора и арест сына видного симбирского чиновника послужили основанием для арестов в городе, которые, как правило, проводились по ночам. Тревожные разговоры взрослых об этих ужасных событиях проникли в нашу детскую, а тесные отношения нашей семьи с семьей Ульяновых привели к тому, что мы скоро узнали о казни их высокоодаренного сына. Таким было мое первое соприкосновение с революционным движением.

Я родился 22 апреля 1881 года. Отец мой, Федор Михайлович Керенский, занимал в то время пост директора мужской гимназии и средней школы для девочек. Карьера его сложилась отнюдь не ординарно. Он родился в 1842 году в семье бедного приходского священника Керенского* уезда Пензенской губернии. В те дни духовенство было самостоятельным сословием, отличавшимся своими вековыми традициями и обычаями. Дети священнослужителей даже посещали особые школы. Именно такую школу окончил мой отец, поступив затем в Пензенскую духовную семинарию. После революции 1848 года в Западной Европе доступ в университеты в России был закрыт для всех, кроме дворян, однако в правление Александра II эта социальная дискриминация была упразднена, и поэтому со временем отец смог осуществить свою заветную мечту о поступлении в университет. А до этого нужда заставила его стать учителем в приходской школе, но когда в результате изнурительного труда он сумел накопить достаточно денег, то поступил в Казанский университет, считавшийся одним из лучших в России. Подобно многим из своих собратьев, которым предстояло посвятить себя церкви, он не чувствовал подлинного призвания к этому поприщу и вместо того, чтобы пойти по стопам отца, всем сердцем отдался изучению истории и классической филологии. Его замечательный педагогический талант был по достоинству оценен и вознагражден. В возрасте 30 лет он получил назначение на пост инспектора средней школы, а в 37 лет стал директором школы в Вятке. Двумя годами позже он возглавил мужскую гимназию и среднюю школу для девочек в Симбирске.

Родители мои познакомились в Казани, где отец занялся преподавательской деятельностью сразу же по окончании университета. Моя мать была одной из его учениц. Она была дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа, а по материнской линии — внучкой крепостного крестьянина, который, выкупившись на свободу, сделался в Москве процветающим купцом. От него мать унаследовала значительное состояние.

Ранние годы предстают в моем сознании в виде идиллических картинок домашней жизни. Длинный коридор делил наш дом на двое — на мир взрослых и мир детей. Воспитанием двух старших сестер, которые

---

*Наша фамилия, как и название соответствующего города, происходит от имени реки Керенки. Ударение делается на первом слоге (Ке́ренский), а не на втором, как это часто делают у нас, в России, и за границей.

посещали среднюю школу, занималась гувернантка-француженка. Младшие же дети были отданы на попечение няни, Екатерины Сергеевны Сучковой. В детстве она была крепостной и не научилась грамоте. Обязанности ее были такими же, как и у всякой няни: она будила нас утром, одевала, кормила, водила на прогулку, играла с нами. По вечерам, готовя нас ко сну, она с особым тщанием проверяла, расстегнуты ли воротнички наших длинных ночных рубашонок, чтобы легче было, как она говорила, "выпустить злых духов". Перед сном она рассказывала нам какую-нибудь сказку, а когда мы подросли, вспоминала порой дни своего крепостного детства. Она и жила с нами в нашей просторной детской. Ее угол был любовно украшен иконами, и поздними вечерами слабый свет лампадки, которую она всегда зажигала, отражался на аскетических ликах особенно почитаемых ею святых. Зимою она ложилась спать вместе с нами, и тогда сквозь смежающиеся веки я видел, как она истово молилась, преклонив колена перед иконами. В ней не было ничего особо примечательного: ни острого ума, ни глубокой мудрости. И все же для нас, детей, она была абсолютно всем.

В наших повседневных детских занятиях и играх мать была значительно ближе к нам, чем отец. Отец никогда не вмешивался в жизнь нашей детской. В сознании нашем он стоял где-то в стороне, как высшее существо, к которому няня и мать обращались лишь в минуту крайней необходимости. Обычно стоило произнести всего одну угрозу: "Вот подожди, отец проучит тебя!" — и все становилось на свои места, хотя отец никогда не прибегал к физическим наказаниям и ограничивался лишь разговором, стараясь растолковать нам суть дурного поступка. Мама любила посидеть с нами за утренним завтраком, когда мы пили молоко. Она интересовалась всеми нашими делами и при необходимости мягко журила за тот или иной проступок. Вечерами она заходила в детскую, чтобы перед сном перекрестить нас, поцеловать и пожелать доброй ночи. С раннего детства мы всегда молились по утрам и перед сном.

После утренней прогулки с няней мама часто звала нас в свою комнату. Повторять приглашение дважды никогда не требовалось. Мы знали, что мать будет читать нам или рассказывать разные истории, а мы будем слушать, уютно примостившись у ее колен. Она читала не только сказки, но и стихи, сказания о русских героях, а также книги по русской истории. Эти утренние чтения приучили нас не только слушать, но и самим читать. Не помню, когда мать начала читать нам Евангелие. Да и чтение эти не носили характера религиозного воспитания, поскольку мать никогда не стремилась вбивать в наши головы религиозные догмы. Она просто читала и рассказывала нам о жизни и заповедях Иисуса Христа.

Практическую же сторону христианства мы узнали от няни. Никогда не забуду, например, одного из чудесных весенних дней, когда мы вышли на обычную утреннюю прогулку. После долгой, суровой зимы по Волге пошли первые пароходы. В тот день по улицам города из местной тюрьмы к речному причалу вели партию заключенных, приговоренных к ссылке в Сибирь. Вслед за скорбной колонной, окруженной конвоем из солдат, двигался фургон, набитый женщинами и детьми. Когда мы с братом увидели наполовину сбритые головы осужденных, услышали звон их кандалов, мы в ужасе бросились бежать. "Вы куда? Неужто вы и в самом деле боитесь, что они обидят вас? — закричала нам вслед няня. — Лучше пожалейте этих несчастных. Нам ли судить и осуждать? Ради Христа, будем добры к ним". И, повернувшись ко мне, добавила: "Ну-ка, Саша, вот я сейчас куплю калач, а ты пойди к солдату, тому, что

впереди, и попроси, чтоб разрешил отдать калач несчастным. И радость придет не только к ним, но и к тебе". Такой практический урок христианства преподала нам няня на примере современной жизни. А когда мы с братом Федей затевали драку, она стыдила нас обоих, приговаривая: "Ах вы, маленькие злыдни! Христос повелевает нам прощать друг друга, так-то вы выполняете его завет!"

С чувством глубокого удовлетворения возвращаюсь я мыслями к детству, проведенному в России, в стране, где повседневную жизнь питают религиозные верования, укоренившиеся в народе за тысячелетие существования Христианства.

Мы с братом Федей очень любили религиозные праздники. С нетерпением ждали мы дня Благовещения, когда во имя духовного родства всего сущего на земле в дом приносили клетки с птицами, которых затем выпускали на волю. Ибо, согласно старинной русской поговорке, "в этот святой день даже птицы отдыхают от трудов и не вьют гнезда себе". На Великий пост торжественная тишина опускалась на город, сменив безудержное веселье только что закончившейся масленицы. В семь лет нам впервые разрешили присутствовать на пасхальной всенощной, поразившей наше воображение. Но особенно запомнилась мне торжественная служба, когда совершалось святое причастие детей и нас с братом, одетых в белые курточки с красными галстучками под белыми стоячими воротничками, подвели к батюшке. Позади нас стояли рядами старшие ученики в аккуратных форменных синих костюмах с серебряными пуговицами, и среди них, должно быть, стоял и примерный ученик Владимир Ульянов. Не забыть мне и того мгновения, когда я, потрясенный, впервые увидел изображение распятого Христа, словно прозрачного в падающих на него лучах света, и при этом совсем живого. Мальчиком Владимир Ульянов тоже, наверно, смотрел на это распятие и, быть может, в душе посмеивался, сохраняя благочестивое выражение лица, — если, конечно, верить его собственному рассказу о том, как он в четырнадцать лет выбросил в мусорное ведро свой нательный крест. Что касается меня, то в моих чувствах никогда не было двойственности, в детстве я был глубоко религиозен. Я до сих пор помню старого протоиерея нашего кафедрального собора, который приходил по воскресеньям к нам на чай и давал мне читать популярные религиозные брошюрки с толкованием важнейших религиозных праздников. Религия была и навсегда осталась составной частью нашей жизни. Эти ранние впечатления, образ замечательного человека, пожертвовавшего своей жизнью ради блага других и проповедовавшего лишь одно — любовь, — стали источником моей юношеской веры, которая впоследствии воплотилась у меня в идею личного самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился и революционный пафос — и мой, и многих молобых людей того времени. Конечно, в религиозной вере была и другая сторона, официальная, казенную сущность которой выражал Священный синод — бездушный бюрократический институт. Своей борьбой с инакомыслием, своим бездушным отношением к нуждам людей он лишь укреплял позиции атеизма. Но в детские годы мы ничего не знали об этой стороне церкви.

Когда мне исполнилось шесть лет, моему безмятежному детству пришел неожиданный конец. Вдруг все — родители, няня, старшие сестры, друзья дома — стали проявлять ко мне особую заботливость и нежность. Я почувствовал эту перемену, но не знал причины. И был весьма озадачен, когда на меня буквально обрушился град подарков. При этом меня осаждали просьбами не волноваться и не утомляться. Время от времени приходил доктор, который осматривал мое бедро и голень. А как-то вечером в детскую зашла мама, тихо присела на мою

кровать и объявила, что скоро мы отправимся на тройке с колокольчиками в город Казань. Я был в восторге. Зимой добраться до Казани можно было только по льду Волги. Мы отправились в путь в закрытом возке, куда для согрева поставили жаровню. По приезде в Казань мать привела меня после нескольких дней отдыха на прием к известному специалисту по костным заболеваниям, профессору Студенскому. Тщательно осмотрев меня, он поставил диагноз: туберкулез бедренной кости. Когда профессор пришел к нам на следующий день, его сопровождал молодой человек приятной наружности. Они вновь осмотрели мою правую ногу, и молодой человек со сноровкой заправского сапожника снял какие-то мерки. Назавтра молодой человек пришел снова. Он втиснул мою правую ногу в похожую на сапог металлическую штуковину выше колена так, что я не мог согнуть ногу. Я завопил благим матом, молодой же человек промолвил: "Прекрасно". А мама сказала: "Ведь не хочешь же ты до конца жизни остаться хромоногим, правда?" И заметив в моих глазах испуг, добавила: "Ну, вижу, что не хочешь. А потому веди себя разумно, когда мы вернемся домой, придется тебе полежать немного в кровати. И вот увидишь: скоро будешь бегать и играть сколько захочешь". Ее серьезный голос звучал успокаивающе. Через два дня мы отправились обратно в Симбирск. Вернулись домой как раз накануне Рождества, и я до сих пор помню, как меня вывезли к елке на специально сделанной кровати. Я пролежал в постели шесть месяцев и сидеть после этого мне разрешили лишь не снимая тяжелого кованого сапога с привязанным к каблуку дополнительным грузом.

Я всегда был живым подвижным ребенком, а потому лежать в кровати было для меня сущим наказанием. Много лет спустя сестра рассказывала, что за время болезни я стал просто несносен. "Впрочем, — добавила она, — вспышки раздражения быстро проходили. Тебя, а заодно и всех нас от твоих выходок спасало чтение". Я всегда любил книжки, но отнюдь не желал читать их сам. Но однажды во время болезни, устав от бесконечного лежания и хандры, я взял со столика какую-то книгу. И это положило конец скуке и тоске. Не помню сейчас ни названия, ни автора книги, но именно с этого мгновения чтение стало основной привычкой всей моей жизни. Я позабыл обо всем на свете, не замечал тяжести отвратительного кованого сапога. Я проглатывал книги и журналы, исторические романы, описания путешествий, научные брошюры, рассказы об американских индейцах и жития святых. Я познал обаяние Пушкина, Лермонтова и Толстого, не мог оторваться от "Домби и сына" и проливал горючие слезы над "Хижиной дяди Тома".

Должно быть, к лету 1887 года болезнь отступила, ибо хорошо помню радость от прогулок в деревне, где мы проводили каникулы. Я полностью выздоровел и снова стал жизнерадостным и веселым мальчишкой. Но что-то все-таки изменилось. Видимо, я вырос из детских штанишек, и общения с братом Федей стало явно недостаточно. До сих пор все мои чувства и ощущения сливались в одну гармоническую, но весьма зыбкую субстанцию, названия которой я не знал. Теперь же я знал, что имя ей было — Россия. В глубине души я чувствовал, что все окружающее меня, все, что происходило со мной, изначально было связано с Россией: красота Волги, вечерний звон, архиерей, торжественно восседающий в карете, запряженной четверкой лошадей, каторжники в кандалах, хорошенькие маленькие девочки, с которыми я ходил в танцклассы, оборванные босоногие деревенские ребятишки, с которыми играл летом, мои родители, детская, няня, герои русского эпоса, Петр Великий. Я стал размышлять, задавать вопросы, стремясь понять сущность того, что ранее считал очевидным.

А в остальном жизнь протекала по прежним канонам. И только детские праздники и шумные рождественские торжества нарушали спокойный ход будней. Я открыл для себя красоту музыки и часами слушал, как мать, аккомпанируя себе на рояле, пела глубоким контральто. Иногда она устраивала музыкальные вечера, и я подкрадывался к закрытым дверям и слушал, хотя считалось, что я давно сплю. Наутро я пробирался в гостиную, хватал разбросанные по роялю ноты, пытаясь разобрать их и спеть прелестные песни, которые слышал накануне. Иногда нас брали на прогулку в парк, спускавшийся из центра города к берегу Волги. На полпути к реке стояла скромная церквушка, к которой приткнулось маленькое чистенькое кладбище. Вокруг церкви раскинулся пышный сад. Священник этой церкви был старшим братом моего отца. Нас водили к нему ранней весной, в пору цветения яблони и вишни, или осенью, по возвращении из деревни, когда варили чудесное яблочное и грушевое варенье. В скромном домике дяди, особую прелесть которому придавали герань, всевозможные кактусы и другие растения, нас бесконечно баловали, закармливая домашним вареньем и разными сладостями.

Мы всегда принимали нежную заботу тети как должное. И само собой разумеется, никто никогда не говорил нам о разнице в положении двух братьев. Но, сравнивая непритязательный прицерковный домик с нашим просторным домом, мы, дети, чувствовали эту разницу и делали свои собственные выводы.

В начале 1889 года мы узнали о том, что нам предстоит навсегда покинуть Симбирск и перебраться в далекий Ташкент — столицу Туркестана*. Мы отродясь не слышали о Ташкенте, и потому весть о переезде нас крайне взволновала. Нам сказали, что вначале мы поплывем вниз по Волге, затем пересядем на другой пароход и поплывем по Каспийскому морю, на другой стороне моря сядем в поезд, а напоследок поедем конным экипажем. Наступила весна, и начались лихорадочные сборы. В доме творилось невесть что, но нам, детям, эта суматоха доставляла огромную радость. Утром в день отъезда нас посетили самые близкие друзья, чтобы попрощаться и, как это водится на Руси, вместе посидеть и помолиться перед дорогой. Затем все поднялись, перекрестились, обнялись и отправились на речной причал. У всех стояли в глазах слезы, и мы, дети, взволнованные до глубины души, чувствовали, что происходит что-то необратимое. На причале нас поджидала большая толпа знакомых. Наконец прозвучал пронзительный гудок парохода, сказаны последние отчаянные слова прощания, подняты на борт сходни. Застучали по воде колеса, и люди на берегу закричали и замахали белыми носовыми платками. Еще один гудок — и Симбирск, где я провел счастливейшие годы своей жизни, начал постепенно удаляться, становясь частью далекого прошлого.

Я пишу эти строки и снова как наяву ощущаю очарование одного удивительного мгновения моей жизни в Симбирске. Произошло это однажды майским днем. Освободившаяся от ледяного плена Волга казалась безбрежной и, словно радуясь и резвясь, затопила луга на левом берегу. Симбирск, от вершины холма до берега, оделся, словно невеста, в бело-розовый наряд из лепестков цветущих вишен и яблонь. В лучах солнца сияла, трепетно дрожа, эта захватывающая душу красота. Издали доносилось журчание весенних ручьев, склоны холма оглаша-

* Отца перевели туда с назначением на пост инспектора учебных заведений.

лись пением и щебетанием птиц, жужжанием пчел, майских жуков и Бог знает какими еще звуками живых существ, восставших от зимней спячки. В тот памятный день сердце мое не лежало к играм, и я стремглав помчался посмотреть на реку. Потрясенный открывшейся красотой, я испытал ощущение какого-то ликующего восторга, которое почти достигло состояния духовного преображения. И вдруг, поддавшись безотчетному чувству страха, я опрометью бросился бежать. Этот момент стал для меня решающим в выборе духовного пути, которым я следовал потом всю оставшуюся жизнь.

У меня остались самые смутные воспоминания об Астрахани и о пароходе "Каспиец", на который мы пересели после плавания по Волге. Не помню сколько времени мы добирались до форта Александровска* на северо-восточном побережье Каспия, где пароход сделал краткую остановку. Однажды утром мы услышали: "Ну вот, дети, мы и приехали". Наскоро одевшись, мы выскочили на палубу. Там уже столпились все пассажиры, с нетерпением всматривавшиеся в берег той земли, которая была целью нашего путешествия. И наконец нашим взорам открылась полоса бурой бесплодной земли и смутные очертания далеких гор. Вдоль берега там и сям стояли маленькие домишки и огромные складские помещения. Пароход отдал якоря, и мы высадились в Узун-Ада, захудалом городке, единственном в то время порту вдоль всего транскаспийского пути. И если на море мы мучались от нещадного солнца, то здесь нам показалось, что мы попали в раскаленную, пышущую жаром печь, — и никаких надежд на лучшее. До самого горизонта простирались выжженные солнцем пески. Через пустыню от Узун-Ада до Самарканда шла, минуя несколько оазисов, железнодорожная одноколейка. (В те времена она считалась великим достижением военного и гражданского инженерного искусства.)

После перегрузки с парохода на поезд наших бесчисленных сундуков и корзин мы, дети, отправились в первое в нашей жизни путешествие по железной дороге. Из многочисленных впечатлений особенно запомнилось одно — переправа по деревянному мосту через Амударью (в древности Оксус). Река в этом месте отличалась особенно сильным течением, и длинный мост содрогался и раскачивался от мощных ударов стремительно катившихся вод. Поезд тащился со скоростью черепахи. Вдоль всего моста стояли баки с водой на случай возможного пожара, а рядом с поездом вышагивал часовой, бдительно следя за вылетавшими из паровоза искрами.

Железнодорожный путь обрывался, достигнув Самарканда. После тихой благодати родных волжских берегов затененные деревьями улицы, восточный город с его удивительными мозаиками XV века и древними мечетями были столь же необычны, сколь и зловещие пески безжизненной закаспийской пустыни. Проведя в Самарканде три дня, мы отправились конными экипажами в Ташкент. И еще через три дня подъехали к красивому дому, стоявшему на пересечении двух широких улиц. Здесь, в этом доме в Ташкенте, мне предстояло провести школьные годы с 1890 по 1899 и войти в новую социальную среду, совершенно непохожую на ту, что была характерна для европейской России.

В отличие от Симбирска, расположенного на холме, с которого открывался захватывающий дух вид на безбрежные просторы Волги, Ташкент стоял на плоской равнине; вдали призрачно белели покрытые снежными шапками вершины Памира. Улицы города являли причуд-

---

*Ныне город Шевченко, по имени знаменитого украинского поэта, который провел там годы ссылки.

ливое сочетание Европы и Азии. Как и Самарканд, Ташкент делился на два непохожих, но тесно связанных между собой города. Новый город, возникший после захвата Ташкента русскими войсками в 1865 году, представлял собой один огромный сад. Он был распланирован с большим размахом, и особую прелесть его широким улицам придавали тополя и акации. В буйной зелени деревьев и кустов прятались большие и маленькие дома. Старый город, построенный много веков назад, где проживало около ста тысяч мусульман, состоял сплошь из лабиринта узеньких улочек и проулков. Высокие глинобитные стены домов без единого окна скрывали от любопытного взора все, что происходило внутри. Сердцем старого города, средоточием его торговой и общественной жизни, был огромный крытый базар.

В свои девять мальчишеских лет я конечно же не мог разобраться в тонкостях политической и общественной жизни Ташкента, как и всего Туркестана. В отличие от Симбирска, в Туркестане не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказалась на его развитии и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, направленной на сохранение неграмотности в сельской местности, пагубных запретов детям "низшего сословия" посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций. Туркестан находился так далеко, что до него не дотягивались руки реакционных чиновников, стремившихся превратить империю с населявшими ее многочисленными народами в Московское царство.

Как я уже говорил, Ташкент был завоеван в 1865 году и превращен в столицу Туркестана. А в 1867 году первым генерал-губернатором недавно захваченной страны был назначен герой кавказских войн генерал К. Р. Кауфман. Выдающийся администратор, он вошел в историю Туркестана (умер генерал Кауфман в 1882 году) как преобразователь новых земель. В этой своей деятельности он руководствовался положениями Устава об управлении Туркестаном, разработанного Александром II. Устав этот делает честь наиболее просвещенным годам правления Александра II, когда в России проводились преобразования, соответствующие высоким идеалам свободы личности и равенства.

Центрально-Азиатская часть Российской империи простиралась от восточного берега Каспийского моря до границ с Персией, Китаем и Афганистаном. Достигнув своих естественных рубежей, Россия прекратила курс "Дранг нах Остен". Созидательная энергия русских людей была направлена теперь на культурное и экономическое развитие этих отдаленных районов, на приобщение их к цивилизации. С подозрением наблюдала за продвижением России в глубь Азии Англия. Исторические традиции ломаются нелегко; прошло много лет после того, как Россия захватила свою часть Центральной Азии, а Великобритания по-прежнему видела в ней враждебного соперника. Да и русские не очень-то были склонны проявлять доверие к Англии. Продвижение в 80-х годах русских войск к Кушке, на границе с Афганистаном, чуть не привело к англо-русской войне. Я помню с тех школьных лет, какую тревогу в военных кругах Ташкента вызывал лорд Керзон, тревогу, которая рассеялась лишь тогда, когда англо-русская комиссия окончательно установила демаркационную линию в Памире.

На Западе широко принято считать, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся великую цивилизацию Центральной Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Мы приехали в Туркестан спустя всего шесть лет

после экспедиции умиротворения, проведенной генералом М. Д. Скобелевым в туркменском оазисе Геок-Тепе (1881 год), и всего 24 года спустя после захвата самого Ташкента. Тем не менее, собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в "оккупированной" стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России.

На деле та готовность, с какой русские пришельцы сходились с местным населением, снискав их уважение и дружбу, была просто удивительна. Жизнь русских людей протекала одинаково мирно повсюду, будь то в Самаре на Волге или поблизости от могилы Тамерлана. Когда мы жили в Ташкенте, отцу не раз приходилось совершать служебные поездки — в качестве инспектора учебных заведений он побывал в самых отдаленных районах Туркестана. Единственным его оружием в этих поездках была трость. За 20 лет пребывания на Востоке он объехал весь Туркестан большей частью в дорожной карете, ни единого раза не столкнувшись с неприятностями в общении с местным населением. Успех русской колониальной политики в Азии зиждился на терпимости к местному образу жизни. Конечно, случалось, в Туркестане, как и в любой другой губернии Центральной России, служили чересчур ретивые и малообразованные чиновники; порой совершались отдельные попытки вмешательства в религиозные обычаи и национальные традиции. Но с самого начала населению было ясно, что все эти случаи лишь исключение из правил. Русские города росли и процветали бок о бок с местными поселениями. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения открывались русские школы, которые были доступны всем, без каких-либо ограничений по религиозному или национальному признакам. Местная судебная система, основанная на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России. Строительство железных дорог, открытие банков и промышленных предприятий, развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, возведение ирригационных сооружений — все это, несомненно, произвело благоприятное впечатление на мусульманское население. Туркестан, некогда страна с замечательной, а ныне исчезнувшей цивилизацией, за 30 лет русского господства вступил на путь возрождения и процветания.

Моя жизнь в Ташкенте, как и прежде беззаботная, стала тем не менее более разнообразной и интересной. Произошли изменения в семье. Разрушились барьеры между взрослыми и детьми. Утратила былую власть над нами наша няня. Мы, младшие дети, стали участвовать в жизни родителей и старших сестер. Место французской гувернантки заняла русская девушка, которая была для сестер скорее подругой, чем воспитательницей. Моя комната соседствовала с кабинетом отца, где он проводил почти все время. Он редко ходил на службу, потому что работал, принимал своих коллег и посетителей на дому. Со временем отец стал играть все более существенную роль в моей жизни. Даже его шаги в кабинете действовали на меня успокаивающим образом, и я с нетерпением ждал часа, когда он войдет ко мне и начнет проверять домашние задания. Он проявлял большой интерес к моим сочинениям, обсуждал со мной проблемы истории и литературы, требовал четкости и краткости в изложении мысли, часто повторяя свое любимое изречение Non multa sed multum, которое в вольном переводе означает "Меньше слов, больше мыслей". Я стал чаще прислушиваться к разговорам взрослых. Нередко присутствовал и при беседах отца с другими высокопоставленными чиновниками, когда обсуждались весьма важные вопросы. Рассматривая ту или иную проблему, они всегда исходили

из интересов, стоящих перед государственной властью или страной в целом. Государственная власть представлялась им неким живым существом, удовлетворение потребностей которого было для них превыше всего.

Отец часто упоминал Сергея Юльевича Витте, к которому относился с восхищением. Витте был честным, преданным государству политическим деятелем, обладавшим широким кругозором, но ему было крайне трудно отстаивать свои взгляды перед реакционными чиновниками Санкт-Петербурга. Однажды во время пребывания в Ташкенте Витте посетил отца. Его сердечность и учтивость позволили отцу сказать позднее: "Если бы все вельможи Санкт-Петербурга походили на Витте, Россия была бы совсем другой страной".

Еще одно событие сыграло немаловажную роль в становлении моего мышления. После заключения франко-русского союза (1892 год) Лев Толстой выступил с открытым письмом, в котором выразил по этому поводу свое негодование. Для него, как и для всех прогрессивно настроенных граждан России, союз республики и самодержавия представлял грубое нарушение принципов справедливости и свободы. Этот яркий памфлет, серьезнейшее обвинение Александра III, не мог быть опубликован в России. Но, размноженный на мимеографе, он в тысячах копий ходил по стране; одна из них дошла до Ташкента. Из обрывков разговоров за обеденным столом и разного рода намеков я сделал вывод, что после обеда родители намерены познакомиться с памфлетом Толстого. По установившемуся порядку, час после обеда они проводили в комнате матери, обсуждая события дня или читая друг другу какую-нибудь книгу. Нам же, детям, надлежало отправиться в свои комнаты. Однако мне удалось незаметно проскользнуть обратно и спрятаться за портьерой. Затаив дыхание, слушал я толстовские обвинительные слова, каждое словно острие бритвы. Я не слышал, что потом говорили родители, поскольку постарался покинуть свое убежище, едва закончилось чтение. Тем не менее волнение, звучавшее в голосе отца, и некоторые из его замечаний по ходу чтения позволили мне сделать вывод, что он в какой-то степени разделяет мнение Толстого. Я был еще слишком молод, чтобы полностью разобраться в сути его обвинений, однако мне стало ясно, что Россия страдает тяжким недугом.

И все же моим монархическим взглядам и юношескому обожанию царя все услышанное не нанесло ни малейшего ущерба. 20 октября 1894 года, в день смерти Александра III, я долго заливался горючими слезами, читая официальный некролог, воздававший должное его служению на благо Европы и нашей страны. Я истово молился, выстаивая все заупокойные службы по случаю кончины царя, и усердно собирал в классе деньги с учеников на венок в память царя. Взрослые, однако, не выказывали особых признаков скорби Они были преисполнены надежд на то, что новый царь, молодой Николай II, сделает решительные шаги по пути дарования народу конституции. Но Николай с презрением отверг саму идею, назвав ее "бессмысленными мечтаниями".

Не буду подробно останавливаться на школьных годах, проведенных в Ташкенте. Я был общителен, увлекался общественными делами и девочками, с энтузиазмом участвовал в играх и балах, посещал литературные и музыкальные вечера. Часто совершались верховые прогулки, что было вполне естественно, поскольку Ташкент был центром и военного округа. У сестер не было отбоя от кавалеров и жизнь казалась нам восхитительной. Однако где-то в глубинах моей души таились замкнутость и скрытность. К 13 годам у меня уже сложилось довольно четкое представление о мире, в котором я жил. хотя временами я чувствовал

острую потребность побыть одному и поразмыслить о жизни. Это чувство внутреннего одиночества не покидало меня и позже, даже на вершине моей политической карьеры.

В десятилетие между 1880 и 1890 годами большинство русских учащихся относились к школе либо со скукой, либо даже с ненавистью, но только не в Туркестане. Нас не пичкали бездушными формальными догмами, как это было в европейской России. Нам нравились и наши учителя, и наши занятия в классах. К концу школы у нас сложились прочные дружеские связи с некоторыми из преподавателей, и они со своей стороны обращались с нами почти как с равными. Знания, полученные от них, значительно превосходили школьную программу. Мы много говорили о планах на будущее и без конца обсуждали достоинства и преимущества того или иного университета. Я принял решение заниматься двумя важнейшими науками: историей и классической филологией (обе преподавались на одном факультете), а также юриспруденцией. На смену детским мечтаниям о карьере актера или музыканта пришло решение отдать, по примеру отца, все силы служению народу, России, государству.

Ни я, ни один из моих соклассников не имели ни малейшего представления о проблемах, которые волновали молодых людей наших лет в других частях России, толкнувших многих из них еще в школьные годы к участию в нелегальных кружках. Теперь я понимаю, что два фактора: особый социальный, политический и психологический климат, сложившийся в Ташкенте, и наша оторванность от жизни молодых людей в европейской России сыграли наиболее важную роль в формировании моего мировоззрения. Позднее, в годы моей политической деятельности, я часто сталкивался с людьми своего поколения, которые участвовали в событиях 1905 и 1917 годов. И для меня было очевидно, что их поведение и мышление складывались под влиянием тех социальных и политических постулатов, которые они восприняли в школах европейской России, а посему они видели российскую действительность в свете устарелых и косных догм. Мы же, учившиеся в школах Ташкента, за редким исключением смотрели на мир без всяких предубеждений. Над нами не тяготели шаблонные, навязанные нам стереотипы, мы были вольны делать свои собственные выводы из происходящих событий. Именно это позволило мне постепенно изменить свои взгляды и освободиться от веры в благодетельного царя.

Летом 1899 года я завершил подготовку к отъезду в Санкт-Петербург. Со мной ехала сестра Анна, которая намеревалась поступить в консерваторию, и мы оба предвкушали радость от предстоящей студенческой жизни, хотя и слышали об университетских беспорядках, ставших в столице повседневностью. О студенческих волнениях весны 1890 года нам рассказала сестра Елена, которая вернулась из Санкт-Петербурга, где посещала только что открывшийся Женский медицинский институт. Все это крайне встревожило родителей, но ничуть не обеспокоило ни Нюту (Анну), ни меня. Еленины рассказы лишь усилили наше страстное желание поскорее добраться до Санкт-Петербурга.

Глава 2

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

Во времена моей молодости большинство студентов петербургского университета, как правило, жили в скромных, непритязательных меблированных комнатах на Васильевском острове. Общежития в те годы не пользовались популярностью у студентов, подозревавших, что они находятся под надзором полиции. На самом деле их подозрения не имели под собой никаких оснований, ибо студенты в общежитиях пользовались полной свободой.

Поначалу я, как и почти все студенты, намеревался поселиться в меблированных комнатах, однако изменил свои намерения, поняв, что, живя в общежитии, смогу познакомиться со сверстниками, приехавшими из всех уголков России. Мои надежды оправдались, и очень скоро я обзавелся многими хорошими друзьями.

Мы спорили обо всем на свете, До сих пор помню жаркую дискуссию вокруг бурской войны. А после "Боксерского" восстания 1900 года все наши помыслы сосредоточились на Дальнем Востоке. И все же основное внимание мы отдавали нашим внутренним национальным проблемам.

Другим достоинством общежития было его местоположение. Дар одного из почитателей Александра II, здание общежития было построено внутри университетского двора и стояло в самом начале улицы, ведущей к набережной Невы. Красота набережной не переставала восхищать меня. Именно там билось сердце Российской империи. На левом берегу реки, прямо перед моими глазами, на исторической площади, где произошло восстание декабристов, высились Адмиралтейство и Сенат. На фоне Исаакиевского собора вырисовывалась конная статуя Петра Великого (пушкинский "Медный всадник"); чуть влево от "адмиралтейской иглы" виднелись Зимний дворец и Петропавловская крепость — близкие и дорогие сердцу символы нашей истории. На Васильевском острове находилась Академия наук, "кунсткамера", возведенная еще Петром Великим. Громадные университетские корпуса были построены в изящном величественном стиле начала XVIII века. Рядом с университетом стоял бывший Меньшиковский дворец, в котором ныне разместилась военная академия. Справа к дворцу примыкала Румянцевская площадь, небольшой сквер, где в 1899 году была разогнана студенческая демонстрация, а еще дальше виднелись Академия изящных искусств и знаменитые сфинксы. Санкт-Петербург был для меня не только замечательным творением Петра Великого, но и городом, который обессмертили Пушкин и Достоевский. И хотя трагические герои Достоевского обитали в отдаленных трущобах вокруг Сенного рынка, дух великого писателя витал надо всем городом.

Поступив в университет, мы, новички, впервые в жизни испытали пьянящее чувство свободы. Покинув отчий дом, мы были вольны теперь поступать как нам заблагорассудится. Жизнь швырнула нас в свой водоворот, запретным отныне было лишь то, что мы сами считали таковым. Символом нашей новой, свободной и прекрасной жизни стал так называемый "коридор" — бесконечно длинный и широкий проход,

который соединял все шесть университетских корпусов. После лекций мы собирались там толпой вокруг наиболее популярных преподавателей. Иных мы подчеркнуто игнорировали, и, проходя мимо, они демонстрировали свое полное безразличие к нам.

Ко времени моего поступления в университет студенческие волнения закончились, однако их отголоски служили для нас источником самых разных развлечений. С особым удовольствием бойкотировали мы лекции тех профессоров, которые заменили преподавателей, уволенных в предыдущий академический год за симпатии к бастующим студентам. Много неприятностей, как мне помнится, мы доставили, к нашему вящему удовольствию, молодому казанскому профессору Эрвину Гримму, которого назначили на место популярного профессора, специалиста по истории средних веков И. М. Гревса. Едва завидев в "коридоре" предмет нашего презрения, мы начинали улюлюкать и, войдя вслед за ним в аудиторию, поднимали шум, в котором тонули его слова. Время от времени появлялся кто-нибудь из администрации и удалял из аудитории нескольких нарушителей порядка. Эта кампания продолжалась до тех пор, пока всем не надоело, и только тогда был восстановлен мир.

В первый год пребывания в Санкт-Петербурге у меня не было друзей за стенами университета, я посещал лишь дома знакомых моих родителей, общественное положение которых никак не было связано с моей студенческой жизнью. Я весьма скоро почувствовал, что они несколько обескуражены тем, что скромный молодой человек, каким они меня всегда знали, вдруг превратился в молодого безумца, развязно рассуждающего о театре, опере, музыке и современной литературе и даже иногда намекающего на знакомство с некими девицами с Высших женских курсов.

Однако возвратившись осенью 1890 года из Ташкента, где я провел свои первые студенческие каникулы, я познакомился с семьей Барановских. Госпожа Барановская, разведенная жена Л. С. Барановского, полковника Генерального штаба, была дочерью видного китаеведа В. П. Васильева, члена Российской Академии наук и многих зарубежных академий. У нее были две дочери, Ольга и Елена, и сын Владимир, который служил в гвардейских артиллерийских частях. Очаровательная семнадцатилетняя Ольга посещала бестужевско-рюминские Высшие женские курсы, пользовавшиеся в те годы огромной популярностью. К студентам, которые окружали Ольгу, вскоре присоединился ее талантливый, подающий большие надежды двоюродный брат, мой сверстник Сергей Васильев. Эти молодые люди, с которыми у нас оказалось много общего, куда больше подходили мне, чем мои знакомые из общества. Нас объединял широкий круг интересов, мы обсуждали проблемы современной России и зарубежную литературу и без конца читали друг другу стихи Пушкина, Мережковского, Лермонтова, Тютчева, Бодлера и Брюсова. Мы были заядлыми театралами и в тот весенний сезон неделями ходили, зачарованные блистательными постановками Станиславского и Немировича-Данченко, в Московском Художественном театре. В жарких дискуссиях о текущих событиях в России и за рубежом мы, как и многие молодые люди того времени, решительно осуждали официальную политическую линию. Почти все мы сочувствовали движению народников или, скорее, социалистам-революционерам, но, насколько я помню, марксистов среди нас не было. Нет нужды говорить о том, что многие из нас принимали участие в студенческих демонстрациях.

Наш кружок распался, когда Барановские переехали из своего дома на Васильевском острове на улицу, расположенную вблизи Таврического сада. К тому времени мы повзрослели, нашей беззаботной студенческой жизни пришел конец. Однако не стану утверждать, что меня это так уж расстроило, ибо Ольга Барановская стала моей невестой.

По Университетскому уставу 1884 года студентам было запрещено создавать какие-либо организации, даже самые безобидные неполитические студенческие ассоциации и клубы. Коль скоро были закрыты все возможности легальной коллективной деятельности, она велась нелегально. Самыми большими студенческими обществами стали землячества, объединявшие студентов, приехавших из одних и тех же мест. Землячества были основными центрами студенческой активности — на них запрет никогда не распространялся. В первые годы обучения в университете землячество студентов из Ташкента было для меня как дом родной, я был даже избран в его совет. Своей главной задачей наше землячество, как и другие, ему подобные, считало оказание помощи малоимущим студентам и поддержание контактов между земляками. Наряду с другими мероприятиями мы устраивали благотворительные концерты, в которых нередко принимали участие известные актеры и певцы. Не однажды мне доводилось обращаться к таким знаменитостям, как Мария Савина, Вера Комиссаржевская и Н. Н. Ходотов, и я ни разу не получил отказа.

Моя сестра, студентка-медичка, жила в привилегированном женском общежитии, где тоже устраивались благотворительные концерты и приглашались актеры и писатели. На одном из первых литературных вечеров, где я присутствовал, свои произведения читали такие известные писатели, как Д. С. Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус. Каждое землячество занималось также просветительской деятельностью, создавая библиотеки, содействуя книжному обмену и так далее.

Одним из зачинателей московского землячества, возникшего в 1887 году, был В. А. Маклаков. Землячество москвичей стало во главе "борьбы с беззаконием и произволом" специально назначенных университетских инспекторов. Его центральный орган, известный под названием Объединенный совет, стал руководить всем студенческим движением. Большинство студентов склонялось к народничеству, но поскольку к тому времени еще не сформировались какие-либо политические партии, старшекурсники были в основном привержены общим идеям свободы, не всегда четко сформулированным. Однако всех нас объединяло полное неприятие абсолютизма.

Марксисты (социал-демократы) пропагандировали свою, "экономическую" доктрину, которая предусматривала отказ от союза с буржуазными и мелкобуржуазными студенческими организациями и призывала к сосредоточению всех усилий во имя достижения победы промышленного пролетариата. Однако подобные идеи почти не нашли последователей среди студентов. Для большинства из нас, россиян, ставка только на промышленный пролетариат и полное игнорирование крестьянства было совершенным абсурдом. И даже помимо такого отношения к крестьянству марксизм отталкивал меня органически присущим ему материализмом и подходом к социализму как к учению лишь одного класса — пролетариата. Согласно марксизму, классовая принадлежность полностью поглощала сущность человека. Но без человека, без личности, индивидуальной и неповторимой, без идеи о необходимости освобождения человека как этической и философской цели исторического процесса

— что же тогда оставалось от великой русской идеи? В таком случае пришлось бы стереть из памяти и традиции нашей литературы. И тем не менее весьма большие средства студенческой "центральной кассы" находились в руках марксистов.

Социал-демократическими лидерами в среде студенчества были Г. С. Хрусталев-Носарь, будущий председатель Совета рабочих депутатов (в 1905 году), и будущий издатель "Мира Божьего" Николай Иорданский. При активной поддержке некоторых студентов Иорданский играл ведущую роль на переговорах с председателем комиссии по расследованию причин студенческих беспорядков — генералом П. С. Ванновским. Иорданский, как он рассказывал мне позднее, одним из первых среди социал-демократов выступил против "экономизма". Как известно, против "экономизма" выступал и Ленин.

Борьба между социалистическими группировками в стенах университета в начале нынешнего столетия отражала резкое противостояние двух систем общественного и экономического мышления в среде радикальной интеллигенции. Позднее именно это обстоятельство сыграло исключительно важную роль в революции 1917 года.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Голод 1891—1892 годов и вызванная им эпидемия холеры в немалой степени способствовали оживлению в стране политической активности, чему в значительной мере помогли и выступления Льва Толстого. Вынужденное чрезвычайными обстоятельствами разрешить земствам участвовать в кампании по оказанию помощи пострадавшим, правительство тем самым, помимо своей воли, содействовало развитию общественной инициативы. В этих условиях и возникло студенческое движение, целью которого было добиться восстановления либерального университетского устава 1863 года.

В 1897 году студентка Вера Ветрова, заключенная в Петропавловскую крепость, подвергла себя самосожжению, облив одежду керосином из лампы. Студенчество было потрясено. Волнения прокатились по всем университетам страны. Полиция разогнала огромную толпу, собравшуюся у Казанского собора в Санкт-Петербурге, где должна была состояться заупокойная служба по Ветровой. 8 февраля 1899 года во время ежегодной официальной церемонии по случаю годовщины основания Санкт-Петербургского университета стихийно вспыхнула политическая демонстрация, и студенты покинули помещение. Собравшиеся на Румянцевской площади демонстранты подверглись нападению конной полиции, многие были зверски избиты. Именно это событие дало толчок к развитию *политического* движения студенчества. Н. П. Боголепов, неплохой специалист по римскому праву, но безжалостный министр просвещения, потребовал и добился высочайшего разрешения немедленно призвать в армию всех студентов, замешанных в беспорядках. Эта мера, напомнившая о временах Николая I, была неукоснительно проведена в жизнь: десятки студентов отправили в Сибирь. Правительство, видимо, рассчитывало с помощью террора сломить волю студентов, однако сосланные в Сибирь студенты в знак протеста против действий властей выступили с открытым письмом, в котором подчеркнули, что важнейшая цель студенческого движения — пробуждение политической активности старшего поколения, с тем чтобы и оно встало на путь борьбы за свободы по английскому образцу.

Я помню тот день, когда Боголепов, незадолго до своей гибели, посетил наше общежитие, — нам сказали, что министр изъявил желание познакомиться с условиями жизни студентов. Высокий, с суровым выражением лица, в безупречно сшитом костюме, Боголепов шел по коридо-

ру в сопровождении ректора. Руководствуясь отнюдь не враждебностью в отношении его лично, а лишь царившими тогда настроениями, ни один из студентов не приветствовал гостя. При его появлении в библиотеке собравшиеся там студенты просто-напросто проигнорировали его. Это был молчаливый, но весьма красноречивый протест. Одни отстраненно смотрели в сторону, другие делали вид, будто погружены в чтение, третьи углубились в газеты. Боголепову дали в полной мере почувствовать настроение студенческих умов.

А вскоре после этого, 14 февраля 1901 года, у министра просвещения попросил аудиенции Петр Карпович, бывший студент, дважды до того исключенный из университета. За многие предыдущие годы не было совершено ни одного политического убийства, и министр, не колеблясь, дал согласие на встречу с молодым человеком. Грянул выстрел, и смертельно раненный Боголепов упал наземь.

Эта акция индивидуального террора — за Карповичем не стояла ни политическая, ни партийная организация — отбросила нас ко временам революционного террора периода царствования Александра II, и остается только удивляться, почему покушавшегося не казнили. Событие это оставило неизгладимый след в сознании очень многих, в том числе и в моем: в готовности умереть ради торжества справедливости мы усматривали акт великого духовного героизма.

Казалось, царь задался целью укрепить нашу веру в эффективность террора, назначив на место убитого министра престарелого генерала П. С. Ванновского, известного в прошлом своей реакционностью на посту военного министра, но в новом своем качестве приятно удивившего всех справедливым отношением к студентам. Было отменено решение об их принудительном наборе в армию, а к осени 1902 года сосланные студенты возвратились из Сибири.

Ванновский недолго продержался на своем посту. После серии стычек с министром внутренних дел Д. С. Сипягиным, известным своими крайне реакционными взглядами, он был вынужден уйти в отставку. Новым министром просвещения стал Г. А. Зенгер (1902—1904 годы), с которым я был лично знаком. Профессор филологии Варшавского университета, убежденный приверженец классического образования, он получил известность как переводчик на латинский язык пушкинского "Евгения Онегина". Красивый славный человек, но отнюдь не сильная личность, он тем не менее стремился продолжать либеральную политику Ванновского. Его сменил генерал Глазов, чье назначение дало толчок новым студенческим волнениям.

В этот период большинство преподавателей, проявляя осмотрительность, стремились занять нейтральную позицию и лишь немногие решались открыто выступить с осуждением полицейского произвола. И тем не менее в 1903 году около 350 преподавателей поставили свои подписи под петицией в защиту студенческих и академических свобод. Петиция была отклонена.

МОЯ ПЕРВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

Память не сохранила, по какому поводу я произнес первую политическую речь, однако я точно помню, что было это на студенческом собрании в конце второго курса. Огромная толпа студентов заполнила лестницу центрального входа; пробравшись сквозь толпу до верхней площадки, я и произнес ту свою первую страстную речь. До сих пор не могу понять, что толкнуло меня к этому выступлению, ведь я не принадлежал ни к какой партии. Тем не менее в своей глубоко прочувствованной речи я призвал студентов помочь народу в его освободительной борьбе. Меня встретили шумными аплодисментами.

До этого момента моя репутация была безупречна, однако на следующий день меня вызвали к ректору университета. Он приветствовал меня такими словами: "Молодой человек, не будь вы сыном столь уважаемого человека, как ваш отец, внесшего такой большой вклад в служение стране, я немедленно выгнал бы вас из университета. Предлагаю вам взять отпуск и пожить некоторое время вместе с семьей". Наказание было конечно же весьма мягким, тем не менее мне льстило, что отныне я стал "ссыльным студентом". Таков был первый знак отличия, который я получил в борьбе за свободу.

В глазах молодых людей Ташкента я выглядел героем и буквально млел от их восторгов. К несчастью, мой приезд домой был омрачен первым в моей жизни серьезным столкновением с отцом, который был донельзя расстроен всей этой историей. Видимо, его пугала возможность того, что я пойду по пути братьев Ульяновых. Главный его аргумент сводился к тому, что, если я хочу сделать что-нибудь полезное для Родины, я должен думать о своем будущем, настойчиво учиться и избегать опрометчивых поступков. "Поверь мне, — сказал он, — ты еще слишком молод, чтобы понять нужды страны и разобраться в том, что с ней происходит. Станешь старше, поступай как тебе заблагорассудится. А пока изволь слушаться меня". Он добился от меня обещания проявлять благоразумие и держаться в стороне от всякой политической деятельности до окончания университета.

Слова отца произвели на меня огромное впечатление. Он был абсолютно прав, говоря, что я не имел никакого представления о жизни в России; и все же, хоть я и дал ему обещание, я знал, что если не делами, то в мыслях своих накрепко связан с политикой.

Первоначально я предполагал закончить два факультета: исторический и юридический. Однако в конце первого курса вышел приказ Боголепова, запрещающий студентам учиться одновременно на двух факультетах. Мне пришлось оформить перевод на юридический факультет, и из-за этого я окончил университет на год позже положенного.

На третьем и четвертом курсах юридического факультета занятия мои шли вполне удовлетворительно, однако политические события в России, становившиеся все более бурными, тянули меня совсем в другую сторону. Я готовился к академической карьере, надеясь после окончания университета посвятить себя научной работе в области уголовного права. Но в глубине души я уже тогда понимал, что этому не суждено исполниться и что мое место среди тех, кто борется с самодержавием, ибо я был твердо убежден, что ради спасения Родины необходимо как можно скорее добиться принятия конституции. Не социологические доктрины порождали революционное движение в стране. Мы вступали в ряды революционеров не в результате того, что подпольно изучали запрещенные идеи. На революционную борьбу нас толкал сам режим.

Чем больше я размышлял о судьбах России, тем отчетливее осознавал, что в бедах ее повинно не правительство, а верховная власть. Моя точка зрения нашла подтверждение после революции, когда было опубликовано множество документов, мемуаров, сообщений высокопоставленных чиновников и людей, близких к императорской семье. В те дни доступ к таким документам был, конечно, закрыт, и для определения источника зла мне приходилось полагаться на собственный здравый смысл и интуицию. Но проходившие в стране события снова подтвердили мою правоту.

Резкое ограничение свобод в Финляндии породило чувство горечи и глубокое недовольство среди законопослушных и лояльных финнов. По праву и справедливости верховной власти надлежало проявлять

заботу о всех народах, населявших империю. Вместо русификации нерусских народов глава верховной власти великой разноплеменной империи должен был бы прилагать все усилия для сплочения и единения всей страны.

Неразумная политика русских властей нашла типичное воплощение на Кавказе в попытках конфисковать собственность Армянской церкви в духовном центре армян Эчмиадзине. Царь остался глух к просьбам католикоса, который дважды обращался к нему с призывом остановить уничтожение армянского народа. Ответа не последовало.

На пост министра внутренних дел вместо убитого Сипягина был назначен Вячеслав Константинович Плеве, воинственный и безжалостный реакционер, который вызывал ненависть даже в правительственных кругах. Вскоре после этого назначения в Кишиневе в пасхальный день (6 апреля 1902 года) состоялась массовая резня евреев. В личном письме царю Витте писал: "Господь Бог поможет нам лишь в том случае, если царь России будет представлять одно, единое государство". Николай II не внял этому предупреждению.

В 1901 году власти провели несколько карательных операций в Полтавской и Харьковской губерниях; подверглись телесным наказаниям сотни крестьян, которые после неурожая 1901 года и последовавшего за ним голода отобрали часть зерна у богатейших помещиков. Поначалу толпы крестьян собирались у помещичьих домов с просьбой выдать им бесплатно зерно и фураж для скота, в чем им было отказано. Спустя несколько недель к поместьям потянулись вереницы крестьянских подвод. Сбив амбарные замки, крестьяне погрузили на подводы столь необходимые им зерно и фураж и уехали. Волнения прокатились и по другим сельскохозяйственным районам. Вскоре после начала крестьянских беспорядков царь присутствовал на военных маневрах, а также на церемонии открытия памятника Александру III в Курске. После завершения церемонии царь встретился на устроенном им под открытым небом приеме с предводителями дворянства всех южных губерний и земств, с волостными и деревенскими старшинами. Обратившись поначалу к представителям помещиков, царь одобрительно заметил: "Мой незабвенный отец, претворяя в жизнь замечательные начинания моего деда, призвал вас вести за собой крестьянство. Вы служили мне верой и правдой. Позвольте поблагодарить вас за эту службу". И обратившись к земцам, сказал наставительно: "Помните, ваш главный долг — обеспечить на местах развитие сельского хозяйства". Когда же очередь дошла до представителей крестьян, в его голосе зазвучал металл: "Этой весной крестьяне разграбили поместья в Полтавской и Харьковской губерниях. Виновные понесут наказание, и, надеюсь, власти не допустят новых беспорядков. Позвольте напомнить вам слова моего покойного отца, с которыми он обратился в Москве по случаю коронации к волостным старшинам: "Слушайтесь во всем наших славных предводителей дворянства и не верьте злонамеренным слухам". Запомните, что нельзя разбогатеть за счет грабежа чужой собственности. Только честный и упорный труд, бережливость и следование Божьим заветам принесут вам благо. Передайте вашим односельчанам все, что я сказал, и скажите им, что я никогда не оставлю их".

Призывать крестьян в начале двадцатого века повиноваться предводителям дворянства было в высшей степени наивно. Это показывает, насколько плохо знал царь страну, которой был призван управлять. Для царя именно дворянство представлялось воплощением всей политической власти и экономического могущества, хотя к тому времени оно перестало играть какую-либо самостоятельную роль и в политической, и в экономической жизни страны. В этом и объяснение того, почему царь

принял сторону Плеве, отстаивавшего привилегии дворянства, и почему он сделал Плеве преемником Витте.

Осознав все это, я пришел к выводу, что по вине верховной власти Россию ждут великие беды и испытания.

ПРОФЕССУРА

Университетское образование необходимо, и не только потому, что оно учит, а, по сути дела, вынуждает студента мыслить самостоятельно, но и потому, что оно заставляет его приводить свои суждения в соответствие со знаниями, полученными из первоисточников. В результате некоторые люди меняют свое мировоззрение, отнюдь не отказываясь при этом от своих первоначальных взглядов, а лишь выбирая ту или иную доктрину, которая должным образом подтверждала бы их собственные идеи. Именно это и произошло со мной в процессе занятий на историко-филологическом факультете. Я сам искал и находил профессоров, которые подтверждали правильность *моих собственных* интуитивных взглядов на окружающий мир.

Профессора С. Ф. Платонова отличала твердость убеждений и поведения. Всегда безупречно одетый, он не допускал в отношениях со студентами и капли фамильярности. В чем-то он как историк, на мой взгляд, превосходил В. О. Ключевского, поскольку Ключевский свои описания исторических событий и деятелей всегда приукрашивал казавшимися мне излишними саркастическими комментариями. Платонов же, наоборот, всегда излагал суть дела четко и ясно. Он был очень популярен среди студентов, но никогда не был объектом такого поклонения, как Ключевский в Москве. Платонов не раз возил нас на экскурсии — сначала в Псков, потом в Новгород, где знакомил нас с устройством некогда процветавшей там древнерусской демократии.

Профессор греческой истории Тадеуш Зелинский был высокий и красивый, курчавые волосы делали его похожим на одну из любимых им греческих статуй. Его лекции о Платоне и Сократе, о сущности греческой культуры, Прекрасного и Божественного послужили подтверждением моих взглядов о том, что идеи, воплощенные в христианстве, уходят корнями в более древний, дохристианский период.

Профессор Михаил Иванович Ростовцев, в ту пору еще очень молодой, дал нам отменное знание римской истории. Нас буквально завораживали его рассказы о жизни греческих городов, процветавших на берегах Черного моря задолго до рождения Руси. Его лекции об этой дорусской цивилизации на юге России подтверждали вывод о том, что истоки демократии Древней Руси уходили в глубь истории, куда дальше, чем считалось ранее, и что существовала определенная связь между ранней русской государственностью и древнегреческими республиками.

Еще одним замечательным преподавателем был у нас философ Николай Онуфриевич Лосский. Его учение исходило из предпосылки, что человек, как существо духовно независимое, должен развивать в себе голос совести и поступать в соответствии с внутренними побуждениями, свободными от каких-либо несовместимых с его духовностью догм. Это был невысокий, невзрачный человек с горящим открытым взором, который жил в своем собственном мире и отличался болезненной застенчивостью даже в отношениях со студентами. И хотя сегодня ему далеко за 90, он нисколько не изменился, сохранив в первозданности молодость и творческий дух. Перейдя на юридический факультет, я при всякой возможности посещал лекции Платонова и Лосского.

На юридическом факультете меня особенно поразили лекции профессора Льва Иосифовича Петражицкого по философии права. В то время ему было между 35 и 40*. Курс своих лекций он обычно предварял такой фразой: "Вам будет трудно понимать меня, потому что я думаю по-польски, пишу на немецком, а обращаюсь к вам по-русски". Позднее он настолько преуспел в русском языке, что стал блестящим оратором в первой Думе. Как и Зелинский, он был из тех поляков, которые впоследствии стали так непопулярны в Польше Пилсудского из-за своей убежденности в том, что отношения между народами России и Польши должны строиться не на политических, а на братских основах. Они конечно же понимали, что все либерально мыслящие культурные граждане России выступают в поддержку независимости Польши. Таких, как они, высоко ценивших русскую культуру и русские социальные идеи, в Польше не любили.

Петражицкий был выдающимся ученым. Он первый провел четкую грань между правом и моралью, а также между законом per se (как таковым) и законами, созданными государством. Его психологический подход к праву и его теория политической науки, основанная на идее естественного права, которую он возродил одним из первых, наверняка получили бы всеобщее признание, не прекрати тогдашняя Россия своего существования. Отрадно, что сегодня наметилось возрождение интереса к его учению.

Для меня особенно важным было то, что, опираясь на экспериментальную психологию, Петражицкий определял право и мораль как два принципа, сосуществующих в сознании человека и формирующих его внутреннюю жизнь. Подлинная мораль — это внутреннее осознание долга, выполнению которого человек должен посвятить всю жизнь, при одном, однако, обязательном условии: чтобы на него при этом не оказывалось никакого внешнего давления. Согласно Петражицкому, в праве выражается осознание того, что человеческое существо может ожидать от себе подобных и чего, в свою очередь, ожидают от него самого другие. Свою теорию Петражицкий подтверждал опытами с детьми. Позднее я повторил эти опыты на своих сыновьях и нашел их убедительными. В области права и юриспруденции Петражицкий сыграл ту же роль, что Галилей в астрономии.

Еще одна важная идея Петражицкого заключалась в том, что государство по своей природе сверхличность; он утверждал, что государство не должно ограничиваться простой функцией поддержания закона и порядка, но призвано осуществлять руководящую роль в борьбе экономических и социальных сил, происходящей в обществе. Однако он отвергал марксистскую идею о том, что государственная власть — простое орудие в руках правящего класса для эксплуатации и подавления своих оппонентов.

Согласно марксистскому учению, государственной власти предопределено стать "диктатурой пролетариата", когда пролетариат захватит власть. Но коль скоро пролетариат — класс наиболее совершенный идеологически и самый последний в истории человечества, необходимость в диктатуре отпадет сама собой, и наступит эра свободы. История, любил повторять Петражицкий, знает примеры, когда действующие законы перестают отвечать потребностям повседневной жизни, когда у более молодого поколения формируются совершенно иные концепции закона или права. Основываясь на многочисленных примерах, он показал, как появление рабочего класса привело к изменению трудового и социального законодательства во всей Европе. И в данном, конкретном случае такие изменения неизбежны и законны.

---

* Позже он, находясь в Польше, покончил жизнь самоубийством.

Петражицкий — крупный специалист и по римскому праву — принимал участие в разработке гражданского кодекса Германии. Он утверждал, что современным обществам не следует слепо копировать положения римского права, поскольку оно чисто формально и крайне ограниченно рассматривает интересы справедливости и личности. С пришествием Христа, по его мнению, наступила новая эра, когда творческое начало порождается чувством христианской любви.

Петражицкий был худощавый блондин с весьма невыразительной наружностью. И в то же время от него исходила огромная моральная и духовная сила. Влияние его воззрений было столь велико, что возвращение к взглядам на право и мораль, которых ты придерживался до знакомства с его теорией, становилось практически невозможным. Для студентов, привыкших к банальным рассуждениям о праве и морали, его теории казались настолько необычными, что лекции его приходилось проводить в большом зале заседаний, рассчитанном по крайней мере на тысячу студентов.

Много позднее, когда я уже занимал пост в правительстве, он не раз навещал меня и предлагал осуществить немало полезных начинаний в области законов и политики для улучшения социальных отношений. Увы, в условиях 1917 года следовать его отличным советам было едва ли возможно.

Укреплению моих убеждений в значительной степени содействовали и лекции по истории русского права, прочитанные бывшим ректором университета профессором В. И. Сергеевичем, который, к сожалению, был вынужден уйти в отставку после событий 1899 года. Всякий раз, говоря о праве Древней Руси, он подчеркивал, что и "Русская правда" Ярослава Мудрого одиннадцатого века и "Поучения", которые оставил своим сыновьям Владимир Мономах, отвергали смертную казнь.

Рассказывая о правовых отношениях на Руси, он особенно упирал на то, что Русь никогда не знала концепции божественного происхождения власти, и подробно останавливался на взаимоотношениях между престольным князем и народным вече. И если Платонов в своих лекциях подчеркивал политическую сторону конфликта между ними, то Сергеевич рассматривал его с юридической точки зрения.

Когда я поступал в университет, Н. М. Коркунов там уже не преподавал. Однако все мы были знакомы с его трудами, особенно с его лекциями по общей теории права и монографией "Указ и Закон". Убежденный критик всех форм авторитарных режимов, Коркунов стремился при этом доказать, что абсолютизм в России неравнозначен деспотическому полицейскому режиму, поскольку существует универсальный, обязательный для всех закон, которому должны соответствовать все выпускаемые верховной властью указы.

К сожалению, все это было справедливо лишь в теории. Александр III в какой-то мере еще считался с этим постулатом. А уж Николай II полностью его игнорировал, глубоко убежденный в том, что воля его, независимо от того, соответствует она или нет действующим законам, обязательна для исполнения всеми его подданными.

Лосский и Петражицкий помогли мне оформить мои интуитивные воззрения в систематическую, рационалистическую структуру. По натуре я никогда не был позитивистом. Ницше, Спенсер и Маркс различными путями пришли к воззрениям, так или иначе основанным на материализме. Мне эти воззрения были всегда чужды. Материальный прогресс — это развитие вещей, преобразование телеги в аэроплан. Однако для 90 процентов просвещенных людей XIX века как в России, так и на Западе это отнюдь не означало, что и духовное развитие

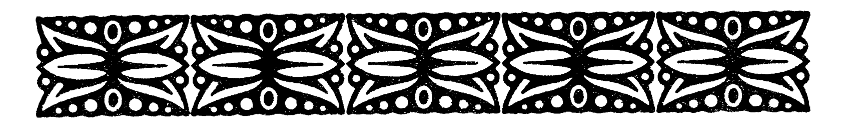
человечества должно происходить подобным образом. Абсурдность этих воззрений еще раз доказали две чудовищные войны, а также опыт большевизма и фашизма. Идеи добра, красоты и любви, с одной стороны, и идеи зла — с другой, — вечные составные человеческие натуры, и к пониманию этой истины, на мой взгляд, более всего приблизилась христианская этика. Она пока остается трудным, почти не достижимым идеалом. Для многих людей она представляется абсурдной и нереальной, ибо любовь к врагу противоречит человеческой натуре. Некоторые даже считают, что она лишь ослабляет волю человека.

В студенческие годы эта проблема меня очень занимала и я прочел огромное количество книг о первобытных людях, всячески стремясь найти различия в духовном мире первобытного и современного человека. Такого подтверждения я не обнаружил. Напротив, я утвердился во мнении, что идеалы первобытных обществ, по существу, не отличались от идеалов современного человечества. Общество и тогда и сегодня строило свою жизнь, положив в основу какую-нибудь одну, разделяемую всеми идею, — например веру в то или иное божество. Это могло быть даже идолопоклонство, но и в поклонении идолам выражалась одна, общая для всех идея. Более того, я выяснил, что каждое общество всегда имело в той или иной форме общепринятый кодекс морали.

Взгляд отдельного человека на мир определяется не только логическим мышлением. Так же, как есть люди, неспособные разобраться в музыке или живописи, существуют и такие, которые обитают в трехмерном "научном" мире и не чувствуют присутствия в жизни "иррациональных" элементов. Однажды мой близкий друг признался мне, что ему не дано ни осознать, ни понять Бога. Я ответил: "Значит, в *этом* и есть суть твоей веры". Человек — существо верующее. Он всегда стремится преобразовать мир в соответствии со своими внутренними мироощущениями. Это — религиозный инстинкт и никакое научное знание управлять им не может.

Еще в школьные годы на меня огромное впечатление произвело утверждение Владимира Сергеевича Соловьева о том, что материалистические теории превращают человеческие существа в крошечные винтики чудовищной машины. И мне всегда были по душе социалисты-революционеры, а также народники, которые были убеждены в том, что стремятся к освобождению человека, а не к превращению его в орудие классовой борьбы.

Я читал также статьи молодого марксиста-экономиста Петра Бернгардовича Струве. Но когда я дошел до той страницы, где он пишет, что индивидуальности нет места в природе и ее не следует принимать в расчет, я понял, что марксизм не для меня. Мое отношение лишь укрепилось, когда я познакомился с "Манифестом Коммунистической партии" К. Маркса и Ф. Энгельса, где утверждается, что общечеловеческая мораль лишь орудие в классовой борьбе, а мораль рабочего класса не имеет ничего общего с моралью капиталистического мира.

РОССИЯ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Глава 3

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА И КОНСТИТУЦИОННЫЙ МАНИФЕСТ

МОЯ РОССИЯ

Я убежден, что всякий, кто предается размышлениям о своей стране, представляет ее судьбу по-своему, такой, какой хотел бы ее видеть. В молодости у меня тоже сложилось свое собственное представление о России, которое не имело ничего общего ни с ее настоящим, ни с ее прошлым, но, как я верил, всей логикой истории должно обязательно реализоваться в будущем. К такому убеждению, как и ко многим другим, я пришел чисто интуитивно, а позже, в годы обучения в университете, оно получило подтверждение в лекциях таких профессоров, как Платонов и Сергеевич.

Читая еще в школьные годы в Ташкенте труды английского историка Бокля, я понял, что развитие страны зависит не только от устремлений ее народа, но и от географического положения в истории. Так, народ Великобритании, отрезанной от остальной Европы и в течение почти тысячи лет не знавшей иностранного нашествия, получил возможность сравнительно свободного развития. Россия, понял я, была антиподом Великобритании, и в результате история ее оказалась трагичной. Россия была жертвой постоянных нападений, сначала номадов Азии, потом Литвы, Тевтонского ордена, Польши, Швеции и Турции. И хотя это замедлило ее политическое развитие, но в то же время укрепило чувство национального единения. И несмотря на междоусобицы князей из рода

Рюриковичей, это чувство сохранилось,— вот почему движимые им жители разных княжеств инстинктивно сплотились вокруг Москвы.

Огромную роль в развитии русского нациоьного самосознания играла церковь. Поскольку Россия была полностью лишена возможности создать по примеру Запада светскую культуру, она обратилась вместо этого к культуре церковной, к евангельским проповедям и их толкованиям. Крайне важно при этом то, что русские с самого начала восприняли учение Христа на языке, который они понимали. И вследствие этого идеи, которые с трудом пробивали себе путь на Западе, в России сразу же пустили глубокие корни. Напрашивается параллель между поступком Феодосия Печерского, выходца из знатной боярской семьи, который, отказавшись от всех социальных привилегий, посвятил свою жизнь служению бедным и страждущим, и "хождением в народ" в XIX веке; или между русскими святыми Борисом и Глебом, которые во имя Христа отказались защищаться от убийц, подосланных их братом, князем Святополком, и Львом Толстым с его проповедью непротивления злу насилием; или, наконец, между решительным осуждением еще в XII веке Владимиром Мономахом смертной казни и публичным обращением Владимира Соловьева к Александру III с призывом отказаться от казни убийц Александра II — и не потому вовсе, что он испытывал к ним какие-либо симпатии, а потому, что считал, что новому царю следует продемонстрировать благодать православия, подтвердив тем самым величие христианского монарха, который, имея власть наказывать, выбирает путь всепрощения.

В таком подходе были и свои минусы, и свои плюсы. Его недостаток заключался в том, что, культивируя лишь стремление к богатству и равенству, Россия не смогла выработать стремления к правовому обществу.

На деле именно в этой духовной традиции коренилось враждебное отношение значительной части русской интеллигенции XIX века (особенно славянофилов и народников) к власти государства.

Чтобы понять историю России, крайне важно помнить слова Достоевского, сказавшего, что о России следует судить не по злодеяниям, совершенным во имя ее, а по идеалам и целям, за которые боролся русский народ.

Русские всегда стремились принимать участие в управлении страной. Хорошо известно, что и в Древней Руси, и в России Киева, Пскова и Новгорода существовала система управления с развитым для того времени понятием свободы, в рамках которой жизненно важную роль играло народное представительство (вече). В одной из своих эпических поэм великий поэт и личный друг Александра II А. К. Толстой описал падение Новгородской республики. Напомнив о том, что колокол, созывавший народ на вече, был увезен в Москву, он вкладывает в уста князя Владимира Киевского здравицу за древнее русское вече, за свободу и честь славян, за новгородский колокол, который хотя и валяется в грязи, но призыв его звучит в сердцах наследников.

Еще один пример — первый Земский собор при Иване Грозном*,

* Русское слово "грозный" отнюдь не означает "ужасный". Оно происходит от слова "гроза". Народ назвал его "Грозным", поскольку имя его наводило страх на врагов после побед над Казанским и Астраханским ханствами. Ссылками на Ивана Грозного стремятся зачастую подкрепить расхожие на Западе утверждения о том, что Россия — отсталая темная страна, где полностью отсутствует свобода в ее западном понимании. Конечно, он совершил немало ужасных преступлений, однако преступления такого рода совершались в те времена повсеместно по всей Европе — Филипп II в Испании, Генрих XIII и "Кровавая Мэри" в Англии, Людовик XI во Франции, Эрик в Швеции, герцог Альба — все они в равной степени виновны в совершении таких преступлений

который в молодости решительно осуждал систему управления и социального устройства и предоставил сельскому и городскому населению право самоуправления.

Идея демократии продолжала свое развитие и в Смутное время, и на протяжении всего XVIII века. Это была главная линия, ибо того желал народ.

В Смутное время бояре предложили польскому претенденту на московский трон заключить договор, по которому запрещались бы незаконные аресты и пытки, казни без суда и другие акты произвола, а также предусматривалось, что законодательную власть он будет разделять с боярами и Земским собором. Ранее такие же условия были предъявлены князю Шуйскому перед избранием его на трон после падения Годуновых. И если во Франции Генеральные Штаты не созывались с начала правления малолетнего Людовика XIII до самой Французской революции (с 1614 по 1789 год), то в Московии цари правили совместно с Земским собором вплоть до смерти отца Петра Великого. После поездки по странам Европы Петр ввел в России ту же, общеевропейскую, систему просвещенного абсолютизма, но лишь через пять лет после смерти Петра императрица Анна, вступая на престол, согласилась с требованием Верховного тайного совета ввести некоторые "элементы" конституционного правления.

Борьба за конституцию

Идеи Французской революции незамедлительно произвели на русскую общественность огромное воздействие и имели далеко идущие последствия. Усилившееся движение за введение в России конституционной системы привело в декабре 1825 года к первому восстанию против самодержавия, которое возглавили гвардейские офицеры (декабристы).

И Александр I и Николай I осознавали необходимость освобождения крестьян, но ни тот ни другой не отважились на такой шаг, опасаясь сопротивления со стороны дворянства. Александр II, проявив большую политическую проницательность, осуществил освобождение крестьян и другие реформы, заложив тем самым основы той России, которая, вопреки попыткам повернуть ход истории вспять в период правления Александра III, вполне созрела теперь для замены устаревшего самодержавия конституционной системой.

Освобождение крестьян ознаменовало вступление России в новую стадию развития, стадию промышленного прогресса, что, в свою очередь, вело, по примеру западных стран, к созданию частных банков и строительству железных дорог. Как свидетельствовали статистические данные о состоянии промышленности, строительства и железных дорог, этот процесс в 90-х годах неуклонно нарастал. Этому в какой-то степени способствовало и обнищание крестьян и землевладельцев после неурожая 1891 года и последовавшего за ним голода. Именно этот упадок в экономике привел общественность к осознанию необходимости принять меры для обуздания реакционных деятелей в правительстве, толкавших страну на грань экономического и духовного распада.

Тому содействовал и еще один фактор: появление на сцене Сергея Ю. Витте. На этого в высшей мере талантливого человека возложили задачу преобразования экономической жизни страны. Он же играл ведущую роль в формировании внешней и внутренней политики. Устранение Витте и замена его в 1903 году непримиримым реакционером В. К. Плеве, сразу же приступившим к разрушению основ политической жизни империи, ознаменовали начало периода в русской истории, который можно рассматривать как пролог к революции 1905 года. Последствия

деятельности Плеве были столь плачевны, что в революционное движение постепенно втягивались не только наиболее прогрессивные представители земства и интеллигенции, но и рабочие, а затем и крестьяне.

Самодержавие, ставшее к тому времени не более чем пережитком российской истории, было обречено. Однако Николай II, вместо того чтобы продолжить реформы своего деда и даровать Конституцию, с помощью таких людей, как Плеве, упорно тянул страну назад, к самым мрачным временам бюрократического абсолютизма. Злосчастное правление Николая II — еще одно доказательство невозможности обратить историю вспять. На грани столетий все более широкие слои населения ощущали недовольство создавшимся положением и уповали на лучшее.

Особое возмущение вызывала абсурдная политика русификации в районах с нерусским населением. И не потому вовсе, что население русских губерний свобода других народов заботила больше, чем своя, а потому, что власти в нерусских районах открыто глумились над элементарными понятиями свободы.

Эта и другие проблемы приобрели особую остроту в начале столетия, в те годы, когда я еще находился в стенах университета. Движение за свержение самодержавия стало всенародным.

Однажды осенью 1902 года кто-то принес в университет второй номер еженедельного журнала "Освобождение", который годом ранее стал издавать в Штутгарте молодой марксист Петр Струве. Мы были поражены и взволнованы: до этого момента мы не имели ни малейшего представления о той подпольной работе, которая велась с середины 90-х годов по организации движения, официальным печатным органом которого стал этот журнал, движения, в котором земский либерализм слился с идеями интеллектуальных, либеральных, радикальных и социалистических кругов. Естественно, что статьи в этом подпольном издании не были подписаны, однако их стиль и очевидное знание того, что происходило в России, свидетельствовали о тесной связи авторов с известными и влиятельными членами либеральных и радикальных кругов. Журнал ставил перед собой цель — вести пропаганду среди образованных слоев общества в поддержку принятия в России Конституции и вскоре стал настолько популярен, что его читали даже представители властей — от губернаторов до столичных министров. Мы, студенты, прилагали невероятные усилия в поисках журнала, а раздобыв его, зачитывали до дыр, настолько интересной была собранная там информация, которой и в помине не было в легальной прессе.

К началу 1904 года вокруг журнала возникла большая подпольная организация "Союз освобождения". В ее руководство наряду с группой земских деятелей входили представители либеральной и социалистической городской интеллигенции во главе с И. И. Петрункевичем, князем Д. И. Шаховским, князем П. П. Долгоруким, Ф. М. Родичевым. Конечно же по своей молодости я не мог быть членом "Союза", куда входили наиболее видные политические деятели. Тем не менее я был одним из тех молодых людей, которые были причастны к технической стороне деятельности союза, занимаясь распространением журнала и другими подобными делами.

За несколько месяцев до моих выпускных экзаменов разразилась русско-японская война. Война началась с нападения японских миноносцев на русский флот, сосредоточенный в Порт-Артуре. Как ни странно, но это событие не породило той лихорадки патриотизма, какая охватила всю Россию позднее, в 1914 году, когда началась война с Германией. И хотя мобилизация войск для отправки на Дальний Восток прошла вполне гладко, тем не менее патриотические манифестации, состоявшиеся в столице и других городах, носили чисто формальный характер и не отличались особым энтузиазмом. Зная, что Витте, а с ним и все члены

кабинета министров, за исключением Плеве, выступали против войны, многие предчувствовали, что она принесет немало бед и катастрофические последствия. Витте сделал все, что мог, чтобы противодействовать провоенной ориентации нового царского фаворита статс-секретаря А. М. Безобразова. В конце 1901 года в Петербург с визитом прибыл крупный японский государственный деятель Хиробуми Ито в надежде урегулировать назревающий конфликт мирными средствами. Вопреки настояниям Витте, царь встретил Ито весьма холодно, и тогда он направился в Лондон для консультаций с японским послом Хаяси, который открыто ратовал за войну с Россией. Хаяси в полной мере воспользовался провалом переговоров Ито с Витте, в результате чего был подписан договор об англо-японском союзе (январь 1902 года), направленном против России. К вящему удовольствию Плеве, летом 1903 года Витте был отстранен от прямого участия в решении государственных дел, получив назначение на почетный, ничего не значащий пост. Впрочем, в самый последний момент царь неожиданно опомнился и предпринял попытку предотвратить войну. Этот эпизод нашел отражение в работе молодого русского историка Андрея Малоземова. Вот что он пишет:

— Безобразов еще не добрался до Порт-Артура, а адмирал Абаза уже направил ему вслед телеграмму со следующими инструкциями:

"Император повелел, чтобы Вы имели в виду, что Его Величество окончательно решил отдать японцам Корею, быть может даже до самых границ нашей концессии, по рекам Тумын на севере и Ялу — на западе. Проведение более четкой демаркации Японской Кореи дело более далекого будущего и должно зависеть только от России. Об этом не следует уведомлять Японию до прибытия в Забайкалье направленных из России воинских подразделений (двух бригад) с тем, чтобы это не выглядело уступкой. Император полагает, что, идя навстречу Японии в корейском вопросе, мы избежим риска конфликта с ней". Безобразову было предписано передать эту директиву Алексееву*, которому, в свою очередь, поручалось ознакомить с ней Лессара, Павлова и Розена**. Однако Безобразов самочинно решил не делать этого***.

Некоторые считают, что причиной революции 1905 года явилась война с Японией и поражение в ней России. Неоправданность такого суждения, на мой взгляд, очевидна в свете тех событий, которые происходили в России после 1901 года и суть которых я изложил выше. Японская война не была причиной революции 1905 года. Она лишь изменила и исказила ее развитие.

После окончания университета в июне 1904 года я уехал в поместье моего будущего тестя, находившееся вблизи деревни Каинки в Казанской губернии. Там состоялось наше с Ольгой Барановской венчание, и там мы оставались вплоть до осени. Даже в те тревожные времена газеты доставлялись всего один или два раза в неделю и мы с нетерпением ждали их, чтобы поскорее узнать последние новости с театра военных действий.

Как-то в июле мы с женой отправились на прогулку в лес, захватив с собой только что полученные газеты. Первое, что бросилось нам в глаза, едва мы раскрыли газеты, это сообщение о том, что 15 июля в Санкт-Петербурге бомбой, брошенной бывшим студентом университе-

---

* Адмирал Е. А. Алексеев был наместником на Дальнем Востоке.

** Барон Розен являлся русским послом в Токио, а Лессар и Павлов были русскими представителями соответственно в Пекине и Сеуле.

*** *Malozemov A.* Russian Far Eastern Policy. University of California Press. 1958. P. 220

та Игорем Созоновым, был убит министр внутренних дел Плеве, следовавший по Забалканскому проспекту на прием к царю.

Трудно описать гамму чувств, охвативших меня, да, наверно, и очень многих других людей, узнавших об этом событии: смесь радости, облегчения и ожидания великих перемен. Когда осенью я возвратился в Санкт-Петербург, то с трудом узнал его, настолько разительно другой была царившая в нем атмосфера. Новая ситуация, создавшаяся в результате смерти Плеве, породила огромный энтузиазм и небывалое возбуждение. На пост министра внутренних дел был назначен генерал-губернатор Вильны князь П. Д. Святополк-Мирский, о котором с почтением отзывались все знавшие его. Культурный, образованный человек, он обладал взглядами, куда более современными, чем у его предшественника. Вступление на министерский пост он ознаменовал заявлением, в котором обещал проводить политику, прислушиваясь к голосу общественности, с мнением которой он, по его словам, всегда считался. Позднее его эпоха получила название "политической весны".

Вернувшись в Санкт-Петербург, я поспешил официально оформить вступление в коллегию адвокатов, с тем чтобы иметь возможность участвовать в качестве защитника в политических процессах и таким образом приступить к выполнению своих политических и профессиональных обязанностей. Моя адвокатская карьера началась, однако, с курьеза. Для вступления в коллегию необходимо было представить трех поручителей, которые хорошо бы знали кандидата и гарантировали его соответствие необходимым требованиям. Я представил бывшего губернатора, бывшего прокурора Ташкентской судебной палаты и сенатора А. Ф. Кони, члена Государственного совета, высокочтимого и в широких слоях общественности, и в среде коллег-юристов. Однако я сделал ошибку. Оказалось, что столь высокопоставленные поручители не удовлетворили членов коллегии молодых адвокатов, от решения которых зависело, буду ли я принят в адвокатское сословие. Моя кандидатура была отклонена на том основании, что все мои поручители занимали слишком высокое положение в кругах бюрократической иерархии. Поначалу я пришел в ярость и даже подумывал о том, чтобы распрощаться с идеей вступления в коллегию. Но друзья убедили меня не горячиться, изменить свое решение, и в конце концов я нашел поручителей, политически приемлемых для коллегии молодых адвокатов. Так я получил звание помощника присяжного поверенного. Ни в каких других делах, кроме политических, я участвовать не намеревался и тотчас окунулся в работу в юридической консультации. В Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других городах существовало немало таких учреждений, которые бесплатно оказывали юридическую помощь беднякам, особенно из рабочих или отдаленных от центра кварталов. Именно там я познакомился с положением низших слоев населения, рабочего класса в особенности.

Свою работу я начал в народном доме*, организации, основанной замечательной труженицей социальной сферы графиней Софьей Паниной. Вскоре работа полностью поглотила меня. Люди, приходившие к нам за советом, в основном женщины, могли часами рассказывать о своих бедах и изливать свои многочисленные жалобы. Со временем на этой ниве подобралась группа молодых, подающих надежды адвокатов, с которыми я работал в течение многих лет; позднее, когда я стал членом правительства, один из них возглавил группу моих личных советников.

---

* Народный дом — организация по оказанию культурной и просветительной помощи неимущим слоям населения.

В те дни "Союз освобождения" проводил свою так называемую банкетную кампанию. В Санкт-Петербурге, Москве и других городах организовывались банкеты в ознаменование 40-й годовщины юридических реформ Александра II. Это была своеобразная политическая демонстрация представителей интеллигенции и различных профессий. На этих банкетах отводились места и для рабочих, однако они редко оказывались занятыми. Молодых, таких, как я, официально не приглашали, но мы с готовностью выполняли всякого рода секретарские обязанности, обзванивая гостей, сообщая им время начала банкета, рассылая приглашения и т. д. Банкеты стали большим событием, поскольку лейтмотивом прозвучавших на них выступлений было требование конституции.

Банкеты вызвали негодование всех государственных высших чиновников, за исключением Святополка-Мирского. И тем не менее 11 ноября члены официально запрещенного Земского съезда на тайном заседании приняли резолюцию, в которой обращались к царю с требованием установить в России конституционное правление.

Казалось, близка к осуществлению всеобщая надежда на то, что "весна" Святополка-Мирского принесет преобразования, которые хотя бы в какой-то степени удовлетворят требования самых широких кругов общественности страны. 12 декабря 1904 года был опубликован императорский Указ, предусматривавший осуществление целого ряда реформ. Его положения касались, во-первых, религиозной терпимости; во-вторых, свободы слова и реформы законов о печати; в-третьих, пересмотра трудового законодательства. Для рассмотрения этих вопросов и выработки рекомендаций были немедленно созданы комитеты под председательством членов Государственного совета и других высокопоставленных чиновников.

Вскоре после этого Синод, во главе которого в то время стоял всеми почитаемый митрополит Антоний Санкт-Петербургский, принял решение в поддержку требования о полной автономии церкви. Синодальная администрация была объявлена несоответствующей каноническому праву, а избрание патриарха предлагалось передать Церковному Собору. Это был весьма впечатляющий документ, и он произвел огромное впечатление, ибо со времен Московской Руси, когда митрополиты открыто отстаивали права народа, ни сам Синод, ни какая-либо другая церковная организация не осмеливались высказывать взгляды, расходящиеся со взглядами господствующей церкви. Для выработки Указа об автономии православной церкви были вскоре созданы так называемые "подготовительные комитеты". А после опубликования царского рескрипта были предприняты шаги к признанию старообрядческой церкви и прекращены всякие преследования старообрядцев. В меньшей степени послабления коснулись протестантских сект, таких, как баптисты и квакеры, но и их положение несколько улучшилось.

Деятельность других комитетов не была столь успешной, поскольку по истечении короткого времени, 9 января 1905 года, настроения в верхах резко изменились.

1905 ГОД

Причины, которые привели к 9 января, или Кровавому воскресенью, как его стали называть, связаны с событиями 1901 года в Москве и в какой-то мере с деятельностью дяди императора великого князя Сергея Александровича, занимавшего в то время пост генерал-губернатора. Он выступил ярым сторонником создания рабочих союзов, которые, действуя под эгидой властей, способствовали бы улучшению

положения рабочего класса. Деятельность таких союзов предоставляла властям еще и дополнительную возможность, впрочем, весьма сомнительную, приструнить промышленников, которые, занимая все более прогрессивные позиции, все чаще становились на сторону земств, разделяя их требования о замене абсолютизма конституционной монархией.

Легальные рабочие союзы, действующие под контролем полиции, были созданы начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым, человеком интеллигентным, с университетским образованием. Судя по всему, он стремился повторить опыт Бисмарка в Германии, приспособив его к ситуации в России, подчеркнуто поддерживая рабочих и одновременно пытаясь выкорчевать влияние на них социалистических партий.

В 1903 году Зубатов был снят со своей должности. Новое движение оказалось чересчур "успешным", так как дело дошло до того, что некоторые полицейские агенты стали не только участниками, но даже и организаторами всеобщих забастовок. Так в Одессе, например, главным подстрекателем одной из забастовок выступил агент, некий Шаевич. Однако, несмотря на отстранение Зубатова, его планы получили странное и абсолютно непредвиденное развитие: его полицейские союзы переросли в подлинно профессиональные союзы. Во главе этого нового движения в Санкт-Петербурге стал в 1903 году молодой талантливый священник отец Георгий Гапон, совсем недавно посвященный в духовный сан. История Гапона, хорошо всем известная, закончилась трагически, однако я до сих пор не могу поверить, что он с самого начала был просто-напросто полицейским агентом. Думается, что молодой священник был искренне движим идеей служения рабочим. Вполне возможно, что позднее он попался в политическую ловушку, но я уверен, что он присоединился к рабочему движению не как сознательный полицейский провокатор. Так или иначе, но он легко находил общий язык с рабочими. Его отец был простым сельским священником, и Гапон понимал нужды простых людей и знал, как говорить с ними. Он пользовался колоссальным влиянием на массы, и движение Гапона приобрело в Санкт-Петербурге невиданный размах. Речи священника, в которых он призывал рабочих идти прямо к царю, находили глубокий отклик в сердцах слушателей, а его идея организовать массовую демонстрацию и пойти ко дворцу, чтобы изложить царю свои беды и невзгоды, немедленно получила всеобщую поддержку. Без всякого сомнения, на этой стадии Гапон пользовался значительно большим влиянием на рабочих, чем все подпольные организации и социалистические партии, вместе взятые.

Поначалу социалистические партии проявляли мало интереса к гапоновскому движению. Когда же они осознали его размах, то было уже поздно что-либо противопоставить влиянию Гапона. К началу января нетерпение рабочих достигло предела и окончательно созрел план устроить шествие и вручить царю петицию. Текст петиции уже был составлен, однако полиция не предприняла никаких мер, чтобы остановить рабочих или положить конец деятельности Гапона.

Конечно же сам Святополк-Мирский мало что мог сделать, поскольку более не руководил деятельностью департамента полиции министерства внутренних дел. Эти обязанности были переданы его заместителю, бывшему начальнику московской полиции и восходящей звезде на дворцовом небосклоне генералу Д. Ф. Трепову. Генералу покровительствовала великая княгиня Елизавета, которая представила Трепова своей сестре царице, а затем и царю. Вскоре он стал при дворе всеобщим любимцем.

Накануне шествия его организаторы узнали о том, что в полицейских подразделениях и некоторых гвардейских частях объявлено состояние тревоги, и к вечеру субботы резко усилилось ощущение напряжен-

ности. Усугубили напряженность сообщения об аресте и последующем освобождении нескольких политических деятелей, которые обратились к министру внутренних дел в надежде предотвратить катастрофическое противостояние. Воскресным утром мы с моим другом еще со студенческой скамьи Александром Овсянниковым отправились на Невский проспект посмотреть на демонстрацию.

Это было удивительное зрелище. Вдоль всего Невского проспекта двигались, направляясь из рабочих районов, ряд за рядом колонны спокойных, с торжественно-важными лицами, одетых в свои лучшие одежды людей. Гапон, шедший во главе процессии, нес крест, а многие рабочие — иконы и портреты царя. Нескончаемое шествие текло весьма неспешно, и мы прошли рядом с ним вдоль всего Невского проспекта начиная с Литейного. На улицах собрались толпы людей, все хотели видеть происходящее своими глазами, все испытывали чувство необычайного волнения.

Мы уже дошли до Александровского сада, на другой стороне которого стоял Зимний дворец, когда услышали звук трубы — сигнал боевой готовности кавалерии. Не поняв, что означают звуки трубы, и не видя происходящего впереди, люди остановились. Перед ними на правой стороне улицы стоял полицейский отряд, но, не углядев в поведении полицейских каких-либо признаков враждебности, демонстранты снова медленно двинулись вперед. И вот тут-то со стороны Генерального штаба вылетел отряд кавалерии и раздались первые залпы. В этот момент открыл огонь и воинский отряд, стоявший, по-видимому, по другую сторону площади, напротив Адмиралтейства. Первый залп был произведен в воздух, второй же — в толпу, и несколько человек упали наземь. Охваченные паникой, люди стали разбегаться во всех направлениях. Вслед им летели пули, и тогда мы, прохожие, побежали со всех ног вместе с толпой. Не могу передать состояние ужаса, охватившего нас в тот момент. Было совершенно очевидно, что власти совершили чудовищную ошибку, что они абсолютно неправильно поняли умонастроения толпы. Какими бы ни были замыслы организаторов шествия, рабочие шли ко дворцу без злых намерений. Они ото всей души верили, что, когда они придут на Дворцовую площадь и станут там на колени, к ним выйдет царь или, по крайней мере, появится на балконе. Однако их встретил не царь, а пули. То была историческая ошибка, за которую высокую цену заплатили и монархия, и Россия.

Первые оценки свидетельствовали о том, что число жертв исчислялось по меньшей мере двумястами или тремястами убитых и раненых. Были немедленно вызваны кареты "скорой помощи", куда с помощью тех, кто не пострадал, укладывали раненых — мужчин, женщин, детей. Охваченная замешательством, толпа в конце концов растворилась в прилегающих улицах. Самого Гапона спасли доброжелатели: сбрив ему бороду и переодев в цивильное платье, они вывезли его из города. Из своего укрытия он обратился к рабочим, осыпая проклятиями монархию и царя.

События Кровавого воскресенья произвели коренной переворот в мышлении рабочих масс, на которые до этого времени пропаганда действовала весьма слабо. Генерал Трепов и те, кто позволил ему совершить этот безумный акт, разорвали духовные узы, которые связывали царя и простых рабочих.

Вскоре после этого коллегия адвокатов создала специальный комитет с целью оказания помощи жертвам трагедии. Для ознакомления с положением в рабочих кварталах и уточнения последствий трагических событий требовались люди. Я с энтузиазмом принял участие в этом деле. В мои обязанности входило посещение рабочих семей во всех районах

города. Именно тогда я впервые столкнулся с проблемой огромных различий в условиях жизни рабочих семей, поскольку одни проживали в сравнительно благоустроенных квартирах, а другие ютились в жалких трущобах. Жены погибших рабочих, потрясенные и растерянные, не могли понять причин происшедшего. Ведь их мужья, говорили они, отправились к дворцу с самыми лучшими намерениями. Все, чего они только хотели, это вручить царю петицию, а их встретили пулями. В сердцах этих женщин не было ни гнева, ни жажды мщения; они просто чувствовали, что произошло что-то, что изменит отныне всю их жизнь.

Как и следовало ожидать, события Кровавого воскресенья пролили воду на мельницу "левых" пропагандистов. Моя работа юрисконсульта среди рабочих и посещения рабочих семей после 9 января убедили меня в том, что в основе их пропаганды лежали ложные предпосылки, а само понятие "сознательный рабочий" отражало не реальность, а всего лишь их благие пожелания.

На меня события Кровавого воскресенья произвели огромное впечатление. В то время, когда страна находилась в состоянии войны, когда русская армия терпела поражения, отборные части императорской гвардии слепо подчинились абсурдному и чудовищному приказу стрелять в рабочих! Для меня состояние армии и ее моральные качества имели первостепенное значение. Я всегда придерживался того мнения, что народ и армию должны связывать неразрывные и здоровые узы.

Вернувшись домой и немного придя в себя, я написал письмо, обращенное к гвардейским офицерам. Не помню точно слов, но обуревавшие меня чувства я изложил достаточно определенно. Я напомнил им, что в то время как армия сражается за Россию, они дома на глазах всей Европы расстреляли беззащитных рабочих, нанеся тем самым непоправимый ущерб престижу страны за рубежом. У меня было несколько знакомых среди гвардейских офицеров, в том числе брат жены, служивший в составе первой артиллерийской бригады. Им я и направил копии своего письма с собственноручной подписью. Неприятностей не последовало. Ведь те, кому я направил свое послание, были людьми чести и никто из них не предал меня, сообщив о моем письме в полицию. Но воспоминания о событиях на Невском проспекте в то воскресное утро были столь мучительны, что с того дня я навсегда порвал всякие отношения со всеми моими друзьями и знакомыми из бюрократических кругов.

18 февраля 1905 года — весьма знаменательный день. Именно в этот день по случайному совпадению были одновременно опубликованы три в высшей степени важных документа. Насколько я знаю, никто никогда не смог объяснить с достаточной долей достоверности, почему все три были опубликованы одновременно. Первый документ — манифест Николая II, обращенный с призывом ко всем "истинно русским людям" объединиться вокруг трона и дать отпор попыткам подорвать древние основы самодержавия, без которого невозможно существование самой России. Второй документ — рескрипт новому министру внутренних дел Булыгину* разработать "совещательный" статус Думы. Третий — Указ, предписывающий Сенату принимать к рассмотрению прошения, врученные или направленные ему представителями различных слоев населения.

Эти императорские Указы всех озадачили, однако наибольшее внимание привлекло предписание о подготовке совещательного статуса Думы. Существенное значение имел и Указ о прошениях, в той его части, где любому гражданину давалось право на организацию митинга, со-

---

*Святополк-Мирский ушел в отставку после событий Кровавого воскресенья.

ставление петиций и обращение с ними. Однако именно этот Указ приобрел со временем совсем иное толкование. Ведь после роспуска в июле 1906 года I Думы были подвергнуты разнообразным репрессиям те, кто стал инициатором таких петиций или собирал подписи под ними.

Но лишь немногие осознали в те дни, что самым важным документом с точки зрения властей был манифест, призвавший ”истинно русских людей” объединиться вокруг трона. Именно он вдохнул жизнь в крайне правое движение, которое долгое время влачило жалкое существование и спустя восемь месяцев оформилось в виде ”Союза русского народа”.

Принятие Треповым на себя практически диктаторских полномочий вкупе с тремя правительственными декретами от 18 февраля — осуществление одновременных мер, которые внешне имели целью удовлетворить требования народа, а по сути были направлены на подавление его воли,— все это свидетельствовало о том, что правительство быстро теряло контроль над положением. После ухода с политической арены Витте не осталось никого, кто был бы способен компетентно управлять страной.

В течение нескольких месяцев, пока шла разработка закона о новой, ”совещательной” Думе, самым острым для всех слоев общества стал вопрос о том, принимать или не принимать участия в предстоящих выборах. Естественно, что с особой страстностью обсуждалась эта проблема членами ”Союза освобождения”, организации, которая оказывала в то время решающее влияние на формирование общественного мнения.

Собрания, на которых вырабатывались разного рода наказы, породили бесчисленное множество новых союзов. Практически вся страна ”обсоюзилась”. Появились союзы университетской профессуры, союзы учителей, союзы юристов, врачей и инженеров, архитекторов, актеров, работников почты, железных дорог и многие другие. Важную роль играл созданный одним из первых Союз железнодорожных служащих. Его члены придерживались строгой дисциплины и обладали великим ”esprit de corps” (корпоративным духом). Союз внес огромный вклад в революцию 17 октября 1905 года*. Высокой дисциплиной и развитым чувством локтя отличался также Союз работников почт и телеграфа. Эти два союза много сделали для установления контактов между группами населения, действовавших до тех пор крайне разрозненно и разобщенно.

Все союзы (включая крестьянский) вошли в федерацию, получившую название ”Союз союзов”, и эта организация стала центром всего освободительного движения. В ее работе принимали участие многие члены ”Союза освобождения” и многочисленные представители рабочего класса. Председателем ее был избран известный историк и видный политик профессор П. Н. Милюков.

Тем временем война вступила в завершающую стадию и после сражения при Мукдене поражение России стало очевидным. Сражение при Мукдене, продолжавшееся две недели и по числу участников крупнейшее за всю предшествующую военную историю, завершилось почти так же, как и Бородинское сражение в 1812 году. Ибо хотя формально победу в нем одержали японцы, их потери были столь велики, что они были не способны продолжать боевые действия. Вскоре после этого, поначалу при посредничестве французов, обе стороны вступили в переговоры о достижении мира. Цусимское сражение 14 мая, когда были уничтожены Тихоокеанские эскадры, вынудило Россию искать выхода из войны.

Не буду распространяться о международном аспекте мирных переговоров, отмечу лишь важную роль, которую сыграл в них французский

---

* Имеется в виду манифест Николая II о созыве законодательной думы и конституционных свобода. — *Прим. ред.*

министр иностранных дел Теофиль Делькассе. Учитывая растущую угрозу как для Франции, так и для Англии со стороны Германии, Франция считала крайне важным прекращение русско-японской войны. Англия же убедилась, что уже нет более необходимости защищать Индию от "северного колосса", который не планировал дальнейшей экспансии, и лучше ей обратить внимание на реального претендента на мировое господство.

Поскольку президент Теодор Рузвельт согласился на роль посредника, было решено провести мирные переговоры в Соединенных Штатах. Посредничество это в действительности носило несколько курьезный характер. Президент полностью принял сторону Японии и в ходе переговоров в Портсмуте порой был более японцем, чем сами японцы. И лишь в 1908 году он понял, что совершил ошибку, и с тех пор радикально изменил свое отношение и к Японии, и к России.

Вести мирные переговоры приходилось в исключительно трудные для России времена, в условиях полной изоляции, порожденной ее внутренней политикой, в условиях, когда симпатии практически всей Европы были на стороне Японии. Витте, которому поручили вести переговоры со стороны России, несмотря на крайне неблагосклонное отношение к нему царя, проявил себя исключительно тонким дипломатом. Соглашение, которого он добился для России, не носило унизительного характера и не предусматривало никаких крупных уступок, кроме передачи Японии половины Сахалина. Да и эта уступка была сделана по настоянию царя и вопреки более дальновидным суждениям Витте. Витте считал нужным продлить переговоры, исходя из того, что время вынудит крайне ослабленную Японию отказаться от всех своих притязаний.

Деморализация армии, которую в значительной мере усилило не всегда осознанное чувство ущемленной национальной гордости, ускорило наступление революции 17 октября.

Было предпринято немало усилий для того, чтобы помешать властям ввергнуть страну в катастрофу, но сделать можно было очень мало по той простой причине, что режим исторически изжил себя. К 1905 году в стране не осталось ни одного слоя общества, который считал бы сложившиеся условия жизни приемлемыми.

Последней отчаянной попыткой убедить царя в самоубийственности его курса было обращение, принятое в мае земствами и городами; однако царь оказался глух к нему, и страна продолжала свое движение к цели, которой веками добивался русский народ.

К осени 1905 года нормальная жизнь в стране была нарушена: в ряде мест вспыхнули забастовки, участились случаи неповиновения и бунтов среди крестьян и солдат. Для тех, кто в то время жил в Санкт-Петербурге, было очевидно: долготерпению России пришел конец.

За две или три недели до 17 октября разразилась забастовка, которая, по-видимому, с исторической точки зрения носила уникальный характер. Ибо она парализовала всю жизнь в стране. Железные дороги, почта, суды, школы, университеты — все постепенно прекратили работу. Я хорошо помню последние несколько дней: с улиц исчезли извозчики, потухли фонари и повсюду воцарилась жуткая тишина. Эта тишина нависла и над Петергофским дворцом, где в те дни жил царь со своим семейством.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ МАНИФЕСТ

За несколько дней до революции 17 октября Петергоф оказался полностью отрезанным от внешнего мира. Движение по железной дороге прекратилось. Связь с царем его министры осуществляли, либо используя военный телеграф, либо направляя морем специальных курьеров.

В случае крайней нужды министры отправлялись туда лично. В Петергофской бухте стояли на якоре два эсминца на случай, если возникнет необходимость переправить царскую семью в Англию. В таких условиях царь обратился к Витте, который незадолго перед тем вернулся с Портсмутских мирных переговоров, с просьбой подготовить доклад о создавшемся положении. Прибыв 9 октября в Петергоф, Витте вручил царю написанную им накануне, 8 октября, записку, содержание которой не предавалось гласности до тех пор, пока большевики не поместили ее текст в "Красном архиве". Среди прочего в записке говорилось: "Основной лозунг современного общественного движения в России — свобода...

Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра... в бунте декабристов, в деле Петрашевского*.

Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой...

Руководство требует прежде всего ясно поставленной цели. Цели идейной, высшей, всеми признаваемой.

Такая цель поставлена обществом, значение ее велико и совершенно несокрушимо, ибо в цели этой есть правда. Правительство поэтому должно ее принять. Лозунг "свобода" должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет.

Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформ, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какой выйдет Россия из беспримерного испытания,— ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но они будут несомненно,— разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права.

Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так в настоящий неизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения.

Идея гражданской свободы ничего угрожающего бытию государства в себе не заключает...

Освободительное движение порывает, правда, с формальным прошлым, но разве освобождение крестьян не было также отказом от векового прошлого?..

...Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. Это слово не должно пугать и быть под запретом. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу

---

*Дело Петрашевского было связано с деятельностью тайного кружка санкт-петербургских молодых интеллектуалов, которые в период с 1845 по 1848 год занимались изучением революционных идей французского социалиста Фурье. Их программа преобразования России предусматривала освобождение крестьян, введение судов присяжных и осуществление свободы печати. Некоторые из членов этого кружка, в том числе Ф. М. Достоевский, не удовлетворенные "умеренностью" большинства, обсуждали между собой планы немедленных революционных действий. Хорошо известно, что Достоевский и некоторые его сообщники были приговорены за эту деятельность к смертной казни, которая в последний момент была заменена тюремным заключением в Сибири. Роман Достоевского "Мертвый дом" основан на опыте его пребывания в Сибири.

государства, а не к сохранению той или другой формы. Пусть докажут, что благо государства в конституции,— самодержавный монарх, интересы коего не могут быть отделены от блага народного, первый, без сомнения, станет на этот путь. Опасению здесь не может быть места, и надо иметь в виду и готовиться и к этому исходу"*.

Предложение Витте о Конституции было принято. Царь решил опубликовать манифест, в котором без упоминания самого слова "конституция" будет провозглашено создание нового порядка, означавшего, по сути дела, конституционную систему.

В ночь на 16 октября я услышал настойчивый звонок в дверь. Я подумал, что явилась полиция (в те дни она занималась обысками и политическими арестами), но оказалось, что звонил мой друг Овсянников. Увидев, что он охвачен лихорадочным волнением, я спросил, в чем дело. В ответ он протянул мне приложение к официальной газете "Правительственный вестник" с только что опубликованным текстом манифеста.

Манифест предусматривал:

1. Даровать населению *незыблемые основы гражданской свободы* на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей**.

Главным принципом любой Конституции является положение о том, что верховная власть не может принять закона без одобрения представителей народа. С опубликованием манифеста абсолютная власть стала делом прошлого.

* Красный архив. М.; Л., 1925. № 4—5 (11—12). С. 51—57. Накануне опубликования Октябрьского манифеста в столице получил всеобщую известность тот факт, что граф Витте поставил перед царем альтернативу: либо установить в стране неограниченную диктатуру, либо ввести Конституцию. После того как Великий князь Николай Николаевич отказался взять на себя функции диктатора, царь принял решение о даровании Конституции.

** Свод законов Российской империи. 1829. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1: Император всея Руси является монархом суверенным и абсолютным.

Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1: Император всея Руси обладает высшей суверенной властью. Слово "абсолютной" отсутствует.

Глава 4

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАНТИЗМ

Остаток ночи я провел в состоянии крайнего возбуждения. Казалось, завершилась многолетняя ожесточенная борьба народа за свободу, за право участвовать в решении государственных дел. Конституция перестала быть абстрактным лозунгом революционного движения. Конституция стала реальностью, краеугольным камнем новой России. Вняв мудрому совету Витте, царь нашел в себе достаточно сил, чтобы принять во внимание справедливое требование своего народа и отказаться от абсолютной власти, которую до тех пор считал своей по праву помазанника божьего. С самого начала своего правления царь упрямо противился конституционным реформам. Теперь же я чувствовал себя чуть ли не виноватым в том, что считал его прежде непримиримым врагом свободы. Теплая волна благодарности затопила мою душу, и я вновь ощутил давно утраченное чувство детского благоговения перед царем.

Ночь казалась бесконечной. Я с нетерпением ждал утра, когда смогу выбежать на Невский проспект и присоединиться к ликующим толпам — интеллигентам, промышленным рабочим, студентам, простым гражданам, которые выйдут на улицы, чтобы отпраздновать эту великую победу народа.

Однако когда я утром выбежал на Невский, то к своему недоумению обнаружил, что широкая улица абсолютно пустынна. Не веря своим глазам, я направился к Адмиралтейству и Зимнему дворцу, ожидая увидеть ликующие толпы на Дворцовой площади. Но посреди площади стояла только горстка людей с черными знаменами, на которых красными буквами было выведено: "Да здравствует анархия!"

Не оставалось ничего другого, как вернуться домой. Позвонив по телефону своим друзьям, я выяснил, что никаких манифестаций и не планировалось. А Совет рабочих депутатов, созданный в начале октября, выступил с обращением к рабочим, призывая их продолжить непримиримую борьбу с "царским самодержавием".

Поступившие на следующий день сообщения из Москвы свидетельствовали о том, что Совет рабочих депутатов был отнюдь не одинок в своем отношении к Манифесту 17 октября. В те дни в Москве проходил съезд "Союза освобождения". Ему суждено было стать последним, ибо прямо на нем большинство делегатов высказались за создание либеральной конституционно-демократической партии ("кадетов").

Вечером 17 октября, когда П. Н. Милюков выступил на съезде с речью, ему передали текст манифеста. Прервав свою речь, он вслух зачитал манифест и возобновил выступление, начав его со слов: "Ничего не изменилось. Борьба продолжается".

Я не знал, что и подумать. Ведь главной целью освободительного движения, которое возглавлял "Союз освобождения", была та самая конституция, которую сегодня, создавая партию конституционных демократов, они громогласно отвергают.

На следующий день после обнародования Манифеста состоялось несколько "патриотических" демонстраций, в основном в южных горо-

дах, спровоцированных "Союзом русского народа", организацией, которую Витте презрительно назвал "шайкой мерзавцев и головорезов". Улицы Санкт-Петербурга заполнили толпы истерически настроенных людей, несших портреты Николая II и под пение национального гимна "Боже, царя храни" выкрикивавших угрозы и грязные оскорбления в адрес евреев, революционеров и интеллигентов, что вызвало панику среди широких слоев населения. Начались погромы, подонки общества с явным удовольствием принялись за грабежи. Тысячи ни в чем не повинных людей подвергались гнусным надругательствам, а полиция делала вид, что ничего не замечает, благословляя тем самым погромы.

В начале ноября печать сообщила, что царь принял из рук главы "Союза русского народа" д-ра А. И. Дубровина знак почетного члена этой организации.

Эти тревожные события раскрыли подлинную суть манифеста 18 февраля 1905 года, который обращался ко всем "истинно русским людям" с призывом объединиться вокруг трона и защитить русское самодержавие от смутьянов. Только теперь для меня стало ясно, что этот манифест совершенно сознательно провоцировал создание дубровинского движения и подобных "патриотических" организаций. А вскоре просочились сообщения о том, что этого печально известного д-ра Дубровина в свое время представил царю не кто иной, как Великий князь Николай Николаевич. Вызывал удивление даже не сам факт возникновения ультраправых организаций и нарушения ими общественного порядка и спокойствия. В конце концов, они — сопутствующее явление повсюду, где происходят революции и социальные сдвиги. Важно было другое: то, что сам Николай II стал официальным покровителем дубровинской организации. Именно это привело меня к окончательному и неотвратимому выводу о том, что во имя спасения России, во имя ее будущего правящая монархия должна быть устранена.

Как выполнить эту задачу? Я еще не знал тогда ответа, однако решил отказаться от всех былых планов и целиком посвятить себя работе по избавлению страны от монархии.

Наряду с другими положениями Манифест 17 октября провозгласил свободу печати. Этим почти немедленно воспользовалась "Организация вооруженного восстания", созданная Н. Д. Мироновым, которая стала издавать революционный социалистический бюллетень "Буревестник". Когда мне предложили писать для него, я охотно согласился, поскольку это полностью соответствовало моему желанию работать на благо революции. Мне не терпелось изложить свои взгляды на подлинное отношение царя к конституции, принятие которой он сам провозгласил. К тому же я счел необходимым всеми силами бороться против абсурдного решения как социал-демократов, так и социалистов-революционеров о бойкоте выборов в I Думу. Я был глубоко уверен, что такое решение только играло на руку врагам демократии и, что более важно, противоречило умонастроению народа.

При поддержке молодого ученого-санскритолога Н. Д. Миронова, сына богатейшего петербургского коммерсанта, стал регулярно выходить два раза в неделю, впервые появившись 15 ноября, шестнадцатистраничный, с убористым шрифтом бюллетень. Статьи в "Буревестнике" мы подписывали псевдонимами, однако Центральному комитету партии социалистов-революционеров конечно же были известны подлинные фамилии авторов. Бюллетень имел большой успех уже после выхода первого номера, а начиная с пятого, появившегося в свет 4 декабря, издатели объявили о преобразовании "Буревестника" в печатный орган партии социалистов-революционеров.

После революции 1905 года все студенты с головой ушли в политику. Возникли многочисленные меньшевистские, большевистские, эсеровские группы, связанные и не связанные с партийными центрами. Автономия, неожиданно дарованная университетам в августе 1905 года, превратила лекционные аудитории в общественные форумы, где процветали принципы свободы слова и собраний, недоступные полицейскому вмешательству, поскольку отныне полиция не имела права входить в здание университета. Профессора были не в силах остановить поток революционного красноречия, лившегося с университетских кафедр.

Двоюродный брат моей жены, Сергей Васильев, учившийся на последнем курсе Института инженеров путей сообщения, вошел в состав студенческого комитета партии социалистов-революционеров. Вместе с А. А. Овсянниковым и Н. Д. Мироновым он создал эсеровскую группу для ведения пропагандистской работы и распространения отпечатанных на мимиографе листовок. Мы с женой разрешили им хранить их в нашей квартире — хороший поступок, так дорого обошедшийся нам впоследствии.

Я не слишком всерьез воспринимал все эти импровизированные политические группы. На мой взгляд, их деятельность носила следы временного помешательства, которое я шутливо окрестил "революционным романтизмом". Какой, например, был смысл в листовках Сергея, написанных от имени грозно звучащей "Организации вооруженного восстания"? Кому, как не мне, было знать, что ни у одного из членов группы не было огнестрельного оружия и ни о каком "восстании" в Санкт-Петербурге не было и речи.

К нам в дом часто приходила близкая подруга жены, студентка Высших женских курсов Евгения Николаевна Моисеенко. Ее брат Борис был членом специальной террористической группы, созданной при заграничном центре ЦК партии социалистов-революционеров, и я знал, что он время от времени наезжает в Россию. Эти приезды и отъезды хранились, конечно, в строжайшей тайне, однако каждый раз, приезжая в Санкт-Петербург, он умудрялся повидать сестру. Как-то в начале декабря 1905 года, когда моя жена отлучилась из комнаты, я обратился к Евгении Николаевне с просьбой назначить мне встречу где-нибудь вне стен нашего дома, но не в квартире, где она проживала вместе с подругой. Поскольку вся эта таинственность ее крайне удивила, я объяснил, что хотел бы поговорить с ней, не вызывая тревоги моей жены, относительно одного важного дела.

Когда через несколько дней мы встретились в уютном ресторанчике неподалеку от Невского проспекта, я попросил ее организовать мне встречу с ее братом, у которого я намеревался попросить разрешения принять участие в их заговоре против царя. Разговор, который мы, несмотря на волнение, вели шепотом, длился весьма долго. Поначалу она наотрез отказалась и даже встала, чтобы уйти, однако я уговорил ее остаться. Должно быть, я проявил несвойственную мне настойчивость, поскольку в конце концов она со слезами на глазах согласилась.

Спустя что-то около двух недель, уходя от нас, она с улыбкой попросила проводить ее до извозчика. Когда мы оказались наедине, она сообщила о том, что на следующий день, ровно в 5 часов дня мне следует идти по Невскому проспекту к углу Литейного в направлении Аничкова моста и там повернуть на Фонтанку. Ко мне подойдет гладко выбритый мужчина в пальто и астраханской шапке и попросит прикурить. "Захватите с собой коробку спичек. Он достанет из серебряного портсигара папиросу, и пока он будет прикуривать — изложите кратко свою просьбу. Он ответит и быстро удалится. Вы не спеша продолжите

свой путь, а потом повернете обратно, если, конечно, не заметите, что за вами кто-то идет".

Все произошло именно так, как она сказала. Моисеенко был краток: "Через несколько дней я дам о себе знать, сам или через сестру". Несколькими днями позднее в тот же час и на том же углу, проходя мимо меня, он проговорил, не поворачивая головы: "Ничего не получится".

Вскоре после этого Евгения Николаевна, сославшись на слова брата, сказала, что мою просьбу отклонили, поскольку я не имел опыта революционной борьбы и поэтому на меня трудно положиться. Мне ничего не оставалось, как посмеяться при мысли, что и я оказался не кем иным, как революционным мечтателем.

Спустя 12 лет судьба снова свела меня с Борисом Моисеенко. После объявления всеобщей амнистии он возвратился в Россию и стал на фронте одним из лучших моих комиссаров. Вспоминая о тех двух нелегальных встречах зимой 1905 года, я спросил, как ему удалось в столь краткое время получить ответ от заграничного центра его партии. "А я и не обращался за границу. В то время в городе как раз находился Азеф*, лично он и отклонил вашу просьбу". Вот так и выяснилось, что полицейский агент, находившийся в руководстве партии, намеренно отпугивал от революционной деятельности людей, которые были готовы пожертвовать собой во имя дела. Ко времени этой нашей встречи с Моисеенко я уже был знаком с Борисом Савинковым, известным террористом, вторым после Азефа руководителем террористической организации, и меня поразило сходство Савинкова и Моисеенко. Сходство, впрочем, чисто внешнее. Трудно было представить себе человека более честного, более порядочного и более скромного, чем Моисеенко. Случалось, он приходил на помощь Савинкову при самых опасных обстоятельствах и делал это, ни на секунду не задумываясь о собственной безопасности или же о своей "карьере" революционера.

Чудовищно, когда деятельность по осуществлению революционного террора становится частью партийной программы и определяет ее узкий круг людей, которые сами в этой деятельности непосредственно не участвуют и не подвергают свои жизни какому-либо риску.

Тем, кто живет нормальной жизнью в соответствии с законом, невозможно представить себе, что значит, с психологической точки зрения, совершить террористический акт. "Как вы можете возмущаться коммунистическим или нацистским террором, если сами когда-то оправдывали террор?" — спрашивали меня иногда фарисеи от политики. "В конце концов, — утверждали они, — убийство есть убийство".

Да, и государственная система террора, и индивидуальные акты революционного терроризма лишают жизни человеческие существа. Но на этом их сходство и кончается. Что касается сути дела, то они диаметрально противоположны.

Во все времена, пока люди были способны отличить добро от зла, общественное мнение морально оправдывало и было на стороне тираноубийц, таких, как Брут, Шарлотта Корде или, у нас, в России, Егор Созонов.

И когда группа придворных и гвардейских офицеров убила 11 марта 1801 года полусумасшедшего императора Павла I, ликовал весь Санкт-Петербург, а прохожие на улицах целовали друг друга как на Пасху.

На суде убийца В. К. Плеве Созонов заявил: "Да, мы подняли меч, но мы подняли его не первыми и пошли на это после мучительных

---

*Евно Азеф был известным агентом-двойником, который смог возглавить террористическую организацию партии социалистов-революционеров, одновременно работая на охранку.

сомнений и душевной борьбы. Да, я виновен перед Богом. Но я спокойно жду Его приговора, ибо знаю, Его суд — это не ваш суд. Как мог я поступить иначе, если Учитель сказал: "Возьми крест свой и следуй за Мной". Не в моих силах было отказаться нести свой крест".

К 1905 году я пришел к выводу о неизбежности индивидуального террора. И я был абсолютно готов, в случае необходимости, взять на свою душу смертный грех и пойти на убийство того, кто, узурпировав верховную власть, вел страну к гибели. Много позднее, в 1915 году, выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренно-консервативного большинства в Думе и Государственном совете, обсуждавшем политику, проводимую царем, в высшей степени консервативный либерал и монархист В. А. Маклаков сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года. Различие во взглядах между мной и Маклаковым сводилось лишь ко времени, ибо я пришел к тому же выводу десятью годами раньше. И кроме того, Маклаков и его единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должен принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение.

ТЮРЬМА

К концу декабря власти пришли в себя после замешательства, и жизнь, казалось, снова пошла по "дооктябрьской" колее. Витте посчитал, что время созрело для принятия самых решительных мер. Волнения в войсках, возвращающихся из Сибири после катастрофической войны с Японией, были подавлены убежденными сторонниками железной дисциплины генералами Меллером-Закомельским и Ренненкампфом*. Руководителей Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов, которые явно переоценили свое влияние и свою популярность, арестовали, судили и сослали в Сибирь (откуда они вскоре бежали за границу). Восстание в Москве, организованное в декабре социалистами-революционерами и социал-демократами в районе Пресни, было подавлено войсками местного гарнизона и отрядом драгун, присланным из Санкт-Петербурга. По всей стране безумствовали мерзавцы Дубровина (получившие известность как "черные сотни") и даже в Санкт-Петербурге опасались возможности погромов среди интеллигенции. По городу шныряли полицейские, время от времени производя аресты "ненадежных" рабочих, студентов, представителей интеллигенции. Свободная печать, родившаяся после опубликования манифеста, стала терять почву под ногами, однако, хоть и с трудом, но все же еще продолжала существовать. Полиция разгоняла митинги и собрания, которые, несмотря ни на что, все равно проводились. А тем временем в соответствии с положениями либерального избирательного закона от 11 декабря, разработанного при содействии Витте, продолжалась кампания по выборам в I Думу. Учитывая возросшее самосознание и влияние общественных сил, полиция все же не осмеливалась действовать полностью, как ей заблагорассудится. В жизни России началась новая эра, и общественность, осознав невозможность возвращения к прошлому, с презрением воспринимала ухищрения полиции.

Наш "Буревестник" стал одной из первых жертв полицейских репрессий. Власти стремились найти предлог для конфискации издания, однако

---

*Позднее виновного в разгроме русских войск (1915 год) в Восточной Пруссии.

нам всякий раз удавалось распространить весь тираж до налета полиции. То была своеобразная игра. И верх в ней одержала полиция, которая все-таки конфисковала восьмой или девятый номер бюллетеня, где, к несчастью, была опубликована моя весьма резкая статья. Этому номеру суждено было стать последним.

Я встретил весть о конфискации "Буревестника" без должного беспокойства. Приближалось Рождество, и я с удовольствием предвкушал возможность отдохнуть от лихорадочной журналистской деятельности и спокойно провести праздники в кругу семьи. Но поздно вечером 21 декабря, когда мы с женой наряжали для нашего восьмимесячного сына рождественскую елку, раздался звонок в дверь. Одновременно постучали в дверь черного хода. Это могла быть только полиция. Я немедленно поспешил к входной двери, с тем чтобы не вызвать подозрений, будто мы что-то прячем. В дверях стоял наш околоточный, тучный добродушный мужчина, который проживал по соседству с нами. Мы знали друг друга в лицо и часто при встрече обменивались замечаниями о погоде и подобных пустяках. С подчеркнутой вежливостью он попросил разрешения войти в квартиру, однако следом за ним вошли жандармский ротмистр, еще три или четыре жандарма и полицейский. В тот же момент с черного хода появилась еще одна группа полицейских в сопровождении дворника и нескольких понятых. Блюстители закона захватили нашу квартиру, словно это был вражеский бастион. Ротмистр вручил мне ордер на обыск, попросив ознакомиться с ним. В течение всего обыска, который продолжался несколько часов, ротмистр и его подчиненные вели себя абсолютно корректно. Когда полицейские вошли в детскую, ротмистр по просьбе моей жены приказал своим подчиненным не подходить к кроватке, где спал наш сын Олег, и не шуметь, чтобы не разбудить его. Обыск уже подходил к концу, когда один из жандармов вдруг обнаружил под кипой газет в углу гостиной какой-то сверток. Это были листовки "Организации вооруженного восстания", о существовании которых мы с женой давным-давно забыли. После Октябрьского манифеста эти листовки потеряли всякую актуальность и казались не чем иным, как детской забавой. Однако для нашего доброго соседа эта находка, видимо, имела важное значение. Сидя с бесстрастным, спокойным лицом, он писал протокол о найденных в моей квартире вещественных доказательствах, уличающих меня в преступных действиях. Потом дал его подписать мне и двум понятым. Пока шли все эти формальности, ротмистр подписал ордер на мой арест и сообщил мне, какие вещи я имею право взять с собой. Несмотря на глубокую тревогу, моя жена отнеслась к происходящему с подчеркнутым спокойствием и даже предложила чашку чая притомившемуся околоточному и ротмистру. От усталости у них слипались глаза, и крепкий горячий чай они пили с явным удовольствием. Непосвященный никогда бы не догадался, что в этом мирном "чаепитии" принимали участие представители сторон — правда, не самого высокого ранга, — находящиеся в состоянии войны.

На сборы вещей ушло совсем немного времени, а уж попрощались мы с женой и вовсе наспех, словно боясь потерять самообладание и выказать наши истинные чувства. В тот год рождественскую елку зажгли без меня.

На улице меня не ожидала карета моих детских воспоминаний с зашторенными зелеными окнами. Вместо нее стояли самые обычные дрожки с запряженной в них жалкой клячей. Сидеть в маленьком тесном возке рядом с грузным околоточным было не очень приятно, особенно когда на крошечное сидение прямо передо мной взгромоздился здоро-

венный полицейский. Пока мы ехали по пустынным улицам, небо на востоке стало постепенно светлеть. Приближался рассвет. Никто не сказал, куда мы едем, однако когда мы переехали через Неву и за мостом повернули направо, я увидел перед собой контур печально известных Крестов*. Формальности не заняли много времени, и я почти немедленно был отведен в камеру. Мне в общем виде сообщили правила тюремного распорядка. Загремел засов на двери, и я остался один.

Камера моя была в шесть шагов длиной и в три — шириной. Дневной свет проникал в нее через крошечное оконце, расположенное на самом верху внешней стены. В камере стояли стол со стулом, кровать и конечно же ночной горшок. На потолке тусклым светом горела лампа, никогда не выключавшаяся. Тяжелая дверь была оборудована "глазком", который закрывался снаружи металлической створкой. Я никогда не знал, открыта или нет эта створка и следит ли за мной глаз тюремщика. В первые дни это бесцеремонное наблюдение вызывало наибольшее раздражение, но постепенно я перестал обращать на него внимание.

Ознакомившись с окружающей обстановкой, я ощутил ужасную усталость и буквально рухнул на узенькую койку. К счастью, через мгновение я забылся тяжелым сном.

Спустя три часа меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Вошел надзиратель и сообщил, что настало время умывания. Поспешно вынув из саквояжа зубную щетку, мыло и полотенце, я последовал за надзирателем на верхнюю площадку, где уже стояла группа заключенных. Я присоединился к ним, и вскоре нас повели в общую умывальную комнату. У меня, новичка, вся процедура вызвала чувство отвращения. На умывание отпускалось пять, самое большее — десять минут. Индивидуальных умывальников не было, вместо них — длинное оцинкованное корыто с дюжиной кранов. Действуя крайне неловко, я попытался положить мыло и зубную щетку на маленькую полочку под краном. Поняв, что я новичок, мой сосед сообщил мне массу полезной информации, спросив при этом мою фамилию и номер камеры. Он, в частности, сказал, что в этой тюрьме уголовников практически не держат, большинство заключенных — политические преступники. После разговора с ним мне стало немного легче. Приятно было знать, что в тюрьме существует какое-то подобие подпольной, неофициальной жизни. Через несколько дней, вернувшись в камеру из умывальной, я неожиданно для себя обнаружил в кармане тонкий, туго скрученный листок бумаги. На нем была нарисована таблица: шесть рядов букв в алфавитном порядке, каждый ряд под своим номером — от одного до шести. Приписка внизу объясняла, как пользоваться этой системой букв для общения с другими заключенными, перестукиваясь по стене или по трубам центрального отопления. Это был специальный тюремный код, напоминающий азбуку Морзе. Основательно ознакомившись с кодом, я постучал в стену. Ответ соседа последовал немедленно и одной из первых новостей, которые я узнал от него, была та, что камера Сергея Васильева находится над моей, этажом выше.

К этому времени я уже вполне обжился в камере. Тюремные правила не отличались особой строгостью. Так, например, родственникам разрешалось передавать политическим заключенным продукты питания и сладости, а также в неограниченном количестве книги. Книги можно было также брать из прекрасной тюремной библиотеки. Как это не

---

*Свое название тюрьма получила потому, что построена она была в форме креста со сторожевой вышкой в центре для наблюдения за всеми четырьмя ее корпусами.

покажется странным, но я почти наслаждался своим одиночным заключением, которое предоставляло время для размышлений, для анализа прожитой жизни, для чтения книг сколько душе угодно. Дополнительное удовольствие доставляло общение и обмен новостями с Сергеем Васильевым при помощи тюремного кода. Так прошли две недели.

Закон запрещал держать арестованного в заключении более двух недель без объяснения причин ареста. Пока же мне не было предъявлено никаких обвинений. А я очень хотел бы их узнать в свете весьма странного поведения ротмистра во время моего ареста. Не задав мне ни одного вопроса относительно Сергея Васильева и его группы, ротмистр показал всем членам моей семьи, кроме меня, фотографию юной девушки, видимо, с целью ее опознания. Естественно, что никто не опознал ее, поскольку она никогда не бывала в нашем доме. Ротмистр проявил столь же мало интереса к номерам "Буревестника", сколь и к личности Сергея Васильева. Что означала вся эта возня вокруг девушки? Снова и снова обдумав всю ситуацию, я пришел к заключению, что у ротмистра были какие-то особые причины для появления в моем доме, абсолютно не связанные с найденными у меня листовками, за которые я был арестован. Тем не менее сколь-нибудь вразумительных объяснений у меня не было.

Мы были лишены права переписки, однако нам разрешалось обращаться в письменной форме к тюремному начальству. В таких случаях по нашей просьбе нам выдавали необходимые письменные принадлежности. Когда истек законный срок задержания, я направил письмо помощнику прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, в котором сообщал, что если в течение пяти дней мне не будут предъявлены обвинения, я начну голодовку. И когда по истечении пяти дней я не получил ответа на свой запрос, я начал голодовку. От запаха пищи, ежедневно оставляемой на столике рядом с кроватью, мутилось сознание. Мучала жажда, и, уступая ей, я иногда позволял себе выпить несколько глотков воды. И вдруг все прошло. На четвертый день мною овладело полное безразличие, и я впал в полубессознательное состояние. Начались галлюцинации. Меня охватило чувство блаженного покоя. На седьмой или восьмой день в камере появились заместитель начальника тюрьмы и несколько надзирателей. Меня подняли с койки и одели, чтобы препроводить к прокурору. Я был так слаб, что с трудом переставлял ноги, и два надзирателя вынуждены были поддерживать меня. В кабинете начальника тюрьмы я увидел жандармского полковника и помощника прокурора окружного суда. После продолжительной беседы прокурор предъявил мне, в соответствии со статьями 101 и 102 второй части Уголовного кодекса, обвинение в причастности к подготовке вооруженного восстания и принадлежности к организации, ставившей своей целью свержение существующего строя. Конца предъявленного обвинения я уже не услышал, так как от слабости потерял сознание. Придя в себя, я, как того требовали правила, подписал обвинение. После этого меня отвели обратно в камеру, где меня ожидал тюремный врач. С его помощью я вскоре полностью восстановил силы, и снова потянулись тюремные будни.

Своей голодовкой я намеревался привлечь внимание общественности к фактам продолжающихся, несмотря на Октябрьский манифест, нарушений закона. Но друзья, узнавшие об этом намерении от моего "ангела" (по тюремной терминологии ангелами называли тех надзирателей, которые из чувства симпатии к политическим заключенным помогали им держать связь с внешним миром), ничего не сообщили в прессу,

опасаясь обеспокоить мою жену. Плохо же они ее знали. Имей я возможность послать сообщение о голодовке непосредственно ей, она бы немедленно опубликовала его.

Мой разговор с полковником и помощником прокурора не пролил света на таинственную причастность к моей судьбе молодой девушки. Много позднее я узнал, что к моему аресту привел донос из "надежных источников" о том, что зимой 1905 года нашу квартиру часто посещала некая Серафима К. За членство в террористической организации социалистов-революционеров она в 1903 или 1904 году была выслана в Архангельск, откуда бежала осенью 1905 года. С того времени она нелегально проживала в Санкт-Петербурге, и полиция безуспешно пыталась найти ее. Листовки же, обнаруженные в моей квартире, послужили лишь неуклюжим предлогом для ареста.

Возвращаясь мыслями к тем дням, я всегда с благодарностью думаю о нелепом случае, приведшем меня в тюрьму. Так же как долгие месяцы вынужденного безделья в период болезни оказали решающее влияние на формирование моего самосознания в детстве, так и четыре месяца уединения за счет государства расширили мой кругозор и позволили лучше разобраться в том, что происходило в стране. Теперь, полностью освободившись от юношеского романтизма, я понял что в России никогда не будет подлинной демократии до тех пор, пока ее народ не сделает сознательного шага к единению во имя достижения общей цели. Я твердо решил, что после освобождения из тюрьмы отдам все силы делу сплочения всех демократических партий в России. Освобождения оставалось ждать совсем недолго.

Политические приготовления к выборам в I Думу начались ранней весной 1906 года. Граф Витте весьма успешно противодействовал попыткам властей вмешаться в ход предвыборной кампании или оказать тайное давление на избирателей. В то время как правые организации и реакционные круги бюрократического аппарата в бессильной ярости боролись против созыва Думы, партии социал-демократов и социалистов-революционеров призывали к бойкоту выборов в Думу и подвергали резким нападкам Витте и либералов, тем самым играя на руку придворной клике. И я, и мои друзья считали эту политику левых партий абсурдной, даже преступной. К счастью, народ в целом был неколебим в своей решимости принять участие в выборах. Особенно твердой была вера крестьянства в то, что выборы дадут им возможность рассказать о своих бедах непосредственно царю. И столь же незыблемо верили они в то, что царь поможет им.

Мы, политические заключенные, сидевшие в Крестах, участвовали в избирательной кампании лишь мысленно, однако, затаив дыхание, следили за развитием событий. В середине апреля были опубликованы результаты выборов. В Думу не был избран ни один кандидат от крайне правых и даже умеренных. Консервативные конституционалисты* (руководимые А. И. Гучковым, который сам не был избран) получили 12 мест. Умеренные либералы ("Союз демократических реформ") — 75. Было избрано 18 социал-демократов. Доминирующую роль в Думе приобрела Конституционно-демократическая партия (кадеты), получившая 179 мест. Более 100 из 200 крестьянских депутатов объединились на основе упрощенной народнической программы (программы социалистов-революционеров) в "Трудовую группу". Национальные группы,

---

* Октябристы.

состоявшие из 35 поляков и 25 представителей других национальных меньшинств, образовали "Союз федералистов"*.

Эти свободно избранные депутаты представляли новую Россию, родившуюся в борьбе за Конституцию. Мы в тюрьме с энтузиазмом восприняли итоги выборов и многие из нас вновь предались бесплодным мечтаниям о том, что теперь наконец-то монарх заключит мир со своим народом, поскольку среди избранных депутатов нет "оголтелых" — ни правых, ни левых. Для Витте, который, несмотря на некоторые ошибки, допущенные им в короткие месяцы его правления, проявил себя как величайший государственный деятель в истории России, эти свободные выборы оказались "лебединой песней". Перед самым открытием Думы его выбросили из правительства. Реформы, которые он разрабатывал, были преданы забвению, а его место занял типичный представитель санкт-петербургской бюрократии И. Л. Горемыкин. У Горемыкина, опиравшегося на поддержку царя, не было ни малейшего желания сотрудничать с избранным составом Думы. Как бы в насмешку, он внес на рассмотрение Думы законопроект об "обновлении оранжереи Дерптского университета". Никто, однако, не придал значения этому преднамеренному оскорблению. Все, затаив дыхание, ждали первой встречи царя с избранными представителями народа.

Открытие нового законодательного органа было отмечено высочайшим приемом в Зимнем дворце 27 апреля 1906 года в честь членов Думы и Государственного совета. В обстановке необычайной пышности, окруженный придворной знатью и великими князьями, царь зачитал с трона свое обращение. Весь Санкт-Петербург, да и вся страна ожидали, что его обращение завершится провозглашением амнистии. Но ожидания эти не оправдались.

Окна тюремного корпуса, в котором была моя камера, выходили на Неву; по ее набережной на противоположной стороне реки должны были проследовать на прием от Таврического до Зимнего дворца депутаты Думы. Мы знали об этом и в нарушение тюремных правил забрались на столы, чтобы, дотянувшись до узеньких окошек, увидеть это шествие. И когда сотни депутатов шли мимо, направляясь к Зимнему дворцу, мы стали размахивать всем чем ни попадя — носовыми платками, полотенцами, наволочками, громко крича: "Да здравствует амнистия!" Вряд ли кто из депутатов мог услышать нас, но они видели нас и некоторые помахали в ответ и что-то прокричали в знак приветствия.

Не стану останавливаться на истории I Думы, которая получила название "Дума народного гнева". Об этом уже немало было написано. Саму Думу я видел из окна тюремной камеры, а о ее кратковременной деятельности узнал только из газет.

Императорским манифестом I Дума была распущена. Законопроект о принудительном отчуждении частновладельческих земель, внесенный Конституционно-демократической партией и "Трудовой группой", оказался для Николая II "полностью неприемлемым". В случае принятия законопроекта крестьяне получили бы возможность обрабатывать земли, которые в течение ряда лет не возделывались их владельцами. На основе старого законодательства крестьяне арендовали у помещиков земли по вздутым ценам. Новый законопроект предусматривал, что компенсацию землевладельцам будет выплачивать казна.

Кровавое воскресенье 9 января 1905 года разрушило узы, связывавшие рабочих и престол. 8 июля 1906 года был нанесен смертельный

---

* Так у автора. — *Прим. ред.*

удар по вере крестьянства в царя как справедливого и беспристрастного защитника интересов народа.

Дума была распущена 8 июля 1906 года. А 24 июля известный государственный деятель и философ князь Евгений Трубецкой послал царю пророческое письмо. Следующие выдержки из этого письма в комментариях не нуждаются: " Я с невыразимой тревогой слежу за тем глубоким переворотом, который изо дня в день, из часа в час совершается в воззрениях и чувствах народных...

Еще во время выборов господствовало совершенно другое настроение: народ посылал выборных поведать царю свои нужды, — тогда лозунгом служило единение царя с народом. И это — вопреки пропаганде, направленной всецело к бойкоту Думы... Но то, что было не под силу пропаганде, теперь сделано злейшими врагами вашего величества — вашими советниками... Когда думская депутация не была принята вами, министры своим образом действий внушили народным массам несоответствующую действительности мысль, что государь не желает выслушивать их выборных. Министры *вместо вас* выступили с ответом на всеподданнейший адрес Думы и заговорили при этом тем языком, которым вправе выражаться только верховная власть. Узурпируя ваши полномочия, они отказали в амнистии и заранее наложили veto на аграрные проекты Думы.

Они обнажили корону. Они обнажали ее всякий раз, когда они выступали с тем или другим правительственным сообщением. Они постарались связать с именем монарха все ненавистное народу — отказ в дополнительном наделении землею путем принудительного отчуждения... полный отказ в милости политическим преступникам.

...Узнав о роспуске Думы, я был близок к отчаянию, ибо... этим нанесен страшный удар монархической идее.

Трудно себе представить ту степень сочувствия, каким пользовалась Дума среди народных масс: вокруг нее сосредоточивались народные надежды...

Государь, это не преувеличение! Стремление крестьян к земле имеет неудержимую силу... и всякий, кто будет противиться принудительному отчуждению, будет сметен с лица земли... Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ от наделения землей. И ваши советники переложили ответственность за этот отказ на монарха...

...Я вижу, как стараниями ваших министров прогрессивно ухудшается положение. Они всеми силами стараются изолировать ваш престол, лишить вас всякой поддержки и опоры. Я с ужасом вижу, что вокруг вас постепенно образуется пустота, и под вами разверзается бездна...

...Быть может, правительству удастся *теперь* репрессивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье! Но да не вводят вас в заблуждение эти временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий и *последний* взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сровняет с землею русскую культуру!..

Государь, тот приказной строй, который вы осудили, во всяком случае обречен на гибель. Но если вы будете медлить с его упразднением, если вы не поспешите удалить советников, воспитанных в его преданиях, вы сами будете погребены под его развалинами. А вместе с вами погибнет и наше лучшее будущее, наша надежда на мирное обновление родины"*.

И хотя за время существования I Думы взаимопонимания между царем и народом не было достигнуто, сам политический климат в этот

---

* Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 3 (10). С. 300—304.

период изменился к лучшему. Несмотря на то что амнистия не была объявлена, из тюрем без излишней шумихи выпустили всех политических заключенных, либо арестованных по ошибке, либо не представлявших опасности для короны. Среди них оказались Сергей с друзьями и я. Сергею разрешили остаться в столице, мне же было запрещено проживание в течение ряда лет — забыл точное число — в Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других крупных городах. Очевидно, такое решение было в какой-то степени связано с таинственными обстоятельствами моего ареста. Все другие члены ”Организации вооруженного восстания” вернулись к нормальной жизни и политической деятельности, что же касается меня, виновного лишь в хранении в своей квартире их листовок, то моя жизнь претерпела значительные изменения.

Я поговорил с давнишней приятельницей моих родителей госпожой Тройницкой. Ее семья относилась к ”среднему классу высшего общества” — определение, введенное Львом Толстым в отношении той части аристократии, которая не входила в узкий круг избранной придворной знати. Близко к сердцу приняв мои трудности, она немедленно позвонила директору департамента полиции сенатору Зволянскому, с дочерьми которого я познакомился в ее доме. Он согласился принять меня в служебном кабинете. Во время разговора он всячески утешал меня, стараясь доказать, что мои заботы — сущие пустяки. Отеческим тоном он призывал меня к терпению, хотя бы до тех пор, пока утихнут страсти. Но я с безрассудством отчаяния заявил, что не могу согласиться с произвольным решением полиции и, если оно не будет отменено, потребую для себя нового ареста, возвращения в тюрьму и предъявления мне новых обвинений. В конце концов мы достигли компромисса. Распоряжение будет отменено, но мне придется отправиться к отцу в Ташкент, провести там ”отпуск” и до осени не появляться в Санкт-Петербурге. Через несколько дней после этого разговора я вместе с женой и сыном отправился поездом в далекий Туркестан.

Глава 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

После окончания ташкентской ссылки я возвратился в Санкт-Петербург. Мой приезд совпал с попыткой покушения на жизнь Столыпина, предпринятой 12 августа 1906 года. Максималисты* взорвали бомбу в его летней резиденции на Аптекарском острове; погибло 32 человека, включая и преступников. Среди 22 раненых были сын и дочь Столыпина. Сам Столыпин не пострадал.

К этому времени я утратил всякую надежду на восстановление доверия между царем и народом, что казалось столь реальным после Октябрьского манифеста.

После роспуска I Думы и принятия членами бывшей Думы "Выборгского воззвания", призвавшего население к "пассивному сопротивлению" путем отказа от уплаты налогов и службы в армии, по городам и сельским районам, а также в армии прокатилась новая волна революционных волнений. Крестьянские беспорядки, охватившие Россию, были жестоко подавлены. В районах с нерусским населением, особенно в Финляндии, прибалтийских губерниях и в Польше, резко усилились антирусские настроения. По всей стране были разосланы карательные экспедиции. В городах происходили столкновения с солдатами и стачки. Особой ожесточенностью отличались еврейские погромы, организованные пресловутым "Союзом русского народа". Одним словом, казалось, что Россия вновь отброшена к мрачным временам, царившим в стране до опубликования манифеста 17 октября 1905 года.

Что касается меня, то я устал от безделья и ожидания того дня, когда смогу приступить к работе в качестве защитника на политических процессах. Я хотел использовать возможности, связанные с такой работой, для поездок по России и ознакомления на месте с настроениями населения. В свете развития политических событий такая задача становилась все более актуальной. И дело уже было вовсе не в том, чтобы понять помыслы людей: они нуждались в активной помощи. Но мои перспективы казались весьма безрадостными. Я упорно отказывался от всех гражданских и уголовных дел в надежде на участие в политическом процессе. Настроение было хуже некуда. Как же можно мне, так страстно желавшему помочь людям, отказать в этом?

Мрак в моей душе рассеялся самым неожиданным образом. В конце октября мне позвонил известный адвокат Н. Д. Соколов: "Вам выпал случай принять участие в политическом процессе". Я радостно вскричал: "Когда, где?" "Наша группа защитников отправляется в Кронштадт на крупный процесс по делу о бунте на крейсере "Память Азова". В нем замешан один из руководителей социалистов-революционеров Фундаминский-Бунаков, и мы взялись защищать его и матросов. К сожалению, в тот же день, 30 октября, начинается еще один политический процесс — в Ревеле по делу крестьян, разграбивших поместье местного барона. Вам следует отправиться в Ревель и взять это дело на себя".

---

* **Экстремистская эсеровская группа.**

"Но это невозможно! Я никогда раньше не занимался политическими делами",— возразил я. "Что ж, воля ваша. Вам представляется большой шанс. Решайте: либо вы воспользуетесь им, либо нет".

"Хорошо. Еду",— ответил я почти без колебаний. В тот же день я отправился ночным поездом в Ревель.

Всю ночь и весь следующий день, выпив, чтобы не уснуть, не одну чашку черного кофе, я страницу за страницей изучал материалы дела. Передо мной, я чувствовал, раскрывалась истинная подоплека событий. К делу были приобщены многочисленные показания свидетелей, официальные и медицинские справки, заявления обвиняемых. Два дня, оставшиеся до процесса, я потратил на тщательное изучение дела и связанных с ним политических и социальных аспектов. Положение прибалтийских крестьян было особенно тяжелым. Освобожденные Александром II, они не получили земли, а стали арендовать ее у местных землевладельцев, в большинстве своем немецких баронов, которые сохранили в отношении них часть своих феодальных прав. На волне карательных экспедиций некоторые из землевладельцев в районах волнений были назначены на почетную должность помощников уездных начальников, получив широкие полицейские полномочия, которыми безжалостно воспользовались против своих же собственных крестьян.

Данное дело касалось разграбления поместья и помещичьего дома, а также нанесенного при этом ущерба. Однако преступление крестьян блекло перед жестокостью расправы с ними. Вместо ареста и содержания до суда под стражей обвиняемых подвергли порке, а многих даже застрелили на месте. Некоторых, выбранных наугад "козлов отпущения", после порки потащили на скамью подсудимых. Обвинитель заявил, что главные зачинщики не могут предстать на процессе, поскольку либо сбежали, либо убиты.

В день открытия процесса я направился в окружной суд, где должно было начаться слушание дела. Местные адвокаты, возглавляемые будущим президентом Эстонской республики Я. Поской, были крайне озадачены. Вместо маститого санкт-петербургского юриста пред их очами предстал неизвестный молодой человек. (Я всегда выглядел моложе своих лет, а тогда мне было всего лишь 25.) Тем не менее они проявили ко мне дружеское расположение. Сославшись на то, что я участвовал всего в нескольких уголовных делах при поступлении в коллегию адвокатов, я попросил Поску взять на себя руководство защитой. Поска любезно отклонил мое предложение, предоставив мне тем самым полную самостоятельность. Несмотря на мою неопытность, все обошлось наилучшим образом. Мне удалось не только успешно провести защиту, но и назвать организаторов и участников карательных экспедиций. Мы выиграли дело, большинство обвиненных крестьян было оправдано. Когда я кончил свою защитительную речь, наступила тишина, а затем зал взорвался бурей аплодисментов. Председатель суда Муромцев, проявивший в ходе процесса полную беспристрастность, призвал публику к порядку, пригрозив очистить помещение, если шум не прекратится. После объявления приговора меня окружили адвокаты и родственники обвиняемых, чтобы пожать мне руку и от всей души поздравить с успехом. Я был несколько растерян. А Поска сказал: "Почему же вы сказали нам, что никогда прежде не вели процессов? Почему не приезжали сюда раньше?" Они никак не могли поверить, что это был мой первый процесс.

Двумя днями позже, вернувшись в Санкт-Петербург, я зашел в суд и в одной из комнат, где обычно собирались адвокаты, меня приветствовали мои коллеги: "Замечательно! Примите наши поздравления!"

"Что замечательно?" — спросил я.

"Не притворяйтесь, что не знаете. Нам ведь звонили по телефону, да и в местной печати уже опубликованы сообщения о вашей речи в Ревеле".

Таков был мой дебют в качестве адвоката и политического оратора. Без ложной скромности могу сказать, что мои ораторские способности были признаны. Должен добавить, что никогда не писал заранее текстов выступлений и не репетировал их.

После ревельского процесса на меня со всех сторон посыпались предложения. Вплоть до осени 1912 года, до моего избрания в Думу, я редко бывал в Санкт-Петербурге. По делам службы я объездил все губернии, всю страну от Иркутска до Риги, от Санкт-Петербурга до Маргелана в Туркестане, так же, как и города Кавказа, Поволжья и Сибири.

Не все политические процессы вели адвокаты из группы политических защитников, поскольку иногда обвиняемые могли позволить себе самим выбрать защиту. За политические дела брались в ту пору такие блестящие знатоки уголовного права, как петербуржцы Андриевский, Карабчевский, Грузенберг, москвичи Маклаков, Муравьев, Ледницкий и Тесленко. Но во всех крупных российских городах были созданы специальные объединения политических адвокатов, вроде того, к которому принадлежал и я, и они-то и оказывали юридическую помощь крестьянам, рабочим и другим лицам, которые не могли позволить себе расходов на защиту. У нас не было членства, не было и устава. Согласно неофициальному соглашению, наш гонорар сводился к стоимости проезда во втором классе и суточным в размере 10 рублей. Старшие, известные и признанные, адвокаты из нашей среды принимали участие в этих благотворительных процессах реже, чем представители молодого поколения. Такого рода дела требовали особого, глубокого сострадания к обвиняемым и осознания политического значения этих процессов. Именно о такой работе я и мечтал.

Последствием революции 1905 года была волна репрессий, прокатившаяся по стране с 1906 по начало 1909 года. После подавления карательными экспедициями крестьянских и других волнений началась охота на остатки революционных организаций или, как их называли, банд. Жертв судили в военных трибуналах. Это была кампания организованного юридического террора. Она не только противоречила нормам морали, но и была абсолютно бессмысленна, поскольку революционный накал сошел на нет и люди вернулись к нормальной повседневной жизни. Однако суть дела заключалась в том, что власти не могли забыть событий 1905—1906 годов и не хотели, чтобы о них забыла и общественность.

В положении о специально созданных военных трибуналах, представленных Столыпиным 19 августа 1906 года*, юридические гарантии прав обвиняемым не были предоставлены. Учреждение этих судов вызвало в стране такую бурю возмущения, что Столыпин даже не представил положения о них на рассмотрение Думы в течение двух месяцев после ее созыва, как это предусматривалось законом.

Большинство политических дел рассматривалось в окружных военных трибуналах. Главным военным прокурором в то время был генерал Павлов, безжалостный человек, который считал, что судьи должны выполнять свой "долг", не обращая ни малейшего внимания на доводы защиты. Павлов продержался на своем посту недолго. Опасаясь попы-

---

*См. гл. 6.

ток покушения на свою жизнь, он принимал все возможные меры предосторожности. Он никогда не покидал здания Главного военного суда, где у него была и квартира, к которой прилегал сад, окруженный высоким забором. В этом-то саду он и был убит террористами.

Одним из специальных военных судей в прибалтийских губерниях был некий генерал Кошелев, снискавший недобрую славу своей патологической жестокостью. Это был настоящий садист, любивший разглядывать порнографические открытки во время заседаний суда при рассмотрении дел тех обвиняемых, которым грозил смертный приговор. В конце 1906 — начале 1907 годов он председательствовал в Риге на процессе по делу так называемой "Тукумской республики", на котором я был одним из защитников. Во время беспорядков в Тукумсе в 1905 году было убито 15 драгунов. Вскоре после начала процесса стало очевидным, что Кошелев не заинтересован в установлении истины, а лишь стремится отобрать среди обвиняемых 15 человек, чтобы повесить их в отместку за смерть драгунов. 15 человек были повешены.

Согласно правилам, в военном трибунале вместе с судьей всегда заседали четыре полковника, с которыми судья обязан был консультироваться. Предполагалось, что полковники, избиравшиеся по очереди из состава местного гарнизона, будут представлять независимое жюри. Однако в прибалтийских губерниях военные власти постоянно нарушали дух и букву этого правила, назначая двух полковников из числа наиболее покладистых постоянными членами трибунала, которые сопровождали председателя трибунала на всех процессах, здесь происходивших.

Конечно, не все военные судьи походили на Кошелева. В прибалтийских губерниях было два других судьи — Арбузов и Никифоров. Никифоров являлся полной противоположностью Кошелеву. Человек глубоко верующий, он перед вынесением смертного приговора шел обычно в церковь. Осенью 1908 года он председательствовал на процессе по делу независимой террористической группы социалистов-революционеров, так называемой "Северной боевой организации". Возглавлял группу эстонец Трауберг, который утверждал, что в руководстве партии социалистов-революционеров орудует некий высокопоставленный агент-провокатор. Достойное поведение Трауберга на процессе произвело большое впечатление на присутствовавших, убедившихся в том, что он говорил правду. Когда помощник прокурора Ильин, человек крайне амбициозный, попытался запугать обвиняемого, Никифоров резко осадил его: "Если Трауберг говорит это, мы должны считаться с его словами".

Были и другие добропорядочные судьи, такие, как генерал Кирилин из Санкт-Петербургского военного округа, который, несмотря на давление сверху, проводил процессы безупречно.

Я предпочитал работать в губернских военных трибуналах, где судьи были менее склонны подчиняться давлению извне. Вспоминается дело об экспроприации Миасского казначейства на юге Урала. Дело рассматривал военный трибунал в Златоусте. Как обычно, председательствовал генерал с юридическим образованием, выпускник Военно-юридической академии. В состав суда входили четыре полковника, однако на сей раз они не подверглись давлению извне.

Все обвиняемые — молодые люди, члены большевистской группы социал-демократов во главе с Алексеевым, выходцем из богатой уфимской купеческой семьи. Нам удалось доказать несостоятельность обвинения, и судья оправдал некоторых из обвиняемых.

Позднее Алексеев рассказал мне об экспроприациях, которые осуществляла его группа. Официально Ленин и большевистская печать заклей-

мили экспроприации как "мелкобуржуазную практику" левых социалистов-революционеров и максималистов. "Как же так, — спросил я Алексеева.— Выходит, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?"

"Очень просто,— ответил он. — По этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели — мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции. Захваченные деньги переправляются на Капри Горькому для финансирования его школы*. Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, "осуждая" свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают".

В специальном отделе по политическим делам судебной палаты приговоры утверждались большинством голосов судей, назначавшихся по рекомендации министра юстиции И. Г. Щегловитова. В частной беседе со мной председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинников весьма красочно живописал настроения этих судей. "Надеюсь, вы понимаете, что на всех этих политических процессах не делается и видимости служения истине. Они — отражение ожесточенной политической борьбы. То, что ваши клиенты принимают за справедливость, для меня — уголовное преступление". До революции 1905 года Крашенинников был одним из самых беспристрастных судей, однако революционные эксцессы ожесточили его и привели в ряды правых.

Мой опыт в России и позднейшие наблюдения в период заграничной ссылки утвердили меня в том, что там, где замешана политика, беспристрастность невозможна. Когда идет жестокая политическая борьба, ни один судья, по своей человеческой натуре, не может сохранить независимость суждений.

Щегловитова всячески поощрял царь, который был непримирим в политических вопросах. Показательным было его отношение к процессам о погромах, учиненных членами "Союза русского народа". Среди документов, рассмотренных Чрезвычайной комиссией Временного правительства по расследованию деятельности бывших министров и высокопоставленных чиновников, есть заявление начальника одного из департаментов министерства юстиции Лядова. Из всех прошений о помиловании, рассматривавшихся в его департаменте, утверждает Лядов, царь неизменно удовлетворял лишь те, которые подавали члены "Союза русского народа", и отвергал прошения, поданные революционерами.

В первые годы своей карьеры я вел дело Союза учителей Санкт-Петербургской губернии. Дело рассматривалось в аппеляционном суде в ноябре 1907 года. Обвиняемым инкриминировались антиправительственные заявления, содержавшиеся в их петициях, направленных в Сенат. Эти петиции были поданы в полном соответствии с положениями императорского Указа от 18 февраля 1905 года**. Указ призывал все группы, организации и частных лиц вносить предложения о реформах и сообщать о недостатках в деятельности правительства. Теперь же, спустя годы, их подвергли тщательному изучению и использовали против составителей. В дело оказались вовлеченными многие сельские учителя. В период послаблений, когда люди посмели свободно выражать свои взгляды, крестьяне часто делегировали сельских учителей выступать от их имени на митингах и собраниях. Представители местных

---

*Школа обучала и давала партийное образование руководителям будущего восстания.

**См. с. 34.

властей, в том числе директора начальных школ, выступая со стороны защиты, в своих показаниях отмечали благонамеренность учителей, с похвалой отзывались об их деятельности на сельских сходах и собраниях кооперативных обществ, особенно отмечая, что учителям нередко удавалось утихомиривать кипящие страсти. Приговор был мягким, многих учителей оправдали, но ни один из них не был восстановлен на работе. Результат этого процесса явился страшным ударом по прослойке образованных людей сельских районов Санкт-Петербургской губернии. Всем стало ясно, что Указ о петициях оказался не чем иным, как ловушкой для тех, кто принял слово царя за чистую монету. Подобных дел было немало. Так, в 1908 или 1909 году несколько служащих почт и телеграфа в Вильне были обвинены в организации всеобщей забастовки в 1905 году, до опубликования манифеста 17 октября,— забастовки, о которой многие из обвиняемых успели давно позабыть.

Однажды я выступал в Тверской губернии защитником по делу группы "Крестьянское братство". Ее руководителем был молодой крестьянин лет 25—30. У меня с ним состоялся весьма интересный и поучительный разговор. Он обладал ясным живым умом и рассматривал положение с точки зрения своих односельчан и крестьянства в целом. Он подробно рассказал о деятельности и значении своего "Братства". Несмотря на преследования, члены "Братства" продолжали отстаивать свои вполне определенные взгляды на аграрный вопрос и развитие крестьянства. Они высоко ценили образование, читали книги и местные газеты, а также участвовали в организации кооперативных обществ и других полезных начинаниях. Россия и впрямь после 1905 года значительно выросла в политическом отношении.

В военных судах солдаты охотно сотрудничали с представителями защиты и откровенно излагали причины своих поступков. На процессе военнослужащих первой гвардейской артиллерийской бригады в Санкт-Петербурге власти, например, утверждали, что подсудимые-агитаторы возбуждали среди солдат ненависть к офицерам, хотя, как говорилось в обвинительном заключении, они толком не разумели, о чем говорят. На самом же деле обвиняемые оказались вполне умными людьми и полностью отдавали себе отчет в своих поступках. Они не возражали против соблюдения дисциплины, но при условии, что офицеры будут справедливо к ним относиться.

Одним из крупнейших для меня процессов стал процесс по делу армянской партии Дашнакцутюн в 1912 году. Оно стало эпилогом в прискорбной деятельности князя Голицына* в начале столетия, в результате которой даже такие верные друзья России, как армяне, превратились в грозную революционную силу. Перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов (которые, как утверждалось, предоставляли революционерам денежные средства). Расследование длилось несколько лет. Аресты шли по всей России и в конце концов в Санкт-Петербурге был учрежден специальный сенатский суд. Некоторых обвиняемых продержали в тюрьме почти четыре года, прежде чем начались судебные заседания. Слушания открылись в январе 1912 года и продолжались до середины марта. Были опрошены шестьсот свидетелей. Опасаясь беспорядков, полиция приняла особые меры предосторожности. Суд шел при закрытых дверях, в зал заседаний не допустили

* Наместник на Кавказе.

даже родственников обвиняемых. Атмосферу накаляли всякого рода запреты.

В начале процесса один из подсудимых заявил о своей невиновности. Председательствующий на процессе сенатор Кривцов вынес постановление о том, чтобы было оглашено заключение следствия, которое носило чисто обвинительный характер. Я вмешался и попросил судью назначить эксперта для изучения свидетельских показаний, которые, по моему глубокому убеждению, являлись лжесвидетельством. Озадаченный моей просьбой, Кривцов спросил: "Отдаете ли вы себе отчет в том, о чем просите и что ожидает вас в случае ошибки?"

"Да, отдаю",— ответил я без колебаний.

Была назначена экспертиза, и бóльшую часть свидетельств признали фальшивой. Защите удалось также доказать ложность показаний и по другим пунктам обвинения. Дошло до того, что стоило мне подняться, чтобы заявить по тому или иному поводу протест, как судья утвердительно махал рукой и бормотал: "Принято". Из 145 обвиняемых 95 были оправданы, 47 получили тюремное заключение или ссылку в Сибирь и только трех приговорили к каторжным работам. Исход процесса поднял престиж России за рубежом, особенно среди армян в Турции. Следователь Лужин был обвинен в лжесвидетельстве, однако дело против него в конечном счете прекратили, после того как комиссия психиатров признала его невменяемым.

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

Процесс по делу армян завершился в середине марта. Времени почивать на лаврах оказалось у меня немного. 4 апреля 1912 года произошли Ленские события. Поскольку они стали вехой в истории борьбы против реакционных сил в России, вкратце расскажу о них.

Могущественное англо-русское Ленское золотопромышленное товарищество занималось эксплуатацией рудников в районе реки Бодайбо в северо-восточной части Иркутской губернии. Иркутск, ближайший железнодорожный узел, находился в 2250 километрах. Золотые прииски располагались на безжизненном плоскогорье, изрезанном бесплодными долинами и бурными реками. Снег в горах лежал вплоть до конца июня, а зима наступала в конце сентября. Горнорабочие жили и работали на этом безжизненном плоскогорье в ужасающей нищете. Отсутствие средств сообщения превращало их в заключенных, полностью зависимых от компании,— она владела единственной в районе железнодорожной веткой и контролировала все движение речного транспорта. В 1911 году губернатор Иркутска полковник Бантыш, посетивший Ленские прииски, был потрясен условиями их жизни и работы и потребовал от администрации во избежание неприятностей принятия самых решительных мер. Его предупреждение осталось без внимания.

Предлог для забастовки был самым обыденным — ее объявили в знак протеста против низкого качества получаемого ими в пищу мяса,— однако это была последняя капля, переполнившая чашу терпения. И хотя рабочие были настроены крайне мирно, они тем не менее намерены были идти до конца. Управление компании решительно отказалось вести с рабочими какие-либо переговоры. Опасаясь серьезных

беспорядков и не желая удовлетворять законные требования рабочих, администрация обратилась за помощью в столицу. Департамент полиции в Санкт-Петербурге немедленно направил в район волнений для наведения порядка жандармского капитана Трещенкова. Но его методы запугивания только укрепили волю рабочих бороться за свои права. 4 апреля рабочие вместе с женами направились к административному корпусу, чтобы потребовать улучшения своего положения. Их встретили ружейными залпами. Было убито около 200 человек, еще больше ранено. Священник, срочно вызванный к умирающим, сохранил для нас в книгах местной церкви описание случившегося.

"В первой же палате я увидел раненых рабочих, без всякого ухода валявшихся на полу и на койках... Воздух раздирали стоны жертв. Мне пришлось встать на колени прямо в лужу крови, чтобы свершить последний обряд, и, едва успев отпустить грехи одному, я вынужден был обратиться к другому. Все умирающие клялись, что намерения у них были самые мирные и что они просто хотели вручить петицию. Я поверил им. Умирающий человек не лжет".

Ленский расстрел 4 апреля 1912 года послужил сигналом для нового взрыва общественной активности и революционной агитации. Повсюду зазвучали голоса протеста — на заводах, в печати, на партийных митингах, в университетах, а также в Думе. Правительство было вынуждено назначить комиссию с широкими полномочиями для расследования на месте всех обстоятельств побоища. Главой комиссии назначили бывшего министра юстиции в кабинете Витте С. С. Манухина, пользовавшегося всеобщим уважением; он лично отправился на прииски. Однако это не удовлетворило общественное мнение; оппозиция в Думе (либералы, социал-демократы и трудовики) приняла решение послать на Лену свою комиссию. Я был назначен главой этой комиссии, к работе в которой я пригласил принять участие двух московских юристов — С. А. Кобякова и А. М. Никитина. Поездка оказалась удивительно интересной. Мы добирались до места поездом, лошадями, пароходом и на конечном этапе путешествия — в шитике*. Красота, окружавшая нас во время поездки по Лене, не поддается описанию. На одном берегу реки стояли дома, на другом — девственные леса. На рассвете к реке на водопой спускались целыми семействами медведи.

На всем пути следования по Лене мы постоянно встречали политических ссыльных. Незабываемые часы провел я с Екатериной Брешко-Брешковской, знаменитой "бабушкой русской революции", которую до тех пор никогда не видел.

Положение по приезде на прииск сложилось весьма своеобразное. Правительственная комиссия во главе с сенатором Манухиным разместилась в одном из домов поселка, а через улицу в другом доме находилась штаб-квартира нашей. Обе комиссии проводили опросы и перекрестные допросы свидетелей. Обе фиксировали показания служащих и готовили отчеты. Свои зашифрованные отчеты сенатор Манухин направлял в министерство юстиции и царю. Мы же свои — по телефону в Думу и в прессу. Нет нужды говорить о том, что администрация прииска была раздосадована нашим вмешательством, однако ни сенатор, ни представители местных властей не чинили нам препятствий. Напротив, мы встретили полное понимание со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири Князева, а иркутский губернатор Бантыш

---

* Лодка, напоминающая венецианскую гондолу.

и его специальный помощник А. Мейш оказали нам большую помощь. В результате открытого расследования монопольное положение компании было ликвидировано, а ее администрация полностью реорганизована. Трущобы, в которых жили рабочие и их семьи, разрушили, а на их месте построили новые дома. Была повышена зарплата и значительно улучшены условия труда. Мы имели все основания испытывать чувство удовлетворения от проделанной сообща работы.

ИЗБРАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Я никогда не заглядывал в будущее и не строил политических планов. С самого начала политической жизни моим единственным желанием было служить своей стране. Вот почему я был захвачен врасплох, когда осенью 1910 года во время одного из процессов в Санкт-Петербурге ко мне обратились глава фракции "трудовиков" в I Думе Л. М. Брамсон и член Центрального комитета этой партии С. Знаменский с предложением баллотироваться на выборах в IV Думу по списку трудовиков. Идея стать членом Думы никогда прежде не приходила мне в голову, такое предложение поэтому было полной неожиданностью. Мне сказали, что предполагалось расширение фракции трудовиков в Думе за счет присоединения к ней других народнических групп. А также, что для избрания необходимо располагать собственностью — они посоветовали мне позаботиться о ее приобретении. Я всегда с симпатией относился к движению народников и потому без колебаний принял предложение.

Поскольку никаких связей в партии я не имел, то получил для ведения избирательной кампании крайне трудный участок — Саратовскую губернию, где в результате столыпинской избирательной реформы постоянно укреплялись позиции местного дворянства. Другим кандидатам достались такие "демократические" губернии, как Вятская и Пермская. Однако, как потом выяснилось, все другие кандидаты потерпели поражение в ходе предварительной кампании, и к осени 1912 года я оказался единственным из 15 новых кандидатов от трудовой группы.

После возвращения с Ленских приисков я отправился в уездный центр Саратовской губернии город Вольск, где мне предстояло начать предвыборную кампанию. До этого я побывал в Вольске лишь однажды, когда приезжал для оформления покупки собственности, дающей мне право баллотироваться на выборах. Вольск в те времена был живописный старинный русский город. Традиции свободолюбия и острое чувство независимости, присущее жителям, уходили в глубь истории ко временам Пугачевского крестьянского восстания конца XVIII века.

В Вольске я немедленно установил контакты с замечательными людьми самых различных профессий — судьями, врачами, чиновниками. На предвыборных собраниях я мог говорить свободно, не прибегая к революционной риторике, поскольку идеи мои находили благодатную почву в аудитории.

Новый избирательный закон отличался сложностью и его положения нарушали все нормы демократической процедуры. Депутаты избирались коллегиями выборщиков, в которых были представлены четыре группы (курии): землевладельцы, городское население, крестьяне и в некоторых округах — промышленные рабочие. Каждая курия выбирала своего

депутата в Думу, а остальные депутаты выбирались на общем губернском собрании всех курий. Я был избран депутатом на собрании от курии городских жителей. Соперников у меня не было. Такого единства было трудно достичь в крестьянской курии, так как среди зажиточных крестьян и деревенских старшин было немало желающих стать депутатом Думы. Так я стал депутатом IV Думы.

ДЕЛО МЕНДЕЛЯ БЕЙЛИСА

В связи с кризисным состоянием, сложившимся в Европе в 1912—1913 годах, жизненные интересы Российской империи диктовали ей необходимость вести более гибкую благожелательную политику в отношении нерусских народов, живших в приграничных районах.

В то время как отношения с Германией, Австро-Венгрией и Турцией быстро ухудшались, незаконная отмена конституционного режима в Финляндии привела к тому, что в прошлом лояльная страна превратилась в потенциальный плацдарм прогерманской пропаганды. Потерпела провал попытка И. Г. Щегловитова использовать процесс Дашнакцутюн для разжигания вражды к армянам, жившим на границе с Турцией. Все это ни в малой степени не смутило реакционные круги, которые полностью забыли в канун всеобщего европейского кризиса о своей ответственности за состояние дел в бескрайней империи, населенной многими разными народами. Балканские войны 1912—1913 годов стали прелюдией к первой мировой войне. Разжигание военной истерии великими державами обеих коалиций стало приобретать зловещий характер.

Приблизительно в это время в Киеве начался процесс Менделя Бейлиса. Этот простой, безгрешный человек был обвинен в совершении ритуального убийства малолетнего мальчика-христианина Андрея Ющинского. Было бы большой несправедливостью по отношению к России и ее народу, если бы я не подчеркнул, что по всей стране прокатилась огромная волна возмущения. Свой открытый протест заявили не только независимые круги общественности, но даже и общественные организации, включая чиновников министерства юстиции, которые расценили этот процесс как личное оскорбление. Высшая иерархия русской церкви решительно отказалась подтвердить, будто ритуальные убийства детей-христиан являются частью иудейской веры.

Профессия юриста — составная часть правовой системы государства, главная функция юриста — защита истины, справедливости и гражданских свобод. Мы, члены коллегии адвокатов, представляли автономный орган, и нашей обязанностью было открыто донести правду до сведения И. Г. Щегловитова и всех тех, кто искажал русскую правовую систему. Адвокатам Санкт-Петербурга следовало твердо определить свою позицию. 23 октября 1913 года, за пять дней до того, как присяжные признали Менделя Бейлиса невиновным в совершении преступления, коллегия адвокатов Санкт-Петербурга единогласно приняла следующую резолюцию:

"Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а также против возложения на суд

чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды.

Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России".

Эта резолюция имела огромный резонанс в России и, что было еще более важно, произвела глубокое впечатление за рубежом. Дело Бейлиса в значительной мере усилило антирусские настроения в Европе и Соединенных Штатах и ярко иллюстрировало антипатриотическую деятельность правящей верхушки в канун первой мировой войны. Президент Вудро Вильсон и до этого не проявлял ни понимания проблем России, ни чувств симпатии к ней. Дело Бейлиса стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. И когда разразилась война, правительство США заняло крайне враждебную позицию в отношении России и приняло решение не оказывать ей финансовой и другой помощи.

Реакция широких кругов общественности вызвала ярость тех, кто инспирировал дело Бейлиса, и 25 видных адвокатов, подписавших резолюцию, были отданы под суд. Среди них был и я. Наш процесс открылся в окружном суде Санкт-Петербурга 3 июня и продолжался до 6 июня 1914 года — до начала войны оставалось менее восьми недель. Нас горячо поддержала пресса и общественные деятели, независимо от их политических взглядов. Несколько ранее дело Бейлиса подверг уничтожающей критике в консервативном органе печати "Киевлянине" лидер правых в Думе В. Шульгин. Хотя по своим политическим взглядам Шульгин был антисемит, однако и он не смог промолчать перед лицом постыдных обстоятельств дела Бейлиса. За это он также получил восемь месяцев тюремного заключения. Поскольку в новом Уголовном кодексе 1903 года не было статей, относящихся к нашему "преступлению", нам вынесли обвинительный приговор согласно статье 279 закона времен Екатерины II за распространение "клеветнических" анонимных писем. Двадцать три моих коллеги получили шесть месяцев заключения в крепости. Н. Д. Соколов, как один из основных авторов, и я, как инициатор принятия резолюции, были приговорены к восьми месяцам тюремного заключения и лишению прав быть куда-либо избранными.

МАСОНЫ

Описание Толстым в "Войне и мире" роли и деятельности масонов в основном соответствует истине. В XVIII и начале XIX веков эта организация была ведущей силой в духовном и политическом развитии России, особенно после того, как в ее ложи вступили Н. И. Новиков и многие другие выдающиеся политические и государственные деятели. Среди масонов были и верующие и вольнодумцы. Поначалу Екатерина II терпимо относилась к существованию лож. Сторонница вольтерьянства и свободомыслия, императрица не была обременена "религиозными предрассудками". Просветительская деятельность масонов выражалась в создании типографий и в пропаганде либеральных идей. В том грубо искаженном изображении масонства, которое стало общепринятым даже в просвещенных слоях общества в период царствования Николая I, весьма мало правды.

Однако Новиков вскоре подвергся репрессиям: будущий царь Павел I оказался под влиянием масонов из лиц своего ближайшего окружения, и Екатерина II имела все основания считать, что масоны намерены превратить Великого князя в свое послушное орудие. Эти репрессии

нанесли удар по русскому масонству, от которого оно так никогда и не оправилось. После восшествия на трон Павла I Новикова возвратили из ссылки и приблизили к императорскому окружению в Гатчине, где он вскоре осознал полную несовместимость своих идей с палочной дисциплиной Павла I.

Начало правления Александра I было отмечено господствующим влиянием людей, входящих в масонские ложи. Главной задачей "общества" было объединение культурной элиты России для уничтожения абсолютизма, а также освобождения крестьян — цель, к которой благосклонно относился сам царь Александр I, покровительствовавший ордену. В орден входили видные государственные деятели, такие, как либерал Сперанский и герой войн с Наполеоном Кутузов. К ложам примыкали многие из декабристов. После восстания декабристов, в период реакционного правления Николая I ложи были объявлены вне закона, однако, по-видимому, они продолжали свою деятельность подпольно. В начале XX века возродившиеся масонские общества вели работу по укреплению связей между лидерами просвещенного земства и городской интеллигенцией. В мои годы масоны в России действовали подпольно, и не только потому, что вплоть до 1905 года всякая социальная и политическая деятельность могла вестись только нелегально, но и потому, что общественность крайне недоброжелательно воспринимала всякую организацию, которая во имя достижения общей цели объединяла членов самых различных политических партий.

Первоначально я не намеревался писать о русском масонстве. Однако некоторые "разоблачения", появившиеся за последние годы в русской и нерусской прессе, объясняли падение монархии и создание Временного правительства тайной деятельностью лож. Я счел своим долгом опровергнуть такую абсурдную трактовку великих и трагических событий, которые определили величайший поворот в истории России. Во имя восстановления исторической правды я и остановлюсь кратко на этой теме*.

При отъезде из России летом 1918 года мне было поручено раскрыть суть нашей работы, без упоминания чьих-либо имен, для восстановления истины в том случае, если в прессе когда-либо появятся искажающие ее материалы. Теперь пришло время сделать это, поскольку в секретных письмах двум своим друзьям видная политическая деятельница, масонка с большим стажем Ю. Д. Кускова упоминает мое имя и сообщает другому политическому деятелю о моем членстве в ложе**.

Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь непременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержа-

---

* При обсуждении политического устройства, работы и целей масонского общества я, подчеркиваю это обстоятельство, связан торжественной клятвой, данной при вступлении в масоны, не раскрывать имен других членов общества.

** Письма были посмертно опубликованы в работе Грегори Аронсона "Россия накануне революции". Нью-Йорк, 1962.

ние секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества. Изучая в Гуверовском институте циркуляры Департамента полиции, я не обнаружил в них никаких данных о существовании нашего общества, даже в тех двух циркулярах, которые касаются меня лично*.

Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший Совет ордена имел право создавать специальные ложи помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая — для писателей и так далее. При создании каждая ложа получала полную автономию. Ни один орган ордена не имел права вмешиваться в работу ложи или в вопрос о приеме в нее новых членов. На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял на рассмотрение делегатов доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий год. Порой на съездах между членами одной и той же партии происходили острые столкновения мнений по таким жизненно важным проблемам, как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности.

Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в значительной мере была воплощена в жизнь Временным правительством. Бытует миф, который всячески распространяли противники Временного правительства, о том, будто некая мистическая тройка масонов навязала правительству, вопреки общественному мнению, свою программу. В действительности же положение в России и насущные нужды нашей страны обсуждались на съездах масонов людьми, которые вовсе не пытались навязать друг другу свои политические программы, а руководились лишь своей совестью в стремлении найти наилучшие решения. Мы ощущали пульс национальной жизни и всегда стремились воплотить в нашей работе чаяния народа.

В период существования IV Думы идея объединения во имя достижения общих целей получила еще большую поддержку. Повторяю еще раз: все наши усилия имели целью установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федерального устройства государства. В последние фатальные годы распутинской власти для большин-

---

*Циркуляр 171902, подписанный директором Департамента полиции Брюном де Сент Ипполитом, является единственным документом, в котором упоминается масонское общество розенкрейцеров, известное в наших кругах под названием "Организация Варвары Овчинниковой", которое привело к возникновению общества под эгидой Великого князя Александра Михайловича, куда входили придворные и аристократы. — *Прим. авт.*

Кроме того, А. Ф. Керенский имеет, по-видимому, в виду циркуляр № 165377 от 16 января 1915 года, о котором говорится в письме VI отделения Департамента полиции от 30 мая 1915 года, где признается слежка за А. Ф. Керенским, "присяжным поверенным и членом фракции трудовиков", и отмечается, что его противоправительственная деятельность получила подтверждение в ходе тайного и открытого наблюдения за его деятельностью и связями. Во время своих поездок по стране Керенский, говорилось в этом письме, неоднократно встречался со многими лицами, "известными своей неблагонадежностью". Чинам охранки в соответствии с циркуляром № 165377 предписывалось усилить наблюдение за А. Ф. Керенским и всю полученную информацию докладывать Департаменту полиции (см. *Kerensky A.* Memoires. Russia of History Turning Point. L., 1966. P. 90—91). — *Прим. ред.*

ства членов общества обреченность монархии стала очевидностью, однако это не мешало монархистам принимать участие в общем деле, поскольку вопрос о будущей форме правления был подчинен решению более насущных задач.

После начала первой мировой войны встала необходимость пересмотреть всю нашу программу. Это была первая тотальная война, в которую оказались втянуты не только вооруженные силы, но и огромные массы гражданского населения. Ради достижения победы необходимо было добиться примирения между всеми классами общества, между народом и верховной властью. Моя попытка вынудить царя сделать жест доброй воли в отношении народа* была, конечно, наивна, однако другие положения новой программы на период войны были претворены в жизнь. Безоговорочная защита отечества оставалась основой нашей деятельности на весь период войны. Однако после Февральской революции разгорелись политические страсти, и внепартийное сотрудничество стало совершенно невозможным.

Во всех своих поездках в качестве защитника на политических процессах я никогда не ограничивался профессиональными делами, а всегда стремился почувствовать настроения людей и установить контакты с местными представителями различных либеральных и демократических группировок.

После моего избрания в Думу и вступления в организацию масонов расширившийся объем и особая важность моей работы привлекли к себе повышенное внимание политической полиции. В 1915 году полицейский надзор за моей деятельностью в провинции не был еще столь тщательным, каким он был в Санкт-Петербурге, и я практически не ощущал его. В столице же я был окружен секретными и несекретными агентами, чье наблюдение за мной постоянно ужесточалось.

Возможность ареста не волновала меня, хотя, скорей всего, я был бы арестован в начале 1916 года, если бы из-за внезапной болезни не прекратил на семь месяцев всякую политическую деятельность. Такую возможность нетрудно было предвидеть — неизбежный риск ареста сопутствовал той жизни, которую я вел. Однако постоянное присутствие полицейских, которые денно и нощно буквально следовали за мной по пятам, стало все больше раздражать меня.

Как-то осенью 1915 года во время обсуждения в Думе доклада Бюджетной комиссии об ассигнованиях министерству внутренних дел мне пришла в голову внезапная мысль сыграть шутку над министром**, рассказав историю, которая наверняка позабавит членов Думы и в то же время покажет им те условия, в которых вынуждены работать члены оппозиции.

Когда началось обсуждение вопроса об ассигнованиях Департаменту полиции, я поднялся и обратился к министру со следующими словами:

"Господин министр, у меня создалось впечатление, что ваш Департамент расходует чересчур много средств. Я, конечно, безмерно признателен директору Департамента полиции за заботу о моей безопасности. Я проживаю в доме, расположенном в глухом месте, и каждый раз, когда я выхожу на улицу, по обеим ее сторонам стоят по два, а то и по три человека. Нетрудно догадаться, что это за люди, поскольку и летом и зимой они носят галоши, плащи, а в руках держат зонтики. Неподалеку от них на той или другой стороне улицы стоят пролетки, на случай, если мне понадобится куда-нибудь поехать. По тем или иным соображе-

---

* См. гл. 8.

** А. Н. Хвостов.

ниям я предпочитаю не пользоваться этими пролетками, а иду вместо этого пешком. И когда я не спеша шествую по улице, меня сопровождают два телохранителя. Если я убыстряю шаг, сопровождающие меня компаньоны начинают задыхаться от спешки. Иногда, когда я, завернув за угол, останавливаюсь, они пулей вылетают из-за угла, натыкаются на меня и, ошарашенные, кидаются обратно, оставив меня без охраны. Стоит мне немного отойти от дома и сесть на извозчика, как один из стоящих на углу кидается рысью вслед за мной. В подъезде моего дома я часто застаю за беседой нескольких очаровательных людей в галошах и с зонтиками в руках. Мне представляется, господин министр, что от 15 до 20 человек выделены для того, чтобы заботиться о моей драгоценной персоне, поскольку они сменяют друг друга днем и ночью. Вы понимаете, что вам от всех них мало пользы. Почему бы вам не посоветовать директору Департамента полиции предоставить в мое распоряжение машину с шофером? Ведь тогда он будет знать все — куда, когда и с кем я направляюсь — да и мне это пойдет во благо: не придется тратить такую уйму времени на поездки по городу и так уставать от этого".

Мой рассказ очень позабавил членов Бюджетной комиссии, а Хвостов со смехом ответил: "Если предоставить вам машину, то придется дать их и всем вашим коллегам, а это разорит казну".

Оба эти заявления вызвали оживленные аплодисменты.

Глава 6

РОССИЯ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ

Краткий период между роспуском Думы в 1906 году и началом первой мировой войны был одним из важнейших для России и Европы.

Однако на Западе этот период представляется в искаженном виде. Когда истощенная и измученная войной Россия неожиданно превратилась в тоталитарную диктатуру, почти все на Западе расценили этот насильственный переворот как нормальное возвращение к "царизму", на сей раз вместо "белого" к его "красному" варианту. Однако такой переход не может считаться закономерным, ибо в последние десятилетия перед первой мировой войной в нашей стране происходили глубокие изменения в экономической, культурной и политической жизни.

Время деятельности I Думы было отмечено острой борьбой в придворных и правительственных кругах между представителями двух определенных точек зрения. Одна группа, которая связывала свои надежды с естественной антипатией царя и его супруги к Конституции, настаивала на возвращении к неограниченной монархии. В этих целях активно использовался "Союз русского народа", который, играя роль "недовольных низов" и выступая от имени больших и малых провинциальных городов, обрушивал на власти шквал требований о подавлении Думы и аннулировании Октябрьского манифеста. Другая группа, состоявшая из тех, кто не полностью утратил чувство реальности, стремилась доказать, что возвращение к неограниченной монархии было бы чистым безумием и что ликвидация народного представительства толкнет даже наиболее надежные и умеренные слои населения в лагерь революции. И уж во всяком случае, убеждали они, международное положение России того времени никак не позволяло ей резких скачков вправо.

Победила вторая группа. Вместо ликвидации народного представительства и конституции было принято решение внести изменения в избирательный закон, с тем чтобы создать в Думе устойчивое проправительственное большинство из представителей высшего класса, буржуазии, консерваторов, а также умеренно-прогрессивных элементов. Одновременно было решено немедленно осуществить радикальную земельную реформу. Цель ее — создать по примеру французов и немцев новое "третье сословие" преуспевающих фермеров взамен исчезающего высшего класса. Предполагалось, что эти шаги должны сопровождаться решительными репрессивными мерами в отношении явно хиреющего революционного движения, распадавшегося изнутри.

В канун созыва I Думы в Санкт-Петербурге стало известно о назначении нового министра внутренних дел. Им стал саратовский губернатор П. А. Столыпин, которого до этого мало кто знал. Менее чем через три месяца, сразу же после роспуска Думы, 9 июля 1906 года, Столыпин был назначен председателем Совета министров с предписанием провести в жизнь план, о котором я писал выше.

Магическое возвышение Столыпина было само по себе знамением времени. Выходец из провинциальной верхушки, он не был вхож в придворные круги и никогда не занимал каких-либо высоких долж-

ностей в правительстве. Вся его карьера прошла в провинции, где у него не было недостатка в связях с видными представителями общества и земства.

Столыпин хорошо представлял себе и высоко ценил деятельность земства. В Саратове, где я позже был избран депутатом IV Думы, он считался губернатором либеральных взглядов. Он был красноречивым оратором, а его предприимчивый характер и далеко идущие притязания позволяли ему рассчитывать на высокую политическую карьеру. Он не разделял точки зрения на Думу своего предшественника П. А. Горемыкина, который считал ее "пустой говорильней". В отличие от ограниченного и бездушного бюрократа, каким был П. А. Горемыкин, Столыпину крайне импонировала роль конституционного министра. Он охотно пользовался возможностью произносить речи в Думе, открыто обсуждать жизненно важные вопросы с оппозицией и управлять страной на основе своего правительственного большинства.

Столыпин более чем компенсировал отсутствие бойцовских качеств санкт-петербургских чиновников. Царю он нравился молодостью, уверенностью в своих силах, преданностью трону и готовностью осуществить задуманные царем противоправные изменения в избирательном законе. Руководители "Совета объединенного дворянства" видели в нем своего человека, который способен спасти от уничтожения систему землевладения высшего сословия. Октябристы и разные другие умеренные сторонники Конституции, напуганные революционными крайностями, ухватились за Столыпина, как утопающий хватается за соломинку. Они приветствовали его программу, видя в ней стремление объединить правительство с представителями умеренно-либеральных и умеренно-консервативных кругов, что, в свою очередь, способствовало бы укреплению конституционной монархии и окончательной ликвидации революционного движения. Столыпин казался им русским Тьером (Тьер — деятель, который объединил буржуазию Третьей республики во Франции после разгрома Парижской коммуны в 1871 году). Тьер, однако, исходил в своих планах из существования во Франции сильного крестьянского сословия с хорошо развитым инстинктом собственности. Такого крестьянства в России еще не существовало и для его создания потребовались бы многие десятилетия.

Я всегда выступал против Столыпина и тех, кто поддерживал его. Его тактический лозунг "Вначале умиротворение страны, а затем реформы" казался мне не только ошибочным, но и крайне опасным для судеб страны. Посол России в Лондоне граф Бенкендорф писал в Петербург, что только своевременно проведенные реформы могут принести умиротворение стране.

Однако, несмотря на ошибки и даже преступления, возможно, допущенные правительством Столыпина, остается фактом, что в его намерения не входило ни восстановление абсолютизма, ни уничтожение народного представительства — он стремился лишь к установлению в России консервативной, но строго конституционной монархии.

Его мечтой была могучая, централизованная империя, экономически здоровая и культурно развитая. "Вы хотите великих перемен,— сказал Столыпин, обращаясь к левому, наполовину социалистическому большинству II Думы.— А я хочу великую Россию".

Именно эта утопическая мечта бросила страну в океан новых потрясений. Ибо фатальная ошибка Столыпина заключалась в его непонимании реального положения России, когда высшее сословие уже перестало быть политической силой, а среднее сословие, которое еще не сформировалось как единая сила, не могло стать посредником в отношениях между правящим меньшинством и трудящимися массами.

Правда, быстрое развитие городов и промышленности вело к тому, что городское "третье сословие" начинало играть определенную роль в социальной и экономической жизни страны. В деревне же такой социальной формации не было. Выборы в I Думу показали, что крестьяне, которые в основном занимались сельским хозяйством, чтобы только прокормить самих себя, и не могли вести его на капиталистических основах, не были способны играть роль социально-консервативного сословия.

В то же время частная собственность дворян на землю практически изжила себя. Эта система стала настолько экономически неэффективной, что ее доля в общем производстве не составляла и 10 процентов. Хотели они того или нет, но и правительство и консерваторы были вынуждены в конце концов признать очевидным факт распада земельного дворянства. Единственную свою надежду на поддержание жизнедеятельности этой системы они связывали с поддержкой ее со стороны нового класса "крестьян-фермеров".

Как известно, значительная часть крестьян в России существовала в рамках общинного землепользования. Собственником земли был не крестьянин, а община (мир). Эту систему поначалу всячески защищали славянофилы, а затем народники, или популисты. Представители обоих этих мировоззрений полагали, что слаборазвитое чувство частной собственности у крестьян позволит России перейти к новой, более высокой стадии развития национальной экономики, минуя ужасы западного капитализма. Выдвигая требование о "национализации" или "социализации" земли, народники были уверены, что крестьяне легко перейдут от общинной к кооперативной форме землепользования. В действительности же крестьянская община того времени имела мало общего с той идеальной общиной, которую представляли в своем воображении славянофилы и народники. С административной точки зрения община была крайне удобна для полицейского контроля или, выражаясь словами С. Ю. Витте, для надзора над крестьянами, как над малыми детьми, а также для сбора налогов, поскольку за неплательщиков долги выплачивали остальные члены общины на основе пропорциального распределения. Власти превратили общину в оплот экономической отсталости и мало-помалу лишили ее жизненных сил. К тому же принудительное членство в общине всегда вызывало раздражение у самих крестьян.

После аграрных бунтов 1905—1906 годов для всех стала очевидной необходимость ликвидации принудительных общин. Предполагалось, что после этого возникнут общины со свободной системой землепользования, некоторые из которых станут, по желанию самих крестьян, частными, некоторые — кооперативными хозяйствами. Законопроект I Думы о земельной реформе, который предусматривал решить эту проблему путем выкупа земли у частных собственников и передачи ее крестьянам, разрешил бы крестьянам самим определить будущее общинного землевладения. Это был разумный и демократический путь решения древнейшей и наиболее существенной социально-политической проблемы России.

В случае принятия законопроекта, в деревне немедленно начался бы процесс социального расслоения, и нет сомнения в том, что из недр крестьянских масс возникло бы "буржуазное" меньшинство, что позволило бы осуществить внедрение фермерской системы по французскому или по немецкому образцу.

После роспуска I Думы решение земельной проблемы перешло в руки Столыпина. 9 ноября 1906 года, приблизительно за три месяца до открытия II Думы, Столыпин, воспользовавшись статьей 87 "Основных законов" (которая предоставляет правительству право при чрезвычай-

ных обстоятельствах принимать законы между сессиями Думы и Государственного совета с последующим представлением их для ратификации), объявил о земельной реформе. Провозгласив этот свой вариант реформы, Столыпин еще раз доказал, что его политическая прозорливость уступает силе характера.

В руках Столыпина, а точнее, в руках "Совета объединенного дворянства", который поддерживал его, земельная реформа, хотя и имела здоровую основу, по сути дела, превращалась в орудие дальнейшего классового угнетения. Вместо того чтобы положить конец принудительному характеру общинной системы и законам, ущемляющим гражданские права крестьян, с тем чтобы содействовать развитию свободного фермерства, за что ратовал С. Ю. Витте, столыпинский закон насильственно ликвидировал общину в интересах крестьянского "буржуазного" меньшинства.

Реформа была проведена в жизнь чрезвычайно энергично, однако с огромными нарушениями элементарных норм закона и права. Правительство, выступившее "в поддержку сильных", экспроприировало землю, принадлежавшую общине, и передало ее тем зажиточным крестьянам, которые пожелали выйти из общины. Пренебрегая всеми условиями общинного права, правительство передало им самые плодородные земли. Новым собственникам были предоставлены займы в размере до 90 процентов от стоимости земли для обустройства и развития фермерского хозяйства.

Столыпин очень гордился своей ролью земельного реформатора. Он даже пригласил зарубежных специалистов по аграрному вопросу, с тем чтобы они изучили работу, проделанную им и его правительством в деревне.

За 5 лет, с 1907 по 1911 год, система крестьянского землепользования претерпела значительные изменения. С какими же результатами?

Выступая на заседании IV Думы с речью, в которой я подверг резкой критике политические и экономические последствия столыпинской реформы, я процитировал слова хорошо известного немецкого эксперта по аграрному вопросу профессора Ауфхагена. После посещения большого числа русских деревень он писал: "Своей земельной реформой Столыпин разжег в деревне пламя гражданской войны". По словам П. Н. Милюкова, другой зарубежный ученый, ярый сторонник Столыпина, профессор Приор, который тоже тщательно изучил земельную реформу, пришел к выводу, что цель реформы не была достигнута. И действительно, несмотря на все льготы и привилегии, к 1 января 1915 года лишь 2 719 000 крестьянских хозяйств можно было причислить к разряду частных владений (22—24 процента пригодных к обработке земель).

В большинстве своем крестьяне заняли неблагожелательную и даже враждебную позицию в отношении столыпинской реформы, руководствуясь двумя соображениями. Во-первых, и это самое главное, крестьяне не хотели идти против общины, а столыпинская идея о "поддержке сильных" противоречила крестьянскому взгляду на жизнь. Крестьянин не желал превращаться в полусобственника земли за счет своих соседей.

Во-вторых, более свободная политическая атмосфера, порожденная манифестом 17 октября, открывала перед крестьянством новые возможности экономического развития с помощью кооперативной системы, что более соответствовало крестьянскому складу ума.

Придя к власти, Столыпин обязался подавить революционное движение и умиротворить страну. И в этом отношении, как и в аграрном вопросе, он вновь продемонстрировал сильный характер и недостаточную политическую прозорливость.

К этому времени в России наступил период успокоения, естественным путем умирало революционное движение. Манифест 17 октября проложил путь к свободе и плодотворной политической деятельности. Так называемые крайности в период беспорядков, такие, как ограбление банков для "нужд" революционеров, убийства мелких чиновников как "врагов народа" и тому подобное поначалу вызывали у общественности замешательство, а затем негодование и осуждение. Вместо того чтобы, воспользовавшись такими настроениями людей, загасить тлеющие искры революционного пожара, сняв для этого напряжение в стране и вернув ее к нормальной жизни, Столыпин со всей силой обрушился на тех, кого сам ход событий уже сделал безвредными. Меры, которые первоначально предполагалось использовать для защиты страны от кратковременного народного взрыва, вскоре в руках победителей превратились в орудия личной мести. И чем спокойнее становилась обстановка в стране, тем скорее росло число арестованных, осужденных, высланных или казненных.

С помощью своей безжалостной политики "умиротворения" Столыпин рассчитывал завоевать поддержку большинства населения. Однако достиг он прямо противоположных результатов, и чем решительнее и тверже становилась его политика, тем решительнее звучали против нее протесты. Первые два или три года, последовавшие за роспуском I Думы, часто называли эрой "белого террора". В наши дни такое определение столыпинской политики звучит несколько странно. После выстраданного опыта тоталитарных режимов в Европе и России называть Столыпина правителем-террористом столь же нелепо, как сравнивать любительское пение с совершенным артистизмом Шаляпина. За это говорит хотя бы тот факт, что число невинных заложников, расстрелянных в России всего за один день после покушения Каплан на жизнь Ленина, значительно превысило число приговоренных к повешению столыпинскими "скорострельными" военно-полевыми судами за все восемь месяцев их существования. Да и сами репрессии Столыпина были направлены против сравнительно небольшого слоя населения, активно выступавшего против правительства.

И несмотря на это, все образованные граждане России, независимо от их классовой принадлежности и исповедуемых взглядов, с чувством глубокого возмущения воспринимали каждое сообщение о новой расправе. Русское общественное мнение столь решительно осуждало каждый акт казни отнюдь не потому, что испытывало симпатии к революционному террору, который к тому времени выродился и сводился к проведению жалких актов насилия, а вследствии своего традиционного неприятия смертной казни. В высшей степени знаменательно, что Россия была одной из немногих стран, где была отменена смертная казнь за уголовные преступления.

Россия того времени не желала, чтобы правительство прибегало к кровавым расправам в отношении своих политических противников. Вот почему после учреждения столыпинских военно-полевых судов Л. Н. Толстой в своем глубоко волнующем обращении к правительству ("Не могу молчать") потребовал положить конец казням. Вот почему один из выдающихся парламентских ораторов того времени умеренный либерал Ф. И. Родичев с трибуны Думы заклеймил Столыпина в глазах всей России, назвав палаческие петли "столыпинскими галстуками". Вот почему сразу же после падения монархии в 1917 году правительство демократической революции, осуществляя самую заветную и священную цель русского освободительного движения, отменило, ко всеобщему удовлетворению, смертную казнь за все без исключения преступления. Вот почему в той атмосфере духовного возрождения, в которой

жила Россия в канун первой мировой войны, потерпела полный провал столыпинская политика "умиротворения", как и его земельная реформа, что, по сути дела, послужило причиной и его собственного трагического конца.

1 сентября 1911 года на специальном представлении в Киевском городском театре П. А. Столыпин был смертельно ранен полицейским агентом, бывшим анархистом, всего в нескольких шагах от царской ложи, где сидел царь со своими дочерьми. К тому времени царь с трудом выносил присутствие своего бывшего фаворита.

Специальное расследование установило, что в Киеве почему-то была снята обычная охрана Столыпина полицейскими агентами. Ходили разговоры о возбуждении уголовного дела против помощника министра внутренних дел генерала Курлова, который отвечал за полицию. Однако предварительные расследования были прекращены по личному указанию царя.

Обстоятельства смерти Столыпина вызывали определенное недоумение. Убийца был казнен с необычной поспешностью, а до этого содержался в строжайшей изоляции. Люди из окружения Столыпина, которые были в курсе борьбы между Столыпиным и Распутиным, полагали, что охранка, стремясь ублажить высокопоставленных врагов Столыпина, смотрела сквозь пальцы на готовящееся преступление. Через несколько месяцев после смерти Столыпина главный военный прокурор вызвал к себе зятя Столыпина фон Бока и сказал ему, что главная ответственность за смерть его тестя лежит на Курлове и что именно он спровоцировал убийство. Одновременно прокурор информировал фон Бока о том, что уголовное преступление Курлова было прекращено по личному указанию царя*.

Сам Столыпин однажды в разговоре с А. И. Гучковым в Думе сказал, что у него предчувствие, будто он будет убит агентом полиции.

Вот так вышло, что всемогущий "умиротворитель" России оказался беспомощным справиться с "темными силами", которым покровительствовала молодая царица. Столыпин для Распутина был чересчур независимым и честным. И к тому же в результате принятия его консервативного избирательного закона от 3 июня 1907 года он потерял поддержку главной партии в III Думе — "октябристов".

Английский историк, профессор Бернард Пейерс, многократно совершавший поездки по России в период существования Думы и во время первой мировой войны, не без остроумия написал в своей книге "Падение русской монархии", что при тогдашнем умонастроении общества любая Дума, даже если бы она состояла из одних бывших министров, стала бы в оппозицию к правительству.

Избирательный закон от июня 1907 года практически ликвидировал представительство от рабочих и крестьян городов и деревень. В провинции выборы были почти полностью отданы на откуп вымирающему дворянству, а в крупных городах система и без того неполного всеобщего избирательного права была еще больше урезана; сократилось число депутатов, а половина мест была, в соответствии с выборами по куриям, зарезервирована для представителей незначительного меньшинства, владеющей собственностью буржуазии. Уменьшилось и представительство от нерусских народов. Польша, например, получила право направить в III (как и в IV) Думу только 18 депутатов по сравнению с 53 представителями в I и II Думах, а представительство от мусульманского населения Туркестана было и вовсе ликвидировано.

---

* *Zenkovsky A. V.* The Truth About Stolypin N. Y. 1956.

Народные представители, избранные согласно столыпинскому закону, справедливо заслужили кличку "кривых зеркал". Левые партии, имевшие большинство и в I и во II Думах, практически не были представлены в III Думе (1907—1912), более того, в нее оказались избранными всего 13 трудовиков и 20 социал-демократов. Социалисты-революционеры бойкотировали выборы. Кадеты же, партия либеральной интеллигенции, со своими 54 местами утратили господствующие позиции и стали играть роль "лояльной оппозиции Его Величества".

50 мест заняли представители реакционного "Союза русского народа", который получал субсидии из специальных фондов полицейской охранки и пользовался покровительством царя и Великого князя Николая Николаевича. Эти депутаты, возглавляемые весьма способными людьми — Н. Е. Марковым, В. М. Пуришкевичем и Замысловским,— с самого начала стремились парализовать работу Думы, постоянно провоцируя всякого рода инциденты. 89 мест было отдано сравнительно новой партии — "националистам". Они были избраны в основном в западных и юго-западных губерниях, которые с незапамятных времен были ареной вражды русской, польской, литовской и еврейской национальных групп. Брешь между кадетами и правым крылом была заполнена 153 депутатами от октябристов, из которых едва ли хоть один избирался в первые две Думы. Они, таким образом, составляли чуть больше трети от всех депутатов Думы.

Я столь подробно описал состав III Думы, поскольку распределение мест в IV Думе (1912—1917 годы), по существу, было таким же, а последняя сыграла колоссальную роль в конфликте между монархией и народом в последние годы перед революцией. Но даже III Дума, несмотря на ее консервативность с точки зрения социального состава и несмотря на правое крыло с его влиянием в правительственных кругах, с самого начала своего существования проявила себя защитницей конституционной системы и прав народа, следуя в этом отношении примеру I Думы. Они разнились между собой лишь умонастроениями и методами достижения цели.

I Дума была душой и сердцем России. Она поставила себе целью беспощадное разоблачение темных сторон старого режима. Она была непреклонна и отвергала любой компромисс. Она требовала от верховного правителя безусловной капитуляции — передачи всей власти представителям народа. Главное ее требование хорошо выразил В. Д. Набоков — велеречивый сын министра юстиции при Александре III: "Исполнительной власти надлежит подчиняться власти законодательной". Но I Думе не хватило времени для принятия законов в интересах страны, ибо она была распущена, едва приступив к работе.

III Дума начала свою деятельность без всяких эффектных начинаний. Она не потребовала от правителей немедленной капитуляции. Ее лозунгом стал компромисс, лояльное сотрудничество с властями на основе Октябрьского манифеста царя. Этот манифест, ставший знаменем доминирующей в Думе партии октябристов, предоставлял народным представителям право осуществлять законодательную власть, определять бюджет и открыто обсуждать любые вопросы. Внеся противоправные изменения в избирательный закон, правительство официально подтвердило незыблемость прав самой Думы. Лидеры октябристов были исполнены решимости использовать эти права для объединения народного правительства, с тем чтобы превратить Думу в подлинно решающую силу русской государственной системы.

Ни царь с придворными, ни демократические и левые круги общества не поняли сути такого компромисса. Столкнувшись в свое время с лини-

ей "штурм унд дранг" первых двух Дум, царь поначалу был крайне доволен III Думой. Он полагал, что в Таврическом дворце теперь заседают люди, представлявшие все районы страны, хорошо осведомленные о местных делах и потребностях, которые своим советом помогут его министрам издать подходящие законы, никоим образом не посягающие на прерогативы монарха. Таким же образом расценила монархические взгляды III Думы и общественность, решительно осудив этот "реакционный парламент" и окрестив его лидеров "лакеями реакции".

Однако лидеры эти были далеко не реакционеры. Социальную основу октябристов составляли средние и высшие слои русского общества. Они включали представителей дворянства, местной администрации, либеральных профессий, а также ремесленников и мелкого чиновничества как от столицы, так и от провинции. И хотя среди них было мало специалистов в законодательных делах, тем не менее многие из них прошли хорошую практическую школу в своих сферах деятельности. И этот практический опыт привел их к твердому убеждению, что Россия уже выросла из пеленок и больше не нуждается в бюрократической опеке и, более того, что русско-японская война окончательно доказала неспособность бюрократической системы соответствовать запросам растущей империи.

Первым председателем III Думы был Н. А. Хомяков. Занимая ранее видный пост в системе санкт-петербургской администрации, он происходил из очень знатной семьи и был сыном одного из основателей славянофильского движения. Создатель партии октябристов и ее глава в III Думе А. И. Гучков являлся представителем совсем других слоев общества. Внук крепостного крестьянина, он отражал интересы интеллектуальной верхушки московского купечества. Он гордился своим происхождением, презирал сословные привилегии и испытывал сильнейшее недоверие к бюрократии. И тем не менее два этих представителя таких различных социальных групп сошлись вместе на платформе одной партии. Ибо для каждого из них главной целью было упрочение конституционной системы. И оба они осознавали, что без народного представительства, без радикальной замены всей оснастки государственного корабля Россию ожидает катастрофа при первом же столкновении с внешним миром.

Европа в то время жила на вершине вулкана. Вопрос уже заключался не в том, быть или не быть войне между великими державами, а в том, когда она начнется. Опыт Цусимы и Порт-Артура открыл глаза всем патриотам на реальное положение вещей. И весь процесс, в течение которого за семь или восемь лет было создано лояльное консервативное большинство, определялся настроениями растущей патриотической тревоги, которые в конце концов переросли в чувства патриотического негодования.

Я хорошо знал А. И. Гучкова. Какое-то время мы вместе входили во Временное правительство, а позднее не раз встречались в эмиграции. По его словам, с самого начала работы III Думы он вместе с другими лидерами октябристов торопился принять меры для сплочения всей России, с тем чтобы страна смогла справиться с внешней угрозой, когда она, в конце концов, станет реальной. Экономическое и промышленное развитие Германии в тот период проходило бурными темпами. Немцы лихорадочно строили военный флот, а техническое оснащение их армии постоянно совершенствовалось. Для всех, кто сколько-нибудь разбирался в международных отношениях, было очевидно, что временная слабость России, проявившаяся в разгар русско-японской войны, рассматривалась в Берлине как козырная карта в гонке за мировое господство.

Для А. И. Гучкова, Н. А. Хомякова, М. В. Шидловского и других лидеров партии октябристов была очевидна угроза стране, порожденная затхлой атмосферой вокруг царя. Отдавая себе отчет в том, что им нельзя полагаться на слабовольного царя, они решительно отклоняли все заманчивые предложения Столыпина о вхождении в правительство. Они предпочитали внимательно следить за деятельностью официальных властей, используя законные права Бюджетной комиссии Думы для борьбы против влияния могущественной и безответственной клики Распутина на придворные круги, и всячески укреплять военные и экономические позиции страны посредством легального законодательства.

Идиллические отношения между царем и III Думой длились недолго. Согласно "Основным законам" Российской империи, внешняя политика, армия и флот находились под прямым контролем царя. Официально Дума не имела права вмешиваться в дела соответствующих министерств и не могла оказывать влияния на их деятельность. Однако сметы расходов на нужды этих правительственных учреждений утверждались Бюджетной комиссией, в результате чего она стала играть, как и во всяком парламенте, крайне важную, определяющую роль. И с этим вынуждены были считаться все министры. Перед рассмотрением в Бюджетной комиссии сметы расходов различных министерств тщательно изучались в соответствующих специальных комитетах. С помощью такой системы, то есть с помощью финансового контроля, осуществлявшегося Бюджетной комиссией, военное министерство и адмиралтейство, по сути дела, подпадали под контроль Думы. После русско-японской войны создание военно-морских сил приходилось начинать практически с нуля, а армию следовало коренным образом реорганизовать, увеличить и перевооружить в соответствии с техническими требованиями того времени.

Какого-либо твердого, устойчивого руководства над армией и флотом не существовало. Высшие эшелоны военной власти постоянно находились в стадии реорганизации. Большое количество разного рода военных ведомств возглавлялись абсолютно безответственными великими князьями, которые, как правило, обделывали, не обращая при этом ни на кого внимания, свои собственные делишки. В армии и на флоте служило немало способных и энергичных военных специалистов, которые с энтузиазмом разрабатывали планы реформ, но были полностью бессильны претворить их в жизнь.

Став председателем комиссии Думы по вопросам обороны, Гучков постарался немедленно наладить связи с теми людьми в военном министерстве и адмиралтействе, которые проявляли заинтересованность в коренной реорганизации этих ведомств. Таким образом, Дума оказалась в самом фокусе всей деятельности по реорганизации системы обороны России.

Без сомнения, III и IV Думы сыграли очень существенную роль в подготовке России к войне 1914—1918 годов. Трезвомыслящие и деятельные люди в армии и на флоте ощущали твердую поддержку Думы, а Дума в свою очередь нашла в их лице сторонников в борьбе с придворной камарильей.

Такое сближение не осталось, однако, без должного внимания близких к царю лиц, которые ратовали за возвращение к абсолютизму.

Весной 1908 года во время обсуждения в Думе бюджета военного министерства Гучков в своей речи обратился к Великим князьям с призывом принести "патриотическую жертву", отметив, что Дума уже обратилась к народу страны пойти во имя защиты отечества на великие

лишения. По сути дела, Гучков попытался убедить Великих князей отказаться от административной деятельности в армии, к которой они вряд ли подходили и при осуществлении которой демонстрировали лишь полную безответственность. Он обратился с такой просьбой, отдавая себе полный отчет в позиции военной администрации. Его речь, естественно, вызывала бурю возмущения в придворных кругах. Царица поспешила расценить ее и, вообще, всякое вмешательство Думы в военные дела как нападку на императорские прерогативы.

Ее подозрения еще больше укрепились после происшедшего через год в Константинополе переворота, в результате которого младотурки свергли султана. При дворе тут же приклеили к Гучкову кличку "младотурок" и с того времени стали рассматривать его как врага государства № 1.

Был смещен с поста военного министра специалист своего дела А. Ф. Редигер, работавший в атмосфере широкого сотрудничества с Думой. На его место назначили командующего Киевским военным округом генерала В. А. Сухомлинова, посредственного служаку, мало смыслящего в современном военном деле, который в соответствии с волей царя отказался от всякого сотрудничества с Думой.

Царица по-своему была права, считая лидера конституционных сил наиболее опасным противником своей безумной мечты о восстановлении абсолютного самодержавия в России. Движение октябристов вместе со всеми зависимыми от него группировками, без сомнения, находилось в арьергарде тех сил в стране, которые выступали за подлинную демократию. С другой стороны, оно было в авангарде тех же сил в высшем эшелоне власти — в руководящих военных, административных и великосветских кругах. Противодействуя таким образом реакции, оно волей-неволей расчищало дорогу бурному возрождению революционного движения, мощный импульс которому дало побоище на ленских золотых приисках весной 1912 года*. И хотя октябристы не имели ни малейших намерений углублять демократизацию России, они всячески стремились поднять страну до более высокого экономического и культурного уровня, соответствовавшего великой державе. В этом они получили поддержку со стороны умеренного крыла оппозиции и наиболее просвещенных людей, занимавших высшие административные посты. Таким образом, несмотря на то, что они возникли в условиях наступления контрреволюции, III и IV Думы сыграли прогрессивную роль в истории России. Некоторые из принятых ими законов самим своим фактом существования содействовали экономическому и культурному буму, переживаемому Россией в последнее десятилетие перед первой мировой войной.

В период существования Думы, например, система образования развивалась столь бурно, что к моменту начала войны Россия подошла вплотную к введению всеобщего обязательного образования. В начале XX века было покончено с абсурдной и преступной кампанией, которую проводили против народного образования в конце XIX века реакционные министры. К 1900 году 42 процента детей школьного возраста посещали школу. III Дума большинством голосов утвердила законопроект о всеобщем обучении, внесенный министром образования П. М. Кауфманом-Туркестанским. К несчастью, закон был отклонен Государственным советом, половину членов которого назначал лично царь, и возвращен на доработку в Думу. Позднее этот закон был принят IV Думой. К тому времени министр просвещения граф П. Н. Игнатьев

*См. гл. 5.

считал, что уровень грамотности среди молодежи в стране позволял ввести систему обязательного начального обучения. И не разразись война, она была бы полностью реализована к 1922 году. Но даже и до войны в школу не ходили в большинстве случаев лишь те дети, родители которых не хотели этого.

В 1929 году фонд Карнеги опубликовал книгу "Русские школы и университеты времен мировой войны"*. Ее авторы — два профессора, специализировавшихся в области русской системы просвещения, Одинец и Покровский, а предисловие к ней написал бывший министр просвещения П. Н. Игнатьев. Книга была призвана разоблачить миф о том, будто до прихода большевиков лишь 10 процентов населения в стране было грамотным, а правящие классы всеми силами стремились помешать детям рабочих и крестьян получить образование. Если рассматривать состояние высшего и среднего образования в России с точки зрения социальных корней учащихся, то оно было самым демократическим в мире. Даже до учреждения Думы земства тратили на образование 25 процентов своих средств, а в период ее деятельности — до трети. За время с 1900 по 1910 год государственные ссуды земствам на образование увеличились в двенадцать раз. В 1906 году действовало 76 тысяч школ, которые посещало около 4 миллионов учеников. А в 1915 году число школ уже превысило 122 тысячи, а число учащихся достигло 8 миллионов. За это время был повышен возраст для оканчивающих школы, а учебные программы расширены с тем, чтобы дать возможность наиболее одаренным детям из крестьянских семей продолжить образование в пределах средней школы. В государственных школах обучались не только дети, они стали центром просвещения и для взрослых. При школах создавались библиотеки, проводились лекции, вечерние и воскресные занятия для взрослых и даже устраивались театральные представления. Для подготовки учителей земства организовывали специальные курсы. Ежегодно на учебу за границу отправлялись группы преподавателей и преподавательниц. До первой мировой войны тысячи учителей из государственных школ побывали в Италии, Франции, Германии.

Подводя итоги, Одинец и Покровский писали: "Вывод, который следует сделать из состояния начального и среднего образования в России непосредственно в канун войны, заключается в том, что никогда за всю историю русской цивилизации развитие системы образования не проходило столь стремительно, как в рассматриваемый период".

Наряду со значительными успехами в сфере образования земства, действуя совместно с Думой и кооперативными организациями, добились огромных достижений в области сельского хозяйства. С 1906 по 1913 год площадь обрабатываемых земель возросла на 16 процентов, а урожай увеличился на 41 процент. За этот период ссуды земств на агрономические нужды крестьян повысились в шесть раз. Значительные суммы на эти цели расходовало и центральное правительство. В европейской части России земства всячески содействовали тому, чтобы крестьяне вели фермерское хозяйство с использованием средств механизации, а в Сибири, где земств не было, этим занималось правительство.

Крестьянский земельный банк выкупал у частных землевладельцев миллионы гектаров земель и передавал их крестьянам. Кредитные кооперативные ассоциации и земства снабжали крестьян всеми необходимыми сельскохозяйственными орудиями. К началу войны 89,3 процента всех пахотных земель находились в руках крестьян. Средний размер

---

* Yale University Press.

крестьянского хозяйства колебался от 12 до 30 десятин. В период экономического бума в России перед первой мировой войной экспорт русской сельскохозяйственной продукции возрос на 150 процентов. Крестьянские хозяйства доминировали как на внешнем, так и на внутреннем рынке, поставляя три четверти зерна и льна и практически все масло, яйца, мясо.

Передача земли крестьянам и огромный рост числа фермерских крестьянских хозяйств (к этому времени количество производимой сельскохозяйственной продукции на частновладельческих землях приблизилось к нулю) сопровождались большой миграцией и переселением крестьян, которые осуществлялись при активной помощи правительства, земства и кооперативов. Именно в это время Сибирь вступила в стадию экономического и культурного развития по американскому типу. За годы между русско-японской и первой мировой войной население в этом регионе удвоилось, а площадь обрабатываемых земель утроилась. Сельскохозяйственное производство возросло более чем втрое, а экспорт сельскохозяйственной продукции увеличился в десять раз. Перед первой мировой войной все масло, которое вывозила Англия из России, производилось сибирскими и уральскими крестьянскими кооперативами. И если в 1899 году масло из Сибири практически не вывозилось, то в 1915 году его экспорт кооперативами Сибири составлял тысячи тонн.

Да, именно кооперативное движение, свободно развившееся в условиях конституционной России, дало возможность русскому народу, и прежде всего крестьянству, проявить природную сметку и организаторский талант. До первой мировой войны около половины всех крестьянских хозяйств включилось в кооперативное движение, которое по масштабам уступало в Европе лишь Англии.

В 1905 году число крестьянских кооперативов составляло 7 290 000, а в 1916 году уже 10 500 000. В 1905 году их фонды составляли 375 000 000 золотых рублей, а в 1916 году — 682 500 000. Столь же быстро развивалось кооперативное движение и в городах. Федерация потребительских кооперативов, возглавляемая московским Центросоюзом, стала одной из наиболее влиятельных социальных и политических организаций в России.

Общее улучшение благосостояния народа нашло свое выражение в значительном росте потребления таких товаров, как сахар, масло, керосин, обувь, а также в увеличении вкладов в сберегательных банках. Это признал и советский экономист П. И. Ляшенко.

Согласно расчетам одного из крупнейших специалистов по русской экономике профессора С. Н. Прокоповича, национальный доход России, несмотря на войну с Японией и последовавшую за ней депрессию, которая продолжалась вплоть до 1909 года, увеличился за указанный период на 79,4 процента (в 50 губерниях, по которым имеются данные).

Даже коммунистические авторы временами писали о быстром развитии промышленности за время конституционной "пятилетки" в канун первой мировой войны: "Россия стала быстро продвигаться по капиталистическому пути, оставляя позади старые капиталистические страны, шедшие ранее впереди"*.

С 1900 по 1905 год промышленное производство выросло на 44,9 процента, а к 1913 году — на 219 процентов. Показатели ремесленных промыслов были еще выше. С точки зрения технического прогресса промышленность в целом прошла стадию дальнейшего развития и модернизации. По далеко не полным данным, капиталовложения на про-

* Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927

мышленное переоборудование составили в целом за 1910—1912 годы 537,3 миллиона золотых рублей. В этот период процветания капиталовложения в промышленность были в три раза выше, чем в Америке. По концентрации промышленности, которая была выше, например, чем в Америке, Россия стала одной из самых развитых стран мира. Стоимость промышленной продукции России в 1908, 1911 и 1916 годах составляла соответственно 1,5, 5,5 и 8,5 миллиардов рублей.

Перед самой войной началось строительство железнодорожной магистрали Туркестан — Сибирь, "Турксиб", завершенное уже в советский период. На эти годы были запланированы грандиозные программы преобразования всей экономики страны. Их осуществление прервала война 1914 года.

Такая сверхконцентрация русской промышленности вызвала к жизни два важных процесса. Во-первых, она привела к сосредоточению в городах значительного числа рабочих, создав тем самым благоприятные условия для их организации. Во-вторых, она укрепила не столько позиции средних классов, сколько мощь банковского капитала. Тем самым ни в городе, ни в деревне экономический бум не изменил социальную структуру настолько, чтобы это могло создать прочные предпосылки для формирования конституционной монархической системы.

Жизнь нормально развивающейся страны основана на принципе честной игры. Предполагается, что и власти и простой люд в своих взаимоотношениях придерживаются определенных правил. Всякий раз, когда эти правила нарушают власти, которые обычно обладают превосходством в физической силе, это приводит к злоупотреблениям. И тогда люди оказываются перед выбором: либо покорно смириться с произволом властей, либо встать на путь борьбы в защиту своих основных прав, прибегнув к самым крайним методам.

Побывав в самых разных уголках страны, с годами я приобрел четкие представления о чувствах, надеждах и чаяниях демократически настроенных людей. Позднее, став членом Думы и изучив всю систему управления страной, я ясно осознал всю трагическую сложность отношений между правительством, формально несущим ответственность за благосостояние страны, и верховной властью, находившейся в то время в руках безответственной клики невежественных и бесчестных политиков. У меня сразу открылись глаза: я понял, что правящие и привилегированные круги русского общества абсолютно не желают проявить независимость и передать власть трезвым, здравомыслящим людям.

В то же время для всех стало очевидным, что распутинщина превратилась в позор России и что беспомощность перед ней царя ставит страну на грань нового тяжелого кризиса. Было ясно, что грядущее столкновение не только лишит власти царя, но и те группировки, которые утвердили свое положение в Думе согласно столыпинскому закону от июня 1907 года, поскольку этот закон будет немедленно заменен всеобщим избирательным правом. Россия была единственной великой державой в мире, введение в которой всеобщего избирательного права могло бы привести к демократизации как в политической, так и в социальной сфере без восстания или революции.

80 процентов крестьянского населения страны, владеющего почти 90 процентами обрабатываемых земель; отмирающее дворянство; промышленный пролетариат, сконцентрированный в городах и быстро набирающий силу; все еще политически и социально слабый средний класс; огромная армия бюрократов, в основном состоявшая из образованных

людей среднего класса, которые абсолютно не заинтересованы в защите капиталистической системы, и последний, но не менее важный слой общества — интеллигенция, традиционно воплощающая дух русской культуры с его бесклассовыми принципами справедливости и священной неприкосновенности личности,— все эти элементы играли существенную роль в борьбе между привилегированным большинством в Думе и короной, в борьбе, которая приближалась к своему апогею.

Учтя уроки из опыта борьбы за народное представительство в III Думе, октябристы в IV Думе заняли осенью 1912 года место оппозиции. Перед открытием новой Думы А. И. Гучков обратился к своим сторонникам с новым лозунгом "Против участия безответственных людей в решении государственных дел, за правительство, ответственное перед народными избранниками". Таким образом, осенью 1912 года Гучков повторил призыв, с которым выступили кадеты Милюкова в I Думе весной 1906 года.

Приближался еще один критический момент в истории России, и примирение между политическими врагами, до тех пор немыслимое, становилось неизбежным. Их общей целью стало сохранение монархии как символа единства государства при эффективной и полной передаче власти правительству, опирающемуся на поддержку народных избранников. Но это была недостижимая цель. Монарх, которому была ненавистна одна мысль о конституции и который мечтал о возрождении обреченного абсолютизма, не мог допустить парламентской демократии. Пойти на такой шаг было для него равносильно измене самому себе. Судьба все еще оставляла ему шанс...

В полночь 18 (31) июля 1914 года германский посол вручил русскому министру иностранных дел ультиматум. Россия снова оказалась в состоянии войны.

Глава 7

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

ГОД МОЛЧАНИЯ

Мировая война, которая вызревала в сердце Европы в течение нескольких лет, обрушилась на Россию подобно урагану. Ни одна великая держава в Европе так не нуждалась в мире, так не жаждала его, как Россия после войны с Японией. Объективно — Россия в 1914 году не была готова к войне с Германией, субъективно — русский народ и думать не думал о войне. Он целиком и полностью был занят разрешением внутренних политических, культурных и экономических проблем. Действительно, Россия, которая в 1914 году стояла на пороге нового и решающего внутреннего кризиса, едва ли замечала, как вокруг нее стремительно нарастала внешняя угроза.

Трагическое положение России в канун мировой войны со всей очевидностью отображено в двух письмах из частной переписки между премьером П. А. Столыпиным и А. П. Извольским, который покинул пост министра иностранных дел, чтобы стать послом в Париже.

Две нижеприведенные выдержки в полной мере подкрепляют мое убеждение в том, что великая война самым глубочайшим образом противоречила национальным интересам и задачам России в 1914 году.

21 июля 1911 года Извольский писал Столыпину:

"Вы знаете, что все пять лет, которые я провел на посту министра, меня беспрерывно мучал кошмар внезапной войны. Какой-либо возможности изменить сложившуюся систему союзов не существовало; ее ослабление неминуемо вызвало бы либо общеевропейскую войну, либо безусловное и полное порабощение России Германией. В любом случае это означало бы finis Rossiae [конец России] как великой и независимой державы".

В ответ на это П. А. Столыпин писал: "Колноберже, 28 июля

Я в высшей степени благодарен Вам за Ваше интересное письмо. Не могу не признать, что тоже был весьма обеспокоен происходившим. Мою точку зрения Вы знаете. Нам необходим мир; война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели будут непонятны народу, станет фатальной для России и династии. И наоборот, каждый мирный год укрепляет Россию не только с военной и военно-морской, но и с экономической и финансовой точек зрения. Кроме того, и это еще важнее, Россия растет год от года, развивается самосознание народа и общественное мнение. Нельзя сбрасывать со счетов и наши парламентские установления. Как бы они ни были несовершенны, их влияние тем не менее вызвало радикальные изменения в России, и когда придет время, страна встретит врага с полным осознанием своей ответственности. Россия выстоит и одержит победу только в народной войне. Я делюсь с Вами этими мыслями, потому что понять Россию только по газетам невозможно".

Извольского мучили кошмары внезапной войны отнюдь не из-за игры воображения или потому, что он был нерешительным государственным деятелем, как отозвался о нем лорд Эдвард Грей. Если он и был

осторожным, возможно, чрезмерно осторожным дипломатом, то лишь потому, что России становилось все труднее следовать дорогой мира в Европе, балансировавшей на грани войны. Сам лорд Грей в своих мемуарах пишет, что Европа, неуклонно и стремительно вооружаясь, с фатальной неизбежностью приближалась к войне, что все правительства не доверяли друг другу и видели ловушку в любом, даже самом невинном дипломатическом шаге.

Не будучи способной создать новый международный баланс сил, а также сдержать мирными средствами чудовищный динамизм германской экономической и военной машины, Антанта все больше концентрировала свои усилия на производстве и совершенствовании вооружений. Увеличение же армий и военных флотов неизбежно подталкивало Европу все ближе и ближе к вооруженному столкновению, ибо в ходе всякой гонки вооружений в конце концов наступает психологический момент, когда война кажется единственным средством освобождения от невыносимого ожидания катастрофы. После 1909 года война стала лишь вопросом времени. Начала исчезать разграничительная линия между работой дипломата и штабного офицера.

В канун первой мировой войны в Европе существовали три основные проблемы. Это, во-первых, англо-германская борьба за военно-морское превосходство; во-вторых, австро-германо-российские разногласия в отношении Балкан и Турции; и, в-третьих, франко-германское соперничество в вопросе об Эльзасе и Лотарингии и африканских колониях. Разрешение этих проблем было предоставлено дипломатам. Как известно из опубликованных ныне документов, большинство из них отнеслось к этому делу вполне добросовестно. Однако, несмотря на добрые намерения тех, кто осуществлял "секретную дипломатию", эти три проблемы становились все более запутанными и трудноразрешимыми. Приближалось время, когда задача распутать их перейдет от дипломатов к военным.

Нет сомнений в том, что международную обстановку определяло англо-германское соперничество. Когда же германское правительство окончательно решило ускорить начало войны в Европе? Еще в России, да и некоторое время после отъезда оттуда, я придерживался общепринятой точки зрения о том, что Германия приняла решение о начале превентивной войны сразу же после того, как в 1914 году на тайной конференции лидеров большинства Думы ("Прогрессивного блока") в самом конце весенней сессии была одобрена широкая военная программа, предусматривавшая радикальную реорганизацию оборонительной системы России вдоль западной границы. Теперь же, пересмотрев германскую политику периода Балканских войн, я пришел к выводу о том — и это мое глубокое убеждение,— что германское командование утвердило план превентивной войны еще летом 1912 года. Подготовка к ней последовательно и спешно осуществлялась как во время Балканской конференции, так и после нее.

В феврале 1912 года Британское правительство предприняло последнюю попытку достичь соглашения с Германией о прекращении строительства военных кораблей в обоих странах. Для переговоров по этому вопросу в Берлин был направлен влиятельный член кабинета министров и сторонник дружественных отношений с Германией лорд Холдейн, который провел там ряд важных встреч с представителями политических и официальных кругов. Как и следовало ожидать, миссия лорда Холдейна завершилась полным провалом, и он вернулся в Лондон с пустыми руками. Берлинское правительство не было склонно заключать какое-либо соглашение о военно-морских силах до тех пор, пока не про-

изойдет определенных изменений во внешней политике Англии, на которых настаивала Германия. Великобритания, со своей стороны, вообще никогда не была склонна идти на уступки в своей внешней политике, тем более не могла себе этого позволить в 1912 году.

За отъездом из Берлина лорда Холдейна почти немедленно последовало решение о дополнительных ассигнованиях на усиление германских военно-морских сил. 8 марта рейхстаг утвердил второй законопроект о развитии военно-морских сил, внесенный адмиралом Тирпицем.

Миссия Холдейна была последней попыткой Англии предотвратить вооруженное столкновение с Германией. Когда она потерпела провал, то, как мне рассказывал в Лондоне в 1918 году сам Холдейн, неизбежность войны стала очевидной. И с лета 1912 года к ней стали лихорадочно готовиться все европейские державы.

По инициативе британского адмиралтейства между правительствами Англии и Франции было достигнуто сверхсекретное соглашение, о котором не было никаких упоминаний в официальных документах, касавшееся дислокации их военно-морских сил. Весь британский военный флот предполагалось сконцентрировать в проливе Ла-Манш и в Северном море — Великобритания тем самым брала на себя защиту северного побережья Франции; французский же флот предполагалось сосредоточить в районе Средиземного моря.

Приняв на себя обязанность на случай войны с Германией охранять северное побережье Франции, кабинет Асквита и Грея пошел на обязательное участие Британии в войне, в которую в силу союза с Францией неизбежно была бы втянута и Россия. В Берлине это англо-французское соглашение о сферах действий флотов двух стран, которое не укрылось от внимания германской разведки, положило конец последней надежде Германии на подрыв по дипломатическим каналам англо-франко-российского согласия.

Французский кабинет, в свою очередь, уверенный в поддержке Великобритании, полностью пересмотрел свои отношения с Россией по вопросу о положении на Балканах. 25 октября 1912 года русский посол в Париже А. П. Извольский информировал министра иностранных дел С. Д. Сазонова о следующем политическом заявлении французского кабинета: "Отныне Франция считает, что территориальные притязания Австрии нарушают общий баланс сил в Европе и соответственно интересы самой Франции".

Иными словами, Франция поощряла Россию занять более жесткую позицию на Балканах. Одновременно Франция стала оказывать давление на Россию с целью заставить ее как можно скорее реорганизовать и усилить вооруженные силы и без промедления закончить строительство важных в стратегическом отношении железных дорог.

Сама же Франция осуществила, начиная с 1911 года, ряд мер по укреплению мощи своей артиллерии и к тому времени располагала достаточным числом тяжелых полевых орудий. В августе 1913 года была завершена модернизация армии и был введен трехлетний срок воинской службы, хотя закон об этом был принят после долгого и упорного сопротивления со стороны профсоюзов, социалистической партии и левых радикалов. Все законы об ассигнованиях на перевооружение и увеличение вооруженных сил вызвали сильнейшее противодействие в парламенте, тем не менее в конечном счете были утверждены.

В общем, общественное мнение в странах Антанты — Англии, Франции и России — не было подвержено тем милитаристским и шовинистическим настроениям, которые господствовали во всех слоях германской общественности.

Все европейские социалистические партии (включая германскую) на своих съездах, как и организации рабочих, голосовали против войны и за всеобщую забастовку, если "капиталисты" ее развяжут. Против любой войны была настроена в основном и вся общественность России. Страна в эти предвоенные годы была чрезмерно занята борьбой с "режимом Распутина".

Изучив информацию о военном, политическом и психологическом положении в странах своих потенциальных врагов, немцы посчитали, что она говорит в пользу более чем вероятной победы Австрии и Германии, но такая вероятность будет уменьшаться с каждым годом промедления, поскольку время работает на укрепление военной и психологической готовности держав Антанты.

К концу 1913 года все было готово для нанесения первого удара, требовалось лишь выбрать удобный момент. Он наступил 15 июня 1914 года.

В тот день прибывший с визитом в Боснию* эрцгерцог Франц Фердинанд ехал в открытой карете вместе со своей морганатической женой без всякой полицейской охраны по улицам Сараево. Когда на одной из улиц карета завернула за угол, к ней подбежал молодой человек и несколькими выстрелами из револьвера убил обоих. Убийца, Гаврила Принцип, принадлежал к сербской ультранационалистической террористической организации "Черная рука".

Это трагическое событие потрясло, вызвав волну возмущения, всю Европу. В правительственных и политических кругах возникла серьезная тревога в связи с тем, что пожар на Балканах, только что потушенный объединенными усилиями великих держав в ходе Лондонской конференции, может легко возгореться снова, и снова возобновится напряженность между ними. Тревога вскоре улеглась. Австрийское правительство поспешило заверить Санкт-Петербург в том, что не намерено предпринимать каких-либо акций военного характера. А через неделю после убийства эрцгерцога кайзер Вильгельм II отправился на летний "отдых" в норвежские фиорды. Отъезд германского императора окончательно убедил Европу в том, что мир будет сохранен.

Наступило обычное политическое затишье летнего сезона. Стали уезжать в отпуск министры, члены парламента, высокопоставленные правительственные и военные чиновники. Трагедия в Сараево никого особенно не встревожила и в России; большинство людей, связанных с политикой, с головой ушли в проблему внутренней жизни. Даже исходя из того, что известно нам сегодня, трудно представить, как случилось, что никто из правящей верхушки в Европе, за исключением германских и австрийских заговорщиков, не почувствовал, что покой благословенного лета — всего лишь затишье перед надвигающейся ужасной бурей.

В июле, воспользовавшись парламентскими каникулами, президент Французской республики Раймон Пуанкаре и премьер-министр и министр иностранных дел Рене Вивиани нанесли официальный визит царю Николаю II, прибыв на борту французского линейного корабля. На обратном пути из России они намеревались совершить визит в Скандинавские страны.

Встреча 7—10 июля состоялась в летней резиденции царя, Петергофе. Ранним утром 7 июля французские гости перешли с линкора, ставшего на якорь в Кронштадте, на царскую яхту, которая доставила их в Петергоф. После трех дней переговоров, банкетов и приемов, перемежавшихся смотрами очередных летних маневров гвардейских

---

*Босния была славянской провинцией Австрии, которую она официально аннексировала только в 1908 году, хотя она была оккупирована и управлялась Австрией еще с 1878 года в соответствии с секретным договором, подписанным на Берлинской конференции императорами Австро-Венгрии, Германии и России.

полков и частей Санкт-Петербургского военного округа, французские визитеры возвратились на свой линкор и отбыли в Скандинавию.

Несколько позднее, в тот же день 10 июля, в Париже, Санкт-Петербурге и Лондоне были получены сообщения о том, что правительство Австрии вручило правительству Сербии ультиматум, условия которого потребовало выполнить в течение 48 часов. Очевидно, что предъявление ультиматума в день отплытия Пуанкаре из России не было простым совпадением. В течение нескольких дней Франция оставалась без президента, без главы кабинета и министра иностранных дел; всеми делами занимался один из заместителей министра, весьма мало сведущий в международной политике. В столь ответственный момент Франция и Россия оказались лишены возможности безотлагательно принять совместные меры.

Требования, содержавшиеся в ультиматуме, были, несомненно, неприемлемы для любого правительства. Ни одна уважающая себя страна не могла согласиться снять с поста своих официальных представителей по требованию иностранной державы; ни одно правительство не могло под угрозой применения военной силы разрешить иностранцам вмешиваться в свои административные и юридические функции; никакое правительство не принесет извинений за преступные действия, которых оно не совершало, согласившись в противном случае на признание справедливости лживых обвинений в своем соучастии и покровительстве. Даже австрийский барон фон Визнер, направленный в Сараево для расследования обстоятельств убийства, информировал 2 июля австрийское правительство о том, что он не обнаружил никаких данных, свидетельствовавших о причастности правительства Сербии к убийству.

Как только правительство России узнало об ультиматуме, оно предложило Сербии выполнить все требования, кроме тех, которые нарушали основные права суверенного государства. Именно такую позицию и заняло правительство Сербии, изложив ее в ноте от 10 июля. Венское правительство расценило ноту Белграда как неудовлетворительную, и с этого момента Австрия и Сербия оказались в состоянии войны. 15 июля австрийцы подвергли Белград артиллерийскому обстрелу.

В тот же день лорд Грей предложил немедленно созвать конференцию великих держав, однако австрийцы отклонили предложение Грея обсудить вопрос австро-сербских отношений, как вопрос, который затрагивал их национальное достоинство. Берлин поддержал Вену.

Все попытки русского правительства посредством прямых переговоров с австрийцами убедить их в необходимости найти мирное решение и внести изменения в условия ультиматума были категорически отвергнуты. А тем временем германские агенты в Западной Европе всеми силами пытались убедить общественность, будто правительство Сербии отклонило справедливые требования Австрии под давлением агрессивных сил Санкт-Петербурга. Эти утверждения были с готовностью подхвачены пацифистскими и прогерманскими кругами в Англии и Франции, которые считали, что именно Россия является главным виновником всех международных интриг, ставящих под угрозу мир в Европе.

Сегодня нет смысла опровергать эти абсурдные утверждения или доказывать, что не "преждевременная мобилизация" в русской армии стала причиной первой мировой войны. Даже летом 1917 года, в разгар боев на русском фронте, независимый левый социал-демократ Гаазе сделал в рейхстаге официальное заявление, за которое, окажись оно ложным, его бы судили по обвинению в измене. Гаазе сказал, что через неделю после убийства эрцгерцога, 22 июня 1914 года, кайзер Вильгельм провел секретную встречу высокопоставленных лиц австрийского и германского правительств, а также вооруженных сил. На этой встрече было

решено использовать сараевскую трагедию как предлог для начала превентивной войны против стран Тройственного согласия, и в соответствии с этим был разработан генеральный план действий. По понятным соображениям, чтобы не вызывать подозрений у Англии или России, первую часть плана следовало осуществить одной лишь Австрии без какого-либо участия Германии. Следует добавить, что такая стратегическая уловка — отъезд кайзера "на отдых" — сработала великолепно. Развеяв подозрения своих будущих противников, Германия получила трехнедельную фору для подготовки неожиданного нападения.

Зная о том, что всеевропейская война между двумя группировками держав неизбежна, что Великобритания, имея флот, не имеет — на тот момент — сухопутной армии, что континентальные союзники Великобритании ведут ускоренную реорганизацию и перевооружение своих армий, но пока не готовы к войне, что Россия 1914 года — это не Россия 1904 года, что она стала страной с высокоразвитой промышленностью, включая военную, и, что через два или три года Франция и Россия завершат подготовку к войне и тогда их военный потенциал превысит военную мощь Германии, немцы, как они полагали, избрали единственно возможный путь — застать врасплох плохо подготовленного врага.

Могла ли Россия, которая была абсолютно не готова к столкновению с Германией и которая по опыту 1908 года знала о поддержке Австрии Германией, действительно спровоцировать кайзера начать войну? Безусловно, нет. Документы о причинах войны, опубликованные в Белой книге санкт-петербургского правительства от 1915 года, полностью исключают такую возможность. На первом военном совете по вопросу об австро-сербском конфликте, который царь провел за день до артиллерийского обстрела Белграда, было решено объявить на следующий день, а именно 13 июля, о принятии мер предосторожности, а если положение ухудшится, провести *частичную* мобилизацию; она должна была охватить 13 корпусов в четырех военных округах, не граничащих с Германией. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов немедленно сообщил об этом решении германскому послу в Санкт-Петербурге графу Пурталесу, указав, что эти меры никоим образом не направлены против Германии и что не будет предпринято никаких действий против Австрии.

Кризис в Европе развивался с такой головокружительной быстротой, что проводить лишь частичную мобилизацию как меру, направленную против Австрии, было бессмысленно и по техническим, и по политическим соображениям. Частичная мобилизация не являлась какой-то ступенью в программе всеобщей мобилизации в России на случай войны, поэтому, останься вопрос о ней в силе, это могло бы лишь осложнить положение России в случае критических обстоятельств. Спешно прибывший с Кавказа в Санкт-Петербург генеральный квартирмейстер Генерального штаба генерал В. Н. Данилов предложил генералу Н. Н. Янушкевичу, только что назначенному на пост начальника Генерального штаба, у которого уже не было времени ознакомиться с мобилизационными планами, пересмотреть отданный приказ. Царю для окончательного решения были направлены проекты двух отдельных приказов — один о частичной, другой о всеобщей мобилизации.

Утром 16 июля из Царского Села поступил приказ о всеобщей мобилизации, уже подписанный царем; он должен был вступить в силу в полночь. К этому времени военные власти располагали надежной и точной информацией о концентрации германских вооруженных сил близ границ с Францией и Россией.

Тем же утром 16 июля граф Пурталес посетил С. Д. Сазонова и в резких выражениях заявил ему, что продолжение в России мобилиза-

ции, угрожающей Австрии, вынудит принять соответствующие меры Германию. Тем не менее в течение того дня, 16 июля, Николай II поддерживал постоянную связь по телеграфу с кайзером, который к тому времени возвратился из "туристической поездки" к норвежским фиордам. Ошибочно считая после получения одного из посланий кайзера, что тот искренне заинтересован в мире, царь в тот же вечер направил ему ответную телеграмму, в которой выражал благодарность за полученное послание и отмечал, что оно резко отличается от тона, которым обсуждал германский посол тот же вопрос 16 июля на встрече с Сазоновым.

Вечером того же дня царь отменил свой приказ о всеобщей мобилизации и вместо него отдал приказ о частичной мобилизации, который вступал в силу в тот же срок — 17 июля.

На следующий день, когда уже стало известно, что 18 июля Австрия собирается объявить положение боевой готовности и что Германия абсолютно открыто проводит военные приготовления, царь получил от кайзера еще одну телеграмму, составленную на этот раз в более резких выражениях. Германский император дал вполне ясно понять, что Пурталес сделал заявление в полном соответствии с его инструкциями и что, если Россия не отменит мобилизации, на царя ляжет вся ответственность за последствия. В ответ на это царь после мучительных колебаний в конце концов отменил во второй раз частичную мобилизацию и отдал приказ о всеобщей мобилизации, установив срок его вступления в силу ровно в полночь 18 июля.

Позднее, стремясь избежать раздражения Германии, царь запретил военным кораблям без его предварительного разрешения минировать воды Балтийского моря. 17 июля Адмиралтейство получило донесение о том, что германский флот покинул Киль и направился в сторону Данцига. В ожидании распоряжения царя командующий Балтийским флотом адмирал А. М. Эссен направил начальнику штаба военно-морских сил адмиралу А. И. Русину телеграмму с просьбой просить разрешения царя на немедленное минирование. Телеграмма была получена около полуночи 17 июля. Несмотря на поздний час, начальник штаба в сопровождении ближайших помощников отправился к военно-морскому министру и просил его разбудить царя и получить его разрешение на минирование. Военно-морской министр решительно отказался выполнить эту просьбу. Попытки прибегнуть к помощи Великого князя Николая Николаевича также потерпели неудачу. Лишь в 4 часа утра, когда офицеры, посланные Русиным к однополчанину царя генералу Янушкевичу, не вернулись обратно, адмирал принял решение нарушить императорское распоряжение и отдал приказ о начале минирования. Через несколько минут после этого было получено согласие от генерала Янушкевича.

Утром 18 июля в 11.30 адмирал Эссен по радиотелеграфу сообщил начальникам штабов о том, что минные заграждения поставлены.

Вечером того же дня граф Пурталес посетил министра иностранных дел Сазонова и со слезами на глазах сообщил ему о том, что начиная с полуночи 18 июля Германия находится в состоянии войны с Россией.

Глава 8

МОНАРХИЯ НА ПУТИ К КРАХУ

28 мая 1914 года завершилась весенняя сессия IV Думы. Заседания проходили крайне остро, приобретая порой даже бурный характер. Члены всех фракций, от социал-демократов до октябристов, подвергли резкой критике гибельную политику Горемыкина, настаивая на отставке трех министров, проявивших наиболее фанатическое неприятие народного представительства — Маклакова (министра внутренних дел), Щегловитова (министра юстиции) и Сухомлинова (военного министра). Что касается наиболее умеренных депутатов, то их стремление устранить кабинет Горемыкина было продиктовано не столько отношением ко внутренней политике правительства, сколько к крайне тревожному положению в Европе.

Русская армия находилась в тот период в критической стадии: полным ходом претворялась в жизнь широкая военная программа, разработанная французским и русским генеральными штабами в ответ на наращивание военного потенциала в Германии и Австрии.

В самом конце весенней сессии правительство решило кратко информировать наиболее влиятельных членов комиссии Думы по военным делам о достигнутом прогрессе в сфере обороны. Для этого Родзянко провел совершенно секретное заседание, на котором должен был выступить военный министр с изложением целей и задач коренной реорганизации системы русской обороны вдоль западных границ.

Меня, представителя левого крыла оппозиции, на это крайне важное заседание не пригласили, поэтому я могу лишь процитировать выдержку из показаний лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, данных им в ходе специального расследования деятельности бывших царских министров и чиновников, проведенного в августе 1917 года: "На закрытом заседании по вопросам, связанным с военной программой, Сухомлинов проявил полную некомпетентность в военных делах. Мы и сами были не большими знатоками, но могли понять, что он не имел ни малейшего представления о проводимых в армии мероприятиях и о "реформе", суть которой должен был нам изложить, он знал не больше человека, только что прибывшего с Луны. Но так или иначе, мы поняли, что план предусматривал не "реформу" вооруженных сил, а лишь их перегруппировку и реорганизацию на случай большой войны, которая, как ожидалось, разразится в 1916 году".

Какие меры следовало предпринять? У меня на это не было ответа, но одно я знал совершенно твердо: схватка с Германией не будет носить узкорегиональный характер, как это было в русско-японскую войну. Это будет война, в которой, как и в 1812 году, примет участие вся нация.

Конечно, далеко не все, что обсуждалось и совершалось за непроницаемыми стенами правительственных учреждений, доходило до сведения даже наиболее сведущих в политике представителей общественности. Но теперь, когда я знал, что всякие теоретические дискуссии и обсуждения, будет или не будет война, абсолютно беспредметны и что схватка неизбежна, я искренне осознал, что не могу — не имею права

— скрыть то, что знаю, от некоторых видных представителей левых и радикальных группировок. Я также считал важным уяснить для себя мнение этих людей, перед тем как отправиться в ежегодную поездку по стране.

Мне даже удалось организовать встречу, в которой, к сожалению, приняло участие не так уж много людей, поскольку большинство успело разъехаться в летние отпуска. На ней разгорелись жаркие споры — отнюдь не все верили, что война не за горами, — однако в одном были согласны все до единого: если война все же разразится, каждый из нас выполнит свой долг по защите страны.

В конце концов после многодневных утомительных дискуссий мне удалось покинуть Санкт-Петербург и вдохнуть свежий воздух бесхитростной русской провинции. Я взял себе за правило во время летних каникул совершать поездки по стране, рассказывая о работе Думы и помогая на месте в организации политической работы. На этот раз путь мой пролегал через Урал к Волге. Обращаясь сегодня в прошлое, осознаешь, что политические свободы в России того времени напоминали волшебную сказку. Россия стала совсем другой страной, чем была до русско-японской войны. К лету 1914 года Россия превратилась в политически организованную страну и потребовалось бы от силы два или три года, чтобы вытравить с лица земли все следы самодержавия и создать новую, демократическую Россию.

В начале июля я покинул Екатеринбург*, где участвовал в работе съезда учителей начальных школ, и приехал на несколько дней в Самару. Город проявлял огромный интерес к политическим событиям. Во время моего выступления городской театр был переполнен и толпы людей вынуждены были стоять на площади перед зданием.

Вечер прошел весьма оживленно, хотя, как и обычно, не было задано ни одного вопроса о международных делах; все были поглощены лишь повседневными проблемами внутренней жизни. После выступления был устроен прием, на котором присутствовали, помимо меня, товарищ председателя Думы Н. В. Некрасов и небольшая группа местных политических деятелей. Но тут главной темой разговора была напряженность международной обстановки.

На следующий день, 10 июля, мы в сопровождении друзей отправились на пристань, Некрасов ехал к Черному морю навестить семью, я отправлялся в Саратов, где у меня было назначено очередное выступление. Когда мы стояли на пристани, неожиданно появился мальчишка-газетчик, который истошно выкрикивал: "Последние новости! Австрия направила ультиматум Сербии!" Было чудесное летнее утро, в лучах солнца ослепительно сверкала гладь Волги, на палубах огромного парохода, стоявшего у пристани, толпились радостные, возбужденные люди. Мало кто из них обратил внимание на мальчишку-газетчика, но в нашей маленькой компании все разговоры сразу же оборвались. Радужного настроения, порожденного столь успешным пребыванием в Самаре, — как не бывало. Мы слишком хорошо понимали, что этот ультиматум означал общеевропейскую войну. После краткого обмена мнениями было решено, что я немедленно возвращаюсь в Санкт-Петербург, а Некрасов до предела сократит поездку к Черному морю.

В жизни человека случаются мгновения, когда всякие размышления и раздумья становятся бессмысленными: взамен им приходит внезапное осознание важности происходящих событий. В тот момент я ясно понял, что в грядущую войну будет вовлечен весь русский народ и что он выполнит свой долг.

---

* Переименованный в 1924 году в Свердловск.

В конце июня 1914 года в столице начались беспорядки среди рабочих (в которых приняло участие около 200 тысяч человек), а в рабочих кварталах на Выборгской стороне появились баррикады. За несколько дней до начала войны Пурталес направил в Берлин донесение, в котором говорилось, что внутренние раздоры в России создали благоприятные психологические предпосылки для объявления ей войны. Его превосходительство в своих суждениях сделал фатальную ошибку. В день объявления войны тысячи рабочих, которые еще накануне вечером участвовали в революционных забастовках, направились в знак солидарности к посольствам союзных стран. И на площади перед Зимним дворцом, той самой площади, которая была свидетелем трагедии января 1905 года, огромные толпы людей из всех слоев общества с воодушевлением приветствовали самодержца и пели "Боже, царя храни!".

Вся нация, жители больших и малых городов, как и сельской местности, инстинктивно почувствовали, что война с Германией на многие годы вперед определит политическую судьбу России. Доказательством тому было отношение людей к мобилизации. Учитывая огромные просторы страны, ее результаты произвели внушительное впечатление: лишь 4 процента военнообязанных не прибыли в срок к месту приписки. Другим доказательством явилось неожиданное изменение в умонастроениях промышленного пролетариата. К удивлению и возмущению марксистов и других книжных социалистов, русский рабочий, так же как французский и германский, проявил себя в той же степени патриотом, как и его "классовый враг".

"В начальный период войны, — писал впоследствии один из коммунистических историков, — численно малые силы партии, очутившись в атмосфере равнодушия и даже враждебности, встали на единственно возможный для них путь — путь медленного, но неуклонного привлечения на свою сторону союзников. Эта болезненная работа привела к постепенному преодолению и устранению этого "субъективного заблуждения"*, проявившегося в партийных рядах в начале войны. По мере возрождения и идеологического укрепления это партийное ядро повело неустанную борьбу против патриотических настроений революционных масс"**.

Я понимал, что борьбу, которую мы вели с остатками абсолютизма, можно теперь на время отложить. Мы вступили в сражение с могущественным врагом, который в техническом отношении значительно превосходил нас. В этих условиях надо было сконцентрировать все наши усилия, всю волю народа ради достижения одной цели. Единство страны определялось не только патриотизмом народа, оно также в большой степени определялось внутренней политикой правительства. Массы были готовы проявить добрую волю и не поминать о старом. Такое же желание оставалось проявить и монархии.

По пути в Санкт-Петербург я работал над планом действий на период войны, основанным на примирении царя и народа.

Быть может, то было бесплодным мечтанием, но бывают времена, как в истории страны, так и в жизни отдельных людей, когда их спасение определяется вовсе не логикой и не разумом. Эта вторая война за национальное выживание (первая была в 1812 году) предоставила царю уникальную возможность протянуть руку дружбы народу, обеспечив тем самым победу и упрочение монархии на многие годы.

---

* То есть патриотизма.

** Очерки по истории Октябрьской революции. С. 203.

В манифесте царя по случаю войны с Германией не было недостатка в благородных, патриотических и гуманных эмоциях, но мы нуждались в примирении не на словах, а на деле.

Открытие чрезвычайной сессии Думы было назначено на 26 июля. В период, предшествовавший этой исторической сессии, в служебном помещении Родзянко ежедневно проводились заседания Совета старейшин, куда входили представители различных партий. Никто не сомневался, что Дума единодушно подтвердит решимость всех классов и национальных групп защитить отечество и обеспечить победу в войне. Решающим был вопрос: пойдет или не пойдет на уступки народу царь. Предполагалось, что в канун открытия Думы 26 июля Родзянко отправится с докладом к царю. На одном из заседаний я обратился к Родзянко с настоятельной просьбой от имени Совета старейшин сообщить царю, что, по мнению Думы, ради успешного исхода войны ему совершенно необходимо предпринять следующие шаги: 1) изменить внутреннюю политику; 2) провозгласить всеобщую амнистию для политических заключенных; 3) восстановить конституцию Финляндии; 4) объявить автономию Польши; 5) предоставить нерусским меньшинствам самостоятельность в области культуры; 6) отменить ограничения в отношении евреев; 7) покончить с религиозной нетерпимостью; 8) прекратить преследования законных организаций рабочего класса и профессиональных союзов. Все эти пункты содержались в манифесте от 17 октября 1905 года, однако власти упорно не желали осуществлять ни одного из них. Я посоветовал старейшинам не настаивать на том, чтобы царь провел какие-либо реформы, а лишь подтвердить свое требование об осуществлении ранее обещанных. Мою просьбу поддержали прогрессисты, меньшевики и левые кадеты.

Затем предстояло переговорить с Милюковым. Он был компетентным историком и считался специалистом в области международных отношений. Ссылаясь на пример Англии, он считал, что Дума должна, не ставя никаких условий, проявить полное доверие правительству, независимо от совершенных им ошибок. Ссылки на пример Англии казались мне абсолютно беспочвенными, поскольку любое английское правительство находится под жестким контролем общественного мнения и, более того, выражает волю партии, одержавшей победу на выборах. В России же никогда не существовало подлинно демократической парламентской системы. Фактически кабинет Горемыкина просто-напросто подчинялся диктату Распутина и его клики и не обращал ни малейшего внимания на общественное мнение. Кроме того, неуместность примера Англии особенно ярко проявлялась в том факте, что английская консервативная оппозиция отказывала в поддержке либералам до тех пор, пока руководители обеих партий не достигли личного соглашения по политике на период войны.

И тем не менее мое предложение забаллотировали.

Да и будь все мои пункты приняты, я сильно сомневаюсь, что требования Совета старейшин оказали бы на умонастроения царя воздействие большее, чем энтузиазм народа.

Перед самым отъездом Родзянко в Царское Село у нас с ним состоялся продолжительный разговор. Он записал мои соображения на листке бумаги и обещал упомянуть о них при встрече с царем. По возвращении он сказал мне, что выполнил мою просьбу, но царь, мельком проглядев листок, положил его на стол без каких-либо замечаний.

В последнем докладе царю, датированном 10 февраля 1917 года, Родзянко напомнил ему о тех первых месяцах войны, когда все еще

было возможно, но ничего не было сделано. В докладе говорилось: "Мы были свидетелями того, в каком соответствии с требованиями момента действовали правительства наших союзников, и мы были свидетелями того, каких замечательных результатов они достигли. А что делали мы в то время? Вся нация стремилась к единению, а наше правительство не осуществляло никакой политики, более всего боясь единения народа. Правительство не только отказывается внести какие-либо изменения в методы управления, но даже пытается всячески оправдать их ссылками на когда-то почитаемый, но давно отброшенный опыт. Волна арестов, ссылок, преследований печати достигла наивысшей точки. И даже те люди, на поддержку которых одно время могло рассчитывать правительство, ныне вызывают подозрения. Вся страна находится под подозрением".

Но время уже ушло, и какой теперь был толк в напоминаниях Родзянко о том, что следовало бы сделать в начале войны? Ему бы поддержать меня тогда, в 1914 году, в моих попытках убедить Совет старейшин выполнить свой долг представителей народа, доказав царю, что единственный путь объединения страны — объединение верховной власти с народом во имя борьбы за Россию.

Можно возразить, что наказ этот все равно не был бы услышан. Вероятно, так. Но тогда большинство Думы, по крайней мере, не подверглось бы всенародному осуждению за молчаливое послушание в первый год войны и принятие жестоких и произвольных действий царских министров.

Возможность победы теперь зависела только от непреклонной решимости народа защищать свою страну до последнего человека. На это я и возлагал свои надежды: я был уверен, что все преграды, созданные монархией на пути к победе, будут преодолены. Именно об этом я и сказал в своей речи на историческом заседании Думы 26 июля.

Перед открытием заседания мне довелось пережить несколько неприятных минут. Дело в том, что трудовики и социал-демократы первоначально пришли к заключению о необходимости выступить с заявлением, в котором обе партии выражали решимость народа, несмотря на антинародную и обструкционистскую политику правительства защищать страну (что было согласовано на конференции).

Совместное заявление было в общих чертах сформулировано накануне вечером, и мне поручили написать окончательный текст и привезти его на следующий день в Думу. Однако, когда я приехал, меня ждало горькое разочарование.

В Екатерининском зале ко мне подошел председатель социал-демократов Чхеидзе и весьма смущенно заявил о невозможности выступления с совместным заявлением. Я потерял дар речи. На мой вопрос о причине он ответил, что накануне ночью из какого-то агентства была получена телеграмма, в которой сообщалось о состоявшейся в Германии антивоенной демонстрации социал-демократов, а раз так, он обязан их поддержать. Я выразил сомнение в достоверности сообщения, отметив, что германские социал-демократы прежде всего немцы, а немцы не настолько тупы, чтобы пойти на такой шаг. Чхеидзе лишь развел руками. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом заявления его партии, а прочитав его, возвратил со словами: "Поступайте, как знаете, но вот этот абзац надо выкинуть при любых условиях, иначе вы потом тяжко за него поплатитесь..."*

---

*В абзаце содержался призыв саботировать отправку эшелонов с военными грузами.

Зачитать заявление от имени всей фракции социал-демократов на вскоре открывшемся заседании Думы было поручено большевику по фамилии Хаустов*. Составленное в типичном стиле марксистского жаргона, оно просто-напросто утверждало, что "пролетариат, неизменно стоящий на страже свободы и интересов народа, всегда будет бороться в защиту культурного богатства народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили", и выражало надежду, что нынешняя волна варварства** будет последней.

Вечером того же дня поступило официальное сообщение, что никаких акций со стороны германских социал-демократов предпринято не было. Опасных последствий такого трюка частично удалось избежать, поскольку самый рискованный пассаж из заявления Чхеидзе все же был выброшен.

После выступлений министров, изложивших политику правительства, председатель Думы предоставил слово мне. В заключительных словах сделанного мною от имени трудовиков короткого заявления я сказал: "Мы абсолютно уверены, что внутренняя изначальная сила русской демократии вкупе с другими движущими силами русского народа дадут отпор агрессорам и защитят отечество и культурное наследие, созданное потом и кровью предшествующих поколений. Мы верим, что страдания на полях сражений укрепят братство русского народа и приведут к общей цели — освобождению страны от чудовищных оков. Однако даже в этот трудный час власти не желают положить конец внутренним разногласиям; они не хотят даровать амнистию тем, кто боролся за свободу и счастье нашей страны, как не хотят пойти навстречу нерусским меньшинствам, которые, забыв о прошлых обидах, сражаются бок о бок с нами за Россию. Вместо того чтобы облегчить тяготы трудящихся, власти вынуждают их нести главное бремя военных расходов, увеличив размеры косвенного налогообложения. Крестьяне, рабочие и все, кто желает счастья и процветания родине, будьте готовы к тяжким испытаниям, которые нас ожидают впереди, соберитесь с силами, ибо, *защитив свою страну, вы освободите ее*".

Эти несколько строк выражали суть политической программы на время войны той группы, с которой я был связан, чьей воле я подчинялся и чьи цели я стремился выразить.

Целиком и полностью поддерживая консервативные и правые партии, составлявшие большинство в Думе, Милюков выразил их чувства, вполне определенно заявив: "Мы не выдвигаем никаких требований и не ставим никаких условий; мы лишь выражаем несокрушимую решимость сделать все ради победы на полях сражений".

Тем самым большинство Думы отдавало Россию на весь период войны на милость деспотичного и эгоистического правительства, обрекая себя на бездействие и молчание в то особо критическое для судеб страны время.

Как же истолковали монархия и реакционные министры этот неожиданный взрыв патриотизма и еще более неожиданный вотум доверия, который вынесла правительству Дума? Именно так, как и следовало ожидать от людей, мечтавших о возвращении России к системе абсолютной власти. Они сочли, что претендующие на роль политиков члены Думы, которые занимаются играми, изображая себя представителями народа, и пытаются вмешиваться в государственные дела, оказались вынуждены пойти на капитуляцию под натиском могучей волны чувств, охвативших преданных трону людей, объединившихся вокруг царя и по-

---

* Так у автора. Хаустов не был большевиком. — *Прим. ред.*

** То есть "война".

могавших ему, как не раз в прошлом, спасти страну от вражеского нашествия. И теперь, когда народ взял сторону царя, министрам, верным защитникам традиционного абсолютизма, Дума больше не нужна и нечего больше бояться ее критики. Приблизительно такие выводы сделали они из сложившейся ситуации!

Хотела ли в действительности Дума ликвидации монархии? Нет. В России, как и во всех других странах Европы, за исключением Франции, правила монархия. И в момент, когда на карту была поставлена судьба России, даже сторонники республиканского строя, к коим относился и я, готовы были предать забвению прошлое во имя единения нации. И разве, в конце концов, не объявил царь в своем манифесте от 17 октября 1905 года, что отныне и во веки веков ни один закон не будет приниматься без утверждения Думой? И разве это уже не свидетельствует о создании конституционной монархии, хотя бы такой неполной и несовершенной?

А тем временем по двум направлениям шло разрушение патриотических настроений рабочих, которые всеми силами стремились защитить родину. С одной стороны, правительственные власти всячески подрывали деятельность больничных касс и других социальных организаций, отправляя на фронт наиболее опытных и влиятельных рабочих и профсоюзных деятелей. И хотя большинство их составляли социал-демократы и меньшевики*, им была абсолютно чужда пораженческая пропаганда Ленина. Оказавшись в полном меньшинстве, сторонники Ленина использовали создавшееся положение в своих собственных целях.

Вместе с тем с началом войны среди рабочих окрепла надежда на объединение многочисленных партий и прекращение межфракционной грызни. Осуществись эта надежда, и патриотические настроения рабочих получили бы дальнейшее развитие. Ленин со всей очевидностью понимал это и всеми силами поэтому противился любому сближению с меньшевиками.

16 декабря 1914 года директор Департамента полиции направил всем отделениям тайной полиции следующий циркуляр (за номером 190791): "В связи с чрезвычайной опасностью настоящего плана (объединения партий) и крайней желательностью сорвать его, Департамент полиции считает необходимым просить всех руководителей отделений тайной полиции довести до сведения находящихся в их распоряжении агентов, что они должны настойчиво проводить в жизнь во время посещения партийных собраний и всячески отстаивать идею о полной невозможности какого-либо организационного слияния существующих течений, особенно большевиков и меньшевиков".

Углубление разногласий среди рабочих, все более безжалостные меры подавления активности социальных организаций рабочих, предпринимаемые властями, помогли большевистскому меньшинству охладить патриотические настроения пролетариата.

В начале декабря из Швейцарии до России дошли ленинские тезисы, известные в дальнейшем как "пораженческие". На тайном заседании Центрального Комитета большевистской партии, которое было проведено на окраине Петрограда** для обсуждения этих тезисов, естественно, присутствовала "пятерка" — полный состав большевистской фракции в Думе. В заседании принял также участие известный деятель партии Л. Б. Каменев (Розенфельд), который, незадолго перед тем вернувшись из эмиграции, жил в то время на легальном положении. Через своих

* Так у автора. — *Прим. ред*

** В августе 1914 года Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

агентов, один из которых был редактором "Правды", охранка получила точную информацию о месте и времени заседания и о числе его участников. Едва заседание открылось, как явилась полиция, арестовала и отправила в тюрьму "пятерку", а с ними и Каменева. Их немедленно судили и 14 февраля сослали в Сибирь.

Немногие из рабочих знали содержание Ленинских тезисов. Они знали только одно — их представителей изъяли из Думы. Большевикам же заполучить пять мучеников было только на руку — судьба "пятерки" стала для сторонников Ленина главной темой в их подрывной деятельности среди рабочих. Как ни странно, но это ничуть не обеспокоило Маклакова и Щегловитова.

Мучительно было наблюдать, как люди, стоявшие у власти, стремились подавить в народе любое проявление патриотических чувств, сорвать всякую попытку помочь правительству и русским солдатам, которые в необычайно трудных условиях героически сражались с хорошо вооруженным врагом.

Все одиночные попытки, включая и мои, помешать процессу распада оканчивались безрезультатно. Некогда свободная пресса, ныне поставленная под жесткий контроль цензуры и использовавшаяся Горемыкиным как орудие в борьбе с общественным мнением, не могла быть источником правды. А Дума, которая могла и должна была им стать, по своей собственной воле обрекла себя на долгое молчание.

В феврале 1915 года была созвана сессия Думы для рассмотрения бюджета. Она длилась всего два дня. Оба дня "Прогрессивный блок" сохранял верность своему обещанию и хранил молчание; не прозвучало ни одного критического слова по поводу деятельности министров. Последствия этого "патриотического" молчания были фатальными.

Глава 9

РАЗРЫВ С ТРОНОМ

ЗАГОВОРЫ И КОНТРЗАГОВОРЫ

Тяжкие испытания, выпавшие на долю русских армий во время великого отступления весной и летом 1915 года, наконец-то пробудили от спячки либеральных и консервативных лидеров Думы. Потребовался целый год бесконтрольного правления реакционных министров, для того чтобы наиболее видные представители разных сфер деятельности осознали свою непростительную ошибку. В конце концов, опираясь на общественное мнение всей страны, они потребовали реорганизации правительства и немедленного созыва Думы; кроме того, они высказались за участие независимых организаций в работе по снабжению армии.

В мае, без заблаговременного уведомления правительства, по инициативе крупных московских промышленников и предпринимателей был созван Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли. Его главная задача заключалась в создании Центрального Военно-промышленного комитета и многочисленных его подразделений. Отныне вся промышленность была мобилизована на немедленную отправку на фронт обмундирования, снаряжения и боевой техники. Каждый, кто имел хоть какой-нибудь вес в экономике, принял активное участие в решении этой задачи. В комитет вошла также группа рабочих- "оборонцев"*, которые с конца 1916 года вплоть до революции решительно противодействовали пораженческой пропаганде, распространяемой агентами Протопопова, Ленина и Людендорфа.

Комитет работал рука об руку с двумя могущественными общественными организациями — Союзом земств и Союзом городов. Его возглавил председатель Союза земств князь Г. Е. Львов, впоследствии первый председатель Временного правительства. Сотрудничал с комитетом и Союз кооперативов. Все эти организации пользовались полной поддержкой как всех политических партий (за исключением большевиков и крайне правых), так и Верховного командования на фронте, Думы и всех подлинно патриотических министров.

Позднее, живя в эмиграции, князь Львов писал:

"Пожалуй, ни одна страна, кроме России, не столкнулась во время войны со столь важной проблемой. Она была вынуждена не только вести борьбу с противником, который значительно превосходил ее в области вооружений и военной подготовки, но и создать новые мощные оборонные организации. Они возникли вопреки противодействию правительства и опирались на поддержку сил, потенциал которых доселе был неведом. Только природный талант и врожденные организаторские способности, в основе которых лежала предприимчивость русского народа, спасли в то время Россию"**.

---

*Тех, кто выступал в противовес "пораженцам" на защиту страны от Германии.

**Russian Local Goverments During the War and the Union of Zemstvos (Carnegie Endowment for International Peace. Yale University Press. 1930. Papers of Prince G. E. Lvov).

В июне из правительства были выведены наиболее ненавистные министры — В. А. Сухомлинов, И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков и В. К. Саблер и их посты заняли генерал А. А. Поливанов, А. Ф. Самарин (предводитель московского дворянства), князь Н. Б. Щербатов и сенатор А. Н. Хвостов. Это были честные люди, пользовавшиеся доверием Думы.

Первым вопросом, который встал перед "новым" правительством (все еще возглавлявшимся дряхлеющим дворцовым угодником И. Л. Горемыкиным), была проблема крайне напряженных отношений между правительством и Верховным главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем. Сложность заключалась в том, что статут прав и обязанностей Верховного главнокомандующего, утвержденный буквально накануне войны, наделял его неограниченными полномочиями как на фронте, так и в тылу, а также во всех делах, связанных с непосредственным ведением войны. Произошло это потому, что царь Николай намеревался в случае войны с Германией взять функции Верховного главнокомандующего на себя. И лишь в последнюю минуту, уступив просьбам Горемыкина, он изменил свои намерения.

Вместо царя на этот пост был назначен Великий князь Николай Николаевич, пользовавшийся, никогда не мог понять почему, большим авторитетом как в светских, так и в военных кругах. А сами права, которыми официально наделялся Верховный главнокомандующий, изменений не претерпели.

Возникло парадоксальное положение. Верховный главнокомандующий, не являясь правителем страны, приобрел, по сути дела, неограниченную власть, за которую не нес никакой ответственности даже перед правительством.

В самом начале войны Горемыкин заявил председателю Думы: "Правительство будет заниматься только внутренними вопросами. Проблемы войны меня не касаются"*. Таким образом, реально в стране в то время действовали две власти.

Ни чрезмерно деятельный Великий князь Николай Николаевич, ни глава его штаба генерал Янушкевич ничего не смыслили в вопросах внутренней политики и экономики. И тем не менее они поступали в пределах своих полномочий, когда, полностью игнорируя правительство в Санкт-Петербурге, направляли свои распоряжения непосредственно местным властям, не ставя о них в известность столицу. Получая приказы из двух источников, провинциальные чиновники были в полной растерянности, не зная, кому им следует подчиняться.

Во время великого отступления 1915 года Верховное командование вызвало в стране настоящий хаос насильственной высылкой из прифронтовых районов всех без исключения евреев, не колеблясь присоединив к ним и других местных жителей.

Из состава штаба Верховного главнокомандующего лишь генерал Данилов был настоящим военным стратегом, получившим военную подготовку. В письмах военному министру Янушкевич откровенно признавался, что не подготовлен для выполнения обязанностей на занимаемом им посту.

Отсюда ясно, что обстановка на фронте и внутри страны настоятельно требовала коренных изменений во взаимоотношениях между Верховным командованием и правительством. Вновь созданный Совет министров высказал почти единодушное мнение, что не видит возможности управлять страной, пока существует столь ненормальное разделение власти.

---

* The Fall of the Tsarist Regime. Vol. 7. P. 119.

Тактично избегая вопросов, касающихся действий главнокомандующего на фронте, большинство министров, как новых, так и старых, решительно критиковало создавшуюся ситуацию. Горемыкин упрашивал министров не обострять обстановку, поскольку их критика могла вынудить царя принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

Так оно и произошло в действительности. Царь Николай стал Верховным главнокомандующим, отослав популярного Великого князя Николая Николаевича своим наместником на Кавказ. Естественно, такое решение почти повсеместно рассматривалось как великое бедствие, знаменующее новые катастрофы на фронте. Однако эти страхи оказались беспочвенными.

Все, кто следил за развитием событий на фронте в период наступления немцев весной и летом 1915 года, понимали, что, несмотря на огромное превосходство в вооружениях и блестящие тактические успехи, даже несмотря на растерянность, царившую среди генералов Великого князя Николая Николаевича, Верховное командование Германии потерпело стратегическое поражение. Планировавшаяся им операция "двойного охвата", призванная взять в клещи целую русскую армию, уничтожив ее тем самым как военную силу, потерпела полное поражение. Оправившись от нанесенных ей ударов, русская армия заняла позиции вдоль новой оборонительной линии, которые она удерживала вплоть до Октябрьской революции. По мнению наблюдателей, такую замечательную стратегию удалось успешно осуществить, главным образом, благодаря усилиям генерала М. В. Алексеева, которого царь назначил начальником Генерального штаба, передав тем самым руководство русской армией в руки лучшего в Европе стратега. И действительно, поскольку новый Верховный главнокомандующий счел за благо не вмешиваться в оперативные планы генерала Алексеева, к осени положение на фронте значительно улучшилось.

И все же решение царя взять на себя функции Верховного главнокомандующего имело для России фатальные последствия. Царь стал все чаще посещать военную ставку и проводить там больше времени, тем самым уделяя меньше внимания внутренним проблемам страны. Став Верховным главнокомандующим, он предоставил царице функции соправителя, хоть и посоветовал ей как можно чаще консультироваться с министрами и действовать через их посредство, а также распорядился, чтобы те, в свою очередь, держали царицу на время его отсутствия в курсе всех дел и событий. Не потребовалось много времени, чтобы результаты столь странного нового двоевластия в стране проявились в полную силу.

Дума была созвана 19 июля. Постепенно в ней стало формироваться новое большинство, состоявшее из либералов и умеренных консерваторов. К середине августа это большинство оформилось в так называемый "Прогрессивный блок", программа которого была созвучна моим идеям о будущем России. Своей целью блок поставил создание правительства из лиц, "пользующихся доверием" страны и "согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы", в которые вошли бы члены Государственного совета, а также Думы.

Руководимый П. Н. Милюковым, С. И. Шидловским и В. В. Шульгиным, блок надеялся убедить царя, не выдвигая требований о создании правительства, непосредственно ответственного перед представителями народа, назначить Председателем Совета министров человека, который, будучи консерватором, не занимал бы при этом, подобно Горемыкину,

столь враждебной позиции по отношению к самому существованию Думы. Царь согласился на учреждение в составе всех министров, связанных с ведением войны, "Особых совещаний" по вопросам обороны, транспорта, топлива и продовольствия. В них предполагалось включить представителей большинства Думы, Государственного совета, Союзов земств и городов и Союза кооперативов. Тот факт, что такие совещания были созданы по инициативе Думы, свидетельствовал о вновь возникшем намерении царя управлять страной в соответствии с пожеланиями Думы.

23 августа царь, как Верховный главнокомандующий, отправился в Ставку. Тремя днями позже, 26 августа, на заседании Думы "Прогрессивный блок" изложил свою программу. Вечером 27 августа министры, наиболее расположенные к сотрудничеству с Думой, — П. А. Харитонов, князь Н. Б. Щербатов, А. А. Хвостов и марионетка в руках Распутина князь Шаховской встретились с представителями блока для обсуждения этой программы.

Попытка убедить царя сотрудничать с Думой и создать правительство, независимое от влияния Распутина, имела крайне важное значение для судеб русской монархии. Вот почему я считаю более предпочтительным вместо изложения своих воспоминаний, связанных с этим эпизодом, привести несколько относящихся к нему отрывков из записей, сделанных Милюковым во время заседаний президиума блока и других совещаний. Они были опубликованы много лет спустя в "Красном архиве", и их достоверность была письменно подтверждена Милюковым*.

"Вечером 27 августа Совет министров поручил четырем министрам — П. А. Харитонову (государственный контролер), князю Н. Б. Щербатову (исполняющий обязанности министра внутренних дел), А. А. Хвостову (министр юстиции), князю Шаховскому (министр торговли и промышленности) переговорить со следующими представителями "Прогрессивного блока" по поводу программы блока — В. В. Шульгиным (фракция центра), В. Н. Львовым (та же партия), П. Н. Крупенским (националист), И. И. Дмитрюковым (октябрист), С. И. Шидловским (левый октябрист и председатель блока), И. Н. Ефремовым (председатель партии прогрессистов), П. Н. Милюковым (лидер кадетов), Д. Д. Гриммом (академическая группа), бароном В. В. Меллером-Закомельским (октябрист), два последних также члены Государственного совета.

Совещание проходило следующим образом:

И. Н. Ефремов отметил, что в программе блока, видимо, по ошибке выпала часть этого отдела, говорившая о помиловании пяти депутатов с.-д. и восстановлении их в правах депутатов.

П. Н. Милюков подтвердил, что пункт этот был и оказался выпущенным по ошибке.

А. А. Хвостов сообщил, что у него был А. Ф. Керенский и грозил ему скандалом с кафедры Государственной думы, если в три дня он не решит дела в пользу депутатов. Он рассмотрел вместе с Керенским его черновые заметки и подробно ознакомился с подлинным делом. Его впечатление после всего этого, что суд не совершил ошибки... Однако он готов был ходатайствовать о помиловании и просил лишь Керенского, чтобы осужденные прислали телеграфное заявление, что в самом деле осуждают "пораженчество". Керенский от этого отказался.

П. Н. Милюков обращает внимание на трудное моральное положение, в которое министр поставил депутатов своим требованием. Купить

---

* *Miljukov P. N.* Memoires. N. Y. 1955. Vol. 2. P. 217. (Ниже выдержки из стенограммы заседаний даются по: Красный архив. 1932. № 1—2, 3. — *Прим. ред.*)

помилование путем формальной ретрактации хотя бы таких взглядов, которых осужденные не разделяют, — политически невозможно: это равнялось бы для депутатов с.-д. политическим самоубийством, которого нельзя от них требовать. Притом амнистия по существу не есть пересмотр приговора по каким-нибудь новым обстоятельствам, а прощение вины. *П. Н. Крупенский* высказался по пункту 5-му об "отмене ограничительных законов для евреев". Я — прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства за границей. Теперь, в особенности когда Барк (министр финансов) поехал за границу для заключения займа, необходимо обеспечить успех его поездки. Наши отношения с Америкой также улучшатся с переменой политики относительно евреев. Таким образом, я сознательно отказался от своих прежних взглядов и согласился с требованием к.-д., от которых они не могут отступиться.

Кн. Щербатов. — Собственно, правительство уже вступило на почву отмены черты оседлости. Но на этом примере я вижу, как трудно для правительства идти дальше.

П. А. Харитонов по поводу 4-го пункта замечает, что об автономии Царства польского уже заявлено Горемыкиным, и отмена ограничений в правах (служба, дворянские организации) возможна. Но что разумеет блок под "пересмотром узаконений о польском землевладении"? Собственно, переход земли уже облегчен.

Он стал читать текст программы, пояснив, что текст этот сообщен ему уже ранее (очевидно, Крупенским). При словах "создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны", он остановился.

П. Н. Милюков обратил внимание Харитонова на то, что блок считает этот пункт основным и полагает, что от исполнения его зависит все остальное, упоминаемое в программе. Таким образом, и вопрос о "соглашении с законодательными учреждениями относительно выполнения программы" должен быть обсужден с правительством, пользующимся народным доверием.

П. А. Харитонов ответил, что выполнение этого пункта выходит за пределы компетенции кабинета. Очевидно, блок имеет в виду, что об этом его желании должно быть доведено до сведения верховной власти.

П. Н. Милюков и И. Н. Ефремов подтвердили, что именно так они и смотрят.

П. А. Харитонов заявил, что он доложит Совету министров об этом желании блока, и продолжал читать программу".

Это была первая и последняя встреча представителей "Прогрессивного блока" с членами правительства. Для блока она имела самые неожиданные последствия.

3 сентября дальнейшие заседания Думы были отложены до ноября. Из кабинета Горемыкина один за другим стали исчезать министры, вошедшие в него после летнего поражения на фронте (за исключением военного министра А. А. Поливанова), а за ними и министры прежнего состава, такие, как А.В. Кривошеин, тот самый, который убеждал царя не брать на себя обязанностей Верховного Главнокомандующего.

В начале октября с поста исполняющего обязанности министра внутренних дел был снят Н. Б. Щербатов и заменен крайне правым А. Н. Хвостовым. Этого умного и амбициозного молодого человека еще в 1911 году, до убийства Столыпина, заприметил Распутин, предложив

его кандидатуру в качестве возможного заместителя министра или даже министра внутренних дел.

Тем самым соправительница царя, царица, дала понять всей нации, что отныне положен конец каким-либо колебаниям при защите многовековых принципов русского самодержавия.

Руководители "Прогрессивного блока" поняли, что все надежды на соглашение с короной рухнули. Что же предпринять дальше?

Этот вопрос и был поднят на следующем заседании блока 25 октября 1915 года. На нем, кроме членов блока, присутствовали князь Львов и М. В. Челноков, представлявшие Земский и Городской союзы, а также А. И. Гучков от Военно-промышленного комитета. Заседание состоялось сразу же после назначения Хвостова на пост министра внутренних дел.

Чтобы наиболее точно передать драматическую атмосферу этого, крайне важного, заседания, я снова процитирую заметки Милюкова. Первым выступил не входящий ни в одну партию либерал М. М. Федоров.

"*М. М. Федоров.* — Упадок настроения несомненен, но естественен. В широких кругах связывалась с депутацией* надежда, что это даст такой же результат, как предшествовавшие шаги. Неудача должна была вызвать реакцию. У большинства связывается с необходимостью действия... Уже пытались создать общественные течения, которые бы шли вразрез с большинством съездов. Выдвинули в торгово-промышленный комитет Татищева — лицо, близкое к жене Мих. Ал-ча**, вели беседу о современном положении... Он говорил с государем: там готовы идти *до несозыва Думы*: А. Ф. Горемыкин и Распутин. "Опасность династии грозит из армии". "Армия — теперь народ". (На вопрос, готов ли он стать наследником трона, М. А. ответил: "Да минует меня чаша! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен".)

Шингарев. — Отказ в приеме депутации произвел впечатление, которое я предсказывал (в Москве я считал, что это средство — последнее). Разговоры кончены, должны начаться действия.

Меллер-Закомельский. — Нельзя так легко относиться к настроению всей России. Это настроение не упадка, а политического маразма, потеря всякой надежды. Лучшие элементы сказали: для победы нужно то-то, монарх сделал обратное. Все заключают: значит, теперь не смена Горемыкина, а революция. Неужели теперь, когда 15 губерний заняты неприятелем? Допустить, чтобы Горемыкин заключил мир, нельзя.*Как* выступать? Все общественные элементы сделали последний выстрел. *На том же пути* дальше идти некуда. Нужно быть уверенными в успехе, чтобы решиться на выступление. Конфликт со всей Россией — надо делать в *иной* плоскости. Созывы съездов — уже испытанный путь: тут наша артиллерия расстреляна. Возможность явится, когда будет созвана Госуд. дума. *Новое слово может явиться в наших палатах*, съезды будут резервом для поддержания парламента. Надо оставить *вопрос о дальнейшей тактике открытым до этого времени*.

Милюков. — Не бояться левых: нас уважают, пока мы действенны. Надо созвать до Думы, остаться на месте, *не спуститься ниже*, подготовить материал для самооправдания. Менажировать*** социальный элемент.

Гучков. — В каждой борьбе есть риск. Но его преувеличивают. Прострация есть, но есть и выигрыш — в выяснении положения. Все

---

* Царь отказался встретиться с делегацией "Прогрессивного блока" для обсуждения вопроса о реорганизации правительства.

** Великий князь Михаил Александрович, брат Николая II.

*** Направлять, руководить (сноска "Красного архива").

иллюзии исчезли, и все разногласия отпали. Разногласия в диагнозе нет. Почему кажется, что общественное мнение апатично. Оно достигло пределов отчаяния. Пациент признан moribundus*. Тут замерли, потому что предстоит акт великой важности. В выставленных лозунгах мы найдем небывалое единодушие и в тылу, и в армии. Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью. Все равно обстоятельства к тому приведут. Молчание будет истолковано в смысле примирения. Мы никогда не присутствовали при кучке безответственных людей. Режим фаворитов, кудесников, шутов. *Это новая нота, которая должна быть сказана.* А это -- разрыв мирных сношений с властью. Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обеспечен — благоприятный. Но нас ведут к полному внешнему поражению и к внутреннему краху. Правительство — "пораженческое". Возымеют ли слова влияние? Может быть. Власть дряблая и гнилая. *Там* нет железных, сильных, убежденных людей, которые сознают свою слабость.

Маклаков (один из лидеров кадетов). — Съезд** не может быть *деловым.* Он должен будет реагировать на вопросы высшей политики, и деловая часть пропадет. Съезды первые заговорят от имени страны. Единственный лозунг — выявление конфликта с короной. Мы не сможем выдерживать прежней фикции. *Желательно ли эту фикцию передать съездам*, а не Думе, которая *обязательно* должна это сделать? Милюков требует, чтобы подтвердить прежнее. У него есть оптимизм и нет нервности. Телеграммы государю вызовут оскомину. Нельзя удержаться на позиции лояльности. Съезды, может быть, не пойдут на это. Судьба этих съездов на этом прекратится, и вы испортите музыку Госуд. думе. Города недостаточно авторитетны для поднятия этого вопроса. Позиция левых ждет капитуляции перед ними. Обращение к государю провалилось. С того момента, как идете на это, мы отказались от нашей позиции, *тогда я не боюсь левых.* Приготовлены ли мы к этому конфликту? Скажем ли, что нужно хранить спокойствие? Поднять забастовки, заставить страну идти путем брожения — мы идем путем, которого боимся. Если бы я был убежден, что не можем победить — я надеюсь на deus ex mashina — на 11 марта***. Я понимаю П. Н. Милюкова и Шингарева, но считаю, что созванные первые *должны* объявить конфликт с властью. Идти на это съездам — нас распустят — невозможно. Додумаем *до конца*: 11 марта, забастовка? Мы тогда не додумали: П. Н. был уверен, что отказать в депутации не посмеют... Не знаю, сделает ли Дума, но придется сделать.

Шингарев. — На чем держится власть, спрашивает Гучков. На многом. На инерции, на заинтересованных кругах, на государственной машине. На отсутствии мужества и даже понимания. Для 11 марта нужен не съезд. Я считаю сомнительным готовность к удару в лоб. Особенно у земцев. Я предпочитаю конфликт на съездах конфликту в Гос. думе, так как исчезновение Думы превращает общество в пыль.

Гучков. — Конфликт с короной не нужно создавать, а надо зафиксировать. Каждая группа найдет формулу для выражения этого конфликта. Даже правые"****.

Не все записавшиеся для выступления смогли получить слово на этом заседании, и обсуждение было продолжено 28 октября. Первым в тот день взял слово член Государственного совета граф Олсуфьев.

---

* Тот, кто должен умереть (сноска "Красного архива").

** Союзов земств и городов.

*** Бог из машины (*лат.*). 11 марта 1801 года заговорщики — гвардейские офицеры и придворные совершили убийство Павла I.

**** Красный архив. 1932. № 1—2.

"Олсуфьев. — ...Вначале страна отнеслась с громадным сочувствием [к "Прогрессивному блоку"], но с тех пор большие перемены... Мы относились трагически к перемене командования. Катастрофа. Все мы ошиблись; государь видел дальше. Перемена повела к лучшему. Идол* оказался пустым идолом. Блок — и общество — в самом коренном вопросе ошибся и потерпел крушение. Затем мы предлагали для войны сместить министров. Самый нежелательный остался, и война пошла лучше. Прекратился поток беженцев, не будет взята Москва. Нужно изменить тактику. Воинственность блока *теперь* не будет отвечать положению, а некоторая сдержанность, *"вооруженный нейтралитет"*... Произошло лучше, потому что *убрали Янушкевича*, но это *наше дело*: Алексеев — думский кандидат.

Князь Львов. — Критикуйте, но будьте справедливы. То, что случилось, это — сумасшедший дом... Блок ни в чем не ошибся. Вся Россия висит на воздухе. Смена Совета Министров, непосредственное вмешательство короны поставило всю Россию в конфликт с короной.

Бобринский [член Думы от националистов]. — Правительство стало хуже. Что будет *при встрече*? Не речи Керенского, *а что мы скажем*?.. Мы говорили 3 сентября: Думу нельзя будет собрать с Горемыкиным. Как будем теперь? Нельзя сказать: это не наше дело. Я ответа не нахожу, и *меня созыв Думы страшит.*

Ковалевский М. М. [Академическая группа]. — Стоустая молва говорит, что председатель Совета Министров говорит: вешают собак, я руководствуюсь высшими соображениями, *когда я уйду, будет заключен мир.*

Гурко [член Государственного совета и бывший министр внутренних дел]. — Основное положение не в вопросе об "ошибках", а *достигнута ли основная цель.* Цель была — обеспечить победу. Мы решили, что при современном правительстве *победа немыслима.* Изменилось ли это?.. Другого ответа, кроме отрицательного, не может быть... Если будем молчать, сам Гришка будет премьером"**.

Но Гришка был крестьянином с огромным запасом здравого смысла. Он прекрасно понимал, что лучше обладать властью в Царском Селе, чем быть премьер-министром в Петрограде и нести ответственность перед Царским Селом.

Встречи лидеров блока продолжались. Однако ирония происходившего заключалась в том, что пока они спорили и обсуждали, как вести себя в отношении Горемыкина, если он появится на ноябрьской сессии Думы, в Царском Селе уже было принято решение, что никакой осенней сессии Думы не состоится вовсе, как не состоятся и заседания законодательных органов, пока кресло Горемыкина не займет человек, готовый безоговорочно осуществить планы решительной борьбы с народом.

ИНТРИГИ И ЗАГОВОРЫ

В 1905 году были разорваны духовные связи между троном и городскими рабочими, промышленным пролетариатом.

8 июля 1906 года была разрушена вера крестьянства в царя как "носителя народной правды" в результате роспуска и разгона I Думы, обсуждавшей вопрос о земельной реформе.

Теперь же, после разрыва с нынешним консервативно-либеральным

---

* Великий князь Николай Александрович.

** Красный архив. 1932. № 3.

большинством в законодательных органах, трон оказался в полной изоляции от народа и пользовался поддержкой лишь со стороны крайних реакционеров и беззастенчивых карьеристов, находившихся под контролем Распутина.

Для всех стало ясно, что корень зла не в правительстве, не в министрах, не в случайных ошибках, а в нежелании самого царя отказаться от его ideé fixe, будто только самодержавие способно обеспечить существование и могущество России. Осознание этого факта лежало в основе всех частных разговоров и планов, сформулированных "Прогрессивным блоком", достигло оно и армии, и всех слоев народа.

Перед каждым патриотом встал неизбежный и провидческий вопрос: во имя кого живет он, во имя России или во имя царя? Первым ответил на этот вопрос монархист и умеренный либерал Н. Н. Львов. Его ответ был: "Во имя России". Такой же ответ эхом прокатился по всей стране — и на фронте, и в тылу.

В 1915 году армейские офицеры организовали серию абсолютно бесперспективных заговоров с целью избавить Россию от царя. В одном из них, например, принимал участие известный военный летчик капитан Костенко, который намеревался спикировать на своем самолете на автомобиль императора, когда тот прибудет на фронт, лишив тем самым жизни и его и себя. Два других офицера (один из них капитан инженерных войск Муравьев, впоследствии — "герой" гражданской войны) явились ко мне, чтобы заручиться согласием на их план организовать засаду и взять царя в плен, когда тот прибудет с инспекцией на фронт. Даже генерал Деникин пишет в своих мемуарах, что и солдаты были за падение монархии, ибо считали виновницей всех своих бед "немку" из Царского Села.

Осенью того же 1915 года меня посетил старый друг, сын одного из царских конюших граф Павел Толстой. Он был близким другом брата царя, Великого князя Михаила Александровича, которого знал с детства. Он сообщил, что пришел ко мне по просьбе Великого князя, который, зная о моих тесных связях с рабочим классом и левыми партиями, хотел бы знать, как отнесутся рабочие к тому, что он возьмет власть у брата и станет царем.

Все эти случаи были весьма симптоматичны для тех глубоких изменений в мышлении людей, которые происходили в стране. Народ потерял терпение. Более того, все большее число людей приходило к выводу, что все беды России исходят от Распутина и что политика правительства станет другой, если от него избавиться. Даже А. Н. Хвостов, воинствующий лидер "Союза русского народа" в Думе, разработал план убийства Распутина*. В конце концов миссию спасения династии и монархии посредством убийства Распутина взял на себя любимый кузен царя Великий князь Дмитрий Павлович, который действовал совместно с графом Юсуповым и правым депутатом Думы Пуришкевичем.

Я пишу обо всем этом, с тем чтобы дать читателю возможность лучше понять господствовавшие тогда в России настроения и душевные страдания, через которые прошли люди, прежде чем решиться на тот курс, которым пошел "Прогрессивный блок".

---

*План провалился. Заместитель министра и глава полиции Белецкий намеренно сорвал его. Хвостов получил отставку и, возвратившись в Думу в качестве депутата, подробно изложил детали заговора. Он заявил, что решил покончить с Распутиным не только потому, что тот имел такое огромное влияние на Царское Село, но и потому, что Распутин поддерживал постоянные контакты с германскими агентами, о чем он, Хвостов, как министр внутренних дел, имел достоверные сведения.

Оглядываясь в прошлое, я решительно отвергаю как несостоятельные утверждения тех, кто считает, будто оппозиция "Прогрессивного блока" трону диктовалась эгоистическими и корыстными устремлениями, которые и привели к краху России. Стоит лишь вспомнить о происхождении и общественном положении большинства депутатов III и IV Дум. Это были люди, традициями, социальным статутом и личными интересами тесно связанные с режимом и правительством, верные подданные царя. Это же большинство в IV Думе оказалось перед лицом великой трагедии, ибо вынуждено было отказаться от своей традиционной концепции монархии и ее места в России. Все это было тщательно выверено и продумано; и в конце концов, уже не горстка людей, а большинство в Думе задавало себе вслед за Львовым вопрос: "Во имя царя или во имя России?" И ответ был: "Во имя России".

В конце 1915 года я тяжело заболел и провел несколько месяцев в санатории в Финляндии, где мне сделали весьма серьезную операцию. В результате я смог возвратиться в Петроград лишь через семь месяцев. Однако в столице я пробыл недолго, поскольку мне сразу же пришлось отправиться в Туркестан для расследования обстоятельств первого крупного восстания местного населения. Искрой, вызвавшей волнения, явился абсурдный приказ Б. В. Штюрмера* о призыве в армию 200 тысяч местных жителей для рытья окопов на фронте. Мусульманское население не подлежало даже призыву на военную службу, тем паче использованию на принудительных работах. Более того, приказ вступил в силу в самый разгар сбора хлопка. Последней каплей стали злоупотребления мелких чиновников, за взятки освобождавших от набора сыновей богатеев. Германские и турецкие агенты, центром активности которых была Бухара, в полной мере использовали возмущение местного населения для подстрекательств к беспорядкам.

В Петроград я возвратился на исходе третьей недели сентября. Только что был назначен новый министр внутренних дел, на этот раз выбор пал на бывшего товарища председателя Думы Александра Протопопова. Всего за несколько месяцев этот человек, которому суждено было стать последним министром внутренних дел Российской империи, умудрился навлечь на себя гнев и возмущение всей нации.

Вскоре после моего возвращения состоялась тайная встреча лидеров "Прогрессивного блока", на которой было решено сместить с помощью дворцового переворота правящего монарха и заменить его 12-летним наследником престола Алексеем, назначив при нем регента в лице Великого князя Михаила Александровича.

Подробности этого мало известного заговора были изложены в мемуарах его организатора Александра Гучкова, опубликованных вскоре после его смерти в 1936 году**. О существовании этого плана я знал с самого начала, и, на мой взгляд, рассказ о нем Гучкова явно несколько сглажен.

В сентябре Гучков был приглашен на тайную встречу некоторых руководителей "Прогрессивного блока", которая состоялась на квартире видного либерала Михаила Федорова. Среди присутствовавших были Родзянко, Некрасов и Милюков. Целью встречи было обсуждение воп-

---

*В январе 1916 года назначен на пост председателя Совета министров. — *Прим. ред.*

**Последние новости. 1936. 9, 13 сентября. Другие участники заговора: Шидловский, Шингарев, Годнев, Львов (брат Н. Львова) и Терещенко.

роса о том, какие меры следует предпринять перед лицом того очевидного факта, что Россия стоит перед угрозой общенационального восстания. Все они согласились с тем, что "Прогрессивный блок" должен предпринять немедленные меры для предотвращения революции снизу. Наибольший интерес представляют замечания, сделанные Милюковым, который заявил, что долг блока — не участвовать в восстании, а ожидать его результатов. Он предвидел два возможных результата: либо верховная власть вовремя одумается и обратится к блоку с просьбой сформировать правительство; либо победит революция, и победители, не обладающие опытом правления, попросят блок сформировать правительство уже от их имени. В поддержку своих доводов он сослался на Французскую революцию 1848 года.

Отвечая на этот весьма теоретический тезис, Гучков выразил сомнение в том, что народ, совершивший революцию, согласится затем передать власть в чужие руки. По его мнению, ни один революционер и не помыслит об этом. А посему блоку следует самому сделать первый шаг, сместив нынешнего правителя. Согласно Гучкову, именно этим и завершилась встреча. Милюков добавляет, что после этой встречи стало очевидным, что Гучков намеревается организовать переворот, и из-за этого среди руководителей блока пошли споры о том, кому следует войти в новое правительство.

Далее в своих мемуарах Гучков сообщает, что вскоре у него начались сердечные боли и он оказался вынужден проводить все время в постели. Во время болезни его посетил товарищ председателя Думы Некрасов, спросивший, действительно ли Гучков готовит переворот. Тот ответил, что обдумывал такую идею, и они тут же решили создать "ячейку", включив в нее тогдашнего вице-председателя Центрального военно-промышленного комитета Терещенко, а также князя Вяземского. Всю ответственность за разработку и выполнение этого плана Гучков взял на себя с тем, чтобы не подвергать риску других руководителей блока, присутствовавших на встрече, особенно Родзянко. Однако, согласно моей информации, решение об осуществлении переворота Гучков принял не в одиночку, а вместе с другими руководителями блока.

А тем временем вызревал другой заговор, осуществление которого было намечено провести в Ставке царя 15—16 ноября. Его разработали князь Львов и генерал Алексеев. Они пришли к твердому выводу, что необходимо покончить с влиянием царицы на государя, положив тем самым конец давлению, которое через нее оказывала на царя клика Распутина. В заранее намеченное ими время Алексеев и Львов надеялись убедить царя отослать императрицу в Крым или в Англию. На мой взгляд, это было бы наилучшим решением проблемы, поскольку все, кто наблюдал за царем в Ставке, отмечали, что он вел себя гораздо более раскованно и разумно, когда рядом не было императрицы. Если бы план удалось осуществить и если бы царь остался в Ставке под благодатным влиянием генерала Алексеева, он бы, весьма вероятно, стал совсем другим. К сожалению, в первой половине ноября Алексеев внезапно заболел и отбыл в Крым для лечения. Вернулся он оттуда всего за несколько дней до свержения монархии.

Всю эту историю рассказал мне мой друг В. Вырубов, родственник и сподвижник Львова, который в начале ноября посетил Алексеева с тем, чтобы утвердить дату проведения операции. Генерал Алексеев, которого я тоже хорошо знал, был человеком очень осторожным, в чем я и сам убедился позднее. Не произнеся ни слова, он встал из-за стола, подошел к висевшему на стене календарю и стал отрывать один листок за другим, пока не дошел до 16 ноября. Но к этому дню он уже лечился в Крыму.

Во время пребывания там его посетили некоторые из участников заговора Гучкова, пытавшиеся заручиться поддержкой Алексеева, но тот решительно отказал им.

Естественно, детали подготовки заговора были известны лишь тем, кто в нем непосредственно участвовал, в конце концов, главное правило любого заговора заключается в том, что ни один из заговорщиков не должен знать больше того, что ему лично положено знать по плану заговора. Лидеры "Прогрессивного блока" знали лишь, что подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом и соответственно готовились к нему со своей стороны. Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту. Эта подготовка завершилась учреждением информационного центра левых партий, с тем чтобы иметь возможность шаг за шагом сообщать народу о результатах переворота, добиваясь либо его поддержки, либо, на худой конец, отказа от противодействия.

Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с 1 ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, надо иметь ввиду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции. Конечно, рядовые члены политических партий не располагали точными данными о готовящемся перевороте, но зато не было недостатка в скрытых намеках на него в речах тех, кто знал о заговоре и кто видел, куда ведет страну политика царского правительства, в коем Протопопов играл не последнюю роль.

В начале января в Петроград прибыл вместе с группой офицеров популярный генерал А. М. Крымов, командующий 3-го кавалерийского корпуса на Юго-Западном фронте. Родзянко договорился с ними о встрече на своей квартире, на которую были приглашены и лидеры "Прогрессивного блока". На этой встрече генерал Крымов от имени армии призвал Думу совершить без всякого промедления переворот, заявив, что в противном случае у России нет шансов на победу в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения Крымова, а некоторые позволили себе говорить о государе в таких выражениях, что Родзянко вынужден был попросить их не прибегать к подобному языку в доме Председателя Думы.

Реальное осуществление планируемого переворота все время откладывалось, поскольку в том его виде, в каком он был задуман, его выполнение было задачей чрезвычайно трудной. Прежде всего, организаторы заговора поставили перед собой задачу привлечь к нему как можно меньше людей и лишь офицеров, чтобы не подвергать риску рядовых солдат. Во-вторых, они решили, дабы не вызывать кровопролития, осуществить его не в Ставке и уж тем более не в Царском Селе. Заговорщики остановились на идее задержать царский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом, в том месте, где охрану железной дороги несли кавалерийские части императорской гвардии, офицеры которой и войдут в вагон царя, потребовав от него отречения от престола.

В своих мемуарах Гучков писал, что заговорщики не намеревались прибегать к физической силе или убивать царя. "Мы не собирались, — писал он, — совершать переворот, в котором брату и сыну уготовано бы было переступить через тело брата и отца". Тем временем подготовка к перевороту, хоть и ужасающе медленно, но близилась к завершению. Его дата была намечена на середину марта. Но конец наступил 27 февраля, и совсем по-другому.

4 мая на частной встрече членов Думы Маклаков в самых резких выражениях подверг критике Временное правительство:

"Господа, хочу сказать вам полную правду. Нет, мы не хотели революции во время войны. Мы опасались, что ни одной нации не под силу вынести одновременно смену государственной системы и связанной с ней общественной системы, совершить переворот и одновременно довести до победного конца войну. Но наступил момент, когда всем стало ясно, что добиться победы в войне при сохранении старой системы невозможно. И те, кто понимал, что революция будет равнозначна катастрофе, сочли своим долгом, своей миссией спасти Россию от революции посредством переворота сверху. Такова была миссия, которую мы призваны были возложить на себя и которую мы не выполнили. И если наши потомки проклянут революцию, они проклянут и тех, кто вовремя не прибег к средствам, что могли бы ее предотвратить*.

2 августа Гучков подтвердил справедливость сказанных Маклаковым слов, не упомянув при этом о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя. На заседании Чрезвычайной следственной комиссии он сказал:

"Развитие событий требовало переворота. Ошибка, если можно говорить об исторической ошибке русского общества, заключается в том, что это общество, представленное своими ведущими кругами, не осознало в полной мере необходимости такого переворота и не осуществило его, предоставив, тем самым, проведение этой болезненной операции слепым, стихийным силам"**.

---

* Речь. 1917. 5(18) мая.

** Падение царского режима. М., 1926.

Глава 10

ВЛАСТЬ ТЕМНЫХ СИЛ ВО ДВОРЦЕ

1 ноября 1906 года Николай II записал в своем дневнике: "...повстречались с Божьим человеком Григорием, родом из Тобольской губернии..." Тот год ознаменовал начало всевластия при императорском дворе Григория Распутина и той фатальной дороги, которая неумолимо привела царя и его семью в подвал Ипатьевского дома в Екатеринбурге, где они приняли смерть от пуль чека.

Трудно вообразить себе ту беспредельную власть, которой обладал неграмотный мужик из далекой сибирской деревни Покровское. Фантастическое превращение Распутина из близкого к императорской семье знахаря в человека, творившего историю России, — одна из тех исторических нелепостей, когда сугубо личная семейная драма выносится на авансцену мировой политики. Это лишь еще раз подтверждает мою убежденность в том, что история не определяется "объективными" законами и что отнюдь не последнюю роль в ее развитии играет личность.

Будущий император Николай II встретил и влюбился в Алису Гессенскую и Дармштадтскую в Виндзорском замке. Королева Виктория весьма благожелательно отнеслась к зарождавшимся чувствам своей любимой внучки и молодого наследника престола. Царь Александр, зная, что гемофилия из поколения в поколение поражала членов гессенского дома, решительно воспротивился планам брачного союза, но в конце концов вынужден был уступить. Принцесса Алиса почти ничего не знала о России, где до того побывала лишь однажды, проведя несколько недель в гостях у своей сестры, жены Великого князя Сергея Александровича*. Времени, чтобы приготовиться к выполнению своих августейших обязанностей, у нее тоже не было. О помолвке с наследником было объявлено в апреле 1894 года, а свадьбу отпраздновали в ноябре того же года, вскоре после смерти Александра III.

Принцесса Алиса получила воспитание в Виндзорском замке, однако во всем другом она мало чем отличалась от типичной английской девушки викторианской эпохи. И кто бы мог предугадать, что искрящейся радостью принцессе, "виндзорскому солнечному лучику", как ласково называл ее Николай II, суждено стать мрачной русской царицей, фанатичной сторонницей православной церкви. Однако семена будущих бедствий уже гнездились в очаровательной принцессе: вместе со склонностью к мистицизму она унаследовала от своей матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. Поначалу судьба, судя по всему, благоволила ей, отказав даровать ей сына. Она родила четырех дочерей, что повредило ее здоровью, но не смогла дать жизнь наследнику престола. Страстное желание родить сына побудило царицу искать помощи у шарлатанов, авантюристов и "чудотворцев".

Европа тех лет буквально кишела ими и некоторые попытали свое счастье в России. Первым при дворе появился д-р Энкосс, француз,

---

* Московский генерал-губернатор, младший брат Александра III.

которого все именовали Папусом. Он был представлен Николаю II в 1901 году в Париже Великим князем Николаем Александровичем. В 1901, 1905 и 1906 годах Папус побывал в России и навсегда остался другом императорского семейства. В качестве президента Высшего Совета ордена мартинистов он основал в Санкт-Петербурге масонскую ложу, в которой царь, по слухам, занял пост "Высшего гостя". В число членов ложи вошли наиболее видные представители санкт-петербургского общества. Папус проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед его с сыном Николаем II. Незыблемая верность царя союзу с Францией, которую не могло поколебать никакое внешнее давление, часто объясняют связями с орденом мартинистов*. Папус был предшественником и духовным отцом другого "чудотворца" — Филиппа Вашода, человека весьма незаурядного. Уроженец Лиона, он был представлен императорской чете в Компьене во время их визита во Францию, и его влияние на царицу было столь сильным, что в своем письме к мужу в 1916 году она именует его "одним из двух друзей, посланных нам Богом", под вторым подразумевая, конечно же, Григория Распутина. Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел немало последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям, но наследника по-прежнему не было. В конце концов французу пришлось покинуть Россию. Духовник царицы митрополит Феофан осудил его, назвав "порождением бесовских сил".

Лишь долгие годы спустя, 30 июля 1904 года, после десяти лет супружеской жизни, императрица родила сына. Его рождение вызвало в Александре Федоровне глубокие изменения. До этого все ее интересы ограничивались в основном семейным кругом. В чуждой и враждебной ей атмосфере двора она жила в постоянном страхе перед актами террора в отношении царя. Болезненная, крайне застенчивая, неимоверно страдающая при исполнении своих официальных функций, она редко появлялась в санкт-петербургском обществе, довольствуясь узким кругом склонных к мистицизму друзей. Однако после рождения престолонаследника она стала уделять внимание делам государственным, поскольку самодержавие отныне символизировало уже не только власть ее мужа, но и будущее ее сына. Алексей должен стать истинным самодержцем. В ее экзальтированном сознании православие и абсолютизм были неразделимы. Она верила в мистическое единение короны и народа и страшилась любой идеи ограничения самодержавной власти. В этом ее всячески поощряли и Вашод и Распутин. Вот что писала она в письме императору**: "...сам месье Филипп сказал, что дарование Конституции обернется большой потерей и для тебя, и для России". Она умоляла царя быть настоящим самодержцем, напоминая о том, что "им следует научиться трепетать перед тобой, помни, ведь о том же говорили тебе месье Филипп и Григорий..." Имя месье Филиппа упоминалось также в письме, написанном в 1915 году, когда император, уступив ее настояниям, принял на себя Верховное командование армией: "Наш первый друг (месье Филипп) подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я бы предостерегала тебя". И далее: "...стань новым Петром Великим, покажи, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена... Важно, чтобы министры боялись тебя".

---

* *Encausse F.* Sciences occultes. Paris, 1949. P. 283.

** 14 декабря 1916 года, письмо № 631.

Но на трон уже легла тень смерти. Сын царицы страдал гемофилией, болезнью страшной и неизлечимой. Однако Александра Федоровна была не из тех женщин, которые сдаются без борьбы. Убежденная, что вера способна сдвинуть горы, она была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и сына. И тут из самой гущи народа, нижайший из самых низких, появился Григорий Распутин. Жизнь этого удивительного человека хорошо известна, и я ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством*, пьянством и буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством. Подобно многим сибирским крестьянам, Григорий время от времени занимался извозом, совершая поездки в самые глухие уголки Тобольской губернии. Рассказывают, что однажды ему довелось везти в один из дальних монастырей священника, и по дороге они разговорились. Священнику, видимо, удалось затронуть какую-то потаенную струну в сердце деревенского буяна.

Совершенно неожиданно Распутина охватило раскаяние. И с этого дня всю силу своей необузданной души он обратил к молитве, посту и хождению в церковь. Оставив дом и семью, он обошел пешком огромные просторы России, переходя от монастыря к монастырю. Он стал странствующим проповедником того типа, который столь характерен для России. Вскоре вокруг него образовался кружок верных последовательниц, которых он называл своими "утешительницами". Его идеи о грехе и покаянии представляли собой путаную мешанину из религиозного экстаза и эротики.

Вскоре слухи о Распутине — удивительные рассказы о его разнузданности и оргиях, благочестии и богоданном наитии — распространились по всей России и быстро дошли до Санкт-Петербурга. Уже в тревожном 1905 году Распутин оказался в столице. Звезда его восходила стремительно. Он стал желанным гостем в домах церковных сановников и любимцем тех слоев общества, где процветали вошедший в ту пору в моду мистицизм и увлечение спиритическими сеансами. Основой его влияния и успеха по-прежнему были женщины.

Григорию ничего не стоило после самой разнузданной оргии перейти к состоянию наивысшего религиозного экстаза. Наделенный живым умом, необычайной интуицией и необъяснимым магнетизмом, он хорошо понимал, какую ему следует выбрать для себя роль. Постепенно он стал вхож к митрополиту Феофану, инспектору санкт-петербургской духовной академии и духовнику царицы, известному своей святостью и аскетизмом. Феофана не оставили равнодушным распутинский "дар проповедника", страстная истовость веры и врожденная мудрость его туманных толкований Евангелия. Благословение высокочтимого митрополита окончательно закрепило за Распутиным репутацию святого человека и провидца.

В значительной мере успеху Распутина способствовало покровительство двух дочерей черногорского князя, как их называли, "черногорок". Одна из них, Милица, была замужем за Великим князем Петром Николаевичем, вторая, Анастасия, — за его братом, Великим князем Николаем Николаевичем. Анастасия была ярой приверженкой спиритизма и мистицизма. Постоянно ощущая остракизм со стороны высшего света, сестры находили утешение в дружбе с царицей Александрой. Через Великого князя Николая Николаевича они и представили императорской чете Распутина. Прошло совсем немного времени, как митрополит

* Отсюда и его фамилия Распутин.

Феофан осознал, что Распутин вовсе не был ни божьим избранником, ни "святым чертом", как называли его ревностные столичные поклонницы, что он просто дьявол. Но к тому времени уже и доброму митрополиту было не под силу обуздать власть Распутина. Не Распутин, а он, митрополит Феофан, вынужден был покинуть столицу и уехать в Крым.

Постепенно Распутину удалось удалить из близкого окружения царицы черногорских принцесс, восстановив этим против себя Великого князя Николая Николаевича. В 1914 году, находясь на посту Верховного главнокомандующего, Великий князь получил телеграмму с просьбой разрешить Распутину посетить его. Ответ был краток: "Милости просим. Повешу немедля".

Во дворце Распутина считали святым человеком и целителем, обладавшим сверхъестественной силой. Такие заслуживающие доверия свидетели, как преданный царю камердинер Чемодуров и семейный врач Д. Деревенько, рассказывали мне, что в ряде случаев Распутину и впрямь удавалось остановить кровотечение у больного мальчика. Однако они же отмечали, что Распутин каждый раз появлялся у постели ребенка к концу кризиса, когда кровотечение, судя по всему, должно было остановиться само собой.

Но самые удивительные факты я узнал от преданной царю старой фрейлины Елизаветы Алексеевны Нарышкиной ("Зизи"). Она с самого его рождения знала и любила царя, которого звала "Ники". Большую часть вины за его неуверенность и изменчивость характера она возлагала на людей, окружавших его в годы формирования, и на тяжелую руку его сурового отца. По ее словам, Александр III подавил волю своего чувствительного старшего сына, превратив его в неискреннего, скрытного и даже коварного человека. Но больше всего винила она царицу, однако вовсе не за то, за что ее более всего обвиняли в годы войны, не за ее немецкое происхождение. Мадемуазель Нарышкина подходила к трагедии царской семьи совсем с другой точки зрения, рассматривая ее в плане интимной, семейной жизни. Она категорически отвергала идею, которая, по мнению многих, даже тех, кто близко стоял к трону, не требовала доказательств, — идею о том, что интересы Николая II были для нее превыше всего. Нарышкина уверяла, что "Ники" и его дочери составляли единую группу, от которой Александра Федоровна и ее сын держались в стороне.

"Все произошло из-за него", — сказала она мне с каким-то непонятным раздражением, имея в виду царевича. И намекнула, что по мнению вдовствующей императрицы, которая близко знала интимную жизнь императорской четы, именно ее невестка была источником всех несчастий. Я понял, что душевные недуги царицы и трагедия не только царя, но и всей империи каким-то образом связаны с рождением наследника. Подлинная история личной жизни царицы не стала и вряд ли когда-либо станет достоянием гласности. Однако до тех пор, пока мы не согласимся с тем, что какие-то сугубо личные, интимные обстоятельства настолько потрясли Александру Федоровну, что полностью изменили ее, мы не сможем объяснить ужасную драму, происходившую в те годы в Царском Селе. Ее подруга и наперсница Анна Вырубова была в курсе всего, но она предпочла не касаться этого в своих полных вымысла мемуарах. После убийства царской семьи главный камердинер царя Чемодуров позволил себе произнести несколько зловещую сентенцию о "наказании за ужасный грех".

Распутин прекрасно вписывался в тот образ, какой составила себе царица о России. Он был для нее воплощением "священного единения" короны и крестьянства, а следовательно, рукой Провидения. Все слухи

о моральной распущенности Распутина отвергались как клеветнические. Распутин совратил няньку царевича Вишнякову. Когда последствия этого уже невозможно было удержать в тайне, Вишнякова призналась царице в содеянном грехе. Однако положение Распутина было настолько прочным, что Александра Федоровна восприняла ее признание как попытку оболгать святого человека. По семейной традиции, Софье Ивановне Тютчевой, фрейлине и члену узкого придворного круга, было доверено воспитание принцесс. Она решительно воспротивилась привычке Распутина входить в любой час дня и ночи без всякого предупреждения в апартаменты ее воспитанниц. Однако царица и тут оказалась глуха к возмущению мадемуазель Тютчевой, и фрейлина была вынуждена подать в отставку. В конце концов вмешался царь и Распутина попросили воздерживаться от неожиданных визитов к юным принцессам.

Вряд ли царь сомневался в достоверности сообщений о поведении Распутина вне стен дворца, особенно когда они исходили от столь преданных и заслуживающих доверия слуг короны, как его премьер-министр В. Н. Коковцов, председатель Думы М. В. Родзянко, обер-прокурор святейшего Синода А. Д. Самарин, товарищ министра внутренних дел и начальник полиции К. Джунковский, который помимо всего прочего был личным другом царя.

К началу войны, против которой Распутин ожесточенно боролся, в Царском Селе у него сложился определенный круг приспешников, которые часто собирались в так называемом "малом доме" Анны Вырубовой. Слепая вера царицы в Распутина побуждала ее искать его советов не только в сфере личной жизни, но и по вопросам государственной политики. Генерал М. В. Алексеев, который пользовался большим уважением у Николая II, попытался поговорить с царицей о Распутине, но добился лишь того, что приобрел в ее лице непримиримого врага. Он рассказывал мне позднее, как был обеспокоен, узнав, что секретная карта военных действий каким-то путем попала в руки царицы. Но, как и многие другие, он был бессилен что-либо предпринять.

Александра Федоровна была неколебима в своем убеждении, что всем министрам надлежит подчиняться Распутину. Читаем в одном из ее писем: "...не нравится мне выбор военного министра (генерала Поливанова)... Он враг нашему Другу, а это плохая примета..." К советам Распутина прислушивались даже при решении стратегических задач: "Я с волнением буду следить за твоей поездкой (вдоль фронтовой линии)... Помни, что сказал *он* о Риге..." И снова: "Наш Друг, с которым мы (императрица и Анна Вырубова) виделись вчера... выразил опасение по поводу того, что если мы не введем в Румынию крупных воинских частей, то можем попасть в ловушку с тыла..." Чуть позднее она пишет: "Дорогой ангел, у меня к тебе множество вопросов о твоих планах относительно Румынии, наш Друг так хотел бы знать о них..."

Дом Распутина находился под постоянным внешним наблюдением и охраной тайной полиции, а сменяющие друг друга министры внутренних дел тратили бешеные деньги на внедрение в дом агентов для получения надежной информации о "божьем человеке". Чрезвычайная следственная комиссия, которую я создал от имени Временного правительства, раскрыла поистине чудовищную картину деятельности Распутина и его камарильи. Вокруг царицы и Вырубовой вились самые бессовестные льстецы и наиболее бесчестные министры, а то и просто заурядные шарлатаны. Из последних многие были связаны с германской секретной службой, которая окружила Распутина плотным кольцом своих агентов и "советников". Вне всякого сомнения, Распутин был

центром, вокруг которого кипела деятельность не только прогерманских элементов, но и прямых германских агентов. Улики ошеломляют.

А. Н. Хвостов, назначенный во время войны по совету Распутина министром внутренних дел, едва ознакомившись с содержанием секретных досье своего министерства, вознамерился убить Распутина. Как рассказал мне позднее Хвостов, он с абсолютной достоверностью установил, что через Распутина немцы получали наиболее секретные планы Генерального штаба, поняв при этом, что устранить Распутина из дворца совершенно невозможно. Для любой разведывательной службы Распутин был настоящей находкой. Не воспользоваться им было бы для германского правительства чистейшим безумием. Распутин обладал тремя в высшей степени ценными качествами: он был против войны и поддерживал тесные связи с теми, кто разделял его взгляды; он был неразборчив в выборе друзей, особенно в тех случаях, когда они подсовывали ему соответствующую его вкусам женщину; и наконец, он был безмерно хвастлив, когда дело касалось его беспредельной власти над "папой и мамой", как звал он своих венценосных покровителей, и не терпел чьих-либо сомнений относительно своего положения при дворе. Все это позволяло без особых усилий заставить Распутина впитывать необходимую информацию, а затем выжать ее из него, как воду из губки.

У Верховного командования были свои веские причины относиться с подозрением к недостойному окружению Александры Федоровны. И потому всякий раз, когда царица прибывала к своему мужу в Ставку, там всегда возникала атмосфера большого беспокойства. Справедливость таких опасений в полной мере подтвердил эксперимент, проведенный морским министром адмиралом И. К. Григоровичем.

Адмирал был предан царю, однако его настолько снедали сомнения и подозрения, что, не в силах совладать с ними, он счел своим патриотическим долгом проверить слухи о проникновении германских шпионов в Царское Село. В ответ на настойчивые запросы из Царского Села относительно точной даты осуществления определенной военно-морской операции, он передал туда ложную информацию о приказе к отплытию отряда русских крейсеров. И со всей точностью, именно в тот час и в том месте, когда и где, согласно переданной им информации, должны были появиться русские крейсера, оказалась германская эскадра кораблей.

Постепенно всеми государственными делами стала заправлять царица, которая практически ежедневно обсуждала их с Распутиным и Анной Вырубовой. Одновременно стали распространяться слухи, будто Распутин пытается убедить царицу сместить царя и провозгласить себя регентшей империи. Стало очевидным, что для распутинской клики царь превратился в помеху, в опасное препятствие на пути осуществления их замыслов. Распутину было необходимо держать царя под своим полным контролем и постоянным наблюдением. И тут Распутину пришел на помощь его друг, тибетский знахарь Бадмаев. Самая влиятельная персона в распутинской клике, тибетский врач использовал для лечения своих пациентов травы, коренья, настои; он утверждал, что знает древние секреты врачевания земли Далай-ламы, вера в Бадмаева его многочисленных петроградских пациентов была безгранична. По неосторожности Распутин рассказал Юсупову, что некоторые из бадмаевских трав и кореньев могут вызвать "душевный паралич, а также останавливать или усиливать кровотечение". Что больше свидетельствовало об эффективности лечения Бадмаева, чем бегающие глаза царя и его беспомощная улыбка? Именно к этому времени относятся постоянные напомина-

ния царицы в письмах к царю "принимать капли, предписанные Бадмаевым".

Однако как же относился ко всему этому сам царь? Какую роль играл он в развертывавшейся драме? Принято считать, что царь был столь же убежден в святости и мудрости "Друга", как и царица. Да, действительно императорская чета разделяла неприязнь к людям своего круга и предпочитала общество "простых людей". Излюбленной мечтой Николая II, которой он не раз делился со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, было сблизиться с людьми вне круга интеллигенции, профессиональных политиков и государственных деятелей.

Распутин применил весьма ловкий ход: в императорский дворец он явился в личине "мужика" и соответственно этому и вел себя. Наделенный почти безошибочной интуицией, "святой черт" быстро раскусил императорскую чету. Он никогда не льстил им. В лукавстве своем он так и не отказался от зипуна, подпоясанной кушаком рубахи, смазных сапог и нечесаной бороды, хорошо понимая, что именно это больше всего импонирует императорской семье. Царь и царица верили, что в лице одного из своих неграмотных сыновей с ними говорит истинно русский народ.

У Распутина не было никакой политической программы. Он просто-напросто проповедовал мистическую веру в царя как помазанника божьего. Он убедил императора и императрицу, что через него они общаются со всем русским народом, а крестьянские представители в Думе — мошенники, марионетки в руках дворянства. На деле же, чем дальше удалялась Россия от воплощения в жизнь царской мечты о самодержавии, православии и Московском царстве, тем глубже и шире становилась пропасть, разделяющая монарха и нацию. В конце концов сосуществование России и Николая II стало и вовсе невозможным, поскольку царь продолжал упорствовать в своем стремлении использовать власть короны для разрушения живого тела империи во имя своих абсурдных фантазий. Царь был убежден в необходимости сохранить верность клятве, которую он дал Александру III на его смертном одре: "достойно неси бремя абсолютной монархии".

Удивительно, насколько по-разному относились к власти царь и царица. Александра Федоровна воспринимала свое право власти честолюбиво и осознанно. Николай II лишь покорно нес ее бремя. Он всегда помнил, что рожден был "в день праздника великого долготерпенья". В. Н. Коковцов, близко знавший императора, утверждал, что по натуре своей Николай II был бы превосходным конституционным монархом. Однако в силу присущего ему упрямства он продолжал вести себя как самодержец даже после того, как даровал России Конституцию. Возможно, причина его безучастности в момент, когда он был вынужден отречься от престола, крылась в том, что в освобождении от бремени власти он видел промысел божий, поскольку сам, добровольно не мог сложить ее, связанный клятвой помазанника божьего. Повседневная жизнь монарха была для него непереносимо утомительной. Он не испытывал ни малейшего желания бороться за утраченную власть. Я с полным основанием могу подтвердить это, так как после падения монархии императорская семья находилась на моем попечении и я имел полную возможность наблюдать за поведением как Александры Федоровны, так и Николая II.

Хотя Николай II наверняка знал о "художествах" Распутина, он не отдавал себе отчета в том, что за пределами дворца они сказываются на короне куда более разрушительно, чем любая революционная пропаган-

да, и что даже те группы, которые веками служили опорой монархии, оказались в состоянии глубокого потрясения и отчуждения. Но царь был лишен возможности удалить Распутина от постели больного царевича. Источник влияния Распутина — в интимных отношениях царя и царицы. По причинам, которые я не волен раскрыть, царь считал себя обязанным уступать Александре Федоровне во всем, что касалось наследника. Даже если бы здравый смысл взял верх и царь захотел бы вверить жизнь ребенка заботам опытных врачей, императрица с ее верой в целительную силу Распутина все равно настояла бы на своем.

Нужно ли говорить о том, что пребывание Распутина во дворце и его поведение не прошли незамеченными общественностью? Слухи распространялись, подобно лесному пожару, положением вещей заинтересовалась и пресса. Императорская чета явно не испытывала удовольствия от этого интереса к своей личной жизни. А тем временем сфера влияния Распутина становилась все шире. В различные государственные учреждения все чаще обращались за содействием многочисленные обладатели безграмотных, кое-как накарябанных карандашом записок Распутина. У всех на виду были оргии и пьяные эскапады Распутина. Вопреки усилиям царицы скрыть от внимания общественности упоминания о Распутине, его скандалы с церковными властями получили широкую огласку. Его имя то и дело упоминалось на заседаниях Думы. Распутин обращался к министрам и высокопоставленным чиновным лицам со все большей наглостью и высокомерием. Впадая в бешенство при малейшем проявлении несогласия или неуважения, он терроризировал царицу угрозами возвратиться в родную деревню.

В. Н. Коковцов, который занял пост премьер-министра после смерти Столыпина, был вынужден из-за Распутина уйти в отставку. В своих мемуарах, в которых он выгораживает царя, он рассказывает о царившей при императорском дворе власти "темных сил" и о трагических последствиях этого. Поначалу Коковцов пользовался полным благорасположением царицы, которая считала его абсолютно неспособным к каким-либо самостоятельным действиям. Однако, как и всякий сознающий свою ответственность государственный деятель, он не мог мириться с пребыванием во дворце Распутина и его растущей властью.

В феврале 1912 года, когда положение Распутина при дворе стало предметом жарких обсуждений в III Думе, В. Н. Коковцов получил приглашение от вдовствующей императрицы. "Разговор, который состоялся 13 февраля и длился полтора часа, был полностью посвящен Распутину, — записал он в своих мемуарах. — Я ответил на все вопросы престарелой царицы и откровенно рассказал ей обо всем, что знал, ничего не утаивая и не пытаясь преуменьшить опасности положения, при котором личная жизнь императорской семьи становится достоянием всеобщей гласности, а самые интимные ее стороны превращаются во всех слоях общества в предмет грубой клеветы и безответственных сплетен. Царица горько расплакалась и обещала переговорить с сыном, добавив, однако, при этом: "Моя несчастная невестка неспособна осознать, что навлекает гибель на себя и династию. Она глубоко верит в святость этой весьма сомнительной личности, и никто из нас не в силах предотвратить катастрофу". Ее слова оказались пророческими. Вдовствующая императрица умолила В. Н. Коковцова сказать царю правду. В апреле, имея при себе все необходимые доказательства, он сделал доклад Николаю II. Никаких комментариев со стороны царя не последовало. Вот что пишет В. Н. Коковцов о последствиях той аудиенции:

"После визита ко мне Распутина 15 апреля 1912 года* и моего сообщения царю все неожиданно изменилось самым решительным образом. С этого момента мой уход стал неизбежным. Его величество в течение последующих двух лет всячески проявлял ко мне внешнее расположение, но царица изменила свое отношение почти сразу после моего доклада царю о визите Распутина... Мое отрицательное отношение к пребыванию во дворце вышеназванной персоны стало решающим фактором".

29 января В. Н. Коковцову был пожалован графский титул, а вскоре без всяких видимых причин он был неожиданно снят со своего поста. Сразу после этого вдовствующая императрица Мария Федоровна, крайне расстроенная смещением Коковцова, имела с ним беседу. "Выслушав мои объяснения, — сообщает он в своих мемуарах, — царица погрузилась в долгое молчание, а затем, расплакавшись, сказала мне: "Я знаю, что вы честный человек и не желаете зла моему сыну. А потому вы можете понять, как страшусь я будущего и какие мрачные предчувствия мучают меня. Моя невестка не любит меня, считая, будто я лишь ревностно защищаю свои права. Ей не дано понять, что я забочусь только о счастье сына и что вижу, как мы несемся навстречу катастрофе, покуда царь только и делает, что прислушивается к голосу льстецов. Теперь, когда вы располагаете свободой, почему бы вам не сказать царю все, что вы думаете, и не предупредить его, пока не будет слишком поздно?"

Смещение В. Н. Коковцова было личным триумфом Распутина, ибо никаких иных причин, кроме недовольства Распутина, для смещения этого верного короне государственного деятеля, всегда лояльно относившегося к Думе, не было. Дума в отношении Распутина заняла непримиримую позицию, и потому вполне естественно, что царица и ее приближенные стремились любым путем подорвать престиж Думы. Вне всякого сомнения, в обычных условиях патологическая абсурдность распутинщины никоим образом не сказалась бы на быстром экономическом и политическом развитии России, но в случае войны стране пришлось бы нелегко. Я уже упоминал о том, что Распутин яростно выступал против войны. Но в решающие дни июля 1914 года Распутина рядом с его императорскими покровителями не было.

Мой друг Суханов, член Думы от Тобольской губернии (той самой, откуда был родом Распутин) показал мне копию телеграммы, которую Распутин послал царю. "Не объявляй войны, — говорилось в ней, — прогони Николашку... если объявишь войну, зло падет на тебя и царевича". Во время расследования обстоятельств убийства императорской семьи, проведенного в 1918 году, об этом же свидетельствовала и распутинская дочь Матрена.

"Мой отец был решительно настроен против войны с Германией. Когда началась война, он лежал раненый** в Тюмени. Его величество послал ему много телеграмм, спрашивая совета... Отец настойчиво советовал ему "проявить твердость" и не объявлять войны. В то время я была рядом с ним и видела и телеграммы царя, и ответы отца. Все это так расстроило его, что из раны вновь началось кровотечение".

Мы сделаем еще один шаг в понимании сложившейся ситуации, если ознакомимся с донесением полицейского чиновника, осуществлявшего наблюдение за Распутиным: "В середине 1916 года мне довелось слышать его слова: "Если бы та потаскушка не пырнула меня ножом,

---

* Очевидно, В. Н. Коковцов имеет в виду попытку Распутина завоевать его расположение.

** Он был ранен некой Гусевой.

никакой войны не было бы и в помине, я бы не допустил этого". Он также открыто заявлял, что наступило время положить войне конец: "По мне, так крови уже пролито достаточно, немцы для нас уже не угроза, они теперь слабые". Его идея сводилась к тому, что нам следует заключить с Германией мир".

В те критические дни накануне объявления войны царь был охвачен нерешительностью и не предпринял никаких усилий, чтобы избежать, как казалось ему, неизбежного развития событий. В одном его нельзя упрекнуть: этот человек трагической судьбы любил свою страну с беззаветной преданностью и не захотел покупать отсрочку капитуляцией перед кайзером. Думай Николай II больше о своем благополучии, чем о чести и достоинстве России, он бы наверняка нашел путь к соглашению с кайзером. В 1915 году, когда России приходилось особенно трудно, немцы обратились к царю с весьма выгодными мирными предложениями, которые предусматривали передачу ему столь желаемых для России Дарданелл и Босфора. Царь даже не снизошел до ответа.

Мне кажется, царица искренне старалась полюбить Россию, но только ту Россию, которую она сама придумала в своем воображении и которой призван был управлять в качестве самодержца ее сын. Ради этого мифа она всеми силами противостояла России реальной.

Имеется достаточно оснований полагать, что к осени 1916 года царь стал проявлять очевидные признаки усталости от Распутина и его окружения. Поведение Распутина становилось все более вызывающим, а в ряде случаев он позволил себе открыто перечить царю. Не нужно обладать особыми знаниями характера царя, чтобы понять, что он более не доверял Распутину.

В декабре 1916 года, десять лет спустя после его встречи с императорской четой, Распутин был убит группой заговорщиков, в которую входили Великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов* и реакционный депутат Думы Пуришкевич. Но убийство произошло слишком поздно. Во дворце не последовало никаких существенных перемен, ибо сам царь был центральной фигурой в той драме, которая близилась к своему трагическому завершению.

---

* Муж племянницы царя.

Глава 11

ПЛАН ИМПЕРАТОРА

В первые дни после Февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия обнаружила в личных бумагах Николая II переданную царю в ноябре 1916 года анонимную записку, в которой излагались положения поистине фантастического плана. Записка дает ключ к пониманию политики правительства в предшествующие падению монархии месяцы и некоторых акций кабинета А. Д. Протопопова, проводимых по инициативе царя. Вот некоторые выдержки из этого весьма поучительного документа: "Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 года: Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума, при поддержке так называемых общественных организаций вступила на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа, а именно:

I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем не поколебленной и незаподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом...

II. Государственная дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное), со всеми его последствиями до полевых судов включительно.

IV. Имеющаяся в Петрограде военная сила в виде запасных батальонов гвардейских пехотных полков представляется вполне достаточной для подавления мятежа, однако батальоны эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией...

V. Тотчас же должны быть закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет...

VI. Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризированы с перечислением всех рабочих, пользующихся так называемой отсрочкой, в разряд призванных под знамена и с подчинением их всем законам военного времени.

VII. Во все главные и местные комитеты союзов земств и городов, во все отделы, а равно во все военно-промышленные комитеты... должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронте коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходова-

нием отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды среди нижних чинов...

VIII. Всем генерал-губернаторам, губернаторам и представителям высшей администрации в провинции должно быть предоставлено право немедленного собственной властью удаления от должности тех чинов всех рангов и ведомств, кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений...

IX. Государственный совет остается впредь до общего пересмотра основных и выборных законов и окончания войны, но все исходящие из него законопроекты впредь представляются на *Высочайшее* благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства. Самый состав его должен быть обновлен таким образом, чтобы в числе назначенных по *Высочайшему* повелению лиц не было ни одного из участников так называемого "Прогрессивного блока"*.

В вышеизложенной записке нет ссылки на сепаратный мирный договор как средство спасения России. Однако в объяснительной записке ко второму пункту этого документа Говорухи-Отрока с поправкой Маклакова подчеркивается, что восстановление "неограниченного самодержавного правления" — патриотический долг, поскольку к "мерзостям... неизбежно порождаемым конституционным правлением", для России добавляется и угроза "вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского".

Свет на происхождение анонимной записки пролили в своем показании на заседании Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, товарищ министра** С. П. Белецкий, который "втерся" в окружение Распутина и был связан с крайне реакционными кругами.

В добавление к устным показаниям Белецкий буквально засыпал Чрезвычайную следственную комиссию из Петропавловской крепости, где находился, объяснительными записками. В одном из таких письменных показаний он подробно объясняет сущность и состав "кружка Римского-Корсакова", в который, по его утверждению, в основном входили сенаторы и члены Государственного совета***.

Члены Чрезвычайной комиссии потребовали от Маклакова дополнительных показаний. В кратком заявлении от 23 августа 1917 года он осторожно признает, что одобрил записку и излагает свое письмо, направленное им царю 19 или 20 декабря 1916 года, в котором содержались аналогичные идеи. Далее он пишет: "...после этого я писал еще письмо и проект Манифеста, и в памяти не осталось отчетливых следов всех этих документов в их подробностях"****. Манифест, о котором идет речь, несомненно, был тот, который предусматривал роспуск Думы, о чем говорится во втором пункте записки.

Было бы абсолютно нереалистичным полагать, что небольшая группка крайне правых деятелей из Государственного совета и "Союза русского народа" могла принудить царя пойти на переворот. Обе эти

---

* Архив русской революции. Берлин, 1922. С. 337—338.

** Так у автора. — *Прим. ред.*

*** Наряду с сенаторами и членами Государственного совета в группе принимали участие Н. Е. Марков-второй и Г. Г. Замысловский. Марков-второй был видным и активным лидером "Союза русского народа". Архив русской революции. Т. 5. С. 337—342.

**** В этой связи см.: *Блок А.* Собр. соч. 1962. Т. 6. С. 218—219: "На следующий день или через день у царя был Н. Маклаков... Протопопов сказал Маклакову, что царь поручает ему написать проект манифеста на случай, если ему будет угодно остановиться не на перерыве, а на роспуске Думы".

группы находились в полной зависимости от царя и совершенно очевидно, что "кружок Римского-Корсакова" подготовил записку по его просьбе. Эту просьбу передал кружку Маклаков, которому царь ранее дал секретную аудиенцию, не занесенную в распорядок дня двора. Тем не менее сообщение о ней просочилось к Родзянко и некоторым другим членам Думы.

В середине сентября 1916 года неожиданно для всех министром внутренних дел был назначен товарищ председателя Думы А. Д. Протопопов. В то время я находился в Туркестане, где проводил расследование в связи с серьезными беспорядками среди местного населения. На обратном пути я остановился в Саратове, главном городе моего избирательного округа, где встретился и беседовал со многими ведущими политическими и общественными деятелями. В Саратове назначение Протопопова было для всех полной неожиданностью. Оно было истолковано, однако, как показатель того, что царь намерен найти общий язык с Думой, поскольку о тесных связях Протопопова и Распутина широким кругам не было известно. (Теоретически Протопопов считался умеренным либералом и представителем "Прогрессивного блока".) Распутин, по слухам, хвастался, будто это он сыграл решающую роль в назначении Протопопова; будто, показав на ладонь своей руки, он сказал, что "теперь его Россию держит в своем кулаке".

По возвращении в Петроград я обнаружил на своем столе телеграмму из Саратова, в которой сообщалось об аресте после моего отъезда многих общественных деятелей, встречавшихся со мной. Поскольку мы оба — Протопопов и я — были уроженцами Симбирска и поддерживали хорошие отношения, я позвонил ему и попросил о немедленной встрече. "Можете приходить хоть сейчас. Мои двери для вас всегда открыты", — ответил он. На пороге своего просторного кабинета меня сердечно приветствовал новый министр в мундире шефа жандармов. В этой своей форме он выглядел в высшей степени импозантно, но я, сколько ни старался, никак не мог понять, зачем ему понадобилось надеть ее. Едва я вошел, он принялся рассуждать об огромной ответственности, возложенной на его плечи, о своих замыслах и планах на будущее. При первой же предоставившейся возможности я вручил ему телеграмму и стал излагать детали моего визита в Саратов. Он прервал меня и, покрутив пуговицу у меня на сюртуке, воскликнул: "Сейчас мы все уладим!" Тут же возле него появился молодой помощник. Передавая ему мою телеграмму, Протопопов сказал: "Немедленно телеграфируйте об освобождении лиц, упомянутых в этой телеграмме".

На левой стороне письменного стола министра я увидел вставленную в рамку репродукцию известной картины Гвидо. На ней была изображена голова Христа с удивительными глазами: если смотреть издалека, они казались закрытыми, а если подойти поближе — открытыми. Бросив на меня взгляд, Протопопов заметил: "Я вижу, вы удивлены, не правда ли? Вы так пристально все время рассматривали Его. Я никогда не расстаюсь с Ним. И когда нужно принять какое-то решение, Он указывает мне правильный путь".

Мне почудилось, что происходит что-то страшное и необъяснимое. Протопопов продолжал о чем-то рассуждать, но я уже не слушал его. Я был ошеломлен. Кто он — помешанный или шарлатан, ловко приспособившийся к затхлой атмосфере апартаментов царицы и "маленького домика" Анны Вырубовой?

Я знал Протопопова как нормального, элегантного, хорошо воспитанного человека, и перемена в нем была абсолютно необъяснима. Протопопов меж тем продолжал излагать свои планы спасения России,

но у меня уже не было сил выносить это долее. Не дав ему кончить фразу, я встал, улыбнулся, поблагодарил и буквально выбежал из его кабинета.

Я бросился в Таврический дворец, где заседала Дума, и пулей влетел в кабинет Родзянко, где собралось несколько депутатов Думы. Не в силах сдержать себя, я почти прокричал: "Да он сумасшедший, господа!"

"Кто сумасшедший?"

Я пересказал, что произошло у нас с Протопоповым. Когда я дошел до его жандармского мундира, Родзянко рассмеялся и добродушно заметил: "Вы же сами сказали, что он сумасшедший, потому он и носит мундир шефа жандармов — он и нас посетил в нем же".

И поведал мне историю с назначением Протопопова. Тем летом в Париж, Лондон и Рим совершила поездку парламентская депутация видных членов Государственного совета и Думы. Целью ее участников — либо членов, либо сторонников "Прогрессивного блока" — было упрочение дружественных связей с союзниками. Протопопова, товарища председателя Думы и отличного лингвиста, назначили главой депутации, и, по словам Милюкова и Шингарева, также входивших в состав депутации, он справился со своими обязанностями с величайшим тактом и искусством.

На обратном пути он провел несколько дней с Стокгольме, где встретился с советником германского посольства, немецким банкиром Варбургом, близким другом германского посла в Швеции Люциуса. Русским властям было известно, что Люциус занимался вопросами пораженческой пропаганды и всей германской разведывательной работой в России. В результате, когда стало известно об этой встрече, в Думе, да и по всей стране, разразилась буря возмущения.

Протопопов попытался представить дело так, будто эта встреча состоялась с согласия русского посла в Швеции Неклюдова. Человек высоких моральных качеств, Неклюдов вел крайне трудную, но в то же время весьма успешную борьбу против попыток Германии втянуть Швецию в войну против России. Прослышав о том, что Протопопов сослался на его имя в целях оправдания своей секретной встречи, Неклюдов доложил министерству иностранных дел о том, что узнал об этом сенсационном рандеву post factum, и предупредил Протопопова о возможных последствиях*.

И тем не менее вскоре после скандальной истории в Стокгольме Протопопов был назначен на пост министра внутренних дел. А чуть позже вся эта история стала достоянием гласности.

Судя по всему, Протопопов страдал неизлечимой венерической болезнью и в течение многих лет лечился у д-ра Бадмаева. Именно в доме Бадмаева он и повстречался с Распутиным, которому не стоило боль-

---

*В меморандуме, опубликованном в "Голосе минувшего" (Берлин, 1926, № 2), Протопопов утверждает, что во время секретной стокгольмской встречи "вопрос о сепаратном мире" не поднимался. П. Рисс, которому Протопопов передал этот меморандум, замечает: "Согласно словам Протопопова, России следовало бы за несколько месяцев до этого сообщить союзникам... что, будучи неспособной продолжать войну, она вынуждена вступить в переговоры с Германией. Все эти месяцы союзникам и России надо было вести эти переговоры. В случае же отказа союзников от переговоров, Россия в упомянутое время после заключения мира с Германией могла бы выйти из войны. Таким образом она стала бы нейтральной страной. В декабре 1916 г. ... Протопопов изложил свой план царю, который, по утверждению Протопопова, утвердил его". Царь конечно же скорее мог утвердить план разгрома Петрограда, чем план сепаратного мира.

шого труда подчинить себе человека с неустойчивой психикой. И хотя Протопопов всеми силами стремился скрыть дружбу с Распутиным, дружба эта, как видно, росла и крепла, и в "маленьком домике" Анны Вырубовой Распутин представил Протопопова царице, которую тот очаровал. Не кто иной, как царица и рекомендовала позднее Протопопова на пост министра внутренних дел. Насколько я знаю, немногие из членов Думы были в курсе дела, а те, кто располагал информацией, предпочли хранить молчание.

Протопопов был не первый министр, получивший пост из рук Распутина. Но он был первый член Думы, который принял назначение, не поставив предварительно об этом в известность своих коллег. Через несколько дней после назначения он предпринял безуспешную попытку убедить Родзянко и других членов "Прогрессивного блока" в своих добрых намерениях. В начале октября разрыв стал окончательным, и с того дня двери Государственной думы для нового министра внутренних дел оказались навсегда закрытыми.

Дума знала о готовящемся императорском указе, предусматривавшем назначение генерала Курлова на пост товарища министра внутренних дел. На генерале Курлове, используя слова главного военного прокурора в беседе с зятем Столыпина, лежала "главная ответственность за смерть Столыпина". В той же беседе военный прокурор информировал зятя Столыпина о том, что "уголовное преследование Курлова было прекращено по личному указанию царя". Поэтому неудивительно, что предполагаемое назначение генерала вызвало в Думе бурю возмущения. От имени всех членов Думы, за исключением крайне правых, Родзянко предупредил Протопопова, что в ответ на назначение Курлова будут опубликованы все подробности, связанные с убийством Столыпина и ролью Курлова в этом деле. Их достоверность вызвался подтвердить Шульгин, человек неподкупной честности, пользующийся всеобщим уважением. Указ подписан не был, однако Курлов остался "тайным" товарищем министра и неофициально занимался всеми делами Департамента полиции. Встречаясь в доме тибетского доктора, они хорошо узнали друг друга.

Назначение Курлова, хоть и неофициальное, неизбежно должно было вскоре повлечь определенные последствия. Приблизительно в середине ноября, как раз когда царь рассматривал возможность назначения Маклакова в качестве преемника Протопопова, ко мне зашел для конфиденциальной беседы мой друг, профессор В. Н. Сперанский. Он спросил, не хотел бы я увидеться с сенатором С. Н. Трегубовым, который только что вернулся из Ставки в Могилеве. Встречу предполагалось провести, при соблюдении полной тайны, в доме его отца, главы медицинского департамента министерства двора д-ра Сперанского. Я знал Трегубова еще со школьных лет в Ташкенте, где он занимал пост прокурора окружного суда. Я всегда испытывал к нему уважение за то, что при выполнении своих обязанностей он руководствовался не указаниями Щегловитова, а голосом собственной совести.

Встреча состоялась через несколько дней. Когда мы остались в комнате одни, Трегубов сообщил о глубокой тревоге, охватившей Ставку после получения от военной разведки данных об усиленной активности германских агентов среди петроградских рабочих. "Мы знаем, — сказал он, — что по роду своей политической деятельности вы связаны с представителями рабочих, и хотели бы знать ваше мнение по данному вопросу". Я ответил, что хотя и не имею информации о деятельности германских агентов, но с удовольствием обменяюсь с ним мнениями по этой проблеме. Я бы также хотел, добавил я, выразить свою обеспокоен-

ность позицией Департамента полиции в отношении глубокого раскола среди рабочих по вопросам военной пропаганды.

"Что вы имеете в виду?" — спросил он.

"Исходя из собственных наблюдений, а также из бесед с рабочими, я пришел к выводу, что по каким-то соображениям Департамент полиции закрывает глаза на подрывную деятельность, которую ведут среди рабочих "пораженцы", руководствующиеся пресловутыми "Тезисами о войне", присланными в Россию Лениным. Я предлагаю вам как можно скорее приступить к расследованию действий Департамента полиции. Возможно, лучшим вариантом явилось бы создание сенатской комиссии". В подтверждение моих подозрений я рассказал о нескольких случаях, когда охранка арестовывала на политических митингах совсем не тех ораторов, которых следовало бы арестовать. Агитаторы-"пораженцы", призывавшие рабочих бастовать в знак протеста против империалистической войны, ухитрялись скрыться, а арестованными оказывались те, кто ратовал за новые усилия по защите страны. Было очевидно, что агенты охранки, действуя, несомненно, по инструкциям свыше, не проявляли ни малейшего интереса к агитаторам-"пораженцам". Столь необъяснимое поведение придавало достоверность распространяющимся среди рабочих слухам об "измене наверху".

Закончив наш конфиденциальный разговор, мы возвратились в гостиную, где нас ожидал хозяин. Обменявшись несколькими общими фразами, я с тяжелым сердцем покинул этот дом. Я не сомневался, что Трегубов передаст нужным людям суть нашего разговора. Однако с горечью вынужден признать, что никаких последствий эта беседа не имела, и Курлов остался на своем ответственном посту.

"Во второй половине ноября, — писал незадолго до своей смерти Протопопов, — начало выкристаллизовываться рабочее движение. То там, то тут в разных районах города вспыхивали стачки... Мы были вынуждены разработать план для подавления рабочего движения на случай, если оно начнет распространяться и приобретать насильственный характер". В качестве первого шага в этом направлении он обратился к градоначальнику Петрограда генералу Балки, попросив его доложить обстановку в городе. К своему удивлению, Протопопов узнал об учреждении военной комиссии во главе с генералом Хабаловым, в которую входили представители Департамента полиции, для разработки планов совместных действий армии и полицейских подразделений на случай беспорядков в столице. И хотя аппарат градоначальника находился в подчинении министерства внутренних дел, сам министр не имел ни малейшего представления о происходящих событиях. И пока министр внутренних дел усиливал кампанию борьбы против земских и городских союзов, а также против кооперативных и общественных организаций, для оказания помощи полиции разрабатывался детальный план о вводе в город вооруженных пулеметами подразделений. С другой стороны, Департамент полиции почти открыто поддерживал пропаганду большевистских пораженческих организаций, которые провоцировали рабочих на забастовки. После назначения 1 января 1917 года И. Г. Щегловитова на пост председателя Государственного совета Протопопов неприкрыто занял в отношении Думы непримиримую позицию.

Совершенно очевидно, что второй пункт записки, составленной в кружке Римского-Корсакова, выражал политику самого царя, главным инструментом которой был Протопопов. Еще раз подчеркиваю, что то была политика лично царя, а не правительства как такового. Против

линии, которую проводил в жизнь полупомешанный Протопопов, выступали все члены Совета министров, включая его председателя князя Н. Д. Голицына, и все они стремились сохранить если не дружественные, то надлежащие отношения с Думой и гражданскими организациями, работавшими на оборону. Стремясь избежать прямого столкновения между Протопоповым и Думой, князь Голицын перенес открытие сессии Думы с января на февраль и трижды, по разным случаям, обращался к царю с настойчивой просьбой о смещении Протопопова. Он подчеркивал "полную его неосведомленность в делах министерства и незнакомство с очень сложной машиной министерства внутренних дел...", что "он вреден и не сознает того положения, которое он создал"*. Царь неоднократно давал уклончивый ответ, однако под давлением Голицына в конце концов заявил: "Я долго думал и решил, что пока я его увольнять не буду"**.

На первый взгляд нерешительность царя в отношении Протопопова противоречит его более раннему намерению назначить на его место Маклакова. Единственным логическим объяснением такой позиции является то, что после смерти Распутина царь видел в Протопопове "безвредного" деятеля, неспособного в силу этой своей безвредности вести дело к сепаратному миру. И хотя император, должно быть, полностью отдавал себе отчет в том, что Щегловитов и Протопопов — сторонники именно такого курса, это не очень беспокоило его, коль скоро оба они, действуя в рамках его Великого предназначения, по-прежнему выступали как против Думы, так и против всех гражданских организаций.

В январе 1917 года план переброски в Петроград армейских и полицейских войск был завершен. Все войсковые соединения и полицейские подразделения, так же как и отряды жандармов, подчинялись теперь штабным офицерам, специально назначенным во все шесть подразделений, находяшихся под началом главы городской полиции. В случае беспорядков первой должна была действовать полиция, затем казаки, а если потребует ситуация, в действие будут введены пулеметные части. По специальному приказу в городе была оставлена и передана под контроль градоначальника партия пулеметов, направленных Великобританией через Петроград на фронт.

Этот план, предусматривавший отношение к столице как к оккупированному городу, был абсурден и с самого начала обречен на провал. Царь, обеспокоенный разговором с Протопоповым, который выразил сомнение в надежности резервных войск в Петрограде, призвал для консультаций генерала Хабалова. Выслушав его доклад, он немедленно отдал приказ генералу В. О. Гурко*** возвратить в казармы якобы на отдых два гвардейских кавалерийских полка и полк уральских казаков. Протопопов был в восторге от решения царя.

Тем временем при помощи агента-провокатора генерал Курлов, воспользовавшись первым же попавшимся предлогом, совершил налет на Центральный военно-промышленный комитет. 26 января 1917 года все члены "рабочей группы", за исключением полицейского агента Абросимова, были арестованы. Был таким образом разогнан центр патриотического движения "оборонцев" среди рабочих.

---

* Падение царского режима. Ленинград, 1925. Т. 2. С. 253—254.

** Там же. С. 254.

*** Генерал В. О. Гурко временно исполнял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего на время болезни М. В. Алексеева.

Та же судьба постигла группы рабочих "оборонцев" в Москве и в провинции. 31 января по всей столице начались массовые демонстрации и стачки и было решено, что время для осуществления военных операций против населения, предусмотренных в Записке кружка Римского-Корсакова, созрело. Однако попытка положить конец движению "оборонцев" вызвала невиданный взрыв возмущения в широких слоях народа, который усмотрел в этой попытке верный признак тайного стремления монархии заключить с Германией сепаратный мир. И даже поспешно призванные кавалерийские полки не могли спасти положение.

В свой последний разговор с Протопоповым. 22 февраля, царь движением головы попросил его выйти из апартаментов императрицы для беседы с ним tête-a-tête. В его голосе звучала тревога. Он сообщил Протопопову, что генерал Гурко самым возмутительным образом отказался выполнить его приказ и вместо полков личной гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда морскую гвардию. Моряками командует Великий князь Кирилл, как и большинство других Великих князей — злейший враг царицы*. Император сообщил Протопопову о своем намерении немедленно отправиться в Ставку с тем, чтобы обеспечить переброску в столицу необходимых армейских подразделений и принять дисциплинарные меры в связи с поведением генерала Гурко. Протопопов умолял царя не задерживаться в Ставке более того, что абсолютно необходимо, и заручился его обещанием возвратиться не позднее, чем через восемь дней.

Перед тем как покинуть Петроград, царь подписал указы Сенату как об отсрочке, так и о роспуске Думы, не проставив на обоих даты, и вручил оба документа князю Голицину**.

Таков был заключительный шаг царя по осуществлению его плана восстановления абсолютного правления и обеспечению победы под его личным руководством.

---

* См. предыдущую главу.

** The Russian Provisional Government. Stanford, 1961. P. 41

Глава 12
ПОСЛЕДНЯЯ СЕССИЯ ДУМЫ

После долгих поисков был найден нужный человек, человек "готовый на все". 18 января 1916 года был смещен И. Л. Горемыкин, который к тому времени полностью растерял остатки своего влияния в Царском Селе. 19 января на его место был назначен Б. В. Штюрмер, человек крайне реакционных взглядов, для которого была ненавистна сама идея народного представительства или местного самоуправления. И, что более важно, он безгранично верил в необходимость прекращения войны с Германией. Подтвердилось зловещее предсказание Горемыкина: "Когда я уйду, они заключат мир". И действительно, вскоре развернулась лихорадочная деятельность по подготовке мирного соглашения.

Первые несколько месяцев на посту Председателя Совета министров Штюрмер являлся также и министром внутренних дел, однако пост министра иностранных дел все еще занимал С. Д. Сазонов, который неуклонно придерживался курса на сохранение союза с Великобританией и Францией и на продолжение войны до самого конца и который придерживался обязательств кабинета вести политику в соответствии с мнением большинства Думы.

Однако 9 августа Сазонов был неожиданно снят со своего поста. Его портфель взял себе Штюрмер, а 16 сентября министром внутренних дел был назначен А. Д. Протопопов. Таким образом, вся официальная власть в Российской империи оказалась полностью в руках царицы и ее советников.

Теперь стало абсолютно очевидным, куда толкает Россию эта банда безответственных реакционеров, авантюристов и невропатов. Германский министр пропаганды, весьма влиятельный член рейхстага Эрцбергер писал в своих мемуарах:

"В сентябре 1916 г. на кое-кого произвела большое впечатление новость о том, что возросла возможность заключения мира с Россией. 20 сентября 1916 г. этот человек в следующих словах изложил свои впечатления в письме, направленном лично мне:

"Ознакомившись с политической ситуацией, которую в целом я оцениваю как весьма тревожную, я полагаю справедливым сделать вывод о том, что Россия — единственная страна четырехстороннего союза, которая может начать переговоры, и, в случае уступок, которые позволят ей сохранить за границей военный престиж, пойдет первой на заключение мира. Ключом к пониманию ситуации является личность Штюрмера, взгляды которого коренным образом отличаются от взглядов Сазонова..."

В тот же день я получил донесение из Петрограда о том, что, по словам высокопоставленных русских официальных лиц, они устали от войны и были бы рады заключить мир с Германией. Естественно, об этом тут же было доложено врагам Штюрмера. Назначение Протопопова на пост министра внутренних дел, что было делом рук Штюрмера, публикации в прессе относительно его встречи с д-ром Варбургом*

---

* См. гл. 2.

привели к крайне резким заявлениям Милюкова и Шульгина, с которыми они выступили в Думе в ноябре 1916 года. Они и привели к падению Штюрмера, "премьер-министра мира"*.

Теперь стало столь же очевидным, что все шансы избежать столкновения между монархией и народом упущены.

1 ноября, в первый день пятой, и последней, сессии Думы, Милюков выступил с резким заявлением по адресу Штюрмера. В своей речи он упомянул имя молодой царицы, особа которой до тех пор номинально была неприкосновенна для какой-либо критики, и намекнул на ее косвенную причастность к германским интригам, завершив свое обвинение словами: "Что это: глупость или измена?"

Ответ армии и народа на этот риторический вопрос мог быть только одним: "Измена". И хотя позднее Милюков утверждал, будто, задавая свой вопрос, он имел в виду именно глупость, а не измену, в это поверили немногие, особенно если учесть, что все другие представители "Прогрессивного блока" и левых групп в течение длительного времени говорили то же самое, никогда, впрочем, не упоминая царицу по имени.

На том же заседании членов Думы крайне озадачило неожиданное выступление лидера крайне правых В. М. Пуришкевича, который позже стал одним из соучастников убийства Распутина. Обрисовав в совершенно недвусмысленных выражениях махинации распутинской клики, он закончил речь призывом ко всем членам Думы, сохранившим верность России и монархии, отправиться в Царское Село и "коленопреклоненно" молить царя спасти Россию и трон от происков предательских "темных сил".

10 ноября Штюрмер был освобожден от занимаемой им должности. Его преемником стал А. Ф. Трепов, крайне правый член Государственного совета и человек, близкий к царю. Члены "Прогрессивного блока" были довольны, считая, что одержали совершенно неожиданную и блистательную победу. Однако трудовики и социал-демократы прибегли к тактике обструкции, стремясь помешать новому премьер-министру выступить в Думе, поскольку он сохранил в своем кабинете на посту министра внутренних дел Протопопова. Дума единогласно вынесла нам порицание, приняв решение не допускать нас на пятнадцать следующих заседаний Думы.

Тем временем набирала все большую силу правительственная кампания против добровольных общественных организаций, ратовавших за продолжение войны.

8 и 9 декабря полиция, действуя по приказу Протопопова, учинила в Москве разгон съездов Союзов земств и городов. Были запрещены съезды кооперативов, занимавшихся продовольственным снабжением. 13 декабря, в канун открытия дискуссии в Думе по действиям Протопопова, председатель Думы объявил, что, согласно правилам процедуры, правительство потребовало проводить эти дебаты за закрытыми дверями.

Я немедленно взял слово и на "открытом заседании" зачитал текст резолюций, принятых обеими съездами в канун их разгона. В одной из них, принятой съездом Союза городов, в частности, говорилось: "В России всем сословиям, всем классам, всякому единению честных людей вполне ясно, что безответственные преступники, гонимые суеверным страхом, изуверы, кощунственно произносящие слова любви к России, готовят ей поражение, позор и рабство! Россия окончательно прозрела, и грозная действительность открылась перед ее глазами. Жизнь государства потрясена в ее основе, мероприятиями правительства страна прив-

* Souvenirs de guerre de M. Erzberger. Paris, 1921. P. 271.

дена к хозяйственной разрухе, а новые меры правительства довершают расстройство и готовят социальную анархию. Выход из настоящего положения, ведущего Россию к несомненной катастрофе, один — реорганизация власти, создание ответственного министерства. Государственная дума должна с неослабевающей энергией и силой довести до конца свою борьбу с постыдным режимом, — в этой борьбе вся Россия с нею. Союз городов призывает Государственную думу исполнить свой долг и не расходиться до тех пор, пока основная задача создания ответственного министерства не будет достигнута. Союз городов призывает и все организованные группы населения — города, земства, сельские хозяйства, торговлю, промышленность, кооперативы и рабочих — объединиться для работы прежде всего в области упорядочения продовольственного дела, разруха которого грозит стране и армии".

В тот же день еще более решительно и серьезно изложил свою позицию Союз земств, возглавляемый князем Г. Е. Львовым: "Историческая власть страны стоит у бездны. Наша внутренняя разруха растет с каждым днем и с каждым днем становится труднее организовать страну в уровень с великими требованиями, которые к ней предъявляет война. Наше спасение в патриотизме, в нашем единении и ответственности перед родиной. Когда власть ставит преграды на пути к спасению, ответственность за судьбы родины должна принять на себя вся страна. Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, ведет Россию по пути к гибели и колеблет царский трон. Должно быть создано правительство, достойное великого народа в один из величайших моментов его истории, сильное, ответственное перед народом и народным представительством. Пусть Государственная дума при начатой решительной борьбе помнит о великой ответственности и оправдает то доверие, с которым к ней обращается вся страна. Время не терпит, истекли все сроки для отсрочек, данные нам историей".

Зачитав оба эти исторические документа, я подчеркнул, что цитирую не резолюцию рабочих и крестьян, а резолюцию городских и земских деятелей*. Далее я сказал, что мы выступим со всеми теми, кто открыто и прямо призывает народ и страну к открытой решительной борьбе со старой властью, губящей страну.

Мое предложение обсудить этот вопрос на открытом заседании не было поставлено на голосование: отказавшись сделать это, Родзянко действовал согласно правилам процедуры**.

Я совершенно уверен в том, что если бы 13 декабря мое предложение было принято, то такой "революционный" акт со стороны Думы не вызвал бы никаких репрессий. В тот момент распутинская клика еще не была готова к решающим шагам, и Дума смогла бы стать не только глашатаем надежд народа, но и руководителем страны в переломный момент истории.

Убийство Григория Распутина 17 декабря ни в малейшей степени не изменило политику двора.

Через несколько дней, как раз накануне Рождества, дальнейшие заседания Думы были отложены на полтора месяца, а через неделю после этого, 27 декабря, на пост Председателя Совета министров вместо Трепова был назначен высокопоставленный представитель двора князь Н. Д. Голицын, советник царицы во всех делах, связанных с благо-

---

* То есть людей скорее либеральных, чем революционных убеждений.

** Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание пятнадцатое. 13 декабря 1916 г. С. 1095—1098.

творительностью. Это назначение носило весьма курьезный характер, если учесть, что новый глава правительства, которому предстояло в этот критический момент принять на себя руководство всей внутренней и внешней политикой страны, со слезами на глазах умолял царя не назначать его на столь ответственный пост, да еще в военное время. Но все мольбы его оказались напрасными. Впрочем, он и получил такое назначение именно потому, что не имел никакого опыта в делах государства и отличался полным отсутствием собственной воли.

Отныне вся власть сконцентрировалась в руках Протопопова и его подручных.

1 января 1917 года председателем Государственного совета стал один из самых влиятельных лиц, связанных с троном, бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов. Этот пост, как и пост Председателя Думы, давал возможность делать личные доклады царю. Назначение на столь высокий пост человека, который всего шесть месяцев назад по требованию общественности был смещен с должности, было явным свидетельством того, что монарх окончательно и безвозвратно утратил чувство ответственности за положение дел в стране. Именно в этот момент Протопопов и его приспешники кинулись, закусив удела, во все тяжкие.

Их война против земств, Союза городов, кооперативов и всех добровольных организаций, работавших на нужды национальной обороны, приобрела патологический характер. В Думе стало известно, что правительство вознамерилось взять все эти организации под свой прямой контроль, а это, наряду с другими мерами означало, что именно Протопопову поручили заниматься продовольственным снабжением жителей Петрограда.

В январе в столице резко возрос размах беспорядков среди рабочих. Если в 1916 году по всей стране прошло 243 политические забастовки, то за первые два месяца 1917 года их число составило 1140.

К середине января специальный комитет во главе с начальником Петроградского военного округа, которым он командовал вплоть до 27 февраля 1917 года, генералом С. С. Хабаловым закончил разработку детального плана размещения в столице войск для совместных действий с полицией на случай беспорядков в столице. Одновременно правительство начало кампанию борьбы с Центральным военно-промышленным комитетом из-за входящей в него Рабочей группы. Эта независимая группа рабочих, являвшаяся частью комитета (членами которого были ведущие представители промышленности), была сущим проклятием для Протопопова по одной простой причине: действуя с позиций марксистской идеологии и пролетарских принципов, группа успешно защищала экономические интересы промышленного пролетариата и вынуждала предпринимателей идти ему на уступки. Таким образом удавалось избегать забастовок на заводах, занятых оборонным производством.

31 января вся Рабочая группа была арестована и ей было предъявлено обвинение в "создании преступной организации, стремящейся к свержению существующего государственного строя и установлению социалистической республики". По приказу генерала Хабалова газетам было запрещено опубликовать письмо арестованных лидеров группы к трудящимся Петрограда, в котором они призывали их продолжать работу на оборонных предприятиях и не проводить демонстраций и забастовок в знак протеста против их ареста. Лишь один из членов группы "избежал" ареста: это был Абросимов, самый левый член группы, который постоянно вылезал вперед, правда без большого успеха, со всякого рода "революционными" предложениями.

В первые недели после падения монархии, когда досье охранки попали в руки нового правительства, выяснилось, что Абросимов был

одним из самых активных агентов полиции. Но даже и без этого неоспоримого доказательства вся история о проведении кампании Протопопова — Курлова по деморализации петроградских рабочих, придерживающихся "оборонческих" настроений, была достаточным свидетельством участия Абросимова в деятельности "пораженцев".

8 февраля по приказу царя Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта и командующий округа генерал Хабалов получил специальные полномочия. Дума оставалась единственной независимой организацией, которую еще не рискнул тронуть Протопопов. В те черные месяцы этот орган народного представительства, конечно же весьма далекий от совершенства, был единственной надеждой России. Думе доверяла армия на фронте, в ее действенность верили рабочие столицы. Однако неделя шла за неделей, разрушительные силы действовали со все большей наглостью, а Дума по-прежнему так и не возобновляла своей работы.

По городу поползли слухи, будто Царское Село уже приняло решение покончить с Думой. Слухи с каждым днем все нарастали, вызывая всеобщее беспокойство. Все понимали, что в случае разгона Думы общественное мнение потеряет всякое значение. Представители всех слоев общества, от командиров на фронте до простых заводских рабочих в Петрограде, верили в силу и способность Думы спасти положение.

Когда в конце концов на 14 февраля был назначен день возобновления работы Думы, нас с Чхеидзе посетила делегация рабочих Путиловского завода, которые играли ведущую роль в рабочем движении столицы, и сообщила нам, что в день открытия Думы рабочие планируют провести массовую демонстрацию в ее поддержку. Демонстрация была отменена, поскольку, по тактическим соображениям, "Прогрессивный блок" принял решение не поддерживать этот план. Об этом было объявлено в письме, которое Милюков направил в газеты.

Как обычно, в канун открытия Думы Родзянко отправился с всеподданейшим докладом к царю.

"Правительство, — сказал он, — все ширит пропасть между собой и народным представительством. Министры всячески устраняют возможность узнать Государю истинную правду... С прежней силой возобновились аресты, высылки, притеснения печати. Под подозрением находятся даже те элементы, на которые раньше всегда опиралось правительство, под подозрением вся Россия. Государственной думе грозят роспуском. При всех этих условиях никакие героические усилия... предпринимаемые Председателем Государственной думы, не могут заставить Государственную думу идти по указке правительства, и едва ли Председатель, принимая со своей стороны для этого какие-либо меры, был бы прав и перед народным представительством, и перед страной. Государственная дума потеряла бы доверие к себе страны, и тогда, по всему вероятию, страна, изнемогая от тягот жизни, ввиду создавшихся неурядиц в управлении, сама могла бы стать на защиту своих законных прав. Этого допустить никак нельзя. Это надо всячески предотвратить и это составляет нашу основную задачу"*.

Царь, явно раздраженный позицией Родзянко, предупредил его, что Думе будет позволено продолжить заседания лишь в том случае, если "она не допустит новых непристойных выпадов в адрес правительства", и отказался дать согласие на просьбу Родзянко об удалении наиболее непопулярных министров. В ответ на высказанные Родзянко опасения по поводу реакции общественного мнения и его намеки на возможность насильственных действий снизу Николай заявил, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует "совсем об обратном". На грани

* The Russian Provisional Government, 1917. Vol. 1. P. 3.

отчаяния Родзянко высказал свои "самые худшие предчувствия... и убеждение", что это его последний доклад. "Я по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... вы хотите распустить Думу... Еще есть время; еще возможно все изменить и дать стране ответственное правительство. Видимо, этому не суждено сбыться. Ваше Величество, вы выражаете несогласие со мной и все останется как было. ...Я вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать". Пророчество Родзянко вскоре сбылось.

Такое негативное отношение к докладу Родзянко красноречиво свидетельствовало о том, что царь одобрял действия Протопопова и не имел ни малейшего намерения пойти на какие-либо изменения.

Когда 15 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной, близившемуся к своей высшей точке. Милюков заявил, что, по его мнению, страна далеко опередила свое правительство. Но мысль и воля страны только случайно, только через узкие щели, которые оставляет мертвый бюрократический механизм, может превращаться в полезное действие. Все чаще из глубины России... мысль несется с надеждою к Государственной думе. В то же время его "несколько смущают" подобные призывы к действию, ибо, как он выразился, "наше слово есть уже наше дело"*.

И это было абсолютно справедливо. Слова в качестве действий вполне годятся для поэтов, философов и писателей, но недостаточны для государственных деятелей и политиков. Их слова, даже самые зажигательные и мудрые, абсолютно бесполезны, если за ними не следует действие. Как правильно сказал Милюков, в то время весь народ возлагал свои надежды на Думу, но Россия ждала от нее не слов, а действий. Оправданы ли эти надежды или нет, но люди ждут, что Дума станет их глашатаем. И не только "мертвая бюрократическая машина" принесла народу страдания и помешала ему выразить свои творческие возможности. В конце концов в каждой стране существует та или иная форма бюрократической машины; без нее не может обойтись ни одно современное государство. Да и в самой России бюрократическая машина была далеко не так мертва, ибо у нее на службе было немало разумных и преданных делу людей. Однако их полностью лишили возможности действовать, они лишь выполняли приказы министров. А кто назначал этих министров? Кто смещал честных министров и назначал на их место прихлебателей Распутина?

Отвечая на замечание Милюкова относительно мертвой бюрократической машины, я сказал то, о чем думали, но не рисковали сказать открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на бюрократии и даже не на "темных силах", а на короне. Корень зла, сказал я, кроется в тех, кто сейчас сидит на троне.

Обращаясь к членам "Прогрессивного блока", я продолжал:

"Нам говорят: правительство виновато, правительственные люди, которые как "тени" приходят и уходят с этих мест. Но поставили ли вы себе вопрос, наконец, во всю ширь и всю глубину, кто же те, кто приводит сюда эти тени? И если вы вспомните историю власти за эти три года, вы вспомните, как много здесь говорилось о "темных силах"; и эти разговоры о темных силах создали союз юных наивных мечтателей с политическими авантюристами**. И вот эти "темные силы" исчезли! Исчез Распу-

---

* Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание двадцатое. 15 февраля 1917 г.

** Намек на соучастников убийства Распутина — князя Юсупова, Пуришкевича и других.

ин! Что же, мы вступили в новую эпоху русской жизни? Изменилась ли система? Нет, не изменилась, она целиком осталась прежней...

И вот, я и спрошу вас, гг. члены Государственной думы (а вместе с вами и ту общественность, которую вы представляете): что же, наконец, эти три года войны привели вас к тому основному убеждению, которое, и только оно одно, может вас соединить с нами, представителями демократии?! Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало, героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят? Как сочетать это ваше убеждение, если оно есть, с тем, что отсюда подчеркивается, что вы хотите бороться только "законными средствами"?! (В этом месте Милюков перебил меня, указав, что такое выражение является оскорблением Думы.) Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом?.. С нарушителями закона есть только один путь — физического их устранения.

Председатель Думы в этом месте спросил, что я имею в виду. Я ответил: "...я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима".

Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета о заседании моего заявления, оправдывающего свержение тирана. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: "Керенского следует повесить!"

На следующий день или, быть может, днем позже Председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства.

Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: "Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас".

На следующем заседании Думы, 17 февраля, обсуждался вопрос о Рабочей группе Военно-промышленного комитета и об аресте и суде над ее членами. (Этот вопрос был включен в повестку дня в день заседания по решению значительного большинства депутатов.)

Первым на заседании выступил член партии прогрессистов и заместитель председателя Военно-промышленного комитета А. И. Коновалов. Он сделал подробное сообщение о налете полиции на штаб-квартиру "оборонческого" движения рабочих. Выступление Коновалова вызвало в Думе возмущение всех депутатов, за исключением, конечно, крайне правых. Особое негодование вызвали два обстоятельства: первое — это приказ, запрещавший публикацию в прессе письма арестованных рабочих, в котором они призвали всех рабочих продолжать работу и воздерживаться от проявлений массовых протестов; второе — это то, что рабочий Абросимов, единственный из группы, не подвергшийся аресту, своим поведением после арестов достаточно красноречиво показал, что был агентом охранки. Факты, приведенные в докладе Коновалова, дали каждому честному и порядочному члену Думы ключ к ответу на вопрос, кто стоял за спиной организаторов "диких" забастовок на фабриках и заводах и кто толкал администрацию фабрик и заводов, занятых военным производством, на проведение политики локаутов.

18 февраля началась серия забастовок в ответ на резкое повышение цен. Кузнечный цех Путиловского металлургического завода тотчас потребовал 50-процентного повышения зарплаты. Администрация решительно отвергла это требование, и рабочие, не покидая территории завода, остановили машины. Митинги состоялись и во всех других цехах завода. Тремя днями позже администрация, стремясь отделаться от "нежелатель-

ных элементов", распорядилась о закрытии кузнечного цеха под предлогом прекращения поставок угля и увольнении всех рабочих, занятых в производстве. Были закрыты и другие цехи, и волна забастовочных митингов прокатилась в тот вечер по всему заводу. На следующий день, 22 февраля, администрация Путиловского завода объявила локаут, в результате которого около 40 тысяч рабочих оказались буквально вышвырнутыми на улицу. Рабочие решили обратиться за поддержкой ко всем рабочим Петрограда и для координации действий создали стачечный комитет. В тот же самый день царь, который после смерти Распутина жил в Царском Селе, отбыл на фронт, пообещав Протопопову возвратиться через неделю.

А тем временем нарастала нехватка продовольствия. За несколько дней до этого, 19 февраля, возле продовольственных магазинов собрались толпы людей, требовавших хлеба. 21 февраля в ряде районов жены рабочих ворвались в булочные и бакалейные лавки и разграбили их. 23 февраля критическое положение с продовольствием обсуждалось на заседании Думы, при этом особое внимание было уделено ситуации в Петрограде. В своей речи я, в частности, сказал:

"Я сегодня взял на себя обязанность передать вам то, что мне вчера сказали те путиловские рабочие, которые у меня были. Они просили меня передать вам следующее: скажите вашим товарищам, членам Государственной думы, что мы сделали все, чтобы этого закрытия завода вчера не последовало; мы сделали все... и даже согласились вернуться на работу на старых условиях. Но в тот момент, когда таково было настроение руководящих рабочих масс завода, они прочитывают объявление о закрытии Путиловского завода и о том, что 36 000 петербургского населения, самого обездоленного и голодающего, выбрасывается на улицу. Они прочли это тогда, когда только что провели по всем мастерским ряд организованных собраний, где доказывали по тем или другим соображениям несвоевременность сегодня развивать это рабочее движение, и они просили меня вам передать. Я ответил им: "Я сомневаюсь, чтобы большинство Государственной думы поняло вас; кажется, общего языка между вами и ими нет никакого", но я обязанность свою исполняю (слева и в центре голоса: "Напрасно!"), я вам передаю. И если напрасно, то сделайте то, что требует от вас гражданский долг настоящего момента".

И это свершилось — они приступили к обсуждению этой проблемы!

В конце заседания Милюков от имени "Прогрессивного блока" внес следующий проект резолюции: "Признавая необходимым, 1) чтобы правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием населения столицы так же, как и других городов; 2) чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающих на оборону; 3) чтобы для распределения продовольствия были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные элементы и организованы продовольственные комитеты, — Государственная дума переходит к очередным делам".

От имени группы трудовиков я предложил включить в проект резолюции "Прогрессивного блока" следующий пункт: "...что все уволенные рабочие Путиловского завода должны быть приняты обратно и деятельность завода немедленно восстановлена".

Предложение было поставлено на голосование, и моя поправка была одобрена.

К несчастью, попытка Думы положить конец провокационным действиям администрации завода и правительства была предпринята слишком поздно. 23 февраля началась всеобщая стачка.

На десятках заводов и фабрик состоялись митинги и была прекращена работа. По окончании митингов рабочие под звуки революционных песен устремились на улицы города. К полудню они заполнили Сампсониевский проспект, и отряды конной и пешей полиции оказались бессильны сдержать толпу. В два часа градоначальник Петербурга генерал Балк отдал приказ военному командованию подавить бунт.

На следующий день Дума продолжила обсуждение критического положения; на ее утверждение был внесен законопроект о передаче Союзам городов и земств организации продовольственного снабжения. Родзянко обратился к князю Голицыну с настоятельной просьбой передать это дело из рук Протопопова в руки муниципальных властей.

Тем временем тысячи рабочих двигались по направлению к Литейному проспекту, толпы людей собирались и в других районах города. В соответствии с планом генерала Хабалова о подавлении бунта силой оружия поперек мостов были воздвигнуты заграждения, чтобы разделить город на две части. Но приказы генерала опоздали.

25 февраля против народа были брошены казачьи отряды и пехотные подразделения. Невский проспект и прилегающие к нему улицы были запружены толпами людей. На площади у Николаевского вокзала, у памятника Александру III проходил многотысячный митинг, однако казаки не только не стали разгонять его, но начали брататься с толпой. Неожиданно прибыл отряд конной полиции под командованием какого-то офицера. Он приказал сделать предупредительный залп, но в этот момент из рядов казаков прозвучал выстрел, и офицер упал замертво. Полицейские немедленно произвели ружейный залп прямо в толпу, и люди стали разбегаться по прилегающим улицам.

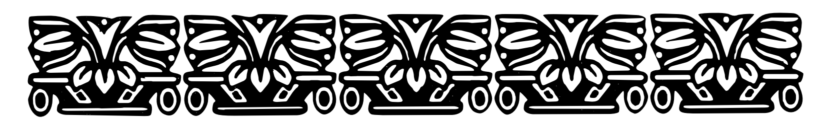
В тот день Дума собралась на свое последнее и самое короткое заседание. Стремясь как можно скорее утвердить законопроект о передаче продовольственного снабжения объединенной комиссии Союзов городов и земств, члены Думы начали заседание в одиннадцать утра и прервали его в 12 ч 50 мин, назначив очередное заседание на одиннадцать часов утра 28 февраля.

Для всех было очевидно, что судьба Думы висит на волоске, что она наверняка будет либо распущена, либо ее заседания будут перенесены на более поздний срок. Чтобы не дать застичь себя врасплох, Думе следовало любой ценой продолжить сессию. Левая оппозиция настаивала на проведении следующего заседания не во вторник 28 февраля, а в понедельник 27 февраля.

Однако наши усилия оказались бесплодными перед лицом сопротивления большинства, и предложение было отклонено. Но одна уступка все же была сделана — на неофициальном заседании совета старейшин, состоявшемся в кабинете Родзянко, было решено провести закрытое заседание Думы в 2 часа дня в понедельник.

В течение всего воскресного дня большое число членов Думы от различных фракций безуспешно пытались убедить председателя провести в понедельник официальное заседание.

В полночь с 26 на 27 февраля весенняя сессия Думы была прервана царским указом, на котором князь Голицын поставил дату 25 февраля. Этим указом была поставлена последняя точка в реализации плана царя. Утром 27 февраля начался мятеж в резервных батальонах гвардейских частей. Кавалерийские подразделения, отозванные с фронта, не прибыли в столицу. В то же утро правительство князя Голицына перестало существовать.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ РОССИИ

Глава 13

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

СУДЬБОНОСНЫЕ ДНИ

Около восьми утра в понедельник меня разбудила жена и сказала, что звонил Н. В. Некрасов, просил передать о переносе заседаний Думы и о восстании в Волынском полку. Он также сообщил, что мне следует немедленно прибыть в Думу. Хотя политическое положение в последние несколько дней становилось все более угрожающим и нестабильным, я не сразу осознал все значение сообщенных Некрасовым новостей. Сцена для последнего акта спектакля была давно готова, однако, как водится, никто не ожидал, что время действия уже наступило. И все же после непродолжительных размышлений я понял, что час истории наконец пробил. Наскоро одевшись, я отправился к зданию Думы, которое находилось в пяти минутах ходьбы от моего дома. Первой моей мыслью было: любой ценой продолжить сессию Думы и установить тесный контакт между Думой и вооруженными силами.

Добравшись до Думы, я сразу же направился в Екатерининский зал, где встретил Некрасова, Ефремова, Вершинина, Чхеидзе и нескольких других депутатов от оппозиции. Они согласились с моим предложением о проведении официального заседания Думы. Некрасов сказал мне, что Родзянко уже послал царю в его Ставку в Могилеве и командующим фронтами телеграммы, в которых сообщил о быстром нарастании беспорядков в Петрограде.

В телеграмме, которую накануне направил царю в его Ставку Председатель Государственной думы, говорилось: ”Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах

идет беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя..."

27 февраля Родзянко направил царю телеграмму следующего содержания: "Занятия Государственной думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной думы. Родзянко".

Уходя утром из дома, я успел позвонить нескольким из моих друзей и попросил их отправиться в охваченные восстанием военные казармы и убедить войска идти к Думе. Только накануне революции депутаты Думы, наконец, поняли, что ее левое крыло — единственная группа, которой хорошо известны настроения масс и которая находится в курсе всех событий в городе. Мы действительно хорошо наладили по всей столице службу сбора информации, и телефонные сообщения о событиях поступали к нам каждые 10—15 минут. Стоило войти в зал, как меня окружили люди, засыпавшие бесчисленными вопросами. Я рассказал, что волнения охватили весь город, что восставшие войска движутся к Думе и что, на мой взгляд, началась революция. Наш долг, как представителей народа, заявил я, приветствовать восставших и вместе с ними решать общие задачи.

Поначалу весть о том, что к Думе движутся войска, вызвала у депутатов известную тревогу. Но возбуждение было столь велико, что вскоре от тревоги не осталось и следа.

Тем временем полки солдат без офицеров один за другим покидали казармы, заполняя улицы. Некоторых офицеров арестовали, были отдельные случаи их убийства. Остальные бежали, столкнувшись с явно враждебным отношением и недоверием солдат. Повсюду к войскам присоединялись гражданские. От окраин к центру города двигались огромные толпы рабочих, во многих районах шла яростная перестрелка. Вскоре поступили сообщения о столкновениях с полицией. С колоколен и крыш домов полицейские обстреливали из пулеметов движущиеся толпы*. Какое-то время казалось, что толпы текут по улицам без какой-либо видимой цели и трудно было предсказать, как развернутся события. Однако одно было очевидно: правительство намеревалось использовать растущие беспорядки в своих бесчестных целях. Все счита-

---

*Утверждалось, что этого не было. Для всех, кто интересуется этим вопросом, сошлюсь на "приказ № 2 по городу Петрограду", подписанный членом Временного Военного комитета, офицером отряда кубанских казаков Карауловым, в котором говорилось, что всякий, кто предоставит место для пулеметчиков, подлежит военному суду. Я лично знаю два дома, на крыше которых были установлены пулеметы: на набережной Мойки и на Сергеевской улице. И тут и там жили лишь гражданские лица.

ли, что клика Протопопова постарается использовать голодные бунты, развал в армии, а также "нелояльность" Думы в качестве предлога, для того чтобы открыто сделать шаг к заключению сепаратного мирного договора с Германией.

Представители левой оппозиции Некрасов, Ефремов, Чхеидзе и я внесли предложение в Совет старейшин немедленно провести официальную сессию Думы, не принимая во внимание царский декрет. Большинство же, включая Родзянко и, несколько неожиданно — Милюкова, высказалось против такого шага. Аргументов не приводилось. Игнорируя произвол и преступления правительства, большинство Думы цеплялось за прошлое. Совет старейшин отверг наше предложение и решил, как планировалось ранее, провести "неофициальное заседание". Политически и психологически это означало, что будет проведено закрытое заседание группы частных лиц, среди которых немало людей выдающихся и пользующихся большим влиянием, тем не менее всего лишь группы частных лиц. Соответственно и само заседание не могло претендовать на официальное признание.

В тот момент, когда авторитет Думы достиг наивысшей точки в стране и в армии и когда этот авторитет мог бы сыграть далеко идущую положительную роль, отказ Думы созвать официальное заседание был равносилен политическому самоубийству. В этом сказалась слабость Думы, в основном отражавшей лишь узкие интересы высших слоев общества, что неизбежно ограничивало ее способность выражать чаяния нации в целом. Отказавшись взять в свои руки инициативу, Дума стала неофициальной организацией наравне с Советом рабочих депутатов, который к тому времени только-только начал набирать силу. Осознав на следующий день совершенную ошибку, Родзянко предпринял попытку возродить Думу в качестве официального института. Но было уже слишком поздно. К тому времени в столице уже возникли два центра власти, существованием которых они были обязаны революции. Этими центрами стали Дума, назначившая на неофициальном заседании Временный комитет в качестве своего временного руководящего органа, и Совет рабочих депутатов, возглавляемый его Исполнительным комитетом.

Не припомню всех вопросов, обсуждавшихся утром в тот понедельник в Совете старейшин, как и тех, которые рассматривались позднее на неофициальном заседании, длившемся с 12 до 2 часов, — в памяти сохранилось лишь решение создать Временный комитет с неограниченными полномочиями. В него вошли Родзянко, Шульгин, Львов, Чхеидзе, Некрасов, Милюков, Караулов, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Энгельгардт, Шингарев и я. В комитете были представлены все партии, за исключением крайне правых. Эти правые депутаты, которые незадолго до того держались предельно вызывающе, неожиданно исчезли с политической арены.

В час дня солдат все еще не было, и потому когда наконец кто-то крикнул мне из вестибюля, что они появились, я бросился к окну, с трудом веря в такую возможность.

Из окна я увидел солдат: окруженные горожанами, они выстроились вдоль противоположной стороны улицы. Было очевидно, что они чувствовали себя стесненно в непривычной обстановке и выглядели растерянными, лишившись руководства офицеров.

Не медля ни минуты, не накинув даже пальто, я кинулся через главный вход на улицу, чтобы приветствовать тех, кого мы ждали так долго. Подбежав к центральным воротам, я от лица Думы выкрикнул несколько приветственных слов. И когда я стоял, окруженный толпой солдат Преображенского полка, в воротах позади меня появились Чхеидзе, Скобелев и некоторые другие члены Думы. Чхеидзе произнес

несколько приветственных слов, а я попросил солдат следовать за мной в здание Думы, чтобы разоружить охрану и защитить Думу, если она подвергнется нападению войск, сохранивших верность правительству. Тотчас построившись в шеренги, солдаты стройными рядами двинулись вслед за мной. Через главный вход дворца мы прошли прямо в помещение караульной службы. Я опасался, что для разоружения охраны придется прибегнуть к силе, однако, как выяснилось, она разбежалась еще до нашего появления. Я передал командование охраной какому-то унтер-офицеру, объяснив, где следует расставить часовых.

Вернувшись в Екатерининский зал, я обратился с речью к заполнившей здание Думы толпе. У этих людей, пришедших сюда из всех районов города, не было ни малейших сомнений в том, что революция совершилась. Они хотели знать, как мы собираемся поступить со сторонниками царского режима, и требовали для них сурового наказания. Я объяснил, что самых опасных из них возьмут под стражу, однако толпа ни при каких условиях не должна брать в свои руки осуществление закона. Я потребовал не допускать кровопролития. На вопрос, кто будет арестован первым, я ответил, что им должен стать бывший министр юстиции, председатель Государственного совета Щегловитов. Я распорядился, чтобы его доставили непосредственно ко мне. Выяснилось, что некоторые из солдат Преображенского и Волынского полков по своей инициативе отправились арестовывать Протопопова, но тому удалось бежать. Однако в 4 часа пополудни я получил сообщение, что Щегловитов арестован и доставлен в Думу. Депутаты были этим крайне обескуражены, а умеренные призвали Родзянко освободить Щегловитова, поскольку, как председатель законодательного органа, он пользовался личной неприкосновенностью.

Я отправился к Щегловитову и обнаружил, что, окруженный толпой, он взят под стражу наспех созданной охраной. Там же я увидел Родзянко и нескольких других депутатов. На моих глазах Родзянко, дружески поздоровавшись с ним, пригласил его как "гостя" в свой кабинет. Я быстро встал между ними и сказал Родзянко: "Нет, Щегловитов не гость, и я не допущу его освобождения".

Повернувшись к Щегловитову, я спросил:

— Вы Иван Григорьевич Щегловитов?

— Да.

— Прошу вас следовать за мной. Вы арестованы. Ваша безопасность гарантируется.

Все отпрянули, Родзянко и его друзья в растерянности вернулись в свои кабинеты, а я отвел арестованного в министерские апартаменты, известные под названием "Правительственный павильон".

Это был отдельный флигель, состоявший из нескольких комфортабельных комнат, соединенный полукруглой галереей с главным залом Думы. В этих комнатах располагались министры, когда приезжали выступать в Думе. Поскольку павильон как таковой не считался помещением собственно Думы, то он находился под юрисдикцией правительства. Его обслуживал свой штат слуг, и депутатам не разрешалось входить туда без особого разрешения. Используя эти комнаты как место временного заключения, мы избежали, таким образом, превращения в тюремные камеры помещений самой Думы, а государственные чиновники получили возможность содержаться под стражей в своих собственных апартаментах. К Щегловитову вскоре присоединились Протопопов, Сухомлинов, целая плеяда светил старого бюрократического мира.

К трем часам дня Дума приобрела совершенно неузнаваемый вид. В зал набились гражданские лица и солдаты. Со всех сторон к нам обращались за указаниями и советами. Только что созданный Времен-

ный комитет был вынужден взять на себя функции исполнительной власти. Мы чувствовали себя в положении генерального штаба ведущей военные действия армии: мы не видели поля боя, но из донесений, телефонных сообщений и рассказов очевидцев имели полное представление о том, что там происходит. И хотя мы не располагали детальными отчетами о каждом отдельном событии, перед нами была полная и достоверная картина происходящего. Характер поступавших сообщений мог кого угодно сбить с толку. Сотни людей требовали внимания, давали советы, предлагали свои услуги. Вокруг царило возбуждение, порой граничащее с истерией. Нельзя было терять голову, ибо потеря драгоценного времени и недостаток уверенности в себе были равнозначны катастрофе. Нам приходилось на месте незамедлительно решать, какой кому дать ответ, какой отдать приказ, кого поддержать, кому отказать в поддержке, куда направить войска и подкрепления, как найти помещение для сотен арестованных, как наилучшим образом использовать возможности компетентных людей и, наконец, последнее, но отнюдь не менее важное: как накормить и где разместить тысячи людей, заполнивших Думу. Кроме того, нужно было подумать о сформировании нового правительства и о выработке программы, приемлемой для всех партий. В то же время необходимо было быть в курсе событий, происходящих вне Петрограда, особенно в Ставке и в царском поезде.

Думаю, было приблизительно 4 часа дня, когда ко мне подошел кто-то и попросил найти в Таврическом дворце какое-нибудь помещение для только что созданного Совета рабочих депутатов. С разрешения Родзянко им была выделена комната за номером 13, где они и провели без промедления свое первое заседание. Естественно, подбор представителей от рабочих носил более или менее случайный характер, поскольку в столь короткий срок не было никакой возможности организовать настоящие выборы. Совет избрал Временный Исполнительный комитет, его председателем выбрали Чхеидзе, а Скобелева и меня заместителями председателя. О своем избрании я узнал позднее, поскольку на том заседании не присутствовал. На деле я редко бывал на заседаниях Совета или его Исполнительного комитета. С самого начала мои отношения с руководителями Совета стали носить напряженный характер. Их отвращало мое неприятие теоретического социализма, который они стремились навязать революции. Говоря об этом, я имею в виду тот Исполнительный комитет, который существовал первые несколько недель. Позднее и Исполком и Совет в целом изменились к лучшему.

Однако единственным общенациональным центром власти оставалась Дума. Ее Временный комитет действовал, не испытывая давления крайне левого крыла; комитет давал возможность развиваться революции своим путем, исходя из того, что время для нее созрело. И неслучайно первыми сообщениями о революции, дошедшими до фронта, были отчеты о деятельности Думы, и успех революции объяснялся главным образом тем, что солдаты на полях сражений вместе со своими командирами с самого начала приветствовали перемену. Люди, находившиеся на фронте, видели катастрофическое положение страны, и они более чем кто-либо еще приняли власть Думы.

К исходу дня 27 февраля весь Петроград перешел в руки восставших войск. Прежняя государственная машина прекратила работу, а здания некоторых министерств и правительственных учреждений были заняты силами революции. Некоторые здания, те, в частности, в которых размещались штаб-квартира охранки, полицейские участки, суды, были преданы огню. В Думе мы к тому времени учредили центральный орган для осуществления контроля над действиями войск и восставших. Временами стихия толпы принимала столь мощный размах, что, казалось, вот-вот захлестнет всех нас, но мало-помалу напор ее стихал, давая нам

несколько минут передышки. Казалось, Таврический дворец стонал и вздрагивал от могучих ударов людских волн. Снаружи он более напоминал военный лагерь, нежели законодательный орган. Повсюду виднелись ящики с боеприпасами, ручные гранаты, пирамиды винтовок, пулеметы. Во всех углах расположились солдаты, среди которых, к сожалению, почти не было офицеров.

Поскольку днем в бесконечном водовороте людей, новостей и событий решать фундаментальные государственные вопросы было невозможно, мы были вынуждены дожидаться ночи, когда рассеялись толпы людей и опустели залы и коридоры. Наступила тишина, и в комнатах Временного комитета начались бесконечные дискуссии, конференции, страстные споры. Там, в ночной тиши, мы приступили к созданию контуров новой России.

Перед нами прежде всего встали проблемы организации, на случай крайней необходимости, системы обороны и руководства петроградским гарнизоном. В тот первый день, однако, в нашем распоряжении практически не было офицеров или людей с соответствующими специальными знаниями. Первой нашей акцией в тот вечер было создание для этой цели Военной комиссии, в которую первоначально вошли несколько штатских. обладающих хоть какими-то познаниями в военном деле, горстка офицеров и рядовых, а также Родзянко и я. В задачу комиссии входило руководство операциями против протопоповской полиции, которая все еще оказывала вооруженное сопротивление революции.

В момент формирования комиссии к зданию Думы подошел 1-й резервный пехотный полк. Он был первым воинским подразделением, которое явилось в полном составе во главе с полковником и другими офицерами.

И все же, несмотря на нехватку офицеров, мы сумели на скорую руку укрепить оборону столицы, хотя горько было сознавать, что ей не выдержать массированного удара и что врагу ничего не стоит установить полный контроль над городом силами двух-трех боеспособных полков. Однако в Петрограде в распоряжении прежнего правительства не было ни одного солдата, решившего пойти против народа и Думы.

Мы в Думе понимали, что победа на нашей стороне, однако не имели ни малейшего представления, какими силами располагает прежнее правительство за пределами столицы. Мы не знали даже, где оно находится и что предпринимает. Наконец поступило сообщение, что правительство заседает в Мариинском дворце. Туда немедленно был отряжен отряд в сопровождении броневиков с приказом арестовать всех членов кабинета, однако в полночь солдаты возвратились обратно, не попав во дворец из-за сильного ружейного огня. Позднее мы узнали, что члены бывшего правительства перебрались в адмиралтейство, под защиту войск и артиллерии, прибывших из Гатчины. В другом сообщении говорилось о приближении к городу царских войск, направленных из Финляндии, и мы поспешно стали создавать оборону в Выборгском районе столицы вдоль русско-финской железнодорожной линии.

Одновременно Временный комитет направил депутата IV Думы А. Бубликова с отрядом солдат, чтобы взять на себя функции управления центральным железнодорожным телеграфом. Этот вовремя предпринятый шаг позволил Думе поставить под свой контроль всю сеть железных дорог, поскольку ни один состав не мог отправиться из столицы без согласия Бубликова. Именно Бубликов, выполняя распоряжение Временного комитета, передал по телеграфу во все уголки страны первое сообщение о революции. Железнодорожники с большим энтузиазмом приветствовали революцию. Они в то же время поддерживали

высочайшую дисциплину, и только благодаря их усилиям военные составы отправлялись на фронт точно по графику.

К этому времени мы зашли настолько далеко, что обратной дороги уже не было. Разрыв между старым и новым режимами стал окончательным. Временный комитет, по сути дела, вырвал власть у царского правительства.

Всю ночь провели мы за обсуждениями и спорами в кабинете Председателя Думы, подвергая тщательному рассмотрению все поступающие новости и слухи. Создание незадолго перед тем Совета было расценено как критическое событие, ибо возникла угроза, что в случае, если мы немедленно не сформируем Временное правительство, Совет провозгласит себя верховной властью России. Дольше всех колебался Родзянко. Однако, в конце концов, около полуночи он объявил о своем решении принять пост Председателя Временного комитета, который отныне, вплоть до создания Временного правительства, берет на себя верховную власть. В тот момент, когда в полночь с 27 на 28 февраля часы пробили 12 ударов, в России появился зародыш нового общенационального правительства.

Миновала первая ночь революции, и, казалось, вечность отделила нас от дня предыдущего. Наутро, 28 февраля, о своей солидарности с Думой объявили военные академии и большинство гвардейских полков. Поступили сообщения о том, что население и солдаты в соседних городах тоже присоединились к нам. Родзянко получил от главнокомандующего и высших офицеров телеграммы, в которых выражалась тревога относительно настроений в армии на фронте. В тот день, когда Николай II выехал из Ставки в Царское Село, жители Царского Села объявили о своей верности революции.

В Петрограде, несмотря на царивший там хаос, стали возникать новые организации. Сопротивление нашей власти если и было, то крайне незначительное, и единственно, что нас тревожило, это возможные попытки сопротивления прежнего правительства в каких-нибудь других районах страны. Однако ситуация, сложившаяся в Царском Селе, позволяла надеяться, что и там оппозиция маловероятна. Вскоре мы узнали, что царь отдал приказ генералу Н. Я. Иванову, герою первой Галицийской кампании (1914 года), возглавить специальное армейское подразделение, захватить Петроград и восстановить там порядок. По прибытии на рассвете 1 марта в Царское Село все солдаты подразделения разбежались. Бежал и сам генерал, направившись обратно в Могилев.

Тем временем выражения поддержки от местного военного гарнизона стали носить такой восторженный характер, что, отвечая на них, мы мало-помалу выработали определенный ритуал. Какое-нибудь войсковое соединение, например Семеновский гвардейский полк, прибывал в Думу, в состоянии крайнего возбуждения заполнял Екатерининский зал и становился строем в центре. Выходил Родзянко и обращался к ним с речью, призывая оказывать доверие власти, сохранить дисциплину и т. д. Его речь неизменно тонула в шквале восторженных криков и аплодисментов. Затем с ответным словом выступал командир части, что вызывало еще большее ликование. Как правило, солдаты просили, чтобы перед ними выступил еще кто-нибудь — Милюков, Чхеидзе или я. Получив, наконец, возможность говорить свободно со свободными людьми, я испытывал чувство пьянящего восторга. Прибытие этих подразделений, включая сенсационное появление казачьего отряда из личной охраны царя, значительно укрепило положение новой власти в Таврическом дворце.

Однако одновременно это же поставило перед нами множество острых проблем. Например, такую. Солдаты испытывали все большее

беспокойство и становились все более неуправляемыми, и не в последнюю очередь из-за подозрений, что офицеры замышляют вместе с военным командованием контрреволюционный заговор. Когда по городу поползли слухи, будто в некоторых казармах офицеры отбирают у солдат оружие, председатель Военного комитета, консервативный депутат Думы, полковник Энгельгардт тотчас издал приказ, обнародованный утром 1 марта, в котором говорилось, что "слухи, по поводу которых проведены расследования в двух полках, полностью безосновательны. Командующий Петроградским гарнизоном сим объявляет, что в отношении офицеров, которые предпримут подобные акты, будут применены самые решительные меры, *вплоть до смертной казни*".

Кроме всего прочего, почти полное отсутствие офицеров облегчило задачу проникновения в воинские казармы Совету. Его руководители быстро уяснили, какие преимущества даст им установление контроля над 150-тысячным Петроградским гарнизоном, и, захватив его, они в полной мере использовали эти преимущества. 27 февраля Исполнительный комитет Совета создал свою собственную, так называемую Военную секцию. Эта секция быстро наладила тесные связи со всеми районами столицы, и все два месяца, пока Гучков занимал пост военного министра, а Корнилов — пост начальника петроградского военного гарнизона, она на равных конкурировала с официальными военными властями.

Тем же вечером делегация только что созданной Военной секции Совета посетила полковника Энгельгардта. Делегаты обратились к нему с просьбой издать приказ, обращенный к тысячам солдат, которые, оставшись без командиров, не имели ни малейшего представления о том, что́ им надлежит делать.

Энгельгардт отказался. Он заявил, что первый приказ по петроградскому военному округу должен исходить от нового военного министра Гучкова, который вступит в должность, скорее всего, через несколько дней. Отказ полковника крайне расстроил солдатских депутатов Совета. Уходя, они объявили Энгельгардту, что ввиду его отказа в помощи они будут вынуждены сами издать такой приказ. По возвращении в штаб-квартиру Совета они и подготовили свой знаменитый Приказ № 1.

Раздел приказа, касающийся офицеров, заподозренных в контрреволюционной деятельности, был написан в значительно более мягких выражениях, чем те, которые использовал Энгельгардт. В нем не содержалась угроза смертной казни. Вопреки утверждениям, в нем ничего не говорилось об избрании офицеров в солдатские комитеты и указывалось на необходимость соблюдения в войсках строжайшей дисциплины. Кроме того, для защиты экономических, культурных и политических прав солдат приказ предусматривал создание солдатских комитетов во всех подразделениях Петроградского гарнизона. Приказ запрещал также выдачу офицерам оружия и предписывал комитетам надежно хранить его.

Кто-то один, или какая-то группа, подлинность которых до сих пор остается загадкой, со злым умыслом разослала этот приказ, предназначенный только для Петроградского гарнизона, по всем фронтам. И хотя эта акция и наделала много бед, отнюдь не она, вопреки абсурдным утверждениям многочисленных представителей русских и иностранных военных кругов, явилась причиной "развала русской армии". Несправедливо и их заявление, будто приказ был разработан и опубликован если не непосредственно самим Временным правительством, то, по крайней мере, с его молчаливого согласия. Суть дела в том, что приказ был обнародован за два дня до создания Временного правительства. Более того, первым шагом этого правительства было разъяснение солдатам на фронте, что приказ этот относится не к ним, а лишь к Петроградскому гарнизону.

Несомненно, распространение этого приказа на фронте сыграло свою отрицательную роль и ускорило создание солдатских комитетов, однако оно никоим образом не было решающим фактором, так как и до публикации приказа комитеты уже были созданы на кораблях Черноморского флота и в отдельных частях Северного фронта. Более того, незадолго до падения монархии командующий четвертой армией на Румынском фронте генерал Цуриков сообщил в Ставку, что в связи с чрезвычайными обстоятельствами он распорядился о создании в армии комитетов под своим командованием и рекомендует как можно скорее прибегнуть к такой же мере и в других армиях.

Хотя германские агенты всячески стремились возбудить беспорядки среди матросов и солдат, натравливая их на офицеров, большинство людей, занимающих ответственные позиции, включая Исполнительный комитет Совета, выступило с осуждением неправомерных действий и расправ над офицерами и предпринимало необходимые меры для предотвращения воинского неповиновения. В обращении к Петроградскому гарнизону мы с Чхеидзе подчеркивали, что листовки против офицеров, выпущенные от имени комитетов социал-демократов и социалистов-революционеров, есть не что иное, как злонамеренные фальшивки, и сфабрикованы агентами-провокаторами. Вскоре после этого офицеры гарнизона торжественно поклялись в своей поддержке революции и Думы, и напряженность спала. Их заявление, под которым подписались и мы с Милюковым и Карауловым, получило широкое распространение, а первая речь, которую я произнес в качестве министра юстиции, заканчивалась призывом соблюдать подчинение офицерам и сохранять дисциплину.

С самого начала революции сонм полицейских шпиков, германских агентов и крайне левых стремились вызвать против нас ненависть. Для того чтобы осознать, насколько опасна и эффективна была такого рода пропаганда, необходимо иметь в виду, что в распоряжении тайной полиции прежнего режима — охранки — во всех слоях населения по-прежнему находилось несколько тысяч агентов, шпиков, агитаторов и осведомителей. В добавление к ним подрывную работу вело множество вражеских агентов, печатавших и распространявших листовки с призывами к убийствам и вносивших сумятицу и дезинформацию, которая, хоть и была очевидной фальшивкой, тем не менее производила впечатление на легковерную публику.

К утру 1 марта работа по созданию нового правительства и выработке его программы была в основном закончена, и тогда представители Временного комитета приступили к переговорам с Советом. Предполагалось, что в состав Временного правительства войдут в основном члены "Прогрессивного блока". В последний момент портфель министра труда был предложен Чхеидзе, портфель министра юстиции — мне.

Временный комитет предложил Исполнительному комитету Совета войти в состав Временного правительства и направить в него двух своих членов, однако Исполнительный комитет принял решение отказаться от участия во Временном правительстве, поскольку происшедшая революция носила "буржуазный характер".

Такое решение поставило передо мной дилемму: должен ли я остаться в Совете и отказаться от поста во Временном правительстве, или я должен принять этот пост и выйти из Совета? Оба варианта казались неприемлемыми. Не найдя выхода из положения, я под давлением событий, требующих от меня полного внимания, вынужден был отложить на время решение этой проблемы.

В тот день, 1 марта, положение в городе, казалось, стало еще более тревожным. Поползли смутные слухи о беспорядках на военно-морской базе в Кронштадте. В самом Петрограде хулиганствующие громилы совершили нападение на офицерскую гостиницу "Астория", ворвались в несколько номеров, приставали к женщинам. Приблизительно в то же время по городу прокатилась весть о прибытии в Царское Село воинских подразделений во главе с генералом Ивановым, и хотя причин для беспокойства не было, толпы людей, собравшихся в здании Думы, охватило, вследствие неопределенности положения, состояние нервозности и возбуждения.

Постепенно порядок был восстановлен. В 11 часов в штаб частей морских гвардейцев явился Великий князь Кирилл Владимирович и заявил о своей поддержке нового режима. В Петрограде продолжалось братание войск с народом, перестрелка на улицах затихла. Были сформированы отряды городской полиции — милиции и назначен ее новый начальник. Люди прилагали максимум усилий для восстановления дисциплины в войсках гарнизона, и Гучков, который на следующий день занял пост военного министра, активно включился в эту работу.

А тем временем революция перекинулась в провинцию. Хорошие новости поступили из Москвы, где, по словам одного очевидца, "все шло как по часам".

Сообщения о распространении революции стали поступать из сотен городов страны, движение приобрело общенациональный характер. Все это настоятельно вынуждало нас ускорить формирование нового правительства. К вечеру 1 марта Временный комитет лихорадочно работал над завершением правительственного манифеста, который предполагалось опубликовать на следующий день. В тот момент мы занимались в основном формированием министерств. Вопрос о верховной исполнительной власти в повестке дня не стоял, ибо большинство Временного комитета Думы все еще считало само собой разумеющимся, что вплоть до достижения совершеннолетия наследником престола Алексеем Великий князь Михаил Александрович будет исполнять функции регента.

Однако в ночь с 1 на 2 марта почти единодушно было принято решение, что будущее государственное устройство страны будет определено Учредительным собранием. Тем самым монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории.

Первое официальное заявление, которое предстояло сделать Временному правительству, стало предметом жарких дискуссий. Некоторые пункты выявили абсолютное несогласие. Наиболее ожесточенные споры между представителями Временного комитета и Совета вспыхнули по вопросу о правах солдат, в результате чего в первоначальный проект Совета по этому вопросу были внесены существенные изменения. Каждый параграф вызывал глубокие расхождения, хотя ни в одном не было упоминания о войне.

Поразительно, что такая наболевшая, такая важнейшая проблема, как проблема войны, даже не возникла в ходе дискуссии по выработке статуса правительства. Правительство получило полную свободу действий в отношении войны, не взяв на себя при этом никаких формальных обязательств. Однако прошло совсем немного времени и ни один другой вопрос не вызывал столь ожесточенных нападок левых сил на Временное правительство, как этот.

Еще более поразительным может показаться то обстоятельство, что в этом самом первом документе правительства ни словом не было упомянуто о насущной необходимости аграрных реформ. И действительно, вопрос о них был сформулирован так неясно и туманно, что не вызвал у меня ни малейшего энтузиазма. Тем не менее, несмотря на то, что с самых первых шагов правительство выполняло все свои обязатель-

ства и даже приступило к осуществлению далеко идущей программы аграрной и рабочей реформы, левые по-прежнему продолжали обвинять нас в пренебрежении долгом перед крестьянами и рабочими, сея таким образом в массах семена недоверия.

И вот наконец состав кабинета министров согласован. Для многих членов Думы было важно, чтобы пост в правительстве был предоставлен мне и, как мне стало известно позднее, некоторые из тех, кому предложили войти в правительство, ставили условием своего согласия мое участие в кабинете.

Ночью 1 марта, когда события тех незабываемых дней достигли апогея, я почувствовал себя на грани нервного срыва. Сказалось чудовищное напряжение двух предыдущих дней. И все же мне было не уйти от решения стоящей передо мной трудной дилеммы. Даже Совет в большинстве своем считал разумным мое участие в правительстве, да я и сам понимал, что, если в него не войдет представитель Совета, оно не получит широкой поддержки народа. А потому я склонялся к тому, чтобы не отступать от своих убеждений даже тогда, когда Чхеидзе решительно отверг министерский пост, оставив меня в правительстве в полной изоляции.

В конце концов, на рассвете, не придя ни к какому решению, я решил отправиться домой. Было странно идти по знакомым улицам без привычного сопровождения агентов секретной полиции, проходить мимо часовых и видеть дым и языки пламени, все еще вырывающиеся из здания жандармерии, где меня допрашивали в 1905 году.

И лишь когда я пришел домой, до меня в полном объеме дошло значение недавних событий. Два или три часа я пролежал в полубессознательном состоянии. И вдруг, словно вспышка молнии, в мозгу пронеслось решение проблемы. Надо немедленно сообщить по телефону о согласии принять пост в правительстве, а уж потом отстаивать это решение на общем заседании Совета. И пусть Исполнительный комитет и члены Совета обсуждают этот шаг. Как это ни покажется странным, но на это мое решение пойти против воли Исполнительного комитета в значительной мере оказала воздействие мысль об арестованных, томившихся в Правительственном павильоне. И если кому-либо из министров от "Прогрессивного блока" удалось спасти их от ярости толпы и тем самым избавить революцию от кровопролития, то этим человеком был я.

Я позвонил во Временный комитет и сообщил Милюкову о своем решении. Он был, по крайней мере мне так показалось, очень доволен и принес мне свои поздравления, однако я отнюдь не был уверен, что реакция Совета будет такой же.

Вернувшись в Думу, я понял, что мое решение стало предметом жарких споров, поскольку никто с уверенностью не мог предсказать реакцию на него Совета. Я тотчас направился в комнату Исполнительного комитета, члены которого встретили меня с кислыми лицами. Шло очередное пленарное заседание, и я объявил о своем намерении войти в правительство и мотивировал этот шаг. Члены Исполнительного комитета попытались переубедить меня, но я остался непреклонным, не желая откладывать дела в долгий ящик.

В соседней комнате член Исполнительного комитета Стеклов докладывал Совету о своих переговорах с Временным комитетом по вопросу о формировании правительства. Едва он кончил, председательствовавший Чхеидзе сообщил, что я попросил слова. Я забрался на стол и начал свою речь. Я сразу понял, что слова мои доходят до сознания собравшихся. Стоило увидеть их лица, заглянуть в их глаза, и мне сразу стало ясно, что они на моей стороне. Я сказал им, что пришел в качестве министра юстиции нового правительства и что ждать долее одобрения этого шага со стороны

Совета считаю для себя невозможным. И вот я пришел, сказал я им, просить вотума доверия. Конец моей речи потонул в бурных аплодисментах.

Когда я спрыгнул со стола, делегаты Совета подняли меня на плечи и пронесли через всю Думу до самых дверей той комнаты, где заседал Временный комитет. Я торжествовал победу. Обойдя абсурдное вето Исполнительного комитета, я был уверен, что за мной последуют и другие и что со временем это приведет к формированию коалиционного правительства. Однако бурные аплодисменты не помешали мне понять, что руководители Совета постараются взять реванш, и так оно и произошло: довольно скоро против меня, против моего влияния и авторитета в массах развернулась самая разнузданная кампания.

Утром 2 марта, выступая перед толпой в Екатерининском зале о составе Временного правительства, Милюков объявил о том, что Великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Заявление Милюкова вызвало бурю негодования всех солдат и рабочих, собравшихся в Таврическом дворце.

В спешном порядке было созвано специальное заседание Исполнительного комитета Совета, на котором на меня обрушился град враждебных вопросов. Я решительно воспротивился попыткам втянуть меня в спор и лишь сказал: "Да, план действительно таков, но ему никогда не дано осуществиться. Это просто невозможно, а потому и нет причин для тревоги. Со мной по вопросу о регентстве никто не консультировался, я не принимал никакого участия в обсуждении этой проблемы. В качестве крайней меры я могу обратиться к правительству и предложить ему выбор: либо отказаться от этого плана, либо принять мою отставку".

Вопрос о регентстве ни в малейшей степени не волновал меня, однако внушить другим мою уверенность в неосуществимости этого плана было крайне трудно, а потому в это дело попытался вмешаться Исполнительный комитет. Он вознамерился послать к царю своих делегатов, а в случае неудачи — помешать воспользоваться поездом нашим делегатам. Однако тут они не преуспели, и приблизительно в 4 часа дня делегация Временного комитета Думы в составе Гучкова и Шульгина отбыла в Псков с целью потребовать отречения царя.

Ожидая вестей от Гучкова и Шульгина, мы были вынуждены заниматься решением многочисленных вопросов. В здании Думы располагалась специальная служба телеграфа, и в тот вечер я разослал свои первые, в качестве министра юстиции, приказы. В первой телеграмме прокурорам всей страны предписывалось освободить всех политических заключенных и передать им поздравления от имени нового революционного правительства. Вторая, посланная в Сибирь, передала приказ немедленно освободить из ссылки "бабушку русской революции" Екатерину Брешко-Брешковскую и со всеми почестями отправить ее в Петроград. В аналогичной телеграмме я потребовал освобождения пяти социал-демократических членов Думы, которые в 1915 г. были приговорены к ссылке.

Тем временем все более тревожным становилось положение в Гельсингфорсе: в любой момент мог подвергнуться уничтожению стоявший там флот и начаться расправа над офицерами. Меня срочно вызвали в Адмиралтейство для проведения переговоров с матросами по телефону. В ответ на мои просьбы человек на другом конце провода обещал сделать все возможное, чтобы успокоить матросов. Расправа над офицерами была предотвращена. В тот же вечер в Гельсингфорс отправилась делегация из представителей всех партий, чтобы попытаться восстановить дисциплину. На какое-то время мы были избавлены от хлопот с этой

военно-морской базой. Однако 4 марта каким-то штатским, оказавшимся, как выяснилось, немецким агентом, был убит адмирал Непенин.

События же в Кронштадте, о которых мельком упоминается в 14 главе, в действительности произошли 27 февраля, но сообщения о них поступили значительно позднее.

Вечером 2 марта было подписано, а днем позже опубликовано следующее заявление Временного правительства*:

"Декларация Временного правительства о его составе и задачах 3 марта 1917.

Граждане! Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успехов над темными силами старого режима, который дозволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначил министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель Совета министров и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов.

Министр иностранных дел — П. Н. Милюков.

Министр военный и морской — А. И. Гучков.

Министр путей сообщения — Н. В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности — А. И. Коновалов.

Министр финансов — М. И. Терещенко.

Министр просвещения — А. А. Мануйлов.

Обер-прокурор Святейшего Синода — В. Н. Львов.

Министр земледелия — А. И. Шингарев.

Министр юстиции — А. Ф. Керенский.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении**.

---

*Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 419—420. — *Прим. ред.*

**Этот пункт вызвал наибольшие разногласия. Милюков в своих мемуарах (Т. 2. С. 307) пишет, что не мог противиться принятию 7 пункта, поскольку, по сути дела, мы не знали в тот момент, будут или не будут они (восставшие войска) использованы в предстоящей борьбе против "лояльных" частей, которые направят в столицу.

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении воинской службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной думы М. Родзянко.

Председатель Совета министров кн. Львов.

Министры: Милюков, Некрасов, Мануйлов, Коновалов, Терещенко, В. Львов, Шингарев, Керенский".

Когда наступила ночь 2 марта, члены Временного правительства собрались, чтобы обсудить другие, наиболее важные вопросы. Мы все по-прежнему с нетерпением ждали вестей от Гучкова и Шульгина. Мы понимали, что любая попытка передать власть регенту будет иметь тяжкие последствия, и из частных разговоров с коллегами я сделал вывод, что почти все они относятся к самому этому факту спокойно. Милюков из всех единственный, кто держался до конца, отстаивая эту идею. Гучков и Шульгин по причине отсутствия не могли изложить свою точку зрения. Однако все согласились с тем, что приближается критический момент.

ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ

Первые сообщения о происшедшей 27 февраля революции царь воспринял спокойно. Неизбежные беспорядки в связи с разрывом с Думой предусматривались в его плане восстановления абсолютизма, а командующий специальными вооруженными силами, дислоцированными в Петрограде, генерал Хабалов заверил царя, что "войска выполнят свой долг". Несколько гвардейских кавалерийских полков были отозваны с фронта, как и обещал царь перед своим отъездом 22 февраля в Ставку Протопопову, и уже двигались в направлении столицы.

Утром 27 февраля к царю с отчаянной просьбой обратился его брат, Великий князь Михаил Александрович, умоляя царя прекратить беспорядки, назначив такого премьер-министра, который будет пользоваться доверием Думы и общественности. Однако царь в весьма резкой форме посоветовал Великому князю не вмешиваться не в свои дела и приказал генералу Хабалову использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для подавления бунта. В тот же день царь отдал приказ генералу Иванову отправиться в Царское Село. На следующий день царь и сам выехал в Царское Село.

На узловой станции Дно, через которую шел путь в Царское Село, комиссар по железнодорожному транспорту Бубликов распорядился остановить императорский поезд, а также второй состав с его свитой. Узнав, что путь через станцию Дно закрыт, царь после лихорадочных консультаций с приближенными приказал отправить составы в Псков, где находился штаб командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Путь в этом направлении был еще свободен. 1 марта в 7.30 вечера царь прибыл в Псков, где его встретил генерал Рузский с офицерами своего штаба.

Согласно показаниям его советников, во время этой нелегкой поездки царь не проявлял никаких признаков нервозности или раздражения. В этом и не было ничего удивительного, ибо царь проявлял всегда какую-то странную способность равнодушно воспринимать внешние события. Однако я убежден, что за этим напускным неестественным спокойствием Николая II скрывалось глубокое душевное напряжение:

он, должно быть, к тому времени осознал, что все его планы провалились, и он полностью утратил власть.

Царь, прибывший в Псков, был совсем не тем человеком, который всего лишь за день до этого выехал из Могилева, намереваясь положить конец "мятежу". Все его сторонники словно испарились. Теперь он готов был пойти на любые уступки ради сохранения боевой мощи России накануне решающего весеннего наступления против армий Вильгельма II, которого так презирал и ненавидел.

В тот вечер царь заслушал в своем личном вагоне доклады генерала Рузского и начальника штаба фронта о происшедших за время его поездки событиях. Доклады никаким образом не изменили состояния его духа.

В 11.30 вечера генерал Рузский передал царю только что полученную телеграмму от генерала Алексеева, в которой генерал сообщал "о растущей опасности распространения анархии по всей стране, дальнейшей деморализации армии и невозможности продолжать войну в сложившейся ситуации". В телеграмме также говорилось о необходимости опубликовать официальное заявление, желательно в форме Манифеста, которое внесло бы хоть какое-то успокоение в умы людей, и провозгласить создание "внушающего доверие" кабинета министров, поручив его формирование председателю Думы. Алексеев умолял царя незамедлительно опубликовать такой манифест и предлагал свой проект документа. Прочитав телеграмму и выслушав соображения Рузского, царь согласился обнародовать манифест на следующий день.

Немедленно по принятии этого решения царь направил генералу Иванову телеграмму (2 марта, 00.20), в которой потребовал не предпринимать никаких акций до его прибытия и доклада ему Иванова.

Затем царь распорядился о возвращении на фронт всех тех частей, которые были направлены в Петроград для подавления мятежа силой оружия. В два часа ночи, как рассказывал нам генерал Рузский, царь подписал манифест о создании правительства, ответственного перед законодательной властью. Этот манифест никогда не был опубликован.

Стихийное революционное движение из Петрограда перекинулось на фронт, и в 10 часов утра 2 марта генерал Алексеев, установив связь с командующими всех фронтов, а также Балтийского и Черноморского флотов, предложил им, ввиду катастрофического положения, умолить царя ради сохранения монархии отречься от престола в пользу наследника Алексея и назначить регентом Великого князя Михаила Александровича. Командующие во главе с Великим князем Николаем Николаевичем с удивительной готовностью согласились с этим предложением.

В 2 ч 30 мин Алексеев передал это решение царю, который почти тотчас же сообщил о своем отречении. Но царь отрекся от престола не только от своего имени, но и от имени своего сына, назначив своим преемником брата Михаила Александровича. Одновременно он назначил князя Львова Председателем Совета министров, а Великого князя Николая Николаевича — главнокомандующим вооруженными силами России. Однако за исключением ближайших советников царя никто в России ничего не знал об этом решении Николая II.

Первое сообщение о неожиданном шаге царя было получено вечером 3 марта от Гучкова и Шульгина во время заседания нового правительства и членов Временного комитета. После объявления этой новости наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол Великого князя Михаила невозможно. Никто из членов Временного комитета не возразил. Мнение собравшихся, казалось, было единодушным.

Вначале Родзянко, а затем и многие другие изложили свои соображения касательно того, почему Великий князь не может быть царем. Они

утверждали, в частности, что он никогда не проявлял интереса к государственным делам, что он состоит в морганатическом браке с женщиной, известной своими политическими интригами, что в критический момент истории, когда он мог бы спасти положение*, он проявил полное отсутствие воли и самостоятельности и так далее.

Слушая эти малосущественные аргументы, я понял, что не в аргументах как таковых дело. А в том, что выступавшие интуитивно почувствовали, что на этой стадии революции неприемлем *любой* новый царь.

Неожиданно попросил слово молчавший до того Милюков. С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, *кому* суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя.

Шингарев на правах старого друга своего партийного лидера попытался выступить в поддержку Милюкова, однако его доводы прозвучали слабо и неубедительно.

Однако время было на исходе, занималось утро, а решение так и не было найдено. Самым важным было не допустить до принятия окончательного решения опубликования акта отречения царя в пользу брата.

По общему согласию заседание было временно отложено. Родзянко отправился в Военное министерство, которое имело прямую связь со Ставкой, и связался с генералом Алексеевым, который сообщил ему, что акт отречения уже распространяется на фронте. Родзянко дал ему указание немедленно это прекратить. Указание было исполнено, однако еще до его получения на некоторых участках фронта солдатам уже сообщили об отречении, и они стали присягать новому суверену. Я возвращаюсь к этому эпизоду, потому что он привел к весьма неприятным осложнениям в ряде воинских частей, солдаты которых начали подозревать генералов в интриганстве.

Когда Родзянко вернулся в Думу после своего телефонного разговора с Алексеевым, мы решили связаться с Великим князем, который, возвратившись из Гатчины, остановился у княгини Путятиной в доме № 12 по Миллионной, и информировать его о событиях минувшей ночи. Было 6 утра, и никто не решился обеспокоить его в столь ранний час. Но в такой ответственный момент вряд ли стоило думать о соблюдении этикета, и я решил сам позвонить домой княгине. Должно быть, там все уже были на ногах, поскольку на мой звонок немедленно ответил личный секретарь и близкий друг Великого князя, англичанин Джонсон. Я объяснил положение и спросил, не согласится ли Великий князь принять нас утром между 11 и 12 часами. Утвердительный ответ последовал через несколько минут.

Во время обсуждения вопроса о том, какую позицию нам следует занять на встрече с Великим князем, большинство высказалось за то,

---

*Утром 27 февраля в Мариинском дворце состоялась встреча Великого князя с Родзянко, Некрасовым, Дмитрюковым и князем Голицыным. Члены президиума Думы и Председатель Совета министров потребовали от Великого князя возглавить кавалерийские части Петроградского гарнизона и немедленно принять меры к восстановлению порядка. Однако Великий князь постарался уйти от принятия самостоятельного решения и заявил, что ему нужно переговорить по этому поводу с братом и просить его о назначении нового Председателя Совета министров.

чтобы разговор от нашего имени вели Родзянко и князь Львов, а остальные бы присутствовали в качестве наблюдателей.

Однако, как я и предполагал, с возражением против этого выступил Милюков, сказавший, что он имеет право, как государственный деятель и как частное лицо, в этот жизненно важный момент истории России высказать Великому князю свою собственную точку зрения. После краткой дискуссии по моей инициативе было решено предоставить Милюкову столько времени для изложения его взглядов Великому князю, сколько он сочтет необходимым.

В 11.00 4 марта началась наша встреча с Великим князем Михаилом Александровичем. Ее открыли Родзянко и Львов, кратко изложившие позицию большинства. Затем выступил Милюков, который в пространной речи использовал все свое красноречие, чтобы убедить Великого князя занять трон. К большому раздражению Михаила Александровича Милюков попросту тянул время в надежде, что разделявшие его взгляды Гучков и Шульгин, вернувшись из Пскова, поспеют на встречу и поддержат его. Затея Милюкова увенчалась успехом, ибо они и впрямь подоспели к концу его выступления. Но когда немногословного Гучкова попросили высказать свою точку зрения, он сказал: ”Я полностью разделяю взгляды Милюкова”. Шульгин и вовсе не произнес ни слова*.

Наступило короткое молчание, и затем Великий князь сказал, что он предпочел бы побеседовать в частном порядке с двумя из присутствующих. Председатель Думы, в растерянности бросив взгляд в мою сторону, ответил, что это невозможно, поскольку мы решили участвовать во встрече как единое целое. Мне подумалось, что коль скоро брат царя готов принять столь важное решение, мы не можем отказать ему в его просьбе. Что я и сказал. Вот каким образом я ”повлиял” на выбор Великого князя.

Снова воцарилась тишина. От того, кого выберет для разговора Великий князь, зависело, каким будет его решение. Он попросил пройти с ним в соседнюю комнату Львова и Родзянко.

Когда они вернулись, Великий князь Михаил Александрович объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось созвать Временное правительство.

Вопрос был решен: монархия и династия стали атрибутом прошлого. С этого момента Россия, по сути дела, стала республикой, а вся верховная власть — исполнительная и законодательная — впредь до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного правительства.

---

*Причина их сдержанности вскоре объяснилась. Дело заключалось в следующем: на Варшавском вокзале по их возвращении из Пскова тысячи железнодорожников собрались на митинг, чтобы приветствовать Гучкова и Шульгина, однако как только Гучков, читая акт отречения, дошел до пункта о передаче власти Великому князю Михаилу Александровичу, толпа пришла в такую ярость, что обоих делегатов пришлось вывести через боковую дверь, чтобы избежать самых неприятных последствий.

Глава 14

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Не раз перечитывал я эти строки во дни своей молодости, но лишь после падения в России монархии до меня дошел их подлинный смысл.

Благословен человек, которому выпадает на долю пережить роковые поворотные годы в мировой истории, ибо он получает возможность заглянуть в глубь истории человечества, стать свидетелем того, как разрушается мир старый и возникает новый. Он видит, что в основе своей развитие жизни определяется не столько экономическими "законами", сколько столкновением воли разных людей, их противоборством в попытке создать новую жизнь на обломках старой.

С момента падения монархии в феврале 1917 года до наступившего в октябре того же года краха свободной России я был в центре событий. Я действительно оказался в их фокусе, в центре, вокруг которого бушевал водоворот человеческих страстей и противоречивых амбиций и шла титаническая борьба за создание нового государства, политические и социальные принципы которого коренным образом отличались от тех, что определяли жизнь прежней Российской империи. Для населения страны падение монархии произошло совершенно неожиданно, в критический момент войны России с Германией, и сопровождалось столь же неожиданным развалом всей административной государственной машины. Перед нами встала задача создать завершенную структуру нового государства.

С первых же дней существования Временного правительства в его адрес стали поступать из всех уголков России, из больших городов и далеких деревень, а также с фронта многочисленные приветственные послания с выражением поддержки. Однако наряду с ними со всех концов страны стали поступать тревожные сообщения о параличе местной власти, о полном развале административного аппарата и полиции. Казалось, Россия вот-вот погрязнет в мятежах, грабежах и неконтролируемом насилии. Если бы это и впрямь произошло, страна тотчас потерпела бы поражение от германской и австрийской армий.

Но этого не произошло и, главным образом, потому, что подавляющее большинство населения, независимо от классовой, религиозной или расовой принадлежности, осознало, что крушение монархии стало кульминационным пунктом их долгой и нелегкой борьбы за освобождение, которое определяло главное содержание современной истории.

Поэтому на какой-то момент все групповые, классовые и личные интересы были отброшены в сторону, а все разногласия забыты. Как писал в те дни князь Е. Н. Трубецкой, Февральская революция стала уникальным явлением в истории, поскольку в ней приняли участие все слои общества. То был исторический момент, породивший "мою Рос-

сию" — идеальную Россию, которая заняла место России, оскверненной и загаженной Распутиным и ненавистной всем монархией.

Непопулярные чиновные лица были буквально сметены со своих постов, а многие из них — убиты или ранены. Рабочие на заводах, прекратив работу, принялись устранять неугодных им управляющих и инженеров, вывозя их в тачках за пределы предприятий.

В некоторых районах крестьяне, памятуя 1905—1906 годы, стали на свой лад решать аграрный вопрос, изгоняя помещиков и захватывая их земли. В городах самочинные "защитники свободы" начали проводить аресты "контрреволюционеров" и тех, кто был замешан в грабежах.

После трех лет войны до предела уставшие на фронте солдаты отказывались подчиняться своим офицерам и продолжать войну с врагом.

Перед Временным правительством стояли четыре наиболее важные задачи. Вот они, в порядке очередности.

1) Продолжить защиту страны. 2) Воссоздать по всей стране действенный административный аппарат. 3) Провести необходимые коренные политические и социальные реформы. 4) Подготовить путь для преобразования России из крайне централизованного государства в федеральное.

Весной 1917 года положение в России, как внутреннее, так и международное, стало настолько критическим, что возможно скорейшее осуществление этой программы приобрело жизненно важное значение для сохранения самого существования страны. Но осуществить ее предстояло в стране, политически и социально абсолютно непохожей на ту Россию, в которой зародилось и появилось на свет новое правительство. Это правительство, как указал в своей речи Милюков в первый день революции, было призвано осуществить программу "Прогрессивного блока". Но "Прогрессивного блока" как такового уже более не существовало. С падением монархии социальная структура страны неузнаваемо изменилась. В авангарде политической жизни неожиданно оказалось подавляющее большинство населения, ранее лишенное каких-либо прав принимать участие в управлении страной. В то же время среднее сословие, которое до этого играло положительную и активную роль в экономической и политической жизни, было отброшено на задворки, а помещичья аристократия, столь тесно связанная со старым режимом, и вовсе исчезла со сцены.

В этих условиях новой Россией могли руководить лишь такие люди, которые, безусловно, понимали, что призваны управлять не вчерашней Россией, а той новой Россией, которая стремится к осуществлению многовековых чаяний русского народа, то есть демократическое правительство, основывающее свою деятельность на законе и социальной справедливости. Именно эту главную цель революции видели перед собой все, за единственным исключением, члены нового правительства — те представители "высшего среднего класса", которые, по твердым убеждениям левых социалистических доктринеров, были призваны управлять от имени "буржуазии". По мнению этих левых, 27 февраля 1917 года знаменовало лишь начало "жирондистской" стадии революции. Несмотря на очевидную абсурдность этой идеи, она имела самые тяжкие, на деле фатальные, последствия для будущего.

Воспоминания о первых неделях существования Временного правительства связаны с самым счастливым временем моей политической карьеры. Нас было 11 в этом правительстве, из них 10 принадлежали к либеральной и умеренно-консервативной партиям. Я был единственным социалистом, и левая пресса вскоре стала иронически называть меня "заложником демократии". Наш председатель, князь Львов, вел свое

происхождение от Рюриковичей и, следовательно, принадлежал к старейшему роду, который правил Россией 700 лет. И несмотря на это, всю свою жизнь он стремился улучшить участь крестьян и в течение длительного времени являлся активным участником борьбы против быстро разлагающегося монархического абсолютизма. В Союзе земств он настойчиво отстаивал право крестьян быть представленными в политической жизни страны. Он стал одним из основателей либерального течения в земствах, которое с начала века играло роль авангарда в борьбе за Конституцию, приведшей к манифесту 17 октября 1905 года. По натуре это был застенчивый сдержанный человек, который мало говорил, но был прекрасным слушателем. Он обладал выдающимся организаторским талантом и его огромный моральный авторитет проявил себя в создании им Всероссийского союза земств. Князь Львов никогда не придерживался партийных взглядов, и после кратковременного сотрудничества в I Думе с партией народной свободы он уже никогда не входил ни в какие партии, ни в политические или заговорщические организации. В этом глубоко религиозном человеке было что-то славянофильское и толстовское. Приказам он предпочитал убеждения и на заседаниях кабинета всегда стремился побудить нас к общему согласию. Его часто обвиняли в слабоволии. Такое обвинение было абсолютно безосновательным, в чем я и убедился, познакомившись с ним в декабре 1916 года. Он "слепо" верил, как утверждал Гучков, в неизбежный триумф демократии, в способность русского народа играть созидательную роль в делах государства. И не уставал и на людях, и в частных разговорах повторять слова: "Не теряйте присутствия духа, сохраняйте веру в свободу России!"

Я до сих пор с трудом понимаю, каким образом с самого первого заседания кабинета мы в своих дискуссиях достигали немедленного и полного согласия относительно того, что следует предпринять. Всех нас объединяло чувство долга, которое мы ставили превыше принадлежности к какой-либо партии. К сожалению, это чувство оказалось недолговечным, и в дальнейшем Временное правительство не отличалось более такой убежденностью, солидарностью и взаимным доверием. Однако факт остается фактом: первый месяц после революции всеми нами, правильно или неправильно, руководило лишь одно соображение: высшие интересы народа.

Некоторые мои личные друзья, которых я знал с первых дней существования Временного правительства, не раз говорили мне потом, что эти представления отражали лишь мои благие пожелания и что мы никогда не были столь едины, как мне это казалось. Как бы то ни было, но первые дни революционных преобразований в России запечатлелись в моем сознании как ощущение свершившегося чуда. И думается, что подобное ощущение испытали даже наиболее рационально мыслящие из нас люди.

В поразительно короткий период времени мы смогли заложить основы не только демократического управления, но полностью новой социальной системы, которая гарантировала ведущую роль в делах нации трудящимся массам и которая впервые ликвидировала все политические, социальные и этические ограничения.

Иначе и быть не могло, по той простой причине, что эта полностью новая система явилась прямым отражением воли бесспорного большинства населения.

В библиотеке Гуверовского института хранятся оригиналы стенограмм заседаний Временного правительства. Просматривая их много лет спустя, я сам был поражен тем огромным объемом законодательных актов, принятых в первые два месяца после Февральской революции. Как

нам удалось добиться столь многого в такой короткий срок? Ведь, в конце концов, помимо принятия законов правительство должно было заниматься продолжением войны и улаживать бесчисленные повседневные административные дела. Более того, в залы Мариинского дворца и приемные министров непрерывным потоком шли посетители и делегации, представители местных органов новой власти и национальных меньшинств. Это было невероятно трудное, горячее время, время бесконечных дневных и ночных заседаний кабинета, всевозможных конференций и выступлений на массовых митингах.

В первые недели после революции ни один министр нового правительства не мог позволить себе отказаться от участия в таких митингах по той простой причине, что потрясенные и обеспокоенные быстрым поворотом событий люди жаждали вновь обрести уверенность, выслушав правдивый отчет о происходящем непосредственно из уст членов нового правительства, которому, как они полагали, можно доверять. В этом вихре безумной активности мы тем не менее умудрились утвердить огромное количество новых законов и не в последней степени потому, что наш предшествующий опыт общественной деятельности дал нам возможность хорошо узнать чаяния и нужды всех слоев населения.

Все мы, за исключением князя Львова, Терещенко и Мануйлова, обрели такой опыт, когда в качестве депутатов Думы объехали всю Россию вдоль и поперек. Князь Львов тоже глубоко понимал проблемы местного управления, долгие годы находясь на службе в земстве. Бывший ректор Московского университета, член редколлегии ведущей либеральной газеты "Русские ведомости" Мануйлов был экспертом в области просвещения. Самый молодой член правительства Терещенко был ведущей фигурой в промышленном мире юга России, а во время войны вместе с А. И. Коноваловым занял пост заместителя председателя Военно-промышленного комитета, возглавляемого А. И. Гучковым. Кроме того, у него были хорошие связи в военных кругах и в петроградском обществе.

Наряду с большим опытом членов нового правительства важную роль в проведении столь обширной и бурной законодательной деятельности сыграло то обстоятельство, что практически все высшие чиновники прежних министерств и других правительственных учреждений остались на своих местах при новом правительстве и, за редким исключением, работали с огромным энтузиазмом*. Многие из них часто трудились ночи напролет, готовя проекты новых законов и предложения по реформам. Их глубокие познания и подготовленность находились на самом высоком уровне, и крайне прискорбно, что позднее, в мае, некоторые из вновь назначенных министров от социалистических партий начали заменять этих опытных гражданских служащих своими коллегами по партии, которые не имели ни малейшего представления о работе правительственных учреждений.

Несмотря на все трудности, порожденные войной и развалом старой администрации, Временное правительство провело в жизнь с одобрения всей страны широкую законодательную программу, заложив тем самым прочные основы для преобразования России в развитое государство. Даже Ленин, готовясь в октябре к захвату власти, не мог не воздать должного проделанной нами работе, написав: "Революция (Февральская. — *Прим. А. К.*) сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны"**.

Конечно же Ленин при этом обвинил Временное правительство во всех

---

*Большой чистке Временное правительство подвергло лишь министерство внутренних дел. Практически все высшие чиновники были смещены со своих постов и заменены новыми.

***Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

смертных грехах капитализма и в той же статье, из которой взята вышеприведенная цитата, он ни словом не упомянул о глубоких *социальных* реформах — аграрной и в области рабочего законодательства, которые оно провело в жизнь. До нынешнего дня молодое поколение в России остается в неведении относительно того, что за короткий промежуток времени после Февральской революции Временное правительство предоставило народам России не только политическую свободу, но и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благосостояние.

Для полного ознакомления с законодательной деятельностью Временного правительства читатель может обратиться к изданным мною документам по этому вопросу*, а здесь я лишь подытожу главные моменты. Первостепенную важность конечно же имели политические и гражданские права. Была установлена независимость судов и судей. Были ликвидированы все "специальные" суды, а все "политические" дела, или дела, связанные с государственной безопасностью, отныне стали подлежать рассмотрению в суде присяжных, как и все обычные уголовные дела. Были отменены все религиозные, этнические и сословные ограничения, провозглашена полная свобода совести. Восстановлена независимость православной церкви, и в марте был созван специальный церковный совет для подготовки Собора, который подтвердил бы автономию церкви. Собор открылся 15 августа. Всем другим церквам, сектам и религиям была предоставлена полная свобода обращать приверженцев в свою веру. Женщинам были предоставлены те же политические и гражданские права, что и мужчинам.

При участии представителей всех партий, всех общественных организаций и всех этнических групп был разработан закон о выборах в Учредительное собрание, в основу которого были положены всеобщее избирательное право и пропорциональное представительство. На мой взгляд, однако, включение в закон пропорционального представительства явилось ошибкой. На тех же избирательных принципах было также установлено городское и сельское самоуправление.

Закон о кооперативах предусматривал включение кооперативного движения в экономическую систему страны, как одного из ее компонентов. Между прочим, следует отметить, что этот закон о кооперативах, как и законы о профсоюзах и местных органах управления, готовились представителями всех этих организаций. И вообще, Временное правительство стремилось привлечь к работе по созданию нового порядка как можно больше людей, вызывая тем самым у населения чувство ответственности за судьбу всей страны.

В области экономической и социальной реформы главным вопросом был, конечно, вопрос о земле. Меры, предложенные Временным правительством, носили революционный характер, ибо предусматривали полную передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Всего через три недели после падения монархии новое правительство опубликовало декрет об аграрной реформе. Он был подготовлен новым министром сельского хозяйства членом либеральной партии кадетов А. И. Шингаревым. Временное правительство стремилось предоставить разработку важнейших деталей реформы именно тем, кто в ней был более всего заинтересован. Для этого был создан Главный земельный комитет с отделениями по всей стране, члены которых выбирались на основе нового избирательного закона. И пока вырабатывались детали реформы, всеми текущими делами, связанными с землей, занимались эти местные комитеты.

20 мая Главный земельный комитет опубликовал директиву об общих принципах, лежащих в основе будущей реформы: "В соответствии

---

* The Russian Provisional Government, 1917.

с новыми потребностями нашей экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий страны основным принципом предстоящей земельной реформы должна стать передача всей обрабатываемой земли тем, кто ее обрабатывает".

Это недвусмысленное решение в пользу крестьян вызвало ярость крупных помещиков, и их стремление сорвать земельную революцию стало одним из тех мотивов, которые стояли за попыткой свергнуть в августе Временное правительство. Большевики со своей стороны, пытаясь помешать мирному ходу земельной реформы, всеми силами стремились вызвать в этот переходный период анархию и замешательство в крестьянских массах. Действуя по инструкциям Ленина, им удалось летом и осенью 1917 года побудить наиболее отсталые и невежественные элементы в деревне взять осуществление закона в свои руки, что вылилось в разграбление помещичьих усадеб, уничтожение и разворовывание зерна.

Естественно, Временное правительство, опираясь на поддержку всех демократических и социалистических партий, стремилось положить конец, прибегая в редких случаях к силе оружия, злонамеренному подрыву этой, величайшей в истории Европы, аграрной реформы. Некоторые весьма влиятельные деятели демократических и социалистических партий, как внутри России, так и за рубежом, позднее писали, что Временное правительство проводило в жизнь земельную реформу "слишком медленно". Но они так и не смогли объяснить, как ее можно было осуществить быстрее на бескрайних просторах России, в разгар ужасной войны и в самую горячую пору сбора урожая, от которого в предстоящем году зависело продовольственное снабжение армии, да и всей страны.

Ожидалось, что к осени земельные комитеты завершат подготовительную работу и правительство внесет законопроект о земельной реформе на утверждение Учредительного собрания. А весной 1918 года земля законным путем будет передана крестьянам и они не станут, как это случилось позднее, рабами одного-единственного земледельца — государства.

Трудовое законодательство Временного правительства предоставило рабочим независимость и беспрецедентные права. Все эти права им предстояло утратить при большевистском режиме "рабочих и крестьян". Несмотря на военное время, Гучков немедленно ввел на всех государственных оборонных предприятиях 8-часовой рабочий день. В результате его инициативы этот распорядок стал нормой и на промышленных предприятиях всего частного сектора. По предложению министра торговли и промышленности А. И. Коновалова владельцы частных предприятий пришли к соглашению с Петроградским Советом о введении 8-часового рабочего дня. Были созданы арбитражные суды, а рабочие комитеты* и профсоюзы получили практически полную автономию. Временное

---

*5 сентября 1915 года в швейцарском городе Циммервальд открылась международная конференция европейских социалистов. Задачей конференции являлось объединение тех политических партий и групп, которые оказались в состоянии раскола после распада II Интернационала в начале войны 1914 года. В принятой резолюции конференция отразила свою половинчатую позицию. Точка зрения циммервальдцев может быть выражена одной фразой: мы не стоим ни за поражение, ни за оборону; мы занимаем нейтральную позицию в империалистической войне капиталистических государств. Их целью было — организовать рабочих на борьбу за быстрое окончание войны без победителей и побежденных. После Февральской революции большинство русских циммервальдцев признали необходимость защиты России, однако многие из них психологически не были готовы к сотрудничеству с "буржуазной демократией". И. Г. Церетели и В. М. Чернов, занимая руководящее положение в партии, до самой революции неколебимо придерживались Циммервальдской программы.

правительство сделало все, что было в его силах, чтобы обеспечить равноправное положение организованной рабочей силы и промышленников.

В заключение хотел бы сказать несколько слов о деятельности Временного правительства при решении трудного вопроса о национальных меньшинствах. Временное правительство признало, что свободная демократическая Россия не может оставаться централизованным государством, и немедленно осуществило практические меры для отказа от политики угнетения, которую проводил старый режим в отношении нерусских народов империи. В первые же дни после падения монархии оно провозгласило независимость Польши и восстановило полную автономию Финляндии. Летом автономия была предоставлена также Украине. Несколько ранее, в марте, к участию в работе новой администрации на Кавказе, в Туркестане и в Балтийских губерниях были привлечены представители различных национальностей всей империи. В начале июля была создана комиссия для выработки необходимых законов в целях преобразования России на основах федерализма.

Из этих кратких заметок о внутренней политике Временного правительства можно видеть, что установление в России политической демократии одновременно привело к торжеству социальной демократии. По возвращении в Россию в 1917 году Ленин сказал, что "...Россия сейчас самая свободная страна в мире из воюющих стран...", где отсутствует насилие над массами*.

ВОПРОС О ВЛАСТИ

Если вся деятельность правительства, те реформы, которые я описал выше, в конечном счете не дали результатов, то это в огромной степени объясняется тем, что Временное правительство оказалось неспособным решить проблему создания стабильного демократического режима для осуществления и закрепления этих реформ.

В этой связи характерно третье заседание Временного правительства, состоявшееся днем 4 марта, о котором я сохранил самые живые воспоминания. В тот раз мы впервые собрались вне стен Таврического дворца, вдали от революционного водоворота, бурлящего вокруг здания Думы. Вместо этого мы встретились в министерстве внутренних дел, где находилась резиденция князя Львова.

Я помню ту торжественную тишину, которая царила в просторном конференц-зале, где мы сидели, ощущая на себе тяжелые взгляды дюжины прежних министров старого режима, чьи портреты висели на стенах. Полагаю, именно там, в окружении портретов прежних властителей, а не восторженной революционной толпы в Думе, каждый из нас вдруг впервые осознал всю меру своей причастности к тому, что произошло в России за последние несколько дней, и чудовищную тяжесть лежавшей на нас ответственности.

Князь Львов еще не приехал, однако никому из нас не хотелось, как это было всегда прежде, вести какие-либо разговоры. Наконец из внутренних комнат появился князь Львов с кипой телеграмм в руке. Не поздоровавшись по своему обычаю с каждым в отдельности, он направился прямо к своему креслу и, положив перед собой телеграммы, сказал: "Поглядите, что происходит, господа. Со вчерашнего дня подобные телеграммы в огромном количестве поступают со всех концов Европейской России. И это не те послания с выражением поддержки, которые все вы читали. Это — официальные сообщения из губернских

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

центров и многих более мелких городов. В них говорится примерно одно и то же: после первого известия о падении монархии местная власть, начиная с губернатора и кончая последним полицейским, разбежалась, а те чиновники, особенно в полиции, которые или не захотели, или не успели убежать вовремя, арестованы всякого рода самозваными революционными властями и общественными комитетами".

Воцарилась мертвая тишина, каждый напряженно думал о том, что предпринять. Здесь мы находились в центре борьбы, а огромные пространства страны попали в руки абсолютно неизвестных людей!

Не помню, кто нарушил тишину: "Да ведь то же самое происходит здесь, в Петрограде, и тем не менее нам удалось восстановить хоть какую-то власть!". Очнувшись от оцепенения, все возбужденно заговорили. Забыл подробности, однако отчетливо помню выводы, которые с необычной для него уверенностью сделал князь Львов: "Нам следует полностью забыть о прежней администрации — любое обращение к ней психологически совершенно невозможно. Однако без управления Россия погибнет. Администрация ушла, но народ остался. И народу не однажды приходилось в прошлом переживать подобные трудности. Посмотрите, например, на Москву... К нам поступили сведения, что демократическим партиям с помощью членов городской думы и кооперативов вполне удалось стабилизировать обстановку... Нам, центральному правительству, бессмысленно отдавать приказы, если на местах нет властей, способных их выполнять. Господа, мы должны проявить терпение. Мы должны сохранить веру в здравый смысл, государственность и лояльность народов России".

Слушая Львова, я впервые осознал, что его великая сила проистекала из веры в простого человека, она напоминала веру Кутузова в простого солдата. Нам действительно не оставалось ничего другого, кроме веры в народ, терпения и отнюдь не героического понимания того, что назад у нас дороги нет. Даже при самом большом желании мы не могли бы передать кому-либо власть — по той простой причине, что передать ее было некому!

К концу заседания мы пришли к согласию о том, что для создания новой машины управления нам следует прежде всего установить связь с надежными людьми в губерниях и уполномочить их занять места бывших губернаторов для преобразования механизма местного управления. Туда, где таких людей не найдется, немедленно направить достойных представителей из Петрограда. Двумя неделями позже, когда выяснилась полная несостоятельность отправки "комиссаров" из Петрограда и передачи функций прежних губернаторов председателям местных земств, было принято решение назначать в качестве комиссаров Временного правительства тех людей из местных жителей, которых выбрали или рекомендовали местные общественные комитеты. По примеру Москвы в такие комитеты, как правило, входили представители всех наиболее важных учреждений и организаций.

За этот метод назначения местных представителей нового правительства князь Львов впоследствии подвергся нападкам критиков, обвинявших его в "мягкотелости" и отсутствии административных навыков. Однако никто из его критиков, как в самом правительстве, так и вовне, не смогли предложить какой-либо другой путь создания механизма местной администрации в условиях, когда центральное правительство России вообще не располагало какими бы то ни было средствами для усиления своей власти. В тот период демагогам не составляло особого труда толкнуть рабочих и солдат, утративших чувство дисциплины, на путь любых крайностей, и в эти первые недели после революции силы разрушения нередко мешали развитию процесса упрочения новых государственных социальных структур.

Как можно было вести борьбу с этими разрушительными силами, не имея пулеметов, о которых так мечтал В. В. Шульгин, один из самых

разумных консервативных членов Думы, примкнувших к "Прогрессивному блоку"? Как можно было погасить волну слепой ненависти ко всему, что хоть отдаленно напоминало о прежнем царском режиме, ненависти, которую теперь огульно обратили против любой власти? Новое правительство было лишено какой-либо физической возможности навязать свою волю и единственным инструментом убеждения, находившимся в его распоряжении, было живое слово. Мильтон писал когда-то, что слово — великая сила, которую можно направить и на созидание, и на разрушение. В первые дни революции живое слово играло огромную роль — и на ниве добра, и на ниве зла.

Для нового правительства, стремившегося создать порядок из хаоса, особенно важно было понять потенциальные возможности такого оружия и использовать его в созидательных целях. Мало было писать и обнародовать сверхумные манифесты и статьи в газетах. Мало было создать новую административную машину. Надо было также, постоянно используя живое слово, противостоять силам разрушения, пробуждать в людях чувство личной ответственности перед нацией в целом.

В силу того что обстоятельства вознесли меня в революции на вершину власти и в силу того что мое имя в глазах народа стало своего рода символом новой жизни в условиях свободы, именно на мою долю выпало вести полемическую борьбу среди масс населения. Но у меня было немало союзников. Вместе со мной эту полемическую борьбу вели сотни тысяч людей из всех слоев населения, от скромных сельских учителей до московских профессоров.

В самые первые дни революции правительство направило меня на военно-морскую базу в Кронштадте. Разъяренная толпа матросов буквально на клочки разорвала командующего Кронштадтской крепости адмирала Вирена, убила нескольких офицеров и бросила сотни других в тюрьму, предварительно зверски избив их. Передо мной стояла задача добиться освобождения этих офицеров, безвинно пострадавших от рук матросов. Кроме живого слова в моем распоряжении не было никаких других средств убеждения.

Я прибыл туда с двумя адъютантами и, игнорируя все предупреждения, направился прямиком к главной площади Кронштадта, где проходили все митинги восставших матросов. Меня встретила зловещая тишина, взорвавшаяся злобными криками, едва я начал говорить. Было ясно, что вожаки матросов задались целью сорвать мое выступление. Когда шум немного приутих, я заявил, что прибыл по поручению Временного правительства, чтобы разобраться в происшедшем. Тут же поднялся один из вожаков и стал рассказывать о "зверствах", которым подвергались матросы в Кронштадте.

Я знал, что адмирал Вирен был из числа сторонников жесткой дисциплины и, возможно, проявлял излишнюю требовательность к своим офицерам и матросам, однако я также знал, что он никогда не допускал физических расправ и конечно же не совершал никаких зверств. Эту свою точку зрения я и изложил в ответной речи, которая произвела определенный эффект. Прибегнув только к силе слов, я смог внести успокоение в разъяренную толпу, и хотя мне не удалось добиться освобождения всех арестованных офицеров, тем не менее десяти из двадцати разрешили выехать в Петроград*.

* Борьба за освобождение офицеров длилась вплоть до июля, когда последним из них разрешили выехать в Петроград. В этой связи хотел бы отметить, что Кронштадт, как, впрочем, и Гельсингфорс, Свеаборг, Рига и сам Петроград, были очагами германской и большевистской активности. Мы в правительстве обычно между собой называли треугольник, образованный этими городами, "гнилым углом" России.

Князь Львов, как правило, обращался ко мне с просьбой отправиться в тот или иной район беспорядков, с тем чтобы живым словом сбить волну анархических настроений и оказать моральную поддержку здоровым и созидательным силам. Опираясь на собственный опыт и на выводы тех, кто с той же миссией ездил по стране, я с полным правом могу утверждать, что огромное большинство населения городов и деревень в те первые месяцы Февральской революции было практически не подвержено влиянию демагогов и смутьянов. Большинство людей с огромным воодушевлением занималось работой по созданию новой жизни. В течение летних месяцев 1917 года прошло бесчисленное множество митингов и конференций с участием представителей всех слоев общества, которые стремились выработать свои собственные планы коренных преобразований во всех областях экономической, социальной и культурной жизни страны. Они буквально засыпали правительство самыми разнообразными резолюциями и предложениями. Народы России быстро приобщались к процессу созидания новой жизни. И все это происходило не в противодействии правительству, а в полном согласии с ним.

СОВЕТ

Теперь коснусь весьма щекотливого вопроса об отношениях между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. К нему и сводился наиболее важный аспект всей проблемы власти после революции.

Члены правительства пришли к полному согласию относительно насущной необходимости как можно скорее включить в состав правительства представителей социалистических партий, поскольку их высокий политический и моральный авторитет в армии и среди гражданского трудящегося населения в значительной мере упрочил бы стабильность нового правительства. Нам представлялось необходимым сгладить ложное впечатление, будто русская демократия расколота на два лагеря — ”революционный” и ”буржуазный”.

Упрочению такого впечатления способствовали сами руководители Петроградского Совета, которые руководствовались при этом не столько истинными настроениями народа в целом, сколько своей партийной идеологией. Свое отношение к ”буржуазному” Временному правительству они продемонстрировали в одной из первых резолюций Исполнительного комитета, в которой выражалась готовность поддержать новое правительство лишь ”до тех пор, пока оно не посягает на права рабочих, завоеванные в результате революции”. Столь сдержанное отношение Петроградского Совета породило парадоксальное и нетерпимое положение, при котором новое национальное правительство ставилось в подчинение или, по меньшей мере, в зависимость от доброй воли местных органов, которые, пользуясь влиянием среди определенных слоев населения, способны были поставить под вопрос само существование законно созданного правительства.

Следует иметь в виду одно весьма важное обстоятельство: утром 27 февраля двухсоттысячный Петроградский гарнизон, абсолютно сбитый с толку происшедшими событиями, оказался без офицеров. Совет еще не был провозглашен, и в городе царил хаос. Было бы только естественно, если бы восставшие солдаты обратились за руководством к Думе, единственному тогда учреждению, пользовавшемуся каким-то моральным авторитетом. Однако в тот момент в Думе не оказалось ни одного офицера, у которого хватило бы смелости и здравого смысла взять на

себя командование гарнизоном, как это сделал в Москве подполковник Грузинов*. Городская дума в Петрограде не имела никакого престижа, а различные общественные организации оказались неспособны создать в первый день революции какое-либо подобие административного центра, представляющего демократические партии и организации. Да и Временный комитет Думы тоже колебался — брать на себя эту задачу, хотя все ведущие политические и общественные деятели поспешили предложить Думе свои услуги по восстановлению порядка в городе.

После полудня у Думы стали собираться группки тех из представителей социалистических партий, которые случайно оказались в Петрограде в этот день революции. Их мысли, естественно, обратились к Совету, возникшему в Санкт-Петербурге осенью 1905 года и сыгравшему столь фатальную роль в событиях того года.

У меня в памяти живо стоит воспоминание о нашей встрече с М. В. Родзянко в одном из коридоров Таврического дворца приблизительно в 3 часа пополудни того же дня. Он сообщил, что член Думы от меньшевиков Скобелев обратился к нему с просьбой предоставить помещение для создания Совета рабочих депутатов, дабы содействовать поддержанию порядка на предприятиях. ”Как вы считаете, — спросил Родзянко, — это не опасно?”

”Что ж в этом опасного? — ответил я. — Кто-то же должен, в конце концов, заняться рабочими”.

”Наверное, вы правы, — заметил Родзянко. — Бог знает, что творится в городе, никто не работает, а мы, между прочим, находимся в состоянии войны”.

Те, что проявили инициативу по созданию Совета, получили помещение, о котором просили, — большой зал Бюджетной комиссии и прилегающий к нему кабинет прежнего председателя комиссии. Не прошло и нескольких часов, как небольшая группка людей, имевших солидный опыт организационной и подпольной работы, создали Временный исполнительный комитет Совета. К нему примкнули Гвоздев и несколько его товарищей, только что вышедшие из тюрьмы. Незадолго перед тем из заключения освободился и ветеран Хрусталев-Носарь, прославившийся в качестве председателя Совета в 1905 году и с тех пор преданный полному забвению. Не найдя общего языка с членами нового Совета, он вскоре уехал в провинцию. К вечеру было опубликовано обращение к рабочим всех петроградских заводов и фабрик, призывающее их избрать своих делегатов и немедленно направить их в Думу на заседание Совета.

Здесь не место для подробного рассказа о том, как был создан Совет, однако хотел бы подчеркнуть, что его первый Исполнительный комитет был сформирован не на основе выборов, а просто на основе кооптации. К вечеру его состав, куда первоначально входили социалисты-революционеры и меньшевики, расширился за счет представителей народных социалистов и трудовиков. Большевики в создании Совета никакого участия не приняли и даже отнеслись к нему враждебно, поскольку существование его, видимо, не входило в их планы. Впрочем, ближе к ночи они тоже передумали и в Исполнительный комитет вошли Молотов, Шляпников и еще один или два их представителя.

С появлением большевиков сама сущность Совета как-то неожиданно изменилась. По предложению Молотова было решено, несмотря на протесты меньшевиков и некоторых социалистов-революционеров, обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов. В результате возникла организация

---

* Председатель Московского земства.

рабочих, в которой из трех тысяч членов две трети составляли солдаты и лишь одну тысячу — рабочие.

Размышляя о прошлом, не могу не вспомнить тогдашнего своего ощущения, что результатом внезапного изменения позиции большевиков в отношении Совета явился их успех в создании несоответствия в пользу военных: солдаты в Совете открыли большевикам прямой доступ в казармы и на фронт. И конечно же это также дало большевикам и другим лидерам Совета, таким, как Стеклов, который им симпатизировал, мощное оружие для ведения политической борьбы, особенно в столице, где гарнизон был особенно велик. Весьма знаменательно, что Стеклов настаивал на включении в конституцию Временного правительства пункта, запрещающего вывод из Петрограда тех воинских частей, которые, как считалось, приняли участие в борьбе против монархии.

Еще одним важным преимуществом Совета было психологическое воздействие размещения его в Таврическом дворце. В глазах политически неискушенных обывателей из-за непосредственной близости Совета к новому правительству этот институт представлялся им в какой-то мере равнозначным правительству и посему обладавшим властью в пределах всей страны. Более того, весьма условный и сдержанный характер той поддержки, которую оказывал Совет новой власти, неизбежно превращал в глазах рабочих и солдат наше истинно демократическое правительство в подозрительный по своим действиям "буржуазный" орган.

В этом меня окончательно убедила моя официальная поездка в Москву, которую я совершил 7 марта от имени Временного правительства. Когда я встретился с членами Московского Совета рабочих, его председатель заявил мне: "Мы приветствуем вас как заместителя председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Рабочие не желают, чтобы их представители входили в состав нового кабинета. Однако мы знаем, что пока вы являетесь его членом, мы избавлены от предательства. Мы вам доверяем"*. Такое выражение доверия только к одному члену правительства, а не к кабинету в целом было абсолютно недопустимо и в открытой форме отражало опасность, заключенную в той ограниченной поддержке, которую оказывал Совет новой власти. Из "благожелательной оппозиции" Совет превратился в источник безответственной критики нового правительства, которое он обвинял во всякого рода "буржуазных" грехах.

Не хочу быть односторонним или отрицать положительные аспекты работы, проделанной Советом. Помимо того что Совет добился восстановления дисциплины не только на заводах, но и в военных казармах, он внес огромный вклад в организацию регулярного снабжения Петрограда продовольствием, а также сыграл в высшей степени плодотворную роль в подготовке преобразовательных реформ во всех сферах. Его представители также предприняли попытки, не всегда, правда, успешные, восстановить нормальные отношения между солдатами и офицерами. Как Петроградский, так и Московский Советы направили на фронт многих мужественных и достойных людей, которые действовали в качестве комиссаров в различных фронтовых комитетах.

Повседневная критика, которую газета Совета "Известия" обращала в адрес правительства, была и полезна, и необходима, и правительство не боялось и не отвергало ее. Подобная критика, исходившая тогда со всех сторон, — как от Исполнительного комитета Думы, так и от правой прессы, — являлась неизбежным спутником демократии. Вред приносило лишь намеренное распространение лжи в целях подстрекательства масс.

* Цит. по: Русское слово. 1917. 8(21) марта.

Распространялись инсинуации, будто правительство намеревается возродить различные аспекты ненавистного прошлого. К счастью, при неограниченной свободе печати, общественное мнение — особенно наиболее ответственные органы демократической и социалистической прессы, — как правило, легко справлялось с такого рода экстремистской демагогией.

Главная трудность отношений с Советом заключалась в том, что руководители тех социалистических партий, которые возглавляли его, не ограничивались разумной критикой действий правительства, а стремились вмешиваться в дела политические. Отрицая это на словах, они на деле часто забывали о границе между критикой и вмешательством. Нередко они вели себя так, словно были облечены государственной властью, пытаясь даже вести свою собственную внешнюю политику, обвиняя правительство в "империалистических" замыслах.

Наилучшим образом характеризуют этот произвол Исполнительного комитета некоторые подробности его вмешательства в наши отношения с бывшим царем и его семьей.

Подписав акт отречения, Николай II 3 марта вскоре после полуночи выехал из Пскова в расположение Ставки в Могилеве, чтобы попрощаться со своими подчиненными, которые проработали под его руководством почти два года. Хотя переезд совершался в личном поезде и в сопровождении его обычной свиты, сам этот факт не вызвал никакого беспокойства ни в правительстве, ни в Думе, поскольку бывший царь был теперь в полной изоляции и не мог предпринять каких-либо самостоятельных шагов.

Вечером 3 марта в Таврическом дворце проходило второе заседание правительства. В какой-то момент, не помню точно время, меня вызвал с заседания член Исполнительного комитета Совета Зензинов. Не скрывая чувства тревоги, он спешил предупредить меня, что среди членов Совета царит глубокое возмущение нежеланием правительства воспрепятствовать поездке в Ставку бывшего царя. Он сообщил, что подстрекаемый одним из членов-большевиков (я полагаю, Молотовым), Совет принял резолюцию, требующую ареста бывшего царя и его семьи и предлагающую правительству осуществить такой арест совместно с Советом. Резолюция предлагала также князю Львову определить позицию правительства на тот случай, если оно откажется действовать и Совет сам осуществит арест. Зензинов также предупредил, что в любой момент для переговоров с правительством могут прибыть Чхеидзе и Скобелев, которые с этой целью были делегированы Советом.

Я немедленно возвратился в зал, где проходило заседание правительства, и сообщил о разговоре с Зензиновым. Кто-то, помнится, это был Гучков, сказал, что в свете бушующей ненависти к старому режиму нет ничего удивительного в беспокойстве солдат и рабочих по поводу поездки бывшего царя, тем не менее нам следует решительно пресечь любые попытки Петроградского Совета присвоить себе правительственные функции. Поскольку все согласились с такой точкой зрения, мы просили князя Львова объяснить делегатам от Совета, что, по твердому убеждению правительства, бывший царь не имеет никаких замыслов против нового режима, а решение относительно его будущего будет принято в ближайшие несколько дней. Ему также поручили передать им, что до тех пор нет никаких оснований для принятия каких-либо мер против других членов царской фамилии, поскольку все они искренне осуждали все, что происходило при дворе последние несколько лет. Как сообщил нам позднее князь Львов, его беседа с Чхеидзе и Скобелевым прошла в дружественных тонах.

Вопрос о судьбе свергнутого монарха был в высшей степени болезненным. В течение двух месяцев после падения империи так называемая

"желтая" пресса развернула злобную кампанию по дискредитации бывшего царя и его супруги, стремясь возбудить среди рабочих, солдат и обывателей чувства ненависти и мщения. Фантастические и порой совершенно недостойные описания дворцовой жизни стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись "полуофициальным" голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне. Либеральная и демократическая пресса в своих критических комментариях по поводу свергнутого монарха избегала духа сенсационности, но и в ней иногда появлялись статьи вполне трезвомыслящих писателей крайне сомнительного свойства. Мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что правление Николая II в изобилии предоставило пищу для этой кампании ненависти. Трагедия в Кронштадте*, эксцессы на Балтийском флоте и на фронте были и раньше серьезным сигналом. По сравнению с другими членами правительства я был значительно лучше осведомлен о господствующих в экстремистских левых кругах настроениях и пришел к твердому убеждению предпринять все от меня зависящее, чтобы не допустить сползания к якобинскому террору.

4 марта, на следующий день после предпринятой Советом попытки вмешаться в решение судьбы бывшего царя, умеренная позиция правительства в этом вопросе получила неожиданное и беспрецедентное с точки зрения истории подкрепление.

В то утро генерал М. В. Алексеев связался из Ставки по прямой линии с князем Львовым и сообщил, что накануне вечером Николай II передал ему листок бумаги с текстом своего послания князю Львову. Оно начиналось без всякого обращения и, по словам Алексеева, суть его сводилась к следующему: отрекшийся от престола царь поручил мне передать вам следующие его просьбы. Во-первых, разрешить ему и его свите беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с больными членами его семьи. Во-вторых, гарантировать безопасность временного пребывания ему, его семье и свите вплоть до выздоровления детей. В-третьих, предоставить и гарантировать беспрепятственный переезд в Романов (Мурманск)** для него самого, его семьи и свиты. Передавая вашему превосходительству изложенные мне просьбы, я настоятельно прошу правительство в возможно кратчайшие сроки принять решения по вышеизложенным вопросам, которые представляют особо важное значение как для Ставки, так и для самого отрекшегося царя. В послании Николая II содержалась и четвертая просьба: возвратиться после окончания войны в Россию для постоянного проживания в Крымской Ливадии***. Генерал Алексеев не зачитал по телефону четвертой просьбы, видимо, считая ее в высшей степени наивной.

Однако этот документ открывал дорогу к разрешению нашей проблемы. Сам царь предложил решение, достойное правительства свободной России.

5 марта генерал Алексеев направил Львову и Родзянко телеграмму с просьбой ускорить отъезд из Ставки бывшего царя и направить представителей для сопровождения его в Царское Село, отметив, что, чем скорее это произойдет, тем лучше будет и для Ставки, и для самого бывшего царя.

Отныне стало очевидным, что прежний царь сможет оставаться в России, лишь находясь под стражей. Вечером 7 марта в Могилев была

---

* Имеется в виду суд над матросами-большевиками, который вызвал стачку 120 тыс. рабочих столицы в конце октября 1916 года. — *Прим. ред.*

** То есть в порт, для отбытия в Англию.

*** The Russian Provisional Government. Vol. 1. P. 177. Точный текст телеграммы Алексеева см.: Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 53—54. — *Прим. ред.*

отправлена делегация из четырех членов, представлявших различные партии в Думе*, с инструкцией взять царя под стражу и препроводить его в Царское Село. 8 марта правительство опубликовало декрет, в котором приказывало взять бывшего царя под стражу, определив местом его пребывания Александровский дворец в Царском Селе. Все приготовления по содержанию бывшего царя под арестом возлагались на генерала Л. Г. Корнилова, который был отозван с фронта и назначен командующим Петроградского военного округа.

Когда 7 марта я выступал в Московском Совете, рабочие обрушили на меня град весьма агрессивных вопросов, в том числе и таких: ”Почему Николая Николаевича назначили главнокомандующим и почему Николаю II разрешено свободно ездить по всей России?” Такие вопросы, несомненно, были продиктованы чувством враждебности к правительству, и меня обеспокоил тот размах, который подобные настроения, характерные для Петроградского Совета, получили в Москве. Я понимал, что мой ответ рабочим должен быть четким, недвусмысленным и решительным: ”Великий князь Николай Николаевич был назначен Николаем II еще до его отречения, однако он не останется на посту Верховного главнокомандующего. Сейчас Николай II в моих руках, руках генерального прокурора. И я скажу вам, товарищи, что до сих пор русская революция протекала бескровно, и я не хочу, не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду. В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию”.

Это мое заявление (как и подобное сообщение князя Львова, переданное им Чхеидзе) о решении правительства просить правительство Великобритании предоставить убежище Николаю II** вызвало бурю возмущения против правительства в Исполнительном комитете Петроградского Совета.

Если бы лидеры Совета были заинтересованы в разумном и ненасильственном решении судьбы бывшего царя, они бы, конечно, поддержали выводы правительства, однако у большинства его членов были совсем другие замыслы. Они хотели бросить его в Петропавловскую крепость и затем повторить драму Французской революции, публично совершив казнь тирана. Это становится очевидным при ознакомлении с гневным заявлением Исполкома от 9 марта, в котором ”предписывается” принятие мер, по самой своей природе входящих только в компетенцию правительства: занятие войсками всех ключевых станций на пути следования бывшего царя; передача по телеграфу во все города ордера на арест бывшего царя, заключение его после ареста в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и т. д.

В 11.30 утра 9 марта бывший царь, сопровождаемый четырьмя делегатами Думы, прибыл на станцию в Царское Село. Он был встречен комендантами дворца и города и отправлен на их попечение в Александровский дворец, где его встретила жена и больные корью дети.

Позже, вечером того же дня, в Царское Село также прибыл представитель Исполнительного комитета Совета в сопровождении воинских подразделений на бронеавтомобилях. Этот представитель, чье имя было С. Масловский***, имел предписание арестовать Николая II и отвезти

---

* А. Бубликов, С. Грибунин, И. Калинин, В. Вершинин. — *Прим. ред.*

** Милюков встречался по этому вопросу 6 или 7 марта с английским послом Бьюкененом, а 10 марта Бьюкенен получил из Лондона телеграмму с положительным ответом.

*** Эсер С. Д. Масловский — впоследствии советский писатель С. Д. Мстиславский. — *Прим. ред.*

его в Петроград — то ли в Совет, то ли прямо в Петропавловскую крепость, это так никогда и не стало известно. К счастью, этот опасный шаг, имевший целью узурпировать власть правительства, завершился полным провалом. Воинские части во главе с офицерами, расположенные в Царском Селе, категорически отказались передать бывшего царя С. Масловскому, пока тот не предъявит ордер на арест за подписью генерала Корнилова, который нес перед правительством ответственность за безопасность бывшего царя и его семьи. Пытаясь выпутаться из глупого положения, С. Масловский заявил, что приехал лишь для проверки надежности охраны, однако в своем отчете Исполнительному комитету Совета от 10 марта он, в противоречии со своим утверждением, заявил, что бывшего царя "ему не передали".

Эта открытая попытка Петроградского Совета противопоставить себя правительству явилась единственным эпизодом, который дал повод возникновению легенды о "двоевластии", легенды, придуманной врагами правительства, как справа, так и слева, будто оно делило власть с Советом. С моей же точки зрения, этот случай лишь еще раз доказывает, что подобные попытки вмешательства не представляли угрозы моральному авторитету нового правительства. Экспедиция С. Масловского в Царское Село потерпела фиаско потому, что не получила народной поддержки, и потому, что угроза Совета порвать отношения с правительством не возымела никакого действия. Теперь мы почувствовали, что страна на нашей стороне, и мы сможем преодолеть растущую тенденцию к распаду дисциплины, к анархии. Мы почувствовали, что все здоровые и созидательные силы в стране инстинктивно тянутся к единственному центру государственной власти. И конечно же очень важным обстоятельством было то, что даже жители Петрограда в те жаркие лихорадочные дни между 8 и 10 марта не проявили ни малейшей симпатии к бессмысленному кривлянию самозваных руководителей едва оформившегося Совета.

Мое ощущение, что наше правительство действует в полном согласии с народом, подтвердилось в тот день, 7 марта, который я провел в Москве. Обращаясь к представителям различных общественных организаций с изложением платформы нашего правительства, я мог видеть своими глазами, что эта платформа соответствует стихийному стремлению людей самим выработать новую политическую и социальную систему взглядов и осуществить великие чаяния России о свободе, за которые отдано столько лет борьбы. Когда, например, выступая в комитете общественных организаций я говорил о том, что в ближайшее время правительство опубликует декрет об отмене смертной казни за политические преступления и все такого рода дела будут впредь подлежать рассмотрению в суде присяжных, мои слова были встречены с огромным и всеобщим воодушевлением*.

Едва я возвратился в Петроград из этой памятной поездки в Москву, не успев даже доложить правительству об ее итогах, как в мой кабинет зашел адъютант и сказал, что со мной хочет увидеться Стеклов. В то время он был одним из наиболее влиятельных членов Исполкома Совета, занимая при этом пост главного редактора "Известий". Это был наглый и довольно грубый человек. Без всякой подготовки он объявил, что Исполком в высшей степени недоволен моим заявлением в Москве о ближайшей отмене смертной казни и настоятельно рекомендовал нам во избежание серьезных разногласий с Советом еще раз обдумать свое

---

*В Москве я посетил Польский демократический клуб и объявил там, что в ближайшие дни правительство опубликует декларацию о восстановлении независимости Польши.

решение. Если мне не изменяет память, встреча со Стекловым состоялась 8 марта, во всяком случае до поездки Масловского в Царское Село. Слова Стеклова произвели на меня крайне тягостное впечатление, поскольку все образованные русские люди, включая меньшевиков и эсеров, всегда выступали против смертной казни. И, например, во времена так называемого столыпинского террора все они присоединили свой голос к движению протеста против смертной казни. Однако у меня не было никакого желания входить в обсуждение этого вопроса с моим посетителем. Я поблагодарил его за предупреждение и сказал, что сообщу о нем правительству. На этом и закончилась наша беседа. На следующий день я рассказал о визите Стеклова Скобелеву и Зензинову и просил их убедить членов Исполкома Совета отказаться от протестов против отмены смертной казни, решения, с одобрением встреченного по всей стране. Каково же было мое удивление, когда они сказали, что не имеют ни малейшего представления о заявлении Стеклова. "Тогда еще более важно выяснить, что же происходит! — воскликнул я. — И постарайтесь сделать это как можно быстрее. Со своей стороны я задержу опубликование декрета, чтобы не поставить Совет в неловкое положение". Судя по всему, кое-кто из членов Исполкома склонялся к идее якобинского террора и предпочитал действовать в вопросе о смертной казни за спиной своих коллег. Вскоре мне сообщили, что Совет не выступит с протестом против опубликования Декрета.

В стенографических отчетах о заседаниях Исполкома нет вовсе упоминаний о вопросе, касающемся отмены смертной казни. Очевидно, что после провала попытки арестовать царя и заключить его в Петропавловскую крепость проблема смертной казни перестала волновать Стеклова и его компанию.

Как я уже отмечал, этот эпизод с царем был единственной серьезной попыткой Совета выступить в роли правительства. После провала миссии Масловского руководители Совета осознали беспочвенность своих прямых посягательств на власть "буржуазного" правительства и сочли за лучшее в данных условиях попытаться влиять на ход событий путем наиболее тщательного "контроля" за деятельностью нового правительства. Такой курс нашел свое выражение в создании так называемой контактной комиссии, в задачи которой входил обмен информацией и установление связей между Советом и правительством. Не припомню, кому в Исполкоме Совета пришла в голову такая идея, однако, без сомнения, она возникла вследствие озабоченности членов Исполкома по поводу недостатка информации о том, что происходило в стране.

Что касается меня, то я от всего сердца поддержал этот план, поскольку, на мой взгляд, он представлял желанный первый шаг на пути осуществления моей надежды на включение в состав правительства представителей социалистических партий. В стенографическом отчете о заседании кабинета 10 марта зафиксировано мое предложение, чтобы князь Львов, Терещенко (министр финансов) и Некрасов (министр путей сообщения) представляли правительство в предлагаемой контактной комиссии. Такое предложение явилось результатом предварительных консультаций, состоявшихся накануне на закрытом заседании кабинета*.

---

*Следует отметить, что с самого начала мы взяли за правило обсуждать основополагающие вопросы внутренней и внешней политики на закрытых заседаниях кабинета без ведения секретариатом отчета, как это делалось на обычных "открытых" заседаниях. На закрытых сессиях стенографически фиксировалось лишь, *кто* внес то или иное предложение без изложения сути его обсуждения. Таким образом, в отчете от 10 марта имеется лишь простое упоминание о принятии моего предложения.

Со стороны Совета в состав контактной комиссии вошли меньшевики Чхеидзе, Скобелев, Стеклов и Суханов, а также эсер Филиповский*.

Сам я редко принимал участие в заседаниях контактной комиссии частично из-за того, что много времени проводил в поездках по стране, но также из-за позиции, занятой делегатами Совета, особенно Стекловым, которого с великим терпением выносил князь Львов.

Терпеливость князя Львова на проходивших переговорах была вознаграждена: удалось избежать многих потенциально опасных конфликтов, а лидеры Совета проявили более ответственный подход к событиям и к политике правительства, которую они теперь понимали гораздо лучше.

Тем временем положение в стране становилось все более угрожающим и для всех членов правительства стало ясно, что снять растущую напряженность в стране можно лишь, изменив состав Временного правительства, с тем чтобы более реально отразить действительную расстановку сил в стране, включив в состав кабинета представителей социалистических партий. Один только Милюков упорно отстаивал свою идею, что вся власть должна принадлежать исключительно представителям "Прогрессивного блока". Как это ни странно, но именно его взглядам на внешнюю политику суждено было ускорить кризис, приведший к изменению состава правительства.

По своей натуре Милюков был скорее ученым, нежели политиком. Не обладай он темпераментом бойца, который привел его на политическую арену, он скорее всего сделал бы карьеру выдающегося ученого. Вследствие своей прирожденной склонности ко всему относиться с исторической точки зрения, Милюков и исторические события склонен был рассматривать в плане перспективы, глядя на них с точки зрения книжных знаний и исторических документов. Такое отсутствие реальной политической интуиции при более стабильных условиях не имело бы большого значения, но в тот критический момент истории нации, который мы переживали в те дни, оно могло иметь почти катастрофические последствия.

Весьма прискорбным было то обстоятельство, что Милюков занял пост министра иностранных дел, исполненный решимости проводить в основных чертах ту же империалистическую политику, которой придерживался при старом режиме его предшественник Сазонов. Осенью 1916 года такая политика была вполне приемлема для некоторых членов "Прогрессивного блока", однако в марте 1917 года она уже, мягко выражаясь, безнадежно устарела.

Вскоре между Милюковым и остальными членами Временного правительства обнаружились резкие противоречия во взглядах на цели войны. Хорошо помню то закрытое заседание кабинета в самые первые дни его существования, на котором они проявились с полной очевидностью. Милюков докладывал о секретных соглашениях, заключенных в первые годы войны российским императорским правительством с Англией, Францией и Италией. Соглашения предусматривали грандиозный раздел военных трофеев между Францией, Англией и Россией.

---

*К ним позднее присоединился Церетели, один из лидеров социал-демократической фракции во II Думе, который в 1907 году был отправлен на каторгу и возвратился в Петроград в середине марта 1917 года. Он входил в состав так называемой сибирской фракции Циммервальдской группы. Церетели был одаренным, энергичным и мужественным человеком, который вскоре стал одним из лидеров "революционной демократии" и соответственно признал необходимость защищать родину.

Согласно этим секретным соглашениям, Россия получала не только долгожданные Босфор и Дарданеллы, но и обширные территории в Малой Азии.

Сообщение Милюкова поразило нас. Однако каково же было наше удивление, когда он рассказал нам о соглашении с Италией от 1915 года, согласно которому Италии в награду за вступление в войну на стороне Антанты были обещаны славянские территории вдоль всего Адриатического моря. Владимир Львов, человек крайне консервативного склада ума, вскочил с места и, возбужденно размахивая руками, воскликнул: "Мы никогда, никогда не признаем этих соглашений!" В обстановке всеобщего возбуждения лишь Милюков сохранил спокойствие и хладнокровие. В конце концов после бурных дебатов было принято решение тем или иным способом убедить наших западных союзников в необходимости пересмотреть эти соглашения и уж, во всяком случае, привести нашу политику в согласие с новыми убеждениями нашей общественности, теми убеждениями, которые никак не вписывались в дипломатические формулы прежних правящих кругов и политику бывшего министра иностранных дел Сазонова.

Кое-кто из нас напомнил Милюкову об одном важном инциденте из недавнего прошлого. Произошел он на втором заседании кабинета, когда мы еще располагались в здании Думы. 22 февраля поступила телеграмма французского правительства, в которой выражалось согласие на аннексию Россией австрийских и германских провинций Польши в обмен на согласие царского правительства на аннексию Францией левого берега Рейна. Мы тогда приняли решение игнорировать это предложение и немедленно вступить в переговоры с представителями польского народа с целью восстановления независимости этой страны.

Однако Милюков оставался глух ко всем соображениям. Вскоре на одном из закрытых заседаний кабинета произошла резкая перепалка между Милюковым и Гучковым, совпавшая по времени с выступлениями Милюкова по вопросу о Дарданеллах в духе Сазонова, которые могли привести к опасным последствиям из-за острой реакции на них в демократических кругах общественности. Защищая свою позицию, Милюков сказал: "Победа — это Константинополь, а Константинополь — это победа, и посему людям все время необходимо напоминать о Константинополе". На это Гучков резко возразил: "Если победа — это Константинополь, тогда говорите только о победе, поскольку победа возможна и без Константинополя, а Константинополь невозможен без победы... Думайте что хотите, но говорите лишь о том, что содействует укреплению морального духа на фронте".

Назойливость, с какой Милюков возвращался к одной и той же теме о Дарданеллах, озадачивала. Ведь он, как и Гучков и я, прекрасно знал, что генерал Алексеев из военных соображений был против любых авантюр в зоне проливов. Более того, как историк, он наверняка был знаком с выводом генерала Куропаткина, который еще в 1909 г. в своей книге "Задачи русской армии" писал, что России не только "невыгодно присоединять к себе Константинополь и Дарданеллы, но такое присоединение неизбежно ослабит ее и создаст опасность долгой вооруженной борьбы за удержание этого опасного приобретения"*.

На 24 марта было назначено заседание контактной комиссии, чтобы обсудить с представителями Совета во всей совокупности вопрос о целях войны. Однако это не помешало Милюкову дать накануне журналистам

---

* *Куропаткин А. Н.* Задачи русской армии. Спб., 1910. Т. 2. С. 525. — *Прим. ред.*

интервью с изложением своих взглядов по этому поводу. По моим указаниям, на следующее утро газеты опубликовали заявление о том, что Милюков выражал не взгляды Временного правительства, а свои собственные.

В результате такой акции делегаты от Совета еще до начала встречи поняли, что не смогут упрекать все правительство в том, будто оно придерживается взглядов Милюкова. Лидеры Совета смогли, таким образом, поддержать торжественную Декларацию о целях войны, которую правительство опубликовало 27 марта*. Основные принципы, определяющие наши цели в войне, были изложены следующим образом: "Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом теперь же заявить сегодня, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления мощи своей за счет других народов. Он не стремится к порабощению и угнетению кого бы то ни было".

Примечательно, что этот текст был выработан правительством за исключением слов: "не насильственный захват чужих территорий", которые были включены по настоянию руководителей Совета. Они не внесли каких-либо существенных изменений в декларацию, однако сам этот факт позволил представителям Совета в контактной комиссии заявить позднее в Совете, что настаивая на этом, они не допустили, чтобы "буржуазные империалисты" (и в частности Гучков) впоследствии искажали или неверно истолковывали смысл этого документа. В действительности ни сам Гучков, ни консервативные круги, которые он представлял, не имели в то время ни малейшего желания преследовать какие-либо "империалистические" цели.

К несчастью, Милюков не разделял стремления правительства не накалять страсти вокруг вопроса о целях войны. После опубликования правительственной декларации он дал понять, что не считает себя, как министра иностранных дел, связанным этим документом. Столь сенсационное заявление вызвало поток взаимных обвинений, в результате чего был нанесен огромный ущерб авторитету правительства, несмотря на его успехи в деле достижения взаимопонимания с Советом.

Взрыв ненависти к Милюкову в левых кругах подчеркнул ненадежность положения правительства. Упрямство министра иностранных дел породило кризис доверия, который был неизбежен с самого первого дня революции, вытекая из противоречия между составом правительства и соотношением сил в стране. Чтобы не дать России пережить новый и еще более опасный кризис, необходимо было устранить это противоречие.

Неоднократные публичные выступления Милюкова с изложением его личных взглядов были восприняты во всех революционных, демократических и социалистических кругах как свидетельство вероломства Временного правительства.

И хотя мы в высшей степени ценили единение, в условиях которого родилось правительство, хотя мы придавали огромное значение стремлению сохранить вплоть до созыва Учредительного собрания первоначальный состав кабинета, становилось все более очевидным, что дальнейшее пребывание Милюкова на посту министра иностранных дел создает в нынешних условиях смертельную опасность для единства

---

* Появилось в газетах 28 марта. — *Прим. ред.*

нации. Более того, нельзя было более терпеть положение, при котором руководители Совета, с их огромным влиянием и престижем, не разделяют ответственности за состояние дел в стране. В тот момент я, наверно, больше чем кто-либо другой из членов Временного правительства, ощущал настроение масс и осознавал настоятельную необходимость самых решительных шагов. Поздно вечером 12 апреля я сообщил представителям печати, что правительство намерено рассмотреть вопрос об отправке союзникам ноты, которая информирует их о пересмотре Россией целей войны.

В силу ряда причин мое заявление было опубликовано на следующий день в искаженном виде. Предвосхищая ход событий, газеты возвестили, что правительство уже обсуждает содержание ноты союзникам относительно новых целей в войне. На самом же деле, хотя некоторые из членов правительства сообщили о своем намерении поставить этот вопрос на обсуждение кабинета, ни одной такой дискуссии на заседаниях полного состава кабинета пока не было.

Исходя из чисто формальных соображений, Милюков совершенно оправданно стал настаивать на публикации официального опровержения правительства. Так, 14 апреля газеты сообщили, что правительство не обсуждало и не готовит никакой ноты по вопросу о целях войны. Такое опровержение вызвало бурю возмущения и, как и предполагалось, Милюков был вынужден согласиться на отправку союзникам ноты относительно целей войны. К сожалению, общественность неправильно истолковала такое решение, предположив, что правительство приняло его под давлением Совета и, еще того хуже, Петроградского гарнизона.

Учитывая деликатность положения, нота союзникам готовилась всем составом кабинета. Теоретически окончательный текст ноты, опубликованный в печати 19 апреля*, должен был удовлетворить даже самых ярых критиков Милюкова, однако дело к тому времени зашло настолько далеко и враждебность к Милюкову в Совете и в левых кругах достигла столь значительных размеров, что ни Совет, ни левые деятели были просто неспособны вынести здравое суждение и даже вникнуть в содержание нашей ноты. Атмосфера приобрела истерический характер.

Исполком Совета опубликовал решительный протест против "империалистической" ноты Временного правительства.

Ленин, недавно вернувшийся из Швейцарии, немедленно послал своих эмиссаров в солдатские казармы. 4 апреля солдаты Финляндского гвардейского полка в полном вооружении направились к Мариинскому дворцу с красными знаменами и лозунгами, осуждающими, в частности, Милюкова и Гучкова**.

Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов обратился к правительству за разрешением направить войска для защиты дворца, однако мы единогласно отклонили его предложение. Мы

---

* 19 апреля текст ноты был только получен в редакциях газет. — *Прим. ред.*

** В те дни считалось, что демонстрация войск возникла более или менее спонтанно, и ответственность за нее если и несет кто-либо, то лишь некий фанатический пацифист лейтенант Линде, и что Ленин и большевики к этому делу не имели никакого касательства. Знакомясь несколько лет назад с секретными германскими архивами во время работы в Гуверовском институте, я нашел документальные свидетельства, что все эти события были делом рук Ленина (см. гл. 18). (Ф. Ф. Линде — ученый, математик, философ служил в Финляндском полку в качестве рядового. В дни Февральской революции — избран в Исполнительный комитет Петроградского Совета. Выступление солдат этого полка состоялось 7(20) апреля 1917 года.) — *Прим. ред.*

были уверены, что народ не допустит никаких актов насилия в отношении правительства.

Наша вера полностью оправдалась. В тот же день на улицах города появились огромные толпы людей, выступивших в поддержку Временного правительства, и вскоре после этого Исполнительный комитет Совета выступил с заявлением, в котором отмежевался от антиправительственной демонстрации войск. Он также согласился опубликовать заявление с объяснением сути ноты министра иностранных дел, которая привела ко всем этим беспорядкам.

В действительности никаких объяснений не требовалось, ибо объяснять было нечего. Таким образом, в заявлении лишь предпринималась попытка успокоить общественное мнение и подчеркивалось, что сама нота выражает единые взгляды всех членов правительства.

ПЕРВЫЙ МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС

Мы все согласились с тем, что министерство иностранных дел должно перейти к человеку, способному более гибко проводить внешнюю политику государства. 24 апреля я выступил с угрозой выйти из состава кабинета, если Милюков не будет переведен на пост министра просвещения. Одновременно я потребовал немедленно ввести в правительство представителей социалистических партий. Кризис в кабинете достиг апогея 25 апреля, когда Милюков отказался принять портфель министра просвещения и вышел в отставку. В тот же день я направил заявление Временному комитету Думы, Совету, Центральному комитету партии социалистов-революционеров и группе трудовиков, в котором объявил, что отныне Временное правительство должно состоять не только из отдельных представителей демократических сил, но и людей "формально и прямым путем избранных организациями, которые они представляют". Я поставил свое дальнейшее пребывание в составе правительства в зависимость от принятия этого требования.

На следующий день (26 апреля) князь Львов послал официальное письмо Чхеидзе, предлагая ему выделить представителей различных партий, заинтересованных в переговорах об их вхождении в кабинет. Легко говорится, трудно делается. Против вхождения социалистов в правительство решительно выступили не только некоторые либералы, но и некоторые меньшевики и социалисты-революционеры (особенно Чернов и Церетели), которые в равной степени не желали сотрудничать с Временным правительством.

Вечером 29 апреля в Исполнительном комитете Совета состоялись бурные дебаты по вопросу о том, быть или не быть Совету представленным во Временном правительстве. В результате голосования незначительным большинством (23 голоса против 22-х) было принято отрицательное решение. При этом 8 человек воздержались. Социалисты-революционеры, меньшевики, народные социалисты и трудовики, за редким исключением, высказались за участие в правительстве.

Отрицательное голосование произвело неблагоприятное впечатление в демократических кругах, оно не отвечало и интересам большинства Исполнительного комитета Совета. Большевикам и другим непримиримым противникам сотрудничества с правительством удалось одержать на голосовании победу с преимуществом в один голос, и то лишь только потому, что сторонники вхождения в правительство не смогли мобили-

зовать на заседании 29 апреля все свои силы. Теперь они настаивали на повторном голосовании.

Оно состоялось в ночь с 1 на 2 мая. Я был приглашен на это заседание, с тем чтобы изложить взгляды правительства на создавшуюся ситуацию. Мое выступление, за которым последовало неожиданное сообщение об отставке Гучкова, помогло рассеять недоверие и создать в Совете здоровую атмосферу (см. гл. 15). Большинством в 25 голосов (44 — "за", 19 — "против") было принято решение об участии в правительстве. Из 19 голосовавших против 12 были большевики, 3 — меньшевики-интернационалисты и 4 — крайне левые эсеры. Теперь был открыт путь к расширению состава правительства.

С отставкой военного министра Гучкова прекратил свое существование первый кабинет Временного правительства, закончился первый период его деятельности. Перед роспуском первый кабинет Временного правительства обратился к народу с политическим завещанием, которое до сих пор волнует душу и сердце. Подытоживая баланс своего короткого, но крайне трудного и напряженного существования, правительство выступило со следующим предупреждением, которое оказалось ужасающе пророческим: "Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев, по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения, грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создает благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой — для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга.

Временное правительство считает своим долгом прямо и определенно заявить, что такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри страны и к поражению на фронте. Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущий гибель свободы. Губительный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, — путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма. Этот путь не должен быть путем русского народа"*.

---

*Этот текст был опубликован в газетах 26 апреля 1917 года. — *Прим. ред.*

НА РУССКОМ ФРОНТЕ

Глава 15

ВЕСНА ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА НИВЕЛЯ

Третий год войны (1917) должен был стать годом окончательной победы над центральными державами. Такова была суть решения, принятого военными руководителями Антанты на совещании в Шантильи 3 ноября 1916 года. На межсоюзническом совещании, состоявшемся в Петрограде в январе, делегаты Англии, Италии, России и Франции подтвердили протоколы совещания в Шантильи. Были разработаны планы военной кампании 1917 года, которая предусматривала ведение боевых действий на всех союзнических фронтах; по единодушному мнению участников встречи, решительное совместное наступление русских и румынских войск на севере и армий Антанты на юге должно будет неминуемо вынудить Болгарию немедленно выйти из войны. Русско-румынское наступление планировалось на первую неделю мая.

12 декабря 1916 года маршала Жоффра на посту главнокомандующего французской армии сменил генерал Нивель. Свою славу Нивель завоевал в ходе успешных наступательных действий под Верденом осенью 1916 года и в глазах французов был национальным героем.

Подготовка ко всеобщему наступлению проводилась ускоренными темпами, однако падение русской монархии 27 февраля неожиданно поставило Россию на грань катастрофы, как и положение на русском фронте. Сообщения о создавшейся ситуации генерал Нивель получил, должно быть, от главы французской миссии при русском Генеральном штабе генерала Жанэна.

Столь неожиданное и масштабное изменение в судьбе союзной страны, имеющей линию фронта в две тысячи километров, должно было бы послужить для нового главнокомандующего вооруженными силами союзников на Западе достаточным основанием для пересмотра плана или, по крайней мере, для отсрочки его осуществления.

И даже если бы генерал Нивель предпочел не принимать в расчеты возникший хаос в России, он не мог не знать, что в ноябрьских сражениях предыдущего года румынская армия была на голову разгромлена германскими и болгарскими войсками в Трансильвании и что с начала декабря Румыния была оккупирована немцами!

Тем не менее генерал Нивель, без каких-либо предварительных консультаций с русским Верховным командованием, принял решение начать военные действия на русско-румынском фронте не в мае, а в конце марта или в первых числах апреля. Исход наступления генерала Нивеля имел столь существенное воздействие на все последующее развитие событий первой мировой войны, что я позволю себе более или менее полностью процитировать соответствующие документы.

8 марта генерал Жанэн передал генералу Алексееву следующую записку Нивеля: "Генерал Жанэн... имеет честь передать... нижеследующую телеграмму, только что полученную им от генерала Нивеля:

"Прошу вас сообщить генералу Алексееву следующее: по соглашению с высшим английским командованием я назначил на 8 апреля (по новому стилю) начало совместного наступления на западном фронте. Этот срок не может быть отложен.

Неприятель начал отходить на части участка фронта английского наступления и деятельно готовится к дальнейшему развитию отходного движения на части фронта нашего наступления, обнаруживая этим свое намерение уклониться от боя при помощи маневра, который позволяет ему к тому же собрать новые и значительные силы. Нужно поэтому, чтобы мы начали наше наступление как можно скорее, не только для того, чтобы выяснить положение, но и потому, что отсрочить наше наступление значило бы сыграть на руку противнику и, кроме того, рисковать, что он опередит нас.

На совещании в Шантильи 15 и 16 ноября было решено, что союзные армии будут стремиться в 1917 г. сломить неприятельские силы путем единовременного наступления на всех фронтах с применением максимального количества средств, какое только сможет ввести в дело каждая армия. Я введу для наступления на Западном фронте все силы французской армии, так как буду добиваться *решительных результатов* (курсив мой. — *А. К.*), достижения которых в данный период войны нельзя откладывать.

Вследствие этого прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю). Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались одновременно (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными для того, чтобы остановить с самого начала одно за другим наши наступления...

Должен добавить, что никогда положение не будет столь благоприятным для [русских] войск, так как почти все наличные немецкие силы находятся на нашем фронте, и число их растет здесь с каждым днем!

Главнокомандующий".

В телеграмме, пришедшей вслед за этим, генерал Нивель обращает мое внимание на то обстоятельство, что вышеизложенная просьба находится в полном соответствии с соглашением, достигнутым союзниками по четвертому вопросу, обсуждавшемуся на последнем совещании в Петрограде, и просит меня, базируясь на этом соглашении, настаивать перед вашим высокопревосходительством на полном ее удовлетворении.

Жанэн"*.

В кратком ответе генералу Жанэну генерал Алексеев указывает на невозможность выполнения предложенного французским главнокомандующим плана и одновременно направляет Нивелю отношение, которое напоминает скорее указание подчиненному, нежели письмо равному по званию. В весьма сдержанной и спокойной манере генерал Алексеев объясняет Нивелю опасность, которую представляет для всех союзников его опрометчивый и чрезмерно поспешный план всеобщего наступления. С удивительной точностью он предсказывает последствия наступления союзников, не поддержанного наступлением на русском фронте. В отношении [от 13(26) марта 1917 года] говорится:

"Свидетельствуя свое совершенное почтение начальнику французской военной миссии в России, считаю своим нравственным долгом, во избежание тяжелых последствий от недомолвок, высказать с откровенностью свое мнение в дополнение письма от 9 марта № 2095.

1) Только что полученное от военного министра письмо указывает, что переживаемое Россией внутренне-политическое потрясение отразилось существенно на состоянии наших запасных частей (депо) всех внутренних округов. Части эти пришли в моральное расстройство и не могут дать действующей армии укомплектования ранее 3—4 месяцев, т. е. ранее июня—июля.

2) Та же основная причина отразилась на пополнении недостающего конского состава во всей армии.

3) Все это заставляет посмотреть прямо в глаза событиям и сказать с необходимой откровенностью, что мы не можем перейти в наступление даже в начале мая старого стиля, и можно рассчитывать на широкое участие в операциях только в июне—июле.

4) Эта обстановка допускает для нашего противника возможность или все резервы собрать на англо-французском фронте или значительными силами обрушиться на нас, чтобы использовать период нашего временного ослабления.

5) Полагаю, это обстоятельство должно внести известные перемены в соображения о действиях ближайшего времени и повлиять на решения французского верховного командования. Сообщение генерала Нивеля от 3(16) марта, что для наступления на Западном фронте он пустит в ход *все силы* французских армий и будет искать решительных результатов, особенно останавливает на себе внимание. Вынужденное и неизбежное, для сохранения в будущем, бездействие русской армии в ближайшие месяцы вынуждает, по мнению моему, не истощать до решительного момента французскую армию и сохранять ее резервы до того времени, когда совокупными усилиями мы будем способны атаковать врага на всех фронтах.

6) При условии нашего вынужденного относительного бездействия, полагаю, что англо-французской армии было бы целесообразе лишь

---

*№ 812, копия записки начальника французской военной миссии генерала Жанэна генералу Алексееву, содержавшей просьбу о начале наступления. Цит. по: Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 5 (30). С. 28—29.

медленное, осмотрительное движение за отходящим пртивником, занятие новой сильной оборонительной линии.

7) Это исключает, по моему мнению, желательность общей решительной атаки англо-французского противника, отходящего несомненно, на сильно укрепленную линию и, может быть, задумывающего выполнить обширный маневр в открытом поле, где свободное маневрирование резервов даст той или другой стороне счастливые случайности. Но в этой операции противник, опираясь на подготовленную укрепленную позицию, будет иметь несомненные преимущества.

Генерал Алексеев".

В ответ на это отношение генерал Нивель 15 марта сообщил, что операции британских войск уже начались, и он вновь настаивает на немедленном наступлении русских войск, добавив весьма нравоучительно, что "в настоящее время лучшим решением в интересах операции коалиции и, в частности, принимая во внимание общее духовное состояние русской армии, был бы возможно скорый переход этой армии к наступательным действиям".

Это новое требование и развязная ссылка на психологическое состояние русской армии привели генерала Алексеева в ярость. В телеграмме генералу Палицыну 2 апреля (20 марта) он сообщает:

"...если успокоение, признаки коего имеются, наступит скоро, если удастся вернуть боевое значение Балтийского флота, то, кто бы ни был верховным, он сделает все возможное в нашей обстановке, чтобы приковать к себе силы противника, ныне находящиеся на нашем фронте... Но ранее начала мая нельзя приступить даже к частным ударам, так как весна только что начинается, снег обильный и ростепель будет выходящей из ряда обычных"*.

Однако "генеральное наступление" уже началось. Остановить продвижение английских войск в секторе Аррас—Суасон было абсолютно невозможно. С этого времени события развивались в основном так, как и предсказывал Алексеев. Чрезмерно пылкий генерал Нивель допустил явный просчет, и английская и французская армии попали в западню. На севере англичане не смогли преодолеть германские оборонительные укрепления и, продвинувшись всего на несколько миль, были остановлены, понеся тяжелые потери. В Шампани французская армия также потерпела сокрушительное поражение, потеряв огромное число убитых.

Еще более тяжелыми были, пожалуй, последствия психологические. В ряде корпусов солдаты стали проявлять все большее недовольство офицерами; все шире распространялась антивоенная пропаганда; усилились требования о немедленном заключении мира. Напряжение достигло высшей точки, когда два корпуса, взбунтовавшись, начали поход на Париж. 15 мая генерал Нивель был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Петеном, который до того организовал оборону под Верденом и пользовался огромным уважением и престижем в армии.

Остановив поход взбунтовавшихся солдат на Париж и восстановив закон и порядок, почти не прибегая к тяжким репрессивным мерам, генерал Петен отвел нависшую над союзническими армиями угрозу. Проводя планомерный отход на новые позиции, которые он сам и выбирал, генерал все то лето и осень находился в обороне.

---

* Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 5 (30). С. 34.

Таким образом, безрассудная попытка Нивеля ввести в дело всю французскую армию и добиться решающих результатов без поддержки русского фронта окончилась поражением и не только сорвала возможность совместного наступления с востока и запада, но и лишила страны Антанты всех надежд на окончание войны в 1917 году.

Разногласия среди союзных держав позволили также германскому правительству и Верховному командованию принять пресловутый "генеральный план". Он был разумен и четок: прежде всего, прекратить все операции на русском фронте и вместо этого предпринять "мирное наступление" в сочетании с пораженческой пропагандой, парализуя тем самым русский боевой дух; во-вторых, перебросить все регулярные дивизии с русского фронта на Западный, сконцентрировав в том районе все силы германской армии; и, в-третьих, осуществить решающее сражение в Западной Европе прежде, чем Соединенные Штаты смогут оказать реальную и эффективную помощь союзникам.

Единственное средство сорвать этот хитроумный план заключалось в предотвращении распада русского фронта, в восстановлении воинской дисциплины и в возобновлении боевых действий, поскольку бездействующий и деморализованный фронт грозил превратить Россию в послушную жертву разрушительной пропаганды. И действительно, именно возобновление военных действий на русском фронте сделало невозможной в конечном счете победу Германии в первой мировой войне.

Позднее генерал Гинденбург подтвердил в своих мемуарах, что в 1917 году русское Верховное командование разгадало цели германского "мирного курса" на русском фронте, избрало для русской армии правильный стратегический план действий и полностью выполнило его.

РУССКИЙ ФРОНТ

Деморализация русских войск осенью и зимой 1916 года побудила царя прибегнуть к чрезвычайным мерам в тщетной попытке подготовить весеннее наступление. Действуя по наущению исполняющего обязанности начальника Генерального штаба генерала Гурко, царь принял решение о реорганизации армии.

Следуя "прямой воле" царя и твердым убеждениям Гурко, было решено, вопреки возражениям командующих Северным, Западным и Юго-Западным фронтами, перебросить дополнительно 20 дивизий с вышеуказанных фронтов на Румынский фронт. К лету для операций на европейских фронтах предполагалось сформировать 21 дивизию. Еще одно решение предусматривало реорганизацию по германскому образцу корпусов, состоявших из двух дивизий, в корпуса из трех дивизий. В процессе формирования находилось 70 тяжелых артиллерийских батарей. Наступление на русском фронте планировалось начать в начале мая, когда будет завершено строительство железнодорожных путей в сторону Румынии.

Будь в то время генерал Алексеев в Ставке Верховного главнокомандования, этот план никогда не появился бы на свет божий, ибо с военной точки зрения радикальная реорганизация армии и транспортной системы за несколько месяцев до начала наступления была абсолютно неосуществима даже в том случае, если она проводилась по "прямой воле" царя.

В разгар этой-то поспешной и хаотической реорганизации из столицы пришла весть об отречении царя. Сообщение о перевороте в Петрограде было с огромным энтузиазмом воспринято солдатской массой и многими офицерами. Высшие командиры, которые, как и Дума, и Ставка, с самого начала требовали отречения царя в пользу наследника, видя в этом единственное средство сохранения монархии, были захвачены врасплох происшедшим. Но у них не возникало и мысли попытаться восстановить власть династии. Как и следовало ожидать, психологическая реакция на фронте была той же, что и во всей стране.

На первый взгляд падение монархии и последовавший за ним развал всего правительственного и административного аппарата никак не сказались на фронте. Создавалось впечатление, что структура действующей армии, включая внутреннюю связь — от командиров отдельных фронтов до рядовых солдат в окопах, — осталась в неприкосновенности.

Однако все это было лишь на поверхности. Недоверие к Верховному командованию, которое неудержимо нарастало в нижнем эшелоне в те несколько месяцев, которые предшествовали катастрофе, в первые недели после революции вырвалось наружу и привело к взрыву, подорвав саму основу дисциплины — доверие солдат к офицерам.

Привычный для солдат распорядок фронтовой жизни был нарушен, и солдаты занялись дискуссиями, стали митинговать, беспрерывно обсуждая, когда и как смогут вернуться домой, и отказываясь выполнять приказы. Ощущая утрату своего авторитета, в полной растерянности от создавшейся ситуации, офицеры колебались, стоит или не стоит вообще отдавать какие-либо приказы.

В первые недели после падения монархии вся страна прошла через кризис, но именно на фронте этот кризис приобрел наиболее глубокие и опасные черты. Ведь с потерей дисциплины армия неизбежно разлагается и теряет свою боеспособность.

В этот-то начальный период разложения в действующей армии и стали впервые выбираться комитеты. Одновременно с этим Дума и Петроградский Совет начали направлять на фронт своих делегатов, с тем чтобы рассказать солдатам о прошедших событиях и внести успокоение в их души.

Но не прошло и нескольких недель, как непререкаемый авторитет Думы среди солдат стал постепенно уменьшаться и ее делегаты стали поспешно ретироваться из фронтовых воинских частей. Таково было следствие отказа Думы в первый день революции от руководящей роли в общенациональном революционном движении.

С другой стороны, делегаты Совета, действуя от имени рабочих и крестьян, стали быстро набирать в армии силу — именно им доверили выступать в качестве комиссаров, ответственных за всю деятельность созданных комитетов, а также в качестве посредников между комитетами и офицерами. То же самое произошло и на флоте.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, большевистские агенты под личиной делегатов и комиссаров внедрились в армию; такое нетрудно было осуществить в первые дни революции, когда "комиссарские мандаты" выдавали всем без исключения, не удосуживаясь проверить, с какой целью претендент на мандат отправляется на фронт.

Германское правительство давно мечтало о разрыве стального кольца, которым Антанта окружила Германию, и наконец-то увидело возможность осуществления своего "генерального плана".

Действуя по инструкции германского главнокомандования, главнокомандующий Восточным фронтом баварский кронпринц Леопольд вне-

запно прекратил все боевые действия против русских, и над германскими позициями нависла мертвая тишина. Неожиданно принц Леопольд превратился в апостола мира, в друга русских солдат и злейшего врага империалистических поджигателей войны.

Расположения русских войск были засыпаны листовками за подписью принца. В них он призывал русских солдат замиряться с германскими братьями по другую сторону окопов и обещал не вести против них боевых действий. Он также требовал опубликования секретных договоров между Россией, Англией и Францией, поощрял недоверие к русским офицерам и называл членов Временного правительства не иначе как наймитами франко-английских банкиров.

Уставшие от войны русские солдаты, в большинстве своем крестьянская молодежь, наспех обученная и недавно надевшая форму*, становилась легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры, представители высшего российского сословия, выступают против него.

Германское Верховное командование было отлично осведомлено обо всем том, что происходило на русской стороне, и полностью этим воспользовалось. Немецкие солдаты стали выбираться из своих окопов, переползать к русским "товарищам" и брататься с ними. Со временем немцы и вовсе осмелели и начали посылать на русскую сторону офицеров с белыми флагами, которые обращались с просьбой передать штабному начальству предложение о перемирии. Некоторые русские батареи пытались отогнать непрошеных гостей орудийным огнем, однако такие действия вызывали волну возмущения, особенно в "третьих дивизиях", ставших злосчастным изобретением генерала Гурко.

Активным участником всех этих спектаклей был немецкий лейтенант по фамилии Волленберг, которому позднее, в 1918 году, его германские начальники поручили помочь Ленину в создании интернациональных батальонов. В 30-х годах Волленберг, к тому времени политический эмигрант, посетил меня в Париже. Он подробно рассказал мне о том, как воплощались в жизнь германские замыслы развала русского фронта. Германское правительство рассматривало эту подрывную деятельность как крайне важную "технико-военную" миссию, к выполнению которой привлекались специально подготовленные группы офицеров и солдат.

Русские офицеры и члены полковых комитетов делали все возможное, чтобы противодействовать успеху германской пропаганды, однако все их усилия оказались тщетными: братание приобрело масштабы эпидемии. Блиндажи и окопы опустели, развал военной дисциплины мало-помалу достиг своего апогея. А тем временем регулярные германские дивизии одна за другой переправлялись на Западный фронт.

В такой успех для Берлина вылилось злонамеренное пропагандистское "наступление" Германии, вызывавшее в России все растущую тревогу за судьбу фронта.

Незадолго до возвращения в Петроград Ленина, 15 марта 1917 года, в "Правде" появилась статья не кого иного, как Иосифа Сталина**, только что вернувшегося из ссылки.

"Война идет. Великая Русская Революция не прервала ее. И никто не питает надежд, что она окончится завтра или послезавтра. Солдаты,

---

*Две трети солдат-пехотинцев погибли или получили ранения в предыдущие годы, и, по словам Брусилова, армия превратилась в "милицию".

**Так у автора. Имеется в виду статья Л. Каменева. — *Прим. ред.*

крестьяне и рабочие России, пошедшие на войну по зову низвергнутого царя и лившие кровь под его знаменами, освободили себя, и царские знамена заменены красными знаменами революции. Но война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти.

Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряды — снарядом. Это непреложно.

Революционный солдат и офицер, свергшие иго царизма, не уйдут из окопа, чтобы очистить место германскому или австрийскому солдату и офицеру, не нашедшим еще в себе мужества свергнуть иго своего собственного правительства. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции! Война должна быть закончена организованно, договором между освободившими себя народами, а не подчинением воле соседа-завоевателя и империалиста".

Несмотря на все попытки противостоять пагубному воздействию германской пропаганды, солдаты в окопах продолжали с энтузиазмом заниматься братанием.

Однако выдержать столь долгое затишье на фронте было не в характере принца Леопольда и его начальника штаба генерала Гоффмана. Соблазн был слишком велик, и они в конце концов не устояли перед искушением.

Без всякого предупреждения германские части перешли в наступление в районе реки Стоход в расположении армии специального назначения. Наступление началось 21 марта в разгар половодья, и русский корпус под командованием генерала Леща был полностью разгромлен.

В Берлине были в высшей мере раздосадованы самоуправством генерала Гоффмана и его несанкционированными операциями, которые легко могли сорвать планы развала русской армии мирными средствами. Генералу приказали немедленно прекратить военные действия, а победу на реке Стоход было решено отразить в официальном коммюнике по возможности в наиболее сдержанных тонах*.

Однако германскому правительству не удалось скрыть правду от русской общественности и русской армии, поскольку подробный отчет о том, что произошло, был сразу же помещен на страницах русских газет. Весть о поражении на реке Стоход потрясла Россию и породила глубокую тревогу относительно общего положения на фронте. Эту тревогу еще более усугубило заявление германского Верховного командования, беспрецедентного за всю историю войн. В заявлении, подписанном Гинденбургом, наступление в районе реки Стоход характеризова-

---

* "...После небольшого перерыва последовало повторение артиллерийской и газовой подготовки, а затем атака пехотой. На этот раз противнику удалось частично вклиниться в нашу оборону и занять первую линию окопов. Немцы снова понесли большие потери, но еще большие потери были от огня у наших дивизий, так как укрытия были в значительной части разрушены. Когда, после третьей артподготовки, немцы ввели свежие силы, наша пехота, находящаяся на плацдарме, не могла уже оказать сопротивления, а отвести войска через залитую водой долину было невозможно. Мы потеряли и плацдарм, и три дивизии" (*Горбатов А. В.* Годы и войны. Новый мир. 1964. № 3. С. 155).

лось как случайное "недоразумение", которое никогда впредь не повторится. Это обещание встречалось в заявлении неоднократно и действительно впоследствии не нарушалось.

Именно в этот момент (3 апреля) в Петроград прибыл Ленин. Это могло способствовать осуществлению планов генерала Гоффмана. Ленин резко изменил политику большевиков, нашедшую отражение в статье Сталина* в "Правде", и все его статьи, заявления и лозунги стали вселять надежду на успех пропагандистской кампании, развязанной принцем Леопольдом и его приспешниками.

Цели, которые преследовал Ленин и германские "миротворцы", были диаметрально противоположны и, безусловно, непримиримы, но средства их достижения у того и других — разрушение боевого духа России — совпадали. Большевистская зараза быстро распространилась по телу армии. Все попытки возобновить подготовку к боевым действиям встречали решительное сопротивление солдат по всему фронту. Были роты, полки и даже целые дивизии, где в комитетах доминировали большевистские пораженцы и платные германские агенты. Комитеты подвергали офицеров и комиссаров в этих подразделениях непрерывной травле. Приказы не выполнялись, а командиров, которые не пришлись по вкусу комитетам, заменяли демагогами и бесчестными приспособленцами.

Несомненно, все это в высшей степени затрудняло восстановление боеспособности русской армии; и все же после Стохода и поражения армий генерала Нивеля германо-большевистская коалиция оказалась неспособной, по крайней мере на тот момент, достичь своей цели и полностью парализовать военные усилия России.

ВОЗРОЖДЕНИЕ БОЕВОГО ДУХА

Убеждение, что долг армии — защитить страну, находило все большее число сторонников на фронте.

В своем последнем письме генералу Нивелю (20 марта) генерал Алексеев писал: "...появились первые признаки нормализации положения и этому процессу содействует непосредственная близость врага".

И действительно, уже в начале апреля самые различные комитеты стали принимать решения об отправке в Петроград депутаций, наделенных полномочиями добиться немедленного возобновления в полном объеме производства на оборонных предприятиях и побудить нацию оказать всемирную поддержку защитникам страны.

На первом съезде делегатов солдат-фронтовиков, открывшемся 21 апреля, на котором с откровенными и аргументированными речами выступили Гучков и я, не нашлось практически никого, кто бы поддержал пораженческие взгляды Ленина. Принятая большинством участников резолюция точно отражала новые настроения солдат в окопах.

Тем не менее и в конце апреля продолжалась переброска германских дивизий с русского фронта на Запад.

Спокойная реакция германского Верховного командования на вспышку патриотических настроений в комитетах и войсках была вполне естественной и понятной, ибо Гучков и его сторонники не предпринимали для восстановления дисциплины на фронте никаких реальных мер, ограничиваясь словесными увещеваниями. Более того, они все более и более склонялись к капитуляции перед требованиями военной секции Петроградского Совета.

---

* Так у автора. Имеется в виду статья Л. Каменева. — *Прим. ред.*

В конце апреля Комиссия по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы*, представила военному министру свой проект о правах военнослужащих. Проект почти полностью воспроизводил положения пресловутой Декларации о правах солдат, опубликованной 9 марта военной секцией Петроградского Совета и получившей самое широкое распространение на фронте.

Поливановский проект лишал офицеров всякой дисциплинарной власти, даже в период непосредственных боевых операций, и узаконивал вмешательство комитетов в вопросы назначения, смещения и перемещения командного офицерского состава. Другими словами, он непосредственно противоречил политике Временного правительства, которое в первом же обращении к стране об основах своей политики подчеркивало, что пределы политических свобод военнослужащих ограничиваются необходимыми условиями военных и технических обстоятельств... (пункт 2) и что не допускаются никакие ограничения гражданских прав солдат при условии строгого соблюдения воинской дисциплины и выполнения воинского долга (пункт 8).

Гучков освободил генерала Поливанова от обязанностей председателя комиссии и назначил на этот пост своего ближайшего сподвижника, заместителя военного министра генерала Новицкого, дав ему указание внести изменения в подготовленный проект. Спустя два или три дня Новицкий сообщил Гучкову, что проект был единогласно утвержден без всяких изменений.

В этот момент, когда в армии наблюдалось явное возрождение боевого духа, Гучков, вместо того чтобы положить конец игре между генералами и малосведущими в военных делах гражданскими лицами, принял решение выйти из Временного правительства. О своем решении он объявил в письме князю Львову от 1 мая 1917 г., в котором говорилось: "Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота; условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России, — я по совести не могу далее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины, и потому прошу Временное правительство освободить меня от этих обязанностей"**.

Это письмо, опубликованное 2 мая, огульно возлагало вину за происходящее на всех членов Временного правительства, за исключением его автора. Порывая весьма неблаговидным образом с Временным правительством и демократическими элементами в России, чьей поддержкой он широко пользовался, Гучков рассчитывал объединить вокруг себя тех фронтовых офицеров, которые вследствие крушений монархии оказались в весьма затруднительном, а порой и невыносимом положении. Находясь на посту военного министра, Гучков утратил из-за тесной связи с Поливановским комитетом доверие Верховного командования, не завоевав при этом популярности среди солдат и матросов. В результате он оказался в полной изоляции.

Получив письмо Гучкова, князь Львов немедленно созвал заседание правительства, на котором было утверждено официальное заявление относительно отставки Гучкова. Тут же встал вопрос о преемнике

---

* Комиссию возглавлял генерал Поливанов, занимавший в 1915—1916 годах пост военного министра.

** The Russian Provisional Government, 1917. Vol. 3. P. 1267.

Гучкова. Поскольку его отставка была, несомненно, продиктована не только личным несогласием с политикой правительства, но и схожими взглядами многих высших военных чинов, Львов предложил проконсультироваться по этому вопросу с генералом Алексеевым, как Верховным командующим. Предложение было принято единогласно, и князь Львов поручил В. В. Вырубову* направить Алексееву письмо с просьбой назвать своего кандидата на пост военного министра.

Пополудни следующего дня, до начала заседания правительства, Львов пригласил меня в свой кабинет. Незадолго перед тем ему позвонил из Могилева Вырубов и сообщил, что Алексеев после совещания с командующими всех фронтов передал ему лист бумаги с двумя фамилиями — (1) Керенский и (2) Пальчинский**.

"Кандидатура Пальчинского, — сказал в раздумье Львов, — лишь подчеркивает то обстоятельство, что, с точки зрения всех командующих, только вы являетесь подходящим кандидатом, поскольку они, отдавая должное прекрасным организаторским способностям Пальчинского, понимают, что он недостаточно известен в общественных кругах и совсем неизвестен на фронте. Они понимают также, что нам нужен человек с вашим положением, которому доверяют страна и армия. Ваш долг — согласиться занять этот пост и вы не вправе отказываться".

Должен со всей откровенностью признаться, что с самого начала гучковского кризиса меня не оставляло предчувствие, что именно на меня ляжет тяжелое бремя его наследства. Может быть, это ощущение и побудило меня 29 апреля столь настойчиво отговаривать его от отставки, обещая всяческую поддержку и убеждая в том, что психологический климат на фронте изменился к лучшему. Сама мысль возложить на свои плечи такую огромную ответственность повергала меня в ужас, а посему я был просто не в состоянии дать немедленный ответ. Я ушел из зала заседания, пообещав вернуться как только приму решение.

Предавшись размышлениям в тиши своего кабинета в здании министерства юстиции, я поначалу посчитал для себя невозможным отказаться хоть на какое-то время от участия в принятии главных политических решений в составе правительства. Политическая ситуация внутри правительственной коалиции была настолько нестабильна, что пустить дела на самотек было нельзя. Придя к такому выводу, я было потянулся

---

* Председатель комитета Всерусского союза земств на Западном фронте в Минске.

** В личном письме ко мне, датированном 10 января 1958 года, Вырубов приводит такой отчет, взятый им из его неопубликованных мемуаров, о беседе с генералом Алексеевым: "Я передал послание князя Львова. Генерал Алексеев сказал: "Этот вопрос имеет столь важное значение, что я хочу обсудить его с командующими. Подождите немного". Я прождал полчаса. Вернувшись, генерал Алексеев вручил мне листок бумаги, на котором его мелким, но абсолютно разборчивым почерком было написано: (1) Керенский; (2) Пальчинский; затем он добавил: "Это не только мое мнение, но и мнение командующих". Признаюсь, я не ожидал такого ответа, поэтому спросил генерала: "А нет ли у вас кандидата из военных?" На что он ответил: "Мы полагаем, что в нынешний момент пост военного министра не должен занимать генерал".

П. Пальчинский, по профессии горный инженер, беспартийный политический деятель. Прекрасный организатор, активный член правительственного Совета обороны, созданного в 1915 году. Поначалу был членом исполкома Петроградского Совета и выступал посредником между исполкомом и командующим Петроградским военным округом генералом Корниловым. По приказу Временного правительства занял пост председателя Совета обороны.

к телефону, намереваясь сообщить о своем отказе, но тут мне неожиданно пришла в голову мысль о том, что́ ждет мою работу, правительство, Россию, если нам будет навязано "перемирие". Через два-три месяца полностью развалится русский фронт, на западе завершится успехом "генеральный план" Гинденбурга — Людендорфа, а Россия окажется во власти германских претендентов на мировое господство.

Этого нельзя допустить любой ценой! Никто в России не собирается заключать сепаратного мира с Германией. Россия не может допустить поражения своих союзников, ибо связана с ними общей судьбой. Замыслы Гинденбурга должны быть сорваны, а для этого необходимо возобновить военные операции на русском фронте.

После нескольких часов тяжелейшей внутренней борьбы я в конце концов пришел к выводу, что у правительства, у Верховного командования и у меня самого нет альтернативы, и позвонил Львову, сообщив ему о согласии занять предложенный мне пост.

Глава 16

НАСТУПЛЕНИЕ

К утру 2 мая, после напряженной пятидневной борьбы, развернувшейся внутри социалистических партий относительно предложения князя Львова направить своих представителей в кабинет, правительственный кризис был преодолен.

Немцы, которые оказались в значительной мере дезинформированными, получив от своих агентов неправильные данные о внутреннем положении и соотношении политических сил в России, продолжали в период апрельского восстания большевиков* подготовительную работу к проведению в той или иной форме мирных переговоров. Они считали, что отставка Милюкова и Гучкова станет решающим шагом на пути к сепаратному миру. Однако они просчитались.

5 мая новый кабинет**, в который теперь вошли социалисты, опубликовал декларацию. В первом пункте декларации говорилось, что "Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственный захват чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. И твердой уверенности, что с падением в России царского режима, утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе деклараций Временного правительства 27-го марта".

Во втором пункте, который определял роль вооруженных сил России, говорилось: "В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе, обрушились всей силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступатель-

---

* Автор имеет в виду апрельские демонстрации, в организации которых приняли участия большевики. — *Прим. ред.*

** Новыми членами Временного правительства стали: представители эсеров: В. М. Чернов — министр земледелия и П. М. Переверзев — министр юстиции; представители от социал-демократов меньшевиков: И. Г. Церетели — министр почт и телеграфа, М. И. Скобелев — министр труда; представитель народных социалистов А. В. Пешехонов — министр продовольствия; представитель кадетов князь Дмитрий Шаховской — министр государственного призрения. Министр финансов М. И. Терещенко получил пост министра иностранных дел; министр земледелия А. И. Шингарев — пост министра финансов, а А. Ф. Керенский стал военным и морским министром.

ных действиях будет являться важнейшей задачей Временного правительства"*.

Каким же образом могла русская армия помешать полному и окончательному развалу Западного фронта, что, несомненно, имело бы гибельные последствия для России? План Гинденбурга, как я уже отмечал ранее, предусматривал посредством мирной пропаганды и братания парализовать русский фронт, сконцентрировать всю мощь германской армии на Западном фронте и к концу лета, до прибытия американских войск, нанести там сокрушительный удар. Существовал лишь один способ, с помощью которого Россия могла сорвать этот стратегический план, — взять инициативу в свои руки и возобновить боевые действия. Другого не было дано. И мне, как военному и военно-морскому министру, надлежало в самые короткие сроки осуществить такую задачу.

Я приступил к исполнению своих новых обязанностей 2 мая и в тот же день встретился с товарищем министра генералом Маниковским, который отвечал в министерстве за технические дела — за военное снабжение и т. д. Я был знаком с ним по работе в Думе. В первые дни после падения монархии ему удалось восстановить порядок среди рабочих, занятых производством оружия и другой военной техники. После консультаций с министром торговли и промышленности Коноваловым Маниковский ввел на заводах и фабриках, находившихся под его контролем, 8-часовой рабочий день.

Коновалов порекомендовал мне прозондировать у Маниковского отношение руководителей военного министерства и Верховного командования к отставке Гучкова. Без упоминания конкретных имен Маниковский подробно рассказал мне о секретной встрече между Гучковым и представителями Верховного командования во главе с генералом Алексеевым, тревожные слухи о которой дошли до правительства. Он сказал, что встреча была проведена по его, Маниковского, инициативе, с тем чтобы обсудить Декларацию прав солдат, проект которой подготовил генерал Поливанов и его преемник генерал Новицкий**.

С самого начала обсуждение в комиссии Поливанова по проекту, первоначально подготовленному Петроградским Советом и опубликованному 9 марта в "Известиях", проходило отнюдь не гладко. Наоборот, представители военного ведомства во главе с Поливановым настойчиво стремились вести политику "непротивления злу" и под разными предлогами пытались лишь отсрочить публикацию декларации. Учитывая это обстоятельство, Маниковский на встрече с генералитетом предложил им вновь рассмотреть такой документ, удалить из него самые неприемлемые положения и немедленно опубликовать. Если это не будет сделано, то проект декларации будет просто похоронен, а руководители военного министерства и вместе с ними и все правительство предстанут в глазах военных как трусы и мошенники. Предложение Маниковского получило довольно резкий отпор: "Публикуйте, если желаете, но для нас он в данном виде неприемлем". На этом встреча была отложена.

Услышав столь драматический отчет, я в полной мере осознал, что злонамеренная отставка Гучкова может стать примером для других и что такую возможность следует немедленно предотвратить.

3 мая состоялось заседание Комиссии по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы (известной как поливановская комиссия). Я пришел на заседание и, обратившись к председателю комиссии Новицкому, немедленно попросил слова. Выступление мое было кратким. Отметив тяжелое положение России, как во-

---

* Вестник Временного правительства. 1917. 6(19) мая. № 49. С. 1.

** См. гл. 15.

ющей державы с бездействующим фронтом, я заявил, что растущая деморализация войск — следствие не только германской пропаганды, но и чрезмерной законодательной активности всякого рода комитетов и подкомитетов. Ситуация, сказал я, абсолютно нетерпимая и, если дело пойдет так и дальше, единственно, что нас ждет, — это развал армии и полное поражение от рук врага. Чтобы полностью убедить аудиторию в своей правоте, я рассказал о только что состоявшихся в Стокгольме переговорах между делегацией русских поляков и поляками из оккупированных немцами районов Польши. Известный польский политик А. Ледницкий с горечью поведал мне следующее. Когда "немецкие" поляки обратились к министру иностранных дел Циммерману с просьбой разрешить им поехать в Стокгольм, тот с подчеркнутой вежливостью ответил: "Вы конечно же можете отправиться в Стокгольм и заключать любые соглашения с русскими поляками. Для нас Российское государство как международная сила более не существует". Если бездействие России на фронте и развал боеспособности армии, ее дисциплины будет продолжаться и долее, то немцы, как и наши союзники, утратят к нам всякое уважение и будут полностью игнорировать наши законные интересы в будущем. Наш долг перед Россией, подчеркнул я, не только остановить разложение в армии, но сплотить ее вновь, воссоздать ее как эффективную боевую силу.

В предстоящей мне работе, как в армии, на фронте, так и в тылу, я не мог опираться на людей, не принявших безоглядно революцию как fait accompli* или сомневавшихся в наших возможностях возродить боевой дух армии в новой психологической атмосфере. Внешне такие люди вполне приспособились к новой ситуации, но внутренне они не могли от чистого сердца посвятить себя выполнению таких задач. В качестве ближайших соратников мне нужны были люди с независимыми суждениями, люди, готовые служить делу, а не личности. Мне нужны были люди, которые выстояли при старом режиме перед лицом всех безрассудств и тягот войны и которые полностью осознавали суть происшедшего переворота. Мне нужны были люди, которые верили, что русская армия не погибла, которые были убеждены, что здоровые политические силы на фронте и в тылу в конечном итоге преодолеют влияние деморализующей пропаганды и которые понимали, что комитеты и комиссары на фронте появились не по злому умыслу внешних и внутренних врагов России, а как неизбежный результат краха традиционных отношений между офицерами и солдатами, происшедшего сразу же после краха монархии.

После нескольких дней напряженных переговоров и совещаний, все дела в военном министерстве наконец перешли в руки людей, которые отвечали таким требованиям, — молодых, энергичных, хорошо разбиравшихся в создавшемся в те дни положении. Посты товарищей военного министра заняли генерал-лейтенант Маниковский, а также полковники Генерального штаба Якубович и Туманов. Я отозвал с фронта, где он находился с начала войны, полковника Барановского (моего шурина)** и назначил его начальником своего личного секретариата, в котором был создан специальный отдел, ведающий политическим состоянием вооруженных сил.

Полковник Барановский ежедневно докладывал мне о текущих событиях, следил за назначениями в Ставке и держал меня в курсе событий,

---

* Свершившийся факт (*фр.*).

** В тот момент он служил в штабе командующего первым корпусом генерала Лукомского.

которые происходили в Петрограде во время моих частых поездок на фронт. И должен сказать, что я никогда не сожалел о выборе своего ближайшего соратника. Все время нашей работы в военном министерстве мы действовали в полном согласии.

Позднее, 25 мая, я произвел реорганизацию высшего состава военно-морского министерства. Капитан Б. П. Дудоров занял пост первого заместителя министра по стратегическим и политическим вопросам, а капитан Кукель стал вторым заместителем по техническим операциям.

В день, когда был опубликован новый состав Временного правительства, я издал свой первый приказ. Я цитирую его здесь исключительно для подтверждения того факта, что капитуляция перед анархией, содержащаяся в рекомендациях поливановской комиссии стала делом прошлого: "Взяв на себя военную власть государства, объявляю: 1) Отечество в опасности и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе невзирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу; 2) самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок (15 марта); 3) нарушившие этот приказ подвергнуты будут наказанию по всей строгости закона"*.

Все, кто присутствовал на секретной встрече с Гучковым, ознакомившись с этим приказом, неизбежно должны были осознать опасные для себя последствия, в случае если они нарушат его. Приказ должен был успокоить население, встревоженное ростом актов насилия со стороны дезертиров, показать, что против этого зла начата решительная борьба.

На переговорах с новыми министрами-меньшевиками Скобелевым и Церетели, которые одновременно были членами Исполнительного комитета Петроградского Совета, было решено, что в будущем все комиссары в армии будут назначаться и смещаться лишь военным министром, а комиссары, назначенные Исполкомом ранее, перейдут под его юрисдикцию. Мы также вывели из штаба Петроградского военного округа представителей Совета, которые находились в нем в качестве наблюдателей.

Как и Гучков, командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов не смог завоевать доверие солдат и членов Совета. Поэтому я сместил его, назначив на это место молодого офицера, генерала П. А. Половцева, который недавно вернулся с фронта и в момент начала революции работал в военной комиссии Думы. У него с солдатами были вполне дружеские отношения. По просьбе Половцева помощником к нему, в основном по вопросам пропаганды среди солдат, я назначил лейтенанта А. Кузмина, которого знал как человека, преданного родине**.

Предпринимая эти предварительные шаги, я и мои коллеги стремились преодолеть те трудности, которые создал Гучков своим отказом подписать Декларацию прав солдат. Мы не могли полностью аннулиро-

---

* Вестник Временного правительства. 1917. 6(19) мая. № 49.

** Лейтенант Кузмин принимал участие в русско-японской войне, и когда разгромленные русские части, возвращаясь из Маньчжурии, взбунтовались, а мятежи и акты беззакония распространились вдоль всей Транссибирской железной дороги, Кузмин стал главой так называемой "Красноярской республики". Позднее за это он был судим военно-полевым судом и приговорен к длительному сроку каторжных работ, хотя его причастность к мятежу сводилась лишь к тому, что он воспрепятствовал толпам бунтующих солдат грабить города, за что в результате и был избран президентом "республики".

вать ее, поскольку большая часть ее была включена в приказ Гучкова № 114 от 5 марта об отмене некоторых положений и ограничений, касающихся военнослужащих. Вскоре, однако, мы нашли выход. Ни в коей мере не посягая на личные и политические права, провозглашенные Временным правительством, мы восстановили полномочия командного офицерского состава, без чего армия не могла функционировать.

11 мая я подписал приказ № 8 "О правах военнослужащих". В 14-м его параграфе говорилось о восстановлении права офицеров прибегать к дисциплинарным мерам, включая использование силы в случаях нарушения субординации во время боевых действий на фронте. В добавление к этому согласно параграфу 18, назначение, перемещение и смещение командного офицерского состава было полностью отнесено к юрисдикции высших офицеров*.

К 12 мая чувства здорового патриотизма стали на фронте той определенной силой, в которой отныне могли искать поддержку правительство и Верховное командование. В полках прекратились бесконечные политические митинги, и солдаты, уставшие от долгой праздности, вернулись к выполнению своих повседневных обязанностей. Младшие офицеры стали вновь пользоваться доверием подчиненных, а случаи сопротивления попыткам восстановить дисциплину стали крайне редки. Комитеты на армейском, корпусном и более низких уровнях приобрели организационную оформленность; в них в основном входили люди, выступавшие за возобновление военных действий и весьма успешно занимавшиеся пропагандой среди новобранцев, которых отправили на фронт после минимальной военной подготовки. Сравнительно редки стали акты насилия в отношении офицеров и случаи назначения трусливых выскочек на места компетентных командиров. Прекратилось широко распространившееся в окопах братание с немцами, а явления деморализации, словно зараза охватившей пехоту, остались лишь в недавно созданных "третьих дивизиях". Эти части стали раем для большевистских агитаторов, германских агентов и бывших чинов охранки и полиции, отправленных после революции на фронт. Особенно пышным цветом расцвели пораженческие настроения в тех частях, солдаты которых попали под влияние офицеров-ленинцев, таких, как Крыленко, Дзевалтовский, Семашко, Сиверс и д-р Склянский. И хотя таких частей было совсем немного, к середине мая стало очевидным, что средствами убеждения в них ничего не добиться и остается прибегнуть к силе.

Впервые вооруженные соединения против взбунтовавшихся частей были использованы командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым. На имя главнокомандующего от него поступила телеграмма. в которой говорилось, что в связи с невозможностью закончить в срок комплектование "третьих дивизий" для начинающихся боевых операций бывший главнокомандующий** распорядился о расформировании тех

---

* Ленин прекрасно понял суть этих двух параграфов и обрушился на приказ с яростными нападками в газете "Правда" в статье с коварным заголовком "Декларация о бесправии солдат" (в библиографическом указателе статей в газете "Правда" статья В. И. Ленина с таким заголовком не значится. — "Правда" 1912—1914, 1917 гг. Библиографический указатель. М., 1962. — *Прим. ред.*) Другие же, как командующий Западным фронтом генерал Ромейко-Гурко, выразили свое полнейшее неудовольствие. 15 мая этот генерал направил Главнокомандующему и премьер-министру телеграмму, в которой утверждал, что приказ № 8 не дает возможности контролировать положение в армии, и соответственно сообщал о своей отставке. Отставка принята не была, а Главнокомандующему было предписано понизить его в должности до командира дивизии.

** Генерал Алексеев.

из них, которые, по мнению их командиров, неспособны в настоящее время вести боевые действия. Приказ командующего 6-й армией о расформировании полков 163-й дивизии и переброске их на новые позиции не был выполнен тремя полками, которые потребовали сохранить их в составе дивизии.

Для подавления мятежа генерал Щербачев приказал выделить специальное подразделение пехоты и артиллерии. Три полка были окружены, и генерал Бискупский, который командовал этим подразделением, заявил мятежникам, что он откроет огонь, если те не сложат оружия и не подчинятся приказу о расформировании. Сообщение генерала Щербачева завершалось словами: "Все окончилось без кровопролития"*.

В новых условиях, создавшихся на фронте, офицеры часто проявляли нерешительность в использовании дисциплинарных полномочий, которыми они вновь были наделены, а некоторые, назначенные военным министерством комиссары, не торопились настаивать на этом. Когда, например, несколько полков 12-й и 13-й дивизий отказались занять передовые позиции, комиссар Борис Савинков, находившийся при 7-й армии, направил мне срочную телеграмму, в которой спрашивал, что ему следует предпринять. Полковник Якубович, временно исполнявший мои обязанности, пока я находился на фронте, в ответной телеграмме приказал расформировать эти полки, арестовать и отдать под военно-полевой суд офицеров и солдат, виновных в неповиновении. Якубович также приказал немедленно сообщить министру о принятых мерах. Именно в эти дни был принят закон о каторжных работах за дезертирство, отказ от подчинения приказам и открытый мятеж или за подстрекательство к совершению этих преступлений.

Согласно стратегическим планам Ставки, русским армиям надлежало начать наступление не позднее середины июня (по новому стилю).

Наши войска на фронте располагали достаточными ресурсами для ведения ограниченных наступательных действий, поскольку открытие в конце ноября 1916 года прямой железнодорожной линии к незамерзающему порту Мурманска позволило западным союзникам перебросить нам тяжелую артиллерию и другое оружие для осуществления всеобщего наступления против центральных держав.

Мы намеревались начать боевые действия с наступления Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. Боевой дух солдат, их понимание необходимости любой ценой защитить родину было достаточно эффективным противоядием распространяемой среди них германской пропаганде. Они были вполне готовы выполнить свой долг в случае германского наступления.

Однако идея начать первыми боевые действия была принята с меньшей готовностью. Несмотря на значительное укрепление морального состояния армии и авторитета офицеров среди солдат, немало офицеров разных званий были настроены крайне скептически относительно наступления на той стадии войны. Я, однако, был преисполнен ве́ры в то, что личная поездка на фронт и прямые контакты с офицерами и солдатами помогут укрепить боевой дух и ускорить подготовку к сражению.

Поздним вечером 8 мая, проведя инспекцию войск Петроградского гарнизона, я отправился в Гельсингфорс и Свеаборг. Неподалеку от этих двух портов в Финском заливе стоял на якоре наш "большой" флот (дредноуты, линейные корабли и крейсера). Я пробыл там два дня,

---

*Следует отметить, что такая решительность командования получила безоговорочную поддержку в статье, опубликованной в газете "Известия".

побывав на многих митингах и встречах, как публичных, так и частных. На публичных митингах я не раз становился объектом почти неприкрытых нападок большевиков, а на частных встречах мне довелось услышать весьма резкую критику со стороны офицеров, чья жизнь под бдительным оком матросских комитетов превратилась в настоящий кошмар. Однако в большинстве своем как офицеры, так и матросы были настроены дружественно. На одном из митингов один крайне левый оратор заявил, что, если потребуется, Балтийский флот выполнит свой долг и закроет врагу дорогу к столице. То были мужественные слова, однако реальная ситуация никак им не соответствовала. Я возвратился в Гельсингфорс с тяжелым чувством, отдавая себе отчет, что в Балтийский флот широко внедрились германские агенты и агенты Ленина.

Вечером 12 мая я отправился на Юго-Западный фронт. В Ставке генерала Брусилова в Каменец-Подольске проходил в то время съезд делегатов со всех участков фронта, и 14 мая я выступил с речью на митинге. Большой зал, где собрались делегаты, был забит до отказа. Со всех сторон на меня смотрели люди с изможденными лицами и лихорадочно горящими глазами. Атмосфера была накалена до предела. Я чувствовал, что передо мной люди, перенесшие тяжелейшее потрясение, от которого они все еще не оправились. Я понимал, что они хотят знать лишь одно — почему они все еще торчат в окопах. Выслушав выступления делегатов, членов комитета армии и самого генерала Брусилова, я ощутил царившее в армии настроение. У меня уже не оставалось сомнений, что армия стоит перед искушением, которому не в силах противиться. После трех лет горьких мучений миллионы измученных войной солдат задавали себе лишь один вопрос: "Почему я должен сегодня умереть, когда дома начинается новая и более свободная жизнь?"

Этот вопрос парализовал их волю. Находясь под огнем противника, солдаты могут выстоять лишь в том случае, если у них нет сомнений в целях, за которые они сражаются, или, более того, если они безоговорочно верят в необходимость жертвы во имя четко определенной и, на их взгляд, бесспорной идеи.

Ни одна армия не может позволить себе поставить под сомнение цель, ради достижения которой она сражается. Все, что происходило в тот момент в русской армии — нарушение субординации, мятежи, переход целых подразделений на позиции большевизма, бесконечные политические митинги и массовое дезертирство, — явилось естественным результатом чудовищного конфликта в сознании каждого солдата. Люди неожиданно для самих себя нашли возможность оправдать собственную слабость и оказались во власти почти непреодолимого желания бросить оружие и бежать из окопов. Чтобы восстановить у них боевой дух, необходимо было преодолеть их животный страх и разрешить их сомнения простой и ясной истиной: ты должен принести жертву во имя спасения родины. Людям, которые не поняли чувств и настроений солдат в те критические месяцы русской истории или же которые обращались к ним с высокопарными и избитыми патриотическими призывами, не дано было найти путь к их сердцам и оказать на них хоть какое-либо влияние.

Секрет успеха большевистской пропаганды среди рабочих и солдат объяснялся именно тем, что большевики говорили с ними на простом, понятном им языке и играли на глубоко укоренившемся инстинкте самосохранения. Суть большевистской пропаганды можно свести к словам Ленина: "Мы зовем вас к социальной революции. Мы призываем

вас не умирать ради других, а уничтожать других — уничтожать ваших классовых врагов на внутреннем фронте!"*

Я же обратился к солдатам с такими словами: "Конечно, легко призывать измученных людей бросить оружие и возвратиться домой, где только что началась новая жизнь. Но я зову вас на бой, на героический подвиг — я зову вас не на праздник, а на смерть, я призываю вас пожертвовать жизнью ради спасения Родины!"

И совсем не удивительно, что позднее, после нескольких месяцев тяжелейших боев, люмпен-пролетарии и дезертиры, купившись на обещания неограниченной свободы, пошли в тылу за большевиками по пути убийств и насилия. Удивительно то, что тем летом 1917 года войска продемонстрировали на передовых позициях, хоть и ненадолго, могучую силу патриотизма.

К середине мая германский Генеральный штаб отметил изменение в настроениях солдат на русском фронте и начал постепенную переброску своих войск обратно на восток.

Съезд в Каменец-Подольске завершился бурей оваций в адрес генерала Брусилова. После окончания съезда мы с генералом отправились в инспекционную поездку по частям, которым через месяц предстояло первыми начать наступление. По завершении прохождения войск мы с генералом поднялись на импровизированную трибуну, чтобы обратиться к собравшимся.

Вначале выступили Брусилов и командиры тех дивизий, которым мы провели смотр, за ними члены местных военных комитетов. Наконец настала и моя очередь. Солдаты еще теснее сгрудились вокруг трибуны, стремясь не пропустить ни одного слова. В том, что я сказал, не было ничего, кроме горькой правды и обращения к их чувству долга перед родиной. Мне трудно описать то впечатление, которое произвели мои слова. Могу лишь сказать, что они затронули сердца моих слушателей и наполнили их новой надеждой.

На многих таких митингах толпы возбужденных солдат окружали нас таким плотным кольцом, что мы с трудом выбирались к автомашинам, чтобы ехать дальше, на место новой встречи.

Иногда солдаты выталкивали вперед какого-нибудь прятавшегося в толпе большевистского агитатора и заставляли повторять его свои доводы — в тот период открытая кампания против меня еще не была организована в полной мере.

Конечно, перемены в настроении солдат после моих встреч с ними, как правило, были весьма недолговечны**, однако в тех частях, где командиры, комиссары и члены военных комитетов смогли осознать психологическую важность моих слов, моральный дух значительно укрепился и восстановилось доверие солдат к офицерам.

Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, мы с Брусиловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю почему, но именно в тот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный

---

* В данном случае искажена мысль Ленина. В статье "Благодарность князю Г. Е. Львову" говорится, что "князь Львов сразу и целиком признал эту истину, провозгласив открыто, что "победа" над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом" (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 19). — *Прим. ред.*

** Офицеры, враждебно настроенные к Февральской революции, дали мне ироническое прозвище "главноуговаривающий", и оно, как ни странно, не звучало для меня оскорбительно.

характер, как водится у старых друзей. Мы обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознавших свою ответственность за судьбу страны. Я поделился теми трудностями, с которыми столкнулось правительство в своих отношениях с левыми политическими кругами. Брусилов же рассказал о том огромном уроне, который нанесла армии изжившая себя бюрократическая система управления, об оторванности многих высших офицеров от реальной жизни.

Естественно, Брусилов, человек в высшей степени амбициозный, излагая свои планы или упоминая какие-то детали, касающиеся других генералов, был весьма осторожен, старался не высказывать взглядов, слишком уж отличавшихся от моих. Однако по главным проблемам, стоявшим перед Россией, наши взгляды в основном совпадали и мы оба полностью отвергали господствовавшую в верхних эшелонах власти идею, что "русской армии больше не существует". Мы были убеждены в бессмысленности бесконечных разглагольствований и критиканства, в необходимости проявить наконец мужество и взять на себя риск.

В ту поездку в Тарнополь мы успели обговорить много важных вопросов, связанных с предстоящим наступлением, и я тогда же решил, что к началу наступления всю полноту власти в армии следует передать от Алексеева Брусилову. Однако я даже не намекнул ему об этом моем решении, поскольку не был уверен, согласится ли с ним князь Львов.

Из Тарнополя я отправился в Одессу, которая в то время была тыловой базой фронта. Там я встретился с генералом Щербачевым, который только что прибыл из Ясс, и представителями комитета Румынского фронта. После обсуждения положения дел с Щербачевым у меня сложилось впечатление, что фронт находится в надежных руках и что, несмотря на трудности с транспортом и снабжением, русские и румынские войска могут вести боевые операции. Беседа с делегацией фронтового комитета лишь укрепила такое впечатление. Я не смог побывать на самом фронте, поскольку должен был выехать вместе с адмиралом Колчаком и его начальником штаба капитаном Смирновым в Севастополь, в штаб Черноморского флота, чтобы попытаться уладить острые разногласия адмирала с Центральным исполнительным комитетом Черноморского флота и местным армейским гарнизоном.

Адмирал Колчак был одним из самых компетентных адмиралов российского флота и пользовался большой популярностью как среди офицеров, так и среди матросов. Незадолго до революции он был переведен с Балтики и назначен на пост командующего Черноморским флотом. В первые же недели после падения монархии он установил отличные отношения с экипажами кораблей и даже сыграл положительную роль в создании Центрального комитета флота. Он быстро приспособился к новой ситуации и потому смог спасти Черноморский флот от тех кошмаров, которые выпали на долю Балтийского.

Матросы Черноморского флота были настроены весьма патриотически и горели желанием вступить в схватку с противником, и когда я прибыл в Севастополь, офицеры и матросы только и говорили, что о высадке десанта на Босфоре. На фронт была даже направлена делегация матросов с наказом убедить солдат вернуться к выполнению своего долга. Казалось, в таких условиях конфликт между адмиралом и Центральным комитетом был маловероятен. Тем не менее он возник.

Центральный комитет издал приказ об аресте помощника начальника порта генерала Петрова за отказ выполнять распоряжения Центра-

льного комитета, на которых не было подписи командующего флотом. Это было серьезным нарушением дисциплины, однако 12 мая Колчак передал князю Львову прошение об отставке, сославшись на то, что не может более мириться с создавшимся положением. Сохранить адмирала на его посту было жизненно необходимо, и князь Львов попросил меня отправиться в Севастополь и постараться уладить конфликт.

В тесной каюте торпедного катера, на котором мы шли в Севастополь, у нас с Колчаком состоялся продолжительный разговор. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить его в том, что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет основания для расстройства, что положение его намного прочнее, чем он предполагает. Не найдя никаких логичных возражений против моих доводов, он в конце концов воскликнул со слезами на глазах: "Для них* Центральный комитет значит больше, чем я! Я не хочу более иметь с ними дела! Я более не люблю их!.." Что можно было ответить на эти слова, продиктованные не столько разумом, сколько сердцем?

На следующий день после долгих разговоров и уговоров мир между Колчаком и комитетом был восстановлен. Однако их отношения уже никогда не были такими, как прежде, и спустя ровно три недели возник новый острый конфликт. На этот раз адмирал Колчак в тот же вечер, даже не сообщив о своем решении правительству, сел вместе с начальником своего штаба в прямой поезд на Петроград, навсегда распрощавшись с флотом.

После трудных переговоров в Севастополе я отправился в Киев, поскольку отношения с украинской Радой становились все более напряженными. Рада начала кампанию по созданию независимой украинской армии, и хотя большую автономность самой Рады и можно было допустить, сейчас это полностью исключалось в связи с предстоящим наступлением.

Из Киева я направился к Алексееву в Могилев. Я намеревался сообщить ему о результатах своей поездки на фронт, а также проверить, насколько справедливо было мое решение назначить на его место Брусилова. Поначалу в ходе нашей беседы Алексеев не проявил к моему сообщению ни малейшего интереса, а потом стал излагать свой пессимистический анализ ситуации на фронте.

После этого я возвратился в Петроград, где провел переговоры с князем Львовым и министром иностранных дел Терещенко. Позднее, на заседании кабинета, я внес предложение назначить Брусилова на пост главнокомандующего. Предложение было принято, и генерал Алексеев получил специально созданный для него пост военного советника при Временном правительстве.

Проведя в столице два или три дня, я выехал на Северный фронт, прибыв в Ригу утром 25 мая. Этот крупный промышленный порт, где проживали русские, немцы и латыши, оказался после "великого отступления" 1915 года в опасной близости от линии фронта и большая часть его промышленных предприятий и научных учреждений была эвакуирована. В старинной крепости, где в мирное время располагалась городская администрация, теперь размещался штаб командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева**.

---

*То есть матросов.

**Этот энергичный солдат, приведший болгар к победе в Первую Балканскую войну 1912 года, покинул болгарскую армию и уехал в Россию, когда болгарский царь Фердинанд перешел на австро-германскую сторону и выступил против своих недавних союзников — сербов и греков. Как мы знаем, Вторая Балканская война закончилась полной военной и политической катастрофой для Болгарии.

На станции меня встретили генерал, весь его штаб, большая толпа солдат, прибывших с фронта, и тысячи местных жителей. Я довольно часто бывал в Риге в первые годы после "умиротворения" латышских крестьян в ходе аграрного движения 1905 года и потому хорошо знал город. Я выразил желание пройтись по бульвару от здания гостиницы, где я обычно останавливался, когда приезжал в Ригу по судебным делам, до крепости Шлосс, где раньше заседал военный трибунал, самый суровый трибунал, с которым мне приходилось иметь дело в те трудные годы. Генерал охотно согласился сопровождать меня, и мы отправились к крепости во главе счастливой, ликующей толпы.

После совещания в Ставке с начальником штаба мы выехали к линии фронта. Время от времени то на одной стороне, то на другой раздавались одиночные выстрелы, но генерал не обращал на них ни малейшего внимания. На обратном пути из этой инспекционной поездки он предложил заехать в расположение одного из полков, где недавно объявился большевистский агитатор; совладать с ним было крайне затруднительно и в каком-то смысле он полностью подчинил себе весь полк.

Выбрав место, куда не долетали вражеские пули, генерал распорядился собрать всех свободных солдат и у нас с ними состоялся очень и очень сердечный разговор. Меня буквально засыпали вопросами, некоторые из которых были весьма резкими. Обращал на себя внимание тщедушный низенький парень, который во время разговора не проронил ни слова, чем немало удивлял и раздражал своих товарищей. Солдаты все время подталкивали его, пытаясь втянуть в разговор. Генерал шепнул мне на ухо, что это и есть тот самый большевистский агитатор. В конце концов он заговорил нервным, визгливым голосом: "А я вот что скажу. Вы нас убеждаете, что мы должны воевать с немцами, чтобы крестьяне могли заиметь землю. Но какой крестьянам смысл ее получать, ведь если меня убьют, я же земли не получу?"

Для меня стало ясно, что никакой это не большевистский агитатор, а просто-напросто деревенский парень, который говорит вслух то, что думают его товарищи. В том-то и заключалась его сила, и никакими логичными аргументами его было не переубедить. Еще не зная толком, что предпринять, я направился к пареньку, который стоял, дрожа с ног до головы. Остановившись в нескольких шагах от него, я полуобернулся к генералу и сказал: "Немедленно отошлите этого парня обратно в деревню. Пусть его односельчане знают, что русской армии трусы не нужны". И тут совершенно неожиданно трясущийся солдат переменился в лице, покрывшись смертельной бледностью. Несколькими днями позже от полкового командира пришла просьба отменить мой приказ, поскольку тот солдат изменился до неузнаваемости, став образцом дисциплинированности.

Из расположения 12-й армии я отправился в Двинск, где находилась ставка командира 5-й армии Юрия Данилова*. Данилов одним из первых среди командиров высшего ранга осознал изменения в настроениях на фронте и быстро установил хорошие рабочие отношения и с комиссарами, и с армейскими комитетами. Армейский комитет был сформирован тут еще в начале апреля и первым направил в Петроград делегацию, чтобы убедить рабочих в тылу положить конец анархии и возобновить нормальную помощь фронту.

---

* В течение первых 18 месяцев войны он состоял генерал-квартирмейстером при штабе Великого князя Николая Николаевича и был там единственным компетентным стратегом.

У меня не было времени побывать у солдат в окопах, однако перед тем как отправиться в Москву, я выступил в Двинске с речью перед представителями комитетов всех воинских подразделений. Вернувшись в Москву, я принимал на Девичьем поле, как было условлено заранее, парад войск Московского гарнизона, встретился с кадетами Александровской военной школы, выступил на нескольких многолюдных митингах и присутствовал на съезде партии социалистов-революционеров.

Влияние Москвы на политические настроения в стране было весьма сильным, и потому правительство считало своим долгом заручиться ее поддержкой в отношении наших планов возобновления наступательных операций на фронте. Именно для этого Львов и попросил меня съездить в Москву. Однако долго оставаться в Москве я не мог, поскольку мне вскоре предстояла поездка на Юго-Западный фронт, а до тех пор надо было вернуться в Петроград, чтобы успеть к открытию Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

1 июня после трехнедельного отсутствия я вернулся в Петроград. Съезд открылся через два дня. На нем присутствовало 822 полномочных делегата, из которых лишь 105 представляли большевиков.

Настроения большинства делегатов проявились в инциденте, имевшем место вскоре после открытия заседания. Рассчитывая, видимо, вызвать недовольство собравшихся правительством и его военной политикой, один из большевистских делегатов стал зачитывать обращение к населению князя Львова, в котором он призывал всеми возможными силами противостоять большевистской и анархической пропаганде. Совершенно неожиданно для оратора каждая фраза обращения тонула в буре аплодисментов. Когда же он, нимало не смутившись, перешел к чтению моего приказа № 17 об отношении к дезертирам (приказ был только что опубликован), аплодисменты переросли в подлинные овации. В этот момент нетрудно было опознать в зале и в президиуме тех, кто занял "нейтральную" позицию.

Учитывая такую демонстрацию, я полагал, что резолюция в поддержку правительства будет принята с самого начала подавляющим большинством голосов. Но этого не произошло, и не произошло по двум причинам. Во-первых, стало известно, что на самом деле в зале присутствовало более 200 делегатов, которые были против возобновления боевых действий, так как две другие группы — меньшевики-интернационалисты и левое крыло от партии социалистов-революционеров — примкнули к большевикам. А обе эти группы пользовались на съезде огромным влиянием среди делегатов из числа интеллигентов.

Во-вторых, нормальной работе съезда помешали попытки большевиков, действовавших по указке Ленина, саботировать планы наступления, устроив вооруженную демонстрацию "возмущенных" солдат и рабочих, выкрикивавших лозунги: "Вся власть Советам!" и "Долой десять министров-капиталистов!"*

На несколько дней военные вопросы отошли у нас на второй план, и руководители съезда посвятили все свои силы и время, чтобы сорвать заговор Ленина. И лишь когда непосредственную угрозу удалось отвратить, была в конце концов принята резолюция (12 июня). Однако не желая, видимо, противопоставлять себя левой оппозиции в собственных рядах, блок меньшевиков и эсеров предложил принять весьма двусмысленную резолюцию, в которой не было прямого одобрения предстоящего наступления. Вместо этого в ней просто констатировалось, что вооруженные силы России должны быть готовы вести как оборонитель-

*См. гл. 18.

ные, так и наступательные действия, при этом последние могут быть предприняты лишь в рамках стратегической необходимости.

Вечером 13 июня, после принятия этой абсолютно бесполезной резолюции, я выехал в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. Здесь была окончательно установлена дата начала наступления — 18 июня. Наступлению должна была предшествовать двухдневная артиллерийская подготовка — обстрел позиций противника из тяжелых орудий в месте планируемого прорыва.

16 июня я прибыл в Тарнополь, где был отдан официальный приказ о наступлении по армии и флоту. Он был подготовлен в Ставке после консультаций с Брусиловым и подписан мной*.

После непродолжительного пребывания в Тарнополе я отправился поездом вместе с генералом Гутором, новым командующим Юго-Западного фронта, в расположение передовых позиций 7-й армии. Этой армии, совместно с 11-й, предстояло начать продвижение в направлении Бережаны.

Весь день 17 июня я провел, объезжая полки, которые готовились на рассвете следующего дня начать наступление.

Утром 18 июня над всей линией фронта воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Такую атмосферу можно ощущать в российских деревнях в канун пасхальной Всенощной. Мы поднялись на наблюдательный пункт, расположенный на одном из холмов, идущих вдоль нашей передовой линии. Воздух сотрясался от залпов тяжелых орудий, над головами с пронзительным воем проносились снаряды.

С наблюдательного пункта 7-й армии поле битвы казалось огромной пустой шахматной доской. Артобстрел продолжался. Мы все время глядели на часы. Напряжение стало невыносимым.

Вдруг наступила мертвая тишина: настал час наступления. На мгновение нас охватил дикий страх: а вдруг солдаты не захотят пойти в бой? И тут мы увидели первые линии пехотинцев, с винтовками наперевес атаковавших первую линию немецких окопов.

Первые два дня наступление развивалось крайне успешно. Мы взяли в плен несколько тысяч солдат и захватили десятки полевых орудий. На третий день продвижение застопорилось. Донесение командира 11-й армии генерала Эрдели дает достаточно точное представление о том, что случилось: "...несмотря на наши успехи, достигнутые 18 и 19 июня, которые могли бы поднять боевой дух солдат и вдохновить их на дальнейшее наступление, в действительности в большинстве полков никакого воодушевления не наблюдалось, а в некоторых возобладало убеждение, что задачу свою они уже выполнили и нет смысла продолжать далее наступление". К ссылкам на пораженческие настроения солдат генерал мог бы с полным правом добавить нескрываемое удовлетворение офицеров в ряде полков по поводу того, что наступление выдохлось.

Но, быть может, главная причина провала наступления заключалась в том, что если в период блистательного наступления генерала Брусилова в 1916 году ему противостояли австрийские полки, многие из которых были укомплектованы военнослужащими из славян, мечтавших сдаться русским в плен, то в 1917 году перед русской армией стояли отборные германские части, поддержанные мощной артиллерией.

---

*На третий день наступления, 20 июня, съезд Советов призвал народ России приложить все усилия, чтобы обеспечить успех этой операции, поскольку это принесет мир и упрочит новый демократический строй.

Первые два дня наступления выявили также много трудностей технического и психологического характера, которые мы пытались преодолеть в возможно кратчайшие сроки. 20 июня я отправил Терещенко секретную телеграмму следующего содержания:

"Укажите соответственно послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35% не выдержали двухдневной умеренной стрельбы. Настойте на внеочередной присылке авиационных аппаратов, материальной части на смену убывшей. Добейтесь отозвания с фронта Нокса, продолжающего фрондировать. Ускорьте созыв союзной конференции. Крайне необходимо ускорение темпа и работ союзнической дипломатии. Напряжение фронта нужно использовать всемерно, ввиду известного всем положения стран и армии. Помните, что каждый шаг фронта дается нам с огромным трудом. Только комбинированными и современными действиями дипломатии с армией мы закрепим положение и избежим срыва. — Телеграфируйте положение. Привет Керенский"*.

Британский военный атташе полковник Нокс, который в то время совершал поездку по Юго-Западному фронту, всюду, куда он приезжал, шумно критиковал русскую армию и открыто выражал неприязнь к новому строю. Постепенно он оказался в центре оппозиционного офицерства. 22 июня я получил ответ от Терещенко. В нем говорилось, что английским и французским дипломатам было указано на дефекты артиллерии, и они сразу же направили своим правительствам соответствующие депеши. Ноксу же было предписано возвратиться в Петроград в начале следующей недели и подчеркивалось, что только активность на фронте может укрепить позиции России.

Через несколько дней мы получили от союзнических правительств уведомление о согласии провести конференцию о пересмотре целей войны.

Полковник Нокс выехал в Петроград, а затем отправился в Лондон. Согласие союзников провести конференцию о целях войны положило конец распространявшейся на фронте и в левых кругах пропаганде, будто мы с Брусиловым ведем войну ради достижения "империалистических и захватнических целей".

В канун начала боевых действий на левом фланге Юго-Западного фронта я находился в расположении 8-й армии, которой командовал генерал Корнилов. В ставке меня встретили более чем прохладно, зато на передовых позициях меня приветствовали с таким воодушевлением и теплотой, что душа моя преисполнилась благодарностью и верой.

23 июня 8-я армия перешла в наступление. Прорвав австрийский фронт, русские части проникли глубоко в расположение противника, захватили 28 июня старинный город Халиш и продвинулись в направлении Калуша. Вся Россия с ликованием следила за наступлением. Выдающийся успех операции объяснялся главным образом тем фактом, что силы противника на этом участке состояли в основном из славян. Вскоре, однако, в ходе операции произошел резкий поворот. В район расположения австрийских частей были спешно переброшены германские подкрепления вместе с тяжелой артиллерией. К 5 июля немецкие ударные бригады под командованием генерала фон Ботмера были готовы перейти в контрнаступление.

---

*Собрание секретных документов министерства иностранных дел. Петроград. Декабрь 1917. Кн. 3. № 144. С. 113.

Боевые действия на фронте, где находились части под командованием генерала Деникина, должны были начаться в первых числах июля; планировалось, что я прибуду туда к их началу. С генералом Брусиловым я не виделся с 15 июня, а потому возвратился в Ставку главнокомандующего, чтобы сообщить ему о положении на Юго-Западном фронте. Кроме того, мне хотелось получить из первых рук информацию о событиях на фронтах союзнических армий.

Кажется, на второй день моего пребывания в Ставке Брусилов сообщил, что несколько членов солдатского комитета попросили о встрече с ним, с начальником его штаба (Лукомским) и со мной. На этой встрече представитель группы, выступая от ее имени, сказал, что он и его товарищи крайне обеспокоены враждебностью к нам троим со стороны членов Центрального комитета всероссийского Союза офицеров армии и флота. Брусилов и Лукомский, весьма удивленные, сказали, что до сих пор не замечали никаких признаков враждебности, но если это так, то они конечно же примут решительные меры. Члены комитета, пребывая в весьма нервном состоянии, постарались убедить нас в том, что сообщенные ими факты проверены и достоверны. Спустя некоторое время они удалились, несколько успокоенные обещанием генерала. Мне и в голову не могло прийти, что за их сообщением стоит нечто более серьезное, нежели некоторое недоверие, все еще сохранившееся у части офицеров после революции. К сожалению, мы вскоре убедились в обоснованности сделанного нам предупреждения.

28 июня я отбыл в Молодечно. Деникин был одним из самых способных офицеров Генерального штаба. В молодости он написал несколько весьма резких статей в армейской газете о старой военной бюрократии и сразу же после начала войны зарекомендовал себя как первоклассный боевой офицер, быстро продвинувшись по служебной лестнице до командира корпуса в чине генерал-лейтенанта. При Алексееве он занимал пост начальника его штаба. Отношение его ко мне было несколько противоречивым. С одной стороны, накануне наступления он нуждался в моей помощи в качестве посредника между ним и солдатами; с другой стороны, он испытывал неприязнь ко мне как к личности, и к моей политике, как военного министра и члена Временного правительства.

Я, однако, не питал к нему никаких враждебных чувств, как, впрочем, и к другим командирам. Но теперь этот хулитель и критик старых армейских порядков, не признаваясь себе в этом, принялся вовсю идеализировать прошлое. На первом же митинге, на котором мы вместе выступали, меня поразил грубый тон его обращения с солдатами, его же шокировали некоторые из моих высказываний и моя "истерия".

Едва начав поездку, я был вынужден почти сразу же прервать ее. Князь Львов попросил меня без промедления отправиться в Киев и урегулировать проблему украинской армии. В то самое время Терещенко и Церетели вели там весьма хитроумные переговоры с Радой, которая выдвигала немыслимые требования.

Из Киева я предполагал возвратиться в Петроград, чтобы доложить кабинету о соглашении с украинцами.

3 июля, как было условлено, я снова прибыл на Западный фронт к самому началу наступления. Однако атмосфера к тому времени изменилась до неузнаваемости; события развивались с захватывающей дух быстротой.

Глава 17

ДВОЙНОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

1 июля Терещенко, Церетели и я возвратились в Петроград. Текст соглашения с украинской Центральной Радой был ранее передан по телеграфу князю Львову, который сообщил его содержание остальным министрам. Вечером того же дня на заседании правительства соглашение было ратифицировано большинством голосов, после чего министры от кадетской партии объявили о своем немедленном выходе из кабинета. Политические круги Петрограда охватило возмущение, а мы оказались в состоянии нового правительственного кризиса.

На следующий день министры после длительных неофициальных переговоров в кабинете Львова договорились отложить решение вопроса о новых назначениях в правительстве. Это позволило мне выполнить обещание, которое я дал генералу Деникину, и немедленно отправиться на Западный фронт. Я выехал из Петрограда вечером 2 июля и прибыл на место следующим утром.

Первым делом я отправился в инспекционную поездку, которая несколько отвлекла меня от мыслей о тягостном положении в Петрограде. Поездка на фронт была словно возвращением домой. Тут людям не до церемоний и сложностей. У них одна-единственная, предельно простая цель — выжить, их сознание целиком занято проблемой жизни и смерти и перед лицом общей опасности они ощущают особую близость друг к другу.

Ранним утром 4 июля мы получили первое официальное сообщение о вооруженном восстании рабочих и солдат в Петрограде, организованном Лениным, которое получило в истории название "восстание 3 июля"*.

Новость эта не очень меня обеспокоила — я полагал, что в столице достаточно надежных войск, и приступил к объезду дивизий, которым первым предстояло 9 июля вступить в дело. То, что я увидел, произвело на меня куда более благоприятное впечатление, чем на Деникина.

Проходя опушкой леса вдоль линий траншей, я увидел, как несколько солдат, собравшись в кучку, читают под деревом какую-то брошюру. Завидев нас, они бросили ее под деревом и скрылись в лесу. "Принесите мне ее", — попросил я одного из своих помощников. Быстро проглядев брошюру, я передал ее офицерам. Это был последний выпуск "Товарища", подрывного еженедельника, который немцы издавали для русских

---

*По сути, восстание началось вечером 2 июля (Что произошло в Петрограде, я узнал лишь по возвращении туда 5 июля.) В тот вечер на улицах столицы совершенно неожиданно появились грузовики с вооруженными солдатами и матросами. На флаге, развевавшемся над одним из грузовиков, были начертаны слова: "Первая пуля — Керенскому!" Эти вооруженные люди намеревались схватить меня в здании министерства внутренних дел, где я заседал вместе с другими министрами. Один из привратников сказал вооруженным бандитам, что я недавно уехал на железнодорожный вокзал в Царское Село. Солдаты и матросы кинулись вслед. И, как мне позднее рассказывали железнодорожники, мои преследователи, примчавшись на вокзал, увидели хвост уходящего поезда.

солдат в Вильне. В статье, озаглавленной "Россия и наступление", датированной 3 июля, ее автор, ссылаясь на Петроградское телеграфное агентство, с удивительным провидчеством писал: "Согласно сообщениям, полученным из России, наступление в Галиции вызвало бурю возмущения русского народа. Во всех крупных городах собираются толпы людей, протестующих против массовых убийств сынов России. Нарастает волна гнева против англичан, на которых все возлагают вину за продолжение ужасной войны. Керенского открыто называют предателем родины. Для разгона массовых демонстраций и расправы с их участниками в Москву направлены отряды казаков. Это не может долее продолжаться. По сообщению "Русского слова", положение в Петрограде, объявленное осадным, резко ухудшилось. За последние несколько недель было арестовано много крайне левых социалистов. Газета также сообщает, что некоторые руководители крайне левых вынуждены были покинуть Петроград и искать убежища в глубокой провинции".

Без всякого сомнения, редактор "Товарища" загодя знал о большевистском восстании 3 июля. По сути дела, он старался внедрить в умы солдат на передовой линии те же самые идеи, которые ленинские пропагандисты вбивали во время восстания в головы петроградских солдат и кронштадтских матросов. Требуя свержения Временного правительства и призывая к неподчинению военным приказам, немцы и большевики выступали заодно. И те и другие утверждали, что Керенский и офицеры предприняли наступление в Галиции по наущению иностранных капиталистов. Единственно, что было опущено в том выпуске "Товарища", это большевистский лозунг "Вся власть Советам", ибо немецких союзников Ленина мало волновал вопрос, какого рода режим предлагают установить большевики. У немцев была своя задача: парализовать русскую армию на фронте, развалить административный аппарат в стране, с тем чтобы установить свой полный контроль над Россией, а затем разгромить союзников на западе. Согласно данным нашей разведки, немцы начали спешно перебрасывать свои дивизии на Восточный фронт. Картина была предельно ясна: готовилось двойное контрнаступление. Оно и началось 3 июля ударом Ленина в спину революции и теперь нам следовало ожидать фронтального наступления со стороны Людендорфа.

Вечером 4 июля я получил сообщение о появлении в Петрограде большого отряда кронштадтских матросов с настоятельной просьбой князя Львова о немедленном возвращении в столицу. Пообещав генералу Деникину, крайне расстроенному моим внезапным отъездом, вернуться к началу наступления 9 июля, я на следующий день отправился поездом в Петроград. На последней перед Петроградом станции ко мне присоединился Терещенко, который ввел меня в курс последних событий и предупредил, что князь Львов принял окончательное решение о выходе из Временного правительства. В Петрограде на станции в Царском Селе нас встретили полковник Якубович, командующий Петроградским военным округом генерал Половцев и почетный караул из состава Преображенского полка. Платформа и привокзальная площадь были заполнены толпой людей самого разного возраста и разных сословий, пришедших приветствовать меня.

С таким же энтузиазмом меня встретила толпа и на площади перед Зимним дворцом, когда я подъехал к штабу Петроградского военного округа, где после начала восстания разместилось правительство.

Не теряя времени и даже не обратившись с приветствием к собравшимся, я сразу же направился в кабинет князя Львова. Однако возбужденная толпа не желала расходиться, требуя моего появления. Мне пришлось несколько раз выходить на балкон и обращаться к собрав-

шимся внизу людям с краткими речами, в которых я заверял их, что предательское восстание уже подавлено и у них нет больше оснований для беспокойства.

Те двадцать четыре часа, которые я провел тогда в Петрограде, и особенно бессонная ночь 7 июля, никогда не изгладятся из моей памяти. Я застал князя Львова в состоянии ужасной депрессии. Он лишь ожидал моего приезда, чтобы выйти из правительства. В тот самый день я занял пост министра-президента. И в тот же день поздно вечером из Ставки поступило первое краткое сообщение о том, что немцы прорвали фронт 11-й армии в районе Калуша и что мы беспорядочно отступаем.

Во второй половине дня 8 июля я, как и обещал генералу Деникину, возвратился на фронт. Он и его штаб уже знали о германском наступлении в Галиции, однако солдаты на передовой линии еще об этом не прослышали. Во всяком случае, объезжая расположения полков, которым назавтра предстояло вступить в бой, я убедился в том, что у солдат прекрасное настроение.

Поздним вечером того же дня в низине за первой линией окопов я беседовал с группой солдат и офицеров. Большинство из них были из 2-й Кавказской гренадерской дивизии, на которую сильное воздействие оказала большевистская пропаганда.

Становилось все темнее. Началась артподготовка. Над головой пролетали снаряды. Все это, вместе взятое, создавало атмосферу близости и товарищества. Казалось, все мы — и я, и офицеры, и солдаты — охвачены общим стремлением, общим желанием исполнить свой долг.

Солдаты 2-й Кавказской гренадерской дивизии с гордостью рассказали, что покончили со всеми предателями в своих рядах, и теперь готовы первыми броситься в атаку, что они позднее и сделали. Ни разу за все время пребывания на фронте не было у меня столь сильного желания, как тогда, провести всю ночь в окопах с солдатами, а наутро пойти с ними в бой. И никогда прежде не испытывал я такого стыда, что не делаю того, к чему призываю их. Уверен, что всем людям, облеченным особой ответственностью, довелось пережить в жизни минуты горького презрения к самим себе, но у меня, как и у других, не было выбора: сражению предстояло начаться на следующий день, а мне ничего не оставалось, как возвратиться в Петроград, чтобы принять из рук Львова бремя власти, которое он после восстания 3 июля уже не был способен нести.

На следующий день, когда войска генерала Деникина пошли на штурм германских позиций, они показали себя с самой лучшей стороны. Вот что писал об этом наступлении генерал Людендорф:

"Наиболее яростным атакам 9 июля и в последующие дни подверглись войска командующего Восточным фронтом в районе Крево, к югу от Сморгона. Здесь русские прорвали растянувшуюся на большом протяжении линию обороны одной из пехотных дивизий, несмотря на проявленное ею мужество. В течение нескольких дней положение казалось крайне серьезным, пока его не восстановили введенные в бой резервы и артиллерия. Русские ушли из наших окопов. Это уже были совсем не те солдаты, с которыми мы сражались раньше".

Если бы генерал Деникин не поддался пессимизму и не бросил 10 июля фронт, вернувшись в свой штаб в Минске, быть может, те несколько дней, когда "положение казалось крайне серьезным", не пришли бы к такому неожиданному концу.

Не было ничего постыдного в том, что русские солдаты, среди которых было немало не нюхавших ранее пороху новобранцев, не

смогли удержать свои позиции и отразить натиск германских дивизий, пустивших в ход отравляющие вещества и тяжелую артиллерию. В конце концов, потерпели же весной того же года сокрушительное поражение, от которого не могли оправиться все лето, первоклассные французские и английские армии, не испытавшие шока революции. Однако французские и английские генералы не вели себя так, как русские, которые использовали поражение на фронте в своих личных политических интересах, зачастую намеренно изображая поведение своих солдат в искаженном свете. Инцидент, о котором пойдет речь, характерный пример такого предательства.

В начале июля ударные части германской армии под командованием генерала фон Ботмера завершили подготовку к наступлению на Юго-Западном фронте против нашей 11-й армии в районе между Зборовом и рекой Серет. В подкрепление дислоцированным там немецким и австрийским войскам с Западного фронта было переброшено шесть отборных германских дивизий и большое количество тяжелой артиллерии.

На рассвете 6 июля генерал фон Ботмер предпринял мощную атаку и прорвал русский фронт. Правительство узнало об этом поздним вечером того же дня из поступившего краткого донесения, за которым последовало официальное коммюнике ставки Юго-Западного фронта, опубликованное во всех газетах 8 июля. Оно произвело впечатление разорвавшейся бомбы и потрясло всю страну. В коммюнике говорилось:

"В 10 часов утра 607 Млыновский полк, находившийся на участке Баткув—Манаюв, самовольно оставил окопы и отошел назад, следствием чего явился отход и соседей, что дало возможность противнику развить свой успех. Наша неудача объясняется в значительной степени тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ о поддержании атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ, причем некоторые полки отказывались от выполнения боевого поручения и уходили с позиций, без всякого давления со стороны противника. Усилия начальников и комитетов побудить к исполнению приказов были бесплодны"*.

На самом же деле все было совсем не так. Как показало расследование, проведенное по приказу главнокомандующего генерала Брусилова, дивизия была буквально сметена с лица земли огнем нескольких сотен артиллерийских орудий противника (в русской дивизии их было всего лишь шесть) и ее потери составили 95 офицеров, включая двух полковых командиров, и около двух тысяч солдат из уже неполного состава дивизии. Остается предположить, что офицер, написавший коммюнике, действовал либо по злому умыслу, либо в состоянии полной паники. Из этого коммюнике генерал фон Ботмер вполне мог представить себе, что дисциплина в русской армии находится даже в худшем состоянии, чем это было в действительности.

Я мог бы привести и другие примеры, когда такие недобросовестные сообщения с полей сражений оказывали услугу противнику. По странному совпадению, официальные сообщения с фронта всегда подчеркивали храбрость офицеров и никогда не упоминали об отваге и самоотверженности рядовых солдат, сообщая лишь об их дисциплинарных проступках.

За долгие годы, прошедшие со времени поражения русской революционной армии, я не раз задавался вопросом, как бы повела себя 11-я

* Русское слово. 1917. 8 июля. — *Прим. ред.*

армия под огнем артиллерии фон Ботмера, если бы первые сообщения о наступлении противника были правдивыми. Одним из самых серьезных последствий таких недобросовестных сообщений было то, что они еще больше подрывали дисциплину. Солдатам вовсе не надо было дожидаться результатов расследования по делу Млыновского полка, они и без того знали о возведенной на него клевете и к недоверию, которое они испытывали к офицерам, стало примешиваться чувство мести. Верховное командование, стремясь возродить старые порядки, пыталось переложить на них ответственность за свои ошибки. Справедливы ли были подозрения солдат, теперь уже не имеет никакого значения. Но то, что официальные сообщения о положении на фронте облегчали жизнь противнику, но отнюдь не нашим войскам, имело огромное значение в их поражении.

Такую же и даже худшую роль взяла на себя часть русской прессы, особенно "Русское слово" (популярная в Москве газета с тиражом свыше миллиона экземпляров), которая стала публиковать сообщения с фронта, представлявшие огромный интерес для германского Верховного командования. Восстановление военной цензуры на все публикации прессы не разрешило, к несчастью, проблему утечки этой информации. Военному корреспонденту "Русского слова" были запрещены поездки на фронт, но невозможно было запретить деятельность всех тех штабных офицеров, в чью обязанность входило составление официальных сводок.

Когда годы спустя я прочитал все то, что написали Гинденбург, Людендорф и Гофман в своих мемуарах о русской армии в 1917 году, и сравнил их оценки с оценками наших русских генералов, то, к своему удивлению, пришел к выводу, что германские генералы дали гораздо более взвешенную и более благоприятную картину нашего тогдашнего военного положения, чем это сделали наши собственные.

Объяснение этому парадоксу крайне простое: немцы ни на минуту не забывали, что ведут войну на два фронта, и рассматривали военные операции в России в рамках единого стратегического плана, охватывающего оба фронта, тогда как русские, видимо, забыв, что в 1917 году русская армия выполняла лишь часть общего плана всех союзных стран, решили использовать психологические последствия тяжелейших тактических ошибок русской армии в своей политической кампании против ненавистного им Временного правительства.

Позволю себе еще раз напомнить читателю, что после сокрушительного поражения французской и английской армий на Западном фронте весной 1917 года русское правительство и Верховное командование (генералы Алексеев и Деникин) взяли на вооружение единственно возможную стратегию, которая могла спасти союзников, а следовательно, и Россию, — предпринять наступление силами русской армии, с тем чтобы предотвратить разгром союзников на Западном фронте. Эта благородная стратегия вызвать огонь Германии на себя скрупулезно осуществлялась русской стороной. Перед падением монархии, к концу Брусиловского наступления в октябре 1916 года, на русском фронте было сконцентрировано около 74 германских дивизий. К августу 1917 года там находилось 86 германских дивизий с приданной им тяжелой артиллерией*.

И лишь после мертворожденного заговора Корнилова**, когда Россия и фронт снова, как и в марте 1917 года, были брошены в пучину

* См.: *Buat E. A. L.* L'Armée allemande de 1914—1918. Paris, 1920. Pp. 42, 51.
** См. гл. 21.

беспорядков, немцы смогли перебросить на запад значительное число своих дивизий. К январю 1918 года на русском фронте осталось лишь 57 немецких дивизий, а к осени 1918 — только 26. Однако такая переброска солдат и техники на запад была проведена слишком поздно, чтобы принести Германии стратегические выгоды, ибо даже наше "умеренное продвижение", по выражению Гинденбурга, не дало возможности Людендорфу нанести решающий удар на западе до прибытия туда американских войск.

К концу июля 1917 года немцы приступили к переброске своих войск с Румынского и Юго-Западного фронтов в район Риги, где полным ходом шла подготовка к наступлению. На этой стадии боевые действия, как на тех двух фронтах, так и на всем Западном фронте, полностью прекратились. Оторвавшись от противника, русские войска закрепились на новых позициях. Упорным трудом наиболее уравновешенные командиры, комиссары и представители военных комитетов смогли восстановить в армии хоть какой-то порядок.

18 июля Верховным командующим был назначен генерал Корнилов, который на заседании Временного правительства 3 августа нарисовал весьма оптимистическую картину сложившейся военной ситуации и заявил, что в самое ближайшее время он планирует перейти в наступление*.

РИГА

А тем временем на фронте стало происходить нечто странное. Ранее Верховный главнокомандующий объявил, что планирует наступление и что, как обычно, будет координировать свои действия с командирами, комиссарами и избранными военными комитетами. Однако такие уверения не нашли подтверждения в реальных делах.

В начале августа на Юго-Западный фронт прибыл генерал Деникин. Взгляды только что назначенного на пост командующего фронтом генерала мало чем отличались от взглядов Корнилова. С тех дней оба они резко изменили свое отношение к комиссарам и военным комитетам. Командиры, которые считали для себя обязательным сотрудничество с комиссарами и комитетами, встречали холодный прием и замещались твердолобыми сторонниками старого режима.

13 августа товарищ председателя исполкома фронта Колчинский направил в адрес военного министра и Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов телеграмму, в которой изложил все, что происходило, подчеркнув, что политика, проводимая без согласования с центральными демократическими организациями, неизбежно вызовет волнения в войсках.

Его слова как нельзя лучше комментирует приказ исполняющего обязанности военного министра Савинкова за № 177 от 10 августа. "В связи с последними событиями на фронте в ряде воинских подразделений наблюдается определенное беспокойство в отношении дальнейшей судьбы армейских организаций. Такое беспокойство может быть объяснено лишь атмосферой взаимного недоверия, которая, к сожалению, возникла и сгущается вследствие пропагандистской деятельности подозрительных лиц..."

---

*Когда генерал упомянул о наступлении, я прервал его доклад и весьма сдержанно заметил: "Вряд ли стоит выносить специфические стратегические планы на рассмотрение правительства". В то время я не мог предполагать, чем обернется это замечание.

Кто они были, эти "подозрительные лица", которых не называет Савинков? Если бы он имел в виду большевиков, то без сомнения прямо назвал бы их. Но это были не большевики и, если так можно сказать, даже совсем наоборот. Кампанию против выбранных армейских организаций и комиссаров вели, и я знаю это наверняка, те самые офицерские организации и группы, которые вскоре после этого стали ядром военного заговора.

Во время обеда с Корниловым 3 августа я попросил его принять дисциплинарные меры в отношении некоторых штабных офицеров, чьи имена я ему сообщил. Однако никаких мер принято не было. Деятельность определенных лиц, о которых генерал Корнилов был поставлен в известность, не только продолжалась, но и усиливалась, как на фронте, так и в Петрограде и Москве.

Огромное несоответствие между словами нового Верховного главнокомандующего и реальным поведением Деникина и его единомышленников в действующей армии особенно бросалось в глаза на фоне усилий начальника штаба Корнилова генерала Лукомского, который всячески стремился укрепить боеспособность Северного фронта. Деникин и симпатизирующие ему высшие офицеры, которые, без сомнения, были истинно русскими патриотами, судя по всему, хотели любой ценой подорвать моральный дух и восстановленную дисциплину в армии, нанести ущерб доверию солдат к офицерскому составу.

Как могли они так поступать, когда и Верховный главнокомандующий, и высшие офицеры прекрасно знали, что германское Верховное командование готовится к наступлению на Северном фронте в районе Риги?

Был ли хоть какой-нибудь здравый смысл в их систематической клеветнической кампании против комиссаров и комитетов, которая велась и на митингах, и в прессе, и в официальных сводках Ставки?

И даже если в этом и была хоть капля здравого смысла, то можно ли было поднимать такой шум, когда в пределах слышимости находится противник, готовящийся к наступлению? И почему Северный фронт в те трагические недели усилиями высшего командования русской армии был намеренно поставлен под угрозу?

В то время я не мог найти ответов на эти мучительные вопросы, теперь же мне стала известна вся чудовищная правда.

В день падения Риги румынский посланник при Временном правительстве Диаманди волею судеб оказался в Ставке в Могилеве. Потрясенный известием об этом, он спросил Корнилова, как могло случиться, что неприятель захватил город, и что за этим последует. Генерал Корнилов ответил, что "не стоит придавать особого значения потере Риги". И добавил, что войска оставили Ригу по его приказанию, ибо он предпочел потерю территории потере армии. Генерал Корнилов также выразил надежду, что впечатление, которое произведет взятие Риги в общественном мнении, в целях немедленного восстановления дисциплины русской армии*.

Не знаю, успокоили ли эти слова испуганного Диаманди, однако Корнилов не сказал ему правды. Он не сказал ему, что русские солдаты вели упорные бои под градом снарядов тяжелой артиллерии и в облаках

---

*См.: Известия. 1917. 1(14) декабря. Был опубликован текст телеграммы, которую советник итальянского посольства в Петрограде барон Фашиотти направил 22 августа итальянскому министру иностранных дел Соннино.

горчичного газа*. Он не мог признать, что поразил общественное мнение не тем, что не сообщил об истинном поведении русских солдат под Ригой, а тем, что пустил в ход лживые сводки, будто при первом ударе немцев русские трусливо бросились наутек.

Эти официальные сводки были немедленно опубликованы в столичной и провинциальной прессе, вызвав волну предубеждений против действующей армии. Эффект был таким же, как и при опубликовании лживых донесений о бегстве Млыновского полка и о 6-й гренадерской дивизии в первый день германского наступления на Юго-Западном фронте. Корнилов не мог, конечно, признаться, что эти лживые россказни были нужны ему для обеспечения успеха его похода на Петроград, который он предпринял вскоре после падения Риги.

Поскольку я сам лично не был с русскими войсками под Ригой, то не могу дать описания боев, в которых были сметены с лица земли целые полки, "разложившиеся под влиянием революции". Однако есть немало свидетелей, которые поведали о мужестве русских войск, проявленном в самых безнадежных, исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Вот что, например, писал в газете "Известия" 22 августа 1917 года помощник комиссара при главнокомандующем армиями Северного фронта Владимир Войтинский: "19 августа под прикрытием ураганного огня противнику удалось переправиться на правый берег Двины. Наши орудия не могли помешать переправе, поскольку большая часть орудий, прикрывающих район переправы, была подбита противником. Наш плацдарм засыпан снарядами, бомбами с удушливым газом. Войска принуждены были отступить на 5 в. от Двины, на фронте протяжением 10 в. Для восстановления положения... двинуть свежие войска. Перед лицом всей России свидетельствую, что в этой неудаче нашей не было позора. Войска честно выполняли все приказы командного состава, переходя местами в штыковые атаки и идя навстречу верной смерти. Случаев бегства и предательства войсковых частей не было. Представители армейских комитетов — вместе со мной в районе боев".

Несмотря на это и многие другие свидетельства о мужественном поведении войск, та часть прессы, которая занимала по отношению ко Временному правительству враждебную позицию, широко разрекламировала после падения Риги предсказание генерала Корнилова, которое он сделал 14 августа на заседании Московского Государственного совещания, что вследствие "развала" русской армии падение Риги неизбежно. Ему нетрудно было сделать такое предсказание, поскольку он с самого начала августа приступил к отводу войск с Северного фронта, а направленная туда начальником его штаба Лукомским кавалерия была вместо этого переброшена к Петрограду.

*Горчичный газ — новое отравляющее вещество, созданное советником Хабером и впервые примененное в 1917 году на Восточном фронте. От этого смертельного газа не защищали даже противогазы, он также проникал сквозь одежду и поражал тело.

Глава 18

ПУТЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Несколько лет назад вниманию общественности была представлена часть секретных архивов Германского министерства иностранных дел, захваченных в ходе последней войны. Среди них оказалось немало документов, касающихся отношений немцев с Лениным и другими большевиками в период первой мировой войны. Содержание этих документов может быть истолковано по-разному, можно даже и не комментировать их вовсе, однако невозможно более отрицать их существования. Но и сегодня в СССР в газетах, в академических исторических журналах, в книгах по истории, написанных почтенными исследователями, не говоря уже о последнем издании "Истории КПСС" под редакцией Хрущева (так у автора. — *Прим. ред.*), коммунисты по-прежнему отвергают любые упоминания о сделках Ленина с немцами, квалифицируя их как "гнусную клевету" правительства Февральской революции против основателя Советской системы.

Почему же кремлевские руководители столь упорно отказываются признать достоверность этих отношений? Ведь в конце концов Хрущев разоблачил некоторые преступления Сталина, ослабил тяжкий гнет диктатуры, несколько облегчил повседневную жизнь людей. Положение мало изменилось и при его преемниках — Брежневе и Косыгине. Правда заключается в том, что, несмотря на все успехи промышленного развития, несмотря на определенные попытки усовершенствовать экономику в стране, особенно в области сельского хозяйства, в основном все сохранилось в том же виде, как и при Сталине. Большинство населения, за редким исключением, живет в той же нищете, в том же состоянии бесправия, не имея по-прежнему возможности посвятить свои силы духовному и материальному строительству свободной страны. Почему же? Да потому, что коммунисты не могут обнажить корни зла. Они разоблачили Сталина, наиболее рьяного последователя дела Ленина, но сам Ленин идеализируется и не подлежит критике.

Сказать правду о Ленине равнозначно разрушению тоталитарной диктатуры и дать возможность России вернуться на путь демократии, с которого ее насильственно столкнули большевики в октябре 1917 года. Поэтому-то столь тщательно скрываются от народов СССР германские секретные документы. Но невозможно скрыть их от внешнего мира, и я написал эту главу о большевистском восстании 3 июля 1917 года в свете этих документов, как мог бы ее написать и историк в России, если бы наследники Ленина не боялись бы так сильно правды.

К концу века рабочее движение в Европе выросло в могучую политическую силу. Тесно связанные с ним социалистические партии стали занимать на Западе места в парламентах. Наибольшую тревогу этих непрерывно крепнувших социалистических партий и профсоюзов вызывала угроза миру, создаваемая гонкой вооружений между великими державами. Социалисты полагали, что война является неотъемлемой

частью капиталистической системы и что трудящиеся должны бороться против любой угрозы войны всеми доступными им средствами, прибегая, если потребуется, к всеобщей забастовке. Однако в рамках этого социалистического движения существовала незначительная группа, к которой принадлежали Ленин и его сторонники, которая приветствовала возможность возникновения войны, видя в ней провозвестник пролетарской революции.

Как только началась Первая Балканская война, Ленин в письме Горькому выразил надежду на то, что императоры — Франц-Йозеф в Австрии и Николай II в России — "начнут взаимную перестрелку!"*.

С началом первой мировой войны надежда эта осуществилась. Ленин, живший в то время вблизи Кракова, был немедленно арестован австрийской военной полицией. После последовавшего вскоре освобождения он в сопровождении Зиновьева и своей жены Крупской сразу же выехал в Швейцарию. В Польше они жили в ужасной нищете и были вынуждены не раз обращаться за помощью к своим соратникам в Петрограде, прося прислать хоть сотню рублей, чтобы продолжить свою работу. В Швейцарии их положение несколько улучшилось, и в конце 1914 года стал выходить в свет "Социал-демократ" — весьма воинственное издание Ленина, орган пролетарской революции.

С повышенным интересом следил Ленин за развитием войны на Западе. Он видел, что под мобилизацию попало почти все мужское население воюющих стран, что все фабрики и заводы перешли на производство военной продукции и что все это привело к чудовищному росту военных расходов.

Введение в Германии плановой экономики, которая подчинила все личные интересы требованиям и контролю военных властей, создавало — или так это казалось Ленину — те условия, которые Маркс считал необходимыми для начала мировой пролетарской революции. Богатства страны были сконцентрированы в руках небольшой группы военных, крупных банкиров и промышленников; средние классы пережили процесс обнищания, и уровень их жизни приближался к уровню рабочих. Весь континент захлебывался в крови, а старый образ жизни на глазах уходил в прошлое. После неудачи социальной революции в 1848 году Маркс, стремясь утешить немецких рабочих, писал, что они должны выдержать 15, 20 или 50 лет гражданских и межнациональных войн не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но и для того, чтобы они сами могли измениться и стали способными взять в свои руки политическую власть.

Много лет спустя, хотя и не через классовую борьбу, а в результате империалистической войны, развязанной великими державами, осуществилось пророчество Маркса. Но об этом пророчестве стали забывать социалисты в долгий период сравнительного процветания и неуклонного упрочения политической мощи рабочего класса.

Именно в это время Ленин обратился ко всем "настоящим" вождям пролетариата с призывом превратить мировую империалистическую войну в "гражданскую войну между классами". Эту историческую миссию должен был взять на себя промышленный пролетариат. В ленинских планах России, как слаборазвитой в промышленном отношении стране,

---

*В письме А. М. Горькому 25 января 1913 года Ленин писал: "Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (по всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие" (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 155). — *Прим. ред.*

с ее огромным крестьянским населением, придавалось гораздо меньше значения, чем западноевропейским государствам с их мощным классом городских пролетариев. В то же время он полагал, что поражение царской России ускорит наступление мировой революции. Победить Россию могла только Германия, а посему долг каждого "настоящего" революционера — помочь Германии в этом деле. И соответственно только "социал-шовинисты" и "наемники буржуазии" откажутся содействовать поражению своей собственной страны.

У самого Ленина не было абсолютно никаких сомнений — морального или духовного свойства — в том, что необходимо содействовать поражению своей страны. Старый друг Ленина Г. А. Соломон писал:

"Следующее мое свидание было с Лениным... Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров "Утопия", только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова "Утопии" здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!.. вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к *мировой революции*!.."*

Позже, недоумевая по поводу позиции Ленина, Соломон высказывал такое мнение: "Мне вспоминается, что Ленин уже задолго до смерти страдал прогрессивным параличом, и невольно думается, уж не было ли это просто спорадическое проявление симптомов его болезни..."**

Ленин твердо верил в марксистские идеи, изложенные в "Коммунистическом манифесте". Для него все, что было на пользу и выгодно рабочему классу, представлялось этичным, а все, что вредно, — неэтичным. Такая доктрина морального релятивизма, если следовать ей до логического конца, неизбежно ведет к той аморальности, которая предельно сжато сформулирована в словах Ивана из "Братьев Карамазовых" Достоевского: "Если Бога нет, то все позволено". И действительно, именно эту сжатую формулу духовного и морального нигилизма Ленин и его соратники использовали в качестве руководящего принципа всей своей революционной деятельности.

В один из сентябрьских дней 1915 года некий эстонец по имени Кескюла***, бывший коллега Ленина по партии, встретился с германским послом в Берне господином Ромбергом. Он рассказал Ромбергу о том, какой будет внешняя политика русского правительства, если к власти придут большевики. 30 сентября Ромберг направил в министерство иностранных дел депешу, в которой изложил этот разговор, а сам Кескюла через некоторое время выехал в Берлин. Ознакомившись неско-

* *Соломон Г. А.* Среди красных вождей. Париж. 1930. Т. 1. С. 15.

** Там же. С. 83.

*** Кескюла был также членом эстонской националистической организации и сотрудничал с одним из главных контрразведчиков германского генерального штаба Штайнвахсом, который в 1916 году был направлен в Стокгольм в помощь германскому послу Люциусу.

лько лет назад с этой депешей Ромберга*, я понял, насколько ошибался, предполагая, что отношения Ленина с Берлином были установлены лишь после падения монархии, что, между прочим, явилось тогда полной неожиданностью как для Ленина, так и для немцев.

15 января 1915 года германский посол в Константинополе Вагенхейм сообщил в Берлин о встрече с русским подданным, д-ром Александром Гельфандом, который ознакомил его с набросками плана революции в России. Гельфанда (он же Парвус) немедленно пригласили в Берлин. По прибытии туда 6 марта он был тотчас принят Ритулером, личным советником канцлера Бетман-Гольвега. После краткого предварительного разговора он вручил Бетман-Гольвегу записку, озаглавленную: "Подготовка к массовым политическим стачкам в России". Парвус предложил, во-первых, чтобы немцы передали ему значительную сумму денег на развитие сепаратистского движения в Финляндии и на Украине; во-вторых, чтобы они оказали финансовую помощь пораженческой фракции Российской социал-демократической партии — большевикам, руководители которых находились в то время в Швейцарии. Предложения Парвуса были приняты без малейших колебаний. По распоряжению самого кайзера Вильгельма ему было предоставлено германское гражданство и выдана сумма в 2 миллиона немецких марок.

В мае того же года Парвус отправился в Цюрих на встречу с Лениным. У них состоялся продолжительный разговор, краткий отчет о котором Парвус приводит в своем памфлете "Правда, которая колется", опубликованном в 1918 году в Стокгольме.

"Я изложил ему свои взгляды на социальные и революционные последствия войны и в то же время предупредил его, что в этот период революция возможна только в России и только в результате победы Германии... После падения монархии германские социал-демократы делали все возможное, чтобы помочь русским эмигрантам возвратиться в Россию. Однако глава империалистического большинства в социал-демократической партии, член германского правительства Шейдеман со всей решительностью объяснил большевикам, что пока идет война, революция в Германии *невозможна* (курсив Парвуса) и более того, ни в коем случае не следует ставить в трудное положение Западный фронт. Мы не сделаем этого, ибо победа стран Антанты будет означать не только крах Германии, но также и крах русской революции". И хотя, судя по всему, Ленин отказался дать прямой ответ Парвусу на его предложения, тем не менее между ними было решено поддерживать секретную связь через Фюрстенберга (Ганецкого). Ленин направил его в Копенгаген, где он работал вместе с Парвусом.

15 августа того же года германский посол в Дании граф Брокдорф-Рантцау отправил в Берлин сенсационную депешу, в которой сообщал, что он в сотрудничестве с д-ром Гельфандом (Парвусом), которого охарактеризовал как одного из самых блестящих людей, "разработал замечательный план по организации в России революции", добавив в конце депеши: "Победа и, следовательно, мировое господство за нами, если вовремя удастся революционизировать Россию и тем

---

*Источник, откуда взят текст депеш Ромберга, являющийся ключевым документом всего вопроса германо-большевистских отношений, приводится в конце этой главы.

самым развалить коалицию"*. План был одобрен в Берлине самим кайзером Вильгельмом II. Следует отметить, что в характеристике, данной немецким графом Парвусу, нет преувеличения. Он был не только лучшим организатором шпионской и подрывной деятельности против России, но и обладал бо́льшим политическим предвидением, чем отцы "Великой Октябрьской революции".

Секретные досье архивов германского министерства иностранных дел позволяют сделать вывод, что кайзер Вильгельм и его правительство приступило к деловому сотрудничеству с большевиками лишь после того, как провалились все попытки склонить Николая II к заключению сепаратного мира с Германией ради спасения всей монархической системы правления в Европе. Условия этого сепаратного мира предполагалось согласовать, используя многочисленные каналы (включая родственников императрицы Александры). Однако все германские мирные предложения были решительно и резко отвергнуты Николаем II.

Надежды немцев заключить сепаратный мир с Россией возродились осенью 1916 года, когда министром иностранных дел стал Штюрмер, а на пост министра внутренних дел был назначен Протопопов**. Приблизительно в это самое время Ленин и Крупская стали вновь жаловаться на материальные затруднения, однако их финансовые сложности продолжались недолго.

3 декабря 1917 года министр иностранных дел барон фон Кюльман направил кайзеру Вильгельму телеграмму следующего содержания:

"Берлин, декабрь 3, 1917. Тел. № 1771. Распад Антанты и последующее возникновение в результате этого выгодных нам политических комбинаций является важнейшей целью нашей дипломатии во время войны. Россия (на мой взгляд) является самым слабым звеном в цепи противника. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы еще больше расшатать это звено, и, когда предоставится возможность, вырвать его из цепи. Эта цепь лежит в основе всей подрывной деятельности за линией фронта внутри России, а для этого прежде всего необходимо всячески содействовать сепаратистским тенденциям и оказывать поддержку большевикам. Ведь до тех пор, пока они не стали получать от нас по разным каналам и под разными предлогами постоянных субсидий, они не имели возможности создать свой главный печатный орган "Правду", чтобы вести действенную пропаганду и существенно расширить до того времени узкую базу своей партии! Сегодня большевики пришли к власти... Брошенная и отвергнутая своими бывшими союзниками и лишенная финансовой поддержки, Россия будет вынуждена искать нашей помощи. Мы сможем оказывать помощь России самыми различными способами; она примет долгосрочную форму, если Россия заранее обязуется поставлять нам морским путем зерно, сырье и т. д. под контролем вышеупомянутой комиссии. Наша помощь на такой основе, размеры которой можно увеличить, если и когда это потребуется, привела бы, на мой взгляд, к быстрому сближению двух стран..." На следующий день, 4 декабря 1917 года, Кюльман получил телеграмму от Грюнау, своего представителя в Генеральном штабе, который сообщал, что "его величество кайзер выразил согласие с предложенным вашим превосходительством планом сближения с Россией"***.

---

* Цитируется по материалам Дэвида Флойда в "Дейли телеграф" и "Морнинг пост" от 13 апреля 1956 года.

** См. гл. 12.

*** International Affairs. 1956. № 4. С. 189.

Общая сумма денег, полученных большевиками от немцев до и после захвата ими власти, определена профессором Фритцем Фишером в 80 миллионов марок золотом*.

Падение 12 марта монархии было полной неожиданностью как для населения России и германского правительства, так и для изобретателей "генерального плана". За две недели до этого, выступая на собрании швейцарских рабочих, Ленин заявил собравшимся, что революция в России обязательно свершится, но вряд ли ее свидетелями станет его поколение. Когда ранним утром 28 февраля к Ленину прибежал один из его товарищей и сообщил о начале революции в Петрограде, тот отказался поверить ему. Какое-то время он пребывал в состоянии замешательства, от которого вскоре оправился, а 3 марта послал письмо в Норвегию своей единомышленнице Александре Коллонтай. В нем он писал:

"Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По "старому" европейскому шаблону... Ну что ж! Этот "первый этап первой (из порождаемых войной) революций" не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К°.

Все наши лозунги те же..."**

Вслед за письмом Коллонтай он направил своим сообщникам в Стокгольме, готовящимся к отъезду в Россию, телеграмму с инструкциями:

"Наша тактика: полное недоверие; никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями"***.

Кампанию против меня он развернул с первых же дней после революции, используя такие выражения: "агент революции", "фразер", а также "самый опасный человек для революции в ее начальной стадии". В письме Фюрстенбергу (Ганецкому) от 30 марта 1917 года он развивает ту же тему: "Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю "Колокола", я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это обмен швейцарских

---

* *Fisher Fritz.* Griff nach der Weltmacht — Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen. Dusseldorf, 1961. S. 176. Часто цитируемое и широко известное выражение "кайзеровские миллионы для Ленина" следует рассматривать в правильном контексте. По оценкам на 30 января 1918 года, Германия к тому времени ассигновала и истратила из средств специального фонда на пропаганду и специальные цели (Sonderexpeditionen) 382 миллиона марок. 40 580 997 марок, истраченных на Россию, составляют около 10 процентов этих расходов. К 31 января 1918 года "все еще" не были израсходованы 14,5 миллиона марок, однако к июлю 1918 года ежемесячные расходы немцев на пропаганду в России уже достигли 3 миллионов марок. Незадолго до убийства посол граф Мирбах запросил дополнительно 40 миллионов марок, с тем чтобы конкурировать с соответствующими ассигнованиями из стран Антанты. Из этих 40 миллионов до конца войны только 6 миллионов, во всяком случае не более 9 миллионов, были высланы и использованы частями каждые два-три месяца.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399. — *Прим. ред.*

*** Там же. Т. 31. С. 7. — *Прим. ред.*

эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К°) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму. Единственная, без преувеличений единственная, надежда для нас попасть в Россию, это — послать как можно скорее надежного человека в Россию, чтобы путем давления "Совета рабочих депутатов" *добиться* от правительства *обмена* всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных... Последние известия заграничных газет все яснее указывают на то, что правительство, при прямой помощи Керенского и благодаря непростительным (выражаясь мягко) колебаниям Чхеидзе, надувает и *небезуспешно* надувает рабочих, выдавая империалистскую войну за "оборонительную"...

Нет сомнения, что в Питерском Совете рабочих и солдатских депутатов многочисленны и даже, по-видимому, преобладают (1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии... (2) сторонники Чхеидзе... И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К° или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К°...

Лучше всего бы было, если бы поехал надежный, умный парень, вроде Кубы* (он оказал бы великую услугу всему всемирному рабочему движению)...

Условия в Питере архитрудные... Нашу партию хотят залить помоями и грязью ("дело" Черномазова — посылаю о нем документ**) и т. д. и т. д...

На сношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!!

Очень прошу, дорогой товарищ, телеграфировать мне о получении этого письма..."***

Вечером 3 апреля Ленин прибыл в Петроград из Германии в "экстерриториальном вагоне", предоставленном ему немцами.

Через две недели после его прибытия, когда город захлестнули вооруженные демонстрации солдат и матросов, организованные штабом Ленина, к немцам на линии фронта под белыми флагами явились никому не известные русские парламентеры. Я считаю этот инцидент, о котором в то время ничего не знал, еще одним свидетельством того, что перед своим возвращением в Россию Ленин взял на себя обязательство заключить как можно скорее сепаратный мир с Германией.

Упоминание этого странного инцидента, которое я обнаружил в германских секретных архивах всего несколько лет назад, содержится в те-

---

* Это была кличка Ганецкого. Ленин использует ее из соображений конспирации.

** Рабочий, член редколлегии "Правды", который был также полицейским агентом. Имеется в виду статья В. И. Ленина "Проделки республиканских шовинистов" (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 79—82).

*** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418—423.

леграммах, которыми обменялись между собой штаб Гинденбурга и имперское правительство*.

25 апреля представитель министерства иностранных дел, прикомандированный к штабу Гинденбурга, сообщил Бетман-Гольвегу в Берлин о том, что переговоры с "представителями русского фронта" достигли стадии, когда возникла необходимость отозвать германских представителей и проинструктировать их относительно более определенных условий, которые они могли бы предложить на следующей встрече русским поборникам перемирия. Вот полный текст телеграммы: "Генштаб, апрель 25, 1917. Имперскому Советнику представительства при Министерстве иностранных дел. Генерал Людендорф сообщает следующее:

События опережают переговоры с представителями Русского фронта. *В настоящее время переговоры достигли столь* решающей стадии, что тех, кто ведет переговоры с *нашей стороны, следует отозвать* и дать им, если потребуется, *более подробную информацию для передачи русским наших более определенных условий мира* (курсив мой).

Таким образом, основы для этого могут быть выработаны в результате соглашения между верховным командованием Германии и Австро-Венгрии при участии министров иностранных дел соответствующих стран. Русский фронт находится в состоянии спокойного наблюдения. На изменение этого положения оказывают влияние английские агитаторы, допущенные на фронт с согласия Временного правительства, а также наша агитация непосредственно во фронтовых районах. В настоящее время они уравновешивают друг друга. Мы легко можем склонить чашу весов на свою сторону, если сделаем на переговорах конкретные предложения тем русским, которые заинтересованы в мире. Выражая эту точку зрения, я прошу ваше превосходительство согласовать с Австрией наши условия заключения мира на основе обмена мнениями в Крейцнахе 23.4. Тем временем я посоветую Обосту проинформировать русских о том, что им следует 1) удалить из зоны боевых действий английских и французских агитаторов; 2) направить к нам представителей от отдельных армий, с которыми мы могли бы вести серьезные переговоры.

Грюнау"**

В телеграмме Грюнау не упоминаются имена русских участников этих переговоров, представители русского Верховного командования и не могли вести такого рода переговоров. Еще большее удивление вызывает то обстоятельство, что в сообщении Ставки германскому министерству иностранных дел от 7 мая 1917 года (нового стиля) есть ссылка на появление 4 мая в расположении передовых линий 8-й армии под командованием генерала фон Эйхгорна русских парламентеров.

Беседа с русскими представителями парламентеров к югу от Десны: "Два представителя сообщили, что 4 мая в Петроград были отправлены два курьера с тем, чтобы побудить ближайшего сподвижника Чхеидзе Стеклова прибыть сюда от имени Чхеидзе, который сам этого сделать не

---

*К сожалению, архивы военного министерства и разведывательного отделения германского Генерального штаба были полностью уничтожены огнем, поэтому о деятельности этих учреждений можно судить лишь по их переписке с правительством. Это огромная утрата для истории России 1917 года. Я уверен, что в военных архивах я обнаружил бы ссылки на определенных лиц, которые подтвердили бы мои исследования. Однако без таких документов я не считаю возможным упоминание этих лиц по имени.

** German Foreign Office Files in National Archives of the USA, File 1499, Fr. D-627679-680.

может; что Стеклов склонен достичь компромиссных соглашений и потому, как они полагают, было бы полезно, если бы мы, со своей стороны, могли бы тоже направить партийных товарищей (т. е. членов большинства Германской социал-демократической партии). Отвечая на вопрос об отношении к главным пунктам нашей пропаганды, депутаты заявили, что никогда не признают германских аннексий. Если немцы согласны с этим, то русским не будет необходимости консультироваться с Антантой и они заключат сепаратный мир. Россия просит оказать финансовую поддержку своим военнопленным... Генерал Людендорф обращается к Вашему превосходительству с просьбой назначить надежного социал-демократа и, для равновесия, члена национальной партии (свободного консерватора) для участия в таких переговорах. От имени армии можно было бы привлечь к переговорам бывшего военного атташе в Париже полковника фон Винтерфельда (нынче главный квартирмейстер в Митау). Ваше превосходительство могло бы выделить ему в помощь кого-либо из молодых дипломатов, более сведущего в подобного рода процедурах.

Генерал Людендорф исключает возможность проведения переговоров на нейтральной территории. Для этого подошли бы Митау, Рига или другое место, с которым можно установить телеграфную связь. Я изложил генералу Людендорфу взгляды Вашего превосходительства на объединение Литвы с Курляндией под эгидой герцога. Он войдет по этому вопросу в контакт с Главнокомандующим. Слово ”аннексия” следует заменить на ”уточнение границ”.

Генерал просит сообщить ему о позиции Вашего превосходительства.

Лесснер”*

Если парламентеры сообщили 4 мая, что они поддерживают связь со Стекловым, то очевидно, что к немцам они пришли не в первый раз. И действительно, в своих мемуарах германский министр пропаганды и влиятельный член католического центра в рейхстаге Эрцбергер пишет, что двумя днями ранее, 2 мая, генерал Людендорф сообщил ему о попытках каких-то русских делегатов начать переговоры ”на своих собственных условиях заключения мира”.

Если перевести эти даты с нового на старый стиль, то получится, что таинственные русские ”парламентеры” предприняли попытки начать переговоры на фронте *именно в те дни* (19 и 21 апреля), *когда в столице состоялись вооруженные демонстрации, организованные большевиками***.

---

*German Foreign Office Files in National Archives of the USA. Document D-627769.

**То, что демонстрации были действительно организованы большевиками, доказывает следующий рассказ лидера большевиков в Кронштадте гардемарина Раскольникова (Ф. Ф. Ильин): ”20 апреля, вечером, возвратившиеся из Петрограда товарищи сообщили кронштадтскому партийному комитету, что в Питере неспокойно...

На следующий день по телефону позвонил из Петрограда т. Николай Ильич Подвойский. Оговорившись, что по проводу он всего сообщить не может, т. Подвойский от имени военной организации потребовал немедленного приезда в Петроград надежного отряда кронштадтцев. Встревоженный, прерывистый голос т. Подвойского обнаруживал, что в Петрограде положение серьезно.

Мы тотчас разослали телефонограммы по судам и береговым отрядам, приглашая каждую часть выделить несколько вооруженных товарищей для поездки в Петроград (Красная летопись. 1923 № 7. С. 91).

Однако эти демонстрации закончились провалом, и посланцы "от Стеклова" никогда более не появлялись на фронте*.

Но из всех этих документов со всей очевидностью вытекает, что Гинденбург, Людендорф, Бетман-Гольвег, Циммерман и даже сам кайзер готовились вести серьезные переговоры о сепаратном мире с теми лицами в Петрограде, которых считали способными навязать стране свою волю. Генерал Гофман, который, по сути дела, осуществлял командование Восточным фронтом, отнесся к приказу отправиться с Эрцбергером в Стокгольм для получения соответствующих инструкций столь скептически, что в своей книге "Война упущенных возможностей" приходит к абсурдному выводу, что "Керенский посылает нам своих людей будто бы для ведения мирных переговоров, чтобы усыпить бдительность германских военных властей и тем временем подготовить наступление русских армий".

Однако люди, создавшие "генеральный план" (к этой группе генерал Гофман не относился) заранее знали, кто подпишет договор о перемирии или мире — Ленин.

В то время в Петрограде с визитом находился глава шведских социал-демократов Ялмар Брантинг, один из немногих влиятельных людей в Стокгольме, которые выступали против попыток шведской армии и правительственной верхушки вступить в войну на стороне Германии. У нас с ним вскоре установились вполне дружеские отношения, и однажды, когда мы говорили с ним о весьма вольном поведении наших большевиков в шведской столице, он неожиданно со смехом сказал: "А вы знаете, что когда Ленин был в Стокгольме на пути в Петроград (2 апреля), он заявил на собрании крайне левых членов нашей партии, что через две или три недели возвратится в Стокгольм, чтобы вести переговоры о мире?"

Увидев недоумение на моем лице, он добавил: "Уверяю вас, что не шучу. Мне сказал об этом один из членов социал-демократической партии, который там присутствовал, человек, которого я давно знаю и которому полностью доверяю".

Достоверность рассказанной Брантингом истории подтверждается телеграммой, которую получил из Гааги от А. И. Бальфура Джордж Бьюкенен.

"За последние несколько дней я получил из четырех разных источников информацию об уверенности Германии в том, что в ближайшие две недели будет объявлено о мире между Россией и Германией. В одном из сообщений говорится, что вести переговоры уполномочен Кюльман, который, по слухам, находится в этом городе".

Телеграмма была послана Бальфуром 4 мая (н. ст.), а 15 апреля состоялась встреча Ленина со шведскими социал-демократами, о которой упомянул Брантинг.

Я вспомнил о том, что рассказал мне Брантинг, когда знакомился с немецкими документами о мирных переговорах, и, перебрав в уме все

---

*В мае германское правительство предприняло две попытки побудить Россию, под предлогом заключения перемирия, вести сепаратные переговоры и тем самым помешать восстановлению боеспособности наших армий. Одна из них — на Северном фронте, которым командовал генерал А. М. Драгомиров; другая — в Петрограде через посредство одного из руководителей шведских социал-демократов и члена шведского Национального собрания Роберта Гримма. Попытка на фронте осталась без ответа. Гримма же попросили немедленно покинуть Россию, после того как была расшифрована его переписка с Берлином (которую он вел через шведское представительство). См.: Russian Provisional Government. Vol. 2. P. 1158, 1180—1181.

случаи вооруженных демонстраций в 1917 году, пришел в конце концов к выводу, что главной целью Ленина в то время было свержение Временного правительства, что он считал важным шагом на пути к подписанию сепаратного мира. Это было равно важно и для верховного командования Германии, и для фанатичных приверженцев идеи мировой пролетарской революции.

Для достижения этой цели, с точки зрения большевиков, совсем не обязательно было организовывать вооруженное восстание против правительства. Все, что требовалось, полагали они, это разного рода мирные "средства давления" (массовые демонстрации и др.), чтобы свергнуть правительство и осуществить лозунг "Вся власть Советам". А уж когда власть перейдет в руки разношерстной компании лидеров разных партий, представленных в Петроградском Совете, нетрудно будет преобразовать ее в диктатуру большевистской партии.

Однако Ленин и те, кто поддерживал его за границей, в своих расчетах не учли один существенный фактор: Петроград — это еще не вся страна, "революционная демократия" — ни в коем случае не представляла русскую демократию в целом, а ее лидеры, вопреки их претензиям, не располагали в стране реальной властью.

Всякий раз, когда в столице происходили "мирные" вооруженные демонстрации — в конце апреля, 9 и 18 июня, — они кончались провалом. И происходило это потому, что вожди "революционной демократии" четко понимали одну вещь: если они захватят власть, то будут сами тут же свергнуты Лениным, который открыто презирал их и не скрывал своих намерений по этому вопросу. Ленин быстро усвоил урок, что между свержением правительства, основанным на воле свободного народа, и захватом власти вооруженным меньшинством не может быть промежуточной стадии.

В середине апреля в Петроград прибыл французский министр военного снабжения Альбер Тома. Он привез с собой и передал князю Львову некоторую, в высшей степени важную, информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами. Однако французский министр обусловил это требованием, чтобы о том, что он — источник информации, сообщили лишь тем министрам, которые займутся расследованием обстоятельств дела. Через несколько дней на секретном совещании князь Львов с согласия Тома поручил это расследование Некрасову, Терещенко и мне.

17 мая (а, быть может, днем позже) я получил от начальника штаба генерала Деникина пакет с протоколом допроса прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко, проведенного офицерами контрразведки. Находясь в германском плену, этот молодой офицер согласился работать немецким агентом для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией и получил от двух офицеров германского генштаба Шигицкого и Люберса (существование коих было подтверждено) необходимые инструкции, деньги и адреса. Согласно показаниям Ермоленко, они сообщили ему, что такого же рода агитацию ведут в России агент германского генерального штаба, председатель украинской секции "Союза освобождения Украины", которая функционировала в Австрии с 1914 года на средства Вильгельма II, А. Скоропись-Иолтуховский, а также — Ленин.

В соответствии с условием, которое выдвинул Тома, больше никто в России, даже другие министры или Верховный главнокомандующий, не были поставлены в известность о сообщенных фактах.

В начале июля, когда наши расследования, давшие весьма плодотворные результаты, близились к завершению, министру юстиции П. Н. Переверзеву были выданы соответствующие документы для проведения необходимых арестов. Министр получил распоряжение без специального разрешения князя Львова никому не показывать этих документов и лично нести ответственность за их сохранность.

Создавшееся вечером 4 июля положение, когда Таврический дворец оказался окружен огромной толпой вооруженных солдат и матросов, принимавших участие в организованном большевиками восстании, показалось Переверзеву и его помощникам столь угрожающим, что они, не обратившись за разрешением ко Львову, опубликовали заявление для печати о связях организаторов демонстрации с немцами.

После ссылки на допрос Ермоленко в заявлении говорилось следующее:

"...*согласно только что поступившим сведениям* (курсив мой), такими доверенными лицами являются: в Стокгольме — большевик Я. Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус, в Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский и родственница Ганецкого Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями. Козловский является получателем немецких денег, переводимых из Берлина чрез Disconto-Gesellschaft на Стокгольм Nya Banken, оттуда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету *имеется свыше 2-х миллионов*.

Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами Стокгольма и Петрограда"*.

Следует отметить, что все эти детали были взяты из доклада, подготовленного Терещенко, Некрасовым и мной на основе абсолютно секретных расследований, и не имели никакого отношения к допросу Ермоленко.

В тот же вечер состоялся короткий телефонный разговор между главным прокурором апелляционного суда в Петрограде Н. С. Каринским и близким другом и соратником Ленина Бонч-Бруевичем.

"Я звоню к вам, — сказал он мне, — чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте отсюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно, и от слов вскоре перейдут к делу.

— В чем же дело? — спросил я его.

— Его обвиняют в шпионстве в пользу немцев.

— Но вы-то понимаете, что это самая гнуснейшая из клевет! — ответил я ему.

— Как я понимаю, это в данном случае все равно. Но на основе этих документов будут преследовать всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно и прошу вас немедленно же принять нужные меры, — сказал он как-то глухо, торопясь. — Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать. До свидания. Желаю вам всего наилучшего... Действуйте..."**

---

* Русское слово. 1917. 6(19) июля.

** *Бонч-Бруевич Влад.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. 2-е изд. М., 1931. С. 83.

Бонч-Бруевич не промедлил и тем же вечером, 4 июля, Ленин и его неизменный приспешник Апфельбаум (Зиновьев) исчезли бесследно. Ленин не тратил времени. Он-то прекрасно знал, о чем идет речь.

В результате опубликованного заявления доселе неизвестный прапорщик Ермоленко стал предметом разговора всего города. Игнорируя другие обвинительные свидетельства, приведенные в заявлении Переверзева, руководители Совета возмутились, каким образом можно предъявить обвинения такому человеку, как Ленин, на основе показаний весьма сомнительного прапорщика, засланного в Россию как шпиона. Стоит ли говорить о том, что и сам Ленин постарался запутать дело, сконцентрировав все внимание на Ермоленко.

6 июля "Правда" выпустила специальный листок (обычный номер нельзя было выпустить вследствие того, что в ночь на 5 июля группа юнкеров устроила погром в редакции газеты), где была помещена статья Ленина, которую он написал перед бегством в Финляндию, когда скрывался в квартирах рабочих-большевиков и главным образом в квартире рабочего по фамилии Аллилуев, чья дочь позднее стала женой Сталина. В этой статье Ленин с возмущением отверг обвинения как "позорную клевету" и, следуя старой военной аксиоме, что нападение — лучшая защита, писал далее:

"Вздорность клеветы бьет в глаза... Доклад о "документах" послан был Керенскому еще 16-го *мая*. Керенский член и Временного правительства и Совета, т. е. обеих "властей". С 16-го мая до 5 июля времени уйма. Власть, будь она властью, могла бы и должна была бы *сама* "документы" расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать"*.

27 июля, после того как в газетах были полностью опубликованы все обвинительные показания, Ленин в газете "Рабочий и солдат", отметив, что все обвинения против него сфабрикованы в духе "дела Бейлиса", писал:

"Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким *никаких*"**.

Ленин преднамеренно забыл ту часть обвинения, где отмечалось, что во время обыска в доме известной балерины Кшесинской, где находилась штаб-квартира Ленина, следователи обнаружили телеграмму Ганецкого Ленину о финансовых вопросах. Неуместность сравнения дела Ленина с делом Бейлиса почувствовал даже Троцкий. Он написал статью о "величайшей в мире клевете" и о "новой дрейфусиаде". Эта статья, переведенная на многие иностранные языки, в течение длительного времени служила для многих людей на Западе основанием для возмущения попытками Временного правительства очернить честь великого революционера и борца за дело рабочего класса.

Однако факты, по выражению самого Ленина, "упрямая вещь", и, когда в июле внешние и внутренние враги свободы в России потерпели крах в попытках сокрушить едва родившуюся в стране демократию, Ленин молчаливо признал справедливость этих фактов, покинув пределы страны. И в самом деле, после того как вся Россия узнала, с кем водил он компанию, выбора у него не было.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 415.

** Рабочий и солдат. 1917. 27 июля (9 августа).

После подавления июльского восстания влияние большевиков резко уменьшилось. Почти нигде в стране нельзя было услышать голоса большевистских агитаторов-пораженцев; представители ленинской партии исчезли из президиумов местных Советов, а на фронте солдаты нередко сами арестовывали большевистских агентов и изгоняли их из своих рядов. Ленин и его сторонники прекрасно отдавали себе отчет в упадке своего влияния. Открыто признал это и Троцкий в своей брошюре "Русская революция 1917 года", в которой недвусмысленно писал, что после июльского восстания большевистская партия была вынуждена на некоторое время перейти на нелегальное положение.

В период своего пребывания в Финляндии Ленин, опираясь на опыт четырех "мирных" вооруженных демонстраций, пришел к выводу о том, что, соблазняя меньшевиков и партии социалистов-революционеров лозунгами "Вся власть Советам!", он никогда не добьется свержения Временного правительства.

Как всегда быстро оправившись от нанесенных ударов, он вскоре обратился к большевистской партии с новой директивой в статье, озаглавленной "К лозунгам", где писал, что отныне пролетариат сможет взять власть в свои руки лишь путем вооруженного восстания, а до тех пор ему ничего не остается, как ждать, пока "русские Кавеньяки"* во главе с Керенским расправятся с Советами, а обе "соглашательские" социалистические партии капитулируют, в конце концов, безо всякой борьбы. А тем временем пролетариату под руководством большевиков следует терпеливо готовиться к тому моменту, когда он лицом к лицу столкнется с "русскими Кавеньяками" в решающей и окончательной схватке.

Пытаясь скрыть степень своей капитуляции от русских солдат и рабочих, которые были мало сведущи в политике и еще меньше — в европейской истории, Ленин не нашел ничего лучшего, чем заклеймить меня "Кавеньяком" и процитировать известное письмо Карла Маркса к германским рабочим после поражения так называемой "социальной революции" 1848 года**. Излагая свою новую директиву, он писал:

"Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл "внезапно" настолько же, насколько "внезапен" был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля — 4 июля***.

---

* Генерал Луи Кавеньяк подавил в июне 1848 года восстание рабочих в Париже.

** В статье В. И. Ленина "К лозунгам" упоминается не письмо Маркса к германским рабочим, а работа Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". — *Прим. ред.*

*** См. директиву Ленина, озаглавленную "К лозунгам", написанную в середине июля 1917 года и напечатанную отдельной брошюрой, изданной Кронштадтским комитетом РСДРП(б). *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10—17.

Касаясь актов насилия толпы, возмущенной сообщениями о большевистском предательстве после неудачного восстания, и статей крайне правой реакционной прессы, Ленин пытается изобразить Временное правительство как кучку махровых реакционеров:

"Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду* — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, через "Новое Время", "Живое Слово" и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, "самообман и обман народа".

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы и их партии: надо разъяснять народу их палаческую роль и неизбежность такого "финала" этих партий после их "ошибок" 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления, — политики, на девять десятых предрешившей победу Кавеньяков в июле...

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многоразличные этапы и до окончательной победы контрреволюции и до окончательного поражения (без борьбы) эсеров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом, однако, говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности..."*

Вряд ли стоит говорить, что провал попытки Ленина захватить власть в июле был огромной неудачей для немцев. Ленин не обеспечил заключения сепаратного мира, того самого мира, который, как писал фельдмаршал Гинденбург канцлеру Бетман-Гольвегу 5 апреля, столь необходим до наступления зимы 1917 года**.

В отчаянных попытках решить эту проблему кое-кто в германском правительстве или, возможно, в Генеральном штабе выдвинул идею заключения мира с Временным правительством.

Однажды в конце июля меня в служебном кабинете навестил д-р Рунеберг, прибывший из Финляндии. Я знал д-ра Рунеберга как великолепного врача и как проницательного политика и потому внимательно выслушал его. Весьма значительное лицо из Стокгольма, чье имя он не раскрыл, обратилось к нему с просьбой сообщить мне, что у него есть для меня послание германского правительства и что он соответственно желал бы встретиться со мной. Д-р Рунеберг добавил, что знает мое отношение к подобным предложениям, однако в такой исторический момент, когда судьба стран, ведущих войну, находится в состоянии шаткого равновесия, он полагал, что сделал бы ошибку, не сообщив мне об этом. Меня привела в ярость сама идея — чтобы немцы позволили

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 15, 17.

** См.: German Secret Archives, microcopies. T. 120. ii, №1498, A 627623.

себе обратиться ко мне,— и я попросил своего друга информировать лицо из Стокгольма, что "он может, если пожелает, приехать и встретиться со мной, однако я тут же распоряжусь о его аресте". Не вдаваясь в детали, я упомянул об этом инциденте на Московском государственном совещании*.

В конце концов Ленину, конечно, удалось подписать сепаратный мир, но это произошло слишком поздно, чтобы дать возможность немцам одержать победу на англо-французском фронте.

Приложение

Донесение Ромберга германскому канцлеру**

Посланник в Берне — канцлеру
Сообщение № 794
А 28659

Берн, 30 сентября 1915 года

Эстонцу Кескюле удалось договориться об условиях, на которых русские революционеры готовы заключить с нами мир в случае успешного завершения революции. Согласно информации, полученной от хорошо известного революционера Ленина, его программа содержит следующие пункты:

1. Установление республики.
2. Конфискация крупной земельной собственности.
3. 8-часовой рабочий день.
4. Полная автономия для всех национальностей.
5. Предложение о мире, без каких-либо консультаций с Францией, но при условии, что Германия откажется от всех аннексий и военных репараций.

По пункту 5 Кескюла замечает, что его содержание не исключает возможности отделения от России тех национальных государств, которые смогут стать буферными государствами.

6. Русские армии немедленно выводятся из Турции, иными словами, полный отказ от притязаний на Константинополь и Дарданеллы.
7. Русские войска вводятся в Индию.

Я оставляю открытым вопрос, следует ли в действительности придавать большое значение этой программе, тем более что сам Ленин настроен весьма скептически относительно перспектив революции. Его, видимо, очень сильно беспокоит предпринятое недавно так называемыми социал-патриотами контрнаступление. Согласно данным Кескюлы, это контрнаступление возглавляют социалисты Аксельрод, Алексинский, Дейч, Марк Качел, Ольгин и Плеханов. Они ведут яростную агитацию и имеют немалые финансовые средства, которые, по-видимому, черпают из правительственных фондов. Их деятельность представляет тем большую опасность для революции, что сами они являются старыми революционерами и поэтому хорошо знакомы с техникой организации революции. По мнению Кескюлы, в связи с этим было бы

---

* В Гуверовском институте Стэнфордского университета имеется письменное показание, подписанное мной, в котором содержатся некоторые другие подробности этого инцидента.

** Цит. по: *Zeman Z. A. B.* Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. London, 1958. P. 6—7.

важно, чтобы мы немедленно оказали помощь движению Ленинских революционеров в России. Он лично доложит об этом в Берлин. Согласно его источникам информации, настоящий момент крайне благоприятен для свержения правительства. Поступает все больше сообщений о рабочих беспорядках, а роспуск Думы, как говорят, вызвал всеобщее возбуждение. Тем не менее нам следует действовать без промедления, не дожидаясь, пока социал-патриоты возьмут верх.

...Программу Ленина не следует, конечно, предавать гласности, поскольку ее опубликование приведет прежде всего к раскрытию источника информации, а также потому, что обсуждение этой программы в печати лишит ее всякой ценности. Я считаю, что она должна быть окружена завесой величайшей секретности с тем, чтобы создать впечатление, будто подготовка к соглашению с могущественными кругами в России уже ведется.

Не касаясь французского аспекта, я прежде всего просил бы Вас обсудить эту информацию с Кескюлой и сделать все возможное, чтобы не нанести ущерба чрезмерно поспешной ее публикацией в прессе.

Ромберг.

Глава 19

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

Восстановление России после падения монархии происходило крайне быстрыми темпами. Страна стремительно набирала силы. Повсюду укреплялись конструктивные силы. Россия вновь начала работать, воевать, отдавать приказы и подчиняться им.

Принятый русской армией весной 1917 года стратегический план зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Улучшились отношения солдат и офицеров, прекратилось дезертирство с фронта. Кое-где в глубинке происходили крестьянские бунты, однако их размах ни в коей мере не приближался к уровню бунтов 1905—1906 годов. На большинстве фабрик возобновились производства, а те проблемы, которые все еще сохраняли остроту, были вызваны не плохими взаимоотношениями рабочих и администрации, а блокадой.

Революция выбила нацию из колеи рутинной жизни, но постепенно жизнь стала возвращаться в нормальное русло, проявляясь в деятельности земельных комитетов, кооперативов, профессиональных союзов; страна с воодушевлением трудилась на ниве культуры и просвещения.

К августу большинство земств и городских управ уже были реорганизованы на основе принципа всеобщего голосования. После восстания 4 июля большевики в Советах, особенно в провинции, практичсски потеряли всякое влияние. Да и сами Советы, сыграв свою роль в период падения монархии, по сути дела, были на грани самораспада. Осенью 1917 года эта тенденция стала настолько очевидной, что даже официальный орган Центрального комитета Совета газета "Известия" писала, что Советы солдатских и рабочих депутатов переживают состояние очевидного кризиса. Многие из них прекратили существование, еще больше существуют лишь на бумаге. Система рабочих органов Советов в некоторых местах разрушена, в других — ослаблена, в остальных — находится в состоянии упадка. "Известия" объясняли причины этого упадка тем, что Советы перестали быть всеобъемлющими демократическими органами. Они нигде не представляют демократического движения в целом и вряд ли где-нибудь — большинство этого движения. И даже в главных центрах — в Москве и Петрограде, где Советы проявили себя с лучшей стороны, они ни в коем случае не объединяют все демократические элементы. В их работе не принимают участия представители разных слоев интеллигенции и даже некоторые прослойки рабочих. Советы выполнили, по мнению газеты, свою задачу и теперь, когда местные органы власти выбраны на основе всеобщего голосования, когда рабочие получили наилучшую в данных условиях систему профессионального представительства на демократической основе, существование Советов потеряло всякий смысл. Они были эффективным органом в борьбе со старым режимом, но они абсолютно неспособны создать новый. У них нет подготовленных кадров, нет опыта и, главное, нет необходимых организаций, подчеркивали в заключение "Известия".

И при этом мы в правительстве все время остро ощущали необходимость установления более тесных связей со всеми слоями населения.

Ибо мы понимали, что без таких связей станем крайне уязвимы перед демагогическим давлением и в случае неудач на фронте (как это имело место после мощнейшего немецкого наступления у Калуща и Тарнополя), и в случае существующего недовольства в военных и гражданских кругах. Вот почему, как только завершился июльский кризис и было сформировано новое правительство, я предложил созвать как можно скорее в Москве Государственное совещание. Прямой контакт с представителями всех классов и групп даст нам возможность почувствовать пульс страны и в то же время изложить и объяснить как нашу политику, так и стоящие перед нами проблемы.

Государственное совещание, в котором приняли участие представители всех демократических организаций, проходило с 12 по 15 августа в Москве, в Большом театре. На нем не были представлены только крайне правые монархисты, которые на какое-то время затаились, и большевики, отказавшиеся принять процедурные правила, касающиеся порядка выступления на совещании. В первый день работы совещания большевики безуспешно попытались толкнуть всех рабочих Москвы на забастовку. Другим проявлением экстремизма была пышная встреча, которую организовали на вокзале сторонники военной диктатуры генералу Корнилову, также прибывшему на совещание. Оба эти инцидента — неудачная забастовка и встреча Корнилова — лишь послужили делу изоляции левых и правых сторонников диктатуры от подавляющего большинства населения России, которое по своим убеждениям целиком поддерживало демократию.

Не хочу в подробностях описывать Московское Государственное совещание*.

Интерес представляет не то, что́ было сказано, а искренность и глубокий патриотизм выступавших. Были моменты довольно резких столкновений между политическими противниками, но были и моменты, когда тысячи собравшихся в зале людей демонстрировали единодушную поддержку новому государству и преданность стране. Самое замечательное событие произошло после бурных дебатов между выступавшим от социалистических партий Церетели и представителем крупного промышленного и финансового капитала Бубликовым. Неожиданно оба они двинулись навстречу друг другу и после сердечного рукопожатия высказались за классовое перемирие во имя интересов Родины.

Поразительное единодушие проявилось в том, с каким воодушевлением встречало совещание требование установления республики, которое звучало в выступлениях всех ораторов — от рабочих до капиталистов, от генералов до простых солдат.

Возвращаясь мыслями к тем трем дням, я сегодня понимаю, что совершил тогда одну большую ошибку. К тому времени я уже знал о готовящемся военном заговоре и я также знал имена некоторых главарей.

Чего я, однако, не понимал, это того, что работа Московского совещания совпала с критической фазой в подготовке заговора. И хотя полковник Верховский, командовавший Московским военным округом, сообщив мне о передвижениях войск с Дона и из Финляндии, настоятельно советовал арестовать некоторых высокопоставленных офицеров, мои собственные данные не давали оснований ожидать немедленного восстания в Москве. Однако в своем заключительном выступлении я, вместо

---

*Как это ни странно, но советское государственное издательство опубликовало в 20-х годах стенограмму совещания. Все выступления приведены полностью и безо всяких искажений.

того чтобы без обиняков высказать все до конца, ограничился намеком, прекрасно понятым главарями заговора, что любая попытка навязать волю правительству или народу будет решительно подавлена. Девять десятых из присутствовавших не поняли этого предупреждения, однако некоторые из газет, которые были в курсе дела, не без иронии заметили, что я в конце своей заключительной речи дал волю "истерии".

Сегодня-то я понимаю, что вместо того чтобы изъясняться загадками, следовало открыто сказать о готовящемся вооруженном восстании. Я умолчал об этом, ибо не хотел травмировать армию и всю страну рассказом о заговоре, который был еще только в стадии подготовки. Если бы я знал в то время, что во главе заговора стоит Верховный главнокомандующий, которого я сам назначил и на помощь которого в борьбе с заговорщиками полагался, то конечно же сказал бы об этом на совещании и немедленно, тут же на месте принял все необходимые меры. Но я не знал этого, и России пришлось дорогой ценой расплачиваться за мою веру в него.

По величайшей иронии контрреволюционное движение, которое не имело глубоких корней ни в стране, ни в армии и поддерживалось лишь кучкой офицеров, по сути дела, планировало уничтожение тех ценностей, в защиту которых оно якобы выступало. Это отлично понимал Великий князь Николай Михайлович, историк-любитель с хорошо развитым чувством здравого смысла в области политики, который часто навещал меня по ночам в Зимнем дворце и сообщал о том, что происходит в гвардейских полках и в высшем обществе, никогда, даже случайно, не упомянув ни одного имени. "Эти умники,— сказал он как-то, имея в виду гвардейских офицеров, замешанных в заговоре,— абсолютно не способны понять, что вы (то есть Временное правительство) — последний оплот порядка и цивилизации. Они стремятся разрушить его и когда в этом преуспеют, все, что осталось, будет сметено неконтролируемой толпой".

Я сказал генералу Корнилову, что ему стоило бы положить конец опасным играм, которые затеваются в его окружении... "В конце концов,— заявил я,— если какой-нибудь генерал рискнет открыто выступить против Временного правительства, он сразу же почувствует, что попал в вакуум, где нет железных дорог и средств связи с его собственными войсками". Именно это и произошло! Предпринятая в ночь с 26 на 27 августа попытка захватить власть посредством молниеносного переворота в Петрограде была пресечена в корне без единого выстрела.

ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ

Я хорошо помню мою первую встречу с бывшим царем, которая состоялась в Александровском дворце в середине апреля. По прибытии в Царское Село я тщательно осмотрел все помещения, изучил систему охраны и общий режим содержания императорской семьи. В целом я одобрил положение, дав коменданту дворца всего несколько рекомендаций относительно улучшения условий содержания. Затем я попросил бывшего гофмаршала двора графа Бенкендорфа сообщить царю, что я хотел бы встретиться с ним и с Александрой Федоровной.

Двор в миниатюре, состоявший всего из нескольких человек, не покинувших Николая II, все еще соблюдал прежний этикет. Старый граф с моноклем в глазу выслушал меня с подчеркнутым вниманием и ответил: "Я доложу Его Величеству". Через несколько минут он возвратился и торжественно объявил: "Его Величество милостиво согласился принять Вас". Все это выглядело несколько нелепо и не к месту, однако мне

не хотелось лишать графа последних иллюзий. Он по-прежнему считал себя гофмаршалом Его Величества Царя. Это все, что у него осталось. Большинство из ближайшего окружения царя и его семьи покинули их. И даже у детей царя, которые болели корью, не было сиделки и об оказании медицинской помощи заболевшим пришлось позаботиться Временному правительству.

Когда Николай II был всемогущ, я сделал все, что мог, чтобы содействовать его падению, но к поверженному врагу я не испытывал чувства мщения. Напротив, я хотел внушить ему, что революция, в чем торжественно поручился князь Львов, великодушна и гуманна к своим врагам, и не только на словах, но и на деле. Только таким было мщение, достойное Великой Революции, благородное мщение суверенного народа.

Конечно же, если бы юридическое расследование, проведенное по распоряжению правительства, обнаружило доказательства того, что Николай II перед войной или во время войны совершил предательство в отношении своей страны, его бы немедленно отдали под суд и о его отъезде за границу не могло быть и речи. Однако была доказана его несомненная невиновность.

Встречу с царем я ожидал с чувством некоторого волнения, опасаясь, оказавшись лицом к лицу с ним, не сдержать своих чувств.

Все это пронеслось у меня в голове, пока мы шли дворцовыми апартаментами. Наконец мы дошли до детской комнаты. Оставив меня перед закрытой дверью, ведущей во внутренние покои, граф вошел внутрь, чтобы сообщить о моем приходе. Почти тотчас возвратившись, он произнес: "Его Величество приглашает вас". И распахнул дверь, остановившись на пороге.

Стоило мне, подходя к царю, окинуть взглядом сцену, и мое настроение полностью изменилось. Вся семья в полной растерянности стояла вокруг маленького столика у окна прилегающей комнаты. Из этой группы отделился невысокий человек в военной форме и нерешительно, со слабой улыбкой на лице направился ко мне. Это был Николай II. На пороге комнаты, где я ожидал его, он остановился, словно не зная, что делать дальше. Он не знал, как я себя поведу. Следует ли ему встретить меня в качестве хозяина или подождать, пока я заговорю? Протянуть ли мне руку или дождаться, пока я первым поздороваюсь с ним? Я сразу же почувствовал его растерянность, как и беспокойство всей семьи, оказавшейся вместе, в одном помещении с ужасным революционером. Я быстро подошел к Николаю II, с улыбкой протянул ему руку и отрывисто произнес: "Керенский", как делал обычно, представляясь кому-либо. Он крепко пожал мою руку, улыбнулся, почувствовав, по-видимому, облегчение, и тут же повел меня к семье. Его сын и дочери, не скрывая любопытства, внимательно смотрели на меня. Александра Федоровна, надменная, чопорная и величавая, нехотя, словно по принуждению, протянула свою руку. В этом проявилось различие в характере и темпераменте мужа и жены. Я с первого взгляда понял, что Александра Федоровна, умная и привлекательная женщина, хоть и сломленная сейчас, и раздраженная, обладала железной волей. В те несколько секунд мне стала ясна та трагедия, которая в течение многих лет разыгрывалась за дворцовыми стенами. Несколько последовавших за этой встреч с царем лишь подтвердили мое первое впечатление.

Я поинтересовался здоровьем членов семьи, сообщил, что родственники за границей беспокоятся за их благополучие, и обещал без промедления передать любые послания, какие они захотели бы им направить. Я спросил, не имеют ли они каких-либо жалоб, как ведет себя охрана и в чем они нуждаются. Я просил их не тревожиться и целиком и полностью положиться на меня. Они поблагодарили за внимание, и я собрался

уходить. Николай II поинтересовался военной ситуацией и пожелал мне успехов на новом и ответственном посту. В течение весны и лета он следил за событиями на фронте, внимательно читал газеты и расспрашивал своих посетителей.

Таковой была моя первая встреча с Николаем "Кровавым". После всех ужасов многолетнего правления большевиков эпитет этот потерял всякий смысл. Тираны, пришедшие на смену Николаю, вызывали куда большее отвращение, поскольку вышли из народа или из интеллигенции и потому были виновны в совершении преступлений против собственных собратьев.

Полагаю, что опыт большевистского режима уже заставил многих изменить свои суждения о личной ответственности Николая II за все преступления в период его правления. Склад ума и обстоятельства жизни царя обусловили его полную оторванность от народа. Он знал о пролитой крови и пролитых слезах тысяч людей лишь из официальных документов, в которых ему сообщали о "мерах", принятых властями "в интересах мира и безопасности государства". Эти доклады не доносили до него боли и страданий жертв, в них лишь говорилось о "героизме" солдат, "преданно выполнявших свой долг перед царем и отечеством". С детства его приучили верить, что его благо и благо страны — одно и то же, а потому "вероломные" рабочие, крестьяне и студенты, которых расстреливали, казнили или отправляли в ссылку, казались ему чудовищами, отбросами человечества, которых следует уничтожать ради интересов страны и его "верноподданных".

Если сравнивать его с нашими современными, обагренными кровью "друзьями народа", то станет очевидным, что бывший царь отнюдь не был лишен человеческих чувств, что натуру его губительным образом изменили его окружение и традиции.

Я уходил от него взволнованный и возбужденный. Одного взгляда на бывшую царицу было достаточно, чтобы распознать ее сущность, которая полностью соответствовала суждению тех, кто лично знал ее. Но Николай, с его ясными, голубыми глазами, прекрасными манерами и благородной внешностью, представлял для меня загадку. Или он просто умело пользовался обаянием, унаследованным от своего деда Александра II? Или был всего лишь опытным актером и искусным лицемером? Или безобидным простаком, под каблуком у собственной жены, которым вертят все остальные? Представлялось непостижимым, что этот вялый, сдержанный человек, платье на котором казалось с чужого плеча, был царем всей России, царем Польским, Великим князем Финляндским и т. д. и т. д. и правил огромной империей 25 лет! Не знаю, какое впечатление произвел бы на меня Николай II, повстречайся я с ним в пору, когда он еще был правящим монархом. Но сейчас, после революции, я был поражен: ничто в его облике не позволяло предположить, что всего лишь месяц назад так много зависело от одного его слова. Я ушел, полный желания разрешить загадку этого странного, испуганного и при этом обезоруживающе обаятельного человека.

После этого первого моего посещения царя я решил назначить нового коменданта Александровского дворца, человека, которому мог полностью доверять. Я не мог оставить императорскую семью на попечение лишь горстки сохранивших ей верность придворных, упорно державшихся дворцового этикета*, да солдат стражи, не спускавших с них глаз. Позднее появились слухи о "контрреволюционном" заговоре во дворце, основанные лишь на том, что "двор" посылал к обеду

* Граф Бенкендорф, Елизавета Нарышкина, князь Долгорукий, д-р Боткин, Шнейдер и др.

бутылку вина несшему караул офицеру. Было важно иметь во дворце надежного, умного и тактичного посредника. Я остановил свой выбор на полковнике Коровиченко, военном юристе, ветеране японской и европейской войн, которого я знал как мужественного и прямого человека. Я не ошибся, выбрав его: Коровиченко содержал узников в полной изоляции и при этом сумел внушить им чувство уважения к новой власти.

В каждую из своих редких и кратких поездок в Царское Село я стремился постичь характер бывшего царя. Я понял, что его ничто и никто не интересует, кроме, пожалуй, дочерей. Такое безразличие ко всему внешнему миру казалось почти неестественным. Наблюдая за выражением его лица, я увидел, как мне показалось, что за улыбкой и благожелательным взглядом красивых глаз скрывается холодная, застывшая маска полного одиночества и отрешенности. Он не захотел бороться за власть, и она просто-напросто выпала у него из рук. Он сбросил эту власть, как когда-то сбрасывал парадную форму, меняя ее на домашнее платье. Он заново начинал жизнь — жизнь простого, не обремененного государственными заботами гражданина. Уход в частную жизнь не принес ему ничего, кроме облегчения. Старая госпожа Нарышкина передала мне его слова: "Как хорошо, что не нужно больше присутствовать на этих утомительных приемах и подписывать эти бесконечные документы. Я буду читать, гулять и проводить время с детьми". И это, добавила она, была отнюдь не поза.

И действительно, все, кто общался с ним в этом его новом положении пленника, единодушно отмечали, что Николай II постоянно пребывал в хорошем расположении духа и явно получал удовольствие от своего нового образа жизни. Он колол дрова и укладывал их в парке в поленницы. Время от времени занимался садовыми работами, катался на лодке, играл с детьми.

Жена же его весьма остро переживала утрату власти и никак не могла свыкнуться со своим новым положением. С ней случались истерические припадки, временами ее поражал частичный паралич. Всех вокруг она замучила бесконечными разговорами о своих несчастьях и своей усталости, своей непримиримой злобой. Такие, как Александра Федоровна, никогда ничего не забывают и никогда ничего не прощают. В период проведения расследования действий ее ближайшего окружения я был вынужден принять определенные меры, чтобы помешать ее сговору с Николаем II на случай их вызова в качестве свидетелей. Точнее было бы сказать, что я был вынужден воспрепятствовать ей оказывать давление на мужа. Исходя из этого, я распорядился на время расследования разлучить супружескую пару, разрешив им встречаться только за завтраком, обедом и ужином с условием не касаться проблем прошлого.

Я должен пересказать здесь один короткий разговор с Александрой Федоровной, во время которого госпожа Нарышкина находилась в соседней комнате. Мы разговаривали по-русски, на котором Александра Федоровна изъяснялась с заминками и сильным акцентом. Неожиданно лицо ее вспыхнуло и она возбужденно заговорила: "Не понимаю, почему люди плохо говорят обо мне. С тех пор, как я впервые приехала сюда, я всегда любила Россию. Я всегда сочувствовала России. Почему же люди считают, что я на стороне Германии и наших врагов? Во мне нет ничего немецкого. Я — англичанка по образованию, английский — мой язык". Она пришла в такое возбуждение, что разговаривать далее стало невозможно.

В своих мемуарах Нарышкина тоже проливает свет на события в Царском Селе, приводя весьма интересные данные. 16 апреля она записывает: "Сказали, приедет Керенский, чтобы подвергнуть допросу царицу. Меня пригласили присутствовать при разговоре как свидетельницу. Я застала ее в возбужденном, раздраженном и нервном состоянии.

Она была готова наговорить ему массу глупостей, однако мне удалось успокоить ее словами: "Ради Бога, Ваше Величество, ни слова об этом... Керенский делает все, что может, чтобы спасти Вас от партии анархистов. Заступаясь за Вас, он рискует своей популярностью. Он Ваша единственная опора. Постарайтесь, пожалуйста, понять сложившуюся ситуацию..."

В этот момент вошел Керенский... Он попросил меня выйти и остался наедине с царицей. Вместе с комендантом я вышла в маленькую гостиную, где увидела Бенкендорфа и Ваню (Долгорукого). Спустя несколько минут, вернувшись с прогулки, к нам присоединился и царь... Потом Керенский перешел в кабинет царя, а мы вошли к царице. На царицу Керенский произвел хорошее впечатление — он показался ей отзывчивым и порядочным... Ей кажется, что с ним можно достичь взаимопонимания. Надеюсь, что и она оставила у него столь же благоприятное впечатление"*.

Я объяснил Николаю II причины его раздельного проживания с женой и попросил о помощи, с тем чтобы в это дело не оказался вовлеченным никто, кроме тех, кто уже о нем знал,— Коровиченко, Нарышкина и граф Бенкендорф. Все трое оказали мне существенную помощь, строго придерживаясь моих предписаний. И каждый из них поделился тем, как благотворно сказалось на бывшем царе раздельное с женой проживание: он воспрял духом и стал гораздо бодрее.

Когда я сообщил ему, что предстоит расследование и не исключено, что Александру Федоровну будут судить, он ограничился краткой репликой: "Что ж, я никогда не поверю, что Алиса замешана в этом. Имеются ли какие-нибудь доказательства?" На что я ответил: "Пока не знаю".

В наших разговорах мы избегали упоминать титулы. Как-то он сказал: "Итак, теперь Альберт Томас на вашей стороне. А в прошлом году он обедал у меня. Интересный человек. Передайте ему, пожалуйста, привет". Я выполнил его просьбу.

Та манера, с которой он сравнил "прошлый год" и "теперь", говорила о том, что временами Николай II не без грусти возвращался мыслями в прошлое, но в наших разговорах мы его никогда не затрагивали. Он лишь крайне редко и вскользь упоминал о нем. Видимо, ему было мучительно больно говорить об этом, особенно о тех людях, которые столь поспешно покинули и предали его. При всем своем неверии в человечество он все же не ожидал такого вероломства. Из тех намеков, которые порой срывались в разговорах с его уст, я сделал вывод, что он до сих пор ненавидит Гучкова, что считает Родзянко недалеким человеком, что не может представить себе, кто такой Милюков, что высоко ценит Алексеева и уважает князя Львова.

Лишь однажды я видел, как Николай II потерял над собой контроль. Царскосельский Совет решил последовать примеру Петрограда и устроить официальные похороны жертв революции. Решено было провести их в Страстную пятницу, на одной из центральных аллей Царскосельского парка, на некотором расстоянии от дворца, однако прямо против окон тех комнат, которые занимала императорская семья. Бывшему царю ничего не оставалось, как смотреть из окон своей позолоченной клетки, как его караульные с красными знаменами в руках отдают последние почести павшим борцам за свободу. Это был мучительный и драматический эпизод. Гарнизон в то время еще был под контролем и мы не опасались каких-либо беспорядков. Мы даже были уверены, что

---

* The Russian Provisional Government. Vol. 1. P. 187—188.

в этой траурной церемонии войска непременно продемонстрируют свой самоконтроль и чувство ответственности, что, собственно, и произошло.

Вопрос об императорской семье привлекал к себе слишком большое внимание и доставлял нам множество хлопот. 4 марта правительство получило от бывшего царя записку, в которой он просил обеспечить ему и его семье безопасный проезд в Мурманск для отъезда в Англию. 6—7 марта Милюкову пришлось встретиться с английским послом сэром Джорджем Бьюкененом и просить его выяснить отношение британского правительства к возможности оказать гостеприимство императорской семье. 10 марта Бьюкенен сообщил Милюкову, что британское правительство положительно отнеслось к его просьбе. Однако организовать немедленный отъезд императорской семьи оказалось невозможным. Все дети были больны ветрянкой. К тому же в эти первые дни революции было невозможно, как выяснилось, гарантировать безопасность бывшего царя на пути его следования в Мурманск.

9—10 марта Временное правительство возложило на меня наблюдение за содержанием бывшего царя под стражей в Александровском дворце, а также подготовку к его отъезду в Мурманск. В любом случае оставаться далее в Царском Селе Николаю II было нельзя. Мы опасались, что в случае каких-либо политических осложнений или беспорядков в Петрограде пребывание царя в Александровском дворце станет небезопасным. А тем временем ситуация в Лондоне также изменилась. Британское правительство пересмотрело свое решение и отказалось оказать гостеприимство этим родственникам своего собственного королевского дома до тех пор, пока длится война. К сожалению, сэр Джордж Бьюкенен не сообщил об этом решении немедленно Временному правительству, и оно продолжало подготовку к отъезду Николая в Англию. Когда она была завершена, Терещенко попросил сэра Джорджа войти в контакт со своим правительством по вопросу о том, когда можно ожидать прибытия в Мурманск британского крейсера, который заберет на борт императорскую семью. И только в этот критический момент сэр Джордж с нескрываемой горечью сообщил, что прибытие императорской семьи в Англию не считается более желательным.

В своих мемуарах сэр Джордж Бьюкенен пишет*: *"Наше предложение оставалось в силе и никогда не пересматривалось"* (курсив мой). К сожалению, сэр Джордж не мог позволить себе раскрыть правду. В 1932 году, после смерти сэра Джорджа, его дочь Мэриэл описывает тот шок, который испытал ее отец, получив из Лондона указание отменить приглашение, предоставленное 10 марта членам императорской семьи. "После выхода в отставку мой отец намеревался раскрыть правду,— пишет Мэриэл,— однако министерство иностранных дел уведомило его, что он потеряет пенсию, если сделает это"**. Сэр Джордж, чьи личные средства были весьма ограничены, не решился идти против воли правительства. Вину за перемену в политике Мэриэл Бьюкенен возлагает на Ллойда Джорджа. Тем не менее в своей официальной биографии Георга V Гарольд Николсон в конце концов раскрыл правду:

"На совещании, состоявшемся 22 марта (н. ст.) на Даунинг-стрит, в котором приняли участие премьер-министр, м-р Бонар Лоу, лорд Стэнфордхэм и лорд Гардинг, было решено, что, поскольку предложение было внесено по инициативе русского правительства, отклонить его не представляется возможным..." Далее Николсон пишет: "...к этому

---

* *Buchanan G.* My Mission to Russia and ofher Diplomatis Memoires. London—New York, 1923. Vol. 2.

** *Buchanan M.* The Dissolution of Empire. London, 1932. P. 192, 195—197.

времени (2 апреля н. ст.) предложение о предоставлении убежища в Англии царю и его семье стало достоянием гласности. В левых кругах палаты общин и в прессе поднялся возмущенный крик. Король, которого несправедливо сочли его инициатором, получил немало оскорбительных писем. Георг V понял, что правительство не в полной мере предусмотрело все возможные осложнения. 10 апреля (н. ст.) он дал указание лорду Стэнфордхэму* предложить премьер-министру, учитывая очевидное негативное отношение общественности, информировать русское правительство, что правительство Его Величества вынуждено взять обратно данное им ранее согласие"**.

На меня возложили неблагодарную задачу сообщить бывшему царю об этом новом повороте событий. Вопреки моим ожиданиям, он отнесся к этому сообщению абсолютно спокойно и выразил пожелание вместо Англии отправиться в Крым. Однако поездка в Крым, связанная с путешествием через крайне неспокойные и нестабильные районы страны, представлялась в то время неразумной. Вместо этого я предложил сибирский город Тобольск, с которым не было железнодорожной связи. Я знал, что резиденция губернатора в Тобольске вполне комфортабельна и удобна для проживания императорской семьи.

Приготовления к отъезду велись в обстановке полной секретности, поскольку любое сообщение о нем могло повести к непредвиденным осложнениям. О них сообщили даже не всем членам Временного правительства. По сути дела, лишь 5 или 6 человек в Петрограде знали о том, что происходит. То, как легко удалось доказать целесообразность этой поездки, свидетельствовало о том, насколько упрочилась к августу власть Временного правительства. В марте или апреле переезд бывшего царя был бы невозможен без бесконечных консультаций с Советами. А 14 августа потребовалось лишь мое личное распоряжение, утвержденное Временным правительством, и Николай II с семьей отправился в Тобольск. Ни Совет, ни кто-либо еще об этом не знали.

После определения даты отъезда я объяснил Николаю II создавшееся положение и сказал, чтобы он готовился к длительному путешествию. Я не сообщил, куда ему предстоит ехать, и лишь посоветовал, чтобы он и его семья взяли с собой как можно больше теплой одежды. Николай II выслушал меня очень внимательно, и когда я сказал, что все эти меры предпринимаются ради блага его семьи, и просто постарался приободрить его, он посмотрел мне в глаза и произнес: "Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам. Если вы говорите, что это необходимо, значит, так оно и есть". И повторил: "Мы верим вам".

Около 11 часов вечера, после заседания Временного правительства, я отправился в Царское Село, чтобы самому проследить за отъездом царя в Тобольск. Прежде всего я обошел казармы и проверил караульную службу, выбранную самими полками для сопровождения поезда и для охраны Николая II по прибытии на место назначения. Все солдаты были в полном порядке и в несколько приподнятом настроении. В городе к тому времени пошли смутные слухи об отъезде бывшего царя, и с вечера во дворцовом парке стала собираться толпа любопытных. В самом дворце завершались последние приготовления. Стали выносить багаж и грузить в автомашины. Все мы были почти на пределе. Перед самым отъездом Николаю II разрешили повидаться с братом — Великим князем Михаилом. Сколь ни неприятно было мне вмешиваться в такое сугубо личное дело, я был вынужден присутствовать при встрече.

---

* Личный секретарь Георга V.

** *Nicolson H.* King George V, His Life, and Reign. New York, 1958. P. 299—302.

Встреча братьев состоялась около полуночи в кабинете царя. Оба казались очень взволнованными. Тягостные воспоминания о недавнем прошлом, видимо, удручали обоих. Довольно долго они молчали, а затем возник какой-то случайный, малозначащий разговор, столь обычный для такого рода кратких встреч. "Как Алиса?" — спросил Великий князь. Они стояли друг перед другом, не в силах сосредоточиться на чем-либо, время от времени хватаясь за руку другого или за пуговицу мундира.

— Могу ли я видеть детей? — обратился ко мне Великий князь.

— К сожалению, я вынужден вам отказать,— ответил я.— Не в моей власти продлить долее вашу встречу.

— Ну что ж, — сказал Великий князь брату. — Обними их за меня.

Они начали прощаться. Кто мог подумать, что это была их последняя встреча?

Я сидел в комнате рядом с кабинетом царя, отдавая последние распоряжения и ожидая сообщения о прибытии поезда, и слышал, как кто-то из юных наследников, видимо, Алексей, шумно бегал по коридору. Время шло, а никаких признаков поезда по-прежнему не было. Железнодорожники колебались, подавать или не подавать состав, и лишь на рассвете он появился. На автомашинах мы направились к тому месту, где он нас ожидал, неподалеку от станции Александровская. И хотя мы заранее установили порядок размещения в автомашинах, в последний момент все смешалось и наступила неразбериха.

Впервые я увидел бывшую царицу только как мать своих детей, взволнованную и рыдающую. Ее сын и дочери, казалось, не столь тяжело переживали отъезд, хотя и они были расстроены и в последние минуты крайне возбуждены. Наконец, после последних прощальных слов, машины в сопровождении эскорта казаков спереди и сзади тронулись. Когда выезжали из парка, уже ярко светило солнце, но город, к счастью, еще спал. Подъехали к поезду, проверили списки отъезжающих. Последние слова прощания, и поезд медленно отошел от станции. Они уезжали навсегда и ни у кого не мелькнуло и подозрения, какой их ожидал конец*.

---

*Падение Временного правительства открыло дорогу кровавой диктатуре и привело царскую семью к мученической гибели 16 июля 1918 года, которую замыслили Ленин, Свердлов и Троцкий. В этой связи интересна оценка самого Троцкого трагической гибели Романовых: "...следующая моя поездка в Москву состоялась после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил между прочим: "Да, а где находится царь?" "С ним покончено, — ответил он. — Он расстрелян". "А где семья?" "И семья вместе с ним". "Все?" — спросил я с явным изумлением. "Все! — повторил Свердлов. — Ну и что?" Он ожидал моей реакции. Я не ответил. "А кто принял такое решение?"— задал я вопрос. "Решение было принято здесь. Ильич посчитал, что нельзя оставлять белым живое знамя, вокруг которого они объединятся, особенно в нынешних трудных условиях..." Больше вопросов я не задавал. В конце концов решение это было не только целесообразным, но и необходимым. Жестокость этого акта правосудия показала миру, что мы будем продолжать борьбу без всякой жалости, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи была необходима не только для того, чтобы запугать, устрашить и обескуражить врага, но и для того, чтобы также встряхнуть наши собственные ряды, показать, что возврата к прошлому нет, что впереди — либо полная победа, либо полное поражение" (см.: Trotsky's Diary in Exile, 1935. Cambridge (Mass.), 1953. P. 81).

ПРЕЛЮДИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава 20

УЛЬТИМАТУМ

После завершения Московского Государственного совещания перед Временным правительством встали две важнейшие проблемы — реорганизация кабинета в соответствии с новым соотношением политических сил и ликвидация растущего подпольного движения среди офицерства. После неудачного восстания 3 июля, бегства Ленина в Финляндию и последовавшего за этим развала партийного аппарата большевиков как на фронте, так и по всей стране стали возникать разного рода "тайные" армейские организации. Начало германского наступления на Северном фронте и падение Риги лишь усилили необходимость создания нового кабинета.

В правых кругах оппозиции каким-то образом стало известно, что во время работы совещания я предпринял неофициальные попытки войти в контакт с некоторыми кругами, с тем чтобы заручиться их поддержкой при выполнении насущных задач, стоявших перед правительством. 16 августа после возвращения в столицу я получил от князя Львова известие, что его просил устроить встречу со мной А. Н. Аладьин*. Деятельность Аладьина в Англии носила довольно сомнительный характер, и Львов вследствие этого отказался содействовать встрече; однако он счел необходимым передать мне слова Аладьина, которые он многозначительно произнес, перед тем как откланяться: "Передайте Керенскому, что любые изменения в кабинете могут иметь место лишь с одобрения

*Член I Думы, который только что возвратился в Россию в форме английского лейтенанта. В течение некоторого времени он находился в Англии.

Ставки". Нетрудно было догадаться, с кем в Ставке имел контакты Аладьин: мы уже знали о существовании тайных антиправительственных ячеек в Центральном комитете Союза офицеров армии и флота. Предупреждение Аладьина не слишком обеспокоило меня, поскольку уже было принято решение вывести этот союз из Ставки и арестовать некоторых из наиболее активных его членов.

22 августа из Москвы приехал повидаться со мной Владимир Львов. С первых дней существования Временного правительства вплоть до середины июля Львов занимал пост обер-прокурора Священного синода. До этого он примыкал к консервативной фракции Думы, известной как "Центр". Будучи глубоко набожным человеком, Львов был возмущен влиянием Распутина в высших церковных кругах. За пять лет нашего совместного пребывания в Думе мы с ним стали хорошими друзьями и, несмотря на его вспыльчивость, он нравился мне прямотой и искренностью. Тем не менее, когда 1 июля я стал премьер-министром, я не просил Владимира Львова остаться в составе кабинета. В августе должен был состояться Вселенский церковный собор, которому надлежало рассмотреть новый статус самостоятельности Русской православной церкви. Это требовало от прокурора особого такта и деликатности, а также глубокого знания истории церкви. Нам казалось, что на такой пост более подходит видный член Петербургской академии А. В. Карташов, который и получил это назначение. А Владимир Львов долгое время держал на меня зуб за, как он выразился, "отстранение" его от деятельности по лечению Русской православной церкви от паралича, который поразил ее еще в те времена, когда Петр Великий упразднил патриаршество и провозгласил себя главой церкви.

На нашей памятной встрече 22 августа Львов с самого начала подчеркнул, что он не просто наносит мне светский визит, а выполняет возложенное на него поручение. И стал убеждать меня, что, теряя поддержку влиятельных кругов и опираясь на Советы, которые, как он выразился, со временем отделаются от меня, я ставлю себя в сомнительное, а точнее, в опасное положение.

Я знал, что Львов и его брат Н. Н. Львов входили в либеральные и умеренно-консервативные круги Москвы. Мне было известно также, что на специальном совещании "гражданских лидеров", проведенном в канун Государственного совещания, они настраивали общественность и против Временного правительства, и против меня лично: не ушла от моего внимания и подчеркнуто теплая встреча, которую они оказали на Государственном совещании генералу Корнилову. Имея все это в виду, я дал ему выговориться и, когда он кончил, ограничился одним вопросом: "Что же вы теперь хотите от меня?" Он ответил, что есть "определенные круги", готовые поддержать меня, и только от меня зависят условия, на которых можно прийти с ними к соглашению. Я напрямую спросил, от чьего имени он пришел. Он ответил, что не уполномочен сообщать это, однако, если на то будет моя воля, он передаст суть нашего разговора тем людям, которых представляет.

"Конечно, передайте, — ответил я. — Вы же понимаете, что я сам заинтересован в создании правительства на широкой основе и вовсе не цепляюсь за власть". Судя по всему, наша встреча удовлетворила Владимира Львова. Перед уходом он сообщил, что вновь навестит меня.

Я не придал особого значения посещению Владимира Львова, поскольку в то время ко мне нередко обращались люди с такого рода поручениями. Кроме того, днем раньше пала Рига, и я был вынужден уделять все внимание критическому военному положению. Первым мо-

им шагом была передача в подчинение Верховного главнокомандующего Петроградского военного округа, за исключением самого города, и просьба к нему перебросить в Петроград в распоряжение правительства части Конного корпуса.

В день визита ко мне Львова в Ставку для обсуждения всех этих мер с генералом Корниловым отправились управляющий военным министерством Борис Савинков и начальник кабинета военного министра полковник Барановский. Я поручил Савинкову проследить за тем, чтобы командование Конным корпусом не было поручено генералу А. М. Крымову и чтобы в состав корпуса не включали Кавказскую кавалерийскую дивизию, известную под названием "Дикая дивизия". Я знал, что Крымов и офицеры "Дикой дивизии" были тесно связаны с группой армейских заговорщиков.

По возвращении из Ставки Савинков и Барановский доложили, что генерал Корнилов принял мои предложения. Он согласился с тем, чтобы оставить Петроград под юрисдикцией Временного правительства и чтобы кавалерийские части были отправлены без генерала Крымова и "Дикой дивизии". Они также сообщили, что генерал Корнилов согласился самолично предпринять меры против нелояльного Центрального комитета Союза офицеров и флота.

23 августа в резиденции британского посла состоялась встреча, о которой я узнал спустя много лет. Вот что пишет о ней сэр Джордж Бьюкенен:

"В среду 23 августа (5 сентября н. ст.) 1917 года меня посетил мой русский друг, занимавший пост директора одного их ведущих петроградских банков, и сообщил, что попал в весьма щекотливое положение: к нему обратились с просьбой, имена этих людей он назвал, за выполнение которой ему явно не следовало браться. Эти лица, продолжал он, хотят поставить меня в известность, что их организацию субсидируют несколько высокопоставленных финансистов и промышленников, что она может рассчитывать на поддержку Корнилова и армейских корпусов, что она приступит к осуществлению операции в следующую субботу, 26 августа (8 сентября н. ст.) и что правительство будет арестовано, а Совет распущен. Они надеются, что я окажу им содействие, предоставив в их распоряжение английские броневики, а в случае провала помогу им скрыться.

Я ответил, что со стороны упомянутых господ весьма наивно просить посла принять участие в заговоре против правительства, при котором он аккредитован, и что если бы решил выполнить свой долг, то был бы обязан разоблачить их заговор. И хотя я не обману их доверия, тем не менее на мою моральную помощь и поддержку они рассчитывать не могут. Напротив, я рекомендую им отказаться от этой затеи, которая не только обречена на провал, но и будет немедленно использована в свою пользу большевиками. Будь генерал Корнилов более прозорлив и мудр, он подождал бы, пока большевики сделают первый шаг, и уж тогда покончил бы с ними"*.

Само собой разумеется, сэр Джордж не мог обещать поддержку Путилову, тем не менее соглашение о броневиках, видимо, было достигнуто. 28 августа 1917 года, когда войска генерала Крымова стремитель-

---

* *Buchanan G.* My Mission to Russia. Vol. 2. P. 175—176. Посла посетил не кто иной, как крупнейший банкир А. И. Путилов, о чем много лет спустя мне лично рассказал сам сэр Джордж.

но приближались к Петрограду. Корнилов направил в генеральный штаб 7-й армии Юго-Западного фронта следующее распоряжение: "Срочно отдайте приказ командиру Британского бронедивизиона перебросить все военные машины, включая "Фиаты", вместе с офицерами и экипажами в район Бровар в распоряжение капитан-лейтенанта Соумса. Перебросьте также машины из района Дубровки".

Приблизительно в 5 часов пополудни, 26 августа, меня вторично посетил Владимир Львов. Он выглядел необычно возбужденным и сразу же стал довольно невразумительно рассуждать об опасности моего положения, которую он готов отвратить. В ответ на мои неоднократные просьбы говорить по существу, он в конце концов изложил суть дела. Его направил генерал Корнилов сообщить мне, что в случае большевистского восстания правительство не должно ожидать какой-либо помощи и что, если я не перееду в Ставку, он не может гарантировать моей личной безопасности.

Генерал поручил ему также сообщить мне, что дальнейшее существование нынешнего кабинета невозможно и что я должен как министр-председатель предложить Временному правительству передать всю полноту власти Корнилову, как Верховному главнокомандующему. До формирования Корниловым нового кабинета государственные дела должны взять в свои руки товарищи министров. По всей России должно быть объявлено военное положение, что же касается Савинкова и меня, то мы должны немедленно выехать в Ставку, где мы будем назначены соответственно военным министром и министром юстиции. При этом Львов подчеркнул, однако, что эти назначения следует держать в тайне от других членов кабинета.

Имена Львова и Корнилова никогда не упоминались в донесениях о военном заговоре, которые я получал до тех пор, и потому я рассмеялся, стремясь превратить все дело в шутку: "Да вы, должно быть, шутите, Владимир Николаевич". Ответ Львова не оставлял никаких сомнений в его серьезности: "Ни в малейшей степени. И хочу, чтобы вы осознали серьезность положения". Он призвал меня отдаться на милость Корнилова, настаивая на том, что это мой единственный шанс на спасение.

Теперь у меня уже не было сомнений в абсолютной серьезности Львова. Я стал расхаживать по кабинету, пытаясь взять себя в руки и полностью разобраться в создавшейся ситуации. Неожиданно я вспомнил, что в свое предыдущее посещение он с угрозой сослался на "реальную власть". Я вспомнил также доклад полковника Барановского о враждебности ко мне офицеров Ставки, как и другую информацию о безусловной связи заговорщиков со Ставкой. Оправившись от первого потрясения, я решил подвергнуть Львова испытанию. Я сделал вид, будто готов согласиться с требованиями Корнилова, однако сказал, что не могу поставить их на обсуждение Временного правительства, пока не получу их в письменном виде. Львов немедленно выразил согласие зафиксировать на бумаге требования Корнилова. Вот что он написал: "Генерал Корнилов предлагает:

1) Объявить г. Петроград на военном положении.

2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.

3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим.

Петроград.
Август 26.1917 г.
В. Львов"*.

Готовность, с которой Львов согласился написать все это, рассеяла у меня все остатки сомнений, и пока я смотрел, как он пишет, в голове у меня была лишь одна мысль: остановить Корнилова, предотвратить опасное воздействие этих событий на фронте. Прежде всего, чтобы побудить Временное правительство в тот же вечер предпринять необходимые действия, необходимо заручиться неоспоримыми свидетельствами о связи Львова и Корнилова. Нужно заставить Львова повторить все, что он мне сказал, в присутствии третьего лица. На мой взгляд, это был единственный путь к решению проблемы.

Вручая мне свою записку, Львов произнес: "Ну вот и прекрасно, теперь все пойдет по-хорошему. В Ставке считают важным, чтобы переход власти от Временного правительства был осуществлен на законном основании. Ну а вы-то сами поедете в Ставку?"

Вопрос имел какой-то странный подтекст и потому, когда я ответил: "Конечно нет. Неужели Вы и впрямь полагаете, что я соглашусь занять пост министра юстиции под началом Корнилова?", — реакция Львова была совершенно неожиданной. Он вскочил со стула, широко улыбнулся и воскликнул: "Конечно же, конечно же, вам нельзя ехать. Они устроили для вас ловушку. Они арестуют вас. Уезжайте из Петрограда, и уезжайте как можно дальше. — И с еще большим волнением добавил: — Они все там ненавидят Вас".

Мы пришли к соглашению, что я сообщу генералу Корнилову о своей отставке по телеграфу, объяснив при этом, что не приеду в Ставку.

Я вновь попросил заверений Львова в том, что вся эта история не есть плод ужасного недоразумения: "Ну, скажите, Владимир Николаевич, а что если все это на самом деле окажется шуткой? В каком вы тогда будете положении? Вы отдаете себе отчет в серьезности того, что вы тут понаписали?"

Львов с жаром заявил, что это и не шутка, и не ошибка, что дело действительно серьезное и генерал Корнилов никогда от своих слов не отступится. Я решил связаться с генералом по прямому каналу, с тем чтобы получить от него подтверждение его ультиматума. Львову, видимо, понравилось мое предложение, и мы согласились встретиться в 8.30 в доме военного министра, откуда можно установить прямую связь со Ставкой Верховного главнокомандования.

Если мне не изменяет память, Львов ушел от меня намного позже 7 часов вечера. На пороге кабинета он нос к носу столкнулся с шедшим ко мне Вырубовым, и я попросил Вырубова остаться, пока я буду разговаривать с Корниловым. Затем я послал помощника установить связь со Ставкой и пригласить ко мне также заместителя начальника департамента полиции Сергея Балавинского и помощника командующего Петроградским военным округом капитана Андрея Козьмина.

---

*Оригинал документа хранится в советских государственных архивах. (Цит. по: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 442 (Далее: Революционное движение в России...). — *Прим. ред.*)

Ровно в 8.30 вечера связь была установлена, однако Львов еще не приехал. Мы позвонили ему на квартиру, но там никто не ответил. Прошло 25 минут с тех пор, как Корнилов находился на связи, ожидая разговора на другом конце провода. Посовещавшись с Вырубовым, мы решили приступить к разговору. С тем чтобы не обмануть доверие Корнилова, мы решили создать у него впечатление, будто и Львов принимает участие в разговоре.

Честно говоря, у нас с Вырубовым теплилась слабенькая надежда, что озадаченный Корнилов воскликнет: "Что вы хотите, чтобы я подтвердил? И кто такой Львов?", или что-то в этом роде. Но наши надежды оказались тщетными. Ниже приводится полный текст разговора, записанного на телеграфной ленте*.

[Керенский]. — Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

[Корнилов]. — У аппарата генерал Корнилов.

[Керенский]. — Здравствуйте, генерал. У телефона Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

[Корнилов]. — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

[Керенский]. — Я — Владимир Николаевич — Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня, Александра Федоровича, только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

[Корнилов]. — Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

[Керенский]. — Я — Александр Федорович. Понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

[Корнилов]. — Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

[Керенский]. — Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

[Корнилов]. — Во всяком случае.

[Керенский]. — До свидания, скоро увидимся.

[Корнилов]. — До свидания".

Эта запись исключает какие бы то ни было неправильные толкования. Разговор открыл мне больше, чем я мог предполагать. Генерал не только подтвердил, что уполномочил Львова говорить со мной от

---

* Лента хранится в московских архивах. (Цит. по: Революционное движение в России... С. 443. — *Прим. ред.*)

своего имени, но даже пошел дальше, подтвердив достоверность всех заявлений Львова.

Спускаясь после разговора по лестнице, мы с Вырубовым столкнулись со спешащим навстречу Львовым. Я показал ему запись нашего разговора. Пробежав глазами ленту, он радостно воскликнул: "Вот видите, все как я вам сказал". Он был доволен, что мы побеседовали с Корниловым, не дожидаясь его. Он не объяснил причину своего опоздания, однако много лет спустя, читая книгу Милюкова "История второй русской революции", я узнал, что после нашей первой встречи 26 августа Львов целый час беседовал с Милюковым, откровенно рассказав ему о событиях в Ставке.

Вместе с Вырубовым и Львовым я возвратился в Зимний дворец, и Львов прошел со мной в мой кабинет. Там в присутствии Балавинского, невидимого ему в одном из углов огромной комнаты, Львов снова подтвердил достоверность своей записки и записи разговора по телеграфу.

Приблизительно в 10 часов вечера я распорядился об аресте Львова, которого поместили под стражу в одной из комнат дворца.

После этого я немедленно отправился в малахитовый зал, где проходило заседание кабинета, и, доложив о встрече со Львовым, зачитал его записку и дословный текст моего разговора с Корниловым. Высказавшись за подавление мятежа, я заявил, что считаю возможным бороться с поднятым мятежом лишь при условии, если мне будет передана Временным правительством вся полнота власти. И добавил, что с целью передачи всей необходимой власти Временное правительство должно быть несколько преобразовано. После непродолжительного обсуждения было решено передать председателю всю полноту власти, с тем чтобы скорейшим образом положить конец антиправительственному наступлению, предпринятому Верховным главнокомандующим генералом Корниловым.

За исключением кадетов Юренева и Кокошкина, которые подали в отставку, все министры передали свои портфели в мое распоряжение. Я попросил их остаться на своих постах.

У нас не было никакой информации о положении в Ставке, и некоторые члены кабинета предложили выждать до утра. Но я был настроен действовать без промедленья. Нельзя было тратить ни минуты. Я направил Верховному главнокомандующему краткую радиограмму, предлагая передать немедленно командование начальнику штаба генералу Лукомскому, а самому прибыть в столицу. Ранним утром я дал указание исполняющему обязанности министра путей сообщения Либеровскому (которого я назначил на место П. Юренева) остановить движение воинских эшелонов в направлении Петрограда и разобрать линию Луга — Петроград.

Ответа от генерала Корнилова не последовало. Однако ранним утром 27 августа в адрес управляющего военным министерством пришла лаконичная телеграмма следующего содержания, отправленная в 2 ч 40 мин: "Срочно. Корпус прибывает в район Петрограда вечером 28-го. Пожалуйста, объявите 29 августа военное положение в Петрограде. Корнилов". Генерал Корнилов отправил эту телеграмму сразу же после нашего разговора, до того, как он получил мое сообщение о вызове в столицу.

Вскоре мы выяснили, что упомянутый в телеграмме корпус — вовсе не тот кавалерийский корпус, который затребовало Временное правительство, а авангард "специальной армии" под командованием генерала Крымова, в основном укомплектованный "Дикой дивизией". В тот же день мы получили официальное извещение, что эти войска сосредоточи-

лись вблизи Луги. Было очевидно, что своей телеграммой генерал Корнилов намеренно пытался ввести нас в заблуждение.

Савинков, опасавшийся, что я подозреваю его в сговоре с генералом Корниловым, был в самых расстроенных чувствах. Он обратился ко мне с просьбой либо отдать его под суд, либо поручить ему защиту столицы. Я назначил его на пост генерал-губернатора Петрограда и возложил на него задачу защитить город.

Позднее в тот же день было опубликовано мое обращение к стране. В нем я изложил народу происшедшие события и призвал его соблюдать закон и порядок. В ответ на это Корнилов опубликовал заявление, в котором объяснял мотивы своих действий.

В час ночи я получил телеграмму генерала Лукомского, в которой говорилось: "Генерал Корнилов, не преследуя никаких личных честолюбивых замыслов, опираясь на ясно выраженное сознание всей здоровой части офицерства и армии, требовавших скорейшего создания крепкой власти для спасения родины, а с ней и завоеваний революции, считал необходимым более решительные меры, кои обеспечили бы водворение порядка в стране. Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от Вашего имени, лишь заставил генерала Корнилова принять окончательное решение и, идя согласно с Вашим предложением, отдать окончательные распоряжения, отменять которые уже поздно. Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде Вами и сообщенное от Вашего имени Савинковым и Львовым, теперь изменилось.

Считаю долгом совести, и имея в виду лишь пользу родины, определенно Вам заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием коего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. Ожидаю срочных указаний. Подпись: Лукомский"*.

Ранним утром 28 августа командующему Северным фронтом генералу Клембовскому была направлена телеграмма следующего содержания: "Временным правительством Вы назначаетесь врид Верховного главнокомандующего, с оставлением Вас в Пскове и с сохранением должности Главкосева.

Предлагаю Вам немедленно принять должность от генерала Корнилова и немедленно мне об этом донести.

Министр-председатель Керенский".

По обыкновению приказ был передан через штаб Верховного главнокомандующего. Ответ генерала Клембовского поступил через несколько часов:

"От Главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не

* Цит. по: Революционное движение в России... С. 448. — *Прим. ред.*

чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно уменья для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целости и свободы родины повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии. Клембовский. 28 августа".

Позднее мы узнали, что генерал Клембовский был одним из двух командующих фронтами (всего их было пять), которые выразили свою поддержку генералу Корнилову. Другим является командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин. Не дожидаясь запроса из Петрограда, генерал Деникин направил в 2 часа ночи 27 августа телеграмму, которая начиналась следующими словами: "Я солдат и не привык играть в прятки". Завершалась она следующим образом:

"Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. Генерал Деникин. 27 августа"*.

Крайне осторожный и расчетливый, генерал Клембовский, видимо, чувствуя, что поставил не на ту лошадь, поспешил отмежеваться от действий своих друзей в Верховном командовании и направил в тот же день мне и генералу Лукомскому вторую телеграмму, в которой говорилось:

"Перевозятся конные части, не подчиненные мне, а составляющие резерв Главковерха. Самая перевозка совершается по его, а не по моему распоряжению. Клембовский. 28 августа"**.

Командующие Западным, Кавказским и Румынским фронтами так же, как командующий Северным фронтом, направили телеграмму с заверениями в своей лояльности. Переброска кавалерийских частей с Северного фронта, которая началась еще до падения Риги, проводилась в то время, когда немцы предприняли решительное наступление и все командиры настойчиво требовали подкреплений.

После полудня 28 августа в соответствии с решением Временного правительства я попросил генерала Алексеева немедленно отправиться в Ставку и принять на себя Верховное командование. Алексеев попросил отсрочки, с тем чтобы изучить относящиеся к этому делу документы. Позже в тот же день Терещенко показал мне телеграмму, полученную от представителя министерства иностранных дел в Ставке князя Григория Трубецкого. В ней говорилось:

"Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части пойдут за Корниловым. На его сторону встанет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев общества, а в низах растущее недовольство существующими порядками в большинстве же народной

* Революционное движение в России... С. 455—456. — *Прим. ред.*

** Там же. С. 457. — *Прим. ред.*

и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушие, которое подчиняется удару хлыста". И далее: совершенно очевидно, что большинство "мартовских социалистов"* без колебаний примкнут к этим силам. Более того, недавние события на фронте и в тылу, в частности в Казани, где недавно был взорван военный арсенал, в полной мере продемонстрировали сокрушительное банкротство существующего строя и неизбежность катастрофы в случае, если не будут осуществлены немедленные и радикальные реформы. Эти соображения оказали решающее воздействие на генерала Корнилова, который пришел к убеждению, что лишь твердость может спасти Россию от падения в пропасть, на краю которой она сейчас находится. Нет оснований утверждать, будто Корнилов расчищает путь к победе кайзера, поскольку немцы только тем и занимаются сегодня, как захватом наших территорий**. "От людей, стоящих ныне у власти, зависит, пойдут ли они навстречу неизбежному перелому, чем сделают его безболезненным и охранят действительно залоги народной свободы, или же своим сопротивлением примут ответственность за новые неисчислимые бедствия. Я убежден, что только безотлагательный приезд сюда министра-председателя, управляющего военным министерством и Вас для совместного с Верховным главнокомандующим установления основ сильной власти может предотвратить грозную опасность междоусобья"***.

Неудивительно, что князь Трубецкой сообщает, что направил эту телеграмму, содержание которой в основном совпадает с текстом обращения генерала Корнилова к народу, с одобрения генерала.

С этого момента перед Временным правительством встала насущная задача устранения из Ставки Верховного командования самых главных заговорщиков из числа военных. Я был исполнен решимости не допустить повторения ситуации, которая сложилась на фронте в первые недели после Февральской революции.

А тем временем в обществе продолжали циркулировать слухи относительно так называемого недоразумения, возникшего в результате посредничества Владимира Львова между генералом Корниловым и мной. В некоторых кругах даже утверждали, будто я с самого начала был заодно с Корниловым и неожиданно предал его из-за страха перед "большевистскими Советами", хотя, кстати сказать, в то время в Советах большевики еще не доминировали. Весь день 28 августа меня и других членов кабинета посещали делегации военных и гражданских лиц, предлагая отправиться к генералу Корнилову, с тем чтобы раз и навсегда покончить с "недоразумением". Нет необходимости говорить, что я отверг все эти предложения о примирении.

Позднее, после полудня, прочитав все относящиеся к делу документы, в сопровождении Милюкова меня посетил генерал Алексеев. Оба они выразили мнение, что все еще существует возможность устранить возникшее "недоразумение". Более того, послы Великобритании, Франции и Италии передали через Терещенко "дружеское предложение" о "посредничестве между Керенским и Верховным главнокомандующим генералом Корниловым". Но и они получили тот же ответ, что и другие: я не заинтересован ни в каких предложениях о посредничестве между правительством и мятежным генералом. В этом Временное правительство было абсолютно непреклонным.

---

* Те, кто вступил в социалистические партии после падения монархии.

** Это писалось в тот период, когда наши войска оказывали настойчивое сопротивление яростному наступлению Германии.

*** *Керенский А.* Дело Корнилова. М., 1918. С. 144.

То было крайне напряженное время для кабинета. Особенно тревожными оказались ночи 28 и 29 августа. Мы были лишены какой-либо информации о настроениях в стране и на фронте, на нас беспрерывно давили посредники всех политических мастей, от правых до левых.

К полудню 29 августа все более или менее пришло в норму. Мятежные генералы не получили в армии существенной поддержки. И хотя генерал Корнилов продолжал издавать приказы о захвате столицы, никто их не слушался и они лишь усугубляли положение с дисциплиной в армии. Без ведома Временного правительства в ставку с Западного фронта и из Московского военного округа были отправлены два "подразделения специального назначения". Генерал Деникин и его сообщники были арестованы фронтовым комитетом, который намеревался предать их военно-полевому суду, а телефоны в штабах всех воинских подразделений были взяты под контроль представителями различных комитетов.

Под подозрение попали все офицеры. Даже офицеров Балтийского флота, которые не имели никаких связей с Центральным комитетом Союза офицеров армии и флота и не были причастны к заговору, вынудили заявить о преданности делу революции. А 31 августа команда крейсера "Петропавловск" убила четверых молодых офицеров*. Положение в вооруженных силах стремительно выходило из-под контроля, и любое промедление в отношении заговорщиков было преступлению подобно.

Утром 30 августа мы вместе с Вырубовым посетили генерала Алексеева на его квартире. Мы были намерены убедить его выполнить свой долг и арестовать генерала Корнилова и его сообщников, а также принять на себя Верховное командование. Наш приход вызвал у генерала бурную вспышку эмоций. Немного успокоившись, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Выждав самую малость, я ровным голосом произнес: "А как быть с Россией? Мы должны спасти страну". Поколебавшись, он едва слышно сказал: "Я в Вашем распоряжении. Я принимаю должность начальника штаба под Вашим командованием". В растерянности я не знал, что ответить, и тут Вырубов прошептал мне на ухо: "Соглашайтесь". Так я стал Верховным главнокомандующим.

Генерал Алексеев на следующий день отправился в Ставку и полностью осуществил все мои указания. Направлявшиеся в Ставку подразделения специального назначения были отозваны, а осадное положение, объявленное заговорщиками в Могилеве, было отменено.

1 сентября я издал следующий приказ**:

"В связи с выступлением Корнилова нормальная жизнь в армии совершенно расстроилась. Для восстановления порядка приказываю:

1. Прекратить политическую борьбу в войсках и обратить все усилия на нашу боевую мощь, от которой зависит спасение страны.

2. Всем войсковым организациям и комиссарам стать в строгие рамки деловой работы, лишенной политической нетерпимости и подозрительности, ограничиваясь сферой деятельности, совершенно чуждой вмешательству в строевую и оперативную работу начальствующих лиц.

3. Восстановить беспрепятственную перевозку войсковых частей по заданиям командного состава.

4. Безотлагательно прекратить арестование начальников, так как право на означенные действия принадлежит исключительно следствен-

---

* Лейтенанта Жизенко и мичманов Михайлова, Канонбу, Кондратьева.

** Два последних абзаца были написаны мной, остальной текст — генералом Алексеевым.

ным властям, прокурорскому надзору и образованной мной Чрезвычайной следственной комиссии, уже приступившей к работе.

5. Совершенно прекратить смещение и устранение от командных должностей начальствующих лиц, так как это право принадлежит лишь правомочным органам власти и отнюдь не входит в круг действий организаций.

6. Немедленно прекратить самовольное формирование отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями.

7. Немедленно снять контроль с аппаратов, установленный войсковыми организациями.

Армия, выразившая в эти тяжелые, смутные дни доверие Временному правительству и мне, как министру-председателю, ответственному за судьбы родины, великим разумом своим должна понять, что спасение страны только в правильной организованности, поддержании полного порядка, дисциплины и в единении всех между собой. К этому я, облеченный доверием армии, зову всех. Пусть совесть каждого проснется и подскажет каждому его великий долг перед родиной в этот грозный час, когда решается ее судьба.

Как Верховный главнокомандующий, я требую от всех начальствующих лиц, комиссаров и войсковых организаций неуклонного проведения всего изложенного в жизнь и предваряю, что уклонение или неисполнение указанных моих приказаний будет в корне подавлено со всей силой, и виновные понесут суровые наказания.

Верховный главнокомандующий *А. Керенский.*

Начальник штаба генерал от инфантерии *М. Алексеев*"*.

Для всех было очевидным, что мятеж Корнилова оказал разрушительное воздействие на всю страну, особенно на армию. Барон Петр Врангель, который начиная с весны 1917 года участвовал в заговорах по свержению Временного правительства и установлению в стране диктатуры и который в конце концов возглавил белую армию в Крыму, так писал о бунте Корнилова: "Недавние события глубоко потрясли армию. Процесс разложения армии, который был почти остановлен, возобновился, создавая угрозу полного развала фронта и, соответственно, всей России".

Один из двух членов Временного правительства, которые в самом начале кризиса вышли в отставку, Юренев, в интервью, опубликованном 1 сентября в газете "Русские ведомости", так охарактеризовал попытку переворота:

"Что касается до моего мнения о предпринятой ген. Л. Г. Корниловым попытке, то я скажу, что она является ужасным ударом по восстановлению сил страны. Мы понемногу шли вперед по пути укрепления власти, и то, что сделал Корнилов, жестоко нарушает общую работу. В частности, по поводу моего ухода. Подав в отставку в ночь на 27-е августа, я представил А. Ф. Керенскому возможность непосредственно осуществлять диктаторские права в ведомстве, которым я до того времени заведывал. С 27-го я фактически не принимал никакого участия в управлении и 27 передал министерство своему заместителю в порядке старшинства, предложив ему выполнять непосредственные распоряжения А. Ф. Керенского. Все эти распоряжения, как мне известно, были неуклонно выполняемы".

* Революционное движение в России... С. 471. — *Прим. ред.*

Шесть месяцев напряженной работы правительства, офицерского корпуса, комиссаров военного министерства и фронтовых комитетов не были абсолютно бесплодными. Армия и флот не вернулись на путь безбрежной анархии мартовских дней, а мужественно отражали яростное германское наступление вплоть до победы Ленина в октябре.

Но заговорщики и их сообщники не сложили оружия после Корниловского мятежа. Они продолжали толкать Россию в бездну, упрямо выступая против, как они говорили, "слабого" правительства в надежде установить "сильное национальное правительство" под руководством военного диктатора. В своем стремлении дискредитировать Временное правительство они прибегали к самым низким средствам. Однако, несмотря на всю разрушительность их действий, они не смогли добиться желаемых результатов.

Заканчивая эту главу, я хотел бы сказать, что уважаю моральное право на мятеж, но в исключительных условиях. Однако во время войны ответственность перевешивает такое моральное право. И тем не менее, когда военная акция корниловских заговорщиков окончилась провалом, страсти забушевали столь мощно, что заслонили собой саму судьбу страны. Заговорщики вновь и вновь прибегали к обману.

Во имя торжества дела свободы во всем мире я чувствую себя обязанным подчеркнуть, что поражение русской демократии явилось в основном следствием наступления этих, правых, сил, а не результатом бессмысленного мифа, согласно которому русская демократия проявила "слабость" и слепоту перед лицом большевистской опасности...

Приложение № 1

Радиограмма Керенского с обращением к народу

От министра-председателя.

26-го августа ген. Корнилов прислал ко мне члена Гос. Думы Вл. Ник. Львова с требованием передачи Временным правительством ген. Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им, по личному усмотрению, будет составлено новое правительство для управления страной. Действительность полномочий чл. Г. Думы Львова — сделать такое предложение — была подтверждена затем ген. Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу.

Усматривая в предъявлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением Государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для спасения родины, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоеванные революцией права граждан. Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются и о таковых мерах население своевременно будет поставлено в известность.

Вместе с тем приказываю:

1) Генералу Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего генералу Клембовскому, главнокомандующему армий Северного фронта, преграждающего пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность верховного главнокомандующего, оставаясь в Пскове.

2) Объявить город Петроград и Петроградский уезд на военном положении, распространив на него действие правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении...

Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга — защиты родины от врага внешнего!

Министр-председатель,
военный и морской министр
А. Ф. Керенский

Август 27, 1917*.

Приложение № 2

Ответ Корнилова на радиотелеграмму Керенского

"Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член I Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди, великая родина наша умирает!

Близок час кончины!

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога, в храмы, — молите господа бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Передать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины.

Генерал Корнилов

27 августа 1917 г.
Ставка**"

---

* Цит. по· Известия. 1917. 28 августа (10 сентября).

** Цит. по: Революционное движение в России... С. 446. — *Прим. ред.*

Глава 21

ПОДГОТОВКА МЯТЕЖА

Описывая заключительные стадии и провал Корниловского мятежа, я уделил все внимание внешней канве событий в том виде, как они представлялись в то время мне и другим членам Временного правительства. В этой главе я изложу более полную историю подготовки этого неудачного переворота, используя для этого более поздние свидетельства открытых и тайных участников заговора. Все эти свидетельства стали результатом напряженной работы, которой я занимался в течение более 20 лет (1917—1937 годы). Именно столько лет потребовалось для того, чтобы все причастные к заговору сказали правду. Я видел в этом цель трудов своих не только потому, что стремился отвести от себя все безосновательные обвинения в связи с этим заговором, но и потому, что хотел в полной мере восстановить истину о решающей роли корниловских заговорщиков в деморализации русской армии и, следовательно, в гибели свободной России.

Заговор с целью установления военной диктатуры возник в первые же дни после Февральской революции на основе широкоразветвленного, но аморфного движения с участием некоторых групп офицерства и ряда ведущих петроградских финансистов. В движении в той или иной степени участвовало немало влиятельных лиц, роль которых в его организации была неоднозначна.

Наиболее видными участниками движения от финансовых кругов были А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский*. В апреле 1917 года Путилов основал "Общество содействия экономическому возрождению России", в которое немедленно вошли директора всех банков и крупнейших страховых компаний. Когда в конце апреля 1917 года Гучков вышел из кабинета, его пригласили занять пост председателя общества. Официальной целью общества был сбор средств в поддержку "умеренных" кандидатов на выборах в Учредительное собрание, с тем чтобы "противодействовать социалистическому влиянию на фронте и по всей стране". В действительности же, как признали позднее и Путилов и Гучков, собранные ими на эти цели 4 миллиона рублей было решено передать генералу Корнилову, который только что был назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта.

Еще одной ключевой фигурой движения был В. С. Завойко, которого Корнилов взял с собой на фронт в качестве своего "ординарца". В прошлом уездный предводитель дворянства, а также финансист, Завойко был тесно связан с крупным нефтяным магнатом Лианозовым. Учитывая все эти данные биографии Завойко, весьма необычно выглядит решение генерала Корнилова взять с собой на фронт этого немолодого финансиста на столь скромную должность, не дающую даже права на офицерское звание. Сам же Корнилов всегда утверждал, что на его решение в огромной степени повлияли литературные способности Завойко**.

---

*Путилов являлся директором Русско-Азиатского (Сибирского) банка и имел деловые связи с известным сталелитейным заводом, названным его именем. Вышнеградский был сыном министра финансов в правление Александра III и считался самым влиятельным деятелем в банковских и финансовых кругах.

**Следует отметить, что Завойко приходился племянником жене Путилова.

В апреле 1917 года с фронта в Петроград прибыл барон Петр Врангель — офицер аристократического гвардейского полка, который прославился участием в кавалерийской атаке на германскую батарею. Свой приезд в Петроград барон Врангель объяснил двумя причинами: во-первых, желанием принять участие в подготовке офицерского корпуса для борьбы за установление военной диктатуры; во-вторых, стремлением подыскать на роль диктатора подходящего генерала с "демократическим именем".

Поначалу барон Врангель и два его ближайших друга граф Пален и Шувалов склонялись к кандидатуре генерала П. А. Лечицкого. Не приняв окончательного решения, проведя несколько бесед с Завойко, они вскоре вошли в контакт с Корниловым.

Начало заговорщической деятельности генерала Крымова также относится к весне 1917 года. По словам генерала Деникина, Крымов считал в то время, что армия находится на грани распада и что нет никаких надежд на успешный исход войны. В соответствии с этим он стал вербовать офицеров, в основном из своего 3-го Конного корпуса, для участия в тайной группе, которая бы подготовила условия для броска с юга на Петроград и Москву.

В начале мая под эгидой Верховного главнокомандующего генерала Алексеева был создан Союз офицеров армии и флота. Этот союз возник в тот период, когда представители самых разных профессий — врачи, учителя, инженеры и т. д. — основывали союзы для улучшения своего положения и защиты своих интересов. У рядовых солдат были свои "солдатские комитеты", но у офицеров профессиональной организации до той поры не было. Учитывая трудное положение офицеров, сложившееся в то время, князь Львов и я благословили Алексеева на создание офицерской организации и делали все возможное для защиты ее от нападок левых демагогов.

К сожалению, в Центральном комитете Союза офицеров с самого начала была создана тайная военно-политическая группа. Действуя без сомнения под руководством генерала Алексеева, она поставила перед собой задачу координировать действия антиправительственных офицерских организаций на фронте, в Петрограде и Москве, а также установила тесные контакты с движением гражданских лиц, стремившихся к установлению диктатуры. Связь с гражданскими лицами была возложена на полковника Генерального штаба Л. Н. Новосильцева, который был избран председателем Центрального комитета союза. Новосильцев — выходец из аристократической московской семьи — являлся членом Центрального комитета партии кадетов и был избран в IV Думу, хотя вскоре и отказался от депутатского мандата. Играя активную роль в правом крыле своей партии, он имел широкие связи в либеральных и консервативных кругах Москвы.

Политические связи между Союзом офицеров в Ставке и гражданскими лицами в Москве и Петрограде осуществлялись с соблюдением величайшей осторожности. Хорошее представление о том, как устанавливались такие контакты, дает эпизод, описанный Владимиром Львовым, который в то время все еще занимал пост обер-прокурора Святейшего синода. Владимир Львов рассказывает: "Это было в июне месяце 1917 года...

Я сидел за письменным столом в кабинете обер-прокурора Святейшего синода в здании Святейшего синода, как вдруг зазвонил телефон. Меня вызывали, спрашивая, когда можно меня видеть. Я отвечал, что кончил свои занятия в Синоде, автомобиль подан и что через пять минут могу быть у того, кто меня вызывал.

"Вот и прекрасно", — ответили мне. Я сел в автомобиль и уехал на квартиру, где меня ждали.

Вошедши в столовую, я застал там хозяина квартиры Шульгина, члена Государственной думы, и полковника Новосильцева, председателя

Центрального Комитета Союза офицеров при Ставке. Не успел я поздороваться, как Шульгин огорошивает меня заявлением, что готовится переворот, о котором он меня предупреждает, дабы я вышел в отставку. Я не придал значения заявлению Шульгина, думая скорее, что он по каким-то соображениям желает заставить меня подать в отставку, и отвечал, что в отставку я выйти не могу, пока не созван Церковный собор. "Когда же собор будет созван?" — спросил меня Шульгин. — "15 августа", — отвечал я. — "Но помните, что после этого числа вы обязательно должны выйти в отставку". — "Я согласен", — ответил я. Продолжать дальше разговор на эту тему мне, состоявшему членом Временного правительства, было крайне неудобно, а потому я резко прервал разговор, предложив Шульгину поехать со мной в автомобиле обедать"*.

Лишь в конце 1936 года в полной мере прояснилась та роль, которую сыграли петроградские финансисты в подготовке Корниловского мятежа. Из разного рода мемуаров, опубликованных в то время, стало известно, что в апреле 1917 года, когда "Общество содействия экономическому возрождению России" приняло решение о передаче генералу Корнилову четырех миллионов рублей, Гучков отправился для встречи с ним в Ставку. Именно к этому времени и относится начало конкретной подготовки переворота. Следующий шаг описан П. Н. Финисовым**, видным членом центральной организации заговорщиков: "В мае 1917 года на квартире Ф. А. Липского, члена совета Сибирского банка, собрались, кроме хозяина, генерал Л. Г. Корнилов, К. В. Николаевский, П. Н. Финисов, бывший член Думы Аладьин и полковник Шувалов. На этом собрании был учрежден "Республиканский центр"***. Поначалу все выглядело так, будто своей главной задачей "Республиканский центр" считал ведение антибольшевистской пропаганды на фронте и по всей стране, а также субсидирование многочисленных военно-патриотических организаций, возникших в Петрограде.

Однако уже в начале июля, в период германского контрнаступления, большевистского восстания (4 июля) и Тарнопольского прорыва, "Республиканский центр" занялся тем делом, ради которого и был создан. Еще раньше офицерские группы заговорщиков начали готовить захват Петрограда "изнутри", который должен был совпасть с подходом к столице войск генерала Крымова. Один из участников этого заговора гвардейский полковник Винберг**** признал, что их планы предусматривали захват всех бронеавтомобилей в Петрограде, арест членов Временного правительства, а также арест и ликвидацию наиболее видных эсеров и социал-демократов. Ко времени подхода к столице войск генерала Крымова все ведущие революционные силы должны были быть подавлены и разоружены, что свело бы задачу генерала Крымова лишь к восстановлению в городе закона и порядка.

Только в июле руководители "Республиканского центра" осознали, что их организация служит прикрытием для подрывной деятельности Путилова, Гучкова, Вышнеградского и их сообщников. Но даже и тогда они были в абсолютном неведении о существовании "Общества содействия экономическому возрождению России", поскольку финансовая поддержка центра осуществлялась через частные банки и деловые компании. Однако, когда их работа развернулась в полном объеме и в военную

---

* Впервые об этой встрече Владимир Львов упомянул в довольно искренних воспоминаниях о его роли в корниловском движении, которые были опубликованы в Париже в газете "Последние новости" 27 ноября 1920 г.

** Деловой партнер Путилова.

*** Последние новости. 1937. 27 февраля.

**** *Винберг Ф. В.* В плену у обезьян. Киев, 1919.

секцию центра Ставка назначила полковников Дюсиметьера и В. И. Сидорина*, размеры такой помощи должны были возрасти.

Финистов пишет: "Первая связь "Республиканского центра" с "Обществом содействия экономическому возрождению России" возникла после июльского восстания. Липский получил тогда от Н. Х. Денисова** из Гурзуфа письмо или телеграмму с просьбой прислать ответственного представителя "Респ. центра" в Крым по важному делу. Ни Липский, ни Николаевский покинуть Петербург не могли. Послали меня. Приезжаю в Гурзуф и в кабинете Н. Х. Денисова встречаю А. И. Путилова. Осведомленный уже Денисовым, Путилов просил меня вновь рассказать подробно о "Респ. центре". Выслушав и одобрив, он сказал: "Передайте Липскому и Николаевскому, что мной организовано "Общество содействия экономическому возрождению России", которое охотно вас поддержит. Вернусь в Петербург в конце июля, и тогда поговорим..."*** ...Уехав из столицы 2 или 3 августа в Одессу, Николаевский оставил записку с указанием, сколько денег нужно выдать за счет "Общества экономического возрождения" разным воинским организациям и "на контрразведывательные органы. К этому времени из Ставки было получено, сначала по прямому проводу, а затем лично от полковника Сидорина и полковника Пронина сообщение, что вторичное выступление большевиков должно состояться 2 — 3 сентября. От нас требовалась полная готовность. Выяснилось, что нужно около 500 000 руб. для захвата броневых частей и радиостанции в Царском Селе, передвижения из Луги в Петербург броневого отряда капитана Орла и затопления барж с камнями морского канала, чтобы воспрепятствовать подходу военных судов из Кронштадта"****.

Все эти три последовательные события — встреча представителей центра с Путиловым, выделение финансовых средств "Республиканскому центру" на военные нужды и сообщение от Сидорина и Пронина — явились, без сомнения, результатом прямых переговоров между заговорщиками в Ставке и руководителями "Общества содействия экономическому возрождению России".

Свою заговорщицкую деятельность Новосильцев, Пронин, Сидорин и другие члены Центрального комитета Союза офицеров держали в секрете от Верховного главнокомандующего генерала Брусилова и его начальника штаба генерала Лукомского. Однако тот факт, что эта деятельность не составляла секрета для преемника Брусилова генерала Корнилова, позднее подтвердил Деникин, наиболее искренний из всех генералов. В написанной им статье Деникин не оставил ни малейших сомнений в том, что Корнилов не только был в курсе тайной деятельности заговорщиков, но, по сути дела, возглавлял военный заговор, направленный на свержение Временного правительства*****.

После назначения генерала Корнилова Верховным главнокомандующим его пост командующего Юго-Западным фронтом занял Деникин, который ранее командовал Западным фронтом.

В конце июля, отправляясь к месту своего нового назначения, Деникин прибыл в Ставку для встречи с новым Верховным главнокоман-

* Оба входили в законспирированную ячейку Центрального комитета Союза офицеров.

** Финансовый и промышленный магнат на юге России.

*** Финисов не знает, о чем он договорился с Путиловым по возвращении последнего в Петербург.

**** Последние новости. 1937. 27 февраля.

***** Там же. 1937. 14 ноября.

дующим, который в то время был занят разработкой проекта военных реформ. Деникин принял участие в совещании, на котором рассматривался этот проект, и рассказал о том, что состоялось после совещания: "По окончании заседания Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом сказал мне следующее: "...Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советами... Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там — пусть делают, что хотят... Могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— В полной мере...

Мы сердечно обняли друг друга и расстались"*.

В своих воспоминаниях генерал Деникин более сдержан, чем в статье в "Последних новостях", но, вместе взятые, эти материалы со всей убедительностью свидетельствуют, что генерал Корнилов занял свое место в Ставке уже будучи заговорщиком и немедленно приступил с помощью своих сообщников из Союза офицеров к осуществлению подготовленного ранее плана. Почти сразу же от генерала Деникина потребовали подтвердить его обещание об оказании помощи. По предложению Корнилова он направил в Ставку Верховного главнокомандующего генерала Крымова, которого ранее рекомендовал на должность командующего 11-й армией. Поступая таким образом, Деникин делал вид, будто он или не знал, или не захотел согласиться с ранее сделанной рекомендацией штаба Корнилова. Со своей стороны в качестве военного министра, получив такую рекомендацию о назначении генерала Крымова на пост командующего 11-й армией, я сообщил о ней членам Временного правительства и информировал Ставку Верховного главнокомандующего об ее одобрении.

Судя по всему, это был обманный ход, сделанный с целью усыпить мою бдительность, ибо в то время как военное министерство утвердило назначение генерала Крымова командующим на фронте, он на самом деле отправился в самый канун открытия Государственного московского совещания в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. В Ставке Корнилов поручил ему разработать план захвата Петрограда, и мы знаем из мемуаров генерала Лукомского, что Корнилов, отправившись на Государственное московское совещание, взял с собой Крымова.

В это же самое время Деникин предпринимал все от него зависящее, чтобы обеспечить поддержку заговорщиков вооруженными силами, находившимися под его командованием. Процитируем его собственные слова: "Наконец, в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручно письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил:

— В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-й конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами... Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально "для изучения бомбометного и минометного дела"; фактически они будут отправлены в Петроград в офицерский отряд.

---

* *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 198.

Распоряжение о командировании офицеров — со всеми предосторожностями, чтобы не поставить в ложное положение ни их, ни начальство, — было сделано..."*

Я подозреваю, что встреча с молодым офицером, который передал генералу Деникину секретное послание Корнилова, на самом деле состоялась несколько ранее 20 августа, до падения Риги, поскольку 21 августа, сразу же после падения Риги, генерал-квартирмейстер И. П. Романовский, ближайший сподвижник Корнилова, направил телеграмму начальникам штабов всех фронтов, в которой содержалась инструкция** об откомандировании в Ставку офицеров на специальные курсы "для ознакомления с системой бомбометов и пулеметов". Совершенно очевидно, что к тому времени, как были отправлены эти инструкции, все штабы уже были информированы об истинной цели "курсов".

Молодые офицеры, отобранные для этой миссии, начали прибывать в Петроград приблизительно за десять дней до корниловского ультиматума. Некоторые из них позднее подверглись аресту и дали показания Чрезвычайной комиссии по делу генерала Л. Г. Корнилова и его соучастников. Показания одного из этих офицеров хранятся в советских архивах и опубликованы в сборнике документов по Корниловскому делу***.

"25 августа с. г. я получил предписание выехать в Ставку Верховного главнокомандующего якобы "для изучения бомбометов и пулеметов английского образца". Прибыв в Ставку 27 августа, я встретил на вокзале капитана Генерального штаба Роженко, который дал предписание немедленно отправиться в штаб для испытания минометов и бомбометов английского образца. Вместе с приказанием он дал мне такую инструкцию: на днях в Петрограде ожидается выступление большевиков, которые хотят захватить власть в свои руки и арестовать Временное правительство. Поэтому вас, офицеров, мы посылаем туда для водворения порядка. Вместе с этим он дал мне адреса, к кому явиться в Петрограде за получением дальнейших инструкций и распоряжений, а именно: 1) Сергиевская улица, № 46 — генерал Федоров; 2) Фурштадская, № 28, кв. 3 — полковник Сидоренко или хорунжий Кравченко; 3) Фонтанка, № 22 — полковник Дюсиметьер. Нас было много, около 46 человек; поэтому нам дали отдельный классный вагон. В нем ехали офицеры разных полков III и X армий. Капитан Роженко говорил, что было вызвано из полков разных фронтов более трех тысяч офицеров в Петроград под различными предлогами..."

К 10 августа все приготовления к захвату Петрограда, включая отвод войск с Северного фронта в разгар германского наступления и их переброску в Петроград и Москву, были завершены генералами Корниловым, Крымовым и Романовским без ведома генерала Лукомского. В своих мемуарах генерал Лукомский весьма живо описывает ту роль, которую он сыграл в этих событиях****. "Если не ошибаюсь, 6(19) или 7(20) августа, генерал-квартирмейстер, генерал Романовский доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отдать распоряжение о со-

* *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. С. 210—211.

** Согласно заведомо ложным инструкциям Романовского, эти курсы должны были проходить в течение десяти дней под руководством "майора английской службы Финлейстена".

*** Революционное движение в России... С. 452—453.

**** Цит. по: Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1. С. 222—230.

средоточении в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской). Эти части находились в резерве Румынского фронта и за несколько дней до этого доклада генерала Романовского у меня был разговор с генералом Корниловым о необходимости для усиления Северного фронта перевести значительную кавалерийскую группу с Румынского фронта.

— Но почему же в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки? — спросил я генерала Романовского.

— Я не знаю. Передаю Вам точно приказание Верховного главнокомандующего.

— Когда Вы его получили и каким путем?

— Вчера, после двадцати трех часов, генерал Корнилов меня вызвал и приказал доложить Вам об этом сегодня утром".

Мне все это показалось несколько странным; странно, почему это приказание было отдано не непосредственно мне, а через генерал-квартирмейстера; непонятно было, почему выбран указанный район сосредоточения...

Я пошел к генералу Корнилову.

Сказав ему, что генерал Романовский передал мне его приказание, я попросил объяснить, почему выбран для конницы указанный район сосредоточения.

Генерал Корнилов мне ответил, что он хочет сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда легко было бы в случае надобности перебросить ее на Северный фронт или на Западный, что выбранный им район наиболее удовлетворяет этому требованию.

Я сказал, что нам вряд ли есть основание опасаться за Западный фронт, где имеются достаточные резервы, и было бы лучше сосредоточить конницу в окрестностях Пскова.

Но Корнилов остался при своем решении.

— Я, конечно, сейчас же отдал необходимые распоряжения, но у меня получается, Лавр Георгиевич, впечатление, что Вы что-то недоговариваете.

Выбранный Вами район сосредоточения конницы очень хорош на случай, если бы ее надо было бросить на Петроград или на Москву; но, на мой взгляд, он менее удачен, если идет речь лишь об усилении Северного фронта.

Если я не ошибаюсь и Вы действительно что-то недоговариваете, то прошу — или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне Ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника".

Генерал Корнилов несколько секунд подумал и ответил:

"Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с Вами еще не говорил. Прошу Вас сейчас же отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го конного корпуса генерала Крымова; а мы с Вами подробно поговорим после моего возвращения из Петрограда..."

После этого генерал Корнилов вернулся к разговору, бывшему у меня с ним до его поездки в Петроград.

"Как Вам известно, все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдет в Петрограде в конце этого месяца; указывают на 28—29 августа (10—11 сентября).

Германии необходимо заключить с Россией сепаратный мир и свои армии, находящиеся на нашем фронте, бросить против французов и англичан.

Германские агенты — большевики, как присланные немцами в запломбированных вагонах, так и местные, на этот раз примут все меры, чтобы произвести переворот и захватить власть в свои руки.

По опыту 20 апреля (3 мая) и 3—4 июля (16—17 июля) я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены, а если Временное правительство чудом останется у власти, то, при благосклонном участии таких господ, как Черновы, главари большевиков и Совет рабочих и солдатских депутатов — останутся безнаказанными.

Пора с этим покончить.

Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался.

Вы правы. Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует.

Руководство этой операции я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов.

Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне, в последнюю минуту, удастся с ним договориться.

Но вперед ничего никому говорить нельзя, так как гг. Керенские, а тем более Черновы, на все это не согласятся и операцию сорвут.

Если же мне не удалось бы договориться с Керенским и Савинковым, то возможно, что придется ударить по большевикам и без их согласия. Но затем они же будут мне благодарны и можно будет создать необходимую для России твердую власть, не зависимую от всяких предателей.

Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

Пойдете ли Вы со мной до конца и верите ли, что лично для себя я ничего не ищу?"

Я, зная генерала Корнилова, как безусловно честного и преданного родине человека, ответил, что верю ему, вполне разделяю его взгляд и пойду с ним до конца...

Генерал Корнилов мне ответил: "Теперь я Вас прошу никакой армии не принимать, а остаться у меня начальником штаба.

До сих пор я с Вами не говорил, предполагая, что Вы захотите принять армию.

Я уже кое-что подготовил, и по моим указаниям полковник Лебедев и капитан Роженко разрабатывают все детали.

У Вас, как у начальника штаба, слишком много работы, а потому уже доверьтесь, что я лично за всем присмотрю и все будет сделано как следует.

Во все это посвящены мой ординарец Завойко и адъютант полковник Голицын".

Я, к сожалению, на это согласился и никакого участия в разработке операции не принимал.

Как последующее показало, сам генерал Корнилов, за неимением времени, подготовкой операции не руководил, а исполнители, не исключая и командира корпуса, генерала Крымова, отнеслись к делу более чем легкомысленно, что и было одной из главных причин, почему операция впоследствии сорвалась.

12(25) августа в Ставку приехал генерал Крымов, но так как генерал Корнилов, до отъезда в Москву на Государственное совещание, не имел времени с ним поговорить, то предложил ему ехать с ним в Москву, чтобы переговорить дорогой".

Окончательное соглашение между генералами Корниловым, Крымовым и Калединым* было достигнуто в Москве в личном поезде Верховного главнокомандующего.

Поскольку пребывание генерала Крымова в Москве держалось в тайне, Милюков не упоминает о нем в своей книге "История второй русской революции", когда касается своих переговоров с Корниловым и Калединым в Москве, и объясняет, что координацию своих планов военных действий против правительства они провели во время Государственного совещания.

23 августа после встречи со мной в Петрограде Владимир Львов побывал в московской гостинице "Националь" у Аладьина, где встретил И. А. Добрынского**. Вскоре после прихода Львова в номер зашел ординарец и вручил Аладьину письмо из Ставки, которое он вскрыл и тут же прочитал. Это был приказ Верховного главнокомандующего генералу Каледину о переброске к Москве его донских казаков. Приказ был немедленно передан Каледину***.

План захвата Петрограда и установления военной диктатуры был разработан до созыва Государственного московского совещания. Во второй половине августа стала стремительно приближаться дата отставки Владимира Львова, на которой настаивали в беседе с ним Новосильцев и Шульгин. Настало время установить более тесные контакты между заговорщиками в армии и теми группами гражданских лиц, которые знали о предстоящем перевороте и выступали в его поддержку.

"Около этого времени группа молодых офицеров из Ставки, — пишет С. И. Шидловский****, — пожелала переговорить совершенно конфиденциально с некоторыми из более видных членов Думы; было устроено совершенно тайно небольшое собрание, на котором офицеры заявили, что они уполномочены Корниловым довести до сведения Думы, что на фронте и в Ставке все готово для свержения Керенского и что только нужно согласие Государственной думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и, так сказать, под ее покровительством.

Члены Думы отнеслись к этому предложению с большой осторожностью, стали подробно расспрашивать офицеров о том, что организовано да как, и после продолжительного допроса пришли к единогласному заключению, что все это поставлено до такой степени несерьезно, что никакого значения придавать делаемому предложению нельзя, и поэтому отказались даже разговаривать по этому предмету с Корниловым.

---

* Атаман Донского казачества.

** Довольно загадочная фигура. В свое время он работал в Министерстве земледелия, позднее выполнял роль курьера между Корниловым и Калединым.

*** 27 августа генерал Корнилов направил генералу Каледину телеграмму следующего содержания: "Керенский разослал по всем железным дорогам телеграмму, что я смещен с должности главковерха и на мое место назначен Клембовский с местопребыванием в Пскове. Я отказался сложить с себя обязанности Верховного главнокомандующего. Деникин и Балуев идут со мной (что касается Балуева, это было неправдой) и послали протест Временному правительству по поводу моего смещения. Клембовский решил по получении официального извещения правительства о своем назначении отказаться от него. Если Вы поддерживаете меня со своими казаками, то телеграфируйте об этом Временному правительству и копию мне" (цит. по: Революционное движение в России... С. 447).

**** Председатель "Прогрессивного блока" в IV Думе.

Из всех членов Думы поехал к Корнилову в его поезд один Милюков, имевший с ним разговор, содержание которого мне неизвестно"*.

Члены Думы, проявив политическую зрелость, отказались обсуждать с генералом Корниловым замыслы, в которых не увидели шансов на успех. Однако они ничего не предприняли. чтобы остановить заговорщиков, и даже не посчитали нужным сообщить об этих замыслах наиболее заинтересованному лицу, а именно мне!

О сути своих продолжительных бесед с Корниловым и Калединым Милюков и не заикался вплоть до того времени, когда правду о своем участии во всем этом деле в какой-то степени раскрыли Деникин и Финисов**, и лишь после этого он признал, что такие беседы действительно имели место, о чем он и упоминает во второй части своей книги "История второй русской революции"***:

"Теперь, как Корнилов лично мне говорил при свидании в Москве 13-го августа... момент открытого разрыва с правительством Керенского представлялся ему совершенно определившимся, вплоть до заранее намеченной даты, 27 августа. Это представляет в несколько ином свете недавно опубликованные свидетельства, которые не в полной мере совпадают с моими показаниями. Я уже касался другого аспекта нашей беседы и желал бы вновь напомнить о нем. В личной беседе с Корниловым в Москве (13 августа) я предупреждал его о несвоевременности борьбы с Керенским — и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и генералу Каледину, посетившему меня в те же дни. Все это, видимо, соответствовало, что и подтвердилось позднее, намерению Корнилова сохранить Керенского в кабинете.

Могу добавить к уже сказанному следующее: генерал Корнилов не входил во все детали предстоящего переворота, однако он выразил желание получить поддержку конституционных демократов в случае реорганизации в критический момент кабинета министров. Я ответил, что мы не сможем поддержать его, если, как свидетельствует тональность его высказываний, дело дойдет до кровопролития или насилия. На это Корнилов ничего не ответил. В заключение беседы я заметил, что со стороны генерала Корнилова крайне неблагоразумно окружать себя людьми вроде Аладьина, который выходил из вагона Корнилова, когда я входил в него..."****

Таким образом, после беседы с Корниловым Милюков знал точную дату переворота, знал о предложении убрать кадетов из Временного правительства, знал о намерении пустить в ход силу, но он предпочел умолчать обо всем этом.

Шидловский и другие руководители "Прогрессивного блока", которые беседовали с молодыми офицерами, направленными генералом Корниловым, заняли такую же позицию. Если бы я знал о двуличии Корнилова, если я хотя бы за две недели получил известие о готовящемся перевороте, я был бы способен положить конец этой опасной игре

---

* *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 141.

** Свидетельства об этом были опубликованы в "Последних новостях" 6 марта 1937 года.

*** *Милюков П. Н.* История второй русской революции. София, 1922. Т. 1. Вып. 2. С. 174.

**** Несмотря на столь нелестную характеристику Аладьина, Милюков, судя по всему. не знал, что Аладьин в действительности посетил генерала Корнилова не в качестве бывшего члена Думы, а как весьма важный тайный агент Англии.

судьбой России. Однако Милюков и другие, кого Корнилов посвятил в свои планы, хранили молчание, движимые симпатией к его замыслам и желанием оказать ему, по крайней мере, пассивную поддержку.

Перед возвращением в Ставку Корнилов вызвал к себе в вагон руководителей "Общества содействия экономическому возрождению России" Путилова, Вышнеградского и Мещерского*. Поскольку Мещерского в то время в Москве не было, на встречу явились лишь Путилов и Вышнеградский. Отчет об этой тайной ночной встрече позднее дал Путилов**, уже после того, как с разоблачениями выступили Деникин, Милюков и ряд других лиц. Однако и в этом отчете не содержится полной правды, зато в нем немало лживых утверждений вроде тех, будто генерал Корнилов заявил, что действует "с полного согласия Керенского", будто они вплоть до Государственного московского совещания в глаза не видели генерала, будто Верховный Главнокомандующий и слыхом не слыхивал о деньгах, которые они собрали для него, и будто Корнилов обратился к ним только потому, что знал их как людей состоятельных, и т. п.

И все же из отчета Путилова со всей очевидностью можно сделать один главный вывод. Генерал сообщил им, что он посылает в Петроград корпус для разгрома большевиков, но одного разгрома мало. Их надо еще и арестовать. А чтобы избежать уличных боев и не допустить бегства большевиков из их штаб-квартиры в Смольном институте, следует оказать поддержку генералу Крымову внутри города***. Корнилов также попросил предоставить ему средства для содержания верных людей и получил ответ, что такие средства уже собраны и могут быть переданы в любое время. На это он сказал, что прямых контактов в подобных делах следует избегать, и добавил: "Я сообщаю Вам фамилии четырех полковников генерального штаба: Сидорин, Дюсиметьер, Пронин и... (Путилов скрыл фамилию четвертого человека — полковника Новосильцева). Если с Вами войдет в контакт кто-либо из них, знайте, что они действуют от моего имени".

В своих мемуарах видный член Центрального комитета партии кадетов Владимир Дмитриевич Набоков так описывает события, предшествовавшие 27 августа****: " Это было в двадцатых числах августа (1917 года), во вторник на той неделе, в конце которой Корнилов подступил к Петербургу. Утром ко мне позвонил Львов и сказал мне, что у него есть важное и срочное дело, по которому он пытался переговорить с Милюковым, как председателем Центрального комитета, и с Винавером, как товарищем председателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться (кажется, они были в отъезде), и потому он обращается ко мне и просит назначить время, когда бы он мог со мной повидаться. Я несколько запоздал с возвращением домой и, когда пришел, застал Львова у себя в кабинете. У него был таинственный вид, очень значительный. Не говоря ни слова, он протянул мне бумажку, на которой было написано приблизительно следующее (списать я текст не мог, но помню очень отчетливо): "Тот генерал, который был Вашим визави

---

* Директор Международного банка.

** Последние новости. 1937. 24 января.

*** Деньги, которые предоставил Путилов в июле "Республиканскому центру", предназначались именно на эти цели.

**** *Набоков В.* Временное правительство. Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 43—45.

за столом, просит Вас предупредить министров к. д., чтобы они такого-то августа (указана была дата, в которую произошло выступление Корнилова, пять дней спустя; кажется, 28-го августа)... подали в отставку, в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности". Это было несколько строк посередине страницы, без подписи.

Не понимая ничего, я спросил Львова, что значит эта энигма и что требуется, собственно говоря, от меня? — "Только довести об этом до сведения министров к. д.". "Но, сказал я, едва ли такие анонимные указания и предупреждения будут иметь какое бы то ни было значение в их глазах". "Не расспрашивайте меня, я не имею права ничего добавить". "Но тогда, повторяю, я не вижу, какое практическое употребление я могу сделать из Вашего сообщения". После некоторых загадочных фраз и недомолвок, Львов наконец заявил, что будет говорить откровенно, но берет с меня слово, что сказанное останется между нами, "иначе меня самого могут арестовать". Я ответил, что хочу оставить за собой право передать то, что узнаю от Львова, Милюкову и Кокошкину, на что он тотчас же согласился.

Затем он мне сказал следующее: "От Вас я еду к Керенскому и везу ему *ультиматум* (курсив мой): готовится переворот, выработана программа для новой власти с диктаторскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу. Если он откажется, то с ним произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку, близкому к Керенскому и расположенному к нему, останется только позаботиться о спасении его жизни". На дальнейшие мои вопросы, имевшие целью более определенно выяснить, в чем же дело, Львов упорно отмалчивался, заявляя, что он и так уже слишком много сказал. Насколько я помню, имя Корнилова не было произнесено, но, *несомненно*, сказано, что ультиматум исходит из Ставки. На этом разговор закончился, и Львов поехал к Керенскому. Насколько можно судить из тех сведений, которые впоследствии были опубликованы, Львов в этом первом разговоре с Керенским совсем не выполнил того плана, о котором он мне сообщал... О разговоре своем я в тот же вечер сообщил Кокошкину, а также и другим нашим министрам (Ольденбургу и Карташову), с которыми виделся почти ежедневно... Помню, что я просил их обратить внимание на поведение Керенского в вечернем заседании. Впоследствии они мне сообщили, что Керенский держался как всегда, никакой разницы".

Если бы Владимир Набоков исполнил свой долг, сообщив немедленно мне о встрече с Львовым, все же была бы возможность предотвратить катастрофу. Вместо этого мои коллеги по кабинету хранили молчание и наблюдали в тот вечер за моим поведением.

Во время своего первого визита Львов действительно не вручил мне никакого ультиматума, поскольку это и не предполагалось делать. Из разговора с И. А. Добрынским, состоявшемся в Москве, он узнал, что вопрос о военной диктатуре предполагалось обсудить на секретном совещании в Ставке, куда был приглашен сам Добрынский. Полагая, что такое разрешение нарастающего политического кризиса будет иметь для России фатальные последствия, Львов предложил провести реорганизацию правительства, включив в него и Корнилова, и меня. В своих мемуарах Львов пишет, что Добрынский согласился представить этот план на рассмотрение участников совещания в Ставке. Вот как описывает Львов то, что за этим последовало*: "20-го августа ко мне вновь

* Последние новости. 1920. 30 ноября.

в номер заходит Добрынский и с радостью объявляет, что план мой на секретном совещании принят. Правда, думали остановиться на военной диктатуре, но он выступил с речью против, в защиту моего плана, и совещание в конце концов этот план одобрило. Затем он прибавил, что глубокою ночью он был введен в кабинет Верховного главнокомандующего и Корнилов с глазу на глаз сказал ему, что решился быть военным диктатором, но никто знать об этом не должен. Прощаясь с ним, Корнилов сказал: "Помните, что вы меня не видали и я вас не видел". "Одно решение не совпадает с другим", — заметил я.

Добрынский признался мне, что и он не вполне понимает, что происходит в Ставке. Кто был на секретном совещании, Добрынский не говорил, и я не считал себя вправе его расспрашивать. "Однако все-таки надо действовать в духе моего плана", — сказал я. Добрынский со мной согласился.

Я тотчас же вызвал по телефону брата моего Николая Николаевича Львова, видного общественного деятеля, рассказал ему все и просил переговорить с московской общественностью относительно образования Национального кабинета. Брат мой согласился и уехал.

На другой день, 21 августа, в мой номер входит Добрынский и говорит, что со мной хочет познакомиться Аладьин, бывший член I Государственной думы, лидер трудовиков. Я выразил свое согласие: вошел Аладьин в форме лейтенанта английской службы. Поздоровавшись со мной, он стал жаловаться на Керенского, что тот не желает его видеть, а между тем Аладьин собирался ему всю правду в лицо сказать... Через несколько минут Аладьин сказал мне, что получил из Ставки письмо от Завойко.

"Кто этот Завойко?" — спросил я. "Это ординарец при Корнилове, — отвечал Аладьин. — В письме содержится очень важное поручение. Я сидел целых два часа у князя Львова, желая с ним поговорить наедине, но у Львова столько было народу, что я не улучил удобной минуты".

— Могу я узнать, в чем заключается поручение? — спросил я.

— Вот вам то место из письма, которое относится до поручения, — сказал мне Аладьин, показывая мне бумажку, в которой буквально было написано следующее: "За завтраком генерал, сидевший против меня, сказал: "Недурно бы предупредить ка.-де., чтобы к 27 августу они вышли все из Временного правительства, чтобы поставить этим Временное правительство в затруднительное положение и самим избегнуть неприятностей".

— Кто такой этот генерал? — спросил я.

— Это Лукомский.

— А у кого же завтрак? — продолжал я.

— У Верховного главнокомандующего.

— Какую же цену имеет письмо простого ординарца?

— Дело в том, — пояснил мне Добрынский, — что Корнилов сам никогда никаких писем не пишет. — Все идет через Завойко, и письмо Завойко равносильно приказанию самого Корнилова.

Я ахнул и понял все значение предупреждения в письме Завойко.

"Предупреждение настолько важное, — сказал я, — что я могу съездить в Петроград и передать эту бумажку в Центральный кадетский комитет". Аладьин согласился.

Затем я рассказал Аладьину о моем плане и спросил его, как он думает, если я поеду к Керенскому и смогу убедить его перестроить правительство, чтобы успокоить Ставку.

Аладьин согласился, что будет очень хорошо, если я добьюсь от Керенского согласия вступить в переговоры. Быть может удастся предотвратить что-то такое, что готовится к двадцать седьмому августа.

— Что же готовится? — спросил я.

Аладьин отвечал решительным незнанием.

Когда он ушел, я опять спросил Добрынского, заходить ли мне к Керенскому, чтобы начать с ним переговоры на основах моего плана? На что Добрынский горячо поддержал необходимость видеться мне с Керенским, говоря, что секретное совещание в Ставке уполномочило его меня об этом просить".

Посоветовавшись со своим братом, Владимир Львов решил отправиться для встречи со мной в Петроград. Тем же вечером, 21 августа, он выехал в столицу, с тем чтобы передать послание Завойки Центральному комитету партии кадетов и договориться со мной о приеме. На следующий день у него состоялась встреча с Набоковым, которая уже была описана, беседа со мной, после чего он немедленно возвратился в Москву.

По приезде 23 августа в Москву он сообщил своему брату, что я согласился на создание Национального кабинета. Оказалось, что брат уже обсудил этот вопрос с некоторыми из политических руководителей, включая В. Маклакова*. "Нелегко для нас, — заметил Николай Львов, — быть по одну сторону с Керенским, но мы это сделаем".

После ухода брата Львов отправился к Добрынскому, которого застал за беседой с Аладьиным. По свидетельству Львова, оба выразили удовлетворение "согласием Керенского" вести переговоры с другими политическими лидерами и Ставкой**.

Именно в этот момент ординарец из Ставки вручил Аладьину письмо, в котором содержался приказ генерала Корнилова Каледину, что побудило Львова немедленно отправиться в Ставку с миссией посредника. Разделяя точку зрения Львова, Добрынский вместе с ним отправился в тот же вечер на встречу с генералом Корниловым. Однако 24 августа Владимир Львов не смог переговорить с Верховным главнокомандующим, не смог он и достать обратного билета в Москву! Генерал Корнилов не спешил принять "посланца Керенского", частично потому, что рядом с ним не было в тот день его политического наставника Завойко.

А пока с 21 по 24 августа Львов метался между Петроградом, Москвой и Могилевом, в Ставке было принято крайне важное решение. Вот что писал об этом Финисов: "Когда в Петербурге "все было готово", Ставка вызвала 21 августа телефонограммой ответственных лиц "Республиканского центра" для доклада. Николаевский — в отъезде. Полковники Сидорин и Дюсиметьер не могут оторваться от военной организации. Просят Липского и меня ехать в Ставку. Вечером в тот же день, в усадьбе Липского (Саблино, Ник. ж. д.) состоялось совещание, на котором, с участием военного юриста полковника Р. Р. Раупаха, были окончательно разработаны проекты: *о составе правительства... об аграрной реформе, об осадном положении в Петербурге и т. д.* Со всеми этими материалами мы и поехали в Ставку к генералу Корнилову...

---

* Лидер правого крыла партии кадетов.

** Давая показания на заседании Чрезвычайной Комиссии по расследованию дела Корнилова 14 сентября 1917 года, Владимир Львов заявил: "Хотя Керенский не дал мне каких-либо полномочий вести переговоры с Корниловым, я все же счел возможным заявить от имени Керенского о его желании реорганизовать правительство".

В 12 часов ночи начальник главной квартиры князь Трубецкой ввел нас в кабинет покойного государя, где уже находились ген. Л. Г. Корнилов, ген. А. М. Крымов, ген. И. П. Романовский, ген. А. С. Лукомский и четверо или пятеро военных (один — генерал, остальные полковники).

Корнилов сказал нам, что только что у него был Савинков, с которым все согласовано. Однако правительство против назначения ген. Крымова и против включения Дикой дивизии в корпус, посылаемый в столицу. Приехал из Петербурга также В. Н. Львов, с каким-то поручением, но с каким — неизвестно, так как ген. Корнилов с ним еще не говорил... После этого мы сделали подробный доклад, доложив, между прочим, и новый список министров. Корнилов тут же внес в список некоторые изменения (убрал, например, министра путей сообщения П. П. Юренева, заменив его Э. П. Шуберским*). Мы указали на чрезвычайное озлобление в офицерской среде и просили вызвать Керенского в Ставку, чтобы сохранить его жизнь, так как случайное убийство могло вызвать настоящую катастрофу... Корнилов одобрил весь план. При этом Верховный главнокомандующий прибавил, *что окончательный состав правительства он обсудит с Керенским...*

Было это в ночь с 23 на 24 августа"**.

Лично я не думаю, что слова Корнилова могли ввести в заблуждение участников того решающего ночного бдения. Они понимали, что генерал ведет двойную игру. Он не мог бы утверждать, будто на встрече с Савинковым "все согласовано", ибо за день до этого он обещал Савинкову и Барановскому предоставить конный корпус в распоряжение Временного правительства, не назначать генерала Крымова на пост командующего этим корпусом и не включать в него Дикую дивизию.

Однако уже 25 августа генерал Крымов в качестве главнокомандующего "особой Петроградской армии" издал секретный приказ, объявив военное положение в Петрограде, Кронштадте, Петроградском военном округе и Финляндии. Одновременно он направил командиру Дикой дивизии генералу Багратиону секретный приказ, требующий подавить в Петрограде революционных рабочих и солдат.

В конце концов вечером 24 августа генерал Корнилов нашел время для встречи с Владимиром Львовым. Львов изложил свой компромиссный план и предложил сформировать национальное правительство. Ответ генерала был довольно туманным. Он сказал, что во время Государственного московского совещания в ходе личной беседы выразил мне свою поддержку, однако я чрезмерно завишу от Советов и т. д. В заключение генерал Корнилов сказал: "Впрочем, приходите завтра в 10 часов утра для окончательного ответа". Ниже приводится отчет самого Львова об этой второй встрече***: "На другой день в 10 часов утра я всходил по лестнице губернаторского дома, в котором помещался Корнилов. На верхней площадке меня встретил пожилой вольноопределяющийся, плотный, высокого роста, с проседью брюнет. Он представился мне: "Завойко". Завойко извинился за Верховного главнокомандующего, прося меня подождать. Сам он, Завойко, только что вернулся с какой-то поездки. Вчера и ночью его в Ставке не было. Мы сели в зале, смежной с кабинетом Верховного главнокомандующего...

---

* Шуберский в качестве товарища министра путей сообщения постоянно находился в Ставке и входил в число заговорщиков.

** Последние новости. 1937. 27 февраля.

*** Последние новости. 1920. 7 декабря.

— Я хочу созвать Земский собор, — сказал мне Завойко. Я посмотрел на него с удивлением и подумал:

— Кто такой господин Завойко, который собирается созывать Земский собор.

Пока Завойко излагал мне свои взгляды на Земский собор, дверь кабинета отворилась.

Я вошел в кабинет к Корнилову и сел бок о бок с ним у письменного стола. Корнилов начал мне говорить твердо, уверенно. В нем не заметно было вчерашней нерешительности.

— Передайте Керенскому, — сказал мне Корнилов, — что Рига взята вследствие того, что предположения мои, представленные Временному правительству, до сих пор им не утверждены. Взятие Риги вызывает негодование всей армии. Дольше медлить нельзя. Необходимо, чтобы полковые комитеты не имели права вмешиваться в распоряжения военного начальства, чтобы Петроград был введен в сферу военных действий и подчинен военным законам, а все фронтовые и тыловые части были подчинены Верховному главнокомандующему. По сведениям контрразведки, доставленным мне, в Петрограде готовится большевистское восстание между 28 августа и 2 сентября. Это восстание имеет целью низвержение власти Временного правительства, провозглашение власти Советов, заключение мира с Германией и выдачу ей большевиками Балтийского флота. Ввиду столь грозной опасности, угрожающей России, я не вижу иного выхода, как немедленная передача власти Временным правительством в руки Верховного главнокомандующего.

Я перебил Корнилова:

— Передача одной военной власти или также и гражданской? — спросил я.

— И военной и гражданской, — пояснил Корнилов.

— Вы мне позволите все это для памяти записать.

— Пожалуйста, — сказал Корнилов и протянул мне карандаш и бумагу.

— Быть может, лучше просто совмещение должности Верховного главнокомандующего с должностью председателя Совета Министров, — вставил я.

Корнилов смутился.

— Пожалуй, можно и по вашей схеме, — сказал Корнилов. — Конечно, все это до Учредительного собрания, — заметил Корнилов.

— Затем, — продолжал он, — предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в Ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану... Кто будет Верховным главнокомандующим, меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством.

Я сказал Корнилову:

— Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам.

Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал.

— Во всяком случае Романовы взойдут на престол только через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я составлю свой кабинет. Я не верю больше Керенскому, он ничего не делает.

— А Савинкову вы верите? — спросил я.

— Нет, и Савинкову я не верю. Я не знаю, кому он нож хочет всадить в спину, не то Керенскому, не то мне, — отвечал Корнилов.

— Если вы такого мнения о Савинкове, отчего же вы его вчера не арестовали, когда он был здесь?

Корнилов молчал.

— Впрочем, — продолжал Корнилов, — я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции.

Тут совершенно неожиданно в кабинет вошел без доклада ординарец Завойко, который перебил Верховного главнокомандующего, сказал наставительным тоном, как говорят ученику:

— Нет, нет, не министра юстиции, а заместителя председателя Совета Министров.

Я удивленно посмотрел то на Корнилова, то на ординарца. Вид у Корнилова был сконфуженный.

— Так вы мне прикажете все это передать Керенскому? — спросил я у Корнилова. Отвечал Завойко:

— Конечно, конечно, важна законная преемственность власти...

Я откланялся Корнилову и вышел из кабинета.

Завойко пригласил меня к себе завтракать; он помещался тут же в доме. Я прошел к нему и застал в его кабинете Добрынского и еще незнакомого мне господина. Завойко познакомил нас: "Профессор Яковлев".

Затем Завойко, сев у письменного стола, достал лист бумаги, на котором было что-то написано, и стал читать вслух. То был манифест Корнилова к армии, в котором Корнилов, называя себя сыном казака, брал на себя Верховную власть во имя спасения Родины. Прочтя манифест, Завойко вытащил из письменного стола еще бумагу и стал читать. То была прокламация Корнилову к солдатам. В ней солдатам обещалось по возвращении домой нарезать по 8 десятин на каждого. Оказывается, что это была аграрная программа, выработанная сидевшим передо мной профессором Яковлевым. Завойко сунул мне по экземпляру каждого. Я машинально положил их в карман, не зная, для чего он мне их дал".

Львов далее рассказал о том, как Завойко на листе бумаги написал слова "Керенский — заместитель председателя Совета Министров", а затем — фантастический состав будущего кабинета, в который должны были войти он, Аладьин и Филоненко*. Львов, пораженный всем происходящим до глубины души, сказал, что может быть лучше до формирования кабинета пригласить для консультаций в Ставку разных политических лидеров. На это Завойко ответил Львову предложением пригласить в Ставку всех, кого он пожелает, и сам вызвался оформить эти приглашения от имени Верховного главнокомандующего. В результате была послана такая телеграмма: "Генерал Корнилов приглашает видных партийных и гражданских руководителей, в том числе Родзянко, немедленно прибыть в Ставку. Предмет обсуждения: формирование кабинета. Немедленный ответ крайне желателен. За разъяснениями о числе приезжающих и времени прибытия обращаться в Ставку к князю Голицыну. Подпись: В. Львов".

Затем Завойко и Добрынский отвезли Львова на вокзал, и Завойко вновь повторил ему содержание ультиматума, который ему следовало предъявить мне на следующий вечер (26 августа).

Вручив мне корниловский ультиматум, Львов сообщил, что он, должно быть, слишком поздно провел свой разговор с Корниловым. Затем, не сказав мне ни слова, он направился к Милюкову, с тем чтобы предупредить его о возможном большевистском восстании. В ответ Милюков заверил Львова, что такого восстания не будет. В раздражении от того, что Милюков подтвердил мои слова, он выхватил из

---

*Комиссар Временного правительства в Ставке, который присоединился к заговорщикам.

кармана обращение и прокламацию Корнилова и протянул их Милюкову. "А мне это совсем неинтересно", — реагировал Милюков.

В отчаянии заговорщики вступили на путь провоцирования большевистского восстания. Вот один из фантастических эпизодов, описанный Финисовым в "Последних новостях" от 6 марта 1937 года:

"За несколько дней до того нам точно стало известно, что большевики отложили выступление на неопределенный срок. Выступать без этого повода мы не считали возможным. ...Мы решили поэтому прибегнуть к крайней мере. Полки генерала Крымова продолжали двигаться к Петербургу. Не воспользоваться этим было бы преступлением. Если повода нет, его надо создать. Специальной организации было поручено... вызвать "большевистское" выступление, *т. е. разгромить Сенной рынок, магазины, одним словом, поднять уличный бунт.* В ответ должны были начаться, в тот же день, действия офицерской организации и казачьих полков генерала Крымова. *Это поручение было возложено на генерала В. И. Сидорина, причем тут же ему было вручено 100 000 руб. на эту цель* (из этой суммы ген. Сидорин истратил только 26 000 руб. на подготовку "большевистского бунта")... Момент же искусственного бунта должны были определить мы, т. е. полк. Дюсиметьер и я, после свидания с ген. А. М. Крымовым, переслав приказ шифрованной запиской в Петербург".

В 4 часа пополудни 28 августа Финисов и полковник Дюсиметьер выехали из Петрограда, с тем чтобы переговорить с генералом Крымовым. Встретившись с ним в селе Заозерье близ Луги, Финисов и Дюсиметьер сообщили генералу о провокационном большевистском мятеже. Генерал Крымов поддержал эту идею, считая, что без выступлений большевиков в Петрограде его распропагандированные казаки на Петроград не пойдут. В 8 утра послали с мотоциклистом через Гатчину шифрованную записку генералу Сидорину с приказом: *"Действуйте немедленно, согласно инструкциям".*

Однако Сидорин решил вначале посоветоваться с генералом Алексеевым, который категорически воспротивился выступлению и заявил: "Если вы пойдете на такую меру, то я застрелюсь! А перед смертью оставлю записку с объяснением причин". Сидорин подчинился, отменил распоряжения и вернул "Республиканскому центру" неизрасходованные деньги... Однако несмотря на это, была все же предпринята попытка спровоцировать инцидент на Сенной площади.

Атаман Дутов позднее рассказывал Владимиру Львову, что он пытался создать видимость "большевистского" восстания, провоцируя толпу грабить магазины, но из этой затеи ничего не вышло.

Без всякого сомнения, после того как заговорщицкая организация в Петрограде отказалась от идеи фиктивного большевистского мятежа, генерал Алексеев понял, что "удачное наступление" на столицу провалилось и следует немедленно прекратить все дальнейшие военные операции.

В 11.00 29 августа полковник Барановский передал мне донесение от командира гарнизона в городе Луга полковника Вороновича, в котором сообщалось, что казаки под командованием генерала Крымова отказались идти на Петроград и выступили с угрозами в адрес своего командующего. Было крайне важно не допускать каких-либо противоправных действий в отношении генерала, и я направил в Лугу друга Крымова полковника генерального штаба Самарина, с тем чтобы он доставил Крымова в Петроград ко мне в Зимний дворец. Сообщив об этом полковнику Вороновичу в Лугу, Самарин отбыл в Ставку Крымова.

Лишь в 1936 году я узнал, что по пути в Лугу Самарин посетил

штаб-квартиру генерала Алексеева с целью получения "инструкции"*. Генерал Алексеев "санкционировал" мой приказ доставить Крымова в Петроград, добавив, что перед этим желал бы переговорить с Крымовым.

В течение всей ночи 30 августа Крымов консультировался с Алексеевым. О своем прибытии в Петроград он сообщил мне лишь утром в 10 часов. На моем разговоре с Крымовым присутствовали товарищи военного министра — генерал Якубович и генерал Туманов, а также председатель Чрезвычайной комиссии для расследования дела Корнилова И. С. Шабловский.

Генерал Крымов, честный и мужественный солдат, начал беседу с заявления о том, что его корпус двигался к Петрограду с целью помочь Временному правительству и никаких враждебных действий против правительства проводить не планировалось. Видимо, под воздействием ночного разговора с генералом Алексеевым, он постарался утаить цель продвижения к столице, повторив фальшивую версию, пущенную в ход друзьями Корнилова. Однако ложь натуре Крымова претила. И он тут же, перестав запираться, достал сложенный пополам листок бумаги и произнес: "Это — приказ".

Прочитав приказ за № 128, я вручил его председателю комиссии. Генерал Крымов далее признал, что в начале августа он находился в Ставке, где тогда разрабатывались военные мероприятия, связанные с движением к столице. Он также сообщил, что, согласно плану, принятому тогда, предполагалось поделить город на отдельные военные сектора и что он был назначен генералом Корниловым на пост командующего специальной "Петроградской армией".

Я уверен, что положение для него стало невыносимым, ибо он почувствовал себя безнадежно запутавшимся в сетях лжи. Он, во-первых, не заявил откровенно о своей причастности к делу, а, во-вторых, параграф 4-й приказа начинался с лживого заявления относительно большевистских бунтов в столице.

Я задал ему вопрос, почему он прибег к этому очевидному вымыслу. Ответ его был расплывчатым, — видимо, он не пожелал бросить тень на своих сообщников в столице, которые обещали организовать большевистский мятеж в канун его прибытия в Петроград.

Генерал Крымов покинул мой кабинет свободным человеком. Единственным ограничением его свободы был вызов Шабловского явиться на следующий день в 5 часов в Чрезвычайную комиссию для расследования и дать там показания. Однако генерал Крымов в комиссию не явился. Он отправился на квартиру своего близкого друга ротмистра Журавского и там застрелился. Он оставил объяснительную записку, которую передали Чрезвычайной комиссии для расследования и которая, возможно, сохранилась в архивах этого дела.

Дело Крымова помогло разоблачить двойную игру генералов. Первоначальный план имел целью захват столицы в надежде застать правительство врасплох. И даже поняв, что им не удалось провести Временное правительство, они по-прежнему придерживались своей лживой версии, даже после провала заговора. Крымов был единственным человеком, который сумел взглянуть правде в глаза. А генерал Корнилов упорно отказывался признать эту правду, яркое свидетельство этого — интервью, которое он дал французскому корреспонденту Клоду Анне**.

---

* См. Последние новости. 1936 14 ноября.

** Это ингервью, данное сразу после краха заговора, до ареста Корнилова, изложено в книге: *Anet C.* La Révolution russe. T. 2. P. 154 (цит. по *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 2. С. 262—263).

”Если бы я был тем заговорщиком, каким рисовал меня Керенский, если бы я составил заговор для низвержения правительства, я, конечно, принял бы соответствующие меры. В назначенный час я был бы во главе моих войск и, подобно вам, я не сомневаюсь, что вошел бы в Петроград почти без боя. Но в действительности я не составлял заговора и ничего не подготовил. Поэтому, получив непонятную телеграмму Керенского (с требованием прибыть в Петроград), я потерял двадцать четыре часа. Как вы знаете, я предполагал, что или телеграф перепутал, или что в Петрограде восстание, или что большевики овладели телеграфом. Я ждал или подтверждения или опровержения (телеграммы). Таким образом я пропустил день и ночь: я позволил Керенскому и Некрасову опередить себя... Железнодорожники получили приказ: я не мог получить поезда, чтобы приехать в окрестности столицы. В Могилеве мне дали бы поезд, но меня арестовали бы в Витебске. Я мог бы взять автомобиль, но до Петрограда 600 верст по дурным дорогам. Как бы то ни было, несмотря на все трудности, я еще мог начать действовать, наверстать потерянное время и исправить сделанные ошибки. Но я был болен, у меня был сильный приступ лихорадки и не было моей обычной энергии”.

Во всем этом бессмысленном и противоречивом заявлении имеется лишь один пункт, соответствующий истине: моя вечерняя телеграмма с вызовом Корнилова в столицу вызвала страшный переполох в стане заговорщиков. Они потеряли голову, их охватила паника. Вот тогда-то к обращению Корнилова был добавлен лживый вводный абзац, сочиненный Завойко: ”Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Гос. думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Гос. думы Алексей Аладьин.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества”*.

Этой выдумкой Завойко позднее недобросовестно воспользовался генерал Алексеев в своей кампании лжи против Временного правительства и меня лично.

Признания Деникина и Сидорина, как и мемуары Финисова, опубликованные в 1936 и 1937 годах, не оставляют сомнений в том, что в деле Корнилова именно генерал Алексеев играл центральную роль, свет на которую впервые пролил Милюков в письме, датированном 12 сентября 1917 года. Он был главным соперником генерала Корнилова и других руководителей готовящегося переворота, включая Сидорина и Крымова. Он также подготовил политические обоснования для захвата Корниловым власти. В критические дни мятежа он постоянно поддерживал связь с генералом Корниловым через генерала Шапрона, зятя Корнилова**.

Утром 28 августа, отдав приказ генералу Сидорину прекратить подготовку фиктивного большевистского восстания, Алексеев в сопровождении Милюкова посетил меня, с тем, чтобы предложить себя в качестве посредника между мной и Корниловым. И он, и Милюков полагали, что это будет на руку Корнилову, в неизбежную победу которого они твердо верили. Позднее тем же днем Алексеев пригласил к себе Маклакова и попросил его немедленно отправиться в Ставку на совещание по созданию правительства во главе с Корниловым. Маклаков так пишет об этом***:

---

* *Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. Москва, 1918. С. 141.

** Позднее Шапрон был генералом в белой армии.

*** *Maklakov V. A.* La chute du regime tsariste: Interrogatoires (completes rendus sténographiques). P. 85.

"...Генерал Алексеев позвонил мне по телефону и попросил встретиться с ним. Встреча состоялась в его поезде. В отличие от меня, он считал, что часы правительства сочтены. По его словам, речь просто идет о том, какие решения примет Корнилов после победы. Он попросил высказать мое мнение по этому вопросу. Его "оптимизм" я не разделял, и мнение о создавшейся ситуации сложилось у меня некоторое время назад. Я считал, что ключевую роль играет не личность, а характер режима. Если настойчиво поддерживать состояние "революции", то (революционный) процесс будет продолжаться, и заговор неизбежно рассыплется как карточный домик. Следовательно, если Корнилов желает показать, что он сильнее правительства, и если он намерен положить конец революции, ему следует вступить на путь соблюдения "законности". Законность эта исчерпала себя с отречением Великого князя Михаила, и, следовательно, придется сделать шаг далеко назад. Он будет вынужден руководствоваться манифестом об отречении императора Николая II, который является последним актом законности, восстановить монархию, конституцию и народное представительство; ему следует согласиться с неизбежностью управлять в духе конституции... Если новое правительство, которое вы хотите поставить вместо нынешнего, будет по-прежнему "революционным", оно недолго продержится. В заключение я сказал ему: "Не странно ли, что наши роли поменялись? Вы, генерал, адъютант императора, член его свиты, выступаете против монархии. Я же, член оппозиции, ее отстаиваю". "Вы правы, — произнес генерал. — Я против монархии потому, что слишком хорошо знаю ее". Это замечание произвело на меня сильное впечатление. "Возможно, — заметил я, в свою очередь, — но я разбираюсь в наших политиках лучше, чем Вы, и потому не ожидаю ничего путного от вашей затеи..."

В своей книге, посвященной событиям в России осенью 1917 года, французский дипломат Фернан Гренар, который жил в то время в России, писал следующее:

"Союзники России были ослеплены желанием любой ценой заставить ее продолжать войну. Они были неспособны осознать разницу между возможным в то время и невозможным. Своими попытками изолировать Временное правительство от народа страны они все больше играли на руку Ленину. Они не могли понять, что дальнейшее участие России в войне будет неизбежно сопровождаться внутренней междуусобицей и нестабильностью переходного периода. Своими назойливыми призывами — почти что приказами, обращенными к Керенскому, о восстановлении нормальной жизни в стране, они демонстрировали неспособность видеть реальные условия, в которых он работал, и лишь вносили дополнительную сумятицу, которую он пытался преодолеть"*. Брюс Локкарт, который во время войны служил в британском консульстве в Москве, придерживался таких же взглядов на политику союзников в отношении России.

Подлинные намерения союзных держав в отношении Временного правительства после падения монархии станут известны лишь после того, как будут опубликованы секретные документы соответствующих стран. Тем не менее один вывод можно сделать уже сейчас: продолжение Россией войны против Германии после падения монархии привело отнюдь не к противоборству России и ее союзников, с одной стороны, против Германии и Ленина, — с другой, а к созданию противоестественного треугольника: Россия и Временное правительство, Корнилов и союзники, Людендорф и Ленин.

Сам Корнилов покинул сцену 30 августа, однако и после этого его сторонники продолжали попытки подорвать позиции Временного правительства.

---

* *Grenard F.* The Russian Revolution. Paris, 1933.

Одну вещь упустили из виду союзники, когда стали оказывать поддержку Корнилову. Им и в голову не приходило, что, захватив власть, военный диктатор не будет способен продолжить империалистическую войну, что все его силы поглотит гражданская война. Более того, они не понимали, что, по мнению многих русских сподвижников Корнилова, продолжение войны против Германии "после разложения армии в результате революции" было бы чистым безумием. И действительно, к осени 1917 года не только большевики, но и широкие круги либеральной и консервативной общественности, склонявшиеся в пользу Корнилова, исключали возможность победы союзников. Говоря словами Троцкого, произнесенными в самый канун Брест-Литовска, такая победа представлялась невозможной.

Казалось, что дело Корнилова ничему не научило союзников, что позорный провал заговора не заставил их пересмотреть свое недоброжелательное отношение к Временному правительству. Все выглядело так, будто кое-кто в Париже и Лондоне самым активным образом способствовал успеху дела Людендорфа — Ленина и падению правительства, которое в тяжелейших условиях продолжало помогать своим "союзникам" на поле брани.

25 сентября Терещенко с мрачным видом сообщил мне, что три посла союзных стран намерены вручить мне вербальную ноту. Встречу с ними я назначил на следующий день, пригласив сопровождать меня министров Коновалова и Терещенко.

Нота трех держав была зачитана дуайеном дипломатического корпуса послом сэром Джорджем Бьюкененом. Лишь однажды до этого я видел посла в таком волнении — в тот день, когда он был вынужден передать решение своего правительства об отказе предоставить царю и его семье права проживания на английской территории во время войны. Истинный дипломат, сэр Джордж всегда отличался сдержанностью и умел владеть собой. Какое же глубокое эмоциональное потрясение переживал сэр Джордж, если пальцы его дрожали, щеки покрыл стыдливый, почти что девичий румянец, а на глаза навернулись слезы. Все это было.

Рядом с сэром Джорджем сидел новый французский посол Нуланс, который считался экспертом французского сената по финансовым и аграрным вопросам. Бог знает, каким образом он оказался назначенным на пост посла. В отличие от британского дипломата Нуланс чувствовал себя превосходно и, судя по всему, испытывал удовольствие от того, что союзники наконец-то решили проявить твердость в отношении Временного правительства.

Итальянский посол Марчезе Карлотти играл роль стороннего наблюдателя. Совместная нота звучала весьма и весьма определенно: в ней содержалась угроза прекратить всю военную помощь России* в случае, если Временное правительство не предпримет немедленных мер, судя по всему, в духе корниловской программы для восстановления порядка на фронте и по всей стране.

Ультиматум союзников о восстановлении порядка, подорванного безрассудными действиями Корнилова, вызвал у меня возмущение. И возмущение нарастало все время, пока я слушал ноту. Меня так и подмывало взять ноту и опубликовать ее в печати вместе с объяснениями, кто помогал Корнилову и как эта помощь осуществлялась! Но такой шаг означал бы конец союзничества и вынудил бы поставить охрану у зданий посольств союзников. И я заставил себя сохранить спокойствие.

Я возвратил ноту сэру Джорджу и предложил послам сделать вид,

---

*Примечательно, что английским министром, ответственным за военные поставки, был в то время Уинстон Черчилль.

будто ее никогда не существовало: чтобы союзники не публиковали ее у себя дома, а Временное правительство также не проронило бы о ноте ни слова. Предложение было принято, и послы удалились, видимо, не в самом лучшем расположении духа.

Сразу после этого я отправился к послу США Дэвиду Фрэнсису и попросил его направить президенту Вильсону телеграмму со словами благодарности в связи с неучастием Соединенных Штатов в этом недружественном акте.

На следующий день Терещенко направил нашим дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Риме две шифровки следующего содержания: "1. Французский, английский и итальянский послы выразили желание быть принятыми совместно министром-председателем и сделали ему сообщение, в котором указывают, что последние события внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну, вследствие чего общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную ими России. Для того чтобы дать союзным правительствам возможность успокоить общественное мнение и внушить ему вновь доверие, русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу. Союзные правительства выражают в заключение надежду, что русское правительство выполнит эту задачу, обеспечив себе таким путем полную поддержку союзников.

2. Министр-председатель в своем ответе трем послам отметил, что Временное правительство примет все меры к тому, чтобы шаг их не получил в общественном мнении страны истолкования, способного вызвать раздражение против союзников. Он указал при этом, что нынешнее тяжелое положение России в значительной степени обусловлено наследием прошлого режима, правительство которого встречало в свое время за границею поддержку и доверие, быть может, не отвечавшие его заслугам.

Он обратил также внимание на опасные последствия, которые влечет за собой колебание союзников в деле снабжения нашей армии военными припасами, причем результаты таких колебаний сказываются на фронте через два-три месяца после того, как они имели место. В отношении войны, то А. Ф. Керенский указал, что на нее в России всегда смотрели и смотрят как на общенациональное дело, а потому он считает излишним настаивать на жертвах, понесенных русским народом.

Империализм центральных держав представляет наибольшую опасность для России, и борьба с ним должна вестись в тесном единении с союзниками. Россия, более других потерпевшая от войны, не может закончить ее, не обеспечив своей территориальной неприкосновенности и независимости, и будет продолжать борьбу, каково бы ни было международное напряжение. Относительно мер к восстановлению боевой способности в армии, министр-председатель указал, что эта задача приковывает все внимание правительства и что сегодняшняя поездка в Ставку его военного министра и министра иностранных дел вызвана именно необходимостью разработки соответствующей программы. В заключение А. Ф. Керенский отметил по поводу коллективного характера выступления послов, что Россия все же является великой державой"*.

---

*Цит. по: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 513—514. — *Прим. ред.*

Эти телеграммы вызвали переполох в правительствах союзных стран. Через несколько дней представители России сообщили в телеграммах о своих встречах с министрами иностранных дел в столицах трех союзных держав. Наиболее полным и содержательным было сообщение нашего поверенного в делах в Лондоне Набокова о его встрече с министром иностранных дел Англии А. Дж. Бальфуром: "Согласившись на Вашу телеграмму за № 4461, я сообщил Бальфуру о ее содержании. Я напомнил ему, что в начале августа на последней межсоюзнической встрече состоялся обмен мнениями о совместном демарше послов в Петрограде и что тогда при поддержке Томаса я смог убедить союзников в несвоевременности и вреде такого шага. Я сообщил Вам об этом в телеграмме за № 620. Крайне прискорбно, сказал я Бальфуру, что мне заранее не сообщили о готовящейся акции. Бальфур заявил, что общественность о ней не будет информирована. Строго конфиденциально он сообщил, что лично выступил против такой идеи и сожалеет, что миссия передать заявление вашему правительству легла на Британского посла, как дуайена дипломатического корпуса. Обратите внимание, сколь неуклюже Бальфур пытается "снять с себя ответственность" и взвалить ее на плечи других союзников, из его тщательно подобранных слов я сделал вывод, что сама инициатива исходит не отсюда. Союзники, как я полагаю, осознали свою ошибку, и считаю, что, чем скорее об этом прискорбном инциденте можно будет забыть, тем лучше..."

Терещенко направил русскому послу в Вашингтоне специальное уведомление следующего содержания: "Сегодня министр-председатель принял послов Англии, Франции и Италии, которые от имени своих правительств сообщили о необходимости принять меры для восстановления боеспособности армии. Такой шаг не мог не произвести на Временное правительство крайне неблагоприятного впечатления, учитывая особо то обстоятельство, что наши союзники полностью осведомлены о неустанных усилиях правительства при ведении войны против нашего общего врага. Прошу вас строго доверительно передать Лансингу, как высоко Временное правительство оценило воздержание американского посла от участия в упомянутом коллективном шаге".

Как выяснилось, уверенность Набокова в том, что союзники осознали свою ошибку, оказалась безосновательной. Изменений к лучшему в отношении союзников к новому, демократическому правительству в России не произошло. Союзники были полны решимости не поддерживать с Россией связей, основанных на доверии и дружбе, до тех пор, пока власть не перейдет к сильному военному диктатору. Американцы также сделали выбор в пользу такой политики, которая толкнула Россию к Брест-Литовску и привела всю Европу к последующим потрясениям. Следующее описание перемен в поведении Америки, сделанное американским исследователем, в комментариях не нуждается: "В августе 1917 года Соединенные Штаты приняли решение отказать в поддержке рожденной мартовской революцией России до тех пор, пока "нормальный процесс" брожения не кончится и не будет восстановлен порядок "неограниченной военной властью". Эта политика, детище апатии и отсутствия проницательности, в дальнейшем получила новый стимул в убеждении, будто Керенский слишком обхаживает радикалов, в уверенности, будто "мы с этим поделать ничего не можем", и в выводе, будто "положит этому конец какая-нибудь сильная личность".

Игнорируя многочисленные предупреждения самых различных лиц о том, что такая политика представляет огромную угрозу Соединенным

Штатам, американцы придерживались этого курса вплоть до того времени, когда в ноябре 1917 года большевики захватили власть*.

Наши европейские союзники прекрасно знали, что с самого начала войны Россия находилась в состоянии полной блокады** и что Февральская революция была результатом неожиданного развала монархии. Они знали, что исчезновение прежнего режима сопровождалось развалом всей административной машины. Они знали, что все это произошло в разгар войны, участия России в которой они так жаждали. Они знали, что революционная Россия вела напряженную борьбу, чтобы избежать уничтожения и обеспечить свое будущее. Они знали, что Россия, опираясь на волю народа, едва-едва преодолела неимоверные трудности первых недель развала и анархии и что к августу новая, народная Россия внутренне окрепла. Они знали, и об этом писал Уинстон Черчилль в своей книге "Неизвестная война", что выиграть войну без России невозможно. Они знали, что вследствие провала наступления союзных армий под руководством генерала Нивеля весной 1917 года боеспособность англо-французских войск была равна нулю. Они знали, что военные операции русских войск летом и осенью того года спасли Западный фронт и сорвали план германского генерального штаба разгромить союзников до прибытия помощи из Соединенных Штатов.

И, зная *все* это, союзнические правительства установили контакты с теми, кто плел нити заговора для замены законного русского правительства диктатурой. Почему они это делали? Ответ на этот вопрос я получил спустя много лет, после того как навсегда покинул Россию.

Приложение

Приказ командующего 3-им кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта А. М. Крымов*.**

29 августа 1917 г.

1

Объявляю копию телеграммы министра-председателя и Верховного главнокомандующего.

2

Копия телеграммы Верховного главнокомандующего генерала Корнилова.

3

Получив телеграмму министра Керенского, командировал генерал-майора Дитерихса в штаб Северного фронта, к Главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому за получением приказа-

---

* *Williams W. A.* Russian—American Relations, 1791—1947. New York, 1952. P. 91.

** С моментa вступления Турции в войну Россия оказалась отрезанной от Средиземноморья и очутилась в состоянии полной блокады. Она получала лишь два процента своего прежнего импорта и вывозила только один процент от прежнего экспорта. Владивосток был единственным портом, открытым для связей с внешним миром. Порт Мурманска не действовал вплоть до ноября 1916 года. В эти годы почти полной блокады России Англия и Франция конечно же получали крупные поставки товаров из Канады, США, Австралии, Индии и других стран.

*** Рабочий путь. 1917. 5(18) сентября. № 2. С. 3.

ний. Генерал Клембовский приказал мне передать, что он не вступил в верховное командование армиями, так как он и все командующие признают в это тяжелое время Верховным командующим лишь одного генерала Корнилова, все распоряжения которого действительны. А казаки давно постановили, что генерал Корнилов несменяем, о чем и объявляю всем для руководства.

4

Сегодня ночью из Ставки Верховного командующего и из Петрограда я получил сообщения о том, что в Петрограде начались бунты. Голод увеличивается еще и оттого, что обезумевшие от страха люди при виде двигающихся к Петрограду своих же войск разрушили железные дороги и тем прекратили подвоз продовольствия к столице. И каких же войск испугались? Тех, которые присягали на верность новому строю, тех, которые на Московском совещании громко заявили, что лучшим правлением для России они считают республиканский образ правления. Напрасны ложные наветы, что части войск, двинутых в сторону Петрограда, направляют для изменения существующего строя. Уже из телеграммы генерала Корнилова вы видите, что он признает и считает, что лишь одно Учредительное собрание может сказать свое последнее слово, какому государственному строю надлежит быть у нас. За другим нас посылают. Вы недавно читали в газетах о громадных взрывах пороховых заводов в Казани; теперь получены сведения, что хотят взорвать пороховые заводы вблизи Петрограда, начинаются бунты и в это время, когда враг у ворот нашей столицы, имеющей большое количество заводов, работающих на оборону. Теперь, как никогда, в столице должен быть порядок.

Для поддержания этого порядка мы и посылаем вас. Я твердо верю, что никто из вас не хочет видеть гибели и позора своей родины.

Глава 22

СОЮЗНИКИ И РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Вплоть до самого свержения царя все иностранные дипломатические представители вели себя, строжайше придерживаясь этикета и протокола. Никому из них конечно же и в голову не приходила мысль вмешиваться во внутренние дела России. Но стоило произойти перевороту, как ситуация круто изменилась. От дипломатических норм поведения не осталось и следа. Впервые дипломатический корпус посчитал для себя возможным входить в контакты с кем угодно. Официально это конечно же не возбранялось и раньше, однако на деле иностранные дипломаты вращались лишь в придворных кругах и в высшем обществе. Теперь же в свободной России любой из них получил возможность идти куда ему заблагорассудится, посещать какие угодно совещания и собрания. Некоторые из дипломатов предпочитали придерживаться прежних порядков и продолжали бывать лишь в своих излюбленных салонах, другие же поспешили завести друзей из числа только что вернувшихся политических изгнанников, еще вчера считавшихся преступниками.

Большинство дипломатов союзнических стран критически, а порой и враждебно относились к Временному правительству. Нас обвиняли в слабости, бесхребетности, нерешительности и во многих других грехах. По примеру рядовых солдат и рабочих эти дипломаты очень скоро овладели искусством использовать во зло вновь обретенные свободы. Свобода общения на деле скоро обернулась установлением более тесных отношений с теми, чьи симпатии разделяли некоторые посольства и отдельные военные атташе союзных стран. Со временем это приняло форму явного поощрения деятельности тех лиц, которые в глазах иностранцев представали истинными патриотами. Поэтому неудивительно, что весьма скоро их отношение к сложившейся ситуации плюс широкие связи в столице дали возможность почти всем членам дипломатических миссий союзных стран найти благожелательных слушателей среди злейших врагов Временного правительства, как в Петрограде, так и в ставке Верховного главнокомандования.

Крайне левая оппозиция получила поддержку в Берлине. А правые круги получили ее в посольствах и в высших сферах Петрограда. Самое удивительное во всей этой ситуации было то, что левые болтуны называли членов нашего правительства "наемниками британского капитала", а правые демагоги в посольских гостиных — рабами Советов и полубольшевиками.

Я вполне могу понять чувства этих дипломатов и военных атташе. Они не мыслили себе Россию без царя. В их глазах армия, которой офицеры не могли командовать без помощи комиссаров военного министерства, не была армией. В их глазах правительство, наполовину состоящее из социалистов и не проявляющее былого всевластия, не было правительством. Все это так. Однако отнюдь не умонастроения и взгляды местных представителей союзных стран были важны в данном случае — тут сказывалось всего лишь влияние на них социальных групп, с которыми они поддерживали самые тесные связи. Суть дела была в том, что за всем этим крылось нечто гораздо более важное.

Союзные правительства почувствовали, и вполне справедливо, что революция вывела Россию из членов Антанты, и коль скоро они были заинтересованы в продолжении военных действий на русском фронте, им пришлось самым внимательным образом отнестись к разговорам в дипломатических кругах о "неопытности" русских министров. И соответственно придти к выводу, что им следует преследовать сепаратные военные политические цели и не принимать в расчет интересы России. Таков был ход их рассуждений.

Сегодня общепринятая точка зрения такова, что июльское наступление 1917 года явилось авантюрой, в которую Россия была вынуждена ввязаться под давлением союзников. В действительности же возобновление боевых действий на фронте было продиктовано интересами России и выражало логику революции. Явившись в какой-то степени результатом движения протеста против сепаратного мира, революция могла отстоять свободу и демократию лишь в случае успешного завершения войны. Более того, как только мы почувствовали отношение к нам союзников, мы поняли, что лишь возрождение боевого духа и демонстрация силы вынудит их проявить несколько большую осмотрительность при решении вопроса о том, какую из наших дипломатических нот можно игнорировать!

Почему же французское и британское правительства пользовались любой возможностью для саботажа политики Временного правительства? Я долго размышлял над этим вопросом, однако многое прояснилось для меня лишь после того, как я в качестве эмигранта стал жить за границей. Именно тогда впервые в жизни я вошел в контакт с реальной Европой и ее правящими кругами. Враждебное отношение союзников к новой международной политике России было вполне естественным; ведь, в конце концов, они мыслили старыми категориями предвоенной Европы, а мы уже оставили этот мир позади и приступили к выработке (в нашем Манифесте от 27 марта) новых ценностей в международных отношениях.

Сегодня никому в Европе заявления Временного правительства не покажутся вызывающими и неприемлемыми.

До падения русской монархии правительства России и Запада были в полной гармонии по вопросу о целях войны; в конце концов, все великие державы того времени по своей идеологии были империалистическими. Эксперты обоих враждебных лагерей ожесточенно торговались, какая территория перейдет к той или иной стране. На межсоюзнической конференции, проходившей в Петрограде в январе 1917 года, тогдашний полномочный представитель и будущий президент Франции Гастон Думерг и министр иностранных дел России Покровский, который сменил на этом посту Штюрмера, уже приступили к обсуждению вопроса о послевоенных границах Франции и России. Помимо Эльзаса-Лотарингии и Саара французы намеревались установить на левом берегу Рейна, принадлежавшем Германии, независимый протекторат, а русское правительство настаивало на принятии соглашения о включении в состав Российской империи в качестве автономной провинции всей Польши (включая районы в Австрии, Германии и России).

По окончании конференции Покровский сообщил М. Палеологу о согласии России с французскими требованиями, касающимися демаркации западных границ Германии.

26 февраля русский посол в Париже А. П. Извольский передал в Россию текст ноты, врученной ему на Кэ д'Орсе, в которой Франция

соглашалась на полную свободу России при решении вопроса о ее западных границах. Однако его сообщение попало по случаю в руки Временного правительства, которое в ответ на это поспешило провозгласить независимость Польши и высказаться за воссоединение принадлежавших ей районов в России, Германии и Австрии*.

Этот пример свидетельствует, что новая Россия и ее западные союзники уже не придерживались единой идеологии на цели войны.

Однако такое различие взглядов получило разъяснение уже в ходе первых встреч нового министра иностранных дел и представителей союзников. Выражаясь дипломатическим языком, мы заявили: "Временное правительство предлагает, чтобы все державы совместно пересмотрели цели войны, и констатирует, что Россия, со своей стороны, готова в интересах скорейшего заключения мира отказаться от своей доли притязаний при условии, что другие союзные державы поступят так же".

Целое лето потратили мы на то, чтобы убедить английское и французское правительства провести в кратчайшие сроки конференцию для обсуждения этих вопросов. И все это время оба правительства потратили на то, чтобы избежать созыва такой конференции. И лишь после начала нашего наступления они, наконец, пошли на уступку, но и после этого начавшиеся переговоры, к которым они относились безо всякого интереса и внимания, месяцами тянулись без всяких результатов. И в Лондоне, и в Париже просто не желали понять или, скорее, признать, что наша революция пошла значительно дальше, чем просто свержение монархии; она знаменовала собой долгосрочный процесс полной перестройки духовной жизни нации. В наши дни, после пережитых Европой бесчисленных революций и контрреволюций, государственные деятели имеют более четкое представление об этих процессах. Но в ту пору союзники, видимо, полагали, что такое событие всемирного значения, как свержение русской монархии, вряд ли могло отразиться на внешней политике страны. А уж если такое произошло, то лишь в результате грубых ошибок стоящих у власти слабых и безвольных людей, судя по всему, явно находившихся под каблуком у большевиков.

В конце концов в 1917 году Германия попала в критическое, если не безнадежное, положение. Ее военные специалисты осознали, что силой оружия Германии войну уже не выиграть. Австрия и Турция, по сути дела, потерпели полное поражение и тяжелыми жерновами повисли на шее Германии. После июля католическая и социал-демократическая фракции в рейхстаге сообща высказались за скорейшее достижение мирного урегулирования. Тогда почему же Антанта столь упрямо держалась своих чрезмерных и нереалистических требований?

Я уже упоминал, что 28 августа, в самый тревожный день Корниловского мятежа, среди многочисленных "посредников", настаивавших на том, чтобы Временное правительство вступило в сделку с мятежными генералами, были и западные союзники России. Вечером того дня дуайен дипломатического корпуса сэр Джордж Бьюкенен нанес визит министру иностранных дел Терещенко и от имени правительств Англии, Франции и Италии вручил ему ноту следующего содержания: "Представители союзных держав встретились под председательством сэра Джорджа Бьюкенена, имея в виду обсудить положение, возникшее

* Собрание секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел. (Комиссариат иностранных дел, декабрь, 1917) № 42. Секретные архивы министра.

в связи с конфликтом между Временным правительством и генералом Корниловым. Подтверждая свои обязательства оставаться на своих постах для оказания в случае необходимости помощи своим согражданам, они в то же время считают своей важной задачей сохранить единство всех сил в России во имя продолжения победоносной войны и, исходя из этого, единодушно объявляют во имя гуманизма и в стремлении избежать невосполнимых потерь о готовности предложить свои добрые услуги с единственной целью служения интересам России и делу союзников".

С самого начала Корниловского мятежа по Петрограду поползли слухи, что некоторые представители союзников выражают симпатии делу генерала. Если же учесть, что слухи эти отражали надежды определенных лиц в российском генеральном штабе, то они представлялись вполне правдоподобными. Болтливые языки разносили их по городу, а правые газеты настойчиво твердили о поддержке Западом планов восстановления в России сильного "национального" режима.

В создавшихся условиях у нас не было неоспоримых доказательств этого и убедительной информации о том, что союзные правительства вводят в заблуждение Временное правительство. Чтобы положить конец сплетням и не допустить падения авторитета союзников в массах на фронте и в тылу, я дал указание военному министерству опубликовать на следующее же утро в печати заявление, в котором наряду с другими пунктами упомянуть о том, что "генерал Корнилов не может рассчитывать на поддержку союзников" и что союзники "надеются на скорейшую ликвидацию мятежа".

Однако, как заявил впоследствии Милюков, "использование их имени против генерала Корнилова было явно не в интересах союзников"*.

Вот почему Временному правительству и была вручена вербальная нота с предложением рассматривать мятежного генерала как равноправного партнера в рамках государственной системы и примириться с ним, используя посредничество иностранных правительств и, как я предполагаю, на их собственных условиях!

К счастью для союзников, эта весьма циничная нота никогда не была опубликована в России в ее подлинном виде. 29 августа кандидат союзников на пост диктатора России потерял все политические позиции, а 30 августа Временное правительство направило одного из коллег генерала в ставку Верховного главнокомандования, чтобы очистить ее от заговорщиков. На следующий день, 31 августа, в печати появилась примечательная заметка, составленная как безобидное сообщение от лица "друзей".

Вечером 28 августа, именно в тот день, когда Терещенко вручили "миротворческую" ноту от имени предполагаемых "посредников", командир британского танкового дивизиона на Юго-Западном фронте получил от генерала Корнилова приказ оказать немедленную помощь его, Корнилова, войскам, продвигавшимся в то время к Петрограду. 19 сентября, по настойчивой просьбе впавшего в панику английского посла, я после тщательного обсуждения с Терещенко дал указание опубликовать официальное заявление, в котором говорилось: "В связи с распространяемыми слухами, будто британские бронемашины принимают участие в наступлении генерала Корнилова, из авторитетных источников

---

* *Милюков П. Н.* История второй русской революции. 2-е изд. Т. 1. С. 254—255.

поступило сообщение, что эти слухи являются полным вымыслом и всякая основывающаяся на них информация есть не что иное, как злостная клевета, имеющая целью посеять семена недоверия между нами и союзниками, а следовательно, подорвать наше могущество".

Это официальное заявление, в котором опровергалась очевидная правда, было опубликовано не только с моего согласия, но и по моему распоряжению. Этот шаг был мотивирован заботой о высших национальных интересах.

Отныне можно было не сомневаться, что российское Верховное командование уже не сможет приказать британскому танковому дивизиону выступить на Петроград, то есть против Временного правительства, без предварительных консультаций с военными властями в Лондоне и Петрограде, как не сможет и британский посол вручить "коллективную" ноту Временному правительству без указаний от кабинета в Лондоне и согласия французов и итальянцев.

Глава 23

РАЗВАЛ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Первые сообщения о приближении к Петрограду частей генерала Корнилова имели для жителей города такой же эффект, как горение бикфордова шнура вблизи пороховой бочки. Солдатами, матросами и рабочими внезапно овладела мания подозрительности. Повсюду им виделась контрреволюция. Охваченные паническим страхом потерять только что обретенные права, они обратили свой гнев против всех без разбора генералов, землевладельцев, банкиров и других "буржуев". Большинство лидеров-социалистов, входивших до того в коалицию, в страхе перед победой контрреволюции и последующими репрессиями повернулись к большевикам. 27 августа, в первые часы охватившей город истерии они громко их приветствовали и сообща толковали о "спасении революции".

Мог ли Ленин упустить такой шанс? После фиаско организованного им июльского восстания он практически признал свое поражение. Однако с изменением настроений, вызванным Корниловским мятежом, перед ним неожиданно открылись новые перспективы. Осторожную выжидательную тактику, принятую им после бегства в Финляндию, теперь можно было отбросить, ибо генерал Корнилов любезно предоставил ему возможность захватить власть значительно раньше, чем он планировал и, что более важно, проделать все это под лозунгом "Вся власть Советам", который был снят после июльского фиаско.

30 августа Ленин направил в Петроград секретное письмо* своему Центральному комитету.

"Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность...

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 119—121.

(борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода "частичные требования" к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только к Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова. *Увлекать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы *они* требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить *их* на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия "Речи" и др. буржуазных газет, следствия над ними. "Левых" эсеров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти и *говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим). По-моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства и проч. и проч. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь-де время *дела*: вы, гг. эсеры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский *боится* масс, *боится* народ). В войне против немцев именно теперь нужно *дело*; *тотчас* и *безусловно* **предложить** *мир* на *точных* условиях. Если сделать это, то *можно* добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эсеры остаются лакеями империализма.

P.S. Прочитав, *после* написания этого, шесть номеров "Рабочего", должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М-на и Вол-го. О речи Володарского прочел письмо его в редакцию, которое тоже "ликвидирует" мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания!

Ленин".

Но еще до получения секретных указаний Ленина большевики объединили свои силы с эсерами и меньшевиками, создав 27 августа рабочую милицию для "помощи" правительству и защиты рабочих кварталов. Буквально за несколько дней "рабочая милиция" превратилась в большевистскую "Красную гвардию", тесно связанную с партийным аппаратом большевиков.

31 августа Петроградский Совет, практически оказавшись в руках большевиков, принял резолюцию, в которой в краткой форме была

изложена суть программы "Октябрьского" восстания. Тем не менее, продолжая переговоры с другими партиями социалистов и выступая вместе с ними с совместными заявлениями, большевики продолжали настаивать на "единстве всего революционного демократического движения" в борьбе за "подлинно демократический" строй без привлечения к этому буржуазии, особенно кадетов.

Примиренческая политика большевиков по отношению к "мелкобуржуазным" партиям социалистов увенчалась блестящим успехом и отнюдь не только из-за воздействия их доводов на тех меньшевиков и эсеров, которые всегда выступали против сотрудничества с "буржуазией". Конечно же им льстило, что, выступая рука об руку с большевиками, они смогут не только спасти революцию от "происков контрреволюционеров", но поднять ее на новую ступень.

Действительным же успехом новой большевистской политики стало наведение мостов между большевиками и теми лидерами меньшевиков и эсеров, которые до того входили в демократическую коалицию. Поступая вопреки всякой политической логике, эти лидеры посчитали теперь важным восстановить правительственную коалицию с участием большевиков, но без кадетов.

Исходя из собственного политического опыта, я хорошо представлял себе состав и настроения кадетских организаций и в столице, и в провинции, лично знал многих их членов. Как и всякий другой политический деятель, который немало поездил по России, я знал, что кадетская партия в целом являлась активной, творческой и животворной частью тех сил, которые включились в строительство демократической политической системы в России.

Отлучая кадетов от полноправного участия в создании нового политического, социального и экономического организма, правительство не только совершило бы преступление против страны, но и оказалось бы моральным банкротом. Лидеры меньшевиков и эсеров, которые сегодня осуждали всю партию кадетов за предательство, совершенное Милюковым и его сподвижниками, сами совершили поступок, еще менее простительный: вошли в союз с Лениным и снова приняли большевистскую партию в состав "революционных демократов".

Милюков и его группа составляли в своей партии незначительное меньшинство. Сама же партия отвергала любую форму диктатуры и наряду с другими социалистическими партиями приняла самое активное участие в революции. А если судить по статьям и делам Ленина, Каменева, Бухарина, Сталина и др., то становится ясно, что большевики с самого начала революции стремились к замене демократической системы неограниченной диктатурой своей партии.

Какой смысл в выражении "революционная демократия", если в нее одновременно входили те, кто боролся за установление демократии, и те, кто открыто стремился ее разрушить?

До первой мировой войны ни у кого не было сомнений в значении слов "революция" и "контрреволюция". Под "революцией" понималось насильственное свержение народом такой государственной системы, которая более не соответствовала потребностям века и которая утратила способность эволюционировать. Под "контрреволюцией" понималось насильственное восстановление той политической системы, которая существовала до революции. Считалось, что революция происходит спонтанно, что она имеет глубокие корни в народе и что она ведет к установлению демократии. Контрреволюция, как правило, была результатом деятельности какой-то определенной группы внутри правящего класса и всегда завершалась периодом "реакции".

Я упомянул об этом элементарном различии потому, что после первой мировой войны, когда миллионы людей были втянуты в водоворот политических потрясений, *любое* массовое выступление стало называться "революцией" независимо от того, какие цели преследовали его лидеры.

Многие историки, социологи и авторы политических книг и до сих пор неправильно оценивают то глубокое изменение, которое произошло в политической психологии, изменение, которое искажается использованием традиционной, ныне абсолютно не приемлемой терминологией. Они до сих пор верят в справедливость афоризма Клемансо: "У демократии нет врагов слева". В XIX веке эта максима была справедлива, ибо тогда все народные движения имели своей целью социальное равноправие и свободу личности. Той же целью вдохновлялись все социалистические движения. В те времена политическим богохульством считалась бы сама мысль, что из числа "левых" могут выйти мракобесы, которые, опираясь на требования социальных низов, говоря словами Достоевского, начинают с требований полной свободы, а кончают установлением полного рабства. Именно поэтому Достоевского, который в своем романе "Бесы" предсказал тот вид правления, при котором Россия была вынуждена жить при Ленине и Сталине, клеймили при жизни как величайшего "реакционера" представители левых прогрессивных и социалистических кругов. Однако сегодня, после двух мировых войн, невозможно отрицать тот факт, что реакция, маскирующаяся под "революцию" и возглавляемая такими демагогами, как Ленин, Муссолини и Гитлер, которые опираются в своей борьбе за власть на самые низшие слои общества, может создать тоталитарные террористические диктатуры, разрушающие все моральные барьеры. Масштабы совершенных ими преступлений привели бы в ужас реакционеров прежних дней.

С точки зрения интересов народа и будущего России между корниловским движением, которое так или иначе, но было разгромлено, и движением Ленина, возрождению которого способствовало движение Корнилова, — огромное различие.

Предпринятый военный переворот был всего лишь заранее обреченный на провал арьергардный бой привилегированных классов, последняя отчаянная попытка сохранить свою власть. Вопрос о ее повторении даже не стоял по той простой причине, что у гражданских участников заговора, которые сыграли на чувстве ущемленного патриотизма какой-то части русского офицерства, не было какой-либо политической или социальной программы, которую они могли предложить народным массам.

Ленин же вознамерился прийти к власти, надев личину защитника политических свобод и нового социального статуса, обретенного народом в результате Февральской революции.

В начале сентября 1917 года никто конечно же и представить себе не мог ту форму политического садизма, в которую переродится большевистская диктатура с уничтожением демократической системы. Однако все руководители небольшевистских левых партий полностью отдавали себе отчет в том, что Ленин и его приспешники стремятся не к установлению народовластья, а к утверждению партийной диктатуры над народом. Весьма прискорбно, что этих лидеров куда меньше беспокоила очевидная суть притязаний Ленина, чем предполагаемая ненадежность партии кадетов, которая, несмотря на все свои ошибки, никогда не отличалась склонностью к диктаторству.

Как я уже упоминал, 29 августа правительство возложило на меня деликатную задачу восстановления коалиции с включением в нее тех же партий, что в ней были и ранее. Я намеревался выполнить ее как можно скорее.

Ситуация, признаться, была не из легких. Ибо, хотя я и считал абсолютно необходимым участие в правительстве кадетов, я отдавал себе отчет, что все поступки лидера кадетов Милюкова — каждая статья, которую он написал, каждая речь, которую он произнес, — вызовут новую волну возмущения, как это уже было в марте и апреле.

И тут случилось непредвиденное событие. На какое-то время мне показалось, что оно поможет мне решить создавшуюся дилемму. 30 августа, за несколько часов до начала моего официального приема, я сидел в своем кабинете на последнем этаже Зимнего дворца, проглядывая сотни телеграмм из самых различных уголков страны с поздравлениями по случаю подавления Корниловского мятежа.

Неожиданно в кабинет зашел один из моих помощников и весьма взволнованно сообщил, что, несмотря на ранний час, на немедленной встрече со мной настаивает В. Лебедев*. Через секунду в кабинет ворвался этот весьма достойный, патриотически настроенный человек, который буквально задыхался от возбуждения. Даже не поздоровавшись, он стал размахивать газетным листком, приговаривая: "Вот вам ваш Милюков!"

Видя его крайнее возбуждение, я подошел к нему и спокойно произнес: "Что побуждает вас утверждать, что он мой, а не ваш? Расскажите же, что произошло. Но сначала присядьте и переведите дух!"

Послушно, как ребенок, он сел на стул и мало-помалу пришел в себя. Потом спросил: "Вы видели сегодняшнюю "Речь"?

— Нет, — ответил я. — Я еще не читал сегодняшних газет.

— Тогда взгляните на это! — и он снова стал возбужденно размахивать передо мной страницей кадетской газеты. На том месте полосы, датированной 30 августа, где полагалось быть передовой статье, зиял огромный белый пропуск. Все еще размахивая газетой, Лебедев стал объяснять, как его посетил старший наборщик из типографии "Речи" и сказал, что перед самым печатанием газеты из нее была изъята передовица Милюкова. По словам наборщика, главный редактор "Речи" приветствовал в ней победу генерала Корнилова и требовал, чтобы правительство немедленно достигло с ним согласия.

По утверждению Лебедева, этот инцидент полностью подтверждал мнение всех истинных демократов, что партия кадетов поддерживает генерала Корнилова и потому не должна быть включена в коалицию. Я не стал до конца выслушивать остальные его аргументы. Мне было ясно, как надлежало поступить и, прощаясь с ним, я заметил довольно резко, что кадеты не могут нести ответственность за действия одного из членов их партии.

Как только Лебедев ушел, я распорядился немедленно пригласить ко мне двух наиболее влиятельных членов Петроградского отделения Центрального комитета партии кадетов — Набокова и Винавера. Несмотря на то что еще не было и девяти утра, они прибыли почти немедленно. Когда я объяснил им, почему вызвал их, Набоков ответил, что они сами обеспокоены происшедшим. После краткой и откровенной беседы мы все трое пришли к единому выводу, что коль скоро нам предстоит сформировать новую правительственную коалицию с участием всех демократических партий, Милюкову следует на время отказаться от руководства своей партией и поста главного редактора "Речи" и отправиться либо за границу, либо, по крайней мере, в Крым или на

---

*Один из издателей газеты правого крыла эсеров "Народная воля", который незадолго до того исполнял обязанности главы военно-морского министерства.

Кавказ. Мои посетители весьма тактично справились со своей деликатной миссией, и Милюков после разговора с ними почти немедленно отбыл в Крым.

В тот же день я пересказал министрам-социалистам Н. Д. Авксентьеву и М. И. Скобелеву наш разговор с Набоковым и Винавером и просил передать его суть Центральным комитетам их партий, надеясь таким путем расчистить путь для участия кадетов в правительстве.

Одновременно переговоры о кадетах с другими видными деятелями социалистических партий провели Некрасов и Терещенко, однако без видимого успеха.

На заседании ВЦИКа, состоявшемся 30 августа, на котором в предварительном порядке обсуждался вопрос о формировании нового кабинета, настроения против участия в правительстве кадетов были настолько сильны, что Н. Д. Авксентьев и М. И. Скобелев приняли решение выйти из состава правительства, с тем чтобы, выражаясь словами Скобелева, иметь свободу рук для защиты правительственной политики. Окончательное решение о составе коалиции Совету предстояло принять 1 сентября.

После падения монархии между Временным комитетом Думы и только что сформированным Советом было достигнуто соглашение, что до созыва Учредительного собрания в России не будет установлена какая-либо определенная политическая система. Однако к лету двусмысленное положение России, как государства без определенной формы правления, стало нетерпимым. Было важно, однозначно используя слово "Республика", показать всем и каждому, что Россия как названием своим, так и конкретными делами сформировалась как демократия. Это было особенно существенно, учитывая, что определенные силы предпринимали попытки установить в стране диктаторский режим. Осознавая опасность промедления, я дважды пытался осуществить провозглашение России республикой. Первый раз сразу же после большевистского восстания 4 июля во время краткого пребывания в Петрограде между поездками на фронт. Вечером 6 июля на совещании с представителями социалистических партий по вопросу о программе нового коалиционного правительства я настоял на включении в декларацию будущего правительства двух пунктов: во-первых, провозглашение республики и, во-вторых, роспуск Государственного совета и Думы. Оба пункта были одобрены. Не дожидаясь публикации декларации, я поспешно выехал на фронт, где вскоре получил опубликованную в печати декларацию. Обоих этих пунктов в ней не было. Сделано это было без согласования со мной, но времена были такие тяжкие, что я не отнесся к этому подобающим образом. Второй раз такая возможность представилась на Государственном московском совещании*, когда все представители различных партий, классов, городских и земских учреждений и так далее высказались в пользу республики. После обсуждения этого вопроса я обратился к присутствовавшим на Совещании министрам с просьбой дать мне возможность провозгласить Россию республикой, однако получил отказ.

После же военного мятежа ни у кого в демократических кругах не осталось и капли сомнения в необходимости формального подтверждения существования в России республиканской формы правления, и на заседании Совета министров 31 августа был утвержден окончательный проект "Провозглашения Республики".

*См. гл. 19.

Во время заседания мне сообщили, что со мной по неотложному делу хочет встретиться делегация партии эсеров.

Я согласился и тут же пошел в свой кабинет, где меня уже поджидали два члена ЦК — Зензинов и Гоц. Памятуя о том, что именно эти двое встретились со мной во время июльского кризиса, вручив мне тогда нечто вроде ультиматума своего ЦК, я ожидал, что и на этот раз их миссия будет носить такой же характер. И не ошибся. Они явились, чтобы заявить от имени своего ЦК, что если я осмелюсь включить в состав правительственной коалиции хотя бы одного кадета, то в нее не войдет ни один представитель партии эсеров. Сдерживая возмущение, я сказал: "Сообщите вашему ЦК, что, во-первых, я передам ваше требование правительству; во-вторых, лично я считаю крайне важным включение в правительство кадетов, как и представителей всех других демократических партий; и, в-третьих, как глава национального правительства я не могу следовать приказам, исходящим от отдельных партий".

Тут Зензинов попытался обсудить со мной это дело "как друг, на неформальной основе", однако я прервал его, заявив, что частные разговоры в данном случае исключаются. "Вы представили мне официальную резолюцию Центрального Комитета вашей партии, и я немедленно передам ее правительству". На этом разговор закончился.

Возвратившись в зал заседаний, я сообщил о встрече, которую только что имел с посланцами партии эсеров. Мой ответ получил единодушное одобрение. Ни у кого из нас не было ни малейших сомнений, что резолюция партии эсеров приведет к отсрочке на неопределенное время восстановления коалиционного правительства с участием всех демократических партий.

Тем временем нам необходимо было принять срочные меры для ликвидации последствий Корниловского мятежа. Главными задачами были: создание нового Верховного главнокомандования, восстановление дисциплины на фронте, прекращение актов беззакония в тылу и, вообще, насколько это было возможно при создавшихся условиях, нормализация положения по всей стране. Одновременно следовало возобновить дипломатические переговоры с союзными державами.

К тому времени по разным причинам вышло в отставку более половины всех министров, а чрезвычайные полномочия, которые были возложены на меня в период мятежа, потеряли свою силу.

Однако именно теперь, в этот крайне неустойчивый переходный период, для решения проблем как внутренней, так и внешней политики концентрация власти и административных функций была абсолютно необходима.

Насколько я помню, Терещенко после консультаций с лидерами кадетов и эсеров внес проект резолюции о создании комитета из пяти министров, наделенных, вплоть до формирования новой коалиции, всей полнотой исполнительной власти. Проект резолюции, внесенный министром иностранных дел, и мое предложение о провозглашении республики были утверждены. Оба эти предложения были включены в следующее официальное заявление, которое было опубликовано 1 сентября за моей подписью и подписью министра юстиции Зарудного: "Мятеж генерала Корнилова подавлен. Но велика смута, внесенная им в ряды армии и страны. И снова велика опасность, угрожающая судьбе родины и ее свободе.

Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском Государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный

порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику.

Срочная необходимость принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка побудила Временное правительство передать полноту своей власти по управлению пяти лицам из его состава* во главе с министром-председателем.

Временное правительство своей главной задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии. Убежденное в том, что только сосредоточение всех живых сил страны может вывести родину из того тяжелого положения, в котором она находится, Временное правительство будет стремиться к расширению своего состава путем привлечения в свои ряды представителей всех тех элементов, кто вечные и общие интересы родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов. Временное правительство не сомневается в том, что эта задача будет им исполнена в течение ближайших дней"**.

Вечером того же дня, а именно 1 сентября, состоялось второе, и решающее, заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для обсуждения кризиса вокруг коалиции.

Принятая на заседании резолюция*** представляет собой удивительный документ, ставший полной неожиданностью как для правительства, так и для народа.

Во вступительной части резолюции говорится, что "трагическое положение, созданное событиями на фронте и гражданской войной, которую открыла контрреволюция (то есть сторонники и последователи Корнилова) делает необходимым создание сильной революционной власти, способной осуществлять программу революционной демократии и вести деятельную борьбу с контрреволюцией и внешним врагом. Такая власть, созданная демократией и опирающаяся на ее органы, должна быть свободна от всяких компромиссов с контрреволюционными "цензовыми элементами"****.

Короче говоря, высший орган "революционной демократии" — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета (ВЦИК) вместо того чтобы проявить ответственность в вопросе создания коалиции, способной управлять республикой, решил отстранить от участия в правительстве всех представителей "буржуазной демократии".

Далее они выразили намерение как можно скорее созвать съезд представителей всех "демократических" (в их понимании этого слова) органов для решения вопроса об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания.

Что касается существовавшего правительства, то, по их мнению, его следовало сохранить вплоть до созыва этого "демократического совещания", но лишь при условии тесного его единения с органами революци-

---

* В этот специальный орган, получивший название "Директория" помимо меня вошли министр иностранных дел Терещенко, министр почт и телеграфа Никитин, который также отвечал за министерство внутренних дел, полковник Верховский (получивший звание генерал-майора), бывший командующий Балтийским флотом контр-адмирал Вердеревский, получивший пост военного министра. Представители армии и флота после моего назначения на пост Верховного Главнокомандующего были впервые включены в правительство.

** Известия. 1917. 3(16) сентября.

*** Она была внесена эсерами и меньшевиками.

**** Известия. 1917. 3(16) сентября.

онной демократии в борьбе против контрреволюции (находившихся под контролем ВЦИК), дабы предотвратить принятие им таких административных мер, которые могли внести "раздражение в народные массы".

По сути дела, это означало, что впредь, до замены его новым режимом, который предложит съезд "демократических организаций", существовавшее правительство обязано представлять все свои административные решения на утверждение ВЦИК.

Мужественно выступив против этой резолюции, Скобелев, днем ранее занимавший пост министра труда, выдвинул такое возражение: "Здесь говорили, что принцип коалиции не оправдался. Я другого мнения. Как ни тяжело настоящее положение, но все же Россия осталась нашей, Россией демократии. Через сколько кризисов идея коалиции ни проходила, она все-таки сумела сохранить Россию и свободу до сегодняшнего дня. И эта идея не должна умереть...

Возможны три комбинации власти: коалиционная, исключительно буржуазная и исключительно демократическая*. Чисто буржуазной власти оправдать нельзя. В заговоре Корнилова столкнулись две власти: одна, стоящая за самодержавие, и другая власть, опирающаяся на все слои населения. Победила последняя, иначе и быть не могло. Но не следует бросать огульного обвинения на всю буржуазию, как в свое время было неправдой, что в выступлении демократической улицы 3—5 июля принимала участие вся демократия**. Если в движении Корнилова, быть может, и принимали участие некоторые буржуазные группы, то, наверно, большинство их не участвовало в нем. И потому окончательно отстранять их от власти мы не имеем права.

Вторая идея власти состоит в передаче всей полноты ее демократии. Уже с первых дней революции нам указывали, что только лозунг "Вся власть Советам" способен спасти страну. За последние дни у многих из нас произошла революция в мозгах, и увеличилось число сторонников этого лозунга.

Но у меня эта революция не произошла. Я умышленно вышел из состава Временного правительства, чтобы проводить мою идею среди вас с развязанными руками. Чем грознее положение на внешнем и внутреннем фронте, тем более надо сплачивать вокруг себя все живое для защиты страны...

Не забывайте, товарищи, что Петроград это не вся Россия, и потому Петроград должен прежде всего спросить всю Россию.

Я дважды бывал на фронте и знаю, что Петроград не пользуется там всеобщим доверием.

Причина этого следующая: "Нас всех слишком обуревает жажда власти. У нас на глазах Зимний дворец, и мы слишком стремимся попасть в него. Провинция его не видит, и потому она трезвее..."***

Голос Скобелева был гласом вопиющего в пустыне. В его поддержку выступил лишь бывший министр и председатель Совета крестьянских депутатов Авксентьев.

Другие, особенно те, кто многие годы прожили за границей или были высланы на каторгу в Сибирь, продемонстрировали крайнюю враждебность к основам политики правительства. Полностью закрывая глаза на внутренние и внешние трудности, они посчитали себя вправе (бог знает, почему) устанавливать новый режим "трудящихся масс".

---

* Следует иметь в виду, что в данном контексте под словом "демократическая" подразумевается слово "социалистическая".

** Большевистское восстание, организованное Лениным.

*** Известия. 1917. 2(15) сентября.

Представитель Ленина Каменев произнес речь, которая еще больше убедила сторонников социалистического правительства в том, что их мечта о постоянном сотрудничестве с большевиками вполне осуществима. "Два пункта, — сказал Каменев, — нас всех объединяют: власть должна быть ответственной перед нами и опираться на революционную демократию. Оба эти условия встретили отказ...

Объявленный нам состав правительства — это правительство для Керенского, правительство же для России должно быть создано здесь, с Керенским или без него, в зависимости от нашего усмотрения"*.

Вслед за Каменевым выступил один из лидеров меньшевиков Дан, который также подверг критике тот факт, что мое правительство не было подотчетно ВЦИКу. Церетели, поддержав резолюцию эсеров и меньшевиков, запрещающую любые контакты с буржуазией, постарался оспорить экстремистское толкование ее Каменевым. Он утверждал, что резолюция предусматривает возможность создания коалиции, пока эта коалиция опирается на демократическое движение. Он не стал пояснять свою весьма расплывчатую точку зрения и не уточнил, что он понимает под словом "демократическое".

Что в действительности имели в виду сторонники создания правительства исключительно из социалистов, раскрыл председатель партии Чернов в ноябре 1917 года в обращении к четвертому съезду партии эсеров**.

Вот это-то глубокое различие во взглядах лидеров революционной демократии и стремление многих из них отбросить революцию на полгода вспять превратили в конечном счете Демократическое совещание в трагический фарс или, выражаясь словами Ленина, в комедию, что соответствовало истине.

3 сентября ВЦИК направил приглашения принять участие в Демократическом совещании широкому кругу политических и гражданских организаций, с его точки зрения имеющим на то право. Совещание, на котором присутствовало 1492 делегата, открылось 14 сентября. Примечательно, что соотношение сил внутри "революционного демократического" лагеря менялось и в период составления списка приглашенных, и на самом совещании.

5 сентября Московский Совет принял резолюцию, аналогичную той, которую утвердил 31 августа Петроградский Совет. В обоих Советах из президиума вышли представители меньшевиков и эсеров, и вместо них в обоих городах были избраны большевики, левые эсеры и объединившиеся с ними меньшевики-интернационалисты. И во всех других круп-

---

* Известия. 1917. 3(16) сентября.

** "Взрыв возмущения в связи с возможностью военного переворота и разгула контрреволюции, — заявил Чернов, — который на время восстановил единство демократического революционного фронта в борьбе с крупнейшей партией привилегированных классов России, партией, которая по-прежнему сохраняла доминирующие позиции, то есть кадетов, именно эти настроения укрепили позиции социалистической демократии и в какой-то степени ослабленных Советов. Советы, которые после событий 3—5 июля, приведших к подрыву единства демократического фронта, качнулись вправо, смогли затем выправить линию и занять более левые позиции. И потому неудивительно, что многие, в том числе и я, не могли не порадоваться самому факту Корниловского мятежа, который, показав абсурдность сползания вправо и продемонстрировав все его логические последствия как заговора военных, дал возможность, использовав ошибки и преступления правых, выправить положение, усугубившееся в результате ошибок и глупости левых".

ных городах страны стало возрастать влияние большевиков в рабочих и солдатских организациях* 6 сентября в Москве был опубликован устав Красной гвардии. Большевистская Красная гвардия вышла из недр рабочей милиции, созданной Советом 27 августа "для содействия правительству".

10 сентября состоялись перевыборы в состав Центрального комитета партии меньшевиков, и большинство в нем получили левые меньшевики-"интернационалисты" во главе с Мартовым. В Центральном комитете партии эсеров разгорелась ожесточенная борьба между теми, кто выступал за создание широкой демократической коалиции, и теми, кто требовал формирования правительства лишь из представителей социалистов.

Цель совещания была предельно проста. Как сформулировал ее 1 сентября Церетели, совещание должно продемонстрировать, что монолитное единство и однородность, которые присущи лишь "революционно-демократическому" движению (то есть социалистам) позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция.

Однако на самом деле единство "революционных демократов" было безнадежно подорвано, и заняты они были лишь междоусобной борьбой, и со дня открытия совещания те самые лидеры социалистических партий, которые 1 сентября были готовы перегрызть друг другу глотку, в течение всех пяти дней работы совещания вели себя точно так же на глазах присутствовавших делегатов, а следовательно, на глазах всей страны. Единственное отличие проявилось в том, что на этот раз в поддержку сторонников объединенного социалистического правительства выступила группа хулиганствующих горлопанов, которые своими выкриками и угрозами превратили совещание в шумный балаган.

Конечно же помимо речей в зале заседаний, излагать которые здесь нет смысла, "друзья-враги" проводили за кулисами бесконечные встречи с целью выработать компромиссную, приемлемую для всех резолюцию. В конечном счете они нашли формулировку, в которой говорилось, что Демократическое совещание считает необходимым создать коалиционное правительство с привлечением отдельных буржуазных элементов.

В последний день работы совещания, 19 сентября, в 3 ч 25 мин пополудни председательствовавший Чхеидзе, открывая заседание, предложил провести голосование по проекту резолюции. Тут же раздались крики левых с требованием вначале решить вопрос, каким должно быть голосование — тайным или поименным. В результате за тайное голосование высказалось 574 делегата, за поименное — 660.

Поименное голосование резолюции началось в 4 ч 30 мин и продолжалось свыше пяти часов. Результаты оказались следующими: 776 человек высказались за коалицию, 688 — против. Из голосовавших против 331 делегат, или почти половина, принадлежали к профсоюзам и Советам солдатских и рабочих депутатов, которые к тому времени уже находились в руках большевиков и их союзников — левых эсеров и меньшевиков-"интернационалистов".

Объявление результатов вызвало бурю возмущения среди большевиков и левых эсеров, которые, потеряв над собой всякий контроль, стали шумно настаивать на голосовании своей поправки. Председатель объявил длительный перерыв. Согласно отчету в газете "Известия", выше-

---

*Организаторы Демократического совещания предоставили представителям рабочих и солдат 446 мест, то есть треть общего числа участников, а представителям огромного большинства населения России — Совету крестьянских депутатов — лишь 179. Удивительная политическая арифметика!

дшей на следующий день*, президиум совещания, поставив на голосование главную резолюцию, не решил предварительно вопрос, в каком порядке проводить голосование по двум внесенным поправкам. Согласно же моим собственным, более надежным данным, обе эти поправки были внесены тогда, когда уже шло голосование по основной резолюции. Вопрос о порядке внесения поправок не имеет какого-либо значения, ибо, согласно нормальной процедуре, принятой во всех цивилизованных странах, поправки к резолюции голосуются до голосования по самой резолюции. Однако бедлам, царивший в тот момент на совещании, помешал президиуму справиться с обстановкой. Возобновляя заседание, новый председатель Авксентьев, находившийся, по словам очевидцев, в состоянии крайнего возбуждения, объявил, что голосование по двум поправкам состоится *после* принятия основной резолюции. Первая поправка была внесена совместно меньшевиком Богдановым и председателем Центрального комитета партии эсеров Черновым, который тем самым нарушил запрет собственной партии вносить на совещании какие-либо предложения в индивидуальном порядке. Поправка гласила: "Те члены партии кадетов и других организаций, которые были замешаны в заговоре Корнилова, не могут быть включены в состав коалиции". Очевидно, что такое требование делало бессмысленной основную резолюцию. Этот маневр вызвал возмущение большого числа делегатов, которые вообще отказались принять участие в голосовании. Однако в конце концов поправка была принята большинством в 798 голосов — на 32 голоса больше, чем было отдано за главную резолюцию.

Вторая поправка, требовавшая недопущения в коалицию всех членов партии кадетов, которую совместно внесли большевики и эсеры, не получила абсолютного большинства голосов. Из 595 голосов, поданных за нее, 445 принадлежало представителям Советов и профсоюзов; другими словами, за поправку голосовали все делегаты рабочих и солдат.

После еще одного длительного перерыва на голосование была поставлена вся формулировка в целом вместе с двумя поправками. Но голосовать за эту нелепицу никто не хотел, и резолюция в целом собрала всего лишь 183 голоса.

И снова, на этот раз в мертвой тишине, был объявлен перерыв.

Совещание окончилось полным фиаско, однако, чтобы сохранить лицо, революционные демократы прибегли к весьма хитрой, хотя и прозрачной уловке. После очередного перерыва Церетели, который 1 сентября был одним из самых активных сторонников создания небуржуазного правительства, зачитал следующую резолюцию: "Президиум обсуждал создавшееся после голосования положение и пришел к заключению, что это голосование показывает, что внутри нас, в организованной демократии нет такого соглашения, такого единства воли, которое силами всей демократии или большого ее большинства могло бы быть претворено в жизнь.

Президиум считает поэтому необходимым предложить рассматривать это голосование как показатель настроения настоящего собрания, с тем чтобы, считаясь с этим настроением, отдельные группы и фракции сделали бы шаги для взаимного соглашения, взаимных уступок и образования единой воли демократии.

С этой целью президиум предлагает всем группам совместно с президиумом устроить совещание, где были бы предприняты шаги для соглашения внутри демократии...

---

* Известия. 1917. 20 сентября (3 октября).

Президиум решил предложить вам следующее постановление, принятое единогласно президиумом:

"Всероссийское Демократическое Совещание постановляет, что оно не разъедется до тех пор, пока им не будут установлены условия организации и функционирования власти в приемлемой для демократии форме.

Напоминаю, что эта резолюция была единогласно принята представителями всех течений и групп, представленных в президиуме"*.

Я бы хотел здесь отметить, что слово "единогласно", дважды подчеркнутое Церетели, означало, что большевики и их приспешники будут по-прежнему придерживаться единой политики с другими "революционными демократами".

Эта резолюция и предложение президиума об образовании совещания на следующий день были без голосования приняты единогласно под бурные аплодисменты всех присутствовавших.

Поскольку поправка, внесенная Черновым и другими сторонниками чисто социалистического правительства, была принята бóльшим числом голосов, чем основная резолюция, и поскольку дважды подчеркнутое Церетели слово о "единогласии" позволяло Каменеву продолжить игру вокруг "установления единства целей демократического движения", я пошел на следующий день на совещание, которое созвал президиум для представителей всех партий.

Я заявил, что, если совещание решит сформировать правительство из представителей только социалистических партий, я мирно сложу свои полномочия, однако ни я, ни другие члены республиканского правительства не войдем в новое правительство. В связи с крайне тяжелым положением, сложившимся в настоящее время в России, добавил я, я вынужден настаивать на получении ответа не позднее, чем через три дня. На это Каменев немедленно ответил, что "при таких условиях не имеет никакого смысла даже обсуждать вопрос о создании чисто социалистического правительства". Без участия большевиков эсеры и меньшевики не смогут сформировать нужное им правительство. Осознав это, они сами пошли на капитуляцию.

Но вместо того чтобы просто и честно признать, что своим союзом с Лениным и его сторонниками они навлекают на страну катастрофу, они продолжали делать вид, будто верят в силу и единство "революционной демократии". И тут же приступили к учреждению так называемого "Демократического совета". Этот фантастический совет направил в правительство делегацию с целым списком требований. Однако когда делегаты (Авксентьев, Руднев и Церетели) явились ко мне, чтобы обсудить вопрос о реорганизации правительства в соответствии с пожеланиями "Демократического совета", они и не думали настаивать на своих предложениях. Вместо этого они выразили согласие принять участие в совещании, которое создавало правительство по вопросу об организации власти.

Совещание открылось 22 сентября под моим председательством. В нем приняли участие, помимо упомянутых представителей "Демократического совета", члены партии кадетов, профсоюзов, групп промышленников и центрального союза кооперативов.

Открывая заседание, я сообщил о нашем плане восстановления коалиции и создания *консультативного органа* — Временного совета республики**, который функционировал бы вплоть до созыва Учредительного собрания.

---

* Известия. 1917. 20 сентября (3 октября).

** На практике он получил название "Предпарламент".

Я указал, что на нынешней критической стадии нам следует не столько заниматься разработкой новой программы, сколько немедленным формированием нового кабинета на основе баланса политических сил в стране и на следующий же день опубликовать имена министров.

После продолжительных и довольно бурных дебатов мое предложение было принято. На следующий день, 23 сентября, был опубликован новый состав правительства.

Помимо членов тех партий, которые входили в коалицию до 27 августа, в состав нового кабинета вошли два представителя от профсоюзов и группы промышленников.

В декларации о провозглашении республики и создании Директории правительство заявляло, что оно будет стремиться к расширению своего состава за счет представителей тех элементов, которые ставят интересы отечества выше временных и частных интересов отдельных партий и классов, а также, что оно не сомневается в том, что достигнет этой цели в самом ближайшем будущем.

Из-за распада всех основных партий, которые существовали до 27 августа и входили в состав коалиции, это "самое ближайшее будущее" отодвинулось на целый месяц. Обязательство, которое мы взяли на себя 1 сентября, в конце концов было выполнено, однако слишком поздно!

Глава 24

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ БОРЬБЫ ЗА МОЮ РОССИЮ

Последствием генеральского путча был полный паралич всей законодательной и политической деятельности в стране, поэтому я весь ушел в дело спасения основ демократии и защиты интересов России на предстоящей мирной конференции победителей в войне. В сентябре 1917 года с официальным вступлением в войну Соединенных Штатов у меня уже не оставалось никаких сомнений, что наступающий год станет годом разгрома Германии. И не только вследствие использования самого современного американского оружия, но и в результате того, что Германия лишилась поддержки своих союзников — Венгрии и Турции, которые после трех лет сражений с русской армией к 1917 году утратили всякую боеспособность.

Ни неудачи русской армии в конце третьего года войны, ни акты предательства внутри страны не могли уже помешать странам Антанты одержать победу или вычеркнуть из истории войны огромный вклад России в приближающуюся победу.

Генеральный штаб Германии отлично понимал значение военных операций на русском фронте в 1917 году. Вот что писал об этом майор фон дер Бате*:

"...В 1917 году, когда силы России были совсем исчерпаны и революция уже набросила свою тень, все же еще оставалась угроза войны на два фронта. И это при таком положении, когда Германии улыбалось военное счастье и война на Западном фронте, возможно, могла быть кончена удачным ударом. Это было тогда, когда французское наступление Нивелля, против всяких ожиданий, было сломлено при замешательстве и необычайных потерях на стороне французов, а французский пуалю после этого разочарования начал бунтовать...

И при таких условиях те незначительные германские резервы, которые тогда вообще можно было собрать, снова были брошены на Восточный фронт, чтобы покончить с так называемым наступлением Керенского в Галиции, а затем и с рижским наступлением, и окончательно освободить тыл Западного фронта...

В 1917 году, с точки зрения солдата, был настоящей трагедией тот

---

*Фон дер Бате был ближайшим помощником генерала Людендорфа. Верховное командование направило его для организации наступательных действий армии фон Ботмера. Позднее он был представителем военного министерства в Брест-Литовске. За несколько месяцев до вторжения Гитлера в Россию он, опираясь на неудачный опыт Германии в первой мировой войне, выступил в полуофициальной газете военного министерства "Милитерише Вохе" со статьей, в которой решительно выступил против войны на два фронта. 2 марта 1941 года эта статья была полностью перепечатана в "Правде". Я цитирую лишь ту часть статьи, которая относится к 1917 году. В этом отрывке — квинтэссенция того, что было написано германскими военными специалистами о стратегическом положении на театре военных действий в 1917 году.

факт, что германская армия на Западном фронте только тогда могла перейти в наступление против действительно заклятого врага, против англичан, когда у нее уже не было достаточно сил, чтобы пробиться через Амьен и Абвиль к морю..."*

Мы, руководители Временного правительства, отдавали себе в этом полный отчет, и уверенность в победе лежала в основе всей нашей внутренней и внешней политики до самого последнего дня существования свободной России.

К середине сентября, после напряженных боев в районе Риги, военные действия начали стихать. Русские войска отошли на новые оборонительные рубежи. Продолжались незначительные стычки на Юго-Западном и Румынском фронтах. После весеннего и летнего затишья английские войска предприняли попытку продвинуться на северном участке (в районе Ипра), которая, как и весеннее наступление, окончилась неудачей, тем не менее в сентябре на Западном фронте, преимущественно в итальянском секторе, вновь вспыхнули боевые действия. Людендорф был вынужден приступить к постепенной переброске своих ударных частей на Западный фронт, но этот шаг не имел стратегической ценности.

Проведя в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве чистку и заключив под стражу окопавшихся там заговорщиков, генерал Алексеев продержался на посту начальника штаба всего несколько дней. Его заменил молодой, высокоодаренный офицер Генерального штаба генерал Духонин, которого я хорошо узнал, когда он был начальником штаба командующего Юго-Западным фронтом.

Духонин был широкомыслящий, откровенный и честный человек, далекий от политических дрязг и махинаций. В отличие от некоторых, более пожилых офицеров, он не занимался сетованиями и брюзжанием в адрес "новой системы" и отнюдь не идеализировал старую армию. Он не испытывал ужаса перед солдатскими комитетами и правительственными комиссарами, понимая их необходимость. Более того, ежедневные сводки о положении на фронте, которые он составлял в Ставке, носили взвешенный характер и отражали реальное положение вещей, и он никогда не стремился живописать действующую армию в виде шайки безответственных подонков. В нем не было ничего от старого военного чинуши или солдафона. Он принадлежал к тем молодым офицерам, которые переняли "искусство побеждать" у Суворова и Петра Великого, а это, наряду со многим другим, значило, что в своих подчиненных они видели не роботов, а прежде всего людей.

Он внес большой вклад в быструю и планомерную реорганизацию армии в соответствии с новыми идеалами. После ряда совещаний в Петрограде и Могилеве, в которых приняли участие не только министр армии и флота, но также главы гражданских ведомств — министры иностранных дел, финансов, связи и продовольствия, — он составил подробный отчет о материальном и политическом положении вооруженных сил. Из отчета следовал один четкий вывод: армию следует сократить, реорганизовать и очистить от нелояльных лиц среди офицерского состава и рядовых. После этого армия будет способна охранять границы России и, если не предпринимать крупных наступательных операций, защитить ее коренные интересы. Правительство и Верховное командование поставило перед собой задачу обеспечить выход из войны Турции и Болгарии. Это позволило бы восстановить через Дарданеллы связь с союзниками и тем самым положить конец блокаде.

---

* См.: *Buat E. A. L.* L'Armeé allemande de 1914—1918. P. 42, 51.

В течение всего лета министры продовольствия, внутренних дел и земледелия безуспешно пытались договориться со Ставкой о демобилизации из армии лиц старших возрастов. И только теперь такая демобилизация стала осуществляться на основе строго определенного плана.

29 сентября в качестве дальнейшего шага в политике, исходящей из близкого окончания войны, министерство иностранных дел учредило специальную межведомственную комиссию для разработки проекта программы продовольственного и медицинского обеспечения на период демобилизации и возвращения беженцев.

В конце сентября я направил Ллойд Джорджу послание, в котором информировал его о проводимой реорганизации армии и сокращении ее численности. Я подчеркнул, однако, что всеобщему военному наступлению западных союзников в 1918 году будет оказана вся необходимая поддержка на русском фронте, однако сама Россия не сможет предпринять существенных наступательных операций. Послание было отправлено в Лондон английским послом, и до сих пор оно не опубликовано, погребенное в архивах британского правительства.

Шаги, предпринятые Временным правительством в целях реорганизации армии, были единственным возможным средством облегчить бремя войны, которое несли и армия, и весь народ, избежав при этом раскола с союзниками, что могло бы лишить Россию решающего голоса в послевоенном урегулировании.

Тем временем настойчивые усилия Терещенко в дипломатической сфере укрепили тенденции в пользу заключения справедливого и демократического мира, и на совещании правительства с представителями политических партий 22 сентября он смог сообщить, что конференция союзников по вопросу о целях войны, созыву которой он отдал столько усилий, состоится в конце октября.

Несмотря на катастрофические последствия военного мятежа, конструктивная работа в течение шести предшествовавших ему месяцев не прошла даром. Ни в один из дней сентября 1917 года не находилась русская армия в том состоянии паралича, который поразил ее в первые недели после падения монархии. Подавляющее большинство офицеров остались верными своему долгу. Они сохраняли спокойствие и делали все возможное, чтобы справиться с теми силами, которые подрывали боевой дух солдат. Армейские комитеты и другие организации на фронте, за редким исключением, вели напряженную борьбу по искоренению пораженческих тенденций. На Демократическом совещании представители фронтовых организаций решительно выступили против деструктивных настроений, которые быстро распространялись среди интеллигенции и рабочих в столице. Можно утверждать, что в целом правительство республики пользовалось твердой поддержкой армии.

Не лишилось правительство и поддержки всего населения, которое, как и в период сразу после Февральской революции, снова стало жертвой актов беззакония и могло рассчитывать лишь на защиту со стороны правительства. 27 августа безо всякого согласования с правительством насмерть перепуганные Корниловским мятежом эсеры и меньшевики при содействии большевиков создали по всей стране "народные комитеты" по борьбе с контрреволюцией. Контроль над этими комитетами немедленно захватили большевики и их сторонники. Сразу после этого правительство стало получать со всех сторон призывы о помощи против самоуправства самозваных "защитников".

4 сентября был опубликован закон (№ 479) о роспуске этих комитетов. Однако ВЦИК, видимо, считая себя самостоятельной властью, отдал приказ комитетам игнорировать этот закон.

Насаждаемая большевиками "защита от контрреволюции" распространялась на все большее число людей, независимо от того, хотели они или не хотели такой "защиты". Местные власти там, где могли это сделать, распускали эти комитеты, однако они далеко не всегда могли справиться с последствиями их деятельности. Министру внутренних дел приходилось все чаще и чаще прибегать к помощи специальных организаций, созданных местными гражданскими руководителями, а в середине октября военный министр генерал А. И. Верховский был вынужден направить войска в помощь гражданской администрации.

Несмотря на серьезность создавшегося положения, в сентябре и октябре правительство приняло целый ряд законов, касающихся предстоящего Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание при таких условиях были крайне трудным делом для местных властей. И чтобы все-таки обеспечить выборы в назначенный срок, а именно 12 ноября, в избирательную процедуру необходимо было ввести некоторые упрощения. И, что особенно важно, эта работа была выполнена, и несмотря на все трудности, созданные большевиками, несмотря на все их попытки вызвать беспорядки, выборы все же состоялись, и состоялись в тот самый день, который установило Временное правительство. Большевики, находившиеся тогда у власти, получили на них лишь четверть голосов избирателей.

Сегодня, спустя 48 лет, я с полным основанием могу сказать, что несмотря на три года войны и блокады, несмотря на союз Ленина с Людендорфом и на ту помощь, которую оказали союзники сторонникам Корнилова, демократическое правительство, которое посвятило себя служению народу и выполнению его воли, не удалось бы свергнуть, если бы борьба с ним велась честно, а не при помощи лжи и клеветы.

Разнузданная кампания дискредитации как Временного правительства, так и меня лично в разгар Корниловского мятежа, несомненно, стала одним из важных факторов разрушения демократии в России.

Мои показания Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках 8 октября 1917 года завершались словами: "Для меня лично несомненно, что за Корниловым работала совершенно определенная группа лиц, связанная не только готовящимся планомерным заговором, но и обладающая *большими материальными средствами и располагающая возможностью получать средства из банков. Это для меня совершенно несомненно*"*. Мои подозрения имели весьма существенные основания.

12 декабря 1917 года "Известия" опубликовали письмо генерала Алексеева, которое он написал Милюкову 12 сентября. В нем говорилось: "Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции... Цель движения — не изменить существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию... Выступление Корнилова не было тайною от членов правитель-

---

* Комиссар военного министерства при Ставке. Перешел на сторону заговорщиков. Как только об этом стало известно, я снял его с должности. Он никогда не был членом правительства.

ства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко* и через них — с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашении. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом...

Движение дивизий 3-го Конного корпуса к Петрограду совершилось по указанию Керенского, переданному Савинковым...

Но остановить тогда уже начатое движение войска и бросить дело было невозможно, что генерал Лукомский и высказал в телеграмме от 27 августа номер 6406 Керенскому: "...приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от вашего имени, заставило генерала Корнилова принять окончательное решение, и, идя согласно с вашим предложением, он отдал окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно..."

Из этого отказа Керенского, Савинкова, Филоненко от выступления, имевшего цель создания правительства нового состава, из факта отрешения Корнилова от должности вытекли все затруднения 27—31 августа. Рушилось дело: участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около 30 человек на позор, суд и казнь.

Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову... Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть которых и совсем не может быть ответственной?..

Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не может допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сынов...

К следствию привлечены члены Главного Комитета офицерского союза, не принимавшие никакого участия в деле... Почему они заключены под стражу? Почему им грозят тоже военно-революционным судом?..

У меня есть еще одна просьба. Я не знаю адресов гг. Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету Союза офицеров до 300 000 руб... В этом мы офицеры более чем заинтересованы.

...Если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5—7 дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда с тем, чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжкую минуту он, покинутый всеми, с малым числом офицеров предстал перед спешным судом, чтобы заплатить своею судьбою за гибнущую родину...

Подпись: Михаил Алексеев".

Разумеется, скрытый смысл обращения генерала Алексеева был правильно понят теми, кто "боялся скомпрометировать себя", как и самим Милюковым. Необходимые денежные средства были срочно собраны Путиловым и другими финансистами, которые и были подлинными организаторами дела Корнилова. Одновременно на свет появился новый печатный орган "Общее дело", который принял самое активное участие

---

* *Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. С. 178—179.

в кампании прессы в рамках замысла Алексеева. Своей задачей это издание ставило дискредитацию меня, как главу Временного правительства, и публиковавшиеся в нем материалы имели огромную ценность для Ленина в его попытках представить меня как "предателя революции", очевидного пособника и подстрекателя Корнилова!

Полная картина заговора раскрылась лишь после захвата большевиками власти. Имя генерала Алексеева не упоминалось ни в одном из документов, относящихся к заговору, а потому причастность к нему генерала доказать было нелегко. Я прочитал его письмо от 12 сентября уже после Октябрьской революции, находясь в подполье и работая над материалами, связанными с Корниловским мятежом. Генерал Алексеев был не только видным и проницательным стратегом, но и весьма хитрым политиком. Он понимал причины провала попытки Ленина захватить в июле власть и последовавшего через два месяца почти мгновенного поражения Корнилова. Он осознал, что новому претенденту на власть, чтобы иметь хоть какой-то шанс на успех, прежде всего необходимо разрушить тесные связи между народом и армией, с одной стороны, и Временным правительством — с другой, путем компрометации наших идеалов и дискредитации меня лично. На это и направили лавину лжи и клеветы сторонники Корнилова, которые рассматривали свое поражение лишь как временную неудачу. Нет нужды говорить, что все сказанное ими лило воду на мельницу другого претендента на диктаторскую власть — Ленина. Генерал Алексеев отдавал себе отчет, что подобная тактика побудит необразованные массы качнуться влево, но это не заботило ни его, ни его сторонников. Их вообще не беспокоила перспектива захвата большевиками власти. Ленин сбросит Керенского, размышляли они, и тем самым, не подозревая об этом, расчистит путь к созданию "крепкого правительства", которое неизбежно придет к власти через три или четыре недели*.

В ходе этой клеветнической антиправительственной кампании "солидные" газеты не только распространяли компрометирующие слухи и сплетни, но публиковали и заведомо ложные свидетельства, вроде Корниловского, и фальшивые документы. Именно такие "документы" дали в руки Ленина, Троцкого, Сталина и им подобным необходимые "свидетельства", чтобы изобразить меня сторонником Корнилова.

В интервью газете "Русские ведомости", которое он дал в Москве 4 октября, председатель комиссии по расследованию дела Корнилова И. С. Шабловский заявил, что смог познакомиться с опубликованными

---

* О том, что именно так определил Милюков тактику подготовки военной диктатуры, рассказал мне представитель французского правительства в России в период первой мировой войны Эжен Пети, который был свидетелем Февральской революции. Пети отличался исключительной правдивостью. Он не одобрял многого из того, что делало Временное правительство, но одновременно был в высшей степени встревожен политикой, проводимой в то время генералом Алексеевым, Родзянко, Милюковым и некоторыми другими лидерами правой оппозиции. По своей инициативе, а быть может, по указанию правительства Франции, он весьма откровенно обсудил этот вопрос с Милюковым, с которым в течение определенного времени поддерживал личные отношения. В конце состоявшейся между ними беседы Милюков и обрисовал ему тактику, изложенную мной выше. Милюков и его друзья были убеждены — и это в середине-то октября! — что большевизм не представляет слишком большой угрозы и что в России существует лишь две партии: "партия порядка" во главе с Корниловым и "партия распада", возглавляемая мной. Об этом разговоре с Милюковым Пети рассказал мне позднее, когда я уже жил в эмиграции.

материалами по этому делу лишь по возвращении из Ставки в Москву. Отвечая на вопросы представителей печати, он между прочим сказал:

"Если даже признать, что опубликованные записки ярко и исчерпывающе обрисовывают роль генерала Корнилова, то все же они касаются исключительно того периода времени, когда генералом Корниловым еще не был предъявлен известный ультиматум Временному правительству. С того времени поведение и мотивы действий генерала Корнилова не находят себе никаких объяснений в опубликованных газетами материалах. Кроме того, и по существу эти материалы не вполне точны. Я мог бы исправить не только отдельные слова и выражения, но и целые показания генерала Алексеева, которые на днях были опубликованы в печати.

Для всестороннего обсуждения всех обстоятельств, предшествовавших известному ультиматуму, следственная комиссия допросила А. Ф. Керенского, который сам пожелал явиться и дать комиссии свои компетентные разъяснения. Возможно, что на днях министр-председатель будет передопрошен". (Новые показания я представил комиссии 8 октября, однако мой подробный и исчерпывающий отчет об "ультиматуме" конечно же не появился ни в одной из газет.)

"Вообще же, — закончил ген. Шабловский, — весь шум, поднятый опубликованными записками, только мешает правильному течению следствия; в сущности ничего не разъясняя, оглашение данных предварительного следствия ведет к нежелательным кривотолкам, тревожащим общество, и не дает следственной власти спокойно и беспристрастно разрешить тот больной вопрос, который получил историческое название "корниловщины"*.

8 октября в газетах было помещено официальное заявление чрезвычайной комиссии, в котором говорилось, что в связи с тем, что в различных органах печати появились многочисленные сообщения, касающиеся обстоятельств дела Корнилова, а также отчеты о показаниях лиц, представших перед этой комиссией, комиссия заявляет, что опубликованные сообщения не исходят ни от комиссии, ни от ее членов. Далее отмечалось, что комиссия с пониманием воспринимает законный интерес общественности к этому делу, но тем не менее не считает пока возможным публиковать факты, полученные ею в целях полного и объективного расследования. Соответствующее заявление для печати будет сделано сразу же по завершении работы комиссии.

Однако оба эти заявления председателя комиссии не остановили потока лжи и клеветы. "Честные" газеты, поддерживавшие генерала Алексеева, продолжали отравлять сознание общественности, изображая меня политическим шарлатаном и мошенником, а ленинские газеты, вроде "Рабочего пути" и многих других большевистских изданий, с готовностью перепечатывали все эти публикации. Должен признаться, что вся эта чудовищная и гнусная кампания полностью измотала меня, мне, однако, ничего не оставалось, как хранить молчание**, глядя, как внедряются ядовитые семена в сознание интеллигенции, солдат и рабочих, подрывая авторитет мой личный и правительства. На какое-то время

* Русские ведомости. 1917. 5(18) октября.

** Предварительное обнародование фактов до их официального изучения в большинстве цивилизованных стран расценивается как преступление и наказывается по закону. Не мог же я, глава правительства, встать на путь нарушения закона.

я утратил веру в людскую справедливость. Приехав в Ставку Верховного главнокомандования, я даже потерял сознание и в течение нескольких дней находился в критическом состоянии. Привели меня в чувство слова генерала Духонина: "Керенский, вы не можете, не имеете права устраниться от дел в столь критическое время. Вы несете на своих плечах слишком большую ответственность". Через день я был уже на ногах, готовый с прежней решимостью продолжить свою борьбу.

В период сентябрьского затишья на фронте, когда германское командование убедилось, что действия Ленина в России все еще не дали результатов, когда все германские союзники во главе с Австро-Венгрией лишь искали предлога, чтобы выйти из войны, Берлин решился на последнюю, крайнюю меру и бросил против России весь свой флот, включая все дредноуты, линкоры, крейсера, миноносцы и подводные лодки и даже прибегнув к поддержке авиации.

27 сентября (или 28) мы получили сигнал, что к русским берегам приближается армада германских кораблей. Сразу же после этого командующий Балтийским флотом уведомил нас о начале военных действий. Газеты сообщали, что линейный корабль "Слава" вместе с крейсерами "Баян" и "Гражданин" вошли в соприкосновение с противником в районе Рижского залива и огнем орудий крупного калибра отогнали авангард противника. Установив затем местоположение основных сил противника, они вступили с ними в бой. В состав основных сил входили два дредноута, которые в силу своего технического превосходства стремились вести огонь с максимально дальней дистанции, превышающей дальность стрельбы с наших устаревших линейных кораблей. Несмотря на очевидное превосходство сил противника, русские военные корабли в течение длительного времени обороняли подходы (к Моонзунду), и лишь серьезные повреждения, нанесенные огнем дредноутов, вынудили их отойти в Моонзундский канал. Огромная пробоина, полученная "Славой" ниже ватерлинии, привела к гибели корабля. Во время перестрелки русские береговые батареи, расположенные у входа в Моонзунд, отогнали крейсера противника, которые пытались приблизиться к линкорам. В конце операции германские дредноуты обратили огонь своих пушек на береговые батареи и в короткое время уничтожили их. Другая группа русских военных кораблей, находившихся в Моонзунде, отражала ожесточенные атаки противника с севера. Атаки не увенчались успехом. Одновременно большое число вражеских гидроаэропланов подвергли массированной бомбардировке наши корабли, доки и остров Моон, занятый русскими частями. Наблюдательные посты засекли, как и в предыдущие дни, вблизи островов Эзель и Даго много кораблей противника, включая дредноуты, в сопровождении крейсеров и сторожевых кораблей. Только на рейде, в самом дальнем видимом квадрате, наблюдатели насчитали до 65 вымпелов.

Морское сражение за Моонзунд внесло славную страницу в историю русского флота. Как и бои под Ригой, оно показало, на что способны русские люди и что они могут вынести, если их родине грозит опасность. 3 октября германский флот провел операцию по высадке десанта на остров Эзель и в район Моонзундских укреплений, прикрывавших подступы к Кронштадту и Петрограду.

12 октября большевики учредили при Петроградском Совете Военно-революционный комитет. Официально он был призван защищать "столицу революции" от германского вторжения, но в действительности

стал штабом подготовки вооруженного восстания против правительства. Послушные указаниям Ленина, большевики во всех своих публичных заявлениях с негодованием отвергали сообщения о такой подготовке, однако в инструктивном письме, посланном из Финляндии, Ленин писал, что, готовясь к вооруженному восстанию, мы должны приписать своим противникам не только ответственность, но и инициативу в его организации.

Выполняя эту директиву, Троцкий в своих статьях лицемерно утверждал, что разрушая российскую демократию, солдаты, рабочие и матросы Петрограда были убеждены, что они на самом деле спасают ее от "корниловцев" и надвигающейся контрреволюции. Позднее Ленин не раз прибегал к подобному двурушничеству — при подготовке сепаратного мира, разгоне Учредительного собрания, ликвидации всех гражданских и политических свобод и в своей безжалостной войне против крестьянства.

Играя на подлинно патриотических чувствах народа, Ленин, Троцкий и им подобные цинично утверждали, что "прокапиталистическое" Временное правительство во главе с Керенским готово предать родину и революцию, свободу и достоинство отечества и намерено продать все это немцам. А поэтому, согласно их рассуждениям, долг тех, кто ведет борьбу за "почетный, демократический мир для всех народов", — свержение сторонников позорного сепаратного мира, чтобы "демократическая революционная Россия" могла установить мир с народами другой стороны через головы "империалистических правительств".

На рабочих митингах они говорили уже другим языком, в какой-то степени более откровенным. Тут они рассуждали о "диктатуре пролетариата". Только такая диктатура, уверяли они, способна защитить достижения революции и завоеванную свободу. Пролетариат — твердый и несгибаемый защитник мира, он требует свержения правительства Керенского, чтобы установить свою диктатуру в интересах самой революции; это — единственное средство, с помощью которого крестьяне, рабочие и солдаты смогут добиться демократического мира, земли и полной свободы.

Многие рабочие свято верили во все это и были готовы разрушить свободу и распять революцию во имя грядущей тоталитарной диктатуры, уверенные, что выполняют "освободительную миссию пролетариата".

Иные иностранцы могут подумать, что лишь политически незрелые, неграмотные русские солдаты, матросы и рабочие могли попасться на эту грубую, искажающую истину ложь Ленина. Ничего подобного! Есть высшая форма лжи, которая уже одной своей чрезмерностью импонирует людям, независимо от их интеллектуального уровня. Есть некий психологический закон, согласно которому, чем более чудовищна ложь, тем охотнее ей верят. Именно в расчете на этот изъян человеческой души и строил Ленин свою стратегию захвата власти.

Ленин, Зиновьев, Каменев и Троцкий — все они провели много лет за границей в тех же эмигрантских кругах, в которых вращались другие социалисты небольшевистского толка. С точки зрения этих последних, большевизм представлял собой просто-напросто самое крайнее крыло общего социалистического и революционного движения. Среднему социалисту трудно было поверить, что Ленин, в глубине души мечтавший о мировой революции, способен встать на путь практического сотрудничества с немцами.

В их глазах это была несомненная и очевидная "гнусная клевета"! Так же как они психологически не допускали и мысли, что Ленин и его генеральный штаб готовы силой оружия разогнать Учредительное собрание.

Ленин оставался в Финляндии до начала Октябрьского восстания, однако от его имени в Петрограде действовали два его надежных агента — Троцкий и Каменев. На Троцкого была возложена ответственность за техническую подготовку восстания и за политическую агитацию среди масс солдат, матросов и рабочих. Перед Каменевым была поставлена другая, отнюдь не менее важная задача: в период, непосредственно предшествующий восстанию, ему надлежало отвлечь внимание социалистических партий от подлинных целей Ленина, рассеять их подозрения и добиться, чтобы в момент выступления Троцкого эти партии не оказали Временному правительству активной помощи.

Каменев выполнил эту задачу превосходно. Этот мягкий, приветливый человек в совершенстве владел искусством с подкупающим правдоподобием прибегать ко лжи. С удивительной легкостью он завоевывал расположение тех самых людей, которых водил за нос, и проделывал это с выражением почти детской невинности на лице.

А решающий момент стремительно приближался. На 12 ноября были назначены выборы в Учредительное собрание. Но Ленин не мог позволить себе дожидаться их, ибо, по собственному его признанию, не мог рассчитывать на получение большинства. 7 ноября в Петрограде должен был начать работу II Всероссийский съезд Советов. По мнению Ленина, было бы предательством революции придерживаться детских и позорных формальностей, ожидая открытия съезда, ибо, хотя Советы и представляли собой отличное оружие при захвате власти, они превратились бы в бесполезную игрушку после ее захвата*.

Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства, до того как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир. Интересы Ленина и германского Генерального штаба снова совпали. Для того чтобы помешать Австрии подписать сепаратный мирный договор, немцам нужен был переворот в Петрограде. Для Ленина немедленный мир с Германией сразу после захвата власти был единственным средством установления диктатуры.

И немцы, и Ленин конечно же знали, что 28 октября министр иностранных дел Терещенко, представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал Головин, представитель социал-демократов Скобелев, а также английский посол должны были отбыть в Париж, чтобы принять участие в конференции стран Антанты, назна-

---

*В письме Ленина от 29 сентября 1917 г. говорилось о необходимости "*побороть*" мнение тех, кто призывает ожидать съезда Советов и выступает "*против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания... Ибо пропускать такой момент и "ждать" съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*... Это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно... "Ждать" съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд **ничего не даст**, *ничего не может дать*!" (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 280—281. — *Прим. ред.*).

ченной на 3 ноября, которая, без сомнения, могла оказать воздействие на весь ход войны.

Очень многие люди, принадлежавшие к социалистическим партиям, расценивали слухи о предстоящем большевистском восстании как "контрреволюционные измышления". Все еще находясь под впечатлением недавнего корниловского путча и воздействием убаюкивающей и изощренной пропаганды Каменева, левые партии боялись только "угрозы справа". Как я уже сказал, такой угрозы вообще не существовало, и начиная с 30 августа Ленин отлично понимал это.

Следует иметь в виду, что, готовя свой удар по Петрограду, правые заговорщики всячески стремились "организовать" в городе большевистский мятеж. Теперь же, в середине октября, все приспешники Корнилова, из числа военных и гражданских лиц, получили указания противодействовать всем мероприятиям правительства по подавлению большевистского восстания.

Таким образом, как и раньше борьбу определяли три основные силы.

Большевистская и правая пресса, большевистские и правые агитаторы с одинаковым рвением яростно критиковали меня. Существовало, конечно, различие в терминологии, которую они использовали для нападок: большевики называли меня "Бонапартом", а правые — "полубольшевиком", однако и для того лагеря, и для другого имя мое было символом демократической, революционной, свободной России, которую нельзя было уничтожить, не уничтожив возглавляемого мною правительства.

И большевики, и сторонники Корнилова отлично понимали, что, уничтожив моральный авторитет тех, кто воплощал верховную власть в республике, они на долгие годы парализуют все демократические и народные силы в России.

Однако, как и в Смутное время за триста лет до того, политическое самосознание многих высокопоставленных деятелей и политиков явно притупилось. Ослабела воля, иссякло терпение, и это в тот момент, когда решалась судьба России, когда русский народ, по справедливому замечанию Черчилля, держал победу в своих руках.

Я твердо уверен, что восстание 24—25 октября не случайно совпало по времени с серьезным кризисом в австро-германских отношениях, как не случайно "совпало" контрнаступление Людендорфа с предпринятой Лениным попыткой восстания в июле.

К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно где-то 20 октября мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир. Предполагалось, что представители Вены прибудут на конференцию о целях войны, которая должна была открыться в Париже 3 ноября.

Вполне вероятно, что Людендорф и все другие сторонники войны до последней капли крови узнали об этом раньше нас. А посему задача Людендорфа сводилась теперь к тому, чтобы помешать Австрии выйти из войны, а план Ленина — к захвату власти до того, как правительство сможет разыграть эту козырную карту, лишив его тем самым всех шансов на захват власти.

24 октября Ленин направил членам Центрального комитета истерическое письмо, в котором говорилось: "Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое.

Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

Нельзя ждать!! Можно потерять все!! ...

Было бы гибелью... ждать колеблющегося голосования 25 октября"*...

В ночь на 23 октября Военно-революционный комитет Троцкого, отбросив всякую маскировку, начал отдавать приказы о захвате в городе правительственных учреждений и стратегических объектов.

Имея на руках эти документальные подтверждения начинающегося восстания, я в 11 утра 24 октября отправился на заседание Совета Российской республики и попросил председательствующего Авксентьева немедленно предоставить мне слово.

Я произносил речь, когда ко мне подошел Коновалов и протянул мне записку. Ознакомившись с ней, я после паузы продолжал: "Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам: "Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов". (Крики справа: "Предатели!") Таким образом в столице в настоящее время существует состояние, которое на языке судейской власти и закона именуется состоянием восстания. В действительности это есть попытка поднять чернь против существующего порядка и сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма! (Возглас в центре: "Правильно!". Слева шум и возгласы: "Довольно!")

Я говорю с совершенным сознанием: чернь, потому что вся сознательная демократия и ее Центральный исполнительный комитет, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, разум, совесть и честь великой русской демократии протестует против этого. (Бурные аплодисменты на всех скамьях, за исключением тех, где находятся меньшевики-интернационалисты...)

Отчетливо понимая, что объективная опасность этого выступления заключается не в том, что часть здешнего гарнизона может захватить власть, а в том, что это движение, как и в июле месяце, может быть сигналом для германцев на фронте, для нового удара на наши границы и может вызвать новую попытку, может быть более серьезную, чем попытка генерала Корнилова. Пусть вспомнят все, что Калущ и Тарнополь совпали с июльским восстанием...

Я пришел сюда, чтобы призвать вас к бдительности, для охраны всех завоеваний свободы многими поколениями, жертвами, кровью и жизнью завоеванной свободным русским народом. Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу, встретит единодушную поддержку всех за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза и поддержку не только Временного Совета, но и всего Российского государства. (Бурные аплодисменты всех, за исключением меньшевиков-интернационалистов.) С этой кафедры от имени Временного правительства я уполномочен заявить: Временное правительство исходя из определенного взгляда на современное состояние

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435—436. 25 октября — дата открытия съезда Советов.

вещей находило одной из главных своих обязанностей по возможности не вызывать острых и решительных колебаний до Учредительного собрания. Но в настоящее время Временное правительство заявляет: те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации. (Бурные аплодисменты справа, в центре и частично левых сил; смех представителей интернационалистов.) Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились. (Аплодисменты представителей центра и левых.) Я прошу от имени страны, да простит мне Временный Совет Республики, — требую, чтобы сегодня же в этом заседании Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания"*.

Твердо убежденный в том, что Совет поддержит мои требования, я возвратился в штаб Петроградского военного округа, чтобы заняться принятием мер по уничтожению восстания в самом зародыше. Я был уверен, что через пару часов получу положительный ответ. Однако день кончался, а ответа все не было. Лишь к полуночи ко мне явилась делегация от социалистических групп Совета и вручила мне резолюцию, принятую после бесконечных и бурных дебатов левым большинством Совета в разного рода комитетах и подкомитетах.

Резолюция эта, уже никому тогда не нужная, не представляла никакой ценности ни для правительства, ни для кого-либо еще. Она была бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная. Более внимательно прочитав ее, я понял, что в ней содержится выражение условного доверия правительству, обставленное многочисленными оговорками и критическими замечаниями.

Возмущенный, я в довольно резкой форме сказал Дану (который возглавлял делегацию), что резолюция совершенно неприемлема. Мое раздражение Дан встретил спокойно. Никогда не забуду того, что он сказал. На его взгляд и, видимо, на взгляд других членов делегации, я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего "реакционного штаба". Затем он сообщил, что неприятная "для самолюбия правительства" резолюция большинства Совета республики чрезвычайно полезна и существенна для "перелома настроения в массах"; что эффект ее "уже сказывается" и что теперь влияние большевистской пропаганды будет "быстро падать". С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность "подчиниться воле большинства Советов", что они готовы "завтра же" предпринять все меры, чтобы потушить восстание, "вспыхнувшее помимо их желания, без их санкции". Не без видимой угрозы он заявил, что все принятые правительством меры к подавлению восстания только "раздражают массы" и что вообще я своим вмешательством лишь "мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания". Во всем этом явственно чувствовалась рука Каменева: не произнеся ни слова, я вышел в соседнюю комнату, где проходило заседание правительства, и зачитал

* Известия. 1917 25 октября (6 ноября).

текст резолюции. Затем я изложил суть нашего разговора с Даном. Нетрудно представить себе реакцию моих коллег. Я вернулся в комнату, где сидели члены делегации, и возвратил Дану документ, соответственно прокомментировав эту бессмысленную и преступную резолюцию"*.

Делегация Совета Республики посетила меня, когда вооруженные отряды Красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания и арестовали одного из министров правительства — Карташева, который направлялся домой после заседания в Зимнем дворце Временного правительства. Карташева доставили в Смольный почти одновременно с возвращением туда Дана, намеревавшегося продолжить переговоры с Каменевым о путях "ликвидации восстания, вспыхнувшего" вопреки воле большевиков.

По словам Дана, самую большую угрозу завоеваниям революции в то время представлял мой "реакционный штаб". На деле же, однако, три четверти офицеров Петроградского военного округа, как и Дан с его друзьями, саботировало все усилия правительства справиться с восстанием, которое быстро набирало силу.

Проведя всю ночь 24 октября в переговорах с представителями других социалистических партий, Каменев достиг своей цели: военные организации эсеров и меньшевиков сохраняли полную пассивность. А большевистские агитаторы беспрепятственно занимались своим делом в солдатских казармах, не встречая никакого противодействия со стороны представителей меньшевиков и эсеров.

Ночь с 24 на 25 октября прошла в напряженном ожидании. Мы ждали прибытия с фронта воинских частей. Я вызвал их загодя, утром 25 октября они должны были быть в Петрограде. Однако вместо войск поступили телеграммы и телефонограммы о блокаде и саботаже на железных дорогах.

К утру (25 октября) войска так и не прибыли. Центральная телефонная станция, почтамт и большинство правительственных зданий были заняты отрядами Красной гвардии. Здание, где всего лишь день назад проходили бесконечные и бессмысленные дебаты Совета Республики, также захватили красногвардейцы.

Зимний дворец оказался в полной изоляции, с ним не было даже телефонной связи. После продолжительного заседания, которое затянулось до раннего утра, большинство членов правительства отправились домой, чтобы хоть немного передохнуть. Оставшись одни, мы с Конова-

---

* Более красочный комментарий этому историческому, если его можно так назвать, документу дали видные советские историки в предисловии ко второму тому книги "Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев" (2-е изд. М., 1926. Т. II. С. 13—15). Научный редактор этой работы пишет: "Нельзя не признать, что выступая с такой платформой, Дан и меньшевики вполне заслужили прозвище "полубольшевиков". В самом деле, все эти три требования соответствуют трем основным предоктябрьским лозунгам большевиков, у которых они, несомненно, украдены. Но они настолько же отличаются от своего прототипа, насколько всякий ублюдок отличается от своего "левого" (как и "правого") родителя... Отсюда смешная серьезность, с какой Дан еще в 1923 г. повествует, как о событии чрезвычайной важности, о своей резолюции, принятой (то есть Советом Республики) в канун 25 октября и долженствовавшей повернуть на другой путь развитие революции. Отсюда его нелепая попытка убедить Керенского, что в момент восстания спасение не в том, чтобы действовать оружием, а в том, чтобы расклеить и разослать по телеграфу эту его замечательную резолюцию..."

ловым пошли в штаб военного округа, который находился совсем рядом на Дворцовой площади. С нами пошел еще один министр, Кишкин, наиболее известный в Москве либеральный деятель.

После краткого совещания было решено, что я немедленно отправлюсь навстречу эшелонам с войсками. Мы были абсолютно уверены, что паралич, охвативший демократический Петроград, будет преодолен, как только все поймут, что заговор Ленина — это не плод какого-то недоразумения, а предательский удар, полностью отдающий Россию на милость немцев.

На всех улицах вокруг Зимнего дворца стояли патрули Красной гвардии. Все контрольно-пропускные посты на подступах к Петрограду вдоль дорог к Царскому Селу, Гатчине и Пскову были тоже заняты большевиками.

Понимая всю рискованность такого шага, я решил ехать через город в автомобиле. Такие поездки я совершал постоянно, и к ним все привыкли. Когда подали мой превосходный открытый автомобиль, мы объяснили солдату-шоферу его задачу. В последний момент, когда помощник командующего Петроградским военным округом, мой адъютант и я были готовы отправиться в путь, прибыли представители английского и американского посольств и предложили нам выехать из города в автомобиле под американским флагом. Я поблагодарил союзников за их предложение, однако сказал, что главе правительства не пристало ехать по улицам русской столицы под прикрытием американского флага. Позднее я, однако, узнал, что один из моих офицеров, который не поместился в нашей машине, сел в автомобиль союзников, который следовал за нами на некотором расстоянии.

Попрощавшись с Коноваловым и Кишкиным, оставшимися в Петрограде, я тронулся в путь. Впереди сидели водитель и адъютант, я — в своей обычной полувоенной форме — сзади. Рядом со мной сидел помощник командующего войсками Петроградского округа Кузмин, напротив нас — еще два адъютанта*.

Водителю было велено ехать по главной столичной улице в сторону контрольно-пропускных постов с обычной скоростью. Такой расчет полностью оправдался. Мое появление на улицах охваченного восстанием города было столь неожиданно, что караулы не успевали на это отреагировать надлежащим образом. Многие из "революционных" стражей вытягивались по стойке "смирно" и отдавали мне честь! Выскочив за пределы города, водитель нажал на акселератор, и мы вихрем понеслись по дороге. Видимо, ему инстинктивно чудилось, будто кто-то уже донес Ленину и Троцкому о моем отъезде.

У контрольно-пропускного пункта у Московской заставы нас обстреляли, тем не менее мы благополучно прибыли в Гатчину. Несмотря на попытку задержать нас там, мы и Гатчину миновали благополучно.

---

* Ложь и клевета порой несокрушимы. Даже сегодня иностранцы не без легкого смущения иногда задают мне вопрос, правда ли, что я покинул Зимний дворец в одеянии медсестры! Можно простить иностранцам, поверившим столь гнусному утверждению. Но ведь эта чудовищная история до сих пор предлагается массовому читателю в Советском Союзе. В серьезных исторических исследованиях, опубликованных в Москве, дается правдивая версия моего отъезда из Петрограда в Гатчину, а в большинстве учебников истории вновь и вновь повторяется ложь о том, будто я спасался бегством, напялив на себя дамскую юбку, и все это делается ради того, чтобы дурачить людей и в России, и в других странах.

К ночи мы добрались до Пскова, где размещалась Ставка командующего Северным фронтом. Чтобы чувствовать себя в полной безопасности, мы устроились на частной квартире моего шурина генерал-квартирмейстера Барановского. По моему приглашению на квартиру прибыл командующий генерал Черемисов, который, однако, как выяснилось, уже вступил во "флирт" с большевиками. Движение войск к Петрограду, о котором я распорядился, было остановлено по его приказу. После довольно резкого разговора генерал Черемисов удалился.

У нас не было никаких сомнений, что он сообщит новым хозяевам положения о моем прибытии в Псков. А потому нам ничего не оставалось, как ехать дальше, в сторону фронта.

В маленьком городишке под названием Остров располагался 3-й Конный казачий корпус. Именно этому подразделению под командованием генерала Крымова надлежало в сентябре захватить столицу. В разговоре со мной Черемисов сообщил, что новый командующий 3-м корпусом генерал Краснов, находясь в Пскове, пытался установить со мной связь. Я поинтересовался, где Краснов находится в настоящее время, и получил ответ, что он возвратился в Остров.

Мы решили немедленно отправиться в Остров и, если не найдем там Краснова, ехать в Могилев, чтобы встретиться в Ставке с начальником штаба Верховного главнокомандования генералом Духониным. Позже я узнал, что Духонин дважды пытался установить со мной связь по телефону, однако Черемисов воспрепятствовал нашему разговору. Духонин по прямой линии связался со ставкой Северного фронта и разговаривал с начальником штаба Черемисова Лукирским. В самом начале разговора Лукирский сообщил Духонину, что командующий Северным фронтом отменил его (Духонина) приказ о переброске войск к Петрограду и что он (Лукирский) не может дать этому объяснения. Тогда Духонин спросил Лукирского, может ли он лично переговорить с Черемисовым. Такой разговор состоялся. Вот его запись:

Лукирский: Иду доложить об этом Главкосеву. Я передам командующему, что Вы находитесь на линии.

Черемисов: Здравствуйте, Николай Иванович (Духонин). Вы что-то начали сейчас говорить.

Духонин: Генерал Лукирский мне сообщил, что Вами отдано распоряжение, отменяющее отправку войск в Петроград по приказанию Главковерха, чем это вызывается?

Черемисов: Это сделано с согласия Главковерха, полученного мною от него лично...

Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность Главковерха мне, вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были прекращены. Главковерх у меня. Не имеете ли Вы что передать ему?

Духонин: Можно ли просить его к аппарату?

Черемисов: Невозможно, в его интересах".

После продолжительного обсуждения положения на фронте и в Петрограде, относительно которого у двух генералов были прямо противоположные точки зрения, Духонин заявил Черемисову:

"Если Главковерх Керенский предполагает передать должность Вам, то я во имя горячей любви к Родине умоляю Вас разрешить мне передать об этом Временному правительству, с которым есть у меня связь, Вас же не останавливать отданных распоряжений о движении войск, назначенных в Петроград... Вам, как будущему Главковерху, не придется считаться с весьма тяжелыми...

Не дав Духонину закончить фразы, Черемисов прервал его словами: ”Извиняюсь... Меня давно уже зовут, можно ли будет Вас вызвать часа через два?”

26 октября генерал Духонин вызвал генерала Лукирского и сказал, что ”вчера после отдачи распоряжения по отмене движения войсковых частей к Петрограду приехал Александр Федорович, который не разделяет мнения Главкосева о необходимости отмены движения назначенных войсковых частей к Петрограду. Однако передать распоряжение с подтверждением приказа о движении на Петроград не удалось, так как у аппаратов революционным комитетом, сформировавшимся в Пскове, были поставлены особые дежурные члены этого комитета”*.

Без ведома Духонина по всем фронтам стало распространяться заявление генерала Черемисова, будто отправка войск в Петроград была остановлена с моего согласия, будто я сложил с себя полномочия Верховного Главнокомандующего и передал ему свои обязанности. Формирование на разных фронтах подразделений для переброски к Петрограду было прекращено, остановлены были и эшелоны с войсками, двигавшиеся к столице. Утром 26 октября правда вышла наружу, однако несколько важнейших часов было потеряно.

За несколько минут до нашего отъезда в Остров у дверей раздался звонок, и в следующую секунду в комнату вошел генерал Краснов вместе с начальником своего штаба Поповым.

Черемисов лгал мне, сказав об отъезде генерала Краснова из Пскова. Однако, к счастью, Краснов понял, что командующий Северным фронтом стремится помешать нашей встрече, и решил по возможности разыскать меня самому. Зная о том, что Барановский мой шурин, он и направился к нему на квартиру.

К утру 26 октября мы оба уже были в штабе 3-го Конного корпуса в Острове. Вся ”боевая мощь” корпуса сводилась к нескольким сотням казаков (500—600) и к нескольким пушкам. Все остальные части были отправлены на фронт и в район Петрограда. С этими жалкими остатками войск и артиллерии мы решились пробиться к Петрограду.

Наспех сколоченные большевиками военные комитеты и железнодорожники получили от Ленина приказ воспрепятствовать нашему возвращению в Петроград, однако остановить нас было не в их силах.

В тот же вечер в поезде на пути в Петроград мы узнали, что накануне ночью большевики захватили Зимний дворец и арестовали все Временное правительство.

Преодолев по пути немало трудностей, наш отряд без единого выстрела захватил утром 27 октября Гатчину. Тысячи солдат, которые, как считалось, примкнули к большевикам, бросив оружие, бежали из города.

Тем же утром я получил в Гатчине донесение из Петрограда, что временный паралич преодолен и все сторонники Временного правительства в разных полках и военных школах втайне готовятся к сражению. Мобилизованы также все подразделения боевиков партии эсеров. В помощь нам генерал Духонин вместе с командующими всех фронтов, за исключением Северного, направил воинские подразделения. С разных участков фронта к нам стремятся прорваться около 50 эшелонов с войсками. На фронте и в Москве вспыхнули бои между защитниками правительства и большевиками.

* Архив Русской Революции. Т. 7. С. 297—298, 310.

К тому времени большевики захватили самую в России мощную царскосельскую радиостанцию. Они немедленно начали вести пропагандистскую кампанию по деморализации русских войск на передовых линиях. Одновременно второй съезд Советов выступил со своим знаменитым обращением об установлении всеобщего демократического мира!

Войск у нас в Гатчине было очень мало. И противодействовать влиянию ленинской пропаганды на фронтовые части нам было нечем.

Краснов согласился со мной, что надо попытаться с боя захватить Царское Село и оттуда немедленно двинуться на Петроград, где нам на помощь придут верные воинские подразделения, офицеры кадетских корпусов и отряды боевиков из разных партий.

На рассвете 28 октября правительственные войска выступили из Гатчины. Генерал Краснов находился в прекрасном расположении духа и был абсолютно уверен в успехе. Наши взаимоотношения основывались на полном взаимном доверии. Не желая вмешиваться в приказы Краснова, я остался в Гатчине, чтобы ускорить прибытие эшелонов, направленных нам на помощь.

Прошло несколько часов, а от Краснова никаких известий не поступало. Это озадачило меня, ибо как раз перед уходом войск из Гатчины мы получили крайне обнадеживающее сообщение о состоянии дел в Царском Селе. За несколько часов положение не могло столь круто измениться. Я вызвал автомобиль и отправился вслед за Красновым.

На полпути между Царским Селом и Гатчиной находилась метеорологическая обсерватория. С ее вышки я в полевой бинокль разглядел расположение правительственных войск, которые пребывали в состоянии странной пассивности.

Я подъехал, чтобы разобраться в происходящем. Объяснения Краснова носили весьма туманный характер и были лишены смысла. Сам он держался сдержанно и формально.

Совершенно случайно я неожиданно различил в окружении генерала Краснова несколько знакомых людей, входивших в Совет казачьих войск. Этот Совет, одна из наиболее правых антидемократических организаций, придерживался политики "использовать Ленина для свержения Керенского". Я спросил Краснова, почему рядом с ним находятся эти люди. Генерал казался крайне смущенным, однако уклонился от ответа. И тогда я понял причину внезапной остановки движения войск к Царскому Селу и перемены в поведении Краснова.

Мне пришлось оказать большое давление, чтобы заставить войска продолжить движение. И лишь ранним вечером, а не в полдень, как первоначально предполагалось, достигли мы окраин Царского Села. И тут Краснов доложил о своем намерении отвести войска несколько назад и взять город на следующий день. Это переполнило чашу моего терпения!

Как раз в этот момент к нам прибыл из столицы один из влиятельных политических деятелей и сообщил, что в Петрограде все готово для начала вооруженного восстания в поддержку правительственных войск, что население и все антибольшевистские партии с нетерпением ожидают нашего прибытия и что крайне важно действовать без промедления. Я отдал генералу Краснову письменный приказ немедленно занять Царское Село. Он все еще колебался. Тогда я подъехал к контрольно-пропускному пункту на окраине города, где собралась толпа оборванных вооруженных солдат, встал во весь рост, вынул часы и объявил, что даю им три минуты, чтобы сложить оружие, после чего артиллерия откроет по ним огонь. Солдаты немедленно подчинились. Царское Село было таким образом взято без единого выстрела, но после 12 часов фатального промедления.

К утру 29 октября нам следовало быть в Петрограде, а мы дошли лишь до Царского Села. В тот день в столице вспыхнуло антибольшевистское восстание. В четыре пополудни меня позвали к телефону. Звонили из Михайловского дворца, расположенного в самом центре города, где разместился штаб сторонников правительства. Они просили прислать помощь, а мы были бессильны это сделать.

Финальный акт трагической борьбы Временного правительства за свободу и честь России разыгрался 30 октября вблизи знаменитой Пулковской обсерватории. Так называемые Пулковские высоты были в руках кронштадтских матросов. В нашем распоряжении было 700 казаков, бронепоезд, пехотный полк, только что прибывший с фронта, и несколько полевых орудий. Едва наша артиллерия открыла огонь, солдаты Петроградского гарнизона оставили свои позиции, и в погоню за ними бросились казаки. Однако правый фланг большевиков, где находились кронштадтские матросы, не дрогнул.

Несмотря на тактический успех под Пулковом, мы были вынуждены вновь отойти к Гатчине. У нас просто не было сил, ни чтобы преследовать бегущего противника, ни чтобы укрепиться вдоль протяженной линии военных действий.

В Гатчине моральный дух правительственных войск стал стремительно падать. Генерал Краснов и офицеры его штаба стали уговаривать меня вступить с большевиками в мирные переговоры. Я твердо выступил против, однако 31 октября военный совет решил направить в Петроград свою делегацию. К Гатчине вот-вот должны были подойти подкрепления с фронта. В Луге, ближайшем к Гатчине городе, весь гарнизон был на стороне правительства. И я решил на какое-то время заняться игрой. В Петрограде уже был создан центр антибольшевистских сил — "Комитет спасения родины и революции". Прибегнув в качестве курьера к помощи комиссара при Ставке Верховного командования Станкевича, я направил с ним непосредственно в адрес этого комитета свои условия перемирия, конечно же абсолютно неприемлемые для большевиков. Станкевич немедленно отбыл в столицу.

Глава 25

МОЯ ЖИЗНЬ В ПОДПОЛЬЕ

БЕГСТВО ИЗ ГАТЧИНЫ

31 октября 1917 года генерал Краснов направил делегацию казаков в Красное Село, вблизи Петрограда, для переговоров с большевиками о перемирии. Ранним утром 1 ноября делегация казаков возвратилась в Гатчину вместе с большевистской делегацией во главе с П. Дыбенко*. Переговоры между двумя делегациями начались в нижнем зале Гатчинского дворца в присутствии генерала Краснова и его начальника штаба полковника Попова.

Результатов этих переговоров я ожидал в комнате на втором этаже. Почти сразу после начала встречи ко мне вошло несколько моих друзей с тревожным сообщением, что переговоры подходят к концу и казаки согласились выдать меня Дыбенко в обмен на обещание отпустить их на Дон при лошадях и оружии.

В пустом Гатчинском дворце со мной рядом было лишь несколько верных мне людей, выступавших в роли посредников и державших меня в курсе проходивших переговоров. Мы знали о деморализации казачьих частей и о подрывной деятельности в войсках. И все же казалось невероятным, что генерал Краснов или офицеры казачьего корпуса опустятся до прямого предательства.

Генерал Краснов пришел ко мне приблизительно в 11 утра. Если у меня и раньше были основания относиться к нему с подозрением, то после разговора с ним подозрения мои еще более укрепились. Он стал убеждать меня отправиться в Петроград для переговоров с Лениным. Он уверял меня, что я буду в полной безопасности под защитой казаков и что другого выхода нет. Не стану вдаваться в подробности нашей последней встречи**. Оглядываясь назад, я понимаю, сколь трудно ему тогда пришлось, ибо по натуре своей он вовсе не был предателем.

Вскоре наверх прибежали мои "наблюдатели" и сообщили окончательные результаты переговоров. Меня передают Дыбенко, а казакам разрешено возвратиться на Дон.

Время близилось к полудню. Шум и крики внизу все усиливались. Я старался убедить близких мне людей спасаться бегством. Моего личного помощника Н. В. Виннера уговаривать не приходилось: мы с ним были полны решимости живыми не сдаваться. Мы намеревались, как только казаки и матросы станут искать нас в передних комнатах, застрелиться в дальних помещениях. В то утро 14 ноября 1917 года такое наше решение казалось логичным и единственно возможным. Мы стали прощаться, и тут вдруг отворилась дверь, и на пороге появились два человека — один гражданский, которого я хорошо знал, и матрос, которого никогда прежде не видел. "Нельзя терять ни минуты, — сказали они. — Не пройдет и получаса, как к вам ворвется озверевшая толпа.

---

*Красный матрос, который после Октябрьской революции сделал быструю карьеру. В 1938 году был казнен.

**После второй мировой войны союзники выдали Сталину генерала Краснова, и он был казнен в Москве.

Снимайте френч — быстрее!" Через несколько секунд я преобразился в весьма нелепого матроса: рукава бушлата были коротковаты, мои рыжевато-коричневые штиблеты и краги явно выбивались из стиля. Бескозырка была мне так мала, что едва держалась на макушке. Маскировку завершали огромные шоферские очки. Я попрощался со своим помощником, и он вышел через соседнюю комнату.

Гатчинский дворец, построенный безумным императором Павлом I в форме средневекового замка, был своего рода ловушкой. Со всех сторон окруженный рвом, он имел лишь единственный выход — через подъемный мост. Чтобы пройти сквозь толпу вооруженных людей к автомобилю, который ожидал нас во внешнем дворе, оставалось рассчитывать лишь на чудо. Вместе с матросом мы спустились по единственной лестнице вниз. Мы двигались как роботы, в сознании не было ни мыслей, ни ощущения опасности.

Без особых приключений мы добрались до внешнего двора, но никакого автомобиля там не обнаружили. В отчаянье, не произнеся ни слова, мы повернули обратно. Должно быть, выглядели мы весьма странно. Стоявшие у ворот с любопытством смотрели на нас, однако, по счастью, среди них были и наши люди. Один из них подошел к нам и прошептал: "Машина ждет у Китайских ворот. Не теряйте ни минуты!" Появился он как нельзя более кстати, ибо к нам уже двинулась толпа людей и положение наше становилось совсем отчаянным. Но тут один из обмотанных бинтами офицеров неожиданно "потерял сознание" и забился в конвульсиях, чем отвлек от нас внимание толпы. Не раздумывая, мы тотчас воспользовались этой помощью и побежали со двора в сторону Китайских ворот, от которых шла дорога на Лугу. Затем мы пошли не спеша и, чтобы не привлекать внимания, громко разговаривая.

Мое исчезновение было обнаружено минут через 30, когда ватага казаков и матросов ворвалась в мою комнату на верхнем этаже. Немедленно во все стороны были брошены автомашины, и снова нам улыбнулось счастье. Нам навстречу по пустынной улице медленно тащилась телега. Остановив ее, мы посулили вознице хорошее вознаграждение, если он довезет нас до Китайских ворот. У него буквально отвисла челюсть, когда два матроса сунули ему сторублевку. У ворот нас ждала машина. Я быстро занял место рядом с офицером-водителем, а позади расположились матрос и несколько солдат с гранатами в руках. Дорога до Луги была в превосходном состоянии, но мы все время оглядывались назад, ожидая в любой момент увидеть наших преследователей. Мы решили в случае их появления использовать до конца все имевшиеся у нас гранаты. Несмотря на всю напряженность, офицер-водитель казался совершенно спокойным и, управляя машиной, даже насвистывал какой-то веселый мотивчик из репертуара Вертинского.

Преследователи не догнали нас еще из-за одной удачи, которую подарила нам судьба. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, сохранил чувство верности ко мне. Он знал, что мы поехали в сторону Луги и, когда раскрылось наше исчезновение, поднял крик, заверив толпу, что на своем самом быстроходном автомобиле нагонит "негодяя". Понимая, что действительно без труда нагонит нас, он в дороге ловко организовал поломку машины.

Наконец мы подъехали к лесу. Заскрипели тормоза, и офицер произнес: "Выходите, Александр Федорович". Вместе со мной вышел и мой матрос, которого звали Ваня. Трудно было понять, где мы очутились, — вокруг были только деревья, и весьма озадаченный, я попросил объяснений. "Прощайте, — сказал офицер, — Вам все объяснит Ваня.

Нам же надо ехать". Он нажал на акселератор и исчез. "Понимаете. — сказал Ваня, — у моего дяди здесь в лесу дом. Места тут тихие и спокойные. Я, правда, не был здесь два года. Но если в доме нет прислуги, бояться нечего. Давайте рискнем, Александр Федорович!"

Мы двинулись по заросшей тропинке в глубь леса. Мы шли, окруженные мертвой тишиной, не думая и не размышляя о том, что нас ждет впереди. Я безгранично верил этим незнакомым мне людям, которые по каким-то причинам так беззаботно рисковали своей жизнью ради моего спасения. Время от времени Ваня останавливался, чтобы убедиться в правильности пути. Я потерял счет времени. дорога стала казаться бесконечной. Внезапно мой спутник сказал: "Мы почти пришли". На полянке перед нами стоял дом. "Посидите тут, а я посмотрю, что там делается". Ваня исчез в доме и почти тотчас же вернулся со словами: "Никакой прислуги. Служанка ушла вчера. Мои дядя и тетя будут счастливы видеть вас. Пойдемте".

ДОМИК В ЛЕСУ

Так началась моя жизнь в лесном приюте, где мне предстояло провести 40 дней.

Болотовы — чета немолодых людей — сердечно приветствовали меня. "Не беспокойтесь. Все будет хорошо", — утешили они меня. Убежище в своем доме они предложили мне с удивительным добросердечием и душевной щедростью, даже намеком не дав мне понять, какому ради меня риску подвергают себя. Они наверняка понимали, какая им грозила опасность, ибо 27 октября газета "Известия" под заголовком "Арест бывших министров" опубликовала следующее сообщение: "Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и другие арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставки его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление".

Мои преследователи повсюду искали меня. Им и в голову не пришло, что я скрываюсь под самым их носом, между Гатчиной и Лугой, а не где-нибудь на Дону или в Сибири. А мне тем временем не оставалось ничего другого, как затаиться, занявшись, насколько это возможно, изменением своей внешности. Я отрастил бороду и усы. Бороденка была жиденькая, она кустилась лишь на щеках, оставляя открытыми подбородок и всю нижнюю часть лица. И все же в очках, со взъерошенными патлами по прошествии 40 дней я вполне сходил за студента-нигилиста 60-х годов прошлого века.

Те долгие ноябрьские ночи никогда не изгладятся из моей памяти. Мы постоянно были начеку, и Ваня ни на минуту не покидал меня. Под рукой мы все время держали гранаты, готовые в любой момент пустить их в ход. Днем нас окружал мирный, солнечный покой, а прошлое казалось призрачным и нереальным. Ночью же я не находил себе места от обуревавших меня кошмаров, от трагических видений тех событий, которые потрясли и потрясали мою страну. И все время сердце терзал страх — не столько за собственную участь, сколько за моих добрых хозяев. Стоило ночной мгле огласиться собачьим лаем из соседней деревни, мы вскакивали с кроватей и с гранатами в руках бросались к двери. Временами, особенно в первые дни моего пребывания в доме новых друзей, меня ночами порой охватывало

такое отчаяние, что приход преследователей и арест казались счастливым избавлением. Это, по крайней мере, избавило бы меня от мучительных мыслей и страданий.

Однако мало-помалу у меня стало появляться ощущение, что большевики потеряли мой след и непосредственная угроза миновала. С помощью Вани я установил связи с Петроградом. Стали поступать последние новости, время от времени появлялись надежные посланцы от друзей. Я понимал, что мой долг — продолжить борьбу и служить делу России до самого конца. Я немало поездил по стране и знал, что люди, независимо от сословной принадлежности, не смирятся без борьбы с игом диктатуры. Я был уверен, что стоит Ленину и его приспешникам сбросить маску поборников демократии и патриотизма, в столице тотчас же рассеется отравленная атмосфера беспардонной большевистской пропаганды.

Первыми против ленинской узурпации власти выступили руководители Совета крестьянских депутатов, которые 26 октября опубликовали следующее заявление:

"Товарищи крестьяне!

Все добытые кровью ваших сынов и братьев свободы находятся в страшной, смертельной опасности!

Гибнет революция! Гибнет родина!

На улицах Петрограда вновь проливается братская кровь. Вновь вся страна брошена в бездну смуты и развала. Вновь наносится удар в спину армии, отстаивающей родину и революцию от внешнего разгрома.

26 октября партия социал-демократов большевиков и руководимый ею Петроградский Совет Р. и С. Д. захватили в свои руки власть, арестовали, после орудийного и пулеметного обстрела, в Зимнем дворце и заточили в Петропавловскую крепость Временное правительство и министров-социалистов, в числе которых были члены Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов — С. Л. Маслов и С. С. Салазкин, разогнали вооруженной силой Временный Совет Российской Республики, избранный для контроля над деятельностью Временного правительства до Учредительного собрания. Наконец они объявили государственным преступником министра-председателя, Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского.

Неисчислимы бедствия, которые несет России это выступление, неизмеримо преступление против народа и революции тех, кто поднял восстание и посеял смуту в стране. Они, во-первых, разъединяют силы трудового народа, внося в его ряды смуту и разлад и облегчая внешнему врагу возможность полного разгрома и порабощения нашей страны.

Удар по армии — первое и самое тяжкое преступление партии большевиков!

Во-вторых, они начали гражданскую войну и насильственно захватили власть в тот самый момент, когда Временное правительство, заканчивая выработку закона о переходе всех земель в ведение земельных комитетов, исполняло давнишнее желание всего трудового крестьянства и когда до прихода полномочного хозяина земли русской — Учредительного собрания — оставалось всего только три недели. Они обманывают страну, называя голосом всего народа, всей демократии, собравшийся в Петрограде съезд Советов, из которого ушли все представители фронта, социалистических партий и Советов крестьянских депутатов. Злоупотребляя присутствием нескольких крестьян, оказавшихся на этом съезде, вопреки постановлению Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов... они осмеливаются говорить, будто они опираются на Советы крестьянских депутатов.

Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов крестьянских депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство — Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов — с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся.

Большевики обещают народу немедленный мир, хлеб, землю и волю. Ложь и бахвальство — все эти посулы, рассчитанные на усталость народных масс и на их несознательность. Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, земля и воля, а гражданская война, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута и нагайки несут они, увеличивая смуту и облегчая темным силам восстановить проклятый царский порядок.

Поэтому, полагая, что совершившийся переворот ставит страну и армию под угрозу немедленного разгрома, отодвигает созыв Учредительного собрания, и не может создать власти, пользующейся всенародным признанием. Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов считает своим священным долгом перед собственной совестью и перед всей страной заявить, что он не признает новой большевистской власти государственной властью и призывает местные Советы крестьянских депутатов, органы местного самоуправления и армию не подчиняться этой насильственно созданной власти, в то же время соблюдать полный порядок и охранять страну от внешнего разгрома. Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов ставит своей задачей:

1. Воссоздание власти, пользующейся всеобщим признанием и могущей довести страну до Учредительного собрания.

2. Созыв Учредительного собрания без изменения избирательного закона.

3. Взятие всех земель в ведение земельных комитетов".

Этот исторический документ был опубликован в эсеровской газете "Дело народа" 28 октября 1917 года. Я целиком цитирую его потому, что в нем содержится категорическое опровержение утверждения большевиков, будто русское крестьянство с энтузиазмом приветствовало большевистскую революцию, став оплотом нового режима. Даже сегодня крестьянство из всех слоев советского населения является самым непримиримым врагом тоталитарной диктатуры, лишившей его свободы, отнявшей у него землю и восстановившей в новой форме рабский труд.

8 или 9 ноября два моих верных друга доставили мне петроградские газеты и среди них горьковскую "Новую жизнь" от 7 ноября. Точка зрения Горького на ленинский режим была несколько неожиданной и потому стоит привести ее: "Ленин, Троцкий и их приспешники отравились гнилым ядом власти, как это явствует из их отношения к свободе слова, личности и всех прав, во имя которых боролась демократия. Подобно слепым фанатикам и безответственным авантюристам с головокружительной быстротой они несутся к так называемой "социальной революции", которая на самом деле ведет лишь к анархии и гибели пролетариата и революции. Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет... Рабочие не должны позволить авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетари-

ата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам пролетариат. Рабочий класс должен понять, что Ленин — не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата".

А в статье, опубликованной в "Деле народа", говорилось: "Через неделю должны были бы уже состояться выборы в Учредительное собрание. Кровавая авантюра большевиков нанесла страшный удар этому ожидавшемуся с такими надеждами торжеству русской трудовой демократии... Насильственный переворот создал в стране условия и психологию, совершенно противоречащие тому настроению умов, которое должно было бы господствовать во время выборов. Пуля — не избирательный бюллетень, и штык — не избирательный манифест...

Где свобода слова? Где свобода печати? Где неприкосновенность личности? Где вся та атмосфера оживленной, но мирной выборной кампании?..

Петроград, Москва, Киев, Одесса, Харьков, Казань испытали на себе прелести "диктатуры пролетариата". Пушки и ружья, сабли и штыки вели достаточно недвусмысленную агитацию за большевиков в этих центрах. Чем будет воля народа в этих избирательных округах, где террор прошелся своим кровавым плугом по улицам и домам?.."*

Эти статьи побудили меня написать 8 ноября открытое письмо, которое доставили в Петроград мои верные друзья. Позднее, 22 ноября 1917 года, оно было помещено в газете "Дело народа": "Опомнитесь! Разве вы не видите, что воспользовались простотой вашей и бесстыдно обманули вас? Вам в три дня обещали дать мир с германцами, а теперь о нем молят предатели. Зато все лицо земли русской залили братской кровью, вас сделали убийцами, опричниками. С гордостью может поднять свою голову Николай II. Поистине никогда в его время не совершалось таких ужасов. Опричники Малюты Скуратова — и их превзошли опричники Льва Троцкого.

Вам обещали хлеб, а страшный голод уже начинает свое царство, и дети ваши скоро поймут, кто губит их.

Вам обещали царство свободы, царство трудового народа. Где же эта свобода? Она поругана, опозорена. Шайка безумцев, проходимцев и предателей душит свободу, предает революцию, губит родину нашу. Опомнитесь все, у кого еще осталась совесть, кто еще остался человеком!

Будьте гражданами, не добивайте собственными руками родины и революции, за которую восемь месяцев боролись! Оставьте безумцев и предателей! Вернитесь к народу, вернитесь на службу родине и революции!

Это говорю вам я — Керенский. Керенский, которого вожди ваши ославили "контрреволюционером" и "корниловцем", но которого корниловцы хотели предать в руки дезертира Дыбенки и тех, кто с ним.

Восемь месяцев, по воле революции и демократии, я охранял свободу народа и будущее счастье трудящихся масс. Я вместе с лучшими привел вас к дверям Учредительного собрания. Только теперь, когда царствуют насилие и ужас ленинского произвола — его с Троцким диктатура, — только теперь и слепым стало ясно, что в то время, когда я был у власти, была действительная свобода и действительно правила

* Дело народа. 1917. 5(18) ноября.

демократия, уважая свободу каждого, отстаивая равенство всех и стремясь к братству трудящихся.

Опомнитесь же, а то будет поздно и погибнет государство наше. Голод, безработица разрушат счастье семей ваших и снова вы вернетесь под ярмо рабства.

Опомнитесь же!"*

Жизнь в те дни казалась мне почти невыносимой. Я знал, что в ближайшее время Россию ожидают еще более страшные удары. Ибо цели ленинского восстания — диктатура посредством сепаратного мирного договора с Германией — можно было добиться лишь безжалостным террором, разрушением армии, ликвидацией демократических структур, созданных Февральской революцией.

СТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ

24 октября 1917 г., выступая на последнем заседании Совета республики, я указал на две ближайшие цели большевиков: 1) открыть фронт немцам и 2) не допустить созыва Учредительного собрания.

В пятницу, 27 октября, официальный орган ВЦИК — газета "Известия", к тому времени, конечно, полностью контролируемая большевиками, опубликовала знаменитый Декрет о мире, принятый вторым съездом Советов. Он вызвал энтузиазм пацифистов и недальновидных политиков, на которых огромное впечатление произвело выраженное в нем желание установить отношения дружбы между всеми народами мира. В своем обращении "ко всем воюющим народам и к их правительствам" миротворцы из Смольного института призывали к немедленным переговорам о мире в подлинном демократическом духе, миру без аннексий и контрибуций. В том же номере "Известий" было помещено обращение второго съезда Советов к "Рабочим, солдатам и крестьянам!".

"Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам"**.

Смысл такого заявления был достаточно ясен: если Германия отклонит предложение о мире, советское правительство начнет "революционную войну", которой постоянно грозили Ленин и Троцкий перед Октябрьской революцией. С этих позиций и развернулась пресловутая кампания за так называемый "демократический мир".

Напыщенный и возвышенный стиль Декрета о мире отражал пустую демагогию, рассчитанную на завоевание симпатий масс путем раздувания надежд на немедленный мир "между народами". Истинной цели этого декрета больше соответствовало замаскированное положение, которое включил в него Ленин, без сомнения адресованное Берлину и находившееся в прямом противоречии с задачами Декрета. "Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на

* Дело народа. 1917. 22 ноября (5 декабря).

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 12. — *Прим. ред.*

безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира".

Как и следовало ожидать — что, безусловно, предвидел и сам Ленин — никакого ответа на переданное по радио обращение ко всем народам и правительствам воюющих стран не последовало. 8 ноября Троцкий направил послам союзных стран ноту, в которой рекомендовал рассматривать Декрет о мире как "формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров".

В соответствии с этим Совет Народных Комиссаров дал распоряжение главнокомандующему генералу Духонину начать прямые переговоры об установлении мира с неприятелем на линии фронта. Этот приказ был передан по радио поздно вечером 8 ноября, несколько ранее того, как в армейских штабах утром 9 ноября был получен текст ноты, направленный послам союзных стран.

Прождав в нетерпении ответа Духонина, который так и не поступил к исходу дня 8 ноября, Ленин, Сталин и Крыленко в ночь на 9 ноября вызвали его по линии прямой связи. Разговор, который имел для генерала самые трагические последствия, длился ночью. На требование Ленина дать "ясный ответ" честный солдат и патриот заявил: "Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность, для достижения результатов, я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира".

Однако этот откровенный ответ вызвал у Ленина лишь раздражение, и дальнейший разговор проходил следующим образом:

"Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить данное нами предписание?

Ставка: Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством".

Ответ на эти слова, как записано на телеграфной ленте, звучал следующим образом: "Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам, под страхом ответственности по законам военного времени, продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко". Подписано Лениным, Сталиным, Крыленко"*.

От имени Совета Народных Комиссаров, который не имел ни малейшего представления о положении дел на фронте, Ленин тут же на обрывке бумаги написал приказ, коим снимал с должности генерала Духонина и назначал на его место прапорщика Крыленко.

Затем Ленин обратился по радио совместно с Крыленко с призывом ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, а также к солдатам и матросам вступить в формальные переговоры о мире. Призыв завершался такими словами: "Солдаты!

---

* Дело народа. 1917. 10(23) ноября.

Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклоняться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам право на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках. Бдительность, выдержка, энергия и дело мира победит!"*

Такое развитие событий поставило в тупик многих людей. Даже внутри Центрального Комитета большевистской партии ощущались напряженность и страх. Однако, несмотря на отдельные и запоздалые попытки сопротивления, Ленину удалось добиться первой из своих целей. Он нанес смертельный удар русской армии и, по сути дела, отдал страну на милость кайзера Вильгельма.

Однако германское Верховное командование не спешило воспользоваться преимуществами создавшегося положения. Стремясь сохранить свои силы для предстоящих боев на Западном фронте, оно предпочитало выступить в роли наблюдателя процесса распада русской армии.

Когда этот процесс зашел достаточно далеко, австро-германское Верховное командование 14 ноября приняло предложение Крыленко о переговорах по установлению перемирия на "демократических условиях", предложенных Лениным всем воюющим сторонам.

Одновременно большевики сообщили по радио, что мирные переговоры откладываются на 5 дней до 19 ноября, с тем чтобы дать возможность принять в них участие союзникам России. В тот же день, однако, между русской и австро-германской сторонами было достигнуто соглашение о прекращении огня. Также 14 ноября в Могилев был отправлен отряд солдат и матросов во главе с Крыленко для захвата Ставки Верховного главнокомандования. Операция была успешно завершена 20 ноября. Генерала Духонина, которого арестовали и отправили под конвоем поездом в Петроград, по пути вытащили из вагона и убили перепившие солдаты и матросы Крыленко.

20-го же начались переговоры о заключении сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Тогда мне казалось, что немцы и большевики стремительно приближаются к завершению переговоров и в самом скором времени в Брест-Литовске, где располагалась ставка германского командования на Восточном фронте, будет подписан мирный договор.

Однако переговоры тянулись в течение трех месяцев, пока 3 марта 1918 года договор не был в конце концов подписан**.

* Дело народа. 1917. 10(23) ноября.

** Григорианский календарь, предусматривавший введение "нового стиля", был введен 14 февраля 1918 года.

ПОДГОТОВКА К СЕПАРАТНОМУ МИРУ

Хотя всей Россией владело искреннее стремление к миру, идея унизительного мирного договора была приемлема лишь для фанатиков "мировой революции", дезертиров, деморализованных пораженческой пропагандой, и для подонков из рабочей массы — люмпен-пролетариев.

Ленин отдавал себе отчет, что большинство русских демократов решительно выступает против капитуляции перед Германией. Более того, с ним не было согласно и большинство внутри его же партии. Понимал он также, что Учредительное собрание никогда не утвердит сепаратного мира с Германией.

На следующий день после Октябрьской революции в "Правде" огромными буквами был напечатан лозунг: "Товарищи! Проливая свою кровь на фронте, вы обеспечиваете своевременный созыв Всероссийского Учредительного собрания"*. Рассчитанный прежде всего на матросов и солдат, преднамеренно одурманенных лживой пропагандой, призыв этот был чистым жульничеством. Под выдуманным предлогом необходимости отсрочки выборов для приведения положений избирательного закона в соответствие с радикально изменившейся ситуацией Ленин вознамерился сразу же после Октябрьской революции отложить созыв Учредительного собрания.

Однако против такой отсрочки решительно выступили Бухарин и его сторонники, утверждавшие, что, после шумной кампании большевиков против планов "Корнилова — Керенского" "торпедировать" выборы, население истолкует такой шаг как попытку вообще похоронить Учредительное собрание.

Ленину пришлось уступить. Более того, он даже усмотрел определенные тактические преимущества для себя, по крайней мере на то время, в укреплении веры у масс в то, что большевики не отважатся поднять руку на институт, который в глазах общественности все еще выглядел как святое учреждение.

Выборы состоялись в середине ноября, в день, установленный Временным правительством. Из общего числа 707 мест большевики завоевали лишь 175. Более того, большевистская фракция в Учредительном собрании оказалась под контролем Каменева, Ларина, Рыкова и других, т. е. так называемого "бюро", возглавляемого лидерами правого крыла большевиков, которые настойчиво выступили против роспуска Учредительного собрания, когда в начале декабря такая идея была выдвинута "ленинцами" в Центральном Комитете. "Бюро" настаивало на созыве партийной конференции для выработки отношения партии к Учредительному собранию и поспешно вызвало в Петроград всех тех членов партии, которые были избраны в собрание. Видя, что фракция большевиков в Учредительном собрании пользуется поддержкой большинства рядовых членов партии, особенно в провинции, Ленин решил пустить в ход против "бюро" драконовские меры.

На заседании Центрального Комитета 11 декабря Ленин предложил: 1) сместить бюро фракции Учредительного собрания; 2) изложить фракции наше отношение к Учредительному собранию в виде тезисов; 3) составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений ЦК; 4) назначить члена ЦК для руководства фракцией; 5) выработать устав фракции. Все эти предложения были немедленно одобрены и приняты к исполнению.

---

* В "Правде" ("Рабочем пути") такого призыва не было. — *Прим. ред.*

Ленинские "Тезисы об Учредительном собрании" были опубликованы 12 декабря. Подвергнувшись накануне "дисциплинарому" воздействию и оказавшись под управлением члена Центрального Комитета, фракция была вынуждена капитулировать и "единогласно" согласиться с тезисами. Тезисы были изложены предельно четким языком, а предупреждение, содержавшееся в них, не оставляло никаких сомнений. Не стану цитировать полностью этот текст и ограничусь лишь изложением сути рассуждений Ленина о будущем Учредительного собрания.

В 14-м тезисе совершенно справедливо говорится о том, что лозунг "Вся власть Учредительному собранию" означает кампанию за отмену Советской власти. И если бы Учредительное собрание, продолжает далее Ленин, разошлось с Советской властью, оно было бы неминуемо осуждено на политическую смерть.

В 15-м тезисе записано: "К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире". И Ленин приходит к выводу: "...несоответствие между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно".

Особенно красноречив 18-й тезис: "Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетски-калединской контрреволюции".

Сторонникам Учредительного собрания было четко заявлено, что они должны "либо подчиниться, либо уйти". Такое предупреждение в еще более откровенной форме звучит в 19-м тезисе: "...кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти..."*

Лишь в результате такого давления на большевистскую фракцию в Учредительном собрании стало возможным развернуть кампанию в пользу заключения сепаратного мирного договора, однако и при этом она велась в основном в пределах самой партии и крайне осторожно.

КАПИТУЛЯЦИЯ

18 декабря Крыленко сообщил Совету Народных Комиссаров о том, что российская армия неспособна более вести боевые действия. Германское верховное командование конечно же знало об этом. А тем временем в Берлине взяли верх крайние милитаристские силы, ослепленные идеей мирового господства. Главу германской делегации на переговорах в Брест-Литовске умеренного министра иностранных дел фон Кюльмана вскоре сменил генерал Макс фон Гофман. Среди других участников мирной конференции, открывшейся в Брест-Литовске 9 декабря, были министр иностранных дел Австрии граф Оттокар Чернин, верховный визирь Турции Талаат-паша, премьер-министр Болгарии В. Радославов, а также командующий германским Восточным фронтом принц Лео-

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 164—166.

польд Баварский, который председательствовал на конференции по особо торжественным случаям.

Когда после длительного перерыва мирная конференция 2 января 1918 года возобновила свою работу, германская делегация стала настаивать на праве сохранить "по стратегическим соображениям" свои войска на территории Польши, Литвы, Белоруссии и Латвии.

Общественность России пришла в замешательство. Многие из самых яростных противников Ленина были готовы вместе с ненавистными большевиками выступить на защиту отечества. Условия, выдвинутые немцами, грозили расколоть большевистскую партию. В партийных комитетах, в городах, на Балтийском флоте и даже в некоторых большевистских полках все громче стали звучать голоса протеста и требования разорвать переговоры с "германскими империалистами" и начать "революционную войну". Для Ленина было абсолютно очевидно, что такая революционная война неизбежно приведет к его падению и уже никогда не сбудется его мечта превратить Россию в базу для грядущей пролетарской революции на Западе. А это значит, что надо любой ценой задушить патриотические чувства, столь неожиданно пробудившиеся даже в сердцах партийных лидеров.

8 января 1918 года, сразу после роспуска Учредительного собрания, в Петрограде было созвано совещание членов ЦК партии с партийными работниками. В нем приняли участие 63 делегата, прибывшие из всех частей страны. Ленин сразу же решил взять быка за рога и зачитал свои "Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира"*, которые подготовил специально для этого случая.

В отличие от тезисов по Учредительному собранию этот документ был весьма расплывчат и противоречив и, что еще более нехарактерно для Ленина, был выдержан в оборонительной тональности, как об этом можно судить из следующего весьма своеобразного заключения: "Тот, кто говорит: "мы не можем подписать позорного, похабного и прочее мира, предать Польшу и т. п.", не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только *еще более* усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и других стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы "патриотическим" миром с *точки зрения России*, но нисколько не перестал бы быть миром с *аннексионистами*, с германскими империалистами".

Ленин потерпел на совещании поражение, и резолюция в поддержку революционной войны была принята абсолютным большинством в 32 голоса. Неопределенная формула Троцкого "ни мира, ни войны", которая по сути своей носила антиленинский характер, получила 16 голосов. Лишь Ленин, Зиновьев и 13 их сторонников проголосовали за "позорную и постыдную" капитуляцию. Ленин не нашел другого выхода из создавшегося положения, как сделать "шаг назад", чтобы выиграть время.

Троцкий тут же пустил в ход все свое красноречие против презренной капитуляции и даже начал заигрывать с бывшими союзниками России. Однако тактика проволочек со стороны большевиков усилила раздражение немцев, и, стремясь положить конец всем этим маневрам, они решили продемонстрировать силу. 10 февраля они внезапно объявили о прекращении мирных переговоров, а 18 февраля Верховное командование Германии предприняло наступление в направлении Петрограда.

18 февраля в Смольном было созвано чрезвычайное заседание Центрального Комитета, однако ленинское предложение об "аннексионист-

---

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243—252.

ком" мире было отклонено семью голосами против шести. Позднее же, в тот же день, с нарастанием панических настроений Троцкий изменил свою позицию, и за ленинское предложение проголосовало в конце концов семь человек при шести выступивших против. Было немедленно принято решение направить в Берлин радиограмму о согласии с первоначальными требованиями и готовности, если необходимо, вести переговоры даже на более жестких условиях. Радиограмму подписали Ленин и Троцкий.

Лишь заручившись голосами большинства в Центральном Комитете большевистской партии, поддержавшего капитуляцию перед кайзером, и отправив унизительную радиограмму в Берлин, Ленин решился открыто выступить против поборников "революционной войны" и в поддержку сепаратного мира. Но даже теперь он сделал это, прикрывшись псевдонимом. 21 февраля 1918 г. "Правда" поместила статью "О революционной фразе" за подписью "Карпов". 24 февраля "Известия"* опубликовали январские "Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира". 28 февраля в Брест-Литовск прибыла новая большевистская делегация, чтобы безоговорочно принять тяжелые и безжалостные условия мира. Тем не менее триумфальное продвижение германских войск в направлении Петрограда продолжалось вплоть до 3 марта, когда был официально подписан мирный договор. Именно в этот день части генерала Людендорфа вступили в Нарву, расположенную на границе с Петроградской губернией.

Таким образом, ради того чтобы заключить сепаратный мирный договор, Ленин был вынужден скрыть свои планы даже от ближайших соратников, сломить сопротивление большевистской фракции в Учредительном собрании и распустить это собрание, прежде чем поведать партийной элите свои тезисы о сепаратном и аннексионистском мире.

Иногда мне кажется, что Россия только выгадала, если бы Ленин действовал более расторопно и принял условия, предложенные более умеренным фон Кюльманом. Однако у него не хватило мужества преждевременно сбросить с себя облачение борца "за всеобщий и справедливый мир в интересах трудящихся", и его двойная игра лишь усилила апетиты берлинских претендентов на мировое господство.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТРОГРАД

К концу пребывания в лесной сторожке меня стала преследовать навязчивая идея: попытаться пробраться в Петроград к открытию Учредительного собрания. Я считал, что это мой последний шанс изложить стране и народу, что я думаю о создавшемся положении.

В начале декабря к сторожке подкатило двое саней. Из них вывалилось несколько солдат в папахах, с ружьями и гранатами в руках. Это были надежные и отважные друзья, которые должны были отвезти меня в тайное лесное убежище, расположенное по дороге в Новгород.

Лесное поместье принадлежало богатому лесопромышленнику З. Беленькому. Зимой оно было полностью отрезано от внешнего мира, а полуразвалившийся дом утопал в снежных сугробах. Сын Беленького проходил службу в гарнизоне Луги, и это он организовал мое бегство из Гатчины. Теперь он приехал, как и обещал, за мной. Появление "большевиков" до смерти перепугало моих дорогих хозяев, и успокоились они лишь, когда узнали зачем явились мои гости.

Я переоделся, чтобы не отличаться от своих спутников. На прощанье

* Так у автора. — *Прим. ред.*

чета стариков, не удержавшись от слез, подарила мне маленькую нательную иконку. Эта иконка — единственная вещь, которую я взял с собой, покидая Россию. Сердце мое разрывалось от печали, и я ничем не мог отплатить им за их доброту. Денег они бы не приняли, у меня не было даже возможности спасти их от возможных последствий оказанного мне теплого гостеприимства. Мой спутник матрос Ваня возвратился на свой корабль.

Молодой Беленький, я, а также три или четыре солдата ехали в первых санях, за которыми следовали вторые с пятью солдатами. Никто не обращал на нас никакого внимания, ибо повсюду теперь было полным-полно солдат, дезертировавших с фронта. К месту назначения мы приехали ясной морозной зимней ночью. Несмотря на угрозу Советского правительства строго расправиться с теми, кто окажет мне помощь, мои спутники были в превосходном настроении. Они проявляли ко мне подчеркнутое внимание, словно стремясь успокоить и ободрить. Прожив со мной целую неделю, Беленький на несколько дней уехал в Петроград, а по возвращении предложил перебраться поближе к городу. Мы снова уселись в сани, держа наготове ружья и гранаты, но при этом распевая армейские песенки и не переставая шутить и смеяться.

Неожиданная неприятность поджидала нас на окраине Новгорода. Беленькому дали неправильный адрес, и мы подъехали к дому, оказавшемуся штаб-квартирой местного Совета. Со всей возможной поспешностью мы кинулись прочь, двинувшись в противоположном направлении, пока не отыскали нужного дома, в котором, как выяснилось, размещался приют для душевнобольных. Мы въехали прямо во двор и остановились у женского отделения, где проживал директор заведения. Мы вошли в дом вдвоем с Беленьким. Нам хотелось по возможности произвести наилучшее впечатление. Директор, которого предупредили о нашем приезде, сердечно приветствовал нас и предложил обоим гостеприимство, однако Беленький поспешил вернуться к своим сотоварищам, и мы остались с доктором одни. С первых слов он попросил меня ни о чем не тревожиться. Когда я поинтересовался, есть ли повод для тревоги, он сказал: "Видите ли, я почти не бываю здесь днем, а дверь никогда не закрывается. Время от времени сюда заходят сестры и многие другие из больничного персонала. Но при вашем нынешнем облике никто не признает вас. Впрочем, больничный персонал безо всякой симпатии относится к большевикам. Это — хорошие люди".

Шесть дней провел я в больнице, не испытывая никаких неудобств. У директора была превосходная библиотека, и он получал все газеты. День я посвящал чтению, а по вечерам мы с ним беседовали.

Вскоре, как всегда неожиданно, вновь появились мои друзья, чтобы отвезти меня дальше, до следующей остановки. Директора дома не было, когда вошел Беленький и кратко бросил: — Едем. Сани уже ждут.

— Куда теперь? — спросил я.

Он рассмеялся.

— Поближе к столице. Какое-то время поживем в поместье около Бологого*.

Стояло солнечное зимнее утро. Лошади бежали резво, сани плавно скользили по укатанной колее.

В полдень мы решили отдохнуть в каком-нибудь укромном спокойном местечке. На окраине одной из деревень нам приглянулся постоялый двор. Пожилая хозяйка провела нас в самую лучшую из комнат. Там было тепло и уютно, а на стене над диваном висела литография с моим изображением. Положение было настолько комичным, что мы

---

* Крупная железнодорожная станция на полпути между Москвой и Петроградом.

разразились смехом и долго не могли остановиться. Хозяйка с удивлением смотрела на нас, видимо, не имея ни малейшего представления о том, кто я такой, и когда мы наконец перестали хохотать, спросила, с какого мы фронта. Обед, которым она накормила нас, был превосходен. Усевшись снова в сани, мы опять стали смеяться и кто-то сказал: "Представляете, она так и не поняла, в чем дело. Ей и в голову не пришло, кто вы есть на самом деле, и отнюдь не из-за бороды, которую вы отрастили".

Доставив меня в поместье вблизи Бологого, мои друзья в тот же день уехали. На обратном пути они остановились на том же постоялом дворе. Хозяйка была рада вновь увидеть их и шепотом спросила:

— Он в безопасности?

— Да, бабуся, — ответил один из моих друзей. И тут она перекрестилась.

Поместье было довольно большое, дом со всех сторон окружал густой лес. Мы остановились на поляне у охотничьего домика, откуда виднелась лишь крыша центральной усадьбы. В домике были две комнатушки. В большой стояла железная печка, в углу лежала охапка поленьев. Кроватей не было, но зато в избытке соломы. Мы разожгли в печке огонь, вскипятили в огромном чугунке воду и заварили чай. Затем с удовольствием улеглись на соломе. На следующий день Беленький пошел в центральную усадьбу повидаться с хозяевами, которые рассыпались в извинениях. Они ожидали нас несколькими днями позже, а потому не в полной мере подготовили охотничий домик. В дом они пригласить нас не рискнули, опасаясь слуг, а также многочисленных гостей, приехавших к ним на Рождество. После этого к нам проявили максимум внимания и в этом охотничьем домике мы чувствовали себя превосходно. Мне дали лыжи, и я прошел на них немало километров по лесным тропам. Дни стояли холодные, но кристально ясные и солнечные.

В канун Рождества наши хозяева прислали для нашего стола роскошное угощение. А на Новый год, последний, который я провел в России, хозяева пригласили нас к себе: им удалось на день отправить из дома всю прислугу.

На следующий день мне предстояло выехать в столицу. Беленький объявил, что отправляться надо без промедления. Рассказал, что центральные комитеты антибольшевистских социалистических партий высказались против проведения вооруженных демонстраций в день открытия Учредительного собрания и предложили организовать в его поддержку лишь сугубо мирные манифестации.

Положение сложилось весьма абсурдное. Лозунг "Вся власть Учредительному собранию" потерял отныне всякий смысл. Для законно избранного Учредительного собрания было абсолютно невозможным сосуществование с диктатурой, которая отвергала саму идею народного суверенитета. Учредительное собрание имело смысл лишь в том случае, если бы оно получило поддержку правительства, признающего его как верховную политическую власть*.

К концу 1917 года в России такого правительства уже не было. Лозунг "Вся власть Учредительному собранию" звучал теперь лишь как объединяющий призыв для всех сил, готовых продолжить борьбу с узурпаторами.

По причинам, которых я в то время не знал, "Комитет защиты Учредительного собрания" оказался неспособным вести эффективную борьбу. При всем при этом, говорил я себе, даже если Учредительное собрание обречено на гибель, пусть оно выполнит свой долг перед народом и страной, уйдя со сцены с достоинством и оставив людям нетленный дух свободы.

---

* Я довольно часто высказывал эту точку зрения тем людям, с которыми встречался, находясь в подполье.

Предполагалось, что я сяду в ночной московский поезд, который останавливался в Бологом в 11 вечера. Поезда были в то время всегда переполнены, вагоны дышали на ладан, освещения, особенно в купе третьего класса, практически не было. Мне сказали номер вагона, где уже находились мои сторонники, я должен был забиться в угол купе и постараться не привлекать к себе внимания. На вокзал мы прибыли вовремя и в ожидании поезда, который опаздывал, стали расхаживать вдоль платформы. Меня по-прежнему сопровождали вооруженные гранатами люди, однако мы настолько привыкли к такой форме существования, что уже не думали о мерах предосторожности и довольно громко разговаривали. Неожиданно один их моих ангелов-хранителей подошел ко мне и прошептал: "Будьте осторожны. За вами следят железнодорожники с другой стороны платформы. Посмотрите, они идут за нами". Мы замолкли. Группка железнодорожников перешла с московской платформы на нашу и направилась прямо к нам. У всех пронеслась одна и та же мысль: все пропало. Однако подошедшие сняли в знак уважения фуражки и сказали: "Александр Федорович, мы узнали вас по голосу. Не беспокойтесь, мы вас не выдадим!" Так удвоилась моя личная охрана! После этого все пошло как по маслу. Прибыл поезд, нам удалось втиснуться в нужный вагон, почти не освещенный. Безо всяких происшествий мы доехали до Петрограда, где извозчик доставил нас по условленному адресу.

Учредительное собрание должно было открыться 5 января 1918 года и, казалось, все идет по намеченному мною плану. Через три дня я надеялся быть в Таврическом дворце, на открытии собрания. 2 января меня посетил член фракции эсеров в Учредительном собрании Зензинов. Завязавшаяся беседа, поначалу очень дружеская, вскоре обернулась ожесточенным спором. Я и сегодня с болью вспоминаю тот разговор. Я сказал ему, что считаю своим долгом присутствовать при открытии Учредительного собрания. Хотя у меня и не было пригласительного билета в Таврический дворец, я рассчитывал, изменив внешность, пройти по билету какого-нибудь малоизвестного депутата из провинции. Я рассчитывал на помощь в получении такого билета, самонадеянно понадеявшись, что мои друзья в Учредительном собрании позаботятся об этом. Но они наотрез отказались. Зензинов заявил, что мое появление на открытии сопряжено с огромной опасностью, и я не имею права идти на такой риск. Он особо подчеркнул, что я главный враг большевиков. Я возразил, что сам волен распоряжаться своей жизнью, что он не сможет переубедить меня и что я уверен в правильности своего решения. Если бы меня заточили в Петропавловскую крепость, тогда я физически не смог бы присутствовать на открытии собрания, а, коль скоро я на свободе, мой долг — быть там. Я напомнил ему о статье, которая под заголовком "Судьба Керенского" появилась 22 ноября 1917 года в газете эсеров "Дело народа".

"Недавний официальный глава Российской республики и революции должен сейчас где-то скрываться и скитаться, а имя Керенского сделалось почти запретным именем согласно повелению тех, кто захватил вооруженной рукой власть в государстве.

Сейчас Керенский ушел из политической жизни, но с созывом Учредительного собрания он к ней вернется. И тогда он даст отчет в своей деятельности народу, который в Учредительном собрании сумеет оценить по заслугам все положительное и все отрицательное, что имелось в политической деятельности А. Ф. Керенского за все восемь месяцев его работы в качестве одного из министров, а позднее и председателя Временного правительства русской революции".

Я сказал Зензинову, что именно за этим я и приехал: отчитаться в своей работе и деятельности. Задумавшись на минуту, Зензинов заметил:

"Положение в Петрограде коренным образом изменилось. Ваше появление в Учредительном собрании будет концом для нас всех". "Не будет, — возразил я. — Я приехал спасти вас. Я стану мишенью яростных атак и на вас даже не обратят внимания". Тотчас же, почувствовав бестактность такого аргумента, я поделился с ним своими истинными намерениями, взяв с него слово, что он никому не расскажет о них до моей смерти. Должно быть, мой план* показался ему безумным, однако растрогал его до слез, и, пожимая мне на прощание руку, он сказал: "Я обсужу его с друзьями".

Однако это был лишь жест дружбы, и Рубикона смерти я не пересек. Когда он вновь пришел на следующее утро, разговор наш протекал в более спокойных тонах, и я даже не пустился в спор, когда он передал мне окончательный ответ: "Нет". Я лишь сказал, что крайне огорчен решением не проводить вооруженной демонстрации и что, на мой взгляд, Учредительному собранию не следует без боя сдавать свои позиции. Будучи сторонником строгой партийной дисциплины и в то же время глубоко порядочным человеком, Зензинов искренне согласился с моим мнением и добавил, что такой же точки зрения придерживается его партийная фракция в Учредительном собрании. Я поинтересовался, кого собираются избрать председателем Учредительного собрания, и был поражен, услышав, что речь идет о Викторе Чернове. Все, кто знал этого способного и преданного партии человека, должны были понимать, что не ему следует выступать от имени всей России. Я горячо просил Зензинова сделать все, что можно, лишь бы не допустить избрания Чернова на столь ответственный пост. Я молил найти другого человека, быть может, менее известного и менее одаренного, но обладающего большей силой воли и в большей степени отдающего себе отчет, что переживаемая нами трагедия — результат предательства стремлений и идеалов свободы, во имя которых боролись и жертвовали своими жизнями многие поколения в России. Я снова и снова повторял это каждому из тех немногих, кто посетил меня в эти последние два дня перед открытием Учредительного собрания.

ТРАГЕДИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В критический день 5 января столица выглядела так, словно в ней ввели осадное положение. За несколько дней до этого большевики создали так называемый Чрезвычайный штаб, а весь район вокруг Смольного был передан под юрисдикцию приспешника Ленина Бонч-Бруевича. Район же вокруг Таврического дворца был отдан в ведение большевистского коменданта Благонравова. Сам дворец был окружен вооруженными до зубов войсками, кронштадтскими матросами и латышскими стрелками, часть которых расположилась внутри здания. Все улицы, ведущие ко дворцу, были перекрыты.

Нет нужды описывать это первое и последнее заседание Учредительного собрания. Возмутительное поведение ленинских головорезов в отношении "избранников народа" многократно описывалось теми, кому довелось пережить те ужасные часы 5 и 6 января. Ранним утром 6 января Учредительное собрание было разогнано, с применением грубой силы, а двери Таврического дворца — закрыты. На мирных людей, которые собрались, чтобы выразить поддержку Учредительному собранию, обрушился шквал ружейного огня.

За легкой победой большевиков над Учредительным собранием по-

* По чисто личным соображениям я даже сейчас не могу раскрывать суть этого плана.

чти сразу же последовало убийство двух бывших министров Временного правительства от партии кадетов — Шингарева и Кокошкина, которые не присутствовали на открытии Учредительного собрания, поскольку содержались под арестом в Петропавловской крепости. Поздно вечером 6 января их перевели в Мариинскую больницу, где поместили в специальную палату, охранявшуюся солдатами. В ночь на 7 января ворвавшаяся в палату под предлогом смены караула банда большевистских солдат и матросов заколола штыками двух лежащих в постелях больных людей, которые всю свою жизнь посвятили служению свободе и демократии.

9 января Максим Горький опубликовал удивительную статью об этих событиях, которая заслуживает того, чтобы привести ее почти полностью*. Описав события Кровавого воскресенья (9 января 1905 года), когда царские войска открыли огонь по мирным безоружным рабочим, Горький сравнивает их с событиями последних дней: "5-го января 1917-го года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие, — мирно манифестировала в честь Учредительного собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания, — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, и в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой идеи пролиты реки крови — и вот "народные комиссары" приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из "народных комиссаров" сами же на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. "Правда" лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была сорганизована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно "буржуи", "калединцы".

"Правда" лжет, — она прекрасно знает, что "буржуям" нечему радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков.

"Правда" знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала "Правда", она не скроет позорного факта.

"Буржуи", может быть, радовались, когда они видели, как солдаты и Красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но, возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех "буржуев", ибо ведь и среди них есть честные люди, искренне любящие свой народ, свою страну.

Одним из них был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверями.

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.

И точно так же, как 9 января 1905 года, люди, не потерявшие совесть и разум, спрашивали стрелявших:

— Что вы делаете, идиоты? Ведь это свои идут! Видите — везде красные знамена, и нет ни одного плаката, враждебного рабочему классу, ни одного возгласа, враждебного вам!

* Новая жизнь. 1918. 9(22) января.

И так же, как царские солдаты — убийцы по приказу, отвечают:

— Приказано! Нам приказано стрелять.

И так же, как 9 января 1905 г. обыватель, равнодушный ко всему и всегда являющийся только зрителем трагедии жизни, восхищался:

— Здорово садят!

И догадливо соображал:

— Эдак они скоро друг друга перехлопают!

Да, скоро. Среди рабочих ходят слухи, что Красная гвардия с завода Эриксона стреляла по рабочим Лесного, а рабочие Эриксона подверглись обстрелу Красной гвардии какой-то другой фабрики.

Этих слухов — много. Может быть они — не верны, но это не мешает им действовать на психологию рабочей массы совершенно определенно.

Я спрашиваю "народных" комиссаров, среди которых должны же быть порядочные и разумные люди:

Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания республики?

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай все и всё погибают?"

Открытие Учредительного собрания обернулось трагическим фарсом. Ничто из того, что там происходило, не дает возможности назвать его последним памятным бастионом защиты свободы.

Лучшую и самую смелую речь произнес лидер меньшевиков Церетели. Однако эта речь была совсем не в духе того революционера Церетели, который клеймил Столыпина во II Думе. В ней содержалась критика, она была сказана с большим чувством и все же она была лишь гласом "лояльной оппозиции". И действительно, читая ее, я вспоминал о стиле "либеральной оппозиции Его Императорского Величества (кадетов)" в мирные дни IV Думы. По сути дела, уже в начале ноября меньшевики отказались от идеи вести революционную борьбу против большевистского "правительства рабочих и крестьян".

Что касается выступления председателя Учредительного собрания Виктора Чернова, то для его характеристики приведу слова секретаря Собрания и его соратника по партии эсеров Марка Вишняка, в нем звучал язык интернационалистских и социалистических идей с отдельными включениями полутонов демагогии. Казалось, что оратор намеренно ищет общий язык с большевиками и стремится убедить их в чем-то вместо того, чтобы отмежеваться от них и в качестве представителя русской демократии выступить против них. Речь была совсем не такой, какой следовало быть. В ней не было ничего, что могло произвести впечатление хоть на кого-нибудь или в какой-то мере соответствовать требованиям исторического момента. Речь изобиловала банальностями и избитыми местами и произнес ее не Чернов в своем расцвете.

Трудно возложить вину за фиаско Учредительного собрания на Чернова. Он был отважным человеком и его, как и многих других депутатов, не страшили направленные на них ружья ленинских пьяных, обезумевших от ненависти солдат и матросов. Я полагаю, что очевидный паралич воли, который сыграл 5 января столь важную роль в наступившей катастрофе, имел глубокие психологические корни, которые определяли деятельность самых стойких приверженцев демократии того времени. Прежде всего, речь идет о широко укоренившемся страхе начала гражданской войны, которая могла легко вылиться в контр-

революционную войну против демократии в целом. Кроме того, не следует забывать, что в глазах многих людей большевики были всего лишь самым крайним левым крылом социал-демократов. А идея, что "врагов слева" не бывает, имела самое широкое хождение. Среди большинства левых царило убеждение, что люди, по их утверждению выступающие от имени пролетариата, не могут подавить свободу. Считалось, что на это способна лишь "буржуазия", а следовательно, главная угроза исходит не от окопавшихся в Смольном институте большевиков, а от контрреволюционеров, объединявших в те дни свои силы на Дону, на юге России вокруг атамана Каледина.

Если бы небольшевистские социалистические лидеры знали правду о большевистско-германских связях, они бы, без сомнения, действовали совсем по-другому. Но они не поверили "клевете" в адрес руководителя рабочего класса России.

Еще одним мощным фактором, работавшим на Ленина, была мистическая вера многих социал-демократов, не говоря уж о кантианцах и христианских идеалистах, в то, что беспредельные страдания и кровопролития "империалистической войны" породят новую эру и "новое поколение людей". Многие видели в Ленине провозвестника такого духовного возрождения.

Мне доводилось встречать таких достойных и гуманных людей, как выдающийся эсер Иванов-Разумник, которые искренне верили в это. Борис Пастернак, вращавшийся в эсеровских кругах и тоже близко знакомый с Ивановым-Разумником, в таких словах своего "Доктора Живаго" изложил суть этой веры: "— Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали.

В том, что это так без страха доведено до конца, есть что-то национально-близкое, издавна знакомое. Что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невиляющей верности фактам Толстого...

— Главное, что гениально? Если вы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, прежде чем он приступит к постройке новых...

А тут, нате пожалуйста. Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое"*.

И не только в России обрек людей на гибель этот трагический, так не вовремя проявленный энтузиазм.

В ФИНЛЯНДИИ

После роспуска Учредительного собрания обстановка в Петрограде стала невыносимой и оставаться в городе было бессмысленно. А посему было решено, что пока она не изменится, мне следует уехать в Финляндию. В те дни Финляндия стояла на пороге гражданской войны. Власть была в руках финской социал-демократической партии, которую поддерживали большевистские солдаты и балтийские матросы. У меня были

---

* *Пастернак Б.* Доктор Живаго. М., 1989. С. 227.

связи с группой деятелей в Гельсингфорсе, которые всегда были в хороших отношениях с эсерами, но для отъезда туда мне требовалось получить разрешение советских властей. Без особых трудностей мы получили такое разрешение для двух лиц, однако проверка пассажиров на вокзале проходила весьма строго. Поначалу мы подумывали об использовании грима, но, по счастью, вовремя поняли, как выглядели бы, попав с мороза после поездки на вокзал в теплое купе. А потому решили рискнуть и ехать безо всяких особых предосторожностей. Сопровождать меня в Гельсингфорс вызвался отважный и опытный конспиратор В. Фабрикант. Именно отсутствие грима и спасло нам жизнь, ибо иначе в душном жарком вагоне мое лицо превратилось бы в чудовищную маску. Все шло хорошо, и мы, как это случалось не раз прежде, и не подозревали о грозящих нам опасностях. Линию "красного контроля" на вокзале в Гельсингфорсе мы миновали без особых осложнений. И через какое-то время очутились в маленькой незатейливой квартирке молодого шведа. Там было тихо и покойно, но длилась эта идиллия недолго. На призыв генерала Маннергейма многие молодые люди, независимо от их политических взглядов, бросали работу и вступали в отряды антибольшевистских сил, формировавшихся на севере страны. Вспоминая всеобщую беспомощность и пассивность образованных людей петроградского общества, а также революционных демократических кругов, я был потрясен тем врожденным чувством ответственности, которое отличало финскую интеллигенцию. Мой хозяин так объяснил кажущееся мирное положение финской столицы: "Скоро я отправляюсь на север и, по-видимому, тут никого не будет. Но мы приняли необходимые меры. Наши друзья будут ждать Вас у города Або вблизи Ботнического залива". Там и была моя следующая остановка.

Жил я там в полном комфорте и имел возможность получать исчерпывающую информацию о событиях, происходивших в России и Европе, поскольку хозяин мой — владелец животноводческой фермы — постоянно ездил в Гельсингфорс и был в курсе всех дел. Мне показалось, что он занимается активной политической деятельностью, и мое предположение получило подтверждение, и самым необычным образом.

Как-то в конце февраля, за несколько недель до того, как немецкие войска 3 апреля пришли на помощь Маннергейму, мой хозяин, застав меня одного, обратился ко мне со словами:

— Давайте поговорим откровенно, ладно?

— Конечно.

— Видите ли, мы ведем переговоры с Берлином о вводе германских войск. Несколько человек из Верховного командования Германии прибудут сюда раньше того срока, о котором мы договорились, и остановятся здесь. Это произойдет не завтра, тем не менее нам придется сообщить в Берлин, что вы тут. Не волнуйтесь, ради Бога. Я имею полномочия сообщить, что вам гарантирована безопасность и вам не о чем беспокоиться.

— Благодарю вас за гостеприимство, — ответил я, — однако я не могу здесь более оставаться. И не могу принять защиту, предложенную Германией. Пожалуйста, попросите немедленно приехать сюда госпожу У.* Я попрошу ее поехать в Петроград и устроить мое возвращение в Россию.

Без всякого сомнения, хозяин моей квартиры находился в тесной связи с окружением Маннергейма, и он проявил полное понимание моей просьбы:

---

*Госпожа У. была дочерью отставного финского полковника русской армии. Она была активным членом Христианской ассоциации женской молодежи и часто ездила в Петроград. Одновременно она была моим курьером.

— Не буду с вами спорить и тотчас же пошлю телеграмму госпоже У.

Через какое-то время приехала госпожа У., и я объяснил ей создавшуюся ситуацию. По прошествии нескольких дней она вернулась из Петрограда.

— Ваши друзья, — сказала она, — просили меня отговорить вас от возвращения. В настоящий момент это ничего не даст.

— Ну что ж, — ответил я. — Тогда я поеду на свой страх и риск. Пожалуйста, организуйте с помощью своих друзей мой отъезд и сообщите, когда я смогу ехать. Время еще есть, но я не могу здесь оставаться. Вы должны меня понять, как понял меня мой хозяин.

Она выполнила мою просьбу. Я убежден, что в моем положении так же поступил бы и любой другой человек.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ПЕТРОГРАДЕ

Я сел в поезд 9 марта 1918 года. На этот раз в вагон даже не второго, а третьего класса, набитый пьяными горластыми солдатами. Платформа Финляндского вокзала в Петрограде была в сугробах — снег давно уже никто не убирал. Выходя из вагона с тяжелым чемоданом в руке, я поскользнулся и упал лицом прямо в снег. Ко мне подбежали солдат и матрос и помогли подняться на ноги. Со смехом и шутками они подали мне упавшую шапку и чемодан.

— Иди, парень, и гляди в оба! — крикнули они, пожав на прощание руку.

Носильщиков не было, как не было и извозчиков на вокзальной площади. Трамваи не ходили. С чемоданом в руке я отправился пешком, растворившись в толпе пассажиров с корзинками, баулами, узлами. В те тревожные дни пешеход, нагруженный баулами или чемоданом, ни у кого не вызывал удивления. Это был наилучший способ остаться незамеченным. А потому ни милиционеру, ни сыщику не пришло бы в голову обратить внимание на бородатого "врага народа № 1", благопристойно шествовавшего с чемоданом по Литейному проспекту.

Не имея ни малейшего представления, куда направиться, я миновал Литейный проспект, повернул на Бассейную и вышел к 9-й Рождественской. Проделав столь длинный путь, я не чувствовал усталости, пока не подошел к дому, где проживала моя теща. По счастью, улица была безлюдна, а прислуги не было дома. И все же оставаться так близко от места, где некогда помещалась наша фракция в Думе и где меня хорошо знали в лицо, было весьма рискованно. Поэтому было решено, что ночью я укроюсь в доме на дальней стороне Васильевского острова.

Там я и прожил довольно долго в квартире женщины-врача, муж которой, тоже врач, служил в армии. Без малейших колебаний она предоставила мне убежище, отдавая себе отчет, какой опасности подвергает свою жизнь. И подобно чете старых Болотовых в лесном домике проявляла обо мне трогательную заботу. Ни разу за все время она и виду не подала, что понимает, какому подвергается риску. Уходила она из дома ранним утром, и до позднего вечера я был в квартире в полном одиночестве.

Не припомню обстоятельств, при которых в мои руки попала запись моих показаний в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Не использовать эту неожиданную возможность — написать правду об этом деле — было выше моих сил. Сегодня эту правду признают сами участники дела (см. 21 гл.), но в то время она не была известна ни широкой общественности, ни в политических кругах. Читая свои собственные

показания, вновь вернувшись к событиям того времени, я смог воссоздать подлинную картину всего дела и пролить новый свет на некоторые его аспекты. Летом 1918 года моя книга "Дело Корнилова" появилась в Москве.

Я поставил своей целью не только отмежеваться от предателя Корнилова, но и выбить из рук большевистских пропагандистов то разрушительное оружие, с помощью которого было расколото единство демократических сил.

Однажды, работая над рукописью и пытаясь воссоздать атмосферу прошлого лета, когда, казалось, еще не были утрачены надежды на новую и лучшую жизнь, я вдруг услышал с улицы звуки военного оркестра и нестройный гул голосов. Я подошел к окну и стал свидетелем весьма жалкого зрелища. По улице двигалась жиденькая толпа угрюмых людей, "отмечавших" день 1 Мая. Над головами рабочих реяли знамена, однако в самой демонстрации не чувствовалось истинной праздничности. Ничто не говорило о радости победы пролетариата. И на память мне пришел день 18 апреля (1 мая) 1917 года. "Капиталистическое правительство" объявило его национальным праздником. Не работали все заводы, фабрики, правительственные учреждения и магазины. На улицы вышли тысячи рабочих, солдат, служащих, людей самых различных профессий, несших над головами флаги и поющих под звуки оркестров русскую "Марсельезу". По всему городу шли многочисленные митинги: то был действительно большой и радостный праздник.

Перед самым моим возвращением из Финляндии Совет Народных Комиссаров принял решение перебраться в Кремль (9 марта 1918 года). Вслед за правительством в Москву переехали все центральные политические комитеты, профсоюзы, руководящие органы крестьянских и других организаций. Петроград опустел, политически умер.

Переслав моим московским друзьям рукопись завершенной книги, я почувствовал, что оставаться долее в опустевшем Петрограде совершенно бессмысленно. К тому же, находясь на нелегальном положении, нельзя слишком долго жить в одном и том же месте.

Пока я тихо и спокойно жил в Петрограде, в России начиналась ожесточенная гражданская война. Зимой 1917—1918 года завязались бои между донскими казаками и войсками Добровольческой армии, с одной стороны, и частями Красной Армии — с другой. По условиям Брест-Литовского мирного договора германские войска оккупировали Балтийские государства и Украину. Большевистская власть пока еще не дотянулась до Сибири. По всей стране стали обычным явлением крестьянские бунты. Члены распущенного Учредительного собрания провели нелегальную встречу в Самаре, поставив перед собой цель — свергнуть местную Советскую власть, сформировать комитет Учредительного собрания и развернуть вооруженную борьбу против узурпаторов.

Я решил отправиться в Москву и связаться со своими друзьями, имея в виду в дальнейшем прорваться через большевистские линии и перебраться на Восток — на Волгу или в Сибирь. На организацию отъезда в Москву много времени не потребовалось.

МОСКВА

На Николаевском вокзале в ожидании ночного поезда на Москву нас оказалось трое. Меня сопровождали мой друг В. Фабрикант и крупный чиновник министерства земледелия, которого ранее я никогда не встречал. Нас обещали устроить в отдельном купе. Однако, сев в поезд, мы застали в заказанном для нас купе постороннего человека, на вид весьма

респектабельного. Незнакомец не принимал участия в нашем разговоре, а сразу же забрался на верхнюю полку и вскоре захрапел. Мы же трое остались сидеть на нижних полках, обсуждая события, происшедшие в министерстве земледелия за минувшие лето и осень. Войдя в раж, мы заговорили в полный голос. И лишь глубокой ночью мы вдруг вспомнили, что с нами в купе находится четвертый спутник. Сверху не доносилось ни звука. Успокоившись, мы расположились на полках и тут же заснули.

Проснулись мы, когда уже рассвело и поезд приближался к Москве. Верхняя полка была пуста. Это весьма и весьма обеспокоило нас, хотя, быть может, подозрения наши и были напрасны. Но на всякий случай мы с Фабрикантом решили спрыгнуть с поезда, когда он замедлит ход при подъезде к городу, а наш третий спутник продолжит путь вместе с нашим багажом. Довольно много времени мы потратили на то, чтобы добраться от окраин до центра Москвы. После заброшенного Петрограда улицы Москвы казались особенно оживленными и многолюдными. Трудно было поверить, что за нами нет слежки. И если наши подозрения справедливы и наш случайный попутчик уже донес на нас, то в это самое время на вокзале нас должны поджидать чекисты.

Мы бродили по улицам с самым непринужденным видом, стремясь не привлекать к себе внимания. Один раз мы даже замешались в группу прохожих, читавших крайне интересное объявление о выходе в свет первого номера новой политической газеты "Возрождение", "которая появится 1 июня". Среди издателей и сотрудников газеты было немало знакомых имен. Большинство из них принадлежало к так называемому правому крылу партии эсеров. В объявлении сообщалось также, что в "Возрождении" "будут опубликованы мемуары А. Ф. Керенского". Весть о том, что моя рукопись получена своевременно и будет напечатана, облегчила мою душу.

Не знаю отчего, быть может, потому, что свои краткие прогулки в Петрограде я совершал лишь по ночам, а тут иду по улице прекрасным весенним утром, а быть может, из-за бодрящего московского воздуха, но в то чудесное утро чувство постоянной тревоги внезапно покинуло меня. Напряжение ушло, я был полон надежд. Мы добрались наконец до места назначения, квартиры Е. А. Нелидовой, где-то в районе Арбата, у Смоленского рынка. Хотя до этого мы с ней никогда не встречались, Нелидова встретила нас как старых друзей.

После завтрака Нелидова и Фабрикант разработали для меня распорядок дня, определили "приемные часы" и проявили готовность установить все необходимые связи. И хотя дело, которым нам предстояло заняться, было очень и очень серьезным, разговор шел в самой непринужденной манере, будто обсуждали мы детали светской жизни.

Я не удержался и спросил Нелидову, не боится ли она рисковать. Ее ответ в какой-то мере объяснил мне и те изменения, которые произошли в моем настроении. Видимо, жизнь в Москве вышла из рутинных берегов. Завершив переезд в Кремль, Советское правительство все еще находилось в стадии реорганизации. Пользующаяся дурной славой Лубянская тюрьма не стала пока составной частью системы и делами ее занимались отнюдь не профессионалы. И хотя аресты, обыски и расстрелы стали повседневным явлением, все это было плохо организовано и носило случайный характер.

Свою лепту в усиление неразберихи в Москве вносили немцы. Чека Дзержинского работало в тесном сотрудничестве с соответствующей германской службой, и действия их постоянно координировались. Ленин воцарился в Кремле, а германский посол барон фон Мирбах занял особняк в Денежном переулке, который круглые сутки охранялся немец-

кими солдатами. Средний обыватель был в полной уверенности, что именно Мирбах контролирует пролетарский режим. Любые жалобы на действия Кремля адресовались только ему, и даже монархисты всех мастей искали защиты у Мирбаха. Берлин придерживался мудрой линии поведения: оказывая кремлевским руководителям финансовую помощь, он одновременно обхаживал самых крайних монархистов на случай, если большевики потеряют их "доверие". Монархисты также всячески поощрялись в Киеве, где по воле германского кайзера стал гетманом независимой Украины бывший генерал Скоропадский. При каждом удобном случае Скоропадский, находившийся под эгидой Верховного комиссара Германии, демонстрировал свои высочайшие симпатии к монархии.

Свой вклад в создавшийся хаос вносили и центральные комитеты наиболее влиятельных антибольшевистских и антигерманских социалистических, либеральных и консервативных партий, которые занимались своей деятельностью под самым носом кремлевских правителей.

Лидеры всех этих организаций регулярно встречались с различными представителями союзников России, и дипломатический ранг этих представителей зависел от того, насколько ценилась "союзниками" та или иная организация. Конечно же, все эти организации вели свою деятельность нелегально. Это было несложно, принимая во внимание неэффективность системы тогдашней чека. А потому даже те люди, которых разыскивали большевики, включая и меня, могли негласно встречаться. Вряд ли, однако, стоит говорить о том, как много всякого рода авантюристов и агентов внедрилось во все эти бесчисленные комитеты, организации и "представительства". Этому политическому хаосу положили конец печальной славы мятеж левых эсеров, убийство барона фон Мирбаха и неудачная попытка покушения на жизнь Ленина, повлекшая за собой бесчеловечную расправу над тысячами заложников. Однако всему этому еще предстояло свершиться.

В те времена в Москве было намного легче заниматься нелегальной деятельностью, чем в Петрограде, — организация встреч в доме Нелидовой или моих посещений негласных собраний не составляла каких-либо трудностей. Сейчас мне даже трудно поверить, что "бабушка русской революции", как ее именовали, Катерина Брешко-Брешковская, злейший враг Кремля, совершенно безнаказанно приходила повидаться со мной. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома барона фон Мирбаха.

Я рассказал Брешко-Брешковской, что́ привело меня в Москву, и поделился своими планами уехать на Волгу. Она спокойно возразила: "Они не пустят Вас". Под словом "они" она подразумевала членов Центрального комитета партии эсеров, с которыми она разошлась во мнениях относительно меня. Она была прекрасно осведомлена о настроениях в левых кругах и подробно рассказала мне о внутреннем разброде, нестабильности и хаотическом состоянии их дел.

Не помню точно, когда состоялся этот наш разговор, но уверен, что он произошел после встречи с Борисом Флеккелем, моим молодым петроградским соратником, умным и преданным. Он тоже намеревался отправиться на Волгу, и ему весьма импонировала мысль ехать туда вместе со мной. Он приступил к необходимым по этому вопросу переговорам, однако спустя несколько дней пришел ко мне удрученный и подавленный. Сказал только, что имеются "трудности". Судя по всему, кому-то из партийных лидеров мои намерения пришлись не по душе. Вскоре я узнал и о причинах их недовольства моими планами отправиться на Волгу. Именно в это время решением важных политических проблем занялся "Союз возрождения России". О существовании такой

организации я узнал еще в Петрограде, однако о работе ее и целях имел самое смутное представление. После Октябрьской революции и Брест-Литовского мира все главные политические партии раскололись на многочисленные фракции, часто весьма враждебные друг другу. "Союз возрождения России" не был обычной коалицией демократических и социалистических партий, а был организацией sui generis*. Часть ее членов принадлежала к партии народных социалистов, другие — к эсерам, к кадетам, к Плехановской группе "Единство", к кооператорам и т. д. Их объединяло общее отношение к основной проблеме и стремление к конкретным действиям во имя ее решения. Они считали необходимым создать правительство национального единства на самой широкой основе и восстановить в сотрудничестве с западными союзниками России фронт боевых действий против Германии. За восстановление такого фронта выступали не только политические сторонники союза, но и те партии, к которым принадлежали члены этой организации. Такая же тенденция проявлялась и в деятельности "Национального центра", в который входили наряду с кадетами представители умеренных и консервативных групп, которые не признавали Брест-Литовский мир и были готовы ради достижения общей цели сотрудничать с союзом. "Национальный центр" поддерживал самые тесные связи с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина. Я был страстным сторонником приемлемого правительства национального единства и активного сотрудничества с союзниками с учетом создавшихся условий и был уверен, что деятельность "Союза возрождения России" имеет жизненно важное значение для нации. Я никоим образом не был намерен вмешиваться в деятельность союза или содействовать росту разногласий между двумя патриотическими организациями, у которых и без того было немало идеологических трудностей. Для меня было очевидно: после всех чудовищных потрясений обе стороны преодолеют предубеждение и недоверие, объединившись во имя любви к народу и ради выполнения своего долга перед отечеством, а такие люди, как генерал Алексеев, народный социалист Чайковский, кадет Астров, эсер Авксентьев и др. восстановят реальную государственную власть на основе принципов духовной и политической свободы, равенства и социальной справедливости, провозглашенных Февральской революцией.

Исходя из этих соображений, я принял предложение "Союза возрождения России" отправиться за границу для переговоров с союзниками на условиях, изложенных союзом.

Впоследствии термин "интервенция", упомянутый в этих условиях, касающихся военных задач союза, дал повод для неправильного его истолкования. В иностранных и даже в некоторых русских кругах он трактовался как призыв к "вмешательству во внутренние дела России". Однако согласно пункту третьему этих условий такое вмешательство исключалось. На деле это был призыв к союзникам продолжить войну на русском фронте на основе равноправного партнерства. В свое время по просьбе Франции русские войска под командованием генерала Лохвицкого были отправлены на Западный фронт и никому не пришло в голову назвать это вмешательством России в дела Франции. Не секрет, что фронт у Салоников был, по сути дела, укомплектован воинскими подразделениями всех стран союзников, включая Россию. И если уж требуются дальнейшие пояснения, то следует напомнить, что захваченные Австро-Венгрией и Германией военнопленные были направлены по решению Берлина и Вены для оказания всей возможной помощи боль-

* Своеобразным (*лат.*).

шевикам в их борьбе против Добровольческой армии на юге и вооруженных сил Учредительного собрания на Волге и Урале. Именно эти иностранные батальоны несут ответственность за репрессии и расправы, именно они сыграли решающую роль в Москве. Вот о чем не следует забывать, говоря об обращении к союзникам руководителей Союза, которые, воскресив в памяти вклад России в победу, выступили представителями той России, которая не признала Брест-Литовский мир.

Перед моим отъездом за границу были предприняты все необходимые меры для сохранения связей с Москвой.

Отъезд был назначен на конец мая через Мурманск, где стояли английские и французские корабли, охранявшие в порту огромные склады с военным и другим снаряжением. Ехать на этот раз мне пришлось в так называемом экстерриториальном поезде, предоставленном для репатриации сербских офицеров. Формированием таких поездов занимался глава всех операций по репатриации полковник Иованович (серб), который по просьбе моих друзей безо всяких колебаний выправил для меня документы на имя сербского капитана. Английскую визу проставил английский генеральный консул в Москве Роберт Брюс Локкарт, который оставался там в качестве специального эмиссара после отъезда из столицы союзнических послов. Локкарт выдал визу, даже не обратившись за разрешением в Лондон. Много позднее он сказал мне, что был вынужден взять на себя всю ответственность, ибо был уверен, что министерство иностранных дел Англии отклонит мое обращение за визой.

Завершив все приготовления к отъезду, я в последний раз встретился со своими московскими друзьями и соратниками.

ОТЪЕЗД В ЛОНДОН

В день отъезда мы с Фабрикантом засветло приехали на Ярославский вокзал. Без особых затруднений мы встретились с двумя сербскими офицерами в военной форме, которые проводили нас на нужную нам платформу, где мы смешались с толпой пассажиров. Поезд был набит до отказа, однако нам предоставили места в купе второго класса, судя по всему, предназначенного для офицеров. Не оставалось никаких сомнений, что некоторые из них узнали меня. Путешествие казалось бесконечным. На однопутной мурманской ветке было огромное число разъездов. По непонятной причине мы часами стояли на узловых станциях. Казалось, состав едва двигается. Но мы не сетовали на судьбу. В конце концов, торопиться было некуда, а впереди нас ждала упоительно-прекрасная северная весна. Мы радовались длительным ночным стоянкам, когда поезд останавливался прямо посреди густого леса. Это напоминало мне о белых ночах в Петрограде. Но природа тут казалась более таинственной: особую прелесть придавал ей какой-то особый северный покой и белизна ночей. Прошлого словно и не существовало, и не хотелось ни говорить, ни думать о будущем. Мы ощущали полную гармонию с естественной красотой окружающей нас природы, какое-то единение с загадочными лесами.

Не помню, сколько длилось наше путешествие, должно быть, около десяти дней. В конце концов мы добрались до Мурманска, в те дни грязного и заброшенного. Все пассажиры сразу же отправились в порт, занятый союзными войсками, хотя сам город подчинялся Советской власти, и вначале нам необходимо было пройти проверку на советском контрольно-пропускном пункте. Советские солдаты едва заглянули в наши документы. Затем мы отдали документы офицеру союзнических войск, который сверил наши имена со своим списком. Нас со спутником

встретили два офицера французского флота, которые препроводили нас на борт крейсера "Генерал Об". Там сербский офицер передал командиру корабля наши подлинные документы с визами. Во время нашего путешествия по железной дороге они находились у начальника "экстерриториального" поезда. Покидая родную землю, я и подумать не мог, что никогда более не увижу ее, все мысли мои были обращены в будущее.

Французская команда встретила нас очень сердечно. Мы наслаждались совершенно необычным для нас состоянием полного покоя. Больше не надо было быть постоянно начеку.

— Наверно вы хотите отдохнуть? — спросил меня один из офицеров.

— Благодарю, нет. Предпочитаю пойти к парикмахеру.

— Зачем?

— Я донельзя устал от своего маскарада. Хочу быть снова самим собой.

Раздался взрыв хохота. Через несколько минут я уже был в руках искусного парикмахера и вскоре мои лохмы и борода усыпали весь пол.

На борту корабля мы провели три незабываемых дня. Фабрикант провел долгие годы в эмиграции и совсем недавно возвратился в Россию из Парижа, где теперь его ждала семья. Его французский был безупречен, а сам он был великолепным causeur* и немало потешал офицеров описанием наших приключений и событий в России.

Двумя днями позже на борту корабля появился английский офицер и нас пригласили в каюту капитана. Там мы узнали, что все формальности, связанные с приездом в Англию, выполнены и на следующее утро мы покинем Мурманск на борту небольшого тральщика.

Следующим утром к крейсеру пришвартовался тральщик, казавшийся игрушечной лодкой, — мы с трудом могли представить себе наше путешествие по водам Северного Ледовитого океана.

На борту крошечного судна капитан тральщика представил нас всем 15 членам команды, весьма заинтересованным появлением столь загадочных пассажиров.

Воды Северного Ледовитого океана кишели германскими подводными лодками и для защиты от их нападения на судне была установлена маленькая пушчонка. Капитан занимал единственную на судне отдельную каюту, которая находилась непосредственно под капитанским мостиком. И вот теперь он предложил ее мне, а сам вместе с Фабрикантом перебрался в носовой кубрик.

Мы прекрасно провели время на этом утлом суденышке и были с капитаном и командой в наилучших отношениях, хотя не знали ни слова по-английски. Погода стояла мягкая и ясная. Нас немало удивил покой на просторах Северного Ледовитого океана. Прозрачные полярные ночи оказывали на нас какое-то странное воздействие, мешая уснуть, и мы часами сидели на палубе, любуясь небом и водой.

Как-то в полдень Фабрикант сообщил мне, что барометр падает. Это предвещало шторм. Конечно же в шторме, трепавшем нас подряд 48 часов, не было ничего необычного, но в мою душу он явно привнес какое-то облегчение.

В одну из бессонных полярных ночей, за неделю до этого шторма, я мыслями вернулся к 1916 году. После многочисленных выступлений на собраниях и митингах в Саратове, на которых я рассказывал о сложившемся политическом положении, я возвращался в Петроград на одном из волжских пароходов. Стоял ясный спокойный осенний день, и я прохаживался по палубе, наслаждаясь свежим воздухом, забыв обо всех своих политических заботах и отдавшись на волю чувств, которые

---

* Рассказчик (*фр.*).

всегда пробуждала во мне Волга. В памяти вновь возникли счастливые дни моего детства в Симбирске, и желание бросить все и снова, как тогда, забраться на вершину холма было почти непреодолимым. Только бы снова увидеть ее и снова, как и в бытность мальчишкой, задохнуться от радости. Весь во власти этой тоски по прошлому, я вдруг ощутил в душе зловещее предчувствие, что мне уже никогда более не увидеть моей родной Волги. С огромным трудом подавил я этот необъяснимый страх, казавшийся тогда абсолютно безосновательным.

И вот этой бессонной ночью на борту судна снова вернулось в душу то ощущение и снова появилось зловещее предчувствие, что я уже никогда не увижу ни Волги, ни Симбирска, никогда не ступлю на русскую землю.

Эта мысль была непереносима, но она овладела сознанием столь властно, что я впал в состояние полного отчаяния. Снять с души этот кошмар, прогнать черные мысли и обрести покой можно было, лишь пережив потрясение, и оно пришло ко мне в виде шторма.

Чем сильнее бушевали волны, чем мощнее гремела стихия, тем легче было забыть слово "навсегда" и убедить себя, что я всего-навсего выполняю особую миссию, которая завершится после капитуляции Германии.

Когда рассеялись страхи, вернулась и способность к осознанию своего предназначения. Не обращая более внимания на шторм, я стал готовиться к встрече с руководителями Англии и Франции. Я, конечно, знал, как относятся они к Временному правительству и ко мне лично. Но это ни в коей мере не тревожило меня. Меня делегировала Россия, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача состояла в том, чтобы немедленно заручиться военной помощью союзников для восстановления русского фронта и тем самым обеспечить России место среди союзных стран на предстоящих мирных переговорах.

Ко мне вернулось внутреннее состояние оптимизма. Я пришел к выводу о том, что неудачи последнего решающего сражения с врагом объясняются лишь злой волей, которую проявили союзные страны в отношении России.

Через два дня шторм постепенно утих. И хотя он изрядно потрепал нас, мы пребывали в наилучшем расположении духа. Еще через несколько дней показались Оркнейские острова, одна из главных баз английских военно-морских сил, и вскоре мы пристали к Тюрсо. Там я впервые в жизни ступил на нерусскую землю. Ночь мы провели в этом мирном городке, которого, казалось, почти не коснулась война.

Вечером следующего дня мы сели в поезд и утром то ли 20, то ли 21 июня 1918 года я приехал в Лондон.

Начинался новый этап моей жизни, который, как я думал, будет очень кратким и который длится по сей день.

Глава 26

МОЯ МИССИЯ В ЛОНДОНЕ И ПАРИЖЕ

ЛОНДОН

Утром, 20 июня, мы прибыли на вокзал Черинг-кросс. Встречал нас лишь представитель Временного правительства в Лондоне д-р Я. О. Гавронский. Было решено заранее, что свою поездку я предприму инкогнито и о ней будет сообщено в печати лишь после моей встречи с официальными представителями английского правительства.

Попрощавшись с английским морским офицером, который сопровождал меня, мы отправились в особняк Гавронского, где мне предстояло находиться во время пребывания в Лондоне. По пути доктор сообщил, что наша встреча с Ллойд Джорджем состоится через день-другой, и я смогу за это время отдохнуть и познакомиться с достопримечательностями города. Эти дни я бродил по прилегающим улицам, разглядывал витрины магазинов, знакомился с английской кухней и убедился, что военные потрясения отнюдь не подорвали мощь Великобритании и не поколебали ее решимость и веру в победу.

Единственным средством спасти Россию могла быть политика, которая основывалась на необходимости обеспечить поражение Германии и помогать союзникам до конца. К такому твердому убеждению пришел я, познакомившись с атмосферой, царившей в Лондоне. У меня не было никаких сомнений, что как бы ни были подорваны единство и патриотический дух народа России, близкая победа союзников послужит сигналом к освобождению России; в этом были твердо убеждены те, кто послал меня с этой миссией.

На третий или четвертый день пребывания в Лондоне меня посетил хорошо одетый, привлекательный молодой человек. Это был личный секретарь премьер-министра Ф. Керр, который передал мне приглашение встретиться на следующее утро с Ллойд Джорджем. Я подтвердил, что буду в назначенное время, и попросил передать премьер-министру, что в качестве переводчика на встрече будет присутствовать д-р Гавронский, поскольку в то время я ни слова не знал по-английски.

Должен признаться, что по мере приближения часа встречи с Ллойд Джорджем меня охватывало все большее беспокойство. Я с удовольствием ждал ее, ибо всегда с интересом следил за карьерой "Уэльсского Волшебника", известного своим неповторимым обаянием и способностью подчинять себе волю других людей; но и волновался, потому что прекрасно знал, какое огромное влияние оказывал он на политику Антанты. Тревога моя была связана и с тем, что я не знал, в какой мере отношение союзных дипломатов к Временному правительству отражало личные взгляды британского премьер-министра.

Вскоре после ухода Ф. Керра меня неожиданно посетил русский поверенный в делах К. Д. Набоков, прослышавший о моем приезде в Лондон. Набоков был проницательным дипломатом с широкими связями в правительственных и общественных кругах, великолепно ориентировавшимся в политической и дипломатической жизни Лондона. Его отчеты Милюкову и Терещенко, с которыми я имел возможность

знакомиться, всегда носили деловой характер и содержали немало интересных и своеобразных оценок людей и событий.

Его визит пришелся как нельзя более кстати — я был рад побеседовать с ним в канун встречи с Ллойд Джорджем. Узнав о цели моей поездки, он самым подробным образом и во всех деталях изложил взгляды английских официальных деятелей на события в России, однако то, что он рассказал, отнюдь не обнадежило. Те нотки пессимизма, которые едва проглядывали в его отчетах об отношении Англии к России, теперь зазвучали в полную силу. Более того, он абсолютно не верил в успех моей миссии. Так же относился к ней и Гавронский, который провел в Лондоне немало лет и был хорошо осведомлен о здешних настроениях.

В 9 утра на следующий день мы прибыли на Даунинг-стрит, 10 и постучались в дверь небольшого дома, который ничем не отличался от прилегающих зданий. Эта коротенькая и узенькая улочка была, по сути дела, осью, вокруг которой вращалась Британская империя, а дом № 10 в то время, возможно, столь же часто упоминался в политическом мире, как сегодня Белый дом. То была официальная резиденция британских премьер-министров, где на протяжении двух веков принимались исторические решения, определявшие судьбы не только Англии, но и всего мира.

Когда мы вошли, нас встретил и проводил в кабинет премьер-министра Ф. Керр. Я оказался лицом к лицу с невысоким коренастым человеком благородной наружности; моложавое, свежее лицо под копной белоснежно-седых волос особенно оживлял взгляд маленьких, проницательных, сверкающих глаз. Он так сердечно приветствовал нас, словно мы были старыми друзьями, которые давно не виделись. Его поведение сразу же создало приятную, спокойную атмосферу, чуждую всякой формальности.

Я не могу дать дословный отчет о нашей часовой беседе, поскольку велась она через переводчика и записей при этом не делалось. Поэтому я лишь изложу суть своих высказываний и совершенно неожиданной реакции на них Ллойд Джорджа.

Кратко коснувшись военных действий в России, событий, связанных с падением монархии и попытками восстановить государственность и боеспособность армии, я заявил, что все это — удел прошлого. В настоящее время положение в России можно суммировать следующим образом: центральную часть России захватили большевики, которые уже заключили с Германией сепаратный мир и используют германскую финансовую и военную помощь для борьбы со своими же согражданами, большинство которых не признает ни Брест-Литовский договор, ни большевистскую диктатуру.

В Сибири большевикам не удалось захватить власть, и, более того, в Томске сформировано местное демократическое правительство. На Волге члены Учредительного собрания, главным образом эсеры, создали демократический антибольшевистский центр и, опираясь на помощь чешских легионеров*, начали военные действия против большевиков. Донские и кубанские казаки уже начали борьбу с большевиками. Все Поволжье от Самары до Урала свободно от большевиков. На юге

---

* Военнопленные, которые сражались с Германией на русском фронте и изъявили желание продолжить борьбу с немцами на Западном фронте, отправившись туда через Дальний Восток.

благодаря усилиям генералов Алексеева и Деникина (Корнилов был убит в апреле) создается Добровольческая армия, которая вступила в соприкосновение с наступающими частями большевиков. Украина по-прежнему находится в руках немцев, но и там также время от времени вспыхивают народные восстания.

Я сообщил Ллойд Джорджу, что на время моего отъезда из Москвы в стране сложились два политических центра. Оба они стремятся к созданию нового коалиционного правительства и Добровольческой армии, политически связанной с Национальным центром.

Целью правительства, которое находится в стадии формирования, сказал я далее, является продолжение войны на стороне союзников, освобождение России от большевистской тирании и восстановление демократической системы. Представители союзников в России обещали свою поддержку, и в настоящее время для союзных правительств крайне важно поддерживать тесные связи с антибольшевистскими и антигерманскими силами России. Кроме того, очень существенно решить, каким образом национальные силы России могут внести наибольший вклад в военные действия тройственного союза. Однако такой вклад реален лишь в случае, если союзники признают (де-факто) новое правительство и будет достигнуто единство действий представителей союзников на территории России.

Я допускал, что Ллойд Джордж не в полной мере информирован о быстроразвивающихся событиях в России и о политике английских и французских представителей в нашей стране. Мои предположения подтвердились, когда британский премьер-министр стал задавать многочисленные вопросы, на которые я дал исчерпывающие и откровенные ответы.

Тут подошло время отправляться ему в Палату общин, и он стал прощаться, не высказав личного отношения к тому, что я сказал. Он предложил мне в самое ближайшее время встретиться с военным министром его правительства лордом Мильнером. И неожиданно, будто вспомнив что-то, добавил: "Через несколько дней я отправлюсь в Версаль на совещание Верховного Совета союзников. Почему бы и вам не поехать? Приглашение в Версаль вы получите".

В тот день, выступая в Палате общин, Ллойд Джордж наряду с другими вещами упомянул, что имеет сведения из России лично от "авторитетного" лица.

Мы покинули Даунинг-стрит, 10 в хорошем расположении духа, с ощущением, что добились успеха. Моя миссия имела великолепное начало — через несколько дней "Большая пятерка" сможет получить из первых рук отчет о положении в России.

Стояло прекрасное солнечное утро. И мы решили пройтись пешком, а по дороге я заскочил в русское посольство и попросил Набокова выдать мне, как можно скорее, паспорт, поскольку в Англию я прибыл без каких-либо документов и не имел никакого удостоверения личности на случай поездки куда-нибудь за пределы Британских островов. Не без иронии Набоков принес мне свои поздравления по случаю неожиданного поворота событий и обещал выдать мне дипломатический паспорт на следующий день. Вернувшись в дом Гавронского, я обнаружил полученное по телефону уведомление, что лорд Мильнер ждет меня к 6 часам вечера.

У меня было такое ощущение, что, организуя нашу встречу со своим военным министром, Ллойд Джордж рассчитывал оказать косвенное воздействие на военную политику России. Катастрофические последст-

вия такой политики уже проявились во времена корниловского дела, но у меня не было ни желания, ни права обсуждать с лордом Мильнером те трагические события. В конце концов, меня направили сюда с определенными целями политические организации, которые стремились во имя блага отечества к объединению всех сил.

Лорд Мильнер, истинный представитель викторианской эпохи, встретил меня с ледяной учтивостью. Он внимательно слушал, время от времени задавал вопросы, но не сделал ни одного замечания и не подал и виду, о чем думает. Но я-то хорошо знал, о чем он думал.

Годы спустя я встретился с Ллойд Джорджем, который уже не был у власти, и мы вспомнили прежние времена. В конце разговора я напрямую спросил его, почему Антанта в период правления Временного правительства так упорно поддерживала все военные заговоры, имевшие целью установление военной диктатуры. Он уклонился от прямого ответа, сказав, что ничего не знал о таких действиях. Однако, продолжал он, если дело обстояло именно так, то это означает, что министерство снабжения и военное министерство, должно быть, проводили в жизнь свою собственную военную политику.

Вскоре после визита к премьер-министру и лорду Мильнеру печать сообщила о моем прибытии в Лондон. Тайное стало явным. И очень не вовремя, добавил бы я, поскольку не надо было привлекать внимания общественности к моей поездке и вызывать праздное любопытство, пока не прояснятся результаты моих переговоров в Лондоне и Париже. Но было уже поздно.

Сразу после моего приезда в Лондон (20 июня 1918 года) из Парижа для встречи со мной приехал блестящий французский математик и государственный деятель Поль Пенлеве. После поражения Нивеля в 1917 году он стал военным министром в кабинете Рибо, а позднее и премьер-министром — до прихода к власти Клемансо. Я никогда ранее не встречался с Пенлеве, тем не менее после первых же приветствий он поспешил уверить меня, что, едва узнав о моем приезде в Лондон, понял, что должен встретиться со мной, чтобы сказать мне лично об огромном значении русского наступления, предпринятого годом ранее, для окончательной победы западных союзников. Он подчеркнул то обстоятельство, что не все на Западе в полной мере понимают это.

Он рассказал, что генерал Алексеев и большинство французских военных специалистов и государственных деятелей пытались убедить генерала Нивеля отложить генеральное наступление до того, когда будет восстановлена боеспособность русской армии*, и что он, как военный министр, тоже настаивал, с согласия Рибо, на таком решении. Однако Нивель категорически отказался отсрочить наступление и в случае несогласия с его мнением угрожал отставкой.

Подробно описав трагическое положение, сложившееся тогда на французском фронте, Пенлеве спокойным голосом, в котором звучало волнение, добавил: "Рискованная авантюра Нивеля обернулась для нас и англичан такими огромными потерями, что мы и помыслить не могли о решающем наступлении на нашем фронте. Я и до сих пор содрогаюсь при мысли, к каким последствиям могло бы привести такое наступление..."

Пенлеве неожиданно вскочил с кресла, стремительно подошел ко мне и горячо обнял. С тех пор мы стали друзьями.

---

*См. гл. 15.

ПАРИЖ

Через несколько дней после нашей встречи Ллойд Джордж отбыл в Париж, и вслед за ним, как было условлено, отравились и мы с Гавронским. Мы выехали ночным поездом и сделали все возможное, чтобы никто заранее не узнал о нашем приезде в Париж. Однако едва я вошел в номер, где мне предстояло остановиться, на углу улиц Ренуар и Черновиц, как там появился представитель французского правительства, сообщивший, что в мое распоряжение предоставлена автомашина и что в целях безопасности меня постоянно будет сопровождать полицейская машина.

На мой удивленный вопрос, зачем все это нужно, офицер службы безопасности ответил, что это обычный акт вежливости в отношении персон моего ранга. Столь благой жест со стороны полиции облегчил мне знакомство с городом, в котором я никогда прежде не бывал, и позволил встретиться с самыми разными людьми. За время краткого пребывания в столице я смог познакомиться с огромным количеством людей из всех слоев общества, порой интересных, порой скучных.

Прошло три дня, а о приглашении в Версаль не было и речи. Я решил, что Ллойд Джордж либо не смог установить контактов с лицами, заинтересованными в моем появлении на совещании Верховного Совета союзников, либо сама эта идея потеряла в его глазах интерес. Что касается меня лично, то я был, как и раньше, преисполнен желания выполнить свою миссию, хотя отдельные, дошедшие до меня факты, не могли не вызвать чувства тревоги.

Парижане ни в коей мере не напоминали чопорных, безразличных к политике лондонцев, и в Париже было значительно легче уяснить себе подлинное отношение союзников к событиям в России. Да и вся парижская политическая система в значительной мере отличалась от лондонской. Клемансо, или "Старый Тигр", как его прозвали, стал главой французского правительства вскоре после большевистского переворота и правил он Францией на основе просвещенной, но жесткой диктатуры.

Мы приехали в Париж за десять дней до последнего германского наступления, которое полностью изменило соотношение сил в войне. Избавившись, наконец, в результате большевистского переворота от военного давления со стороны России, немцы сконцентрировали все свои быстротающие военные силы на западе, и Людендорф, как и Гинденбург, предприняли несколько отчаянных попыток прорвать оборону союзников. Но было уже слишком поздно. Теперь немцам противостояла новая англо-франко-американская армия под объединенным командованием генерала Фоша, армия, значительно превосходящая германскую как в огневой мощи, так и в обеспеченности продовольствием, авиацией и военной техникой. Немцы теперь к тому же фактически сражались в одиночку, так как Австрия и Турция, по сути дела, вышли из игры. Объективно говоря, победа союзников была обеспечена, однако Францию по некоторым причинам разъедали сомнения, и она была склонна выждать и посмотреть, как пойдут дальше дела.

Париж в те дни был великолепен; то было время, когда на улицах города более чем когда-либо прежде ощущалась глубокая преданность людей своей родине, ее прошлому, ее великому будущему. Время от времени на город совершали налеты германские самолеты, то и дело по парижским домам и бульварам с расстояния в 50—70 километров начинала бить пушка, прозванная "Большой Бертой".

В этих условиях поведение Клемансо рождало в правительственных кругах, даже среди его ближайших друзей, настроения настоящей па-

ники. Клемансо в тот период был в политическом мире абсолютно одинок. Лишь немногие из французских депутатов мирились с его "диктатурой", хотя человек с улицы горячо верил, что "Старый Тигр" не оставит его в беде.

Без сомнения, французское правительство хорошо понимало цели моего приезда в Париж и уже в первые дни моего пребывания там меня посетил помощник и доверенное лицо Клемансо Ж. Мандель, который пригласил меня посетить на следующий день военное министерство. Именно там Клемансо обычно принимал посетителей.

Мандель дал мне понять, что подготовка к контрнаступлению против немцев идет полным ходом и что, хотя "старик" чрезвычайно занят, он решил не откладывать нашу встречу. По словам Манделя, Клемансо с огромным интересом следит за развитием событий в России, а также за моей деятельностью и хотел бы повидаться со мной. Это была хорошая новость, однако меня не покидали мрачные предчувствия относительно успеха моей миссии в свете тех фактов, о которых я недавно узнал.

Наша первая встреча с Клемансо состоялась утром 10 июля. На ней присутствовали французский министр иностранных дел Стивен Пишон и В. Фабрикант, которого я пригласил с собой на тот случай, если меня подведет мой французский. Клемансо, пожилой полный человек с глазами-бусинками под густыми бровями, сидел в глубоком кресле за столом возле двери. Когда я вошел, он встал и, вперив в меня пытливый взор, протянул через стол руку со словами: "Рад видеть Вас. Садитесь и расскажите, чем я могу быть полезен".

Мне очень понравилась незатейливость его приветствия, в котором не было дежурных фраз. Было очевидно, что у будущего pére de la victoire* не было времени для пустых формальностей.

Оставив в стороне необязательные подробности. я обрисовал ему положение в России и изложил цель своей миссии. Он спокойно слушал, постукивая своими тонкими, артистичными пальцами по стоящему на столе пресс-папье. Однако стоило мне упомянуть об обещаниях французского правительства, изложенных в Москве, — помощь вновь создаваемому русскому правительству и поддержка в борьбе с общим врагом, Германией, — он прервал меня и голосом, в котором одновременно звучали и удивление, и возмущение, заявил, что впервые слышит об этом, и, обратившись к Пишону, спросил, знал ли что-нибудь он. Пишон поспешил пробормотать: "Нет".

Помедлив мгновение, Клемансо, улыбаясь, повернулся ко мне и, желая снять напряжение, сказал, что в этом вопросе, судя по всему, произошло какое-то недоразумение. Конечно же французское правительство окажет патриотическим силам в России всю возможную помощь, а он, со своей стороны, крайне рад побеседовать со мной и лично от меня узнать все новости.

Заканчивая беседу, мы договорились о дате следующей встречи. Я также получил разрешение французского министерства иностранных дел отправить в адрес генерального консула в Москве шифрованное сообщение для передачи нужному человеку.

К сожалению, столь идиллическое положение длилось недолго. Должно быть, уже во вторую нашу встречу с Клемансо, когда мы обговаривали с ним содержание моего последнего сообщения в Москву, он протянул мне каблограмму от государственного секретаря США Лансинга. В ней говорилось: "Считаю поездку Керенского в Соединенные Штаты нежелательной". С трудом сдерживая себя, я спокойным

* Отца победы (*фр.*).

голосом сказал Клемансо: "Господин премьер, в настоящее время у меня нет намерений отправиться туда". И это было правдой, ибо в то время, в 1918 году, хоть у меня и был на руках паспорт с правом посещения Соединенных Штатов, я конечно же не планировал поездки в Америку и, насколько я знаю, с просьбой о визе для меня никто не обращался.

Каблограмма Лансинга привела меня в полное замешательство, которое, впрочем, длилось недолго. Через несколько дней я узнал разгадку. Мои встречи с Клемансо вскоре прекратились, хотя это никоим образом не было связано с каблограммой.

14 июля, в день национального праздника Франции, у Триумфальной арки должен был состояться торжественный парад, на котором обычно присутствовал дипломатический корпус. Для участия в нем были вызваны подразделения союзнических войск. Вечером в канун парада были неожиданно аннулированы приглашения, посланные русскому поверенному в делах Севастопуло и военному атташе графу Игнатьеву. Чиновник, явившийся забрать приглашения, объяснил, что они были посланы вследствие недоразумения. Позднее стало известно, что командующий русскими военными подразделениями во Франции генерал Лохвицкий не получил просьбы направить русский полк для участия в параде. Военный атташе немедленно посетил начальника французского штаба, с тем чтобы выяснить, что все это значит. Ему было заявлено, что русские представители и воинский контингент не получили приглашения участвовать в церемонии, поскольку "Россия стала нейтральной страной, заключившей мир с врагом Франции, а друзья наших врагов — наши враги". Граф Игнатьев, находившийся во Франции с самого начала войны и в отношениях с союзниками всегда поддерживавший Францию, немедленно возвратился в русское посольство и стал настаивать на том, чтобы Севастопуло посетил министра иностранных дел Пишона и убедил его отменить распоряжение, оскорбительное, по его мнению, для русских. Севастопуло решительно отказался. Тогда Игнатьев отправился ко мне и рассказал о случившемся. Он был убежден, что я, как бывший военный министр и Верховный главнокомандующий, смогу защитить честь России.

Было это в полночь 14 июля — час начала последнего наступления германских войск, провал которого ознаменовал крах Германии. Готовясь к предстоящей встрече с Клемансо и Пишоном, я набрасывал сообщение для передачи в Москву, но теперь, после прихода Игнатьева, это сообщение теряло всякий смысл.

Когда на следующий день я вошел в кабинет Клемансо, я впервые увидел его спокойным и улыбающимся. Он только что получил вести с фронта, что все германские атаки были отбиты. Теперь он уже был уверен в скорой победе.

— Ну что ж, посмотрим, что вы пишете, — сказал он весело, протягивая руку.

Я колебался, не в силах скрыть своего расстройства. Заметив это, он нахмурился.

— Могу ли я, господин премьер, задать вам один вопрос? — произнес я.

— Да, конечно.

— Почему начальник вашего штаба заявил русскому военному атташе, что ни он, ни русские войска не приглашены для участия в параде 14 июля, поскольку Россия — нейтральная страна, заключившая мир с врагами Франции? Я надеюсь, что вы не разделяете столь необоснованной точки зрения.

Клемансо побагровел и откинулся в кресле. Пишон буквально окаменел и чуть не свалился со стула. В напряженной тишине я услышал резкий голос Клемансо: "La Russie est un pays neutre qui a conclu la paix separee avec nos ennemis. Les amis de nos ennemis sont nos ennemis*. Это мои слова и мой приказ".

Едва сдерживая себя, я поднялся, защелкнул портфель и сказал: "В таком случае, господин премьер, у меня нет оснований оставаться долее в вашем кабинете", — поклонился, повернулся и гордо удалился.

Слухи о происшедшем инциденте немедленно распространились в правительственных и политических кругах, дав пищу для волнений, пересудов и тревоги.

На следующий день меня посетил председатель палаты депутатов Дешанель. В своей изящной и высокопарной речи он долго рассуждал о нерушимых узах между Францией и патриотической Россией, о верности Франции своему союзнику, который принес великие жертвы на алтарь общего дела и т. д. Слова Клемансо он объяснял результатом нечеловеческого напряжения последнего времени. Спустя несколько дней я был приглашен к президенту Пуанкаре, который кратко и в более сдержанных выражениях повторил рассуждения Дешанеля. Но все это были пустые слова. Вскоре после этого я возвратился в Англию.

За фразой "нейтральная страна, которая заключила сепаратный мир с нашими врагами", "сорвавшейся с языка" переутомленного государственного деятеля во время обсуждения вопроса об оказании военной помощи России, явно скрывались какие-то потаенные мысли и чувства Клемансо, не имевшие ничего общего с тем, в чем стремились убедить меня Дешанель и Пуанкаре. Было ясно, что, беседуя со мной, и Ллойд Джордж и Клемансо имели что-то на уме. Но что?

А дело просто-напросто заключалось в том, что союзники стали вынашивать планы интервенции в Россию, преследуя при этом свои собственные цели, не имевшие ничего общего с интересами России, планы, которые никак не были связаны с теми переговорами, которые вели представители союзных держав со своими партнерами в Москве.

После месячного пребывания за границей я получил от российских официальных представителей надежную информацию, что в условиях величайшей секретности спешно формируются и снаряжаются два экспедиционных корпуса. Один предполагалось высадить во Владивостоке, с тем чтобы помочь адмиралу Колчаку заменить демократическую власть военной диктатурой. С такой же целью второй корпус во главе с английским генералом Пулем планировалось высадить в Архангельске.

Узнал я также, что один из тех, кто стоит за этой рискованной сибирской авантюрой, — пресловутый корниловский "ординарец" Завойко, проживавший ныне в Европе под именем "полковника Курбатова" (все необходимые документы на это имя подготовили англичане). Как не без иронии сообщил мне один весьма информированный англичанин, именно "полковника Курбатова" пригласили вместо меня в Версаль.

Дальнейшие переговоры с главами французского и английского правительства стали беспредметны, а для меня лично весьма неприятны. Моя миссия в Лондон и Париж пришла к завершению. Теперь самым

---

* "Россия — нейтральная страна, которая заключила сепаратный мир с нашими врагами. Друзья наших врагов — наши враги".

для меня важным было скорейшее возвращение в Россию, с тем чтобы доложить обо всем, что я видел, слышал и сделал, находясь на Западе.

Без содействия британского правительства возвратиться в военное время из Англии в Россию было абсолютно невозможно. В начале сентября я направил Ллойд Джорджу письмо с просьбой незамедлительно предпринять шаги, чтобы дать мне возможность вернуться домой. Неделю спустя я получил от Ф. Керра ответ, в котором он от имени премьер-министра в вежливых выражениях информировал меня о том, что, к великому сожалению Ллойд Джорджа, он не может оказать мне содействие, поскольку это противоречило бы английской политике невмешательства во внутренние дела других стран*.

Смысл письма был ясен. Мне не будет разрешено вернуться в Россию, поскольку я могу помешать осуществлению английских планов.

Письмо от Керра пришло как раз в те дни, когда адмирал Колчак высадился во Владивостоке. Месяцем позже в результате переворота, организованного при содействии генерала Пуля русским морским офицером Чаплиным, в Архангельске было свергнуто правительство во главе с Н. В. Чайковским, которое только что (2 августа) было создано местными демократическими организациями**.

В середине августа я направил пространное письмо Чайковскому, в то время уже просто одному из членов нового "реорганизованного" правительства, в котором наряду с прочим писал: "То, что случилось с Вами в Архангельске, может повториться, я утверждаю это со всей категоричностью, в Уфе и Самаре".

Я уже отмечал, что вся Сибирь была свободна от большевиков. После продолжительных переговоров, 23 сентября 1918 года Уфимское государственное совещание провозгласило образование Директории, которая мыслилась как Временное всероссийское правительство, опиравшееся на союз всех тех партий, которые не признали Брест-Литовского договора, то есть социалистов-трудовиков, кадетов и организованной на юге белой армии.

В состав Директории входили Авксентьев и его заместитель Аргунов — от партии эсеров; член народной социалистической партии Чайковский и его заместитель эсер Зензинов; член Центрального комитета партии кадетов Н. Астров и его заместитель В. Виноградов (тоже кадет); генерал Алексеев и его заместитель генерал Болдырев; а также председатель Сибирского регионального правительства кадет Вологодский***.

В период формирования нового правительства в Самаре, а позднее в Уфе с теми из нас, кто находился за границей, поддерживался самый тесный контакт. Однако когда под угрозой большевистско-германского продвижения Директория была вынуждена переместиться в Омск, все контакты были практически утрачены.

---

* Оригинал этого письма Керра я хранил в своих парижских архивах, откуда он вместе с другими документами был изъят немцами в период оккупации. Часть письма приводилась в моей книге "Издалека", опубликованной на русском языке в Париже (в 1922 году), и полагаю, что копия письма находится в Лондоне в архивах английского министерства иностранных дел.

** Все факты, касающиеся Колчака, приводятся по книге "Допрос Колчака". Л., 1925.

*** Позднее по некоторым причинам Астров и генерал Алексеев уже не принимали участия в работе Директории.

Осенью британское и французское правительства выступали, по крайней мере с виду, за признание Директории в качестве законного правительства России.

Приблизительно в середине октября я получил телеграмму от Авксентьева, сообщавшего, что они ждут от меня вестей. Видимо, мои письма в Омск, так же, как их ко мне, не доходили по адресу. С этой телеграммой я тут же отправился в посольство к Набокову и попросил разрешить мне направить посольским шифром мой ответ Авксентьеву.

Что произошло во время этой встречи, описано самим Набоковым в его книге "Испытания дипломата", откуда я и привожу цитату: "Английское правительство склонялось к официальному признанию Директории. Дабы облегчить сношения с этою первою серьезною организацией для борьбы с большевиками, приблизительно в середине октября 1918 года мне вновь было представлено право посылать шифрованные телеграммы в Омск и своим коллегам за границею. Керенский, имевший некоторые связи в министерстве иностранных дел, узнал об этом и немедленно обратился ко мне с требованием предоставить ему шифры для передачи его осведомительных телеграмм. В подкрепление своего требования он предъявил мне полученную от председателя Директории Авксентьева телеграмму, гласившую, что его осведомление "ожидается". Так как в письме ко мне министерства иностранных дел, извещавшем о разрешении посылать шифрованные телеграммы, было определенно указано, что разрешение это дается "как знак особого личного доверия ко мне" и что я буду пользоваться этим шифром только для передачи *моих* политических и деловых телеграмм, и ввиду того, что передача политического осведомления от безответственных лиц правительству путем посольского шифра противна элементарной дипломатической этике и притом практически вредна, порождая разногласия, — я отказал Керенскому в шифре. Беседа наша была весьма тягостною. Керенский, не вполне в то время понимая, что политическая роль его в России безвозвратно окончена, принял крайне резкий тон, ссылался на свою "силу", упрекал меня в "пособничестве козням англичан" и тому подобное. Он выказал, при этом, мало самообладания и много злобы.

Обо всем этом я тотчас же протелеграфировал Авксентьеву и вскоре получил ответ из Омска, что "Керенский находится в Лондоне в качестве частного лица", что никаких полномочий от "Союза Возрождения" ему не дано, и что мой отказ ему в шифре признается правильным. Копия этой телеграммы была мною передана Керенскому — около 25-го октября, — и с тех пор я с ним не встречался"*.

Набоков, с его точки зрения вполне обоснованно, лишь упоминает о второй нашей встрече, весьма, однако, продолжительной и памятной.

Указав на телеграмму, я спросил: "Скажите, что может означать эта фраза "отказ предоставить ему шифр обоснован"? Разве я просил вас дать мне шифр? Я лишь попросил вас отправить мое сообщение при помощи посольского шифра, а когда вы отказались это сделать, я сказал: "Уж если французский министр иностранных дел Пишон предложил мне отправить в Москву мои сообщения с помощью своего кода, то как же вы, глава русского посольства, можете отказаться сделать то же самое?" Вы ведь знаете, что я всего-навсего попросил вас отправить кодом мое сообщение главе Директории, и вы видели его телеграмму, посланную мне. Это, безусловно, доказывает, что я выполняю здесь миссию, возложенную на меня перед отъездом из России, а не изображаю из себя шарлатана". Набоков молчал. "И где подпись Авксен-

---

* *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 231—232.

тьева под телеграммой, которую вы мне показали?" — я протянул Набокову эту телеграмму, но он и тут промолчал. "Вы не отвечаете, потому что не хуже меня знаете: она отправлена без ведома главы правительства, с которым вы сейчас сотрудничаете. Вы не отвечаете, потому что не хуже меня знаете: такой прямой и честный человек, как Авксентьев, не послал бы такой телеграммы, и он не получил вашего первоначального текста. Как и я, вы понимаете, что этот недостоверный и неподписанный ответ означает одно: положение Авксентьева в возглавляемом им правительстве весьма шаткое, и адмирал Колчак уже в Омске. Но вместо того чтобы проявить обычную для наших отношений искренность, вы сделали вид, будто ответ поступил непосредственно от Авксентьева. Для нас обоих очевидны причины вашего поступка..." С этими словами я повернулся и вышел из комнаты.

Сразу же после этой последней встречи с Набоковым я отправил Авксентьеву письмо, в котором подробно описал подготовку к перевороту, которой занимался генерал Нокс. В конце я написал: "Я настаиваю на том, чтобы вы предприняли меры по разоблачению всех заговорщиков, ибо повторение корниловского дела забьет последний гвоздь в гроб России"*.

Случилось так, что через день или два после этой мучительной встречи с Набоковым ко мне, как обычно, когда ему случалось быть в Лондоне, зашел Альбер Тома.

Прервав наш разговор о текущих событиях, я неожиданно задал ему вопрос, ответа которому не мог найти, вопрос, который казался мне все более и более неразрешимым, особенно после моей ссоры с Набоковым. "Скажите, — спросил я, — какова цель интервенции союзников в России? Что за ней кроется?"

Тома несколько минут молча смотрел на меня, затем, явно нервничая, принялся шагать туда-обратно по комнате. Остановившись в конце концов передо мной, он после напряженной паузы произнес: "Alors, ecoutez! Вы вправе знать, но только вы один". Я заверил его, что все сказанное им останется между нами. Он снова уселся в кресло и стал говорить — четко, безо всякого выражения, отчего каждое слово звучало особенно убийственно... И только когда он кончил, я понял разгадку.

В конце 1917 года, через два месяца после большевистского переворота в Петрограде, представители французского и английского правительства (лорд Мильнер и лорд Роберт Сесиль, с английской стороны, и Клемансо, Фош и Пишон — с французской) заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в западных районах "бывшей Российской империи" с нерусским, в основном, населением. Согласно этой конвенции, сразу же после победы в войне балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская область войдут в английскую зону, а Франция получает такие же права на Украину и Крым**.

Такова была суть потрясшего меня рассказа Тома о намерениях союзников в отношении России. Слушая его, я внезапно вспомнил слова Клемансо. И тут я впервые в полной мере осознал, что еще до

---

*Копия этого письма находилась в моих парижских архивах и ее постигла в период немецкой оккупации та же участь, как и другие мои документы.

**Об этом соглашении позднее упоминалось в "Большой Советской Энциклопедии" 1937 Т. 28. С. 641—642, а также в недавно опубликованной книге: *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961. P. 46.

Брест-Литовского договора, в период заключения перемирия между Германией и большевиками, союзники сочли себя абсолютно свободными от всяких обязательств перед Россией.

В 1914 году, когда началась война, Россия, Великобритания и Франция заключили официальное соглашение, что никто из них не подпишет сепаратного мира с Германией. Нарушив это соглашение, Россия предала своих союзников. Тем самым она поставила себя вне союза, который победил в войне без ее помощи.

Поскольку Россия пошла на сепаратный мир с общим врагом союзников, который капитулировал уже после выхода России из союза, все русские территории, отошедшие к Германии по Брест-Литовскому договору, должны по праву победителей считаться собственностью ее бывших союзников.

Сама Россия утрачивала право участвовать в мирной конференции, поскольку ее нельзя было отнести ни к разряду держав-победительниц, ни к "освобожденным" нациям.

Таким образом, предательство России, осуществленное Лениным и его приспешниками, позволило союзникам рассматривать Россию, по сути дела, как побежденную страну и использовать сложившуюся ситуацию в пользу своих планов изменения баланса сил после капитуляции Германии. Согласно этим планам, границы России отодвигались к границам допетровской Московии, а между нею и Западной Европой протянется цепочка из малых и средних государств, находящихся под влиянием держав-победительниц.

Точно такие же цели лежали и в основе союзнической интервенции на территории "бывшей Российской империи". Что касается западных провинций, упомянутых в Брест-Литовском договоре, то их союзные державы были готовы рассматривать и поддерживать как новые независимые государства, а в самой России они намеревались создать стабильное правительство, согласное принять продиктованные ему границы.

После брест-литовской капитуляции и заключения предательского сепаратного мира союзники России опубликовали официальное заявление о том, что они никогда не признают этого договора. Это заявление с ликованием было встречено всеми русскими, которые также отвергали соглашение. Ни у кого не было сомнений в намерениях союзников: все полагали, что после окончания войны договоры вместе с их последствиями как для России, так и для Запада будут аннулированы. Именно эта вера в неизбежный крах Брест-Литовского договора, которым руководствовались союзные державы и те силы в России, которые его не признавали, определяла деятельность Директории, созданной в Уфе ради содействия окончанию войны и совместной с союзными державами работе на мирной конференции по установлению нового мирового порядка.

Единственной целью моей поездки в Лондон и Париж и моих переговоров с английскими и французскими лидерами являлось стремление обеспечить истинной России ее законного места на мирной конференции или, говоря иначе, ускорить признание союзными державами нового национального правительства, без которого Россия не могла получить право участвовать в этой конференции. Однако западные державы постоянно откладывали признание Директории, пока ситуация стала абсолютно нетерпимой, особенно в свете моей беседы с Тома и в связи с явным приближением конца Центральных держав. Прибытие в Омск адмирала Колчака и генерала Нокса переполнило чашу моего терпения. Молчать долее я не мог...

Вскоре после возвращения Тома в Париж я отправил ему статью, озаглавленную "Союзники и Россия", которую опубликовала весьма популярная вечерняя газета "L'Information". В ней, в частности, говорилось: "Война окончена. Представители победившей стороны уже собрались, чтобы выработать условия мира и продиктовать их Германии. На переговоры были совершенно справедливо приглашены представители будущих правительств и будущих государств. Однако где же Россия? Почему не слышен голос России?

Почему никто не представляет ее интересов на конференции союзных держав? Почему даже имени ее не упоминается наряду с другими союзниками? Российский флаг, окрапленный кровью тех, кто сражался за нашу общую свободу, не развевается рядом с флагами других союзных стран. Почему? Потому ли, что Россия — нейтральная страна, заключившая мир с нашими врагами, как сказал мне Клемансо 15 июля 1918 года*... Должна ли такая точка зрения определять отношение союзников к России? Россия заключила мир с врагом и теперь (по мнению союзников) должна испытать на себе последствия такого акта, включая право победившей стороны распоряжаться по своему усмотрению ее территорией без учета ее мнения.

Трагическое непонимание между Россией и ее союзниками набирает силу. Оно чрезвычайно тревожит всех русских людей. Оно может оказать самое серьезное воздействие на будущее Европы, на эффективность "мира во всем мире". Многие полагают, что Россия больше не существует, что нет России, которую можно считать великой державой. Нет, Россия была, есть и, что самое важное, будет существовать и впредь. Быть может, сегодня русским не хватает силы, но они хорошо знают, на что истрачены их силы. Они понимают, что они отданы борьбе за правду и справедливость. Русские понимают, что без вчерашних жертв не было бы сегодняшней победы. Совесть и здравый смысл подсказывают русскому народу, что в этой войне он выполнил свой долг.

С величайшей тревогой мы, русские, смотрим на свое ближайшее будущее. Такой тревоги мы не испытывали даже в разгар большевистского предательства, когда немцы пытались убедить нас, что с Россией покончено и вернулись времена древней Московии, принадлежавшей к Азии. Мы верили, что вступление Соединенных Штатов в войну обеспечит нашу победу. И мы думали, что час победы станет часом возрождения России... Еще не все упущено. Россия с нетерпением ожидает справедливости, ее народ считает, что он, как и другие народы, имеет право решать свою судьбу на мирной конференции. И даже опьянев от победы, вы не должны забывать о правах других народов".

В заключение статьи я призывал к признанию Директории в качестве законного правительства России и к приглашению на мирную конференцию русских представителей. Однако мой призыв к признанию Директории уже не имел смысла. Через четыре дня после опубликования первой части моей статьи, в ночь на 18 ноября были арестованы и высланы члены Директории, принадлежавшие к партии эсеров (Авксентьев, Аргунов, Зензинов и Роговский), и в тот же день адмирал Колчак был провозглашен "Верховным правителем" России.

---

*Фраза Клемансо "Друзья наших врагов — наши враги" была, несмотря на возражения Альбера Тома, опущена. Сама статья была помещена в двух номерах газеты (от 14 ноября и 7 декабря).

Переворот в Омске был совершен спустя неделю после окончательной капитуляции Центральных держав, которые 11 ноября подписали соглашение о прекращении военных действий. Эту неделю английское правительство могло бы использовать для того, чтобы удержать генерала Нокса от осуществления запланированного переворота и в конечном счете признать Директорию. Однако этого оно не сделало...

Мое убеждение, что английское правительство могло бы предотвратить свержение Директории, было позднее подкреплено официальным свидетельством военного министра в кабинете Ллойд Джорджа Уинстона Черчилля. Выступая 6 июня 1919 года в Палате общин, он заявил: "Колчака создали мы"*.

Однако и после замены Директории военной диктатурой одного лица никому и в голову не пришло признать ее в качестве законного правительства России.

Цель была достигнута: места для России не нашлось ни в Совете "десяти", ни на самой мирной конференции. И для этого приводилась подходящая мотивировка — в России не было правительства, получившего признание стран-победительниц. Моя миссия завершилась полным провалом.

Осуществление секретного англо-французского соглашения, достигнутого 22 декабря 1917 года, видимо, натолкнулось на серьезное препятствие в виде мирной программы президента Вильсона, которую он изложил в своем послании конгрессу 8 января 1918 года.

Главную преграду представлял шестой пункт этой программы, который предусматривал освобождение Германией всех оккупированных ею территорий и предоставление ей права "принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики".

Однако шестой пункт не помешал Англии и Франции осуществить их соглашение в части раздела бывшей Российской империи на сферы влияния. В декабре 1918 года в Одессе высадились французские войска, чтобы поддержать сепаратистскую украинскую Центральную Раду во главе с Петлюрой. Английские войска были введены по обе стороны Кавказских гор для оказания помощи местным независимым правительствам, возникшим в период германской оккупации**.

Тем временем в январе предполагалось открыть мирную конференцию и было крайне важно, чтобы "русский вопрос" был разрешен в присутствии президента Вильсона.

Измученные, исстрадавшиеся за долгие годы войны народы Европы с нетерпением ожидали прибытия американского президента, возлагая на него огромные надежды. В их представлении он был всемогущим лидером, который, сформулировав свою программу из четырнадцати пунктов, сокрушил ратный дух германского народа и тем самым положил конец войне.

---

* См. приложение в конце главы.

** 30 декабря передовые части японского экспедиционного корпуса высадились на побережье Дальнего Востока, заняли Владивосток и начали продвижение вдоль Транссибирской железной дороги. Согласно франко-английскому соглашению предполагалось, что японцы возьмут эту дорогу под свою охрану, с тем чтобы обеспечить бесперебойную переброску союзных войск к западным границам России и открыть там фронт военных действий против Германии. Абсурдность и неосуществимость этого плана были очевидны для всех, в том числе и для японского командования. Японцы воспользовались временем для продвижения в глубь Сибири, стремясь присвоить территорию Дальнего Востока, что противоречило соглашению. И лишь в 1922 году под давлением правительства США они в конце концов освободили захваченные территории.

Его программа основывалась на демократических принципах и отражала его неприятие империалистических целей войны, полутора годами ранее продемонстрированное и Временным правительством.

"14 пунктов" призывали к открытому диалогу между победителями и побежденными и принятию условий мира. Они гарантировали установление нового международного порядка, основанного на принципе "право — это сила", а не "сила — это право". Они также требовали, чтобы все международные разногласия решались не средствами войны, а "на основе решений сообщества наций, которое следует создать в целях взаимной политической независимости и территориальной неприкосновенности при соблюдении равенства больших и малых стран".

Как известно, 4 октября 1918 года новый либеральный канцлер Германии принц Макс Баденский направил Верховному Совету союзников в Версале послание, в котором от имени Германии и Австро-Венгрии предлагал заключить перемирие и начать мирные переговоры на основе "14 пунктов" Вильсона. В ответ Ллойд Джордж потребовал вывода австро-германских войск со всех захваченных территорий, подчеркнув, что западные союзники заключат мир лишь с демократическим правительством. 5 ноября, после того как Центральные державы согласились с этими условиями, Верховный Совет торжественно сообщил, что союзники готовы начать мирные переговоры с Германией на основе "14 пунктов".

13 декабря в Европу наконец прибыл Вильсон. В Лондоне и Париже толпы радостных людей всех слоев общества приветствовали его как героя-победителя. Все были уверены, что отныне воцарится мир и что ужасная, опустошительная война была "война за ликвидацию войн". Охваченные энтузиазмом люди верили, что навсегда будут уничтожены последние следы традиционного абсолютизма. Ведь в конечном счете именно это обещание давали миллионам людей, отправляя их в окопы.

В день прибытия американского президента в Лондон я находился среди сотен тысяч встречавших его ликующих людей. То вовсе не была обычная толпа зевак, вышедшая на улицу поглазеть на коронованных особ и путешествующих знаменитостей. Это были люди, потрясенные всем тем, что им пришлось пережить за четыре года жизни в условиях войны, уверенные, что "такие войны" не должны повториться, и считавшие, что приехал тот единственный человек, который способен претворить их мечты в жизнь.

Такой всплеск энтузиазма не мог не тронуть, хотя я уже тогда понимал, что все лелеянные этими людьми надежды на преобразование мира будут безжалостно растоптаны. Ибо планы и намерения правящих кругов в Европе были слишком далеки от идеалистических целей программы "14 пунктов".

Приложение 1

Приход к власти Колчака*

Появление Колчака в Омске в середине октября 1918 года, когда в полном объеме развернулась деятельность Временного Всероссийского правительства (Директории), явилось полной неожиданностью. С конца июля 1917 года до момента своего прибытия в Омск он постоянно жил за границей.

---

*В основе этих кратких заметок о приходе к власти Колчака лежат показания самого адмирала, которые он дал в Иркутске большевикам, перед тем как они в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года расстреляли его. Допрос Колчака. Л., 1925.

Колчака, как выдающегося флотоводца, прекрасно знали и в России, и за рубежом. Незадолго до падения монархии он был назначен командующим Черноморским флотом. Как и большинство высших флотских офицеров, он вначале поддержал переворот. У него всегда были очень хорошие отношения с личным составом флота, и после переворота он охотно сотрудничал с Центральным комитетом Черноморского флота и гарнизоном Севастополя. Однако по характеру своему Колчак был нетерпелив, капризен и легко поддавался влиянию.

Его первый устный доклад Временному правительству по прибытии 20 апреля в Петроград был весьма оптимистичным. Однако вскоре, в начале мая, у него возник первый конфликт с командованием военно-морских сил, и для восстановления мира, как было сформулировано, между адмиралом и Центральным комитетом я вынужден был отправиться в Севастополь. В июне произошло новое расхождение во взглядах, на этот раз более серьезное. В состоянии крайнего раздражения адмирал отказался от своего поста и в сопровождении своего начальника штаба Смирнова выехал из Севастополя. В поезде по дороге в Петроград он оказался вместе с американским адмиралом Гленноном, который позже предложил ему отправиться в Соединенные Штаты в качестве инструктора по минному делу и современным методам борьбы с подводными лодками. Адмирал Колчак принял это предложение.

Хотя ранее Колчак никогда политикой не занимался, его вскоре включили в подпольный "Республиканский центр" (см. гл. 21) и на той стадии он даже считался возможным кандидатом на высший пост в планировавшейся диктатуре. Меж тем Временное правительство получило от правительства США официальную просьбу командировать Колчака в Америку для работы в штабе главнокомандующего военно-морскими силами США. Согласие было дано, и в конце июня он отправился в Вашингтон, сделав по дороге остановку в Лондоне. Однако надеждам адмирала не суждено было сбыться. Когда он прибыл в Вашингтон, выяснилось, что работы для него нет. В начале 1918 года, на этот раз без разрешения Временного правительства, он поступил на службу в военно-морские силы Англии и был направлен в Сингапур, где поступил в распоряжение главнокомандующего Тихоокеанским флотом.

В марте он получил от британского руководства в Лондоне телеграмму с предписанием немедленно отправиться в Пекин и встретиться там с русским посланником князем Кудашевым.

В конце марта или в начале апреля он встретился в Пекине с казачьим атаманом Г. М. Семеновым, а затем отправился в Харбин, откуда выехал в Читу в расположение войск Семенова. Однако выяснив, что Семенов тесно сотрудничает с японским Генеральным штабом, Колчак немедленно разорвал с ним отношения. Он возвратился в Харбин, а оттуда 8 июля выехал в Токио. Действуя в соответствии с соглашением, заключенным с англичанами и французами в декабре 1917 года, японцы захватили Владивосток, а затем взяли под свой контроль бóльшую часть российского Дальнего Востока.

Как только японские войска были выведены с этих территорий, адмирал отправился во Владивосток вместе с английским генералом Ноксом, который ранее попал в поле зрения общественности в связи с корниловским делом. Согласно заявлению самого Колчака, он передал Ноксу свою записку о создании режима сильной власти.

Следующий шаг в этой игре был связан с приездом во Владивосток чешского генерала Гайды, с которым и состоялось дальнейшее обсуждение вопроса о создании диктатуры в Сибири.

В Омск Колчак и Нокс приехали в середине октября вскоре после прибытия туда Директории. Через несколько недель адмирал встретился с представителями генерала Деникина, которые специально для этого приехали в Омск. Позднее Колчак через посредство генерала Лебедева, приехавшего из Екатеринодара, вступил с Деникиным в переписку.

По настоянию Сибирского правительства и с согласия члена Директории генерала Болдырева Колчак был назначен военным министром. 7 ноября он выехал на фронт и возвратился в Омск 16 ноября. В ночь с 18 на 19 ноября был совершен переворот, в результате которого несколько членов Директории были арестованы, остальные были вынуждены уйти в отставку, и в тот же день адмирал Колчак был провозглашен "Верховным правителем" России.

Те, кто стоял во главе переворота — казачьи полковники Волков, Красильников и Катанаев, — немедленно доложили о совершенном перевороте адмиралу, конечно же бывшему в курсе дела, и были немедленно арестованы и отданы под суд, который 21 ноября оправдал их. Арестованные члены Директории — ее председатель Авксентьев, его заместитель Аргунов, заместитель Чайковского Зензинов и шеф полиции Роговский — все четверо из правого крыла партии эсеров, были позднее депортированы через территорию Китая.

Глава 27

ВЕРСАЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ОСТРАКИЗМ РОССИИ

После поездки летом 1919 года в Париж для переговоров с Клемансо я до весны 1920 года жил в Англии, то в Лондоне, то в провинции. Когда началась мирная конференция, я снова, по просьбе членов свергнутой Директории, отправился в Париж. Депортированные в результате колчаковского переворота из Омска, они через Китай и Соединенные Штаты оказались в конце концов в Париже.

В то время самым влиятельным государственным деятелем в Европе считался Ллойд Джордж, а центром политической жизни — Лондон. Мое положение в Англии было несколько двусмысленным. Официально я являлся частным лицом, не имевшим никаких формальных отношений с британскими властями, на деле же я в глазах большинства населения оставался представителем свободной и демократической России. Я был в дружеских отношениях с некоторыми в высшей степени осведомленными государственными и политическими деятелями союзных стран. Никак не сказались на отношении ко мне либерально настроенных европейцев и многих моих соотечественников ни негативное отношение полуофициальной прессы в Англии и Франции к Февральской революции, Временному правительству и ко мне самому в особенности, ни нападки на меня эмигрантских сторонников белых диктатур.

Именно от своих компатриотов узнал я немало интересного. Судя по всему, где-то в начале декабря 1918 года из Москвы в Лондон для политического зондирования неофициально прибыли большевистские эмиссары. Видимо, в Кремле стало известно о разногласиях внутри английского кабинета по вопросу о политическом курсе в отношении России, а также о том, что ни Ллойд Джордж, ни его помощники не проявляли, мягко выражаясь, симпатии к стремлению Нортклиффа установить в России военную диктатуру. Эти русские эмиссары получили указание попытаться войти в контакт с Ллойд Джорджем, в случае неудачи — с его помощниками. В любом варианте они должны были убедить своих собеседников, что хорошие отношения с "единственно законным правительством в России" вполне возможны, что Россия абсолютно не заинтересована в мировой революции, а более всего надеется на немедленное восстановление прежних союзнических отношений, особенно с Англией. Им также надлежало обратиться с просьбой об оказании английской помощи в целях восстановления разоренной войной экономики России. Несколько позднее оба эти эмиссара, "только что из Москвы", встретились со мной и подтвердили слухи, ходившие вокруг них.

За стремлением Ллойд Джорджа определить отношения с экономически и политически разваленной Россией до начала мирной конференции с Германией скрывались определенные расчеты. Нет сомнений, однако, и в том, что он не остался глух к заигрываниям со стороны большевиков, которые действительно нуждались в поддержке других стран. Это в полной мере проявилось в первые дни предварительных заседаний Совета "десяти", когда обсуждалась проблема России.

Позднее из беседы с Бернардом Барухом, который нередко выполнял личные поручения президента Соединенных Штатов, я узнал, что такие же маневры большевистский режим предпринимал в отношении Белого дома. Оба эти факта имеют определенное историческое значение и непосредственно связаны с тайной поездкой Уильяма Буллита в Россию в начале весны 1919 года.

Как я уже упоминал, судьба России раз и навсегда была определена Верховным Советом Антанты ("Большой пятеркой")* еще до начала мирной конференции, и когда наконец прибыла объединенная делегация деникинского и колчаковского правительств, ее не допустили в зал заседаний. Не были приняты делегаты ни самим Советом, ни отдельными его членами.

Россия оказалась в парадоксальном, не имевшем прецедента в истории положении.

Она не была упомянута в перечне участников конференции на том простом основании, что не относилась к победившей стороне, ибо война завершилась уже после того, как Россия стала "нейтральной страной, заключившей мир с врагом".

А поскольку бывшие союзники России не одержали над ней победы в войне, то упоминания ее не было и в перечне побежденных. А ведь на деле: если бы не Россия, союзникам бы вовсе никогда не одержать ее.

Союзные нации, правившие тогда всем миром, намеревались таким путем исключить Россию из состава великих держав, отбросить ее к границам допетровской России и изолировать от Европы цепочкой небольших независимых стран.

Конечно же воспрепятствовать участию России в мирной конференции не составляло особого труда, но абсолютно невозможно было игнорировать ее, предпринимая попытки изменить баланс сил в Европе и Азии. Законное кресло России оказалось пустым, но сама она незримо присутствовала в зале заседаний.

На следующий день, после принятия решения о недопущении к работе конференции русской делегации, "Большая пятерка" продолжила обсуждение "русского вопроса".

"Россия — огромная страна, занимающая часть Восточной Европы и значительные пространства в Азии, — заявил Ллойд Джордж, — и теперь, когда мы определили ее судьбу, мы должны найти правительство, которое согласится с нашим решением".

Потребовалось несколько дней жарких дебатов, прежде чем было решено, к какому правительству обратиться. Некоторые из ораторов, включая самого Ллойд Джорджа, склонялись к необходимости идти на соглашение с Москвой, другие, как, например, Клемансо, и слышать об этом не желали, настаивая на переговорах с Колчаком и Деникиным. В конце концов 22 января, когда страсти поутихли, был достигнут компромисс: все правительства де-факто на территориях, ранее входивших в состав Российской империи, будут приглашены для встречи на Принцевых островах для выработки необходимого соглашения. Нет смысла говорить, что идея созыва примирительной встречи в разгар жесточайшей гражданской войны была психологически неприемлема и политически нереальна.

---

*В Верховный Совет Антанты, известный как "Большая десятка", а позднее как "Большая пятерка" входили президент Вильсон и премьер-министры и министры иностранных дел главных держав (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) — Вильсон и Лансинг, Ллойд Джордж и Бальфур, Клемансо и Пишон, Орландо и Соннино, Сайондзи и Макино.

Именно эту точку зрения я и высказал на встрече в лондонском Реформ-клубе, отвечая на вопрос, почему антибольшевистская Россия (не только "белые" генералы, а все демократически мыслящие люди в стране) отказалась принять "абсолютно беспристрастное решение "Большой пятерки", а Москва с готовностью пошла на это, продемонстрировав тем самым свое желание как можно скорее восстановить мир в России.

Вскоре, однако, стало известно, что Москва пошла на это при непременном условии, что все англо-французские и другие союзные войска будут выведены до открытия примирительной конференции с территорий, которые они оккупировали. Такое условие было абсолютно неприемлемо для "Большой пятерки", а потому планы созыва такой конференции были аннулированы.

На следующий день после этого государственный секретарь США Лансинг направил в Москву Уильяма Буллита* для ведения тайных переговоров с Лениным.

Цель его миссии состояла в том, чтобы определить, возможно ли достижение соглашения между Ллойд Джорджем и президентом Вильсоном, с одной стороны, и советским правительством — с другой, которое приведет к modus vivendi.

Буллит возвратился в середине марта с хорошими новостями для тех, кто ратовал за прямые переговоры с Советами. По крайней мере, так мне об этом рассказывали посвященные в обстоятельства дела люди, что, вероятно, соответствовало истине. Однако поездка Буллита вызвала бурю в Верховном Совете и в конечном счете обернулась ничем. Причина заключалась в том, что за месяц, пока Буллит сновал между Парижем, Москвой и Вашингтоном, события развивались с такой невероятной быстротой, что ни о какой возможности переговоров с Советами уже не могло быть и речи.

Именно в этот период заигрывания Запада с Советами неожиданно появился Коммунистический Интернационал (Коминтерн), который 2 марта 1919 года выступил с отчаянным обращением ко всем рабочим и демобилизованным солдатам Европы дать отпор "империалистическим поджигателям войны" в лице их правительств.

А факт вторжения Красной Армии в пределы Украины на фоне провала интервенции Франции в поддержку украинского сепаратистского движения во главе с Петлюрой не оставил сомнений в том, что большевики вовсе не намерены считать свою революцию событием "местного значения" и придерживаться статей Брест-Литовского мира.

К концу мая 1919 года вся Украина оказалась в руках большевиков.

Провал французской интервенции объяснялся не тактическими ошибками французского Верховного командования, а существенными изменениями в образе мышления англичан и французов.

Общественное мнение Франции было поглощено только внутренними проблемами; миллионы уставших от войны демобилизованных солдат с головой отдались жизни "на гражданке", не проявляя ни малейшего желания снова воевать где-то за границей во имя далеких и чуждых им идеалов.

Еще сильнее были такие настроения в Англии. Все труднее стало находить добровольцев для британских экспедиционных войск, разбросанных в то время по всему свету — от Черного моря до центральной Азии. Была даже предпринята, правда неудачная, попытка заменить английские войска в Грузии итальянскими.

---

*Позднее, после восстановления советско-американских дипломатических отношений, Буллит стал первым послом США в Москве.

Я узнал об этом от Франческо Нитти, занимавшего пост премьер-министра Италии с 19 июня 1919 года по 9 июня 1920 года. После прихода к власти Муссолини он покинул Италию и поселился в Париже, где я с ним и познакомился. Остроумный и проницательный, он был вместе с тем весьма циничным политиком и дипломатом классической итальянской школы.

Как-то во время беседы речь зашла о Муссолини. К моему удивлению, хотя о Дуче он говорил с известной долей иронии, позволив себе немало шуток в его адрес, в его замечаниях не было и следа недоброжелательности. Я поинтересовался, почему он все же покинул Италию, сохранив веру в Муссолини. Он ответил, что был для Дуче persona non grata, и поведал вот такую историю: весной 1919 года Ллойд Джордж предложил Орландо и Соннино, представителям Италии на мирной конференции, заменить британские войска, оккупировавшие Грузию, итальянскими, а также ввести их в Крым. Предложение было принято. Итальянцы занялись лихорадочной деятельностью по подготовке и отправке экспедиционных войск в составе двух дивизий. Однако тем временем в отношениях между президентом Вильсоном и итальянскими представителями произошло резкое ухудшение, приведшее после бурной сцены в "Совете пяти" к полному разрыву. Орландо и Соннино в ярости уехали в Рим, и весь итальянский кабинет вышел в отставку. Их место заняли Нитти и его министр иностранных дел Титтони, которые немедленно отменили все приготовления к безответственной авантюре. "Муссолини и его друзья никогда не могли простить мне отказа выполнить этот план", — сказал в заключение Нитти.

Отправка войск на бывшие русские территории привела лишь к усилению эффективности коммунистической пропаганды среди демобилизованных солдат и рабочих Запада.

Что можно было сделать? Очевидно, что покончить с воинствующим коммунизмом можно было, лишь нанеся поражение его колыбели — Москве. Для этого следовало иметь в России антикоммунистическое правительство, которое действовало бы рука об руку с союзниками и получило бы их признание.

Давление на союзников возросло после того, как в начале мая германской делегации в Париже был вручен первый проект мирного договора с Германией. Вполне понятно, что державы "Большой пятерки" хотели разрешить русский вопрос до подписания этого договора и разрешить его в соответствии со своими международными планами.

В конце концов после очевидного успеха наступления колчаковской армии на Москву весной 1919 года "Большая пятерка" признала правительство Колчака.

23 мая "Большая пятерка" единогласно утвердила текст ноты Колчаку* с изложением условий признания его правительства, которая тремя днями позднее была доставлена в Омск.

Ответ адмирала Колчака прибыл в Париж 4 июня.

Оба документа имеют чрезвычайно важное историческое значение, хотя в то время лишь немногие знали об их существовании, а потом они оказались и вовсе забытыми.

Условия, содержавшиеся в ноте "Большой пятерки", определяли внутреннюю политику правительства Колчака и характер отношений, которые оно должно установить со вновь возникшими государствами на территории бывшей Российской империи.

Нота требовала от Колчака немедленно, по занятии Москвы, провести на основе всеобщего и тайного голосования выборы в Учредитель-

---

*См. приложение № 1 к этой главе.

ное собрание. Если это не удастся, следует возродить тот состав Учредительного собрания, который был избран в 1917 году. Во всех районах, занятых к тому времени войсками Колчака, надлежит восстановить демократические формы правления.

Колчак согласился со всеми пунктами касательно внутренней политики за исключением того, который предписал выборы в Учредительное собрание, подчеркнув, что он уже ранее принял решение провести выборы тотчас же после уничтожения большевистской диктатуры, а также о том, что отныне и навсегда Россия будет только демократией.

Короче говоря, его взгляды на проблемы внутренней политики, судя по всему, находились в полном согласии с точкой зрения "Большой пятерки" и в столь же полном несогласии с убеждениями его подданных.

В ноте далее высказывалось требование о предоставлении независимости Финляндии и Польше, о скорейшем урегулировании отношений России с Эстонией, Латвией, Литвой, а также с кавказскими и закаспийскими территориями, и отмечалось, что все разногласия по этим вопросам должны подлежать арбитражу Лиги Наций.

Полнейшей неожиданностью явилось для меня согласие Вильсона с требованием, чтобы Колчак отказался от западных территорий бывшей Российской империи, поскольку это требование находилось в вопиющем противоречии с истинным смыслом 6-го пункта мирной программы президента. На мой взгляд, он совершил грубую ошибку, поддавшись давлению других членов "Большой пятерки", каждый из которых, в отличие от президента, был замешан в секретных соглашениях.

Это условие появилось на свет в тот момент, когда из-за отказа большевиков пойти на расчленение России были прекращены Брест-Литовские переговоры.

В тот период пункт 6 звучал определенно и однозначно. Он рассматривал Россию как единое целое, такой, какой она была на момент захвата власти большевиками, за исключением Польши, независимость которой в полном соответствии с волей общественности России была провозглашена Временным правительством. Независимость Польши была также признана странами Антанты и Соединенными Штатами и поэтому вопрос о Польше президент Вильсон рассматривал отдельно, в пункте 13-м.

Лишь много лет спустя, ознакомившись с комментариями к пункту 6, составленными по просьбе президента в сентябре 1918 года, я в полной мере осознал, что пункт 13, по существу, подразумевал признание всех территорий, отторгнутых от России в результате Брест-Литовского соглашения.

Таким образом, своим комментарием президент Вильсон заложил под англо-французское соглашение полностью демократическое основание — право народов на самоопределение — и тем самым, быть может, не желая того, оправдывал территориальные притязания германских экстремистов в Брест-Литовске. По сути дела, немцы скрупулезно осуществляли именно ту программу, которая навязывалась Колчаку в обмен на его признание.

В своем ответе на ноту "Большой пятерки" Колчак признал независимость Польши, которую ранее уже провозгласило Временное правительство. Для решения всех других вопросов он соглашался на арбитраж Лиги Наций, однако подчеркивал:

"Российское правительство полагает, однако, что окончательное одобрение любых решений, сделанных от имени России, будет вынесено Учредительным собранием. Ни сегодня, ни в будущем Россия не может быть ничем иным, кроме демократического государства, в котором все вопросы, касающиеся территориальных границ и внешних отношений,

должны подлежать утверждению представительного учреждения, как естественное выражение суверенитета народа".

Следует признать, что в ответе Колчака не содержалось положений, неприемлемых для западных держав; не было в нем ни малейшего намека и на "русский империализм" или на желание восстановить прежнюю централизованную власть. Единственная оговорка, которую сделал Колчак, сводилась к тому, что окончательное решение всех территориальных проблем, касающихся России, должно быть утверждено свободным волеизъявлением народа, и с демократической точки зрения эта оговорка была полностью обоснованной.

Тем не менее предстоящие переговоры между правительством России и новыми государствами при участии Лиги Наций не представляли в тот период интереса для "Большой пятерки". Единственное, что им требовалось, это признание Колчаком новых государств и его согласие не вмешиваться в прямые отношения между державами "Большой пятерки" и возникшими де-факто правительствами этих стран. Таких обязательств взято не было.

На письмо Колчака последовал краткий ответ. В нем говорилось, что "Совет пяти" приветствует тональность его послания, в котором, по мнению Совета, "выражено глубокое стремление к свободе, самостоятельности и миру для русского народа".

При помощи этой изящной дипломатической формулировки была сразу же "решена" проблема признания Колчака в качестве законного правителя России.

Очевидно, что к власти Колчак пришел не без помощи бывших российских союзников, но он ни в коем случае не был их наймитом, что бы о нем не говорили большевики. Он был истинным патриотом России, который твердо верил, что может возродить былую мощь отечества. Исходя из этого убеждения, он и отказался подписаться под требованиями "Большой пятерки", расстроив тем самым их планы расчленения России.

МИР, СТАВШИЙ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ВОЙНЫ

Вскоре после моего приезда на Запад в 1918 году я убедился, что и руководители западной демократии, и рядовые граждане, и даже социалисты слишком упрощенно понимают суть большевистской революции. Они были уверены и даже старались убедить и меня в этом, что то крушение демократической системы, которое произошло в России, на Западе произойти никогда не может. Они рассматривали беспрецедентную российскую катастрофу как "событие сугубо местного значения", которое стало логическим следствием истории русского народа, никогда не знавшего свободы и даже не понимавшего ее сути.

До сих пор помню разговор, который состоялся у меня во время приезда в Берлин в 1923 году с хорошо известным экономистом Гильфердингом*. Речь зашла о русской революции, и, послушав меня несколько минут, Гильфердинг неожиданно воскликнул: "Но как же могло случиться, что вы потеряли власть, держа ее в своих руках? Здесь такое невозможно!" Видимо, почувствовав бестактность своих слов и не желая обидеть меня, он тут же примирительным тоном добавил: "Но так или иначе, а русские неспособны жить в условиях свободы".

Одиннадцатью годами позже он оказался в Париже на положении эмигранта, ничуть не лучшем, чем у меня. И тогда из уст видного

---

* Известный руководитель германских социал-демократов и член Веймарского правительства.

французского социалиста ему пришлось услышать в моем присутствии те же самые слова, на сей раз относившиеся к немцам.

Такого рода соперничество показалось мне детской забавой. Я хорошо знал подлинную историю России и подлинные факты восхождения к власти Ленина, и на моих глазах процесс политического и морального разложения, поразивший нашу страну, начал распространяться по всей Западной Европе.

Никто на Западе не имел достоверных сведений о том, что происходило в России после Октябрьского переворота. Однако доходившая из Москвы циничная и абсолютно лживая пропаганда, вызывая страх в правящих кругах Запада, производила магическое воздействие на рядовых граждан, к ней жадно прислушивались солдаты, рабочие, крестьяне, а также левые социалисты и представители радикальной интеллигенции. Им хотелось верить этой пропаганде, ибо они жаждали позабыть прошлое. Они тянулись к ней, потому что что-то похожее сулили им их собственные правительства в 1914 году, и теперь они поняли, что в их странах никаких существенных социальных перемен не предвидится.

Конечно же оптимисты тут же нашли весьма простое объяснение этим зловещим симптомам начавшегося духовного разложения: после всякой длительной и опустошительной войны люди не сразу возвращаются к будням мирной жизни, а переходный период всегда сопровождается политическими и социальными потрясениями.

Однако я не мог разделять столь оптимистического отношения к последствиям войны, в которой приняло участие все взрослое мужское население, войны, в которой погибли миллионы людей, а миллионы других были выбиты из привычной колеи и превратились в бездомных бродяг, войны, прецедента которой, по сути дела, не было в мировой истории.

В подтверждение предсказаний военных стратегов и ученых, сделанных еще в 90-е годы, первая мировая война была не войной между армиями, а войной между народами, вызвавшей социальные, политические и психологические опустошения во всех воюющих странах. Мирная конференция начала свою работу тогда, когда пришел конец прежним представлениям о жизни, прежним социальным и политическим структурам. Однако главы стран-победительниц не заметили этих процессов, а всемогущая "тройка" на конференции не обратила никакого внимания на сигналы бедствия. Опьяненные победой, президент Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо стали бесстрашно перекраивать политическую карту Европы и менять облик всего восточного полушария без учета истории и образа жизни разных народов.

После произошедшей в октябре 1917 года катастрофы в России в правящих кругах Британской Империи нашелся всего один-единственный человек, который понял, что произошли существенные изменения в балансе сил двух коалиций и ушли в прошлое времена заключенных еще до войны тайных соглашений и пактов.

Об этом человеке я узнал совершенно случайно из разговора с Д. В. Соскисом* после возвращения в Лондон из Парижа, где я вел перегово-

---

* В 80-е и 90-е годы Д. В. Соскис принимал участие в русском революционном движении. Находясь в политической эмиграции в Лондоне, он сотрудничал с газетами "Обсервер" и "Манчестер гардиан". Я встречался с ним в России до 1914 года. В 1917 году он стал работать в моем личном секретариате и готовил обзоры английской печати. Всю свою жизнь я поддерживал самые дружеские отношения с ним и его сыном, сэром Франком Соскисом, который был влиятельным членом лейбористской партии при Эттли.

ры с Клемансо. Соскис рассказал, что в Лондон приехал владелец и издатель газеты "Манчестер гардиан" Скотт, который обратился к нему с просьбой договориться о его встрече со мной. Через два дня встреча состоялась при участии Соскиса в качестве переводчика. Скотт был решительным противником послевоенной политики наших бывших союзников.

Когда я упомянул о причинах своего пребывания в Лондоне, Скотт сказал спокойно: "У вашей миссии нет шансов на успех. Как раз сейчас правительство Ллойд Джорджа обсуждает политику в отношении России, но при этом никто даже не называет ее союзником западных держав". По его мнению, сверхимпериалистический план перекройки политической карты неосуществим, и он отослал меня к "Открытому письму" лорда Лэнсдауна, опубликованному в "Дейли телеграф" 29 ноября 1917 года. Понятно, что я и не слышал о существовании этого письма, и Скотт обещал переслать его мне. Прежде чем достигнуть преклонных лет, лорд Лэнсдаун, начав карьеру еще при Гладстоне, занимал посты во многих английских кабинетах. Будучи крупным специалистом по истории Европы тех пятидесяти лет, которые предшествовали первой мировой войне, он понимал, что мирные планы тройственного Союза оторваны от действительности и что первоочередная задача — восстановление Западной Европы, включая Германию и Австро-Венгрию. Он полагал, что мир в Европе должен опираться на здоровую политическую и экономическую систему, созданную объединенными усилиями всей Европы. "...Почетное завершение войны было бы великим достижением, — писал он. — Но еще более великим достижением было бы предотвращение повторения такого же проклятия при жизни наших детей. Это наша главная цель. *Ибо, если нынешняя война была самой ужасной в истории человечества, то можно не сомневаться, что следующая станет еще более ужасной. Проституированию науки в целях простого разрушения вряд ли в ближайшее время будет положен конец...*" (курсив мой).

Скотт был прав, назвав письмо лорда Лэнсдауна "пророческим". Однако на его предупреждение не обратил ни малейшего внимания никто из тех, от кого зависит мировая политика.

В декабре 1917 года Россию исключили из Европейского совета. Затем победители лишили всех прав Германию. Теперь, после открытия Парижской мирной конференции, потеряли силу знаменитые 14 пунктов Вильсона. Судьба Германии была решена, хотя самих немцев к переговорам не допустили. Мирный "диктат", разработанный в различных комиссиях союзников-победителей и утвержденный "Советом пяти", явился несколько размытой версией мирного договора, подписанного представителями Ленина в Брест-Литовске.

Договор был представлен германской делегации 7 мая. Несколькими днями позже граф Брокдорф-Ранцау, соавтор "генерального плана" Парвуса, направленного на разрушение России, отказался подписать мирный договор, заявив, что он не только противоречит условиям, на которых Германия прекратила военные действия, но что этим договором союзники "предлагают нам самоубийство".

В своей блестящей книге о первой мировой войне "Перед бурей" Уинстон Черчилль оспаривает утверждение, будто война 1939—1945 годов была "бессмысленной", однако соглашается, что после Версальского мирного договора она была неизбежной. Государственный секретарь при президенте Вильсоне Роберт Лансинг пишет в своих неопубликованных дневниках*:

---

*Дневники Роберта Лансинга хранятся в отделе рукописей Библиотеки конгресса США.

"5 мая 1919: Условия мира, на мой взгляд, неправомерны, поскольку они основываются на эгоистических желаниях, а не на справедливости... они, несомненно, породят новые войны и новые социальные потрясения.

7 мая 1919: Если я правильно понимаю состояние умов европейских государственных деятелей, собравшихся сейчас в Париже, то в договоре, который они хотят разработать, заложены семена будущих войн.

8 мая 1919: Условия мира безмерно жестоки и унизительны... У нас есть мирный договор, но он не принесет постоянного мира, ибо построен на зыбкой почве эгоизма.

19 мая 1919: По общему мнению, нынешний договор неразумен и бесплоден, он замешан на интригах и наглости и породит новые войны, вместо того чтобы предотвратить их".

Мирный перерыв завершился, едва успев начаться. Распад старого мира, начавшийся в 1914 году, не только продолжался после заключения Версальского договора, но шел даже быстрее, чем прежде.

Нота Верховного совета Антанты адмиралу Колчаку

Париж, 26 мая 1919 г.

Союзные и объединившиеся державы чувствуют, что пришло время, когда необходимо для них привести, наконец, в ясность ту политику, которую они имеют в виду преследовать в отношении России. Невмешательство во внутренние дела России было всегда основной аксиомой союзных и объед. держав...

Некоторые из союзных и объед. правительств ныне определенно хотят вывести свои войска и не иметь в России дальнейших расходов на том основании, что продолжение интервенции не подает надежды на возможность скорого урегулирования положения. Они, однако, готовы продолжить свое содействие на условиях, изложенных ниже, при условии, что им удастся убедиться, что оно действительно поможет русскому народу приобрести свободу, самоуправление и мир.

Союзные и объед. правительства ныне предлагают формально заявить, что задачей их политики является восстановление мира в России путем предоставления русскому народу возможности взять на себя управление своими собственными делами через посредство свободно избранного Учредительного собрания и восстановить мир на своих границах путем урегулирования споров, касающихся рубежей русского государства и его отношений со своими соседями, чрез мирное посредничество Лиги Наций... Они... расположены помочь правительству адмирала Колчака и тем, кто с ним объединился, амуницией, снабжением и припасами, чтобы дать им возможность укрепиться в качестве всероссийского правительства при условии, что они получат определенные гарантии, что их политика имеет те же цели, что и политика союзных и объед. держав.

В этих целях они хотели бы спросить у адмирала Колчака и у тех, кто с ним объединился, соглашаются ли они на нижеследующие условия, на которых они могли бы получать постоянную помощь от союзных и объед. держав.

Во-первых, на то, что как только они достигнут Москвы, они должны будут созвать Учредительное собрание, избранное на основе свободы, тайны и демократических принципов в качестве верховного законодателя России, перед которым правительство России должно быть ответственным, или, если к этому времени порядок не будет в достаточной мере восстановлен, они должны будут созвать избранное в 1917 году Учредительное собрание, пока не будут возможны новые выборы.

Во-вторых, что везде на территориях, где они осуществляют власть, они разрешат свободные и нормальные выборы во все свободные и законно составленные собрания, как, например, городские думы, земства и т. д.

В-третьих, что они не будут стремиться к восстановлению специальных привилегий в пользу какого-либо класса или организации... в России... Они желают быть уверенными, что те, которым они готовы теперь помочь, являются сторонниками гражданской и религиозной свободы всех русских граждан и что не будет сделано попыток восстановить разрушенный революцией режим.

В-четвертых, что независимость Финляндии и Польши будет признана и что в случае, если вопросы границ и иные вопросы между Россией и этими странами не будут урегулированы по соглашению, эти вопросы будут переданы на третейское разрешение Лиги Наций.

В-пятых, что разрешение вопроса о взаимоотношениях между Эстонией, Латвией, Литвой и кавказскими и закаспийскими территориями и Россией не будет достигнуто полюбовно, то разрешение это будет сделано с совета и при сотрудничестве с Лигой Наций, и что, пока такое разрешение делается, русское правительство согласно признать эти территории как автономные и подтвердить отношения, которые могли бы существовать между их правительствами de facto и союзными и объед. правительствами

В-шестых, что будет признано право мирной конференции определить судьбу румынской части Бессарабии.

В-седьмых, что, как только в России будет создано правительство на демократической базе, Россия присоединится к Лиге Наций и будет сотрудничать с другими членами в деле всемирного ограничения вооружений и военных организаций.

Наконец, что будет подтверждена декларация адмирала Колчака от 27 ноября 1918 года о русском государственном долге*.

Приложение № 2

Французский поверенный в Омске (де Мартель) — французскому министерству иностранных дел.

Омск, 4 июня 1919.

Адмирал Колчак просит передать г-ну Клемансо следующий ответ:

1. ...Моей первой мыслью после окончательного разгрома большевиков будет мысль об установлении даты выборов в Учредительное собрание...

...Правительство, однако, не считает себя вправе заменить неотъемлемое право на проведение свободных и законных выборов простым восстановлением собрания 1917 года, которое было избрано при режиме большевиков...

Только законно избранное Учредительное собрание, во имя чего и сделает все возможное мое правительство, имеет суверенное право решать проблемы Российского государства.

2. Мы с радостью готовы обсуждать любые вопросы...

Однако правительство России считает необходимым напомнить, что окончательное решение от имени России принадлежит Учредительному собранию. Россия ни сегодня, ни в будущем не может быть ничем иным, кроме как демократическим государством, в котором все вопросы, затрагивающие изменение территориальных границ и внешние отношения, должны утверждаться представительным органом, являющимся естественным выражением суверенитета народа.

---

* *Ключников Ю., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 248—250. — *Прим. ред.*

3. Считает создание объединенного Польского государства одним из главных и справедливых итогов мировой войны... подтверждая независимость Польши, провозглашенную Временным правительством в 1917 году.

Окончательное решение вопроса о границах Польши должно быть отложено до созыва Учредительного собрания.

...Окончательное решение (для) Финляндии должно быть отложено до созыва Учредительного собрания.

4. Что касается Балтийских стран... то в отношении них будет предпринято скорейшее урегулирование, основанное на убеждении правительства, что вопросы автономии решаются в каждом отдельном случае...

Правительство готово установить отношение сотрудничества ...с Лигой Наций и пользоваться ее добрыми услугами...

5. Выше изложенные принципы, предусматривающие утверждение соглашения Учредительным собранием, распространяются на Бессарабию.

6. Русское правительство ...принимает на себя бремя национального долга России.

7. Что касается вопроса внутренней политики... то не может быть возврата к режиму, который существовал в России до февраля 1917 года. Временное решение, которое приняло мое правительство в отношении аграрного вопроса, имеет целью удовлетворить интересы огромных масс населения и исходит из убеждения, что Россия может быть сильной и процветающей лишь при условии, если миллионы русских крестьян получат все гарантии на владение землей. В отношении освобожденных территорий правительство не считает возможным чинить препятствия для проведения там свободных выборов в местные органы власти, городские управы и земства, рассматривает деятельность этих институтов, а также развитие принципа самоуправления как необходимые условия в деле переустройства страны и уже сегодня оказывает им всяческую помощь и содействие.

8. Стремясь... восстановить порядок и справедливость, обеспечивающие личную безопасность угнетенным слоям населения... подтверждает равенство перед законом всех слоев и всех граждан... независимо от происхождения или религии...

Колчак

Ответ Колчаку

Союзные и присоединившиеся державы... приветствуют тональность ответа, который, судя по всему, содержит необходимые условия свободы, самоуправления и мира народа России.

Приложение № 3

Официальный американский комментарий к 14 пунктам

Октябрь 1918.

VI. Эвакуация всей русской территории и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит самое полное и свободное сотрудничество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и гарантирует ей радушный прием в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя выберет; но не только прием, а и всякую поддержку во всем,

в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестер-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими ее нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций, — проверкой их разумной и бескорыстной симпатии.

Первым возникает вопрос, является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт XIII обусловливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно придется признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев.

Это по меньшей мере означает признание мирной конференцией де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев. Этот первоначальный акт признания должен быть обусловлен созывом национальных собраний для создания правительств де-юре тотчас после того, как мирная конференция определит границы этих новых государств.

Необходимо также предусмотреть для Великороссии возможность федеративного объединения с этими государствами на тех же условиях.

Что же касается Великороссии и Сибири, то мирной конференции следовало бы обратиться с посланием, в котором предлагалось бы создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий. Должно быть ясно, что предлагается экономическое восстановление при условии, если на мирной конференции будет представлено правительство, облеченное достаточными полномочиями.

Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему: 1. Признание временных правительств. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства. Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая бы позволила составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, то есть коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат управления на основе протектората.

Во всяком случае Брест-Литовский и Бухарестский договоры должны быть отменены как явно мошеннические. Необходимо предусмотреть условия для вывода всех германских войск из России, и тогда перед мирной конференцией будет лежать чистый лист бумаги, на котором можно будет начертать политику для всех народов бывшей Российской империи*.

---

* Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 151—153. — *Прим. ред.*

Глава 28

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДВУХ ЭПОХ

РАСПАД ЕВРОПЫ

Суровые суждения Роберта Лансинга о Версальском договоре опубликованы не были*. Однако к тем же выводам пришли многие из тех свидетелей, которым довелось близко наблюдать Версальскую трагедию и ее последствия. Я оказался одним из них**, когда в 1919 году приехал в Париж во время работы там мирной конференции. Более того, в 1920 году я переехал из Лондона на постоянное жительство в Париж, где у меня были широкие возможности встречаться с видными государственными и политическими деятелями и журналистами из многих стран. Вспоминая то, что видел, слышал и испытал в те годы, и сравнивая свои впечатления с выводами Лансинга, я не могу не отметить определенного сходства наших оценок мирного договора.

Лишь 28 июня 1919 года немцы в конце концов подписали Версальский договор, а уже к концу 1920 года коалиция держав, продиктовавшая условия мира, прекратила свое существование. В первую очередь из-за того, что Соединенные Штаты, занявшие в Антанте место России, так и не подписали этот договор.

Одной из основных причин отказа США подписать этот документ явилось условие Версальского договора, согласно которому Япония наследовала все бывшие германские острова в Тихом океане. У наиболее консервативных политиков и военных деятелей Соединенных Штатов вызывало раздражение то обстоятельство, что Япония превратилась в ведущую военную и военно-морскую державу в районе Тихого океана, поставившую под свой контроль океанские коммуникации между Соединенными Штатами и Китаем. Одновременно Соединенные Штаты отказались войти в Лигу Наций, хотя президент Вильсон и был ее инициатором.

На конференции военно-морских держав, которая проходила в Вашингтоне в 1922 году, Великобритания была вынуждена отказаться от пролонгации своего союза с Японией. Баланс сил, таким образом, изменился, неизбежность столкновения между Вашингтоном и Токио возникла именно в то время.

Изменилась ситуация и во Франции. Клемансо, который был кумиром французской нации во время войны, после победы стал объектом травли со стороны французских националистических кругов.

Франция рассчитывала получить от Германии левый берег Рейна. Однако президент Вильсон и Ллойд Джордж убедили "Старого тигра" отказаться от своего требования в обмен на гарантию англо-американской помощи на случай враждебных действий со стороны Германии. Однако после бурных дебатов в сенате Соединенных Штатов президент не смог добиться принятия этого пакта о гарантиях. В последующие годы я с болью в душе наблюдал за ростом недоверия, раздражения

---

* См. гл. 27.

** См. мою статью "Европа на ущербе", июнь—июль 1921 год. Впервые опубликована в "Воле России", затем в моей книге на русском языке "Издалека" Париж, 1922.

и озлобления во Франции, а также за возрождением образа "коварного Альбиона" как главного и исконного врага Франции.

Из бесед со многими представителями французского и английского правительств, а также прессы я сделал вывод, что цели Франции и Англии в минувшей войне против Германии были совершенно разными и даже в корне противоречащими друг другу. Сражаясь с врагом, Англия и Франция еще сохраняли единство, однако после войны они оказались неспособны выработать общий план создания и поддержания мира в Европе.

До тех пор пока адмирал фон Тирпиц не создал могущественный военный флот Германии, Великобритания в своей европейской политике вполне удовлетворялась балансом сил, покоящимся на противоборстве между Тройственным союзом (Германия, Австрия, Италия) с Двойственным альянсом (Франция и Россия). Однако после создания германского флота ситуация изменилась коренным образом, соответственно изменилась и английская политика. Теперь цель Англии состояла в том, чтобы ликвидировать Германию как океанскую военно-морскую державу и помешать ее продвижению через Турцию и Багдад к Персидскому заливу.

В достижении этих целей Великобритания вполне преуспела. Продвижение Германии к Персидскому заливу было остановлено, угроза со стороны германского флота исчезла. По условиям Версальского мирного договора, германский линейный флот передавался Англии. Однако в ходе выполнения этих условий германский флот совершил акт самоубийства — линейные корабли оказались на дне залива Скапа-Флоу.

В отличие от Франции Англию ничуть не тревожило существование Германии, даже сильной Германии, но как исключительно континентальной державы. Германия рассматривалась даже как необходимое условие поддержания баланса сил в Европе.

Для Франции же, наоборот, сильная и со временем перевооружившаяся Германия представляла смертельную угрозу. В руководстве Франции стало преобладать чувство глубокой тревоги и ощущение неполноты победы. Надо было принимать новые меры во имя обеспечения безопасности страны. Ненависть к Германии, достигшая апогея после Седана, а также возникшие связи между Берлином и Москвой подталкивали французских государственных деятелей к созданию более надежных гарантий безопасности.

Французская делегация на Версальской конференции настаивала на максимуме военных уступок со стороны Германии, на унизительных "санкциях", на территориальных и экономических жертвах и даже на расчленении Германии.

Россия отныне была отодвинута от восточных границ Германии и отделена от нее цепочкой маленьких государств, созданных из осколков бывших Российской и Австро-Венгерской империй. Именно эти государства, особенно Польшу, Франция и стала рассматривать как буферные страны между Берлином и Москвой. Италия, южный сосед Франции, после прихода к власти Муссолини в 1922 году также разорвала свои связи с бывшими союзниками.

Таким образом, коалиция держав, продиктовавшая условия мирного договора, фактически распалась. Как и до 1914 года, Европа распалась и раскололась на два непримиримых лагеря. Вновь началась гонка вооружений. И хотя в 20-е и 30-е годы состоялись многочисленные конференции по разоружению, все они завершились ничем.

Странно было наблюдать, как те люди на Западе, которые находились у власти и определяли общественное мнение, глубоко верили в первые послевоенные годы, что Версальский мир станет служить основой новой и стабильной Европы. Столь же глубоко они верили в необходимость для консолидации послевоенной Европы "парализо-

вать" на 10—20 лет Россию. Они считали, что cordon sanitaire между Европой и Россией, на чем настаивал Клемансо, также поможет нарушить связи между Берлином и Москвой. Они полагали, что немецкий народ без всякого протеста и сопротивления примирится с навязанным ему зависимым положением.

В этом они жестоко просчитались.

10 апреля 1922 года в Генуе открылась международная конференция. На ней официально присутствовали Германия и Россия. На конференции предполагалось обсудить положение в России, общие экономические вопросы и проблему репараций. Одновременно между Германией и Россией велись переговоры по вопросам, представлявшим взаимный интерес. 16 апреля они подписали Рапалльский договор, в соответствии с которым обе страны становились союзниками и отвергали все требования репараций. После этого события Генуэзская конференция тянулась до 19 мая, когда она в конце концов прервалась, главным образом, из-за заключения Рапалльского договора и безоговорочного отказа России заплатить Франции свои довоенные долги.

Открыто объявив в Рапалло о своем тесном политическом сотрудничестве, представители Германии и Советской России обошли молчанием наиболее важный и значительный факт — факт их военного сотрудничества. Я случайно узнал об этом годом позже, будучи одним из издателей русской газеты "Дни", временно публиковавшейся в Берлине. Как-то осенью 1923 года в редакцию зашли три немецких технических специалиста. Они только что вернулись из России, где работали неподалеку от Самары на Волге на заводе по производству газа и взрывчатых веществ. По их словам, этот завод, построенный германским военным министерством, получил от Советского правительства право экстерриториальности. Завод был сверхсекретным, доступ туда без разрешения германских властей был для всех закрыт. Поначалу мы отнеслись к их рассказу с известной долей скептицизма, но один из техников показал нам документ с официальной печатью, удостоверявший, что такой-то работник под страхом наказания за измену обязуется хранить в тайне, что работает в России, равно как и то, чем там занимается.

Позднее мы узнали, что Советское правительство предоставило Верховному командованию Германии подобное же право экстерриториальности, но на основе более широкой — концессии неподалеку от Липецка, города в Тамбовской губернии. Эта концессия предусматривала создание полигона для тяжелой артиллерии, аэродрома для тренировочных полетов и завода по производству бомбардировщиков и истребителей. Иными словами, все те типы вооружений, создание которых запрещалось Германии Версальским договором, теперь производились в небольших количествах на территории Советской России.

Как писал Лев Троцкий в своих статьях, опубликованных в газете "Нью-Йорк таймс" в дни бухаринского процесса 4 и 5 марта 1938 года, все эти факты держались в строжайшем секрете. В статье от 5 марта Троцкий проливает некоторый свет на это советско-германское военное сотрудничество: "Военный комиссариат, который я в то время возглавлял, в 1921 году разрабатывал планы реорганизации и перевооружения Красной Армии в связи с переходом от состояния войны к миру. Остро нуждаясь в усовершенствовании военной техники, мы могли тогда рассчитывать лишь на сотрудничество с Германией. В то же время рейхсвер, которому Версальский договор предписывал строжайший запрет на какие-либо усовершенствования, особенно в сфере тяжелой артиллерии, авиации и отравляющих веществ, естественно, стремился использовать

советскую военную промышленность в качестве своего полигона. Предоставление Германии концессий на территории Советской России началось еще в то время, когда я был полностью поглощен гражданской войной. Самыми важными концессиями, с точки зрения их потенциальных возможностей, а точнее, с точки зрения перспективы, были концессии, предоставленные авиаконцерну "Юнкерс". В связи с этой концессией в Советскую Россию приехало несколько немецких офицеров. В свою очередь несколько представителей Красной Армии побывали в Германии, где ознакомились с положением дел в рейхсвере и с германскими военными "секретами", которые были им любезно продемонстрированы. Конечно же вся эта работа велась под покровом секретности..."

В 1923 году меня пригласил к себе Эдуард Бернштейн, один из вождей социал-демократической партии Германии, а также первый подвергший ревизии марксистскую доктрину. В ходе беседы он сообщил мне, что занимается расследованием связей агентов германского правительства с ленинской группой большевиков. Он спросил, какими сведениями по этому вопросу располагало русское правительство, и я рассказал ему все, что знал.

Вся имевшаяся у нас информация относилась к Стокгольму и к деятельности германского посла Люциуса и его агентов. Однако, добавил я, у нас не было прямых данных о том, что происходило тогда в Берлине. Не знали мы и насколько далеко зашли связи между германским правительством и большевиками. В свою очередь Бернштейн поделился со мной всем, что ему удалось узнать по этому вопросу из секретных архивов разных министерств*. Далее Бернштейн сообщил, что не смог завершить свое расследование. За год до того он опубликовал свою первую статью о связях Ленина и Берлина. Сразу же после ее публикации его вызвал президент Эберт и в присутствии министра иностранных дел и других высших чиновников, а также представителей вооруженных сил предупредил его, что если он опубликует хоть еще одну статью по этому вопросу, то будет обвинен в измене.

Все эти военные приготовления сами по себе не привели бы ко второй мировой войне, если бы союзники, и в первую очередь Франция, не отказывались бы с таким завидным упорством пересмотреть или вовремя облегчить невыносимые условия "мира, который продолжил войну".

Неспособность найти выход из этого психологического тупика способствовала распространению ненависти и помогла, в конце концов, прийти к власти Гитлеру. Можно даже сказать, что Гитлер был порождением Версальского мирного договора.

В 1923 году, после того как французы оккупировали Рур, в разгар жесточайшего финансового кризиса, поразившего Германию в результате фантастических репараций, которые она выплачивала союзникам, Адольф Гитлер и генерал Эрих Людендорф предприняли попытку захватить власть в Баварии. Этот так называемый "пивной путч" в Мюнхене через три дня завершился провалом. Сам Гитлер был приговорен к пятилетнему тюремному заключению, однако через год был помилован и вышел из тюрьмы, написав там свою "Майн кампф". Ненависть к союзникам быстро набирала силу, и Гитлер вскоре пришел к убеждению, что сможет реализовать свою национал-социалистскую программу. В выступлении на своем судебном процессе в Лейпциге он в сжатой

* Некоторые из этих документов позднее были опубликованы.

форме так изложил эту программу: "Да, я использую все права гражданина, данные мне демократической Веймарской конституцией, для того, чтобы уничтожить демократию, которую ненавижу". Через 10 лет Гитлер стал рейхсканцлером.

Правящие круги на Западе понимали, что политическая структура в послевоенной Европе весьма нестабильна и искусственна. Одна за другой проводились конференции на высоком уровне по вопросам разоружения и репараций, однако толку от них не было. Да и не могло быть. Даже Аристид Бриан, один из самых проницательных политиков того времени, не отважился посмотреть в лицо фактам и изменить ситуацию в пору существования Веймарской республики. Сегодня, спустя почти полвека после рождения Версальской Европы, излишне доказывать, что то был и впрямь мир, который продолжил войну. 20 лет, прошедшие после 1919 года, были не столько периодом прочного мира, сколько просто передышкой, перемирием.

Я не буду здесь касаться бесплодных попыток укрепить мир в Европе, которые являлись не более чем попытками избавиться от внешних симптомов тяжкого недуга! О последствиях Версаля можно написать отдельную книгу. Но нет никакой необходимости делать этого, ибо существует уже целая библиотека по этой теме.

Перед началом первой мировой войны лидеры западной демократии торжественно провозгласили, что война против германского империализма будет последней войной, которая положит конец войнам и с корнем вырвет все проявления абсолютизма. Согласно их тогдашним заверениям, после войны будет создан новый мир согласия, основанный на принципах демократии и равенства всех народов. Десятки миллионов людей с огромным воодушевлением восприняли слова своих политических лидеров. Они шли на фронт, в окопах и в тылу выносили испытания и лишения. А вернувшись домой после победы сил демократии, эти люди увидели, что все осталось, как было. Для многих из них оказалось невозможным примириться с вопиющим противоречием между обещаниями нового преображенного мира, возвратом к грубой реальности старого мира. Для них это было психологической катастрофой. В условиях всеобщего разочарования развернулась борьба за умы и сердца людей между коммунизмом, с одной стороны, и фашизмом и нацизмом — с другой.

Демократические державы после победы стали с особым пылом настаивать на необходимости сохранить довоенный образ жизни и таким образом, в эпоху стремительных перемен все больше превращались в консервативную силу в Европе. Эта тогдашняя сверхконсервативность великих держав в немалой степени содействовала духовному сближению сталинизма и фашизма, отразивших во многом психологию послевоенного мира. Неожиданно прозревшую мирную Европу захлестнула волна безрассудства и безумия. Я понял, что источником силы этих новых доктрин, несмотря на различие целей, которые они ставили перед собой, была их общая ненависть к свободному человеку. Без сомнения, в психологии и коммунизма и фашизма было что-то, что импонировало тем, кто сражался на войне. Их вера была беспощадной, бессмысленность их цели — недостижимыми и утопичными, их воля — извращенной, а их творческая энергия обретала разрушительный характер.

А как же вера, духовность, воля и энтузиазм у демократий? Казалось, они исчезли бесследно. Они были поражены изнутри параличом воли, к тому же извне новые послевоенные демократии оказались под перекрестным огнем. Можно было провести параллель между тем, что происходило с демократическими партиями на Западе, особенно во

Франции, и положением демократических сил в России после Корниловского мятежа. Как в буржуазных, так и в социалистических партиях нарастал раскол. Часть этих партий на Западе обратила свои взоры к Москве, часть — к Риму и Берлину. Раскол достиг своего апогея после прихода к власти во Франции правительства Народного фронта. На парламентских выборах 1936 г., совпавших по времени с началом Гражданской войны в Испании, победу с помощью Французской коммунистической партии, руководимой Торезом и Кашеном, одержала Французская социалистическая партия Леона Блюма. Я предупредил Леона Блюма о возможных последствиях такого сотрудничества*.

И до наших дней западные демократы никак не могут осознать, что война 1914 года, которая разрушила устои нормальной жизни всех классов общества, одновременно вызвала к жизни не имевшие прецедента настроения, поразившие не столько аристократические и буржуазные слои общества, сколько рабочий и средний классы.

В самое трудное время Февральской революции и войны демократия в России также оказалась под перекрестным огнем: со стороны коммунистов и со стороны генералов, подстрекаемых капиталистическими тузами. Именно генералы получили поддержку союзников. И в Германии демократия тоже оказалась раздавленной в схватке коммунистов и нацистов. Столкновение коммунистов и фашистов привело к тем же результатам в Италии.

В начале второй мировой войны французы на какое-то время утратили способность к сопротивлению из-за глубокой внутренней веры в то, что лишь Сталин способен спасти их от нашествия гитлеровских полчищ. Однако не прошло и трех недель с нападения Германии на Польшу, как Сталин сбросил с себя маску защитника свободы и публично признал факт заключения советско-германского пакта, подписанного в его присутствии Молотовым и Риббентропом. С этого момента шовинистические круги во Франции открыто перешли на сторону Муссолини и Гитлера.

10 мая 1940 года Гитлер бросил в бой свои танковые дивизии под командованием генерала Гудериана, и 22 июня Франция была вынуждена подписать в Компьене соглашение о перемирии.

После капитуляции Франции вся континентальная Европа (за исключением Швеции и Швейцарии) оказалась под игом гитлеровской диктатуры. Однако, несмотря на ошеломляющий молниеносный успех Гитлера, война была далека от завершения. Англия продолжала упорно сопротивляться, а за океаном застыла в ожидании грозная мощь Соединенных Штатов.

22 июня 1941 года гитлеровские армии вторглись в Россию, еще раз подтвердив внутреннюю противоестественность пакта, заключенного между Москвой и Берлином. В том же году 7 декабря Япония уничтожила в Пирл-Харборе значительную часть военного флота Соединенных Штатов. 8 декабря Соединенные Штаты официально вступили в войну.

Через четыре года Германия, Италия и Япония прекратили существование как политические и военные державы. Но и Западная Европа перестала быть центром управления миром. Судьбы мира оказались в руках нового всемогущего триумвирата. Еще до окончания войны этот триумвират (Рузвельт, Сталин, Черчилль) выработал условия возмездия для побежденных, пришел к соглашению о переустройстве демократии, а также об установлении порядка и мира во всем мире. И действительно,

---

*Я поспешил тогда же опубликовать свою книгу L'Expérience Kerenski. Paris, 1936

как это видно из Ялтинских соглашений, этот триумвират заложил основы мира, возникшего после 1945 года.

Во времена Ялты Гопкинс заявил Роберту Шервуду: "В глубине души мы действительно верили, что это был канун того дня, о наступлении которого мы мечтали и говорили в течение многих лет. Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словом "мы" я подразумевал всех нас, все цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проницательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это только можно себе представить. Должен сделать к этому лишь одну поправку: мы все в глубине души боялись тех непредсказуемых событий, которые могут последовать, если что-то случится со Сталиным. Мы были уверены, что можем полагаться на его разумность, трезвость суждений и способность взаимопонимания, однако мы никогда не знали, кто или какие силы стоят за ним в Кремле..."*

В свете нашего послеялтинского опыта это заявление Гопкинса поражает своим идеализмом, трудно даже представить себе. что его сделал один из тех, кто принимал участие в Ялтинской конференции. И в этом смысле оно может послужить для нас ключом к пониманию причин, почему вместо новой эры мира конец войны возвестил начало холодной войны.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ

17 сентября 1919 года Ллойд Джордж выступил в палате общин с речью, в которой так обосновал свою политику всемерного ослабления России и предотвращения воображаемого вторжения русских в Индию: "Давайте реально рассмотрим наши трудности. Возьмем Балтийские государства... Потом Финляндию... Польшу... Кавказ... Грузию, Азербайджан, русских армян. Кроме того, существуют Колчак и Петлюра — все это антибольшевистские силы. Почему же они не объединяются? Почему мы не можем их объединить? Да потому, что стоящие перед ними цели в основе своей несовместимы. Деникин и Колчак сражаются во имя достижения двух целей. Первая — уничтожение большевизма и восстановление в России нормального правительства. Во имя этого они способны найти общий язык со всеми силами, но вторая их цель — борьба за восстановление единой России. Так вот, не мне говорить вам, отвечает ли такая политика интересам Британской империи. Был у нас великий государственный деятель... лорд Биконсфилд, который утверждал, что огромная, гигантская, колоссальная, растущая Россия, подобно леднику неумолимо движущаяся в сторону Персии и к границам Афганистана и Индии, представляет для Британской империи величайшую угрозу, какую только можно себе представить".

Что касается Индии и сохранения Британской империи, то Ллойд Джордж безнадежно отстал от времени. Уже к тому времени борьба за освобождение Индии развернулась по всей стране и, как впоследствии показало побоище в Амритсаре, постоянно набирала силу. Кроме того,

* *Шервуд Р.* Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958. С. 541.

в конце марта 1919 года Ганди развернул кампанию ненасильственного сопротивления, вылившегося в упорную и длительную борьбу, которая четверть века спустя увенчалась завоеванием независимости. Одновременно на пороге независимости в то время стояла и Ирландия.

В 1880 году Достоевский предсказывал неизбежность всеевропейской войны. Он считал, что эта война станет для Европы своеобразным искуплением за многовековое угнетение народов Азии и Африки.

Европейские державы в 1914 году конечно же не ставили перед собой цель освобождения цветных народов от колониального ига; они скорее стремились произвести передел среди победителей колониальных и полуколониальных территорий. Однако те лозунги, под которыми сражались союзники, провозглашали свободу для всех народов будущего свободного и демократического мира. Эти лозунги проникли во все уголки охваченного войной мира и, по сути дела, стали символами надежд и устремлений угнетенных народов. И вскоре борьба за освобождение от иностранного господства уже велась не только в Ирландии и Индии, она охватила всю Азию, весь мир. Таким образом, движение за независимость и национальное возрождение вскоре стало явлением общемирового масштаба. Подавить это движение было невозможно, его можно было лишь сдерживать. Или усилить.

Ленин и его большевистские сподвижники открыто взяли курс на усиление этого движения, ибо их революционная деятельность и их призывы к мировой революции встретили сопротивление даже среди рабочих западных стран. В 1920 и 1921 годах второй и третий конгрессы Коминтерна приняли две резолюции Ленина, в которых провозглашалась поддержка борьбы за национальную независимость в странах Азии. К лозунгу "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" добавились слова "и угнетенные народы". В 1925 году, когда между Москвой и Токио усилился дипломатический флирт, Сталин решил подключить к антиколониальной борьбе и Японию. В интервью корреспонденту японской газеты "Ници-Ници", опубликованном в "Правде" 4 июля 1925 года, Сталин сделал следующее заявление: "...колониальные страны есть основной тыл империализма. Революционизирование этого тыла не может не подорвать империализма не только в том смысле, что империализм будет оставлен без тыла, но и в том смысле, что революционизирование Востока должно дать решающий толчок к обострению революционного кризиса на Западе. Атакованный с двух сторон — и с тыла и с фронта, империализм должен будет признать себя обреченным на гибель".

Однако у японцев были свои виды на будущее, и ответа Сталин не получил. А тем временем на помощь нарождавшемуся коммунистическому движению, организованному Мао Цзэдуном, в Китай были направлены коммунисты из Франции, России и Соединенных Штатов, а специальный университет в Баку стал готовить агитаторов и пропагандистов для работы в странах Ближнего и Дальнего Востока.

Япония после вступления в 1941 году в войну начала оказывать серьезное давление на английские и американские позиции в районе Тихого океана и стала эффективно пользоваться лозунгом "Азия для азиатов". В результате блестящих побед, одержанных Японией на первом этапе войны, ей быстро удалось создать под своим контролем национальные правительства в странах этого района (на Филиппинах в Индонезии, Голландской Ист-Индии, Сингапуре и Бирме). В конце концов Япония потерпела поражение, однако страны, захваченные во время войны Японией, настаивали на провозглашении их независимости

На мой взгляд, ”антибелая” политика японцев и их лозунг ”Азия для азиатов” сыграли не менее важную роль в этом освободительном процессе, чем пропаганда коммунистов и их подрывная деятельность. Коммунисты ставили перед собой совсем другую цель. Они стремились ”подорвать позиции англо-американского империализма в колониальных странах с тем, чтобы обеспечить успех пролетарской революции на Западе”. Японцы же намеревались установить и упрочить свое собственное господство в Китае и Южной Азии. Так или иначе, но после разгрома Японии сложилось такое положение, которое создало более благоприятные условия для быстрого и успешного продвижения коммунизма. Однако национально-освободительное движение в этих странах отнюдь не было лишь делом рук коммунистов. Существенную роль в укреплении националистических настроений в послевоенный период сыграли и национально-демократические лозунги.

18 апреля 1955 года в индонезийском городе Бандунг открылась конференция 29 стран Азии и Африки. Среди представленных на ней стран были Китай (Чжоу Эньлай), Индия (Неру), Вьетнам (Хо Ши Мин), Индонезия (Сукарно) и Конго (Лумумба). Эта конференция стала событием исторического значения. На ней впервые народы бывших колониальных и полуколониальных стран провозгласили свой суверенитет и независимость. Можно сказать, что Бандунгская конференция ознаменовала конец эры белой гегемонии в мире. Началась новая эра в истории человечества. Раньше огромное большинство человечества было объектом истории, другие определяли его судьбу; теперь же человек вошел в эпоху подлинно универсальной истории. После многих веков политического паралича люди стали субъектами истории, хозяевами своей судьбы.

В развитии мира произошел новый поворот, поворот, о котором провидчески писал русский философ Владимир Соловьев в самом начале нашего века, в разгар Боксерского восстания (1900—1901 годы) в Китае против господства ”белых дьяволов”; с удивительной проницательностью он описал тот мир, в котором мы живем 60 лет спустя. В августовском номере ”Проблемы философии и психологии” Соловьев опубликовал письмо о Боксерском восстании, в котором, в частности, писал: ”Кто в самом деле уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене? Кто понял, что наступившая ныне историческая эпоха настолько же, — нет, гораздо больше удаляется от всех наших вчерашних исторических забот и вопросов, как время великой революции и Наполеоновских войн было по существу интересов далеко от эпохи войн за испанское наследство, или как у нас в России Петровский и Екатерининский век неизмеримо перерос дни московских великих князей. Что сцена всеобщей истории страшно выросла за последнее время и теперь совпала с целым земным шаром, — это очевидный факт”*.

Соловьев не только предвидел конец эпохи европейского господства, он также предсказал, что́ решающую роль в истории народов Азии будет играть Китай. И действительно, если мы обратимся к прошлому Китая, ко всему тому, что́ ему пришлось пережить за последние десятилетия XIX века и первые десятилетия XX, мы, возможно, увидим глубокие психологические корни внешней политики Мао Цзэдуна, политики, которая под прикрытием коммунизма стремится к восстановлению былой мощи Поднебесной империи.

---

* *Соловьев В. С.* Собрание сочинений. Спб., 1903. Т. 8. С. 585

За годы после Бандунга резко возросло число освободившихся народов. В короткий период времени их примеру последовало все местное население Азии и Африки, создав там многочисленные независимые государства.

Сегодня новые поколения людей стоят перед решением задач поистине сверхчеловеческих масштабов — задач создания нового образа жизни в условиях свободы и мира для всех "равноправных" народов. Это самая важная задача, решение которой требует силы воли, упорства и знания опасных зигзагов истории. Ибо, обращаясь к прошедшим годам, к миру, каким он был через 20 лет после Ялты или через 10 лет после Бандунга, мы видим, что он все еще опутан проблемами, старыми и новыми, чреватыми тяжелейшими последствиями. Он все еще стоит перед все растущей угрозой великодержавной политики и перевооружения. Сегодня, как и в 1914 и в 1939 годах, мы являемся свидетелями гонки вооружений. Мы снова живем под гипнозом возможности новой мировой катастрофы. И лишь страх перед чудовищной мощью водородной бомбы и новыми видами ракетного оружия, судя по всему, способен остановить сползание к катастрофе и спасти мир от нового взрыва смертоносной ненависти. В настоящее время мы, и не только в Европе, но и во всем мире, разделены на два лагеря, охваченных все растущей ненавистью.

В конце своей долгой жизни, которая полностью прошла в критические годы нынешнего поворотного пункта истории, я со всей очевидностью вижу, что никому не суждено уйти от ответственности за свои деяния и что за все приходится платить. Никому не уйти от ответственности за макиавеллиевскую политику, которая учит, что политика и мораль не имеют ничего общего и что все, что считается аморальным и преступным в жизни одного человека, не только допустимо, но даже необходимо во имя блага и мощи государства. Так было всегда, но так не должно быть в будущем. И если это будет продолжаться и впредь, тогда наружу вырвутся разрушительные силы, аккумулировавшиеся в глубинах бездушной механической цивилизации современного мира. Человек должен научиться жить, руководствуясь не ненавистью и жаждой мщения, а любовью и всепрощением.

Пришло время, когда люди должны превыше всего ставить завет Льва Толстого, чей моральный авторитет безоговорочно признан всем цивилизованным миром, всеми народами без различия расы и цвета кожи. Чудовищный культурный и духовный распад современного мира, писал он, свидетельство моральной слепоты и духовного краха тех, кто продолжает верить, будто человека, живущего в обществе, можно облагородить только посредством материального прогресса. Для того чтобы преодолеть современное варварство, подчеркивал Толстой, необходимо преобразование самого человека.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Федорович Керенский

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ
Мемуары

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *К. О. Меликян*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. Н. Пономарева*

ИБ № 9013

Сдано в набор 13.08.90. Подписано в печать 25.11.91. Формат 60×90[1]/16.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,06. Уч.-изд. л. 32,47. Тираж 40 000 экз. Заказ № 2904. С 026.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Российский государственный
информационно-издательский Центр "Республика"
Министерства печати и информации Российской Федерации.

Издательство "Республика". 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма "Красный пролетарий".
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

